

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Администрация муниципального образования город Краснодар
Краснодарская краевая общественная организация
«Центр народов Кубани»
Региональное отделение ОГО «Ассамблея народов России»
Краснодарского края

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Материалы XI Международной
научно-практической конференции

В рамках реализации подпрограммы «Гармонизация межнациональных отношений и профилактика терроризма и экстремизма» муниципальной программы муниципального образования город Краснодар «Развитие гражданского общества»

Краснодар, 4 декабря 2025 года

Краснодар
2025

УДК 323.1
ББК 66.094
Э 913

Редакционная коллегия:

Т.А. Хагуров, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева,
А.С. Евтушенко, Н.Е. Хагурова

Э 913 Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы XI Международной научно-практической конференции; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. – 600 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-8209-2696-9

В настоящее издание материалов XI Международной научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений» вошли статьи, посвященные проблемам межэтнических, социальных, политических и конфессиональных отношений в полиэтническом обществе, как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. Рассматривается практический опыт регулирования этих процессов в регионах России и зарубежных странах.

Адресуется социологам, политологам, историкам, этнологам, а также всем интересующимся вопросами межнациональных и межконфессиональных отношений в современном мире.

УДК 323.1
ББК 66.094

ISBN 978-5-8209-2696-9

© Кубанский государственный
университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Феномен идентичности в условиях современных социальных трансформаций.....	8
<i>Давлатова Е.В.</i> Религиозное поведение студенческой молодежи: специфика и ценностные ориентиры	8
<i>Юрченко И.В., Юрченко В.М.</i> Политика укрепления общероссийской идентичности в условиях современных геополитических трансформаций.....	12
<i>Жаде З.А.</i> Роль грантовых конкурсов в укреплении российской гражданской идентичности (на материалах Республики Адыгея).....	17
<i>Кочергин А.А.</i> Контексты языковой идентификации при переписи населения (случай «адыгского языка»).....	25
<i>Намруева Л.В., Шакуева Э.В.</i> Буддийская идентичность в Калмыкии.....	35
<i>Ариничев С.Д.</i> Феномен идентичности в условиях современных социальных трансформаций: кейс России и Германии.....	40
<i>Камара Ишака.</i> Студенческие идентичности и дифференцированные траектории в социологии Мали: между призывом, стратегиями и социальным посредничеством.....	47
<i>Тюрин А.М.</i> К вопросу о бухарских евреях как этническом компоненте сибирских татар-бухарцев.....	66
<i>Кубанова Л.В.</i> Патриотизм в контексте идентичности: региональные практики.....	72
<i>Мажаренко С.В.</i> Формирование национально-гражданской идентичности детей в поликультурном регионе.....	78
<i>Никулич Ю.В.</i> Комментарий в социальной сети как маркер идеологической и социокультурной идентификации.....	82
<i>Супряга С.В.</i> Формирование региональной идентичности студентов вуза средствами учебного курса «История культуры Курского края»	93
Раздел II. Межнациональные отношения и опыт их регулирования в России и за рубежом	101
<i>Щербина Е.А.</i> Проблематика патриотизма в научных публикациях северокавказских ученых.....	101
<i>Петросян Д.И.</i> Конфессиональные предпочтения жителей Владимирской области как фактор социального согласия в регионе.	115
<i>Николаева Л.В.</i> История формирования татарской и цыганской групп национальных меньшинств в Беларуси.....	124
<i>Кумпан В.А., Евсин М.И.</i> Профилактика ксенофобии и экстремизма в информационном обществе: ресурсы основного образования.....	132
<i>Романова С.Р.</i> Участие старообрядцев в политической жизни России.....	136

<i>Пушкин И.А.</i> Национальный состав руководящих кадров в промышленности Беларуси накануне провозглашения государственного суверенитета.....	140
<i>Каранетян Л.А.</i> К вопросу о принципах политического и национально-культурного самоопределения народов Кавказа в проектах национальных политических партий России начала XX в.	145
<i>Бянкина А.М.</i> К вопросу о правовом статусе общин коренных малочисленных народов Севера.....	152
<i>Медведев М.М.</i> Структурный анализ нарративов в школьных учебниках истории: концептуализация основных понятий.....	159
<i>Измайлова А.Н.</i> Проблема объединения Республики Корея и КНДР в рамках олимпийского движения.....	167
<i>Казак О.Г., Середя А.С.</i> Политический имидж активистов национальных движений в Беларуси в первой половине 1990-х гг. (на примере З. Позняка и Н. Шеляговича).....	174
<i>Острога В.М.</i> Проблемы развития национального образования и школы Беларуси на страницах периодической печати конца XIX – начала XX вв.....	181
<i>Прохоров Д.А.</i> Караимские общины в многоэтничной и поликонфессиональной структуре населения Новороссийского края (конец XVIII – начало XX века).....	186
<i>Тимофеев Р.В.</i> Национальная политика в Республике Беларусь и её реализация на современном этапе.....	192
<i>Самбуева А.В.</i> Модернизация этноса: перспективы и проблемы бурятского языка.....	198
Раздел III. Демографические и миграционные процессы: прошлое и настоящее.....	202
<i>Жиромская В.Б.</i> Демографические кризисы в России во второй половине XIX века: масштабы, последствия, опыт преодоления.....	202
<i>Араловец Н.А.</i> Образование мужчин разных этносов в РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.).....	212
<i>Крупко А.Э.</i> Демографическое и социально-экономическое развитие России в условиях геополитических вызовов.....	219
<i>Красинец Е.С.</i> Трудовая иммиграция в обновленных реалиях развития России.....	230
<i>Тарасова Т.Т.</i> Особенности миграционного движения населения Краснодарского края (в 2010-е – начале 2020-х гг.).....	238
<i>Крючек П.С.</i> Миграционные процессы из республики Беларусь на рубеже столетий.....	244
<i>Самаке Гауссу.</i> Миграция в современном обществе и её влияние на различные сферы жизни: пример Мали.....	252

<i>Крупко А.Э., Михайлов К.М.</i> Демографическое развитие регрессивных регионов страны (на примере Рязанской области).....	257
<i>Найденова Л.П.</i> Население поместья Центральной России в первой половине XVIII в. (по отписным книгам).....	266
<i>Скорик А.П., Федина И.М.</i> Майкопский отдел Кубанской области: формирование, основные поселения, особенности состава населения	271
<i>Хуако М.А.</i> Демографические и социокультурные процессы в Республике Адыгея: анализ современной ситуации.....	279
<i>Саманцов А.П.</i> О составе населения крымского полуострова (80-гг. XVIII в.).....	285
<i>Лавров С.М.</i> Данные переписей о национальном составе населения как показатель трансформации этнической идентичности (на примере республик Центральной Азии).....	292
Раздел IV. Этнокультурные процессы: история и современность	298
<i>Смертин Ю.Г.</i> Корейская каллиграфия: непреходящая ценность древней традиции.....	298
<i>Аветисян В.Г.</i> Армянская община Крыма до конца XVIII в.....	308
<i>Кумпан Е.Н.</i> Шрамы войны: проект «девы Хиросимы» и формирование исторической памяти.....	313
<i>Ткачева Т.О., Коваленко В.В.</i> Хвараны: юноши краше цветов или воинственные солдаты.....	322
<i>Ким П.О., Пак Р.А.</i> Этнокультурные практики корейцев в современной России.....	329
<i>Бадалян Н.Г.</i> Языковая политика и русский язык в Армении в условиях современных социально-политических трансформаций...	340
<i>Левченко Д.О.</i> Технологии и способы формирования образов будущего в современном кинематографе.....	347
<i>Мальцева А.А.</i> Межпоколенное взаимодействие в реализации проектов музея православной гимназии.....	353
<i>Демихов А.О.</i> Отражение социальных проблем в Корее в период японо-китайской войны (1937–1945 гг.) в творчестве кинорежиссера Чхве Ингю	359
<i>Коледа И.В.</i> Национально-культурная деятельность белорусских объединений за рубежом.....	367
<i>Diallo Mohamed Souleymane.</i> Integration sociale et alterite dans le Ganadougou : etude du roman Notre Voie d'Abdoul Salam Coulibaly (<i>Диалло Мохамед Сулейман.</i> Социальная интеграция и инаковость в Ганадугу: исследование романа Абдула Салама Кулибали «Наш путь»).....	374
<i>Руф А.А.</i> Этноконфессиональная история Крыма конца XVIII – начала XX века в документах личного происхождения фондов Государственного архива Республики Крым.....	386

<i>Скиба И.Р.</i> Логический подход к решению проблемы смысла жизни	392
Раздел V. Проблемы безопасности, противодействие и профилактика ксенофобии, терроризма и экстремизма в современном обществе	399
<i>Сергеев В.Н.</i> Почему городские сообщества не становятся сообществами безопасности?.....	399
<i>Донцова М.В., Медведев М.М., Сергеев А.А.</i> Возможности интеллектуального анализа текста для оценки конфликтогенного потенциала региона (на примере республики Адыгея).....	411
<i>Кулибали Усман.</i> Межэтнические конфликты в Республике Мали и пути их урегулирования.....	418
<i>Миронюк А.В.</i> Формирование внешнеполитических стратегий Беларуси в вопросах национальной безопасности, как базиса военно-образовательной политики (1991–1994 гг.).....	426
<i>Diarra Bakary, Camara Ichaka.</i> Interactions entre les donsos et l'état dans la fourniture securitaire au Mande en Republique du Mali (<i>Диарра Бакари, Камара Ишака.</i> Взаимодействие между донсо и государством в обеспечении безопасности в регионе Манде Республики Мали).....	433
<i>Лунёв Р.С.</i> Эффективные стратегии профилактики экстремистских проявлений в молодёжной среде: роль образования, социального окружения и цифровых технологий	648
<i>Мысник Т.Г.</i> Преступления против женщин в современном индийском обществе и их отражение в национальных СМИ.....	453
<i>Матвеев Д.Е., Беловолов В.А., Беловолова С.П.</i> Межкультурное взаимодействие будущих офицеров в процессе воспитания традиционных российских духовно-нравственных ценностей как профессиональная детерминанта личностного развития.....	461
Раздел VI. Нации и государства в условиях современных геополитических вызовов.....	469
<i>Рябинин Е.В.</i> Основные проблемы и перспективы международной деятельности новых субъектов РФ в условиях непризнанности: кейс ДНР.....	469
<i>Красовицкая Т.Ю.</i> Постколониальная ностальгия: избегайте приписывать себе статус жертвы.....	474
<i>Баранов А.В.</i> Изменения этнической структуры современной Сербии как конфликтогенный фактор.....	485
<i>Юсна М.М.</i> Нигер и Габон: значение французского коллективного символического капитала в бывших африканских колониях.....	492
<i>Косов А.П.</i> Венесуэла между Россией и США.....	499
<i>Щербаков В.Ю.</i> Миграционная политика партии «Альтернатива для Германии» после выборов в Бундестаг 2025 г.....	507

<i>Савва Е.В.</i> Характеристики социальной технологии управления этническим конфликтом и их иерархия.....	513
<i>Sidibe Lamine.</i> Perceptions de l'influence des organisations musulmanes sur la gouvernance publique au Mali: dynamiques ethnoconfessionnelles et sociopolitiques (<i>Сидибэ Ламин.</i> Восприятие влияния мусульманских организаций на государственное управление в Мали: этноконфессиональные и социально-политические различия)	520
<i>Безрученко М.П., Велиева Ж.Р.</i> Динамика российско-китайских отношений: историческая эволюция, современные вызовы и перспективы многополярности.....	531
Раздел VII. Городские и сельские сообщества в политике развития: практики солидарности и конфликтности.....	539
<i>Ракачев В.Н.</i> Солидарность в российском региональном сообществе: эмпирическое исследование ценностных ориентиров и практик доверия	539
<i>Молочников Н.Р.</i> Эргономика Краснодара: вызовы и социальные аспекты развития.....	547
<i>Мискин Нахум.</i> Институциональная поддержка социально уязвимых групп (опыт Республики Чад).....	553
<i>Чернова А.М.</i> Социальная архитектура на примере проекта социально-культурного развития поселка Знаменский г. Краснодара	563
<i>Ланмейнг Мвондо Дебора.</i> Проблемы экологической культуры в научном дискурсе африканских стран.....	572
<i>Уриман А.А.</i> Локальная идентичность молодежи Краснодарского края: социологический анализ.....	576
<i>Яковлева И.П., Послыхалин М.В.</i> Отношение учащейся молодежи Краснодарского края к деятельности Кубанского казачьего войска...	584
Сведения об авторах.....	594

РАЗДЕЛ I. ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ: СПЕЦИФИКА И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ¹

RELIGIOUS BEHAVIOR OF STUDENT YOUTH: SPECIFICS AND VALUE ORIENTATIONS

Е.В. Давлатова

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

E.V. Davlatova

Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

Аннотация. Религия является неотъемлемой частью человеческого опыта и культурного наследия, на протяжении тысячелетий формируя мировоззрение и ценностные ориентиры отдельных индивидов и различных сообществ. Религия часто выступает в роли фактора, влияющего на социальную динамику и трансформацию общества, поэтому ее изучение необходимо для глубокого понимания исторических, социальных и психологических процессов, лежащих в основе развития человеческого общества. В статье представлен анализ эмпирического материала при анкетировании учащихся Витебского государственного университета имени П.М. Машерова с целью, определить специфику религиозного поведения студентов и характер их отношения к религиозной деятельности церкви как социального института в современном обществе. Сделан вывод о том, что религия присутствует в целостной картине мира молодого поколения. Согласно взглядам студенчества, церковь представляет собой социальный институт утилитарного назначения, которая не должна вмешиваться в государственную политику и политические процессы.

Abstract. Religion is an integral part of human experience and cultural heritage, shaping the worldview and orientations of individuals and various communities for thousands of years. Religion often plays a role in influencing social dynamics and the transformation of society, so its study is necessary for a deep understanding of the historical, social and psychological processes that influence the foundations of the development of human society. The article presents an analysis of empirical material from a survey of students at Vitebsk State University named after P.M.Masharov with the aim of determining the specifics of student's religious behavior and the nature of their attitude toward the religious activities of church as a social institution on modern society. It is concluded that religion is present in the overall picture of the world of the younger generation. According to student's views, the church is a social institution

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта НИР «Антропологические угрозы глобализирующегося мира и социокультурные средства их минимизации», № ГР20210709, 2021-2025 гг., при финансовой поддержке ГПНИ

with a utilitarian purpose that should not interfere in state policy and political processes.

Ключевые слова: студенческая молодежь, религия, церковь, религиозная деятельность, религиозный культ, религиозная самоидентификация, ценностные ориентиры

Keywords: student youth, religion, church, religion practice, religious cult, religious self-identification, value orientations

Религия по-прежнему играет важную роль в жизни современного общества. «Когда мы говорим о религии как о социальном институте, мы имеем ввиду, что она предстает как реально существующая подсистема общества, им порожденная и, в свою очередь, оказывающая влияние на его жизнь, на сознание и взаимоотношения людей на разных уровнях – от индивидуального и межличностного до глобального, в масштабах всего человечества» [1.с. 380]. Религиозные убеждения и практики могут способствовать усилению социальных связей и солидарности, одновременно выступая источником конфликтов и межкультурной напряженности, поэтому так важно осмысление современных социальных процессов и разработка эффективных стратегий управления религиозными вызовами в контексте культурного разнообразия.

Религия оказывает влияние на формирование моральных норм и ценностей, а также на принятие решений в различных сферах жизни общества, включая политику, экономику и образование. Изучение религии позволяет лучше понять механизмы формирования этих норм и ценностей, взаимосвязь между религиозными убеждениями и практическими действиями индивидов и групп, способствует развитию навыков критического мышления и анализа, необходимых для оценки сложных и противоречивых явлений. Ее способность к самовоспроизводству проявляется в генерации системы ценностей, норм, образов, символов, материальных объектов, через которые она оказывает влияние на все элементы социальной системы. Взаимодействуя с другими социальными институтами (политикой, экономикой, моралью, культурой, правом, семьей), религия участвует в большей или меньшей степени в процессах формирования социальных норм и ценностных ориентиров. В условиях динамично меняющихся реалий современные институты вынуждены адаптироваться, в том числе в вопросах трансляции ценностей молодому поколению через процессы социализации.

Кафедрой философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова в 2024 году проводилось социологическое исследование, позволяющее определить специфику религиозного поведения

студентов и характер их отношения к религиозной деятельности церкви как социального института в современном обществе. Выборочная совокупность респондентов при анкетировании составила 426 человек. Из них 63,8% – женщины, 36,2% – мужчины. Опрос проводился среди студентов 1 и 2 курса дневной и заочной формы получения образования. Распределение по возрасту выглядит следующим образом: 20,9% – до 18 лет; 68,1% – от 18 до 25 лет; 5,1% – от 26-до 31 года; 3,3% – от 32 до 40 лет и 2,6% – старше 41 года.

На вопрос, «верите ли Вы в Бога?», 43,9% опрошенных назвали себя верующими, 21,1% отметили, что они безразличны в отношении к религии, 5,9% – неверующие в Бога, но стремящиеся стать к нему ближе, 18,5% считают себя атеистами, 4% критически относятся к религии. Остальные 6,6% указали, что они не определились со своим отношением к религии. Подавляющее большинство респондентов исповедуют христианство – 61,5%. При этом только 5,9% указали, что они постоянно соблюдают предписанные религией обряды и ритуалы, 27,5% делают это иногда, 32,2% – редко, 31,7% – никогда. Остальные респонденты указали, что соблюдают обряды «по ситуации», «по праздникам», «когда как», «по возможности», «стараясь жить по заповедям, но в церковь не хожу» и т.д. При отсутствии практик религиозного поведения ставит под сомнение принадлежность респондентов к категории действительно верующих, скорее свидетельствует о их номинальном характере.

Обряды представляют собой важнейший компонент религиозного культа, ритуальная и обрядовая практика традиционно рассматривается как один из ключевых индикаторов религиозной идентичности. Индивидуальная религиозность формируется и транслируется, прежде всего, под влиянием ближайшего окружения, семейного воспитания, благодаря участию в культовой практике и собственному духовному поиску человека.

На вопрос: «насколько религиозна Ваша семья?», только 6,1% студентов указали на то, что в их семье соблюдают все религиозные праздники, обряды, регулярно посещают церковь, читают религиозную литературу. 48,1% учащихся отметили, что их семья «умеренно религиозна», в семье соблюдают некоторые праздники и обряды, иногда посещают церковь. Вариант ответа «слабо религиозна» выбрали 41,8% опрошенных. В их семье соблюдают лишь некоторые религиозные традиции без осознания их священного смысла, не посещают церковь и не знакомы с религиозной литературой. 1,9% студентов ответили, что в семье придерживаются атеистических взглядов, 2,1% опрошенных выбрали вариант ответа «другое».

«На вопрос, «зачем нужна религия современному человеку?», ответы распределились следующим образом (сумма ответов не равна 100%, поскольку респонденты могли выбрать до 2 вариантов ответов): религия помогает сохранить культуру и традиции народа – 30,3%; религия дает утешение и смирение – 30%; религия помогает обрести смысл жизни – 18,1%; религия объединяет людей – 16,2%; религия способствует нравственному совершенствованию человека – 23,9%; религия помогает понять и объяснить современный мир – 8,5%; другое, нет ответа – 3,4%.» [2.с.153]. Из результатов опроса видно, что, прежде всего, учащиеся, считают, что религия способствует сохранению культурных и традиционных ценностей народа и выступает в роли средства эмоционального и психологического комфорта и поддержки. Радует, что на третьем месте оказалась морально-этическая составляющая веры.

Отвечая на вопрос, какую роль играет религия в обществе, больше половины респондентов выбрали вариант ответа, в котором отмечалось, что она способствует сохранению и развитию социального и культурного наследия, сама являясь неотъемлемой частью культуры – 50,7%.

Распределение ответов на вопрос, «как Вы относитесь к людям с противоположными религиозными взглядами? (если вы атеист – то к верующим, если вы верующий – то к атеистам)» выглядит следующим образом: 36,4% уважительно относятся к людям с противоположными религиозными взглядами; 57,5% указали, что им безразлично, во что верит человек (все зависит от качеств человека); и только 4,7% жалеют оппонентов, считая, что они заблуждаются. Результаты анкетирования показали, что для Беларуси остается характерным высокий уровень религиозной толерантности и терпимости.

Студентам был задан вопрос: «как Вы относитесь к вопросам взаимодействия церкви и государства?». Результаты ответов выглядят следующим образом: 78,2% респондентов считают, что в современном обществе церковь должна сосредоточить свои усилия на решении только духовных вопросов и не вмешиваться в решение других социальных проблем общества; 17,4% убеждены, что церковь должна увеличить свои усилия по сотрудничеству с государством и другими социальными институтами в решении проблем современного общества; 1,2% указали, что церковь это социальный институт, который не должен влиять на политические процессы в светском государстве, остальные 3,2% затруднились с ответом.

Таким образом, анализ результатов исследования показал, что

религия продолжает присутствовать в ценностной картине мира молодого поколения, но ее роль больше сводится к символическому маркеру идентичности, а не регулятору поведения. В первую очередь, религия, по мнению молодежи, выполняет функции сбережения культуры и традиционных ценностей, утешения, а вера в Бога необходима как духовная основа современного общества. Следует отметить достаточно высокий уровень религиозной толерантности среди учащихся. Что касается роли церкви в жизни общества, то большинство считают, что она не должна вмешиваться в политические процессы и государственную политику светского общества.

Библиографический список

1. Тощенко Ж.Т. Тезаурус социологии: тематический словарь справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. М: Ид-во ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487с.
2. Давлатова Е.В., Далимаева Е.О. Роль религии в обеспечении духовно-нравственной безопасности современного общества / Религия и общество – 19: сборник научных статей под. общ.ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко, Э.В. Старостенко. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2025. 360 с.

ПОЛИТИКА УКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

POLICY OF STRENGTHENING ALL-RUSSIAN IDENTITY IN THE CONDITIONS OF MODERN GEOPOLITICAL TRANSFORMATIONS

И.В. Юрченко

Южный научный центр Российской Академии Наук,
г. Ростов-на-Дону; Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

В.М. Юрченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

I.V. Yurchenko

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don; Kuban State University, Krasnodar, Russia

V.M. Yurchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Конфликт-менеджмент и обеспечение устойчивой этнополитической стабильности на геостратегическом «Большом Юге России» (Южный и Северно-Кавказский макрорегионы) в условиях глобальных трансформаций» в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2025 г. (00-25-08, номер госрегистрации 125011200140-3, шифр FMRE-2025-0055).

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы укрепления общероссийской идентичности в контексте современных геополитических трансформаций, в условиях глобальной нестабильности и роста военно-политической напряженности. Российская государственная политика идентичности в ситуации современных глобальных вызовов обусловлена необходимостью консолидации общества, обеспечения политической стабильности, безопасности и суверенитета России, поскольку мы постоянно наблюдаем как недружественные государства, бюрократия Евросоюза и НАТО, умножая санкции, активизируют милитаризацию своих государств и приводят к дестабилизации международных отношений. С целью выявления элементов позитивного опыта формирования общероссийской идентичности, а также задач её укрепления на современном этапе, в своем исследовании авторы опираются на ключевые стратегические документы по вопросам внутренней и внешней политики, на тексты программных заявлений Президента РФ, нормативные материалы региональных управленческих структур, публикации в СМИ, посвященные обобщению опыта позитивных практик.

Abstract. The article examines the problems of strengthening all-Russian identity in the context of modern geopolitical transformations, in conditions of global instability and growing military-political tensions. Russian state identity policy in the situation of modern global challenges is determined by the need to consolidate society, ensure political stability, security and sovereignty of Russia, since we constantly observe how unfriendly states, the bureaucracy of the European Union and NATO, by multiplying sanctions, intensify the militarization of their states and lead to the destabilization of international relations. In order to identify elements of positive experience in the formation of an all-Russian identity, as well as the tasks of strengthening it at the present stage, in their research the authors rely on key strategic documents on issues of domestic and foreign policy, on the texts of policy statements of the President of the Russian Federation, regulatory materials of regional management structures, publications in the media devoted to generalizing the experience of positive practices.

Ключевые слова: геополитические трансформации, общероссийская идентичность, государство-цивилизация, регионы России-Евразии, государственная политика конструирования идентичности.

Keywords: geopolitical transformations, all-Russian identity, state-civilization, regions of Russia-Eurasia, state policy of constructing identity.

Новая концепция внешней политики РФ определяет Россию как государство-цивилизацию: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей

русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [3]. Современные геополитические потрясения требуют от нашей страны, как единого, суверенного государства-цивилизации, решать сложные задачи обеспечения внутренней социальной солидарности на основе укрепления общероссийской идентичности, что является сложной задачей для такого полиэтнического политического пространства. В условиях, когда мы наблюдаем опасные тектонические явления в мировых политических процессах, успешное функционирование государства во многом зависит от осуществления государственной политики по конструированию общегражданской идентичности, что становится одной из ключевых проблем по обеспечению национальной безопасности, защите от внешних угроз и внутренних расколов и опасностей дестабилизации.

Современные геополитические трансформации проявляются прежде всего в ожесточенной борьбе, которую ведет коллективный Запад с новым сообществом стран, в частности объединенных в такие организации, как ШОС, БРИКС и не желающие допускать возможности для возобновления и сохранения политики неокOLONиализма. Но т.н. «прогрессивный» Запад любой ценой хочет сохранить и расширить сферы своего влияния, продолжать доминировать в мировом пространстве, сохранить свое господство, используя любые инструменты как оружие против тех, кто защищает свои интересы и суверенитет. Глобальная нестабильность приводит к опасным геополитическим трансформациям, но, в то же время, и к некоторым позитивным тенденциям в процессе формирования нового мирового устройства. Естественно, все это отражается на настроении и поведении людей, сказывается на их уверенности в завтрашнем дне, приводит к поиску баланса в межэтнических и межконфессиональных отношениях, к развитию дипломатических технологий урегулирования конфликтов. Анализируя различные модели социально-политического поведения по критерию ответственного отношения к своим гражданским обязанностям, наличию чувства долга у одних граждан, и деятельность деструктивной направленности у других, показывает, что негативное отношение определенной социальной группы или отдельных индивидов к другим группам и общностям может присутствовать в латентном состоянии, но также проявиться в какой-то конкретный момент и в открытой форме. Кроме этого, деструктивная позиция еще чаще проявляется в активной форме в виртуальном пространстве, что является также достаточно опасным явлением по причине влияния прежде всего на

молодежную аудиторию. Поэтому говоря о значении этического мышления, мы подчеркиваем контекст ценностных ресурсов оздоровления общества, находящегося в кризисном духовно-нравственном состоянии, так как полного перехода от радикально либеральных западных ценностей к духовно-нравственным идеалам российских социокультурных традиций еще не произошло. Основная часть населения постепенно справляется с испытаниями глобализацией и осознает закономерность геополитических трансформаций. Большое значение в этом процессе имеет наследие русской политической мысли, одной из особенностей которой является развитие этико-субъективной школы, характеризующейся тем, что именно в трудах российских мыслителей традиционно ставились нравственно значимые вопросы «о человеческой сознательности в деле устройства своего политического строя» [4, с.21], которые сегодня стали еще более актуальными, так как могут помочь найти эффективные социальные механизмы, оздоравливающие современную общественность. Например, теоретическое наследие Л.А. Тихомирова показывает особенности в подходах к определению сущности власти и её взаимодействия с обществом. Он предложил рассматривать власть в качестве закономерного проявления человеческой психики, и подчеркивал, что власть, поддерживаемая населением, многонациональным народом, это и есть реальная власть, стремящаяся придать порядку нравственный характер, сделать его орудием осуществления правды. При этом идея государственности – это политическая аксиома, которая «гласит, что в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, права и свободы» [6, с. 25–26]. Все современные политико-экономические трансформации, зависящие от менталитета (склада ума), интеллектуально обусловлены и на индивидуальном, и на коллективном уровне. В такой трактовке развитие общества рассматривается не только в преемственности и последовательности, но и в более сложном переплетении различных, порой разнонаправленных процессов, когда одни тенденции усиливаются другими, а традиции и инновации дополняют друг друга и укрепляют позиции единой многонациональной общегражданской государственности.

По мнению Ачкасова В.А., обладание значительным социальным и политическим капиталом, а также возможность истеблишмента транслировать определенные аксиологические нарративы через множество институциональных каналов – от системы образования и СМИ до правовой системы – позволяет

государству определять доминирующие дискурсивные практики в сфере конструирования идентичности [1, с. 19–26].

Как справедливо отмечают современные исследователи, важнейший механизм, обеспечивающий внутривнутриполитическую социальную солидарность и консолидацию, а также снижение угроз нарастания социальной напряженности, – это формирование и укрепление общегражданской идентичности [2, с. 28]. Проводимый Российским государством политический курс включает прежде всего обеспечение единства общества, защиту традиционных духовно-нравственных ценностей, которые рассматриваются как одна из важнейших основ сохранения государственного суверенитета [7].

В 2024 году на конференции «Этнос и общество» мы подчеркивали, что формирование и укрепление общероссийской идентичности реализуется и непосредственно развивается на основе межрегиональных связей. На примере Краснодарского края, который занимает важное геополитическое положение, были рассмотрены позитивные социально-экономические тенденции создающие условия для формирования Кубани как инвестиционно-привлекательного региона, устанавливающего тесные связи с другими субъектами Российской Федерации, а также отмечали актуализацию дискурса формирования общероссийской, цивилизационной идентичности, в котором проявляется усиление патриотических настроений, поддержка государственной политики, повышение интереса к истории своей страны и проявление активной жизненной позиции, в частности у молодежи, во многих деятельности.

Ряд авторов характеризуют современную государственную политику идентичности в России в контексте идеологического обоснования борьбы с внутренними и внешними врагами, что является, по их мнению, одним из базовых механизмов формирования государственной политики идентичности [4, с. 96]. В медиа дискурсе преобладают негативные характеристики образа «врага» большей части политических элит стран Запада, «недружественных государств», которые обозначаются как «значимые Чужие». Все это, по мнению экспертов, свидетельствует о применении так называемого «мобилизационного сценария» современной российской политики [5, с. 2022] в условиях глобальных шоков и геополитических вызовов.

Таким образом, государственная политика конструирования общероссийской цивилизационной идентичности формируется под влиянием современных геополитических вызовов, изменений мироустройства на принципах полицентричности и конфликта по модели Т. Гоббса («война всех против всех»). В Российском обществе

необходимо отметить приоритетную аксиологическую составляющую государственной политики и официального дискурса, в котором конструируются духовно-нравственные ценности на принципах традиционализма и этики консолидации российского полиэтнического, поликонфессионального сложносоставного социума на основе ценностей исторической памяти, общности языка, культуры и единого пространства России-Евразии.

Библиографический список

1. Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. №10 (118). С. 19–26.
2. Абрадова Е.С. Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. №12(6). С. 25–32.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.mid.ru/ru/>
4. Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110.
5. Титов В.В. Национально-государственная идентичность в современной России: специфика формирования и сценарии эволюции // Общество: политика, экономика, право. 2022. №4. С. 16–20.
6. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб: А/О «Комплект». 1992.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?>

РОЛЬ ГРАНТОВЫХ КОНКУРСОВ В УКРЕПЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)

THE ROLE OF GRANT COMPETITIONS IN STRENGTHENING RUSSIAN CIVIC IDENTITY (BASED ON MATERIALS FROM THE REPUBLIC OF ADYGEA)

З.А. Жаде

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Z.A. Zhade

Adygea State University, Maykop, Russia

Аннотация. В статье проанализирована роль грантовых конкурсов в укреплении российской гражданской идентичности. Конкурс грантов на

развитие гражданского общества в Адыгее является инструментом, с помощью которого региональные органы власти *легитимируют* определенные нарративы о прошлом, настоящем и будущем республики; структурируют публичное поле, определяя, какие темы и проекты являются приоритетными; конструируют этническую и региональную уровни идентичности, которые гармонично вписываются в российскую гражданскую идентичность. Гранты конкурсов в регионе используются для конструирования и продвижения российской гражданской идентичности, основанной на патриотизме, общей исторической памяти и этнокультурном многообразии. Грантовые конкурсы представляют собой одну из технологий социального инжиниринга, являются примером использования экономических ресурсов для решения задач по конструированию и формированию многоуровневой идентичности.

Abstract. This article analyzes the role of grant competitions in strengthening Russian civic identity. The civil society development grant competition in Adygea is a tool through which regional authorities legitimize certain narratives about the republic's past, present, and future; structure the public sphere by determining which topics and projects are priorities; and construct ethnic and regional levels of identity that harmoniously fit into Russian civic identity. Grants from the competitions in the region are used to construct and promote a Russian civic identity based on patriotism, shared historical memory, and ethnocultural diversity. Grant competitions represent a form of social engineering, utilizing economic resources to address the challenges of constructing and shaping a multi-layered identity.

Ключевые слова: грантовые конкурсы, грантовая политика, грантовая поддержка, идентичность, российская гражданская идентичность, политика идентичности, гражданское общество, социально ориентированные некоммерческие организации, Республика Адыгея

Keywords: grant competitions, grant policy, grant support, identity, Russian civic identity, identity politics, civil society, socially oriented non-profit organizations, Republic of Adygea

В современной России и ее регионах грантовые конкурсы постепенно превращаются из инструмента финансирования социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО) в механизм формирования и управления идентичностью и продвижения российской гражданской идентичности, что отражает одну из ключевых тенденций во внутренней политике государства.

Гранты, распределяемые через государственные фонды, являются инструментом «мягкой силы» и задают определенные ценностные рамки. Значительная часть грантов выделяется на проекты, связанные с патриотическим воспитанием, историей Великой Отечественной войны, изучением воинской славы, что консолидирует общество вокруг политики памяти. Финансируются проекты по изучению и популяризации русского языка, литературы, традиций, русская культура позиционируется как основа многонациональной культуры России. Поощряются проекты,

направленные на помощь социально уязвимым группам (ветеранам, инвалидам, детям), благоустройство территорий, волонтерство, что формирует идентичность активного и социально ответственного гражданина.

Конкурсы грантов становятся «мягким» инструментом управления, которые способствуют **формированию гражданского активиста и патриота, определению приоритетных тем повестки дня, укреплению российских традиционных ценностей и т.д.** Наряду с этим одной из задач подобных конкурсов является **мобилизация молодежи, поскольку** ключевой целевой аудиторией являются молодые россияне. Например, такие конкурсы, как «Росмолодежь.Гранты», напрямую направлены на формирование идентичности молодого поколения. Через финансирование студенческих инициатив, патриотических клубов и волонтерских движений государство предлагает молодому поколению модели самореализации и служения стране.

В качестве основного метода исследования используется качественный и количественный контент-анализ проектов, победивших в конкурсе грантов на развитие гражданского общества в Республике Адыгея. К теоретическим рамкам статьи автор относит идеи о том, как социальные группы формируют свою идентичность и борются за ее признание в публичном пространстве. В частности, в основе анализа заложена идея И.С. Семененко о том, что «в современной политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, опирающееся на анализ субъектов и практик, которые формируют идентичности политических сообществ. Оно связывается с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих ориентиров его развития, общих представлений о “нас” как нации, стране, государстве, регионе, территории. Под политикой идентичности в этом контексте понимается деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [1, с. 647].

Исходя из такого толкования политики идентичности, обратимся к анализу обозначенной проблемы. Конкурсы грантов являются инструментом реализации политики идентичности, особенно в таких полиэтничных регионах, как Республика Адыгея. Как отмечено выше, конкурс грантов – это не только механизм финансирования СОНКО, но и инструмент, с помощью которого

региональные органы власти, во-первых, **легитимируют** определенные нарративы о прошлом, настоящем и будущем республики; во-вторых, **структурируют** публичное поле, определяя, какие темы и проекты являются приоритетными; в-третьих, **конструируют** этническую и региональную уровни идентичности, которые гармонично вписываются в российскую гражданскую идентичность.

В государственной программе Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений, формирование общероссийской гражданской идентичности» подчеркивается, что «за последние годы в Республике Адыгея были предприняты значительные усилия по укреплению и развитию системы формирования общероссийской гражданской идентичности жителей Республики Адыгея» [2].

Анализируя особенности региональной политики идентичности через систему грантовых конкурсов, следует обратить внимание на то, что в конкурсе Фонда президентских грантов в 2025 году одержали победу шесть проектов из Адыгеи, на реализацию которых направлено 10,4 млн рублей, из них 6,4 млн рублей предоставлены Фондом президентских грантов. В число победителей вошли проекты, направленные на помощь нуждающимся, на внедрение дистанционных технологий в дополнительное образование, на развитие экотуризма и защиту детей, на раскрытие талантов людей с ОВЗ в модельной индустрии [3].

Политика идентичности особенно ярко проявляется на региональном уровне, и здесь следует выделить два взаимосвязанных процесса: **единство в многообразии и брендинг регионов**. В конкурсах грантов, которые проводятся в республике с 2021 года, поощряются проекты, связанные с местным фольклором, ремеслами, языками народов России, с «привязкой» к общероссийскому культурному коду. Например, Фестиваль адыгской культуры подчеркивает, что адыги – неотъемлемая часть многонационального народа России. Акцент делается не на различиях, а на гармоничной интеграции. Гранты поддерживают проекты, создающие привлекательный образ региона (культурный, туристический, гастрономический), который не противоречит общероссийскому направлению. Например, развитие казачьего наследия (Межрегиональный фестиваль-конкурс казачьей культуры в Республике Адыгея) представляет собой вклад в общую историю и культуру страны.

В 2025 году в конкурсе грантов Республики Адыгея на развитие гражданского общества обозначено десять **тематических**

приоритетов (номинаций):

- социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан;
- охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни;
- поддержка семьи, материнства, отцовства и детства;
- поддержка молодежных проектов;
- поддержка проектов в области науки, образования, просвещения и культурных инициатив;
- сохранение исторической памяти;
- охрана окружающей среды и защита животных;
- укрепление межнационального и межрелигиозного согласия;
- защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных;
- развитие институтов гражданского общества [4].

Конкурсная статистика свидетельствует о том, что в числе лидеров оказались два направления «Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни» и «Поддержка проектов в области науки, образования, просвещения и культурных инициатив», по которым стали победителями по одиннадцать проектов. На втором месте – направление «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан», по которому выиграно семь проектов. Третье место разделили пять направлений – «Поддержка молодежных проектов», «Сохранение исторической памяти», «Охрана окружающей среды и защита животных», «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» и «Развитие институтов гражданского общества» – по два проекта в каждом. В конкурсе по направлению «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства» одержал победу один проект.

К числу приоритетных тем относятся проекты, связанные с патриотическим воспитанием и сохранением исторической памяти (особенно о Великой Отечественной войне), укреплением семейных ценностей, развитием волонтерства, поддержкой соотечественников за рубежом. Гранты получают проекты, которые подчеркивают историческую и культурную связь региона с общероссийской историей, его вклад в развитие страны. Через гранты продвигается изучение русского языка как языка межнационального общения, что способствует интеграции мигрантов и представителей малых народов в общероссийское культурное пространство. В проектах используются такие **нарративы**, как «духовные скрепы», «гражданская солидарность», «любовь к малой родине», «служение

Отечеству», «укрепление межнационального и межрелигиозного согласия», «патриотическое воспитание».

В 2025 году победителями конкурса грантов стали сорок СОНКО Адыгеи. В их числе: Общественное движение «Адыгэ хасэ – Черкесский парламент» Республики Адыгея, Союз женщин Республики Адыгея, Адыгейская региональная организация общероссийской общественной организации «Российский союз молодежи», «Ассоциация медицинских работников Республики Адыгея», Общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов Республики Адыгея, Общественная организация по сохранению адыгских (черкесских) традиций «Шыу хасэ» (общество всадников) Республики Адыгея, Адыгейская республиканская общественная организация «Знание» [4].

Анализ положений о конкурсах грантов показывает устойчивую тенденцию к поддержке проектов, которые способствуют:

- **межнациональному и межконфессиональному согласию.** Победителями конкурса становятся фестивали, где русская, адыгская, армянская и другие культуры представлены как гармоничные элементы единого целого (например, «Адыгэ кьафэ» рядом с казачьими песнями);

- **патриотическому воспитанию.** Проекты, связывающие любовь к малой родине с любовью к России. Уроки мужества, посвященные героям Великой Отечественной войны, в том числе и героям Адыгеи;

- **сохранению традиционной культуры.** Акцент делается на изучении адыгского этикета «Адыгэ хабзэ», поддержке ремесел и народных промыслов, *культурно-декоративном* аспекте этничности в целом. То есть, этническая идентичность поощряется в ее фольклорном, гастрономическом, танцевальном и иных проявлениях;

- **сохранению и популяризации адыгского языка, изучению истории и этнокультурного наследия адыгского народа;**

- созданию образа Адыгеи как уникальной и неотъемлемой части России. Этническая специфика подается как ценность, обогащающая российскую культуру.

Гранты, как показывает многолетняя практика, направлены на формирование и укрепление разных уровней идентичности, которые не противоречат, а дополняют друг друга. Уровень 1: этническая (адыгская) идентичность – базовый уровень. Гранты поддерживают проекты, связанные с уникальностью адыгского народа – этнографию, язык, адыгэ хабзэ (нормы поведения). Проект по

созданию онлайн-словаря или школе игры на шичепшине (адыгская гармонь) напрямую укрепляет этот уровень. Уровень 2: региональная идентичность. Здесь акцент делается на единстве всех жителей Адыгеи, независимо от их национальности. Гранты на фестивали, туристические маршруты по республике, краеведческие проекты формируют чувство «мы – жители этого прекрасного общего дома». Это сплачивает русских, адыгов, армян и других граждан вокруг общей территориальной принадлежности. Уровень 3: российская гражданская идентичность – это ключевой уровень.

Практически все грантовые проекты так или иначе направлены на укрепление единства российской нации. В частности, Фестиваль адыгской культуры позиционируется как вклад в многообразие культур народов России, исторический проект подчеркивает общую судьбу адыгов и России, патриотический проект ко Дню Победы объединяет всех жителей республики в рамках общероссийской памяти.

Проекты, представленные на конкурс грантов, должны соответствовать **определенным критериям**, которые и являются своеобразным «конструктором» идентичности. Приведем примеры из грантовой практики в Адыгее. Так, проект «Адыгэ джэгу» – молодежный фестиваль в традиционной форме укрепляет этническую идентичность (уровень 1), при этом открыт для всех жителей республики (уровень 2) и получает поддержку как проект, способствующий межнациональному миру (уровень 3). Проект по созданию мультимедийного гида по Национальному музею Адыгеи развивает региональный туризм и краеведение (уровень 2), одновременно сохраняя и демонстрируя уникальное культурное наследие (уровень 1) в общероссийском социокультурном пространстве (уровень 3). Как видно, грантовая система выстраивает иерархию идентичностей: я – адыг (русский, армянин), я – житель Адыгеи, я – гражданин России. Как ранее нами доказано, эти уровни идентичности не конкурируют между собой, а сосуществуют по принципу взаимодополнения [5].

Завершая анализ региональной политики идентичности посредством грантовых конкурсов, отметим, что Республика Адыгея ежегодно увеличивает объемы поддержки социально-значимых проектов. Если в 2024 году на финансирование 37 социальных инициатив было направлено более 44 млн рублей, то в 2025 году грантополучателями стали 40 СОНКО, общая сумма грантов составляет 54,4 млн рублей.

Грантовая политика – это политика, направленная на

консолидацию общества, инструмент продвижения основополагающих российских традиционных духовно-нравственных ценностей. Гранты конкурсов можно рассматривать как «капитал», который распределяется в «поле» гражданского общества, определяя его иерархию и правила игры. Она активно используется для конструирования и продвижения российской гражданской идентичности, основанной на патриотизме, общей исторической памяти и этнокультурном многообразии.

Грантовая политика в современной России, отражающая суть целенаправленной государственной политики, **является своеобразным инструментом управления идентичностью**, поскольку позволяет государству, во-первых, **артикулировать** модели гражданственности и патриотизма; во-вторых, **интегрировать** региональное и этнокультурное многообразие в единый общероссийский нарратив; в-третьих, **воспитывать** молодое поколение в традиционной системе российских ценностей.

Конкурсы грантов в России трансформировались из инструмента поддержки общественных инициатив в **механизм политики идентичности**. Государство через них не просто финансирует проекты, а активно формирует повестку, поощряет модели поведения и ценностей. Это стратегия, направленная на консолидацию общества вокруг ключевых символов и ценностей, определяемых государством. Конкурсы грантов представляют собой одну из **технологий социального инжиниринга**, являются примером использования экономических ресурсов для решения задач по конструированию и формированию многоуровневой идентичности.

Библиографический список

1. Семененко И.С. Политика идентичности // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 647-654.
2. Постановление Кабинета министров Республики Адыгея от 24 декабря 2019 г. № 316 О государственной программе Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений, формирование общероссийской гражданской идентичности». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561672793?ysclid=m7u2sdvpgl182343711> (дата обращения 15.10.2025).
3. Проекты из Адыгеи стали победителями конкурса Фонда президентских грантов. URL: <https://adygheya-news.net/society/2025/06/26/77697.html> (дата обращения 15.10.2025).
4. Конкурс грантов Республики Адыгея на развитие гражданского общества в 2025 году. URL: <https://адыгея.гранты.рф/?ysclid=mdfn9pw264647880661> (дата обращения: 15.10.2025).
5. Многоуровневая идентичность / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже. Майкоп: Качество, 2006.

КОНТЕКСТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ (СЛУЧАЙ «АДЫГСКОГО ЯЗЫКА»)

CONTEXTS OF LINGUISTIC IDENTIFICATION IN THE POPULATION CENSUS (THE CASE OF THE «ADYGHE LANGUAGE»)

А.А. Кочергин

Независимый исследователь, г. Краснодар, Россия

A.A. Kochergin

Independent researcher, Krasnodar, Russia

Аннотация. Категория «адыгский язык» была зафиксирована в итогах Всероссийских переписей населения 2010 и 2020. Наблюдался более чем двукратный рост упоминания такого языка как родного с 3 294 до 6 923 человек, также владение им указало 1 974 и 4 857 человек соответственно. Однако если в 2010 г. 76% отметивших его как родной и 50% тех, кто заявил, что владеет им, были шапсуги, главным образом проживающие в Краснодарском крае, то в ходе последней переписи населения в большей степени адыгский язык отметили адыгейцы (они составили соответственно 58,5% и 52% среди всех указавших), преимущественно локализованные в Республике Адыгея.

Abstract. The category «Adyghe language» was recorded in the 2010 and 2020 All-Russian Population Censuses. There was a more than twofold increase in the number of people mentioning this language as their native language, from 3 294 to 6 923, with 1 974 and 4 857 people reporting knowledge in it, respectively. However, while in 2010, 76% of those who noted it as their native language and 50% of those who reported knowledge were Shapsugs, primarily living in Krasnodar Krai, in the most recent census, the Adyghe language was noted by Adygeans (they accounted for 58,5% and 52% of all those reporting it, respectively), primarily residing in the Republic of Adygea.

Ключевые слова: перепись населения, категоризация, лингвистическая идентичность, адыги, адыгский язык

Keywords: population census, categorization, linguistic identity, Adyghe, Adyghe language

Вопрос языковой идентичности неизменно присутствовал в инструментарии всех отечественных переписей населения. При этом их методология предполагала, что непосредственно в ходе переписной процедуры фактически фиксируются представления опрашиваемого о том, какие языки существуют и какой(ие) имеет(ют) то или иное отношение непосредственно к нему. Содержащиеся в переписных листах ответы на вопрос(ы) о языке каждый раз представляли разнообразный перечень номинаций языков, которые в процессе их разработки сотрудниками статорганов категоризировались в соответствии с утвержденной и обновленной перед очередной переписью номенклатурой лингвонимов. В

опубликованных итогах каждой ВПН, предстающих как знание о характеристиках населения, репрезентировались уже сведения в соответствии с более или менее конвенциональными академическими классификациями, в частности языков, актуальными на момент проведения той или иной переписи. Тем самым, всегда наблюдался некий зазор, несовпадение между самопрезентацией населения и институциональной категоризацией, которые в большей степени проявлялись относительно сначала бесписьменных, а впоследствии младописьменных языков, в той или иной мере находящихся в процессе языкового строительства до сих пор.

Наглядным примером данной ситуации является случай языковой категоризации в переписях населения представителей адыгского сообщества. В настоящее время они этнически категоризируются на кабардинцев, черкесов, адыгейцев, шапсугов, и их языками выделяются соответственно кабардино-черкесский язык для первых двух и адыгейский язык для вторых двух. При этом представления адыгов о собственной идентичности являются более полиструктурными и многосоставными, подвержены динамике и актуализации того или иного компонента в конкретный исторический период. Важную роль в этом процессе играет фактор изменчивости категоризации населения со стороны государства (Российской империи, СССР, РФ), в котором, в свою очередь, значимое место занимает динамика академических представлений об этнических и лингвистических классификациях, этнографического изучения, в данной случае, жителей Северного Кавказа. Так, относительно языковой категоризации (соответствующий вопрос в анкете формулировался как «Родной язык») в итогах переписи 1897 г. были указаны кабардинский и черкесский языки. Всесоюзная перепись населения 1926 г. выделила только один язык – черкесский, 1939 г. и 1959 г. – уже кабардинский и адыгейский, 1970 г., 1979 г., 1989 г. – кабардино-черкесский и адыгейский.

Следующая перепись населения прошла только в 2002 г. по обновленной методологии, в которой постарались учесть произошедшие в межпереписной период социально-политические изменения в стране. В частности, вернулись к идее фиксации максимально широкой номенклатуры этнического самоопределения жителей, в отношении языковой категоризации в фокусе внимания оказались вопросы именно владения русским и другими языками. При этом в последний момент организаторам переписи пришлось вернуться к необходимости категоризации населения по родному языку. Однако в ходе непосредственно самой переписной процедуры

опрос по этому критерию был проведен в целом некорректно, и в опубликованные итоги ВПН 2002 соответствующие данные включены не были. В отношении представителей адыгского сообщества значимым новшеством категоризации стал отдельный учет шапсугов, что было обусловлено включением последних в 2000 г. в федеральный Перечень коренных малочисленных народов РФ. Согласно итогам ВПН 2002 численность кабардинцев составила 519 958 чел., адыгейцев – 128 528, черкесов – 60 517, шапсугов – 3 231 чел. [1, с. 7-19]. Владеющих кабардино-черкесским языком было зафиксировано 587 547, адыгейским – 129 419 человек [2, с. 123-124].

Подготовка, проведение и разработка данных ВПН 2002 сопровождались острыми общественными дискуссиями на предмет приемлемых вариантов этнической и языковой категоризаций тех или иных конкретных частей населения. Наиболее конфликтный характер приняли дебаты по татарскому вопросу, но и адыгская тематика также была актуализирована. Обусловлено это было тем, что получившее новый импульс еще в позднесоветский период адыгское национальное движение оказалось сфокусированным на идее консолидации черкесского народа, утверждения общеадыгской идентичности, этнического единения представителей зарубежной диаспоры и проживающих на исторической родине, которое должно быть закреплено в едином этнониме. В новейший российский период на официальном уровне, в виде решений органов власти данная инициатива продолжения не получила. Тем не менее, идея единой этнической общности широко распространилась и утвердилась в адыгском сообществе. Одним из ее проявлений стало то, что под сомнения ставится адекватность устоявшихся с советских времен этнических и лингвистических классификаций.

Согласно генеалогической лингвистической классификации выделяются адыгейский и кабардино-черкесский языки, которые входят в адыгскую ветвь абхазо-адыгской подсемьи северокавказской языковой семьи. Такое представление о двух близких, но самостоятельных языках оформилось в 1930-ые гг., закрепившись после перевода их алфавитов с латиницы на кириллицу. Базу алфавитов составили 33 русские буквы и знак римской цифры I, получивший неофициальное название «палочка Яковлева». Лингвист Н.Ф. Яковлев внес значительный, если не ключевой, вклад в разработку алфавитов, грамматики, орфографии идиом адыгов. Его позиция о существенном различии языков западных и восточных адыгов во многом и определила утвердившуюся в последующем их классификацию.

Фундаментальной трудностью, с которой приходится сталкиваться разработчикам письменности для адыгских идиом, выступает их фонетическое многообразие. Как следствие, недостаточное количество букв для отражения необходимых фонетических единиц обусловило использование во внедрявшихся вариантах алфавитов дополнительного образования графем из нескольких букв. В итоге, после некоторой редакции в кириллическом кабардино-черкесском алфавите выделили 59 букв (графем). Относительно адыгейского языка долгое время среди специалистов не было единства в вопросе, какие из ди- и триграфов адыгейского алфавита считать отдельными буквами, а какие нет. И только после длительного обсуждения в кон. 1980-х годов решением Исполкома Совета народных депутатов Адыгейской автономной области от 20.07.1990 г. был утвержден новый вариант упорядоченного алфавита, состоящий из 66 букв.

Проблемность ситуации, когда одни и те же звуки-фонемы и слова имеют в указанных алфавитах и языках различное графическое обозначение и орфографический облик, признавалась все эти годы, впрочем, без особого продвижения в ее преодолении. Периодически происходили дискуссии и обсуждения по проблеме унификации и усовершенствования адыгских алфавитов, орфографии (например, совещание 1958 г. в г. Майкопе, на котором в том числе было выработано унифицированное графическое изображение однотипных фонем в адыгских языках), однако оглашавшиеся предложения и рекомендации практической реализации в основном не находили. В постсоветский период дебатирование данного вопроса только активизировалось. Были осуществлены и некоторые практические шаги, в частности, в 2002 г. был принят закон КБР «О внесении изменений в Правила орфографии и пунктуации кабардинского языка», согласно которому первым пунктом производилась замена 3 букв кабардино-черкесского алфавита на соответствующие адыгейские буквы, а также производились и некоторые другие унифицирующие изменения. Проектом языковой реформы (унификации адыгских алфавитных и орфографических систем), разработанным преимущественно кабардинскими учеными, на основании которого был принят указанный республиканский закон, предполагались и соответствующие действия в отношении адыгейского языка, однако они осуществлены не были. Спорадически актуализируется радикальная позиция о необходимости введения единого литературного адыгского языка, однако ее практическая реализация у многих вызывает скепсис.

Тем не менее, можно констатировать, что в настоящее время в адыгском сообществе доминирует представление об общем языке, имеющем локальные особенности. Опирается оно в первую очередь и на то, что непосредственно в лексике самих языков преобладает презентация их общности, что отражается в практикуемых самоназваниях: согласно орфографии адыгейского языка его наименование пишется как «адыга**б**зэ», соответственно кабардино-черкесского – «адыг**э**бзэ». При этом имеющееся калькирование названия кабардино-черкесского языка как «Къэбэрдей-шэрджэсыбзэ (къэбэрдей-черкесыбзэ)» широкого распространения не получило.

Реалии публичного дискурса и практик номинаций языков предстают еще более разнообразными, даже на уровне официально-нормативном. Например, Конституция Республики Адыгея и другое ее законодательство оперируют названием «адыгейский язык». Иная ситуация наблюдается в других регионах. Так, ст. 76 Конституции Кабардино-Балкарской Республики гласит, что государственными языками КБР являются кабардинский, балкарский и русский. В ст. 11 Конституции Карачаево-Черкесской Республики закреплено, что государственными языками в КЧР являются абазинский, карачаевский, ногайский, русский и черкесский. Широко распространено оперирование номинациями «кабардинский язык» и «черкесский язык» в системах образования соответствующих регионов.

Одновременно все чаще в повседневности всех трех республик звучит и лингвоним «адыгский язык». Показательна в этом отношении ситуация с трансформацией 14 марта как памятного дня. В 2000 г. указом Президента РА А. Джаримова данная дата была учреждена в качестве Дня адыгейского языка и письменности. Она была приурочена к выходу в свет 14 марта 1853 г. в Тифлисе первого «Букваря черкесского языка», созданного на арабской графической основе У. Берсеем. В 2005 г. указом главы КЧР 14 марта было объявлено Днем адыгского (черкесского) языка и письменности. В КБР официального оформления памятного дня проведено не было, но постепенно проведение различных мероприятий, приуроченных к данному дню, стало распространяться и в этой республике. Расширение его отмечания на все три региона и даже диаспору сопровождалось закреплением за ним наименования Дня адыгского языка и письменности. И, например, глава РА М. Кумпилов в 2025 г. в соцсетях уже опубликовал поздравление именно с Днем адыгского языка и письменности.

В настоящее время самым знаковым мероприятием языковой сферы адыгского сообщества выделяется «Адыгэ диктант». Он был создан по аналогии с «Тотальным диктантом» по русскому языку, и впервые проведен в Адыгее в 2019 г. в преддверии памятного дня 14 марта. В дальнейшем к акции присоединилась Международная черкесская ассоциация, Кабардино-Балкарский государственный университет. Мероприятие получило официальное название Международная образовательная акция «Тотальный диктант на адыгском языке». Проходит оно в очном и онлайн форматах. Участникам предлагается написать тексты на адыгейском и кабардино-черкесском языках, а соответствующие процедуры осуществляют представители АГУ и КБГУ. Популярность и известность акции поступательно нарастают, и если в первые годы в ней принимало участие по несколько сотен человек, то теперь организаторы отчитываются о десятках тысяч участников.

Таким образом, можно констатировать, что лингвоним «адыгский язык» последовательно утверждается в речевой практике представителей адыгского сообщества, имеет широкое хождение в Адыгее, значимо представлен в Кабардино-Балкарии, менее всего оперируют им в Карачаево-Черкесии. В этой связи обоснованность появления в инструментарии ВПН категории «адыгский язык» не представляется волонтаристской и излишней. Следует отметить, что все переписи новейшего российского периода сопровождались мобилизационными кампаниями с призывом к представителям адыгского сообщества манифестировать свою этническую консолидацию. Накануне ВПН 2002 общественники Республики Адыгея призвали их указать в переписных листах свою национальную принадлежность как «адыг/адыгейка». В ходе ВПН 2010 адыгскими активистами была реализована мобилизационная кампания «Один народ – одно название – одно будущее» с лозунгом использовать единое название «черкес» и записать свою национальность в переписных листах под этим этнонимом. Аналогичная активность под хэштэгом #ячеркесАты? наблюдалась и при ВПН 2020. При этом вопрос касательно желательной номинации языка, соответствующей этнической консолидации и единому этнониму, активистами не педалировался. Тем не менее, сомнения в конвенциональной классификации языков данные акции провоцировали и обусловили проявления оригинальной языковой самопрезентации, которые уже сложно было игнорировать.

Категория «адыгский язык» как результат самоопределения части населения своей лингвистической идентичности была

зафиксирована сначала в итогах ВПН 2010, а потом и ВПН 2020. Методологии этих переписей населения предполагали категоризацию и по критерию родного языка, и по владению языками, а последней еще и по их использованию. Относительно адыгского языка в целом наблюдался более чем двукратный рост манифестации: его определили для себя в качестве родного сначала 3,3 тыс., а в следующей переписи – 6,9 тыс. человек; владение этим языком указало соответственно почти 2 тыс., затем 4,9 тыс. человек. Однако если в 2010 г. упоминание адыгского языка было зафиксировано преимущественно в Краснодарском крае, и, главным образом, среди шапсугов (они составили три четверти всех отметивших его как родной и половину заявивших о владении), то в 2021 г. – прежде всего в Республике Адыгея и уже среди адыгейцев. Из общего числа указавших этот язык как родной и как язык владения они составили соответственно 59% и 52%.

Таблица 1. Категория «адыгский язык» во Всероссийских переписях населения, человек

	Владение языком		Родной язык	
	ВПН 2010	ВПН 2020	ВПН 2010	ВПН 2020
Россия	1 974	4 857	3 294	6 923
Республика Адыгея	380	2 263	58	3 969
Краснодарский край	1 472	1 819	3 084	2 071
Кабардино-Балкарская Республика	36	536	72	609
Карачаево-Черкесская Республика	14	32	9	45

В целом, итоги ВПН 2010 по сравнению с предыдущей переписью зафиксировали сокращение численности кабардинцев до 516 826 и адыгейцев до 124 835 человек, однако рост количества черкесов до 73 184 и шапсугов – 3 882 человека [3, с. 9-21]. При этом в разы увеличилось указание своей национальной принадлежности как «адыги» (5 974 человек) и «адыгэ (адыге)» (1 314 человек) [4, с. 22-24]. Касательно лингвистических категоризаций отмечалось уменьшение числа владеющих и кабардино-черкесским языком до 515 672, и адыгейским – 117 489 человек [5, с. 142-143]. В качестве родного указало их соответственно 573 734 и 122 041 человек [6, с. 228-239].

Адыгский язык манифестировала преимущественно шапсугская часть адыгского сообщества. Всего о владении им заявило 1 974 человека, среди них шапсугов – 988, адыгейцев – 823, черкесов – 73, кабардинцев – 5. Как родной язык указало 3 294 человека, в том числе

шапсуги – 2 511, адыгейцы – 633, черкесы – 132, кабардинцы – 5. Вполне закономерно наибольшая концентрация указавших адыгских язык прилась на Краснодарский край, конкретно на Туапсинский район и городской округ город-курорт Сочи, территорию традиционного проживания шапсугского населения: владение – 1 472, родной язык – 3 084 человека. Помимо непосредственно заявивших о шапсугской идентичности также и значительная доля среди адыгейцев прилась на проживающих в этих муниципалитетах. В частности, о владении адыгским языком сообщило несколько сотен адыгейцев Краснодарского края, а указало его как родной язык и вовсе 543 человека с данной этничностью.

Большую часть советского периода адыгское население причерноморского побережья Северо-Западного Кавказа категоризировалось именно как адыгейцы. Активизировавшееся в кон. 1980-х гг. этническое шапсугское движение актуализировало вопрос о конституировании особого статуса для него, обернувшееся официальным утверждением шапсугов как коренного малочисленного народа РФ. Однако внешняя репрезентация себя как адыгейцев остается среди них и сейчас довольно распространенной. Фактически у причерноморских адыгов наблюдается многосоставная этническая идентификация, и разные ее компоненты могут актуализироваться в конкретный момент времени. Шапсугские активисты накануне всех новейших раундов ВПН призывали указывать в качестве национальности этноним «шапсуг» (при этом языковая категоризация оставалась на заднем плане). Тем не менее, результаты переписей зафиксировали разнонаправленность идентификационного процесса. В целом по России рост числа шапсугов в 2010 г. до 3 882 (при 3 231 в 2002 г.) сменился значительным их сокращением до 2 272 человек в 2021 г. При этом в Туапсинском районе наблюдались кратные колебания количества шапсугов от переписи к переписи – 741, 1936, 863 человека соответственно, тогда как в городском округе город-курорт Сочи отмечалось последовательное их уменьшение – 2 366, 1 897, 1 352 человека. В свою очередь, динамика численности адыгейцев в Туапсинском районе была от понижающейся к повышающейся – 2 661, 2 103, 2 829 человек соответственно, и обратная в Сочи – 2 126, 2 385, 2 135 человек.

Манифестируемая шапсугами в ходе переписей лингвистическая идентичность во многом оказалась производной от демонстрируемой одновременно стратегии этнической идентификации. Итоги ВПН 2020 в сравнении с предыдущей

зафиксировали, что владение адыгским и адыгейским языками среди шапсугов сократилось в одинаковой мере (примерно в 1,5 раза) и в целом несколько меньше, чем их общая численность. В то же время упоминание как родного адыгского языка сократилось в 3,5 раза, а адыгейского – увеличилось на 12%. При этом необходимо понимать, что наблюдается не однолинейный идентификационный процесс, и в разных локальностях его векторы могут быть противоположными.

В целом, итоги ВПН 2020 зафиксировали увеличение количества кабардинцев на 1,3% до 523 404 человека и более чем на 56% числа черкесов – до 111 471 человека. Отрицательная динамика численности была отмечена в отношении адыгейцев до 111 471 и шапсугов – 2 272 человека [7]. Новаии в методологии ВПН 2020, расширившие поливариативность фиксации этнической идентичности, способствовали тому, что значительно увеличилось указание своей национальной принадлежности как «адыги» (24 676 человек) при сокращении упоминания эндоэтнонимов «адыгэ» (262 человека) и «адыге» (56 человек), и проявились двойные адыгские идентичности, в частности, «адыги-черкесы» (427 человек), «адыги-шапсуги» (296 человек) и ряд других, не столь многочисленных [8]. Касательно лингвистических категоризаций продолжился тренд на значительное сокращение числа владеющих и кабардино-черкесским языком до 450 276 человек, и адыгейским – 81 294 [9]. В то же время по критерию родного языка был отмечен рост на 6,2% указавших таковым кабардино-черкесский (до 609 383 человек), и сокращение также на 6,2% – адыгейский (до 114 425 человек) [10].

Рост манифестации адыгского языка по данным ВПН 2020 произошел преимущественно за счет Республики Адыгеи, в которой наблюдалось многократное увеличение числа владеющих им (с 380 до 2 263 человек), и в десятки раз умножилось количество указавших его как родной язык (с 58 до 3 969 человек).

В разрезе этнических категорий в целом по России популярность адыгского языка выросла за счет адыгейцев и черкесов. В абсолютных цифрах среди адыгейцев владение адыгским языком увеличилось в 3 раза (с 823 до 2 522 человек), упоминание его как родного языка – в 6 раз (с 633 до 4 048 человек). Среди черкесов аналогичные показатели умножились более чем в 22 раза (с 73 до 1 652 человека) и 14 раз соответственно (с 132 до 1 854 человек). Как следствие, доля адыгейцев среди владеющих адыгским языком выросла с 42% до 52%, по родному языку – с 19% до 59%. Еще более значительно увеличилась представленность черкесов – с 3,7% до 34% и с 4% до 27% соответственно.

В региональном разрезе адыгейцы, владеющие адыгским языком, в равной мере оказались представлены в Республике Адыгее (1 127 человек) и Краснодарском крае (1 125 человек), однако по родному языку наблюдалось значимое превалирование жителей Адыгеи (2 417 человек (60% от всех адыгейцев) и 1 327 человек (33%) соответственно). Их же преобладание зафиксировано также среди черкесов, причем по обоим критериям (65% и 63%). В свою очередь, среди указавших владение адыгским языком в Республике Адыгее наблюдалось только незначительное превалирование адыгейцев (1 127 человек, или 50%) над черкесами (1 074 человека, или 47,5%). По критерию же родного языка адыгейцы составили 61% (2 417 человек), а черкесы – 29% (1 167 человек).

Закрепление в методологии переписей населения возможности фиксации многообразия самоопределений и расширение номенклатуры соответствующих категоризаций делают результаты ВПН значимым источником данных о происходящих в обществе процессах изменения идентичностей его акторов. В частности, отмеченное в 2010 г. обращение шапсугов к лингвониму «адыгский язык» было очевидно проявлением демонстрации партикуляристских идентификационных стратегий, и имело целью заявить об этнической самобытности коренного малочисленного народа. В свою очередь, в 2021 г. самоопределение «адыгский язык» скорее выступило маркером репрезентации универалистской адыгской идентичности, показавшей степень распространения идеологии «единого адыгского народа».

Библиографический список

1. Национальный состав населения // Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 4. Книга 1. М., ИИЦ «Статистика России», 2004.
2. Распространенность владения языками (кроме русского) // Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 4. Книга 1. М., ИИЦ «Статистика России», 2004.
3. Национальный состав населения // Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Книга 1. М., ИИЦ «Статистика России», 2012.
4. Состав группы населения «Указавшие другие ответы о национальной принадлежности» // Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Книга 1. М., ИИЦ «Статистика России», 2012.
5. Владение языками населением Российской Федерации // Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Книга 1. М., ИИЦ «Статистика России», 2012.
6. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку // Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской

переписи населения 2010 года. Том 4. Книга 1. М., ИИЦ «Статистика России», 2012.

7. Таблица 1. Национальный состав населения / Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx).

8. Варианты ответов населения на вопрос «Ваша национальная принадлежность» / Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_Samonazvan_VPN-2020.xlsx)

9. Таблица 4. Владение языками и использование языков населением / Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx)

10. Таблица 6. Население по родному языку / Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab6_VPN-2020.xlsx)

БУДДИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАЛМЫКИИ

BUDDHIST IDENTITY IN KALMYKIA

Л.В. Намруева

АУ РК «РИА «Калмыкия», г. Элиста, Россия

Э.В. Шакуева

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

L.V. Namrueva

AU RK "RIA Kalmykia", Elista, Russia

E.V. Shakueva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассмотрена динамика изменения буддийской идентичности населения Калмыкии на основе двух массовых опросов, проведенных в республике в 1994 и 2024 годах. Полученные результаты позволяют констатировать, что традиционное вероисповедание калмыков – буддизм оказывает мощное влияние на процессы возрождения этнокультурных ценностей и выступает как важнейший фактор консолидации, сохранения и дальнейшего развития калмыцкого этноса.

Abstract. The article examines the dynamics of changes in the Buddhist identity of the population of Kalmykia based on two mass surveys conducted in the republic in 1994 and 2024. The results obtained allow us to state that the traditional Kalmyk faith, Buddhism, has a powerful influence on the processes of reviving ethno-cultural values and acts as an important factor in the consolidation, preservation and further development of the Kalmyk ethnic group.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, буддизм, этнокультурные процессы, этническая идентичность, традиционные конфессии, этническая культура, калмыцкий этнос, религиозность

Keywords: Republic of Kalmykia, Buddhism, ethnocultural processes, ethnic identity, traditional confessions, ethnic culture, Kalmyk ethnicity, religiosity

Традиционные конфессии, являясь культуuroобразующей составляющей в системе духовных ценностей того или иного народа, направлены на сохранение этнической культуры, воспитание следования нравственным постулатам. Калмыкия является уникальным южнороссийским регионом, где буддизм, доминирующая конфессия, на протяжении четырех столетий гармонично взаимодействует с православием и исламом, приверженцы которых проживают на территории республики. Наши многолетние исследования показывают, что буддизм оказывает мощное влияние на процессы возрождения этнокультурных ценностей, тем самым способствуя сохранению калмыцкой идентичности, консолидации и дальнейшего поступательного развития регионального сообщества [1-4]. Об этом свидетельствуют рост количества верующих, увеличение численности религиозных общин, строительство новых и возвращение старых культовых зданий общинам верующих. В республике заметно выросло как количественном, так и качественном выражении число молодых людей, обращающихся к вере как к важному фактору.

Республиканская власть, лояльно относясь к традиционным религиям в регионе, развивает религиозную инфраструктуру, содействует благоустройству священных мест, строительству хурулов, молельных домов. Ежегодно проводятся международные научно-практические конференции по развитию духовности [1-4]. Население находит в расширении возможности для удовлетворения духовных или интеллектуальных потребностей посредством религии моральную опору и надежду на гармонизацию жизни, средство духовно-нравственного совершенствования.

В условиях глобализирующегося мира этноконфессиональная идентичность приобрела особое значение, став одним из основных этнических маркеров. Для калмыков, живущих на протяжении четырех столетий в тесном взаимодействии с народами иных культур и религий, конфессиональная принадлежность играет важную роль не только в идентификационном процессе, но и в сохранении уникальной культуры. Религия, прочно укрепившись в эпицентре общественной, политической, идеологической жизни республики, играет функцию социального института и общепринятых морально-этических и правовых норм и ценностей. На решение этих и других не менее важных задач был направлен III международный буддийский форум «Буддийский мир в новом тысячелетии», который состоялся 25-28 сентября в г. Элисте, столице Калмыкии. Бату Хасиков, глава республики отметил, что для региона это хорошая

возможность внести свою лепту в укрепление авторитета России на международной арене. В форуме участвовали более 400 участников из 35 стран мира, среди них – десятки ученых из России и заграницы, крупные исследователи буддизма из Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Элисты, Дальнего Востока. Большие буддийские учителя читали лекции не только в аудиториях, но и на открытых площадках.

Интерес представителей разных социальных групп к встречам, активное участие во многих мероприятиях форума свидетельствует о растущей религиозности населения республики. Далее проанализируем изменения этой характеристики современного калмыцкого сообщества. С этой целью нами рассмотрены результаты двух авторских социологических исследований, которых разделяют три десятилетия. В сентябре 1994 г. в ходе духовно-экологической экспедиции «Драгоценное ожерелье Калмыкии» было опрошено 458 человек, жителей сельской местности. В большинстве своем респонденты – калмыки. Маршрут экспедиции пролегал по северному и юго-западному направлениям, по тем сельским территориям республики, где в прежние годы находились хурулы и родники.

В онлайн-опросе 2024 г. приняли участие 200 человек, жителей республики. Более активными оказались женщины (77% от всего количества опрошенных). Большинство участников опроса (85%) родились в республике. Более трети (35%) опрошенных это молодые люди от 18 до 24 лет. Большая часть выборки представлена буддистами, так себя идентифицируют 73% выборочной совокупности, 19% считают себя православными.

Результаты анкетирования 1994 г. свидетельствуют, что 52% респондентов не молятся, но внутренне считают себя верующими. Итоги онлайн-опроса показывают, что через 30 лет в определении конфессиональной идентичности произошли большие изменения. Так, 43% опрошенных в 2024 г. однозначно относят себя к верующим, 32,5% респондентов верят, но не участвуют в религиозной жизни. 16% участников опроса не могут сказать, что верят, но регулярно посещают церковь, хурул. На наш взгляд, причины этого расхождения кроются в том, что самоидентификация «мы-буддисты» для части современных калмыков является не столько религиозной, сколько культурной идентичностью. Буддистом человек может считать себя не потому, что он в повседневной жизни постоянно посещает службы в хуруле, скрупулезно выполняет предписания Будды, а потому, что он живет в семье, республике с буддийскими традициями и испытывает огромную потребность в историко-

культурной идентификации с народом, который на протяжении нескольких столетий исповедует буддийское учение.

Другие деятельностные факторы религиозности не проявляются у многих респондентов, так как на протяжении семидесяти лет советского общества были утрачены религиозные традиции, отсутствовала доступная буддийская литература, были разрушены молельные дома, хурулы. Поэтому только 6,5% респондентов в 1994 г. посещали службы. Отметим, что ко времени опроса в сентябре 1994 г. в республике только планировали возведение хурулов, действовали молельные дома в Элисте, Цаган-Амане. Поэтому большая часть опрошенных из сельских районов, где пролегал маршрут экспедиции, не могла присутствовать на молебнах. В ходе этого исследования нами обнаружено, что представительниц прекрасного пола, посещающих религиозные службы, в 4 раза больше, чем мужчин. Такое гендерное различие в деятельностной стороне религиозности известный ученый М.П. Мchedлов объясняет социально-демографическими особенностями. По его мнению, преобладание женщин среди верующих является традиционным и связано не только с их психологическими особенностями (более консервативная приверженность традициям, что выражается, например, в большей готовности отправлять обряды и праздновать народные, принявшие религиозную форму праздники), но и фактическим социальным неравенством женщины в обществе, подталкивающим ее к поискам поддержки сверхъестественных сил [6].

Известно, что одним из факторов повышения религиозности в современной России является стремление преодолеть бездуховность, нравственный кризис, охватившие мировое пространство. Люди, и не только верующие, стремятся преодолеть распространившиеся деструктивные явления (беззаконие, ложь, коррупция, наркомания, порнография, пьянство, цинизм и др.), обращаясь к проповедуемым в хуруле, церкви общечеловеческим ценностям, идеям духовности, сострадания, милосердия, добра, внимания к другому человеку. В этих условиях значительный интерес представляет отношение респондентов к вопросам, касающимся ряда ключевых нравственных проблем.

Рассмотрим, как наши опрашиваемые оценивают роль религии в современном обществе. В 1994 году 63% респондентов считали, что без религии национальную специфику республики сохранить невозможно, 43,3% респондентов указали, что религия является опорой нравственности и морали в обществе.

В 2024 г. на вопрос «Как вы думаете, какую роль играет религия

в современных условиях?» получены следующие ответы: 33,5% опрошенных отметили, что религия способствует развитию духовных качеств человека, его моральной ответственности. 32% участников опроса придерживаются мнения, что она способствует формированию терпимости и доброго отношения друг к другу в семье и обществе. 14% респондентов считают, что она регулирует поведение человека. Каждый девятый участник онлайн-опроса уточняет, что религия объединяет, консолидирует людей [5, с. 194].

Директор Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, президент Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям Алексей Маслов 25 августа на брифинге в пресс-центре ТАСС, посвященном проведению III Международного буддийского форума в Калмыкии, подчеркнул, что «важно показать и пригласить максимум людей для осознания того, что буддизм несет универсальные ценности. Не обязательно быть буддистом, каждый день медитировать, возжигать благовония. В нынешнее беспокойное время везде и во всех странах мира очень важно сохранить самого себя, свое спокойное состояние сознания, позитивное отношение к жизни, потому что люди должны помогать тем, кто рядом с нами, кому возможно тяжелее. Это один из принципов буддизма. Если форум сделает жизнь чуть полегче, чуть радостней, то будем считать, что наша сверхзадача выполнена. Это будет зрелище, которое стоит увидеть» [4, с. 194].

В республике Калмыкия, как и в целом в современной России, без опоры на религию невозможно бороться с деморализацией и духовным опустошением, необходимо опираться на общечеловеческие нормы нравственности, провозглашенные ведущими конфессиями страны – православием, исламом, буддизмом и другими традиционными религиями.

Библиографический список

1. Намруева Л.В. Конфессиональный фактор в идентификационных процессах (по итогам опроса 2008 г. в Калмыкии) // Вестник Калмыцкого гуманитарного института РАН. 2009. № 1. С. 59-64.
2. Намруева Л.В. Конфессиональная идентичность монголоязычных народов // Социологические исследования. 2012. № 2(334). С. 124-128.
3. Намруева Л.В. К вопросу о типологии буддийской идентичности современных калмыков // Тибет глазами российских путешественников. Мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 170-летию со дня рождения Дамбо Ульянова (1844-1913). Элиста, КИГИ РАН, 2014. С. 155-162.
4. Намруева Л.В. Буддийская философия в решении экологических проблем // Буддизм в контексте межконфессионального диалога. Сб. тезисов Междунар. межрелигиозного молодежного форума (Калмыцкая региональная сессия). Элиста: КалмГУ, 2024. С. 193-194.

5. Пресс-конференция ТАСС [Электронный ресурс] /video.49204// riakalm.ru (дата обращения: 12.10.2025).

6. Мchedлов М.П. Новый тип верующих на пороге третьего тысячелетия // Исторический вестник. 2002. № 9-10.

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КЕЙС РОССИИ И ГЕРМАНИИ

THE PHENOMENON OF IDENTITY IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL TRANSFORMATIONS: THE CASE OF RUSSIA AND GERMANY

С.Д. Ариничев

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

S.D. Arinichev

Graduate student of Kuban State University,
Krasnodar, Russia

Аннотация. В настоящей статье анализируется феномен идентичности в рамках международных отношений. Демографические трансформации, миграционные процессы, политические потрясения актуализируют общественно-политическую дискуссию о поисках собственной идентичности, аккумулируют исследовательский интерес вокруг самого феномена. Представленные в работе кейсы Германии и России свидетельствуют о желании обществ и политиков определить свою идентичность в условиях современных социальных трансформаций. Такое намерение поднимает ряд чувствительных вопросов и констатирует определённые проблемы, их преодоление и/или игнорирование отражает динамику процесса трансформации идентичности.

Abstract. This article analyzes the phenomenon of identity in the framework of international relations. Demographic transformations, migration processes, and political upheavals actualize the socio-political discussion about the search for one's own identity, and accumulate research interest around the phenomenon itself. The cases of Germany and Russia indicate the desire of societies and politics to define their identity in the context of modern social transformations. Such an intention raises a number of sensitive issues and identifies certain problems, their overcoming and/or ignoring reflects the dynamics of the identity transformation process.

Ключевые слова: идентичность, социальные трансформации, миграция, демография, дискурс, Россия, Германия.

Keywords: identity, social transformations, migration, demography, discourse, Russia, Germany.

В современном мире к фактору идентичности всё чаще апеллируют политики, учёные, общественные деятели. В поисках собственной идентичности находятся как целые государства, так и

отдельные индивиды. С одной стороны, такое положение вещей обусловлено общественным запросом, трендом на уникальность, стремлением в устной – в рамках диалога, дискуссии, публичного выступления – или письменной форме, например, в виде публикации в социальных сетях, доктринального документа, предвыборной программы, зафиксировать собственные характерные черты и/или отличия от «значимого Другого». С другой стороны, в условиях современных социальных трансформаций, политической и экономической неопределённости в мире, обращение к вопросу идентичности может объясняться попыткой встроить в существующий беспорядок некий островок стабильности, определив, тем самым, собственное место в некотором – политико-географическом, общественно-культурном, идентитарном – пространстве.

Крушение ялтинско-потсдамского мирового порядка, кризис постбиполярного порядка, несостоятельность либерального порядка – т.н. «порядка, основанного на правилах» (англ. – rules-based international order) подвергли сложную сеть международных отношений кардинальному пересмотру. Настоящий переходный этап (нем. – Zeitenwende) на пути к новому мировому порядку характеризуется существенными военно-политическими, экономическими, социальными вызовами, формирующими поле высокой неопределённости, в рамках которого вопросы выгод и издержек сопряжены с рисками эскалации. Как метко подмечает В.В. Кочетков, «в стабильных международных отношениях вопрос об идентичности не возникает, поскольку каждый актор знает и ощущает свою принадлежность. Однако в смутные времена перемен и потрясений, когда прошлое невыносимо, а будущее неопределенно, вопрос об идентичности выходит на первый план» [1, с. 6]. Из чего можно сделать вывод о том, что проблема поисков идентичности акторов международных отношений обусловлена состоянием среды таких отношений.

Прикладной характер применения термина «идентичность» резко контрастирует с глубиной и многогранностью теоретических аспектов феномена, к числу которых можно отнести этимологию и значение самого термина, его качественные характеристики, основные функции, вопросы генезиса и исторического развития термина и феномена идентичности, теоретико-методологические подходы к изучению идентичности, научные школы и научно-исследовательские парадигмы, в рамках которых исследуется феномен идентичности [2]. Не ставя целью охватить всё

многообразие теоретических аспектов феномена, тем не менее, остановимся на представляющей значительный интерес для настоящего исследования типологии идентичности в контексте международных отношений.

Проблема типологизации в науке связана с установлением исходного пункта анализа, что конституирует одновременное существование разных типологий одного и того же феномена. В рамках настоящей работы используется государственная идентичность и её подтипы, в рамках выдвинутой И. Призела типологии. Данная классификация представляется наиболее полной и комплексной и отражает пять типов отношений между идентичностью и внешней политикой государства [1, с. 22-23]. Краткая характеристика каждого типа идентичности представлена в табл. 1.

Таблица 1. Типология государственной идентичности по И. Призелу

Исходный пункт государственной идентичности	Характеристика	Примеры
Политические институты	Политические институты – источник легитимности; Убеждённость в рациональности собственной политической системы; Убеждённость в универсальном характере собственных политических ценностей.	США
Влияние сверхдержав	Сильное чувство культурной и политической обиды; Восхищение прошлым; Ориентация на «значимого Другого»: его воспроизведение в новых условиях.	Мексика
Комбинированный характер	Широкий опыт политических традиций; Уникальный характер политической культуры; Стремление к расширению сфер влияния; Желание подтверждать великодержавный статус.	Франция
Значимый Другой	Исторический опыт борьбы с колониальными властями; Апелляция к колониальному прошлому; Стремление к региональному сотрудничеству.	Судан
Религиозный национализм	Отличительный характер религии от других конфессий; Поддержание политического режима внутри страны; Религия – оплот идентичности.	Иран

Несмотря на обширный, но всё же не исчерпывающий характер приведённой выше типологии, в отдельных кейсах наблюдаются лишь фрагментарные, секторальные совпадения или же соответствия перекрёстным характеристикам. В таком случае представляется уместным говорить либо о множественной идентичности, либо о

стремлении или дрейфованию в сторону конкретного типа, либо же о нетипологизированном виде государственной идентичности.

Отметим, что к числу основных характеристик идентичности относятся: конструированность, ситуационность, изменчивость «широты», концепция «значимого Другого».

Любопытны и показательны кейсы России и Германии с точки зрения исследования феномена идентичности. Обе страны, исходя из сопоставления ряда пунктов анализа идентичности в чём-то схожи, однако вопросы позиционирования резко разделяют направления трансформации поиска идентичности России и Германии в современном мире.

Современная Россия, особенно остро ощущая на себе тектонические сдвиги мирового порядка, находится в активном поиске собственной идентичности. Это проявляется как во внешне-, так и во внутривнутриполитическом измерении.

Развитие кризиса по линии Россия-«коллективный Запад», эскалацией которого стало начало Россией специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 г., вновь обострило проблему «значимого Другого». Воспринимая себя в качестве «анти-Запада», Россия стремится позиционировать себя в качестве евразийского государства, отмечая, таким образом, уникальный характер своего географического положения. Обращение к подобной теме, тем не менее, не ново – спор западников и славянофилов, работы евразийцев и неоевразийцев (напр., Н.Я. Данилевского, П.Н. Савицкого, Л.Н. Гумилёва) отражают вековой характер дискуссии о пути России, её идентичностном, идейном и культурно-духовном выборе. Трансформация внешнеполитической идентичности России проявляется и на доктринальном уровне, например, в текстах Концепции внешней политики Российской Федерации (КВП РФ). Так, в КВП РФ от 2023 г. отмечается «...особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [3]. Обозначенный тезис является попыткой осмысления внешнеполитической идентичности современной России.

На внутривнутриполитическом уровне также продолжается процесс поиска новой идентичности. Преодоление кризиса идентичности 1990-х гг., когда из массового сознания «ещё не ушли представления о советском народе, о гражданстве в СССР» [4, с. 106], а «страна только обрела свое государственное и территориальное очертание» [4, с. 106], началось в 2000-х гг. Рост патриотических чувств шёл

параллельно с усилением давления извне. При этом, по данным социологических опросов, в качестве основных критериев идентификации с гражданами России респонденты указали общее государство и общую территорию, что говорит о российской идентичности как о государственно-гражданской [4, с. 108]. Несмотря на снижение роли этнического фактора, представление «об особом статусе русского народа» сохраняется среди 10% респондентов [4, с. 109-110], что определённо таит в себе конфликтогенный потенциал.

Демографические вызовы, равно как и активизировавшиеся миграционные процессы требуют своевременных проработанных решений. Обновление концепции миграционной политики в 2025 г. является важным шагом на пути к реализации миграционной политики РФ, необходимо и обновление концепции демографической политики, принятой ещё в 2007 г. Сочетание фактора миграции и демографии откладывает заметный отпечаток на государственной идентичности. Содействие семейной, демографической, культурной политики, наряду с устойчивым правовым регулированием миграции позволит вывести из перечня «уязвимых тем» формирования идентичности вопросы демографии и миграции.

Отметим, что отечественные исследователи С.А. Храпов и С.Е. Крючкова предлагают условия формирования духовного единства нации в рамках перспективной модели национальной идентичности, в рамках которых «во взаимосвязи находятся два основных уровня: культурно-исторический (культура и общее прошлое как символический объединяющий ресурс) и гражданско-политический (гражданское единство, солидарность)» [5]. По мнению исследователей, диалектика этих условий «играет важную роль как в процессе понимания тех дилемм, с которыми сопряжен процесс дискурсивного конструирования национальной идентичности, так и в политической практике его использования в Российской Федерации» [5].

Современная Германия не является исключением в контексте поиска государствами собственной идентичности. Итоги Второй мировой войны «демонтировали все прежние идеологические основы немецкой государственности. После такого «часа ноль» страна возродилась на новом ценностном и концептуальном базисе» [6, с. 174]. Важной составляющей дискурса вокруг германской идентичности стал нарратив об историческом чувстве вины. Объединение Германии привело к формированию новой политической реальности, а вместе с ней – к необходимости заново осмыслить идентичностный концепт, как и своё место в

международных отношениях. Параллельно сформировались два основных нарратива в контексте вопроса идентичности – наднациональный, европейский и национальный, патриотический. Балансирование между ними легло в основу национальной идеи Германии. Военно-политический кризис на Украине обнажил проблему идентичностного позиционирования ФРГ, продемонстрировав с точки зрения немецкой политики предельную проницательность замечания бывшего федерального президента Р. фон Вайцзеккера в отношении отсутствия альтернатив «окончательной и бесповоротной» ментальной связи с Западом и невозможности «особого пути» Германии [6, с. 180]. При этом «важнейшим понятием, определяющим национальную идентичность немецких политиков, является «ответственность» (нем. – Verantwortung)» [7, с. 111].

Особо болезненным вопросом для Германии является проблема «преодоления прошлого». Сохранение восприятия себя жителями «новых немецких земель» (бывшей ГДР) в качестве «восточных немцев» составило 41% ответов респондентов в 2023 г. [6, с. 181]. Разрыв проявляется и в политических предпочтениях, и в экономическом положении, и в рамках межличностных отношений. Как отмечает авторский коллектив МГИМО: «за проблемой региональных дифференциаций неизбежно скрываются две отличные друг от друга, но тесно связанные друг с другом проблемы: 1. проблема объективных, эмпирически доказуемых различий между Западом и Востоком Германии; 2. проблема несоответствия Востока целевым ориентирам, концептам и конструктам, которые задаются Западом» [8, с. 37].

Отдельно отметим роль миграционного фактора на трансформацию идентичности современной Германии. Как точно замечает отечественный исследователь Е.В. Пименова, «в условиях массовой миграции из мусульманских стран начала «буксовать» холокостцентричная концепция самоидентификации через историческое покаяние. Что, в свою очередь, провоцирует серьезные внутренние конфликты на фоне нарастания международной напряженности» [6, с. 187]. Дебаты о «виде города» (нем. – Stadtbild) и сокращению со стороны государства социальных обязательств, изменение этнической структуры населения, демографические вызовы отчётливо демонстрируют нерв миграционной проблематики для жителей современной Германии. Тезисное сопоставление идентичностных характеристик России и Германии представлено в табл. 2.

Таким образом, проблема идентичности выходит на первый план в условиях всеобщей неопределённости, политической, экономической и социальной турбулентности. Запрос на установление государственной идентичности идёт не только сверху – от политиков, но и снизу – от обществ. Кейсы России и Германии показывают особую роль истории государства и политики исторической памяти, международного позиционирования, «значимого Другого», «уязвимых» общественных тем в процессе поиска идентичности.

Таблица 2. Сравнение идентичностных характеристик России и Германии

Пункт анализа	Россия	Германия
Исторический опыт	Преодоление государственной разобщённости; Победа в Великой Отечественной войне; Советский опыт и коммунистическая идеология	Преодоление государственной разобщённости; Комплекс вины ввиду преступлений нацистского режима; Сохранение «ментального» разлома между новыми и старыми землями
Культура и язык	Культурное и языковое разнообразие	Мультикультурализм
География	Евразийская и евро - тихоокеанская держава	Дихотомия национального и европейского
Роль и статус в МО	Великая держава	Европейская держава
Позиционирование внутри	Многонациональное государство	От «исторического покаяния» к «обретению идентичности через отказ от неё»
Позиционирование вовне	Самобытное государство-цивилизация	Наднациональный характер идентичности
Уязвимые темы	Великодержавный статус; Демография; Нелегальная миграция	Миграция; Наследие ГДР; Украинский кризис

Россия, обладая уникальной культурой, богатой историей, но молодой политической системой, воспринимает себя как государство-цивилизацию, объединившее под своей сенью различные народы, языки, традиции. Германия, мучаясь комплексом исторической вины, ищет идентичность путём отказа от неё, пытаясь вывести на передний план наднациональный фактор – единство с Европой, Западом. При этом как для России, так и для Германии коррективы в идентичностное восприятие вносят миграционные процессы, порождая то вспышки ксенофобии, то инертную лояльность в виде гостеприимства со «стиснутыми зубами». Такое положение вещей требует выработки грамотной стратегии в отношении миграции,

равно как и постоянной работы с населением с целью реализации такой политики.

Библиографический список

1. Кочетков В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. №1. С. 5–26.
2. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. №2. С. 144–162.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // www.mid.ru. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 29.10.2025).
4. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.
5. Храпов С.А., Крючкова С.Е. Национальная идентичность современной России: поиск модели и риски конструктивного формирования // Вопросы философии. 2025. №2. С. 5–15.
6. Пименова Е.В. Проблемы национальной идентичности современной Германии в международном измерении // Международная аналитика. 2024. №15(1). С. 173–190.
7. Соколов А.П., Давыдов А.Д., Беликов В.В., Сигова А.А. Специфика национальной идентичности в риторике руководства ФРГ (по выступлениям на Мюнхенской конференции по безопасности 2014-2022 гг.) // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 105–121.
8. Расколотое единство: 35 лет присоединения ГДР к ФРГ / А.П. Соколов, В.В. Воронников, Е.С. Панков. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2024. 82 с.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ТРАЕКТОРИИ В СОЦИОЛОГИИ МАЛИ: МЕЖДУ ПРИЗВАНИЕМ, СТРАТЕГИЯМИ И СОЦИАЛЬНЫМ ПОСРЕДНИЧЕСТВОМ

STUDENT IDENTITIES AND DIFFERENCIATED TRAJECTORIES IN SOCIOLOGY IN MALI: BETWEEN VOCATION, STRATEGIES, AND SOCIAL MEDIATIONS

Ишака Камара

Институт Университетской Педагоги, Республика Мали

Ichaka Camara

Institute of University Pedagogy, Republic of Mali

Аннотация. В данной статье анализируется динамика формирования идентичности и дифференцированные траектории студентов и выпускников социологических факультетов Мали через изучение их образовательных и профессиональных путей. Исследование основано на этнографическом подходе

и использует прямое наблюдение и биографическое интервью (жизненный рассказ) в качестве основных методов сбора данных. В период с 2019 по 2022 г. были обследованы двадцать три участника в возрасте от 18 до 39 лет, представляющие Университет Уологема Ямбо в Бамако, Университет Сегу и Высшую нормальную школу. С каждым из них было проведено три интервью – в начале, середине и конце обучения – с целью выявления изменений в их представлениях, устремлениях и социальных практиках. Анализ базируется на теоретической модели, объединяющей подходы теории человеческого капитала, теории социального капитала, теории сегментации рынка труда и теории жизненного пути. Полученные результаты выявляют значительное разнообразие профилей поступления – от студентов по призванию до студентов по необходимости – и демонстрируют множественность образовательных опытов, обусловленных институциональными ограничениями, социальными посредничествами и идентификационными корректировками. Профессиональная социализация предстает как процесс взаимных уступок и переговоров между университетским обучением, общественными ожиданиями и неопределённостью рынка труда. Хотя социология остаётся слабо профессионализирующей дисциплиной, она, тем не менее, выступает пространством критического образования и идентификационной реконфигурации, где участники постепенно переосмысливают смысл и социальное применение своих знаний. Таким образом, данное исследование способствует более глубокому пониманию взаимосвязей между университетским образованием, профессиональной идентичностью и современными социальными трансформациями в Мали.

Abstract. This article examines how identity is built and the different paths sociology students and graduates follow in Mali. It explores their educational and professional journeys. Based on an ethnographic approach, the research uses direct observation and life-story interviews as its main data collection methods. Twenty-three participants, aged 18 to 39, from Ouologuem Yambo University of Bamako, the University of Ségou, and the École Normale Supérieure, were studied between 2019 and 2022. Three interviews were done at different stages of their journeys – at the start, middle, and end of their training – to observe how their views, goals, and social practices change over time. The analysis is built on a theoretical framework combining ideas from human capital theory, social capital theory, labor market segmentation theory, and life-course theory. The findings show a wide range of entry profiles – from vocation-driven students to those who entered by default – and highlight the diversity of learning experiences shaped by institutional limits, social influences, and identity changes. Professional socialization appears as a transactional process where struggles between academic learning, social expectations, and job market uncertainties are constantly negotiated. Although sociology remains a discipline with limited professional prospects, it still provides a space for critical development and identity reshaping, where individuals gradually redefine the meaning and social value of their knowledge. This study thus offers a deeper understanding of the links between higher education, professional identity, and current social changes in Mali.

Ключевые слова: студенческие идентичности, образовательные траектории, академическая социология, социальные посредничества, профессиональное признание.

Keywords: Student identities, educational paths, academic sociology, social mediations, professional recognition.

Введение. В условиях стремительных социальных трансформаций проблема формирования идентичности молодежи, проходящей университетское обучение, приобретает особую актуальность в контексте современных африканских обществ. Мали, как и многие страны Глобального Юга, на протяжении последних двух десятилетий переживает беспрецедентное расширение системы высшего образования, характеризующееся массовизацией контингента студентов, разнообразием образовательных профилей и ростом неравенства в доступе к образовательным ресурсам. Эта динамика, отражающая определённый демократический прогресс, одновременно выявляет глубокие противоречия между индивидуальными устремлениями, институциональной логикой и ограничениями, диктуемыми рынком труда. Именно в этом изменчивом контексте и помещено настоящее исследование, посвящённое анализу студенческих идентичностей и дифференцированных образовательных траекторий студентов-социологов в Мали, рассматриваемой как пространство социализации, обучения и самоконструирования.

Социология как критическая дисциплина занимает особое место в академическом поле Мали. Долгое время она воспринималась как направление общего образования и до сих пор с трудом утверждается в качестве профессионализирующей дисциплины – как в институциональном, так и в социальном плане. Профессия социолога остаётся неясно очерченной и слабо признанной по своим функциям, часто смешиваясь с такими ролями, как социальный аниматор, интервьюер или агент по развитию. Этот дефицит признания ставит под вопрос сам смысл обучения, социальную ценность производимых знаний и место социолога в современном малийском обществе. Понимание того, каким образом студенты и выпускники социологических направлений формируют свою профессиональную идентичность в условиях нестабильности и слабой социальной оценки гуманитарных наук, становится, таким образом, важнейшей научной и социальной проблемой.

Понятие профессиональной идентичности, центральное в данном исследовании, относится к процессу самоконструирования через деятельность, взаимодействие и признание со стороны других. Клод Дюбар определяет её как результат биографической и реляционной трансакции между наследованной идентичностью (связанной с предшествующей социализацией) и целевой идентичностью (связанной с профессиональными устремлениями и социальными представлениями о профессии) [13]. Этот процесс

разворачивается в конкретном институциональном и социальном контексте, где логики обучения, социальные посредничества и отношения с рынком труда взаимодействуют сложным образом.

Социальное признание, по Алексу Хоннету, является ключевым условием самореализации и отражает то, как индивиды воспринимают подтверждение своей деятельности и идентичности со стороны других – будь то коллеги, институты или общество [18]. Эти два понятия – идентичность и признание – пересекаются в анализе образовательных и профессиональных траекторий, где поиск символической легитимности сопровождает стремление к экономической интеграции.

Исследования профессионализации гуманитарных наук в странах Африки к югу от Сахары, включая Мали (Мохамед Абдалла Хайдара [17]; Тьенфинг Сиссоко [27]), подчеркивают устойчивое противоречие между академическими целями обучения и требованиями рынка труда. Работы Усмана Марико [22] и Махамату Конате [20] демонстрируют хрупкость мостов между университетом и профессиональной сферой, особенно для нетехнических дисциплин.

Тем не менее, мало исследований посвящено непосредственно студентам и выпускникам социологии, а тем более тому, как они проживают и реконструируют свою идентичность в данном контексте. Настоящее исследование восполняет этот пробел, сочетая этнографический подход и метод «жизненного рассказа» для изучения динамики реальных траекторий.

Контекст высшего образования в Мали, характеризующийся массовизацией и ростом неустойчивости, предоставляет плодотворную основу для наблюдения этих напряжений. Между 2019 и 2022 гг. численность студентов выросла более чем на 60%, тогда как уровень безработицы и неполной занятости среди выпускников остаётся высоким (INSAT [19]; ONEF [24]). Университет Уологем Ямбо в Бамако, Университет Сегу и Высшая нормальная школа ежегодно принимают потоки студентов социологии, представляющих разнообразные социальные и культурные среды и обладающих различной мотивацией: призвание, стратегия, вынужденный выбор, переориентация или простое социальное влияние. Это разнообразие профилей позволяет понять, как университетская социализация, учебные практики и институциональные посредничества способствуют формированию дифференцированных идентичностей. Проблематика исследования формулируется вокруг центрального вопроса: как студенты и выпускники социологии в Мали строят свою профессиональную идентичность и в какой степени это способствует

или препятствует их социальному признанию и трудовой интеграции? Этот вопрос включает несколько взаимосвязанных аспектов: начальные установки и пути поступления на факультет, представления о профессии социолога, опыт обучения и академической социализации, а также условия перехода в профессиональную сферу. Эти измерения служат основой для анализа и организованы вокруг типологии профилей поступающих, начальных представлений о профессии, опыта обучения и студенческих социабилитетов.

Исследование строится на двойной теоретической основе. С одной стороны, теория человеческого капитала (Howard Becker [2]) позволяет рассматривать университетское образование как инвестицию в квалификацию, взаимосвязанную с сегментацией рынка труда (Peter Doeringer и Michael Piore [11]). С другой стороны, теория социального капитала (Pierre Bourdieu [7]; James Coleman [9]) подчёркивает значение сетей, принадлежностей и социальных связей для доступа к занятости и профессиональному признанию. Эти подходы дополняются теорией жизненного пути (Glen Elder [16]), которая акцентирует внимание на временной динамике и индивидуальной биографии при конструировании идентичности.

Эмпирически исследование опирается на этнографический подход, сосредоточенный на жизнеописательных интервью. Прямое наблюдение и биографические интервью, проведённые между 2019 и 2022 гг. с 23 студентами и выпускниками социологии в возрасте от 18 до 39 лет, позволили зафиксировать разнообразие опыта. Три интервью проводились на разных этапах обучения – в начале, середине и конце курса – для отслеживания эволюции идентичности и стратегических корректировок. Тематический анализ содержания и триангуляция с наблюдениями выявили как закономерности в представлениях и практиках, так и диссонансы, связанные с социальными условиями, полом и культурным происхождением.

Результаты исследования показывают, что профили поступающих отражают разные социальные логики: кандидат по призванию, стратегический кандидат, кандидат по вынужденному выбору, кандидат под влиянием семьи и постепенный разочарованный, а также рефлексивный кандидат с критической и вовлечённой позицией. Эти профили эволюционируют под влиянием образовательного опыта, взаимодействий и преодоленных трудностей. Опыт обучения является амбивалентным пространством: студенты развивают критические знания, социабилитет и формы вовлечённости, но сталкиваются с материальными, педагогическими

и символическими препятствиями. Через эти испытания они постепенно переопределяют своё отношение к дисциплине и профессии, формируя идентичность «в становлении», основанную на рефлексивности и устойчивости.

Научная значимость работы заключается в связи университетской социализации с социальным и профессиональным признанием. Использование жизнеописательного метода позволяет глубже понять динамику формирования идентичности в малоизученном африканском контексте. Исследование освещает, как студенты и выпускники социологии в Мали выстраивают своё место в обществе, переживающем экономическую неопределённость, культурное многообразие и трансформацию форм знания.

Цели исследования включают анализ разнообразия профилей поступающих, понимание начальных представлений о профессии социолога и их эволюцию, исследование образовательного опыта и социальных посредничеств, а также изучение форм социализации и освоения дисциплины. Центральная гипотеза заключается в том, что формирование идентичности и социального признания студентов и выпускников социологии является результатом постоянной транзакции между личными ресурсами, институциональными структурами и социальными возможностями.

Таким образом, работа вносит вклад в обновлённое понимание студенческих идентичностей в современном Мали, исследуя взаимосвязь между обучением, идентичностью и обществом, а также расширяет размышления о месте социологического знания в социальных и культурных трансформациях страны.

1. Методология исследования. Прежде чем представить результаты нашего исследования, мы предлагаем краткий обзор трёх государственных высших учебных заведений, охваченных опросом.

Представление трёх государственных высших учебных заведений, охваченных исследованием. Исследование, посвящённое студенческим идентичностям и различным образовательным траекториям в области социологии в Мали, опирается на полевой материал, собранный в трёх государственных высших учебных заведениях: Университете Уологем Ямбо в Бамако, Университете Сегу и Высшей нормальной школе в Бамако. Эти учреждения функционируют в различных институциональных, социальных и географических контекстах, отражая разнообразие университетского ландшафта Мали и множественность логик, лежащих в основе обучения и социализации студентов в области гуманитарных наук, особенно социологии. Университет Уологем Ямбо в Бамако, ранее

Университет литературы и гуманитарных наук Бамако, возник в результате разделения бывшего Университета Бамако, который с 1996 по 2010 гг. был единственным университетом страны. Созданный в 2011 г. в рамках структурной реформы, направленной на децентрализацию и диверсификацию высшего образования, Университет Уологем Ямбо позиционирует себя как многопрофильный университет национального значения. В частности, здесь расположена Факультет гуманитарных и педагогических наук, где осуществляется подготовка по социологии. Миссия университета заключается в производстве и распространении научных знаний, а также активном участии в социально-экономическом развитии страны через подготовку критически мыслящих специалистов. С численностью почти 19 666 студентов, большинство из которых из столичного округа Бамако, Университет Уологем Ямбо демонстрирует высокую городскую привлекательность малийской университетской системы. Преподавательский состав включает 201 штатного сотрудника, из которых 20 женщин, что даёт примерно 154 студента на одного преподавателя (DGESRS [10, с.100]). Эта конфигурация, хотя и отражает академическую динамику, подчёркивает проблемы, связанные с массовостью наборов и ограничениями педагогического сопровождения. Университет располагает современными аудиториями, центральной библиотекой и научно-исследовательскими лабораториями в области гуманитарных наук. Тем не менее, инфраструктурные и логистические ограничения сохраняются, иногда препятствуя качеству обучения. Университет Уологем Ямбо остаётся центром интеллектуальной активности, где студенты социологии развивают критическое понимание малийского общества, его трансформаций и противоречий.

Университет Сегу, в свою очередь, отражает политику децентрализации и территориализации высшего образования Мали. Основанный в 2011 г. в регионе Сегу, с сильной агроспециализацией, он позиционируется как университет, служащий местному и региональному развитию. Факультет социальных наук предлагает бакалавриат и магистратуру по социологии, ориентированные на изучение сельских реалий, динамики сообществ и проблем территориального развития. Цель – обеспечить студентов теоретическими и методологическими навыками для анализа социальных и экономических изменений в различных контекстах. В Университете Сегу обучается около 9 000 студентов под руководством 88 штатных преподавателей, из которых 5 женщин, и 295 внештатных преподавателей (Там же). Эти показатели отражают

как жизнеспособность учреждения, так и продолжающуюся зависимость от внештатных преподавателей. Инфраструктура, хотя и скромная, демонстрирует стремление к постоянному улучшению: оснащённые аудитории, университетская библиотека, центр цифровых ресурсов и пространства для прикладных исследований. Университет Сегу отличается разнообразием студенческого состава, в основном состоящего из молодых людей из небогатых слоёв общества, а также более благоприятным академическим климатом, способствующим взаимодействию студентов и преподавателей. Он играет структурирующую роль в территориальном равновесии университетской системы Мали, обеспечивая равный доступ к знаниям и распространение социальных наук за пределами столицы.

Высшая нормальная школа в Бамако является старейшим учреждением высшего образования Мали. Основанная в 1961 г. и открытая в 1963 г., она занимает центральное место в подготовке образовательных кадров и учителей среднего образования. Основная миссия – обеспечение академической и профессиональной подготовки, основанной на научной строгости, педагогике и исследовательской деятельности. Высшая нормальная школа предлагает обучение по различным фундаментальным дисциплинам, включая социологию, которая преподаётся с двойной направленностью: рефлексивной и дидактической. В учреждении работают 98 штатных преподавателей, из которых 5 женщин, при общей численности 1 880 студентов (Там же). Такое соотношение преподавателей и студентов более сбалансировано, чем в других университетах, что способствует персонализированному педагогическому сопровождению и близкому наставничеству. Инфраструктура включает специализированные аудитории, лаборатории педагогических наук, хорошо оснащённую библиотеку и исследовательский центр по дидактике гуманитарных наук. Небольшой академический масштаб способствует формированию критического мышления и интеллектуальной вовлечённости студентов с целью образовательной профессионализации.

Таким образом, эти три государственных учреждения, благодаря своей истории, миссиям и особенностям функционирования, отражают сложность и богатство университетской сферы Мали. Университет Уологем Ямбо олицетворяет городскую центральность и академическую плотность Бамако; Университет Сегу – децентрализацию и территориализацию знаний; Высшая нормальная школа – институциональную преемственность и педагогическую строгость, унаследованную из образовательной истории страны.

Вместе они формируют пространство дифференцированного обучения, где студенческие идентичности в социологии формируются, испытываются и переопределяются между стремлениями, ограничениями и социальными посредничествами.

Сбор и обработка данных Сбор и обработка данных в исследовании проводились с использованием этнографического подхода, сочетающего прямое наблюдение и биографические интервью. Эти методы позволили максимально близко к участникам фиксировать логики их вовлечённости, представления и опыт студентов и выпускников социологии в Мали. Полевое исследование, проведённое в 2019–2022 гг., охватывало три государственных высших учебных заведения – Университет Уологем Ямбо в Бамако, Университет Сегу и Высшую нормальную школу, обеспечивая институциональное и территориальное разнообразие контекстов наблюдения. Двадцать три (23) участника в возрасте от 18 до 39 лет изучались методом жизнеописательного интервью, что позволяло рассмотреть конструкцию идентичности и образовательные траектории в диахронической перспективе. С каждым студентом проводились три последовательных интервью – в начале, середине и конце обучения, что позволяло отслеживать изменения мотиваций, практик и отношения к дисциплине. Выпускники, хотя и покинули учебное заведение, также подвергались повторному опросу в той же продольной логике, чтобы реконструировать преемственность между обучением и профессиональной интеграцией.

Обработка данных основывалась на тематическом анализе содержания с двойным индуктивным и теоретическим чтением. Вербатимы полностью транскрибировались, затем кодировались по категориям, выведенным из полевого материала и концептуальной рамки – человеческий капитал, социальный капитал, сегментация рынка труда и жизненный путь. Триангуляция между интервью, наблюдениями и институциональными документами позволила укрепить внутреннюю валидность анализа. Эта методологическая конструкция, ориентированная на понимание переживаемого опыта, позволила выявить дифференцированные динамики социализации, стратегии адаптации и социальные посредничества, формирующие студенческие идентичности в области социологии в Мали.

2. Результаты этнографического исследования. *Типология профилей поступления.* Анализ путей поступления в социологию в условиях университетской системы Мали выявляет множество социальных, когнитивных и биографических логик. Между выбором по призванию, вынужденной переориентацией и прагматическими

стратегиями студенты и выпускники, охваченные исследованием – всего двадцать три человека в возрасте от 18 до 39 лет – демонстрируют разнообразие условий доступа и образовательного опыта. Выделяемая типология не предназначена для закрепления траекторий в жёстких категориях. Она скорее подчёркивает логики действий и социальные посредничества, которые направляют выбор обучения. Эти профили – студенты по призванию, стратегические, переориентированные, по умолчанию, под социальным влиянием, разочарованные или рефлексивные – отражают различные способы «становления социологом» в среде, характеризующейся символической иерархией дисциплин и сегментацией университетского рынка. Это разнообразие подтверждает анализ Пьера Бурдьё о символической иерархии знаний и репродукции школьных установок в траекториях высшего образования [6, с. 145]. В Мали, как и в других странах, социология часто маргинализируется по сравнению с «благородными» направлениями – правом, экономикой, медициной – воспринимаемыми как легитимные пути социального успеха. Тем не менее для многих студентов и выпускников социология становится пространством интеллектуальной автономии, переопределения идентичности и социальной проекции.

Студент по призванию: ранняя склонность и поиск социальной полезности. Первый профиль – студент по призванию, чей выбор социологии продиктован относительно стабильным идентификационным проектом. Эти студенты или выпускники с раннего школьного возраста проявляют выраженный интерес к гуманитарным и социальным наукам. Их выбор основан на поиске смысла и стремлении к социальной пользе, часто вдохновляемый педагогическими или интеллектуальными авторитетами. Как свидетельствует Буреима Траоре, выпускник Высшей нормальной школы: «С раннего возраста я мечтал стать учителем. Я всегда хотел делать что-то полезное для общества» (29 лет, первое интервью, Бамако, 2019 г.).

В этих траекториях социология воспринимается не просто как академическая дисциплина, а как интеллектуальное и моральное призвание. Она соответствует понятию «моральной карьеры» Говарда Беккера [2, с. 38]: процессу предвосхищённой идентификации с социально ценимой функцией. Этнографические наблюдения в Высшей нормальной школе показывают, что этот профиль остаётся меньшинственным, но высоко вовлечённым. Студенты и выпускники активно участвуют в семинарах, клубах по чтению и коллективных

исследованиях, используя социологию как инструмент понимания мира и образовательного вмешательства.

Стратегический кандидат: между прагматизмом и контекстным расчётом В противоположность ориентации по призванию, некоторые студенты и выпускники выбирают социологию по более прагматичным причинам. Стратегический кандидат действует исходя из непосредственных возможностей университетской системы: доступность программы, близость университета, гибкость расписания или совместимость с другими экономическими и семейными обязательствами. Примером служит Ава Дьялло, студентка первого курса Университета Уологем Ямбо: «Я обратилась к социологии в университете, считая эту специальность такой, что могла бы облегчить моё трудоустройство после учёбы» (19 лет, второе интервью, Бамако, 2021г.).

Этот тип траектории подтверждает идею Мари Дюру-Белля [15, с. 87], согласно которой университетский выбор часто является рациональной адаптацией к структурным ограничениям, а не заранее продуманным проектом. Рассказы участников показывают, что расчёт возможностей преобладает. Для одних социология – способ компенсировать неудачу в более избирательной программе; для других – возможность поддерживать параллельную деятельность (работа, семья, бизнес). В этих траекториях человеческий капитал формируется инструментально, поскольку инвестиции в образование направлены прежде всего на максимизацию шансов на трудоустройство. Отношение к дисциплине остаётся утилитарным, но не лишено интеллектуального интереса. Со временем некоторые стратегические кандидаты развивают рефлексивное любопытство, превращая первоначальный расчёт в постепенное вовлечение.

Переориентированный кандидат: развилка и идентичностная конверсия. Третья категория объединяет переориентированных кандидатов, то есть тех, кто начинал обучение в другой программе перед переходом в социологию. Их переквалификация обусловлена неудачами, разочарованиями или административными ограничениями, включая непринятие первого выбора и автоматическое распределение через цифровую платформу *CampusMali*. Как отмечает Кассим Силла, магистрант в Высшей нормальной школе: «Экономика – это был выбор моей матери, когда я хотел поступать на бакалавриат несколько лет назад. Но в социологии я нашёл отклик своим собственным устремлениям» (31 год, финальное интервью, Бамако, 2022 г.).

Эти развилки соответствуют понятию Клода Дюбара «идентичностная конверсия» [12, с. 10] – процессу переопределения смысла себя через образовательный опыт. Полевые рассказы показывают, что первоначальная вынужденная переориентация может стать источником интеллектуального развития. Изучение социологии с её рефлексивным и критическим компонентом открывает новые горизонты понимания социального. В этом профиле дисциплина выступает как пространство примирения личных стремлений с институциональными ограничениями. Студент учится придать смысл выбору, первоначально воспринимаемому как поражение, превращая его в значимую траекторию. Такие переориентации часто встречаются среди студентов старше тридцати лет, нередко обладающих накопленным внеакадемическим опытом.

Кандидат по умолчанию: вынужденная ориентация и неопределённость дисциплины. Некоторые траектории явно обусловлены вынужденной системой распределения. Эти кандидаты не выбирали социологию самостоятельно, а были направлены туда платформой *CampusMali* после отклонения их первичных заявок. Студентка второго курса Университета Сегу Уму Бертэ признаётся: «Я даже не знала, что такое социология» (21 год, второе интервью, Сегу, 2021 г.)

Этот профиль иллюстрирует последствия бюрократизации университетской ориентации, описанные Франсуа Дюбэ [14, с. 112]. Административные процедуры, далекие от нейтральности, тихо перераспределяют образовательные судьбы. Эти студенты часто вступают в программу без чёткого представления о содержании и перспективах. Их академическая социализация происходит в состоянии неопределённости, между разочарованием и открытием. Этнография первых семестров показывает, что студенты первоначально занимают выжидательную позицию, иногда выражающуюся в отстранённости. Но с течением времени, через стажировки и встречи с вдохновляющими преподавателями, они начинают переоценивать дисциплину. Первоначальное ограничение превращается в возможность интеллектуального открытия, хотя связь с знанием остаётся хрупкой.

Кандидат под социальным влиянием: предписания и символические наследия. Другой набор траекторий формируется под влиянием других людей. Родители, преподаватели или авторитетные фигуры непосредственно участвуют в решении о выборе направления, что отражает логику прогнозируемой социализации [23, с. 390]. Эти студенты и выпускники выбирают социологию, потому

что её рекомендовали легитимные авторитеты. Вспоминая опыт, Нухум Кулибали, выпускник Высшей нормальной школы, говорит: *«Это мой учитель философии в средней школе убедил меня выбрать социологию»* (27 лет, первое интервью, Бамако, 2019 г.).

Решение здесь основано на переданной доверенности. Вес семейного или школьного социального капитала проявляется в предписании направления. Выбор делается не в результате личного исследования, а через символическую делегацию.

Наблюдения показывают, что такие траектории могут развиваться в двух направлениях: некоторые превращаются в настоящие призвания, другие застревают в длительной индифферентности. Всё зависит от качества педагогических посредничеств и опыта обучения.

Разочарованный и прогрессивный кандидат: постепенное освоение и когнитивная переоценка. Многие студенты демонстрируют первоначально колеблющееся отношение, отмеченное неуверенностью или разочарованием. Их поступление в социологию было выбором по умолчанию или незнанием дисциплины, но постепенно трансформируется по мере осознания её потенциала. Как отмечает Буреима Дьяките, студент второго курса Университета Уологема Ямбо: *«Мой интерес к этой области рос, когда я открывал новые перспективы понимания общества»* (22 г., финальное интервью, Бамако, 2022 г.).

Этот профиль иллюстрирует динамику постепенного усвоения, описанную Петером Бергером и Томасом Лакманом [4, с. 132], где академическая реальность конструируется социально через опыт и взаимодействие. Методологические курсы, стажировки и коллективные обсуждения функционируют как механизмы дисциплинарного переочарования. Наблюдения в аудиториях показывают, что эти студенты часто активно участвуют в дебатах, стремясь связать теорию с социальным опытом. Первоначальное разочарование трансформируется в рефлексивное обучение, отмечая идентичностный поворот.

Рефлексивный кандидат: критическая позиция и интеллектуальное освоение. Наконец, последний профиль характеризуется рефлексивным освоением дисциплины. Эти студенты или выпускники, чаще из городских слоёв с высоким культурным капиталом, используют социологию как инструмент анализа социального мира. Они не обязательно стремятся к академической карьере, но применяют дисциплину как критическую рамку для понимания общества. Как отмечает Бакари Диарра, выпускник

Университета Сегу: *«Социология позволяет мне исследовать различные области и получать разнообразный опыт, который будет полезен»* (35 лет, первое интервью, Сегу, 2019 г.).

Их отношение к знанию дистанцированное и рефлексивное, в смысле, данном Дональдом Шьоном понятию «рефлексивного практикующего» [26, с. 42] – профессионала, способного осмысливать собственную практику. Эти кандидаты используют социологию как инструмент интеллектуальной легитимации и социальной активности, активно участвуя в ассоциативных проектах, стажировках или гражданских инициативах. Собранные рассказы показывают, что такая позиция формируется после успешной первой университетской социализации. Полевая практика, чтение и встречи с вдохновляющими преподавателями служат катализаторами трансформации. Этот профиль, хотя и меньшинственный, образует рефлексивное ядро дисциплины в университете Мали.

Типология профилей поступления в социологию выявляет множество социальных и символических логик, структурирующих доступ к дисциплине. Студенческие траектории не сводятся к индивидуальному выбору, они являются результатом совокупности посредничеств – семейных, институциональных, пространственных и когнитивных – формирующих отношение к знанию. Студенты по призванию и рефлексивные кандидаты демонстрируют устойчивую идентичностную ориентацию, тогда как стратегические, переориентированные или «по умолчанию» отражают последствия ограничительной и неравной системы ориентации. Профили под влиянием и разочарованные иллюстрируют пластичность траекторий и способность студентов адаптироваться к ограничениям. Это разнообразие свидетельствует о сосуществовании в малийской университетской среде нескольких форм рациональности: призывной, прагматической, адаптивной и рефлексивной. Поступление в социологию предстает как процесс дифференцированной социализации, где переплетаются стремления, ограничения и идентичностные переосмысления.

Первоначальные представления о профессии социолога. Анализ первоначальных представлений о профессии социолога выявляет глубокий разрыв между ожиданиями студентов и профессиональной реальностью. Сбор рассказов в ходе интервью показывает фрагментарные представления, колеблющиеся между образом исследователя, государственного служащего, преподавателя и социально активного деятеля. Многие студенты и выпускники открывают для себя социологию через смутное и зачастую

искажённое представление о дисциплине. В их рассуждениях социология предстает прежде всего как «наука о человеке» или «о обществе», при этом методы и цели дисциплины ими не полностью осознаются. Студент третьего курса Университета Уологем Ямбо Салиф Самаке резюмирует: *«До прихода сюда я думал, что социология изучает только человеческое поведение. Я не знал, что это также наука с инструментами и методами»* (22 года, первое интервью, Бамако, 2019 г.).

Эта интуитивная репрезентация соответствует понятию «докса» Пьера Бурдьё [8, с.56] – совокупности спонтанных верований, структурирующих восприятие социального мира до проявления критической рефлексии. На начальном этапе обучения студенты используют категории здравого смысла для описания социологии. Для части из них образ социолога ассоциируется с учёным-исследователем, нейтральным наблюдателем общества. Этот образ символически престижен, придавая профессии интеллектуальный авторитет, но без реальной привязки к рынку труда. Влияние СМИ и отдельных преподавателей, представляющих социологию как критическую и элитарную дисциплину, усиливает это представление.

В то же время другие студенты связывают социологию с более конкретными карьерными перспективами, такими как социальная работа, консультирование в сфере развития, организация общественной деятельности. В этом контексте социолог становится посредником социальных изменений, практиком, работающим с проблемами бедности, образования или здравоохранения. Такая инструментальная интерпретация особенно характерна для студентов и выпускников из скромных социальных слоёв или уже имеющих опыт работы в ассоциациях. Выпускница Университета Сегу Фанта Дьяките рассказывает: *«Я выбрала социологию, потому что хотела помогать людям менять своё мышление и образ совместной жизни»* (24 года, второе интервью, Сегу, 2021 г.).

Этот образ «реформатора» отражает стремление к социальной полезности и моральное отношение к знанию, которое Макс Вебер соотнёс бы с «этикой убеждения» [28, с.120] – действием, основанным на ценностях, независимо от немедленных результатов.

Между этими двумя полюсами – исследователем и социальным деятелем – выстраиваются многочисленные вариации. Некоторые студенты и выпускники рассматривают социологию как этап на пути к преподаванию в средних школах, другие – как возможность поступления на государственные конкурсы. Исследование также выявляет влияние безработицы среди выпускников на формирование

представлений о дисциплине. Социология иногда воспринимается как «рисковая» специальность, но формирующая, открывающая путь к универсальности. Разнообразие этих представлений отражает внутреннее напряжение дисциплины между критической наукой и инструментом вмешательства, между интеллектуальной автономией и поиском стабильной работы. Это напряжение подпитывает процессы идентичностной корректировки на протяжении всего обучения.

Опыт обучения: вклад, ограничения и социальные посредничества. Обучение социологии происходит в условиях институциональных контрастов, характеризующихся материальной нестабильностью, перегруженностью групп и ограниченностью карьерных перспектив. Тем не менее, полевые рассказы показывают проявления привязанности к дисциплине, связанные с постепенным открытием её объяснительной силы. Студенты и выпускники прежде всего упоминают структурные трудности как недостаток инфраструктуры и библиотек, задержки в проведении занятий, повторяющиеся забастовки. Например, в Университете Сегу амфитеатры часто делятся между несколькими курсами, что ограничивает педагогическое взаимодействие. Эти условия напоминают анализ Жан-Клода Пассерона о воспроизводстве неравенства в образовательных институтах [25, с. 94]. Нехватка ресурсов усиливает различия между студентами с автономным культурным капиталом и теми, кто полностью зависит от университетской среды. Несмотря на эти ограничения, обучение в социологии представляет собой пространство интеллектуального открытия. Ознакомление с классическими авторами – Дюркгейм, Маркс, Вебер – и исследовательскими методами (анкеты, интервью, наблюдение) становится введением в новый способ мышления. Несколько студентов и выпускников упоминают «когнитивный шок», вызванный первыми курсами методологии. Студентка третьего курса Университета Сегу Фатумата Конате рассказывает: *«Раньше я думала, что всё, что происходит в обществе, происходит случайно. Но я поняла, что за нашим поведением стоят социальные причины»* (23 года, первое интервью, Сегу, 2019 г.).

Это осознание соответствует «эпистемологическому разрыву», описанному Гастоном Башляром [1, с. 14] – переходу от спонтанного к научному мышлению. В этом процессе преподаватели играют ключевую роль в качестве посредников. Их личная вовлечённость, часто выходящая за рамки институциональных возможностей, поддерживает мотивацию и любознательность студентов.

Однако динамика обучения часто сталкивается с социально-

экономическими препятствиями. Многие студенты совмещают учёбу с неформальной деятельностью для обеспечения своих потребностей, что снижает регулярность посещения занятий. Таким образом, опыт обучения превращается в постоянное взаимодействие между материальными ограничениями и интеллектуальными вложениями. Поддержка со стороны сверстников и создание микро-сообществ обучения становятся важным ресурсом устойчивости. В читальных залах или социальных сетях студенты объединяются для обмена конспектами, ссылками на литературу и подготовки к экзаменам совместно. Эти формы когнитивной солидарности напоминают концепцию «близкого социального капитала», разработанную Нан Лином [21, с. 45] – совокупность ресурсов, мобилизуемых в повседневных отношениях для преодоления структурных неравенств. Этнографическое наблюдение также показывает, что практика на местности – стажировки в НПО, итоговые исследования – является ключевым моментом дисциплинарной социализации. Столкнувшись с реальностью сообществ, студенты испытывают напряжение между академическими знаниями и локальными практиками. Этот прямой контакт с полем укрепляет легитимность социологического знания и его привязку к реальности.

Опыт обучения проявляется как диалектика между ограничением и освобождением: ограничение через систему и материальные условия, освобождение через доступ к критическому пониманию социального мира.

Студенческая социализация и освоение дисциплины. Студенческая социализация играет решающую роль в том, как студенты осваивают дисциплину. Она представляет собой промежуточное пространство между академической институцией и индивидуальным опытом, позволяющее формировать коллективную идентичность «будущих социологов». В наблюдаемых университетах и Высшей нормальной школе эта социализация проявляется через неформальные учебные группы, факультетские ассоциации, кружки чтения и студенческие исследовательские коллективы. Эти сети являются пространствами горизонтальной передачи знаний и формирования критической компетентности. Ассоциации, такие как клубы гуманитарных наук или комитеты продвижения факультета, регулярно организуют конференции-дебаты и мероприятия по повышению общественной осведомлённости. Эти инициативы продолжают теоретическое обучение в публичной сфере и укрепляют чувство принадлежности к дисциплине. Примером служит Студенческий социологический клуб Высшей нормальной школы, где

участники еженедельно обсуждают статьи, обмениваются чтениями и готовят выступления в школах. Эти встречи становятся лабораториями коллективной рефлексии, где дисциплина формируется как живая практика.

Помимо институционального контекста, студенческая социализация способствует также моральному и политическому воспитанию студентов. Обсуждения в социальных сетях, дебаты о забастовках, участие в ассоциациях формируют критическое понимание роли социолога в обществе. Эта динамика соответствует «вторичной социализации», описанной Петером Бергером и Томасом Лакманом [3, с. 178] – усвоению социальных ролей через интеграцию в специфические подгруппы. Социология становится общим языком, символической рамкой, позволяющей коллективно осмысливать и обсуждать социальные вопросы. Однако эти формы социализации не лишены иерархий. Старшие студенты, знакомые с дисциплинарным жаргоном, занимают позиции символического лидерства. Новички, часто дезориентированные, полагаются на них в понимании неявных кодов обучения. Этот феномен воспроизводит, в миниатюре, внутренние неравенства академического поля, описанные Пьером Бурдьё [5, с. 220].

Наконец, эти неформальные пространства способствуют легитимации идентичности выбора социологии. Через участие студенты получают признание, которое институт порой не обеспечивает. Принадлежность к коллективу ослабляет чувство неполноценности, связанное с программой, и возвращает смысл университетским усилиям.

Таким образом, освоение дисциплины происходит не только через традиционное преподавание, но и через коллективный опыт студенческой социализации. Именно в этих взаимодействиях формируется образ «социолога в становлении» – одновременно наблюдателя, деятеля и субъекта собственной социализации.

Заключение. Изучение профилей поступления, представлений о профессии, опыта обучения и студенческой социализации демонстрирует «ситуативную» социологию, сформированную материальными, культурными и символическими условиями малийского контекста. Наблюдаемые траектории показывают, что доступ к дисциплине не сводится ни к простому академическому выбору, ни к социальному детерминизму. Это эволюционный процесс, в котором обсуждаются и корректируются идентичности, устремления и ограничения. Студенты и выпускники проходят путь от смутного принятия до рефлексивного освоения знаний через

собственный опыт и социальные посредничества. Таким образом, обучение социологии предстает как парадоксальное пространство: место воспроизводства неравенств, но также очаг осознания и интеллектуального освобождения. В условиях нестабильности и конкуренции между направлениями студенты и выпускники способны переосмысливать смысл своего участия, превращая иногда вынужденный выбор в настоящий проект познания.

Библиографический список

1. Bachelard Gaston, 1938, *La formation de l'esprit scientifique*, Paris, Vrin, 257 pages.
2. Becker Howard, 1964, *Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance*, New York, The Free Press of Glencoe, 177 pages.
3. Berger Peter et Luckmann Thomas, 1986, *La construction sociale de la réalité*, Paris, Méridiens Klincksieck, 288 pages.
4. Berger Peter et Luckmann Thomas, 1966, *La construction sociale de la réalité*, Paris, Méridiens Klincksieck, 288 pages.
5. Bourdieu Pierre, 1984, *Homo academicus*, Paris, Éditions de Minuit, 320 pages.
6. Bourdieu Pierre, 1979, *La distinction. Critique sociale du jugement*, Paris, Minuit, 672 pages.
7. Bourdieu Pierre, 1980, « Le capital social », dans *Actes de recherche en sciences sociales*, n° 31, p.2-3.
8. Bourdieu Pierre, 1980, *Le sens pratique*, Paris, Éditions de Minuit, 480 pages.
9. Coleman James, 1990, *Foundations of Social Theory*, Cambridge, Harvard University Press, 993 pages.
10. Direction Générale de l'Enseignement Supérieur et de la Recherche Scientifique (DGESRS), 2023, *Bulletin statistique de l'enseignement supérieur [années universitaires 2019-2020, 2020-2021, 2021-2022]*, 151 pages.
11. Doeringer Peter, Piore Michael, 1971, *Internal Labor Markets and Manpower Analysis*, Heath Lexington Books, 328 pages.
12. Dubar Claude, 2015, *La socialisation. Construction des identités sociales et professionnelles*, Paris, Armand Colin, 256 pages.
13. Dubar Claude, 1991, *La socialisation. Construction des identités sociales et professionnelles*, Paris, Armand Colin, 278 pages.
14. Dubet François, 1994, *Sociologie de l'expérience*, Paris, Seuil, 288 pages.
15. Duru-Bella Marie, 2006, *L'inflation scolaire. Les désillusions de la méritocratie*, Paris, Seuil, 105 pages.
16. Elder Glen, 1998, « The life course and human development », in William Damon and Richard Lerner, *Handbook of child psychology: Theoretical models of human development*, 5 th ed., New York, Wiley and Sons, p.939-991
17. Haidara Mohamed Abdoullah, 2024, « Employabilité des diplômés en sociologie au Mali », dans *Revue Scientifique Pluridisciplinaire de l'Institut National de Formation des Travailleurs Sociaux (INFTS)-Mali*, Vol.1, n°1, p. 1-12.
18. Honneth Alex, 2000, *La lutte pour la reconnaissance*, Paris, Cerf, 232 pages.
19. Institut national de la statistique (INSAT), 2022, *Consommation, pauvreté et bien-être des ménages, Rapport d'analyse du deuxième passage d'avril-juin*, Bamako, INSAT, 130 pages.
20. Konaté Mahamadou, 2022, *L'université entrepreneuriale et la problématique de l'employabilité*, dans Ziglôbitha, *Revue des Arts, Linguistique, Littérature et Civilisations*, n° 5, p. 289-305.

21. Lin Nan, 2002, *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*, Cambridge, Cambridge University Press, 292 pages.
22. Mariko Ousmane, 2012, *L'insertion professionnelle des diplômés de l'enseignement supérieur au Mali : cas de la politique d'aide à l'entrepreneuriat*, Thèses en économies et finances, Grenoble, Université de Grenoble, 317 pages.
23. Merton Robert King, 1968, *Social Theory and Social Structure*, New York, Free Press, 702 pages.
24. Observatoire national de l'emploi et de la formation (ONEF), 2021, *Étude élargie sur l'insertion professionnelle et l'employabilité des diplômés des institutions d'enseignement supérieur du Mali (Cohorte 2015-2018)*, Rapport final, Bamako, ONEF, 136 pages.
25. Passeron Jean-Claude, 1964, *Les héritiers : les étudiants et la culture*, Paris, Éditions de Minuit, 192 pages.
26. Schön Donald, 1984, *The reflective practitioner: How professionals think in action*, New York, Basic Books, 384 pages.
27. Sissoko Tiefing, 2014, *L'État de la réussite dans l'enseignement supérieur, Cas des étudiants de l'UFR SESS-STAPS à l'UPEC*, Paris, Académiques, 296 pages.
28. Weber Max, 1959, *Le savant et le politique*, Paris, Plon, 186 pages.

К ВОПРОСУ О БУХАРСКИХ ЕВРЕЯХ КАК ЭТНИЧЕСКОМ КОМПОНЕНТЕ СИБИРСКИХ ТАТАР-БУХАРЦЕВ

ON THE ISSUE OF BUKHARIAN JEWS AS AN ETHNIC COMPONENT THE SIBERIAN TATAR BUKHARIANS

А.М. Тюрин

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

A.M. Tyurin

Orenburg State University, Orenburg, Russia

Аннотация. У сибирских татар в прошлом обособилась этносословная группа – бухарцы. Имеется гипотеза, что в их этногенезе приняли участие бухарские евреи. Проверка гипотезы выполнена по данным популяционной генетики. Проведён сравнительный анализ частот переднеазиатских гаплогрупп Y-хромосомы тюменских и тобольских татар-бухарцев, а также бухарских, персидских и горских евреев. По тюменским татарам получены неопределённые результаты. Данные по тарским татарам (опубликованы выборочно) гипотезу подтверждают.

Abstract. In the past, the Siberian Tatars had a separate ethnic group, the Bukharians. There is a hypothesis that Bukharian Jews took part in their ethnogenesis. The hypothesis was tested using population genetics data. A comparative analysis of the frequencies of the y-chromosome haplogroups of the Tyumen and Tobolsk Tatar Bukharians, as well as Bukharian, Persian and Mountain Jews, has been carried out. Uncertain results have been obtained for the Tyumen Tatars. The data on the Tartars (published selectively) confirm the hypothesis.

Ключевые слова: популяционная генетика, Y-хромосома, сибирские татары, бухарцы, бухарские евреи.

Keywords: population genetics, Y-chromosome, Siberian Tatars, Bukharians, Bukharian Jews.

Введение. Сибирские татары включают три этнотерриториальные субпопуляции – тоболо-иртышские, томские и барабинские [1]. В первых двух группах в прошлом обособилась этносословная группа – бухарцы (бухарлык), сформированная в XVI–XIX вв. переселенцами из Средней Азии. Земледелием и скотоводством они начали заниматься до прихода русских в Сибирь [2]. Занималась этим, и став подданными Московского царства, позднее Российской империи [3, 4]. Часть бухарцев обособилась как торговое сословие.

Среди бухарцев выделено четыре их территориальные группы – тюменские, тобольские, тарские и томские [5]. По данным переписей 1926 и 1997 гг. численность бухарцев составляла 11,6 тыс. [6]. К середине XX в. они «отатарились». В настоящее время сохранилось только два центра компактного проживания татар-бухарцев. В Тюменской области посёлки Ембаево и Тураево, в Омской – Яланкуль, Уленкуль, Казатово, Аубаткан, Тусказань и другие [7].

Генетические портреты татар-бухарцев. По результатам тестирования татар-бухарцев инструментами популяционной генетики появились новые данные об их генезисе [7, 8]. Это гаплогруппы Y-хромосомы и их субклады, которые передаются по мужской линии.

В публикации [8] приведены (табл. 1) результаты тестирования пяти территориальных групп тоболо-иртышских татар (N=388), в том числе тюменских татар-бухарцев посёлка Ембаево (вблизи Тюмени).

Татары-бухарцы и ялutorовские татары (поселение Асланинское, к юго-востоку от Тюмени) отличаются от других татар повышенными частотами переднеазиатских гаплогрупп. Авторами публикации сформирована выборка, включающая данные по популяциям Сибири, Среднего Поволжья, Кавказа и Восточного Средиземноморья. По ней рассчитаны генетические расстояния татар-бухарцев от других популяций (с. 985).

Минимальные расстояния у них от популяций Западного Кавказа – черкесов, кабардинцев, абазин, абхазов, балкарцев и карачаевцев.

С генофондом этого региона татар-бухарцев сближает высокая частота у них гаплогруппы G2a-P15 и особенно её ветви G2a2b2a-P303. С узбеками и населением Бухары у татар-бухарцев не имеется даже отдалённого сходства. На диаграмме многомерного шкалирования татары-бухарцы попали в западно-кавказский кластер, а ялutorовские – в восточно-средиземноморский (греки, турки, крымские татары). Общий вывод: «Видимо, именно на Западном

Кавказе следует искать источник происхождения генофонда татар-бухарцев» (с. 985).

Таблица 1. Сибирские (тоболо-иртышские) татары. Частоты гаплогрупп Y-хромосомы [8]. Субэтническая идентификация гаплогрупп выполнена А.М. Тюриным

Гаплогруппа, субклад и его линии	Тоболо-иртышские	Искеро-тобольские	Иштыкско-токузские	Татары-бухарцы	Ялуторовские	Заболотные
N=	388	68	69	79	86	86
Восточно- и западноевропейские						
R1a1a1b1a1-M458	2,3	1,5	2,9	1,3	5,8	0
Переднеазиатские						
J1-M267	1,7	1,5	1,4	0	5,8	0
J2b-M12	3,4	0	0	6,3	8,1	2,3
J2*-M172*	6,7	2,9	0	2,5	27,9	0
G2a1a-P18	1,1	2,0	1,5	1,3	0	0
G2a1a*-P16*	0,3	0	0	1,3	0	0
G2a2b2a-P303	9,2	1,5	5,8	35,4	3,5	0
G2a2b1-M406	0,2	0	0	0	1,2	0
G2a*-P15*	0,5	0	0	2,5	0	0
E1b1b1a1-M78	2,2	0	0	8,2	2,3	0
I2a1-P37.2	3,1	0	11,6	3,8	0	0
Итого:	28,4	7,9	20,3	61,3	48,8	2,3
Азиатские						
R1a1a*-M198*	12,1	22,1	13,0	12,7	11,2	1,2
R1b1a1a2-M269	1,5	0	0	3,8	3,5	0
R2a-M124	1,7	7,4	0	0	1,2	0
Итого:	15,3	29,5	13,0	16,5	15,9	1,2
Сибирские						
N1c2b-P43	20,9	8,8	2,9	8,9	3,5	80,2
N1c1a-M178	11,2	14,7	11,9	7,6	12,8	9,3
Q*-M242*	11,5	16,7	37,7	0	3,5	0
Итого:	43,6	40,2	52,5	16,5	19,8	89,5
Монгольские						
C2*-M217*	0,3	0	0	1,3	0	0
C2b1b-M48	2,0	1,5	2,9	0	5,8	0
O1b-P31	0,6	0	2,9	0	0	0
O2*-M122	0,3	1,5	0	0	0	0
O2a2b1-M134	0,9	0	0	1,3	0	3,5
Итого:	4,1	3,0	5,8	2,6	5,8	3,5
Не идентифицированные						
R1b1a1a-P297*	2,8	2,9	2,9	1,3	3,5	3,5
I*-M170*	0,9	2,9	1,5	0	0	0
L1b-M317	0,9	2,9	1,4	0	0	0
H1-M69	1,8	8,8	0	0	0	0
Итого:	6,4	17,5	5,8	1,3	0	0

Тарские татары-бухарцы Уленкульского посёлка

Большереченского района Омской области являются изолированной группой. Предварительные результаты их тестирования (N=39) приведены в публикации [7]. Выявлено 18 гаплогрупп Y-хромосомы. Частоты приведены только для трёх: J1-M267 – 16 %, J2a-M67 – 16 %, J2b-M102 – 11 %. Судя по круговой гистограмме, приведённой в публикации, частоты других гаплогрупп находятся в пределах 3–5 %. Не обнаружено «генетических линий Y-хромосомы, характерных для современного населения Центральной и Средней Азии. [...] гаплогруппы, характерные для генофондов населения Западной Сибири» (с. 69). Общий вывод: генетический портрет татар-бухарцев, имеет сходство с народами Ближнего Востока и Кавказа (с. 66).

Таким образом, по данным популяционной генетики не подтверждено общепринятое мнение о формировании бухарцев на основе переселенцев из Средней Азии. Фактические данные указывают на Кавказ и Ближний Восток, как родину их предков.

Гипотеза и её проверка. Бухарцы – в прошлом обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов [9]. В Средней Азии в XVI–XIX вв. существовала ещё одна популяция. Это бухарские евреи (бухори). Они занимались торговлей и кустарными промыслами. Авторы публикации [10] отметили «роль бухарских евреев в становлении субэтнической группы – тобольских бухарцев» (с. 52). Но обосновали это только по косвенным данным и общим соображениям. Речь может идти о недостаточно проработанной гипотезе. Целью выполненного исследования являлась её проверка по данным популяционной генетики.

Бухарские евреи как субэтнос сформировались на основе персидских евреев [11]. На основе последних сформировались и горские евреи Кавказа [12]. Гипотезу можно проверить путём сопоставления частот переднеазиатских гаплогрупп Y-хромосомы у татар-бухарцев и трёх субпопуляций евреев – бухарских, персидских и горских.

У тюменских татар-бухарцев следующие частоты переднеазиатских гаплогрупп: J1 – 0%, J2 – 8,8%, G2a – 40,5% (в том числе G2a2b2a-P303 – 35,4%), E1 – 8,2%, I2a1 – 3,8% (табл. 1). Опубликованные частоты гаплогрупп у тарских татар-бухарцев приведены выше.

На сайте специализированного проекта YTree [13] опубликованы средние для всех евреев частоты переднеазиатских гаплогрупп: J1 – 17,3%, J2a – 16,3%, J2b – 4,2%, G – 7,5%, E – 18,2%, I2 – 3,9%. Всего 67,4%.

В статье [14] дан обзор имеющихся результатов тестирования

бухарских евреев по состоянию на 2024 г. Всего 8. В том числе J1 – 2, J2 – 1, E – 4, L – 1.

В базе данных по персидским евреям (N=55) [15] следующие частоты переднеазиатских гаплогрупп: J – 27,3% (в том числе J1 – 7,3%, J2 – 5,5%, J2a – 7,3%, J2b-M12 – 7,3%), G – 10,9% (в том числе G2a2b2a-P303 – 9,1%), E – 18,2%, I2 – 1,8%. Всего 58,2%. J2 – типизация гаплогруппы не доведена до J2b и J2a.

Результаты тестирования горских евреев (N=42) [16]: J – 42,9% (в том числе J1 – 26,2%, J2 – 2,4%, J2a – 4,8%, J2b-M12 – 9,5%), G2a2b2a-P303 – 11,9%, E – 19,0%, I2 – 4,8%. Всего 78,6 %.

Генетические потери персидских и горских евреев по переднеазиатским гаплогруппам принципиально идентичны. Соответствуют обобщённому портрету евреев. Ему соответствуют и гаплогруппы бухарских евреев. Этим подтверждаются письменные свидетельства о том, что бухарские и горские евреи сформировались на основе персидских евреев.

Тюменские татары-бухарцы отличаются от евреев отсутствием носителей гаплогруппы J1, низкими частотами гаплогруппы J2 и высокими гаплогруппы G. Но у них, как и у евреев, имеются носители гаплогрупп E и I2. Возможно, два первых отличия связаны с высокими частотами у татар азиатских – 16,5 %, сибирских – 16,5%, и монгольских – 2,6%, гаплогрупп (всего 35,6 %) и резким доминированием гаплогруппы G.

В YTree [13] гаплогруппа G2a2b2a-P303, кроме представителей популяций Кавказа (главным образом линия G-Y12277), включает арабов из разных стран и две еврейские линии: G-FGC31708 (N=7) – еврей без локализации, еврей из Польши, восточные евреи из Литвы и Польши, жители России (Краснодарский край), Германии и Молдавии; G-PN1776 (N=12) – 2 палестинца и 10 с территории Израиля. Кроме того, в ней есть сефарды (2), арабские евреи (2) и еврей-тат. Последний из Дагестана. То есть, эта гаплогруппа характерна, как для популяций Западного Кавказа, так и для евреев.

В целом проверка гипотезы об участии бухарских евреев в этногенезе тюменских татар-бухарцев дала неопределённые результаты.

У тарских татар-бухарцев суммарная частота гаплогрупп J1, J2a и J2b составляет 43%. У бухарских евреев – 37,5%, персидских – 27,3%, горских – 42,9%. У евреев в среднем – 37,8%. Соотношение частот этих гаплогрупп у татар бухарцев примерно такое же, как и для евреев в среднем. У персидских и горских евреев соотношение частот гаплогрупп разное. У первых по частоте доминирует J2, у

вторых – J1, По этому показателю тарские татары-бухарцы ближе к персидским евреям.

Опубликованные данные популяционной генетики по тарским татарам-бухарцам подтверждают гипотезу об участии бухарских евреев в этногенезе этой изолированной группы. Авторы публикации [10] не видят проблемы с их переходом из Иудаизма в Ислам. Мы выскажем другую гипотезу. Основой бухарцев явилось сообщество, близкое к персидским евреям, но являющееся мусульманским. Например, таты. Вопрос об их соотношении с горскими евреями крайне запутан [12]. Но генетически они могут быть одной популяцией, сформированной на территории Ирана. Важно отметить, что поселение Уленкуль возникло довольно поздно – в конце XVIII – первой половине XIX вв. [3]. Его жители могли появиться в Сибири в это время. Проверка гипотезы будет продолжена после публикации частот остальных 15 гаплогрупп Y-хромосомы у тарских татар-бухарцев.

Выводы: Данные популяционной генетики по тарским татарам-бухарцам (опубликованы выборочно) подтверждают гипотезу об участии бухарских евреев в этногенезе этой изолированной группы. По тюменским татарам-бухарцам получены неопределённые результаты.

Библиографический список

1. Ахатов Г.Х. Диалект западно-сибирских татар. Уфа: Издательство башкирского государственного университета. 1963. 115 с
2. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в. М.: Университетская типография (Катков и К), 1868. 94 с.
3. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Наука, 2011. 248 с.
4. Тычинских З.А. О некоторых особенностях формирования группы тобольских бухарцев в XVI-XIX веках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 3. С. 109–121.
5. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 271 с.
6. Тычинских З.А. Куда «исчезли» тобольские и тюменские бухарцы (историко-демографическая характеристика этносословной группы в конце XIX – первой трети XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 2 (57). С. 202–209.
7. Падюкова А.Д., Имекина Д.О., Ульянова М.В., Лавряшина М.Б. Частоты гаплогрупп Y-хромосомы у уленкульских татар Омской области. Сибирские Валеевские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 105-летию доктора исторических наук Ф. Т.-А. Валеева. Тобольск, 2024. С. 66–70.
8. Агджоян А.Т., Балановская Е.В., Падюкова А.Д. и др. Генофонд сибирских татар: пять субэтносов – пять путей этногенеза // Молекулярная биология. 2016. Т. 50. № 6. С. 978–991.

9. Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент : Фан, 1968. 74 с.
10. Карабулатова И.С., Шабамбаева А.Г., Никитин М.Ю. и др. Бухарские евреи и тобольские бухарцы на территории юга Западной Сибири и Казахской степи в XVII–XIX вв.: адаптационные практики ухода от конфликтов в купеческой среде // Вопросы истории. 2022. № 10-2. С. 52–65.
11. Емельяненко Г.Е. Бухарские евреи: судьба диаспоры // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 15–26.
12. Викторин В.М. Восточнокавказские ираноязычные иудеи («таты-иудаисты», «горские евреи», или «джухуры»): итоги переписи 2002 г. и проблемы этнолингвистической идентификации. Проблемы еврейской истории: материалы науч. конф. Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года. М., 2009. Ч. 2, гл. 3. С. 430–439.
13. YTree v11.05.00 <https://www.yfull.com/tree/> (дата обращения 30.10.2025)
14. Bukharian Jews In The Mizrahi Jewish DNA Project <https://bukharianjewishlink.com/index.php/feature/5789-bukharian-jews-in-the-mizrahi-jewish-dna-project#:~:text=A%20Bukharian%20Jewish%20lineage%20that,the%20ancient%20priests%20in%20Jerusalem> (дата обращения 30.10.2025)
15. Jewish Persian DNA - Y-DNA Results Overview. <https://www.familytreedna.com/public/JewishPersianDNA?iframe=ydna-results-over-view&srsId=AfmBOoq0nfWRpdXkSFG0OJgLRj3Odgm0fT9oypsBudJ0sY4Rv0pOr0zo> (дата обращения 30.10.2025)
16. Mountain Jewish DNA Project - Y-DNA Results Overview https://www.familytreedna.com/public/mountain-jewish-dna-project?iframe=ydna-results-over-view&srsId=AfmBOorel5HcvRdtlI8offbp4jMY_je3mYui4CgYm_ZtDgFrIT7UeGyF8 (дата обращения 30.10.2025)

ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF IDENTITY: REGIONAL PRACTICES

Л.В. Кубанова

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований,
г. Черкесск, Россия

L. V. Kubanova

Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies,
Cherkessk, Russia

Аннотация. В статье анализируется проблема формирования национальной идентичности и патриотизма в российском обществе. В условиях современных вызовов, с которыми сталкивается наше общество, патриотизм является базисом национальной российской идентичности. На примере одного из полиэтнических и поликонфессиональных регионов России - Карачаево-Черкесской Республики показана роль органов государственной власти, образовательной сферы, СМИ, общественных национальных организаций, духовенства в формировании ценностной сути общероссийской гражданской идентичности, одним из компонентов которой является патриотизм.

Abstract. The article analyzes the problem of the formation of national identity and patriotism in Russian society. In the context of modern challenges facing our society, patriotism is the basis of national Russian identity. The example of one of the multi-ethnic and multi-confessional regions of Russia - the Karachay-Cherkess Republic shows the role of state authorities, the educational sphere, the media, public national organizations, the clergy in the formation of the value essence of the all-Russian civil identity, one of the components of which is patriotism.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, общероссийская идентичность, национальная идентичность.

Keywords: patriotism, patriotic education, all-Russian identity, national identity.

В условиях глобализации и формирования многокультурного пространства современного общества проблема гражданской идентичности приобретает ключевое значение, выступая одним из определяющих факторов социальной устойчивости и поступательного развития государства [2, с. 480].

В стратегических документах Российской Федерации, в частности, в «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», обозначена необходимость формирования гражданской идентичности как приоритета государственной политики. Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно акцентировал внимание на росте межэтнической и межконфессиональной напряжённости в мире, что обуславливает актуальность изучения данной проблематики. Распространение националистических и религиозно-экстремистских настроений приводит к возникновению радикальных идеологических течений, дестабилизирующих социальные институты и подрывающих государственную целостность. В связи с этим исследование гражданской идентичности как фактора общественной консолидации и стабильности приобретает особое научное и практическое значение [1, с. 92].

Идентичность представляет собой фундаментальный элемент общественной интеграции, формирующий базу для становления гражданского сообщества. Она выступает системообразующим компонентом самоопределения личности, обеспечивающим сплочённость населения и устойчивость государственных институтов. Для полноценного развития любого социума необходима определённая иерархия социальных ценностей, разделяемых большинством его членов. К числу таких ценностей относится осознание гражданами своей принадлежности к государству, понимание сущности его политических процессов и институциональных механизмов. Формирование гражданской

идентичности особенно важно для молодого поколения, поскольку этот процесс тесно связан с социальной активностью, ответственностью и готовностью к участию в общественно значимой деятельности.

Гражданская идентичность может быть определена как совокупность устойчивых ценностных установок, культурных норм и идеалов, формирующих связь личности с государством, его законами, политической системой и социальными институтами. Она проявляется в ощущении принадлежности к нации, обществу и государственному сообществу, а также в признании и поддержке базовых демократических принципов – свободы, равенства и участия в политической жизни. Рассматривая феномен патриотизма, следует отметить, что он представляет собой эмоционально-нравственное состояние, выражающее чувство привязанности к родной стране, её историческому и культурному наследию. Патриотизм проявляется в стремлении защищать Родину, в готовности к самопожертвованию во имя её интересов, в уважении к историческому прошлому и национальным традициям. Этот феномен имеет многоуровневую структуру: от базовых форм – любви и уважения к семье, родному дому, местному сообществу – до более сложных, связанных с осознанием своей сопричастности судьбе государства и всего народа.

Гражданская идентичность и патриотизм обладают сходными характеристиками и во многом взаимодополняют друг друга. Оба феномена основаны на чувстве принадлежности к единой социальной общности и приверженности её культурным и моральным ценностям. Патриотизм является важнейшим элементом становления гражданской идентичности, поскольку уважение к государству и его традициям способствует формированию у личности чувства сопричастности, социальной ответственности и гражданской активности.

Исторически патриотизм занимает особое место в системе духовных и моральных ценностей российского общества. Он обеспечивал внутреннее единство страны, способствовал защите Отечества от внешних угроз, укреплению межнационального и межконфессионального согласия, а также поддержанию нравственных ориентиров в кризисные периоды истории. Будучи этическим регулятором поведения, патриотизм выполняет важную функцию в процессе социализации личности и формирования гражданской идентичности молодёжи.

В российском общественно-научном дискурсе значимость патриотизма как ценностной основы национального единства

рассматривается как одна из центральных тем. Признание роли патриотизма в формировании гражданской идентичности актуализирует необходимость теоретико-методологического анализа данного феномена, его структурных компонентов, факторов становления и влияния на политические процессы современной России. Кроме того, патриотизм выступает как инструмент символической политики и «политики памяти», базирующейся на сохранении и героизации исторического наследия. В отечественной научной литературе детально исследованы ценностные и психологические аспекты патриотизма, его функции в обеспечении морально-политического единства и социальной консолидации общества.

В настоящее время наблюдается усиление роли патриотизма как интегративного начала российского общества. Это обусловлено тем, что патриотическое сознание личности выступает детерминантой её гражданской позиции, социальной активности и самоидентификации. Таким образом, патриотизм можно рассматривать как сложную систему мировоззренческих установок, убеждений и эмоционально-нравственных переживаний, составляющих ядро гражданской идентичности.

Карачаево-Черкесская Республика представляет собой полиэтнический и поликонфессиональный регион Российской Федерации, где межэтническое взаимодействие осуществляется в контексте исторической памяти народов, формируемой не только событиями прошлого, но и современными политическими реалиями. В этих условиях важным условием укрепления гражданского единства и патриотического самосознания является сохранение историко-культурного наследия и противодействие попыткам фальсификации исторических событий. Национальная идентичность народов, проживающих в республике, основывается на общероссийском патриотизме, что позволяет представителям различных культур и религий идентифицировать себя как граждан России. Патриотизм выполняет объединяющую и интеграционную функцию, способствуя сохранению гражданского единства и стабильности в поликультурной среде.

Государственные органы Карачаево-Черкесской Республики реализуют комплексную региональную политику в сфере патриотического воспитания, включая разработку и утверждение программ, направленных на формирование патриотического сознания граждан. Основопологающим документом в данной области является Закон Карачаево-Черкесской Республики «О патриотическом

воспитании граждан в Карачаево-Черкесской Республике» [3], где закреплён принцип учёта региональных особенностей при пропаганде патриотических ценностей, что подразумевает развитие не только общероссийского, но и локального (регионального) патриотизма. В соответствии с данным законом субъектами патриотического воспитания выступают органы государственной власти и местного самоуправления, общественные, некоммерческие и религиозные организации, средства массовой информации, образовательные учреждения, а также граждане, участвующие в реализации программ воспитательного характера.

Основными целями патриотического воспитания в Карачаево-Черкесской Республике определены: формирование патриотических чувств и гражданского самосознания; развитие социальной активности, ответственности и нравственности; укрепление духовных основ общества; формирование готовности к созидательной деятельности во имя государства и общества; повышение значимости патриотических и общечеловеческих ценностей среди населения.

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне особое внимание уделяется изучению отечественной истории, организации мероприятий, посвящённых дням воинской славы, и увековечиванию памяти героических защитников Отечества – уроженцев Карачаево-Черкесии. Среди ключевых направлений патриотического воспитания можно выделить проведение «Вахт памяти», развитие поискового движения, взаимодействие образовательных учреждений с ветеранскими организациями, создание и поддержку музеев боевой и трудовой славы, установку мемориальных объектов и проведение тематических выставок.

На региональном уровне значительную роль в формировании патриотического сознания играют общественные институты – региональные отделения всероссийских движений и объединений, обеспечивающие реализацию единой государственной повестки в сфере воспитания. Важным аспектом становится взаимодействие органов власти, депутатского корпуса и национальных общественных организаций, особенно в контексте празднования юбилейных дат – 80-летия Победы и Года защитника Отечества. С учётом современных геополитических условий, ориентированных на укрепление государственной целостности и традиционных ценностей, особое значение приобретает работа с молодёжью в русле формирования патриотизма по принципу «от малой родины – к великой Отчизне» [4, с. 56].

Образовательная система Российской Федерации традиционно играет ключевую роль в процессе патриотического воспитания, где воспитательная функция становится равнозначной образовательной. Формирование ценностной системы гражданской идентичности опирается на образовательные и культурные стратегии, реализуемые в рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» (2021–2024 гг.), а также «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Особое место в этом процессе занимают религиозные институты, которые способствуют распространению духовно-нравственных патриотических ценностей среди широких слоёв населения. Духовные управления и религиозные организации Карачаево-Черкесии активно участвуют в воспитательных и просветительских инициативах, направленных на укрепление традиционных моральных ориентиров и формирование уважения к историческому наследию.

Значимыми субъектами патриотического воспитания являются также региональные средства массовой информации – телеканалы, печатные издания, официальные интернет-ресурсы и социальные сети, формирующие информационную политику, направленную на развитие исторического сознания и укрепление национального самосознания.

В условиях современных вызовов, патриотизм, являясь фундаментом национальной идентичности, формирует и укрепляет коллективный образ «мы – россияне», что способствует консолидации общества в рамках единой российской нации. Выполняя важные идентификационную и интеграционную функции, патриотизм выступает объединяющим фактором для населения страны, независимо от его этнической или конфессиональной принадлежности. Тем самым он обеспечивает сохранение государственного единства и способствует поддержанию гражданского согласия в условиях многонационального и поликультурного социума. Особую актуальность приобретает консолидация усилий государства, образовательных структур и гражданского общества, направленных на сохранение и укрепление патриотических ценностей как основы гражданской идентичности и устойчивого развития общества.

Библиографический список

1. Белоконев С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р. Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 90–98.
2. Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской, гражданской идентичности в

массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020 № 4(158). С. 480–498.

3. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 7 ноября 2016 года N 66-РЗ «О патриотическом воспитании граждан в Карачаево-Черкесской Республике» (с изменениями на 23 декабря 2024 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/444742999>

4. Щербина Е.А. Патриотизм в региональном измерении (на примере Карачаево-Черкесской Республики) // Вестник антропологии, 2023. № 4. С. 51-58.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЕТЕЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ

FORMATION OF CIVIC IDENTITY IN THE MULTICULTURAL SPACE OF THE REGION

С.В. Мажаренко

Ставропольский государственный педагогический институт,
г. Ставрополь, Россия

S.V. Mazharenko

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

Аннотация. Объективное укрепление значимости проблемы формирования национально-гражданской идентичности в современной российской действительности рассматривается как общероссийский национальный приоритет. Статья посвящена вопросу гражданской идентификации с учетом поликультурной специфики России, обосновывается национально-этническая природа данного феномена, затрагиваются особенности процесса гражданской идентификации детей дошкольного возраста в рамках гражданско-патриотической социализации.

Abstract. The objective strengthening of the importance of the problem of the formation of national-civil identity in modern Russian reality is considered as a national priority. The article is devoted to the issue of civil identification, taking into account the multicultural specifics of Russia, substantiates the national-ethnic nature of this phenomenon, and discusses the features of the process of civil identification of preschool children within the framework of civic and patriotic socialization.

Ключевые слова: идентичность, национально-гражданская идентичность, дошкольник, поликультурный регион, гражданско-патриотическая социализация.

Keywords: identity, national-civil identity, preschooler, multicultural region, civic-patriotic socialization.

Чрезвычайная важность формирования общероссийской гражданской идентичности нарастает в условиях поиска адекватной формулы укрепления российской государственности, решения стратегических задач безопасности и жизнеспособности России, преодолении кризиса национального духа, утраты ценностных ориентиров.

Особенно острым вопрос о формировании национально-

гражданской идентичности становится тогда, когда речь идет о таком сложном и разнообразном с точки зрения этнического состава государстве как Россия. Специфика российской идентичности заключается в ее национальном характере. В отличие от западных моделей, выстроенных только на институте гражданского общества и индифферентных к особенностям национальных культур, российская модель гражданской идентичности связана с формированием нации-государства, пониманием того, что Россия, по высказыванию В. В. Путина, представляет собой пример «полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром» [4].

Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи рассматривается как гармоничное сочетание общего и частного в самосознании личности. Идентификация в рамках гражданско-патриотической социализации личности, как естественный механизм отождествления себя с определенной социальной группой, не ограничивается только государственным контекстом и предполагает процесс этнизации личности, и выражается в национальном патриотизме, который «опирается на национальную культуру каждого народа,... способствует развитию национальных чувств и традиций» [2, с. 33]. Исходя из этого, российская национально-гражданская идентичность базируется на конгломерате правового контекста с чувством принадлежности к единой нации, ее истории и культуре, спаянных всеми народами, населяющими нашу страну.

Динамика современных миграционных процессов непрерывно усиливает культурную гетерогенность всех регионов России. Сегодня, пожалуй, нет ни одного моноэтнического региона, что, безусловно, предполагает максимальный учет национальных реалий в вопросах национально-гражданской социализации ребенка. Ставропольский край является традиционно одним из самых культурно колоритных, демонстрирует многоукладность и этническую мозаичность социального пространства. Пестрая этническая палитра, обусловленная особым геополитическим положением и дополняемая интенсивной миграцией, способствует усилению роли этнического аспекта в жизни людей нашего региона (равно как и других регионов России), независимо от рода их жизнедеятельности.

Усиление артикуляции идей национально-гражданской идентичности становится ключевым ориентиром современных образовательных стратегий. Начинать данную работу необходимо уже на ступени дошкольного образования, когда у ребенка

закладываются базовые механизмы идентификации и он делает первые шаги в поликультурную реальность. Социализируясь, дошкольник определяет свое место в обществе, идентифицируется. Смысл идентификации заключается в обнаружении себя в социальном мире, в результате чего закладываются и формируются основы самосознания личности. По мнению большинства исследователей (Дубровина И.В., Кон И.С., Олейник Л.Д., Столин В.В.), именно дошкольное детство является периодом возрастной сензитивности для формирования данного личностного образования [1, с. 66]. В дошкольном возрасте происходит формирование гендерной, семейной принадлежности, закладываются основы гражданской и этнической идентичности.

Процесс становления этнической идентичности ребенка в полиэтническом социуме так или иначе детерминирован полиэтническим характером среды и неизбежно сопряжен с осознанием существования других этнических групп. В современном социокультурном пространстве ребенок уже изначально, практически с самого рождения, включен в систему этносодержащих отношений, которые становятся неотъемлемой частью его жизни. Следует отметить, что для выстраивания положительной этнической идентичности, крайне важно, чтобы у дошкольника сформировались позитивные образы других этнических групп в процессе его гражданско-патриотической социализации.

Специалисты считают, что довольно трудно изменить негативные этнические стереотипы и предубеждения, если они уже сформировались [3, с. 84]. Опыт ранней социализации оказывается решающим для формирования этнических установок как готовности к конструктивному или, напротив, деструктивному взаимодействию в полиэтническом социуме. То есть, процесс социализации дошкольника в сложном, поликультурном мире должен быть связан с расширением его культурного опыта, развитием умения объективно воспринимать окружающее разнообразие людей, народов, культур.

Вхождение дошкольника в поликультурную действительность связано с расширением границ его культурного восприятия, развитием умения объективно воспринимать окружающее разнообразие людей, народов, культур. Процесс формирования основ российской гражданской идентичности неизбежно сопряжен с задачей воспитания ребенка как представителя собственного народа и как субъекта полиэтнического государства. Изначально, в условиях семейного воспитания ребенок приобретает культурные особенности своего народа (традиции, обычаи, ценностные установки и

ориентации), которые влияют на его представления об окружающем мире, способствуют формированию этнической идентичности как базовой основы в системе межкультурного взаимодействия.

В образовательном учреждении ребенок получает первый опыт межэтнических отношений, и от того, каким он будет, и какими при этом будет подкреплён ценностными установками, зависит его формирование в дальнейшем как индивида и члена социума. Для педагогов в условиях такой реальности крайне важно сформировать у ребенка понимание большой и сильной Родины, в которой проживают разные народы, воспитывать уважение и гордость за ее достижения исходя из того, что это есть вклад всех проживающих народов.

Одним из ключевых ориентиров педагогов является закладывание основ личности с позитивной этноидентичностью, открытой к пониманию и принятию иных культурно-ценностных оснований, ориентированной на успешную адаптацию в полиэтнической среде. Данный стратегический ориентир конкретизируется выделением следующих тактических задач:

1) закладывание позитивной культурной идентичности ребенка как субъекта этноса через освоение ценностей родной культуры;

2) развитие понимания факта существования и значимости культурных различий, а также элементов тождественности этнокультурных образцов;

3) расширение личного культурного опыта через обогащение представлений о культурно-этнической вариативности окружающего мира посредством знакомства с особенностями культуры других этнических общностей.

Таким образом, директивная направленность современного образования на формирование национально-гражданской идентичности связана с культурно-исторической и национальной спецификой России и предполагает наряду с государственным контекстом процесс позитивной этнической и общенациональной идентификации личности с учетом поликультурной реальности.

Библиографический список

1. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Монография. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. 140 с.

2. Гражданско-патриотическое воспитание: учебное пособие / сост. Иванова С.Ю., Иванова А.В., Попова С.В. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2012. 249 с.: ил.

3. Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г. Тренинг этнической толерантности для школьников. Учебное пособие для студентов психологических специальностей. М.: «Привет», 2004. 358с.

4. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. URL : http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

КОММЕНТАРИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК МАРКЕР ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

COMMENT IN SOCIAL NETWORK AS A MARKER OF IDEOLOGICAL SOCIOCULTURAL IDENTIFICATION

Ю.В. Никулич

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Yu.V. Nikulich

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия аудитории с автором исторического контента, в ходе которого осуществляется идеологическая идентификация участников взаимодействия. Анализ проведен на примере деятельности наиболее востребованного исторического блогера рунета 2025 г. С. Минаева на канале «Минаев live». Выявлено, что активную общественную дискуссию вызывают темы, посвященные революционным событиям в нашей стране в начале XX века. Комментаторы обозначают свою гражданскую позицию через оценку авторской интерпретации исторических событий. Делается вывод, что стратегии понимания прошлого, настоящего и будущего нашей страны конструируются не только благодаря профессиональным носителям исторического знания, но и посредством ответной реакции на исторические репрезентации аудитории социальной сети.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the interaction between the audience and the author of historical content, during which ideological identification of the participants takes place. The analysis is conducted using the example of the activities of blogger S. Minaev on «Minaev Live» channel. It has been found that the most heated public discussions arise around topics related to revolutionary events in the early 20th century and the Civil War in Russia. Commentators express their civic positions through evaluations of the author's interpretations of historical events. It is concluded that strategies for understanding the past, present, and future of our country are constructed not only by professional historians but also through the audience's responses to historical representations in social networks.

Ключевые слова: социальная сеть, анализ комментариев, исторический блогер, идеология, идентичность, историческая память, революция, гражданская война

Keywords: social network, analysis of comments, historical blogger, ideology, identity, historical memory, revolution, civil war

«Гражданская война» в комментариях российской аудитории к историческим видеоматериалам блогеров происходит в силу различия дискурсов у представителей разных социальных групп, носителей различных идеологий и габитуса. Под габитусом мы понимаем целостную систему диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий индивида, носящую неосознанный характер, результат опыта и интериоризации индивидом социальных

структур [1]. Понятие разрабатывалось П. Бурдые и описывает неосознанную «систему приобретенных схем», которая помогает индивиду ориентироваться в социальном пространстве и действовать в соответствии с ним [2]. Габитус блогеров и иных медийных персон действует как «структурирующая структура», порождая практики, которые объективно адаптированы к условиям, сформировавшим этот габитус.

В дискурсе многих авторов, сформированном на протяжении последних трех десятилетий, продолжается воспроизводство критических оценок революционных событий, несмотря на то что аудитория, в силу объективных процессов окружающей действительности и повышения уровня подготовки, интерпретирует их уже иначе. Бурдые сравнивает субъекта знания, держащегося своего габитуса, с Дон Кихотом. В его взаимодействии с реальностью структуры, сформированные прошлым опытом, отчетливее всего проявляется именно тогда, когда вероятное будущее не оправдывается, а диспозиции оказываются «не соответствующими объективным шансам в силу эффекта гистерезиса и получают негативное подкрепление, поскольку окружение, с которым они реально сталкиваются, слишком отличается от того, с которым они объективно согласуются» [2, с. 54]. Таким образом практики блогера, объективно согласованные с уже прошлыми социальными, экономическими и политическими условиями, не успевают приспособиться к новому бытию, в том числе виртуально-медийному. Такой эффект можно рассматривать и в контексте деструктивного влияния лидера мнений на аудиторию [3].

С понятием габитуса непосредственно связан концепт идентичности. Идеологическая идентичность выделяется как одна из форм социокультурной идентичности наряду с этнической, территориальной, конфессиональной, профессиональной, демографической [4].

Такая идентичность бывает заметна в комментариях к материалам в социальных медиа. Благодаря обратной связи пользователей мы наблюдаем процесс самоопределения (идентификации), выбора стороны, отнесения себя к тому или иному типу мировоззрения, и следовательно, к общности как носителю этого мировоззрения. Говоря словами Е.С. Поляковой, «в процессе идеологической идентификации личность (социальная группа, общество) усваивает значимые культурные ценности, являясь объектом идеологического воздействия, и, одновременно, в практике своей жизнедеятельности – субъектом идеологизации» [5].

Результатом процесса идентификации является сформировавшаяся идентичность.

Современные исследования показывают, как пользователи последовательно формируют поляризованные сообщества, где их идеологическая позиция в одних дебатах предопределяет их же позицию в других. Эта поляризация выходит за рамки отдельных тем, отражая более широкую картину идеологических разногласий. Э. Лору в соавторстве с коллегами из университетов Рима, Вены и Лондона полагает, что влияние отдельных участников внутри таких сообществ, по-видимому, вторично по сравнению с усиливающим эффектом избирательного воздействия определенных идеологически окрашенных нарративов [6].

Распространенными метриками взаимодействия контента социальных медиа с пользователями являются количество подписчиков, количество отписок, темп роста аудитории, количество просмотров, охват, уровень привлекательности, уровень общительности, коэффициент распространения, коэффициент вовлеченности аудитории, негативные реакции, пользовательский контент. Для того, чтобы показать разную степень актуальности тем, мы воспользовались сравнением количества просмотров, а также комментариев; сравнением коэффициентов вовлеченности; ценностно-смысловым анализом обратной связи потребителей.

В качестве кейса для анализа нами был выбран российский канал с культурно-историческим контентом, показывающий самый высокий темп роста аудитории за 3 года (2022-2025 гг.) – свыше 300%, т.е. более чем в 3 раза. Это YouTube-канал блогера, писателя, сценариста, ведущего и предпринимателя С.С. Минаева – «Минаев live» [7]. Средний ERR (Engagement Rate by Reach) описывает активность пользователей под конкретным видеоматериалом, а именно, средний % людей, которые проявляют интерес к публикации среди тех, кто ее увидел. В качестве ERR, т.е. коэффициента вовлеченности, мы воспользовались коэффициентом комментариев.

$$\text{Коэффициент комментариев} = \frac{\text{Количество комментариев}}{\text{Количество просмотров}} * 100\%$$

Автор презентует материал в формате storytelling (рассказывания историй), стремясь к максимально широкому охвату аудитории, педалируя свою непредвзятость и даже аполитичность. Отсутствие контента по вопросам внутренней политики СССР в 1937 г. и организации ГУЛАГ, типичного, например, для проявленного либерального дискурса, показывает реализацию маркетинговой

стратегии внешнего отмежевания от какого-либо идеологического направления. Подобная стратегия также является ответом на возникшие после 2022 г. риски исторического блогинга [8]. Десятку самых популярных роликов Минаева составляют кликбейтные темы, преимущественно связанные с инфоповодами: в политике (история продажи Аляски в связи с саммитом Россия – США в 2025 г.), в кинематографе (дело Чикатило в связи с выходом одноименного сериала в 2021–2022 гг.; освещение Нюрнбергского процесса, приуроченное к рекламной кампании фильма «Нюрнберг» в 2023 г.), в государственной культуре памяти (тема Второй мировой войны в связи с празднованием 80-летия Победы в 2025 г.). Неизменно востребованными у массовой аудитории являются «бульварные» темы: НЛО, теории заговоров и деятельность секретных организаций.

Рассмотрим лидирующую 10-ку исторического контента с точки зрения вовлеченности в него потребителей (№1-10 в табл. 1).

Таблица 1. Список наиболее популярных видеоматериалов на канале «Минаев live»

<i>Название видео</i>	<i>№ видео</i>	<i>Количество просмотров, млн</i>	<i>Количество комментариев</i>	<i>Коэффициент комментариев (коэффициент вовлеченности), %</i>
Зачем продали Аляску?	1	10	12770	0,13
Аненербе / Чем занималась самая секретная организация Третьего рейха?	2	9,5	8771	0,09
Нюрнберг	3	9,2	14381	0,16
Масоны / История масонства / Теория заговора	4	9	8018	0,09
11 сентября 2001 года / Как самый крупный теракт в США изменил весь мир?	5	7,8	13774	0,18
Вторая мировая война: 1939	6	7,6	8484	0,11
История НЛО / Одни ли мы во Вселенной?	7	7,5	13476	0,18
Карибский кризис / Холодная война	8	7,5	4577	0,06
Цивилизация Майя / Тайны древней цивилизации	9	7,2	5707	0,08
Чикатило: Ошибки и загадки в деле главного маньяка СССР	10	6,8	9027	0,13

Коэффициент комментариев в этой группе видеороликов не превышает 0,2 %. Самым активным сегментом по зрительской вовлеченности является группа видео, посвященных теме революционных преобразований в нашей стране, противостояния различных типов общественно-экономического и политического устройства (№ 17–20 в таб. 2). Просоветский и антисоветский, классовый и индивидуалистический мировоззренческий подход сталкиваются в комментариях под видеороликами, рассматривающими ключевые моменты истории России и СССР в XX веке (№ 11–20 в табл. 2).

Таблица 2 – Список видеоматериалов с наиболее активной дискуссией в комментариях на канале «Минаев live»

<i>Название видео</i>	<i>№ видео</i>	<i>Количество просмотров, млн</i>	<i>Количество комментариев</i>	<i>Коэффициент комментариев (коэффициент вовлеченности), %</i>
Августовский Путч 1991 / Провал ГКЧП	11	5,8	10743	0,19
Перестройка	12	5	10076	0,20
После Сталина / Как делили власть Берия, Маленков и Хрущев	13	3,5	4745	0,14
Расстрел Белого дома / Путч 1993	14	3,3	4834	0,15
Февральская революция / Отречение Романовых и ошибки Николая II	15	3,2	4057	0,13
Октябрьская революция	16	3,1	4323	0,14
Владимир Ленин: Гений революции или талантливый манипулятор?	17	2	8849	0,44
Почему началась Гражданская война в России?	18	1,2	5732	0,48
1913: Самый лучший год Российской империи	19	0,9	4813	0,56
Александр Колчак: Герой Гражданской войны или кровавый диктатор?	20	0,8	3686	0,47

Сравним материалы с наименьшей и наибольшей вовлеченностью аудитории. Количество просмотров видео «Карибский кризис / Холодная война» (7,5 млн) более чем в 8 раз превышает количество просмотров ролика «1913: Самый лучший год

Российской империи» (0,9 млн). Тема Холодной войны в целом и Карибского кризиса в частности является довольно «раскрученной», популярной, узнаваемой и интересной обывателю, а не только специалисту. При этом в оценке противостояния с внешним противником в горячих и холодных конфликтах прошлого в российском обществе присутствует относительный консенсус, что и объясняет низкую вовлеченность комментаторов. Комментаторская активность к материалу про 1913-й год как последний мирный год перед Первой мировой войной гораздо значительнее и имеет коэффициент 0,56%. Это более чем в 9 раз выше, чем активность комментаторов к ролику про Карибский кризис, где она составляет всего 0,06%. Острая тема выбора пути, исторической развилки привлекла наиболее политически активную и подготовленную аудиторию, не обязательно лояльную автору. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении видео, посвященных теме Гражданской войны.

Рассмотрим подробнее структуру комментариев к видеопродукту «Почему началась Гражданская война в России?» [9]. Мы изучили коллаборативный дискурс 611 сообщений (наиболее популярных по рейтингу записей из общего количества 5732), т.к. вес содержательного комментария с лайками, ответами и обсуждением важен не только для алгоритмов сети, но и для ценностно-смыслового анализа.

Рисунок 1 - Соотношение позитивных, негативных, нейтральных и смешанных комментариев к видеоматериалу «Почему началась Гражданская война в России?»?

Видеонаратив набрал свыше 1 млн просмотров менее чем за 2 недели с момента публикации и является гибридом научно-популярного и коммерческого продукта. Его тема привлекла неоднородную аудиторию, одна часть которой поддержала автора,

другая – высказала критику материала, третья – предпочла иронические и саркастические оценки. По характеру отклика комментарии можно разделить не несколько неравноценных групп. Соотношение позитивных, негативных, нейтральных и смешанных комментариев показывает тональность настроений комментаторов (рис. 1). Содержательно-смысловая структура каждой группы включает разнонаправленные модули (рис. 2).

Рисунок 2 – Смысловые модули комментариев к видеоматериалу «Почему началась Гражданская война в России? Уроки истории. Минаев»

Нейтральный блок сообщений содержит модуль рекомендации потребителями других историков и исторических блогеров, а также модуль семейной памяти. Большим весом обладают комментарии, упоминающие или советующие художественную литературу по теме Гражданской войны как источник, который заслуживает доверия, т.е. подменяющий для обывателя исторический источник. Среди названных авторов и произведений: «Тихий Дон» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Железный поток» А. Серафимовича, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Белая гвардия» и «Бег» М. Булгакова, «Десять дней, которые потрясли мир» Д. Рида, «Двенадцать» А. Блока, «Окаянные дни» И. Бунина.

Для сравнения – позитивные комментарии (например, «Огромное спасибо Сергею Минаеву за точное, бережное и всеобъемлющее раскрытие такой сложной и неоднозначной темы») хоть и занимают значительный объем записей, обладают при этом наименьшим весом, т.е. получили один или несколько лайков. В свою очередь, высокий уровень привлекательности у комментариев про рекламу, имеющих скорее осуждающий характер: «Жду рекламу очередного ЖК-комплекса с отдельными входами для господ и obsługi...» (604 лайка, 29 ответов); «Это какая-то ирония? В ролике

по гражданской войне рекламировать домик для господ» (363 лайка, 54 ответа). В подобных сообщениях уже проявлена идеологическая позиция, а не просто абстрактная ирония и сарказм (например, «Упущена возможность вставить рекламу сети "Красное и Белое"» (133 лайка, 4 ответа)). Факт наличия рекламы вызывает отторжение как сам по себе, так и в связи с позицией автора: «Досмотрел до рекламы и хватит. Минаев предвзято к Красным, видно, что симпатизирует белым».

Комментарий «Очень показательно вставили рекламу квартир за 200 млн в ролик про гражданскую войну» (912 лайков, 74 ответа) также носит пограничный характер, т.к. одновременно подбирается к осмыслению современной социально-экономической ситуации в российском обществе. Более четко эта мысль сформулирована в записи: «Сейчас похожие процессы. Чиновники строят себе квартиры и дома на тысячи квадратных метров. Зачем столько? А для народа, студии по 20м2» (87 лайков, 9 ответов). Параллели с настоящим временем – ярко выраженный модуль комментариев:

«Ничего не меняется! История - это как круговорот воды в природе!»;

«Актуальна тема, дающая необходимую теоретическую подготовку перед неминуемо надвигающейся практикой»;

«Россия раз за разом наступает на одни и те же исторические грабли - на ровном месте создать себе проблемы и потом героически их преодолевать».

В коллокации к «сейчас» в комментариях аудитории фигурируют слова и словосочетания «собчак», «замкадыши», «классовая ненависть» (рис. 3), что показывает также идентификацию по критерию принадлежности к социально-экономической страте.

Контексты		Bubblelines		Коллокации	
Слово				Словосочетание	
☐	сейчас			собчак	
☐	сейчас			руками	
☐	сейчас			процессы	
☐	сейчас			просто	
☐	сейчас			происходит	
☐	сейчас			примерно	
☐	сейчас			похожие	
☐	сейчас			потихоньку	
☐	сейчас			обществе	
☐	сейчас			ненависти	
☐	сейчас			народу	
☐	сейчас			классовой	
☐	сейчас			замкадышам	

Рисунок 3 – Коллокации модуля параллелей с настоящим временем

Поскольку в теме ролика заявлено слово «почему», часть аудитории ожидала озвучивания причинно-следственных связей и, не удовлетворив свой запрос, воспользовалась областью для комментариев как площадкой для опубликования собственного взгляда на важные моменты исторического процесса. Это объемные сообщения с анализом мотивации и действий разных сторон конфликта, положения крестьян, рабочих, иноверцев и других социальных групп. Аудиторию не устраивает, что Минаев говорит о «ненависти» как факте, не объясняя причин событий; говорит о революциях, не упоминая Ленский расстрел и Кровавое воскресенье; говорит о гражданской войне, не упоминая интервенцию; наконец, называет февральские события «революцией», а октябрьские – «переворотом», что является для многих понятным и узнаваемым маркером. Авторы сообщений пытаются восполнить логические упущения автора видеоролика:

«Ну да, 99 % людей жили за чертой бедности, а потом все удивляются – почему же была гражданская война»;

«Бред, а сколько солдат и матросов было перебито этими офицерами и аристократами? Просто они были бедными, и их почти никто не запомнил».

В итоге часть аудитории стигматизирует Минаева как «псевдоисторика», «лжеца» и «булкохруста», имея в виду антибольшевистский характер его оценки событий. «Хруст французской булки» – понятие, которое было введено в современную политическую культуру С.Г. Кара-Мурзой и образно характеризует все утерянное вместе с Российской империей («Россией, которую мы потеряли»). В настоящее время этот интернет-мем используется как для маркировки монархистов, так и для выявления латентного либерального дискурса.

Очевидно, что часть аудитории намеренно внимательно изучило видеоматериал, чтобы иметь возможность написать опровержение и деконструировать авторскую интерпретацию:

«Из ролика я понял, что Большевики пьяные, неумелые, глупые, неблагодарные, дикие и невоспитанные, а белые хорошие, умные, умелые, воспитанные, образованные, и все такие за царя и Бога, и за традиции»;

«Минаев не будет собой, чтобы не "пнуть" большевиков»;

«Короче, мужика так прижали господа, что он пошёл на "абордаж" не жалея своей жизни. А говорить час с лишним, забалтывая и перевирая – сущность господина минаева».

Помимо противопоставления «господа – мужики» встречаются

и иные способы дифференциации социальных общностей:

«Не красные против белых, а эксплуатируемые против эксплуататоров».

Таким образом, комментаторы указывают на однобокость и ангажированность в освещении событий автором, а кто-то прямо маркирует ролик как «высказывание политического мнения», а не исторический анализ. Для тех, кто идентифицирует себя с системой ценностей большевиков (красных, советов, трудового народа), автор представляется чужим, принадлежащим к когорте «господ». В соответствии со своим габитусом – системой устойчивых практик, вкусов и убеждений – Минаев ассоциируется у части аудитории не только с культурной средой профессионального медийщика, но и экономическим классом. Габитус класса неосознанно влияет на выбор идеологического дискурса и predisposedness к социокультурным практикам. Антисоветские нарративы, игнорирование причинно-следственных связей являются глубоко укорененными свойствами современной российской творческой интеллигенции с высоким уровнем достатка и качества жизни. Поэтому вывод многих пользователей о «продолжении гражданской войны в комментариях» относится не только и не столько к конкретному медийному материалу, сколько к ситуации поляризации убеждений в российском обществе в целом, влияющей на гражданскую идентичность.

Ограничения и выводы. Анализ анонимных комментариев не может учесть поколенческий и другие аспекты мировоззрения. Поэтому для выявления различий в картине мира граждан разных возрастов целесообразны такие методы исследования, которые позволяют учитывать социально-демографические характеристики [11]. Сами по себе исследования сообщений в сети из-за слабо структурированного или полностью неструктурированного характера сталкиваются со сложностью обработки данных. Поэтому исследователи продолжают разработку автоматических методов анализа тональности и кластеризации комментариев с целью оценки воздействия видеоконтента на аудиторию [12]. При этом качественное распознавание ценностно-смыслового содержания сообщения, наличия юмора или «языка Эзопа» (иносказаний) до сих пор возможно только при непосредственном участии профессионала.

Данное исследование показывает, что среди российской аудитории социальных медиа (т.е. значительного сегмента гражданского общества) основной точкой разногласий является не столько противостояние с внешними силами, сколько внутренние

процессы, происходящие сегодня в нашей стране. Отсутствует единое понимание перспектив нашего общего будущего. Система социального неравенства продолжает порождать социальные конфликты как минимум на уровне нарративов. Несмотря на возросшие риски публичных высказываний для граждан, социальные сети продолжают оставаться пространством для общественных дискуссий, в ходе которых формируется идеологическая и гражданская идентичность.

Библиографический список

1. Батурчик М.В. Габитус / Гуманитарный портал: концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002-2025 (последняя редакция: 09.10.2025). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7318>.
2. Бурдые П. Структура, габитус, практика / пер. с фр. Н.А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. № 2. С. 44-59.
3. Ekinici Yu., Dam Sh., Buckle G. The Dark Side of Social Media Influencers: A Research Agenda for Analysing Deceptive Practices and Regulatory Challenges // Psychology & Marketing. 2025. Vol. 42, №4. P. 1201-1214.
4. Галмагова Г.М., Кокаревич М.Н. Типология форм социокультурной идентичности // Вестник науки Сибири. Гуманитарные науки. 2018. № 3 (30). С. 48-60.
5. Полякова Е.С. Идеологическая идентичность и ценности образования // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1 URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=8282> (дата обращения: 01.11.2025).
6. Loru E. Ideology and polarization set the agenda on social media // Nature. Scientific Reports. 2025. №15. URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-025-19776-z> (дата обращения: 01.11.2025).
7. Минаев live [Канал на видеохостинге]. URL: <https://www.youtube.com/@minaevlive> (дата обращения: 01.11.2025).
8. Никулич Ю.В. Рискогенность публичной истории в цифровой среде (на примере российского видеоблогинга 2020-х гг.) // Цифровая социология. 2023. № 6(3). С. 11–20.
9. Почему началась Гражданская война в России? Уроки истории. Минаев [Видео]. 06.10.2025 // Минаев live. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jVWKJ7DuArg> (дата обращения: 01.11.2025).
10. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Том 1. М.: Алгоритм, 2001. 675 с.
11. Константинов М.С. Мировоззренческие модели современных россиян (по результатам анкетного опроса 2023 г.) // Социодинамика. 2024. № 12. С. 38-50.
12. Погуда А.А., Тапе Хабиб Жан Макс. Разработка интеллектуальной системы для обработки слабоструктурированных данных: отраслевая структуризация и расширенный анализ информации, извлеченной из комментариев к видеороликам в социальных сетях // Открытое образование. 2025. Т. 29. № 2. С. 55-70.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА СРЕДСТВАМИ УЧЕБНОГО КУРСА «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ КУРСКОГО КРАЯ»

FORMATION OF REGIONAL IDENTITY OF UNIVERSITY STUDENTS THROUGH THE COURSE «HISTORY OF CULTURE OF THE KURSK REGION»

С.В. Супряга

Курский государственный университет , г. Курск, Россия

S.V. Supryaga

Kursk State University, Kursk, Russia

Аннотация. В статье раскрываются содержательные аспекты формирования региональной идентичности студентов университета средствами учебного курса «История культуры Курского края». Автор описывает тематику занятий, приводит различные формы работы в рамках указанной дисциплины, анализирует воспитательные возможности данного курса. Как показывают результаты опросов обучающихся, предмет «История культуры Курского края» позволяет студентам не только узнать новые для них факты из жизни родного региона, но и проникнуться гордостью за своих выдающихся земляков, прославивших Курскую землю в разных сферах общественной жизни, науки и искусства, самоотверженно защищавших её от иноземных захватчиков, начиная с древних времён и до сегодняшнего дня.

Abstract. This article explores the substantive aspects of developing university students' regional identity through the course «Cultural History of the Kursk Region». The author describes the topics covered, outlines various forms of work within this discipline, and analyzes the educational potential of this course. As student survey results demonstrate, the course «Cultural History of the Kursk Region» allows students not only to learn new facts about their home region but also to develop a sense of pride in their outstanding compatriots who brought glory to the Kursk region in various spheres of public life, science, and art, and who selflessly defended it from foreign invaders from ancient times to the present day.

Ключевые слова: региональная идентичность, студенты вуза, дисциплина «История культуры Курского края», экскурсионная работа, электронные ресурсы, творческие конкурсы, группы в социальных сетях.

Keywords: regional identity, university students, discipline «History of Culture of the Kursk Region», excursion work, electronic resources, creative competitions, groups in social networks.

В свете последних событий в Курском регионе актуализировалась проблема формирования региональной идентичности детей и молодежи. В августе 2024 г. многие молодые люди поспешили выехать за пределы области в поисках безопасного места жительства. Однако большая часть студентов вузов и ссузов все

свои каникулы работали на пунктах сортировки и выдачи гуманитарной помощи, помогали людям, вынужденно покинувшим свои дома в приграничье, расселяться в ПВР, оказывали необходимую психологическую и иную помощь старикам и детям. Многие обучающихся с первых дней оккупации Суджанского и других районов Курской области всеми силами помогали нашим военнослужащим выдворить врага с родной земли: вместе с преподавателями плели маскировочные сети, изготавливали окопные свечи, шили и вязали своими руками необходимую экипировку, готовили и вывозили на передовую обеды нашим бойцам, собирали средства для закупки медикаментов и одежды раненым, попавшим в госпитали...

Помогали курскому краю вся Россия и даже зарубежье. Караваны фур с продуктами, бытовой техникой, одеждой, постельными принадлежностями приходили с разных уголков нашей страны. Кто-то привозил все необходимое на личном транспорте... Автоволонтеры круглыми сутками помогали, чем могли. Объединяющим лозунгом всего населения региона стала фраза: «Мы сильны, когда мы вместе!»

Такое сознательное единение с теми, кто оказался в сложной жизненной ситуации, полагаем, обусловлено менталитетом курян, с древних времен стоявших на защите рубежей нашего государства.

За свою почти тысячелетнюю историю город-крепость Курск пережил немало. Несколько раз был испепелен, стерт с лица земли, но, как сказочная птица Феникс, возрождался из пепла вновь и вновь...

Курск возник как форпост Киевской Руси, призванный охранять ее юго-восточные границы от кочевых племен. Неоднократно подвергнутая пожарам во времена Царства Московского литовцами, поляками и крымскими татарами, крепость возрождалась вновь и вновь, закрывая собой дорогу непрошеным гостям на Русь.

В памятнике древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» есть всем известные слова: *«А мои-то куряне опытные воины: Под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, С конца копья вскормлены, Пути им ведомы, овраги им знаемы, Луки у них натянуты, Колчаны отворены, сабли изострены; Сами скачут, как серые волки в поле, Ища себе чести, а князю славы».*

В 1222 г. дружина князя Олега Курского приняла участие в совместном походе против монгольского войска, вылившееся 31 мая в грандиозную битву на Калке: *«А галичане и волинцы пришли каждый со своим князем. И куряне, и трубчане, и путивльцы,*

каждый со своим князем, прибыли конными», – гласит Ипатьевская летопись о тех ратных событиях.

В начале 1612 г. Курск выдержал многодневную осаду польско-казацкого войска, оставшись прочным оплотом России на её южных рубежах. Во время Смоленской войны Курск дважды пытались захватить казаки гетмана Яцко Острянина. В 1643 г. на Курск обрушилось крымское нашествие, разорившее Ямскую слободу. В 1644 г. татары учинили страшный погром в Путивльском и Рыльском уездах. В 1645 г. ногайцы ворвались в Ямскую слободу, ограбив Введенскую церковь. Но неизменно город выживал, с честью храня неприкосновенность русских границ. В годы войны с Наполеоном в Курске было сформировано народное ополчение из 14 тыс. пеших воинов и 300 конников и собрано около 2 млн. рублей пожертвований. Героический подвиг совершило Курское ополчение, единственное собранное из городов Российской империи, во время обороны Севастополя 1855 г. Куряне приняли самый тяжелый бой Крымской войны 1853–1856 гг. Это были крестьяне, мещане, чиновники, офицеры, духовенство. У часовни Святого Николая в Севастополе память о героическом поступке курян хранят мемориальные доски в честь Курских дружин 47-й, 48-й и 49-й [1–3].

В начале октября 1941 г. в Курскую область вторглись немецко-фашистские войска. Оккупация отдельных районов длилась от 7 до 23 месяцев. 8 февраля 1943 г. Советская Армия освободила Курск. В июле – августе 1943 г. здесь произошло величайшее в дни Великой Отечественной войны сражение – битва на Курской дуге. 2 сентября гитлеровцы были изгнаны из поселка Теткино – последнего населенного пункта области.

Курская земля дала свое имя одной из самых кровопролитных битв в истории – Великому танковому сражению на Огненной дуге 1943 года. 245 курян стали Героями Советского Союза, 58 – полными кавалерами ордена Славы.

Нельзя не отметить и награды, которые заслуженно получили Курск и куряне:

– Орден Ленина (7 декабря 1957 г.) – за успехи, достигнутые в увеличении производства и сдачи государству сахарной свёклы.

– Орден Ленина (5 августа 1968 г.) – за мужество и стойкость, проявленные трудящимися Курской области при защите Родины в период Великой Отечественной войны и за достигнутые успехи в восстановлении и развитии народного хозяйства.

– Курск – Город Воинской славы (27 апреля 2007 г.) – это звание присвоено городу указом Президента Российской Федерации

«За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества».

Считая, что каждый курянин должен знать героическую историю своего региона, его основные достопримечательности и природные богатства, а также своих выдающихся земляков, прославивших Курскую землю в разных сферах деятельности, почти десять лет назад в Курском государственном университете на факультете педагогики и психологии мы разработали и ввели в учебный план дисциплину по выбору «История культуры Курского края».

На сегодняшний день мы популяризируем этот учебный курс, разрабатывая самые разные активности для студентов и школьников, вовлекая в этот процесс даже детей дошкольного возраста и их родителей. Остановимся подробнее на целях и содержании факультативного курса «История культуры Курского края».

Цели освоения дисциплины: способствовать общему гуманитарному образованию обучающихся с учетом гуманистических и демократических принципов, расширять их кругозор; способствовать умению анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции, приобщать к творческой деятельности, развивать познавательные интересы, формировать практические умения.

Представим наименование разделов и тем, изучаемых в рамках данной дисциплины.

Вводный раздел предполагает знакомство студентов с понятием «региональная культура», с такой областью знания, как краеведение, с природными предпосылками возникновения и развития Курского края как субъекта Российской Федерации. История Курского края рассматривается как часть истории России.

Раздел 2 раскрывает особенности географического положения и разнообразие природных ресурсов Курской области как фактор возникновения и развития древних и современных поселений людей. Здесь студенты узнают, в частности, о Курской магнитной аномалии и об атмосферном заповеднике им. В. Алехина «Стрелецкая степь».

Третий раздел знакомит обучающихся со славными историческими этапами в жизни Курского края, событиями культурной жизни, связанными с ними. Отдельно рассматривается история Курского края с древнейших времен до XVII века, отдельно дворянский быт и усадьбы Курской губернии XVII-XIX вв. Особое внимание отводится дворцово-парковому ансамблю – имени князя

Барятинского «Марьино». История и культура Курского края в XX веке изучается, помимо прочего, с привлечением изображений города на старых фотографиях и открытках.

Следующая изучаемая тема – «Народная культура Курского края». Она богата разными промыслами (ковроткачество, лозоплетение, гончарное дело, в частности, широко известны курские кожлянская и суджанская керамические игрушки-свистульки), самобытным костюмом и фольклором.

Особое внимание отводится православным святыням Курского края, среди которых самая известная – Курская коренная пустынь в м. Свобода. Здесь на протяжении многих веков проводились ярмарки. Курские досточтимые святые: Феодосий Печерский, Серафим Саровский, Лука Крымский (в миру – Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, был хирургом, профессором медицины, много лет работал врачом на курской земле)

Раздел 4 – «Литература, искусство, архитектура Курского края». Студенты составляют литературную карту Курского края, осмысливают, какое место «курские соловьи» занимают на литературной карте России. Анализируют, как связаны «Слово о полку Игореве» и Курский край. Знакомятся с выдающимися литераторами прошлого и современности, начиная от библиографа Сильвестра Медведева, составителя первого лицевого букваря Кариона Истомина, и заканчивая такими авторами XIX–XXI веков, как А.А. Фет, Н.Н. Асеев, А.П. Гайдар, К.Д. Воробьев, Е.И. Носов и многие другие. Студенты узнают о том, кто из великих писателей бывал на курской земле и в каких своих произведениях как представил наш город и курян.

Следующая тема называется «Запечатленное на века», она посвящена курским живописцам и архитекторам. Один из выдающихся художников XX века – А.А. Дейнека. Мало кто знает, например, о том, что его мозаики украшают две станции метро в Москве.

Музыкальная жизнь Курского края связана с творчеством целого ряда выдающихся музыкантов (композиторов и певцов), самыми известными из которых являются Георгий Свиридов и Надежда Плевицкая. Тема «Свет курских рамп» раскрывает театральную жизнь Курского края. Самым известным курским актером, уроженцем села Красное был Михаил Семенович Щепкин, написавший, к стати, с легкой руки А.С. Пушкина прекрасные мемуары.

Современная культурная жизнь Курского края не менее многообразна. Это и ежегодный международный фестиваль «Джазовая провинция», и премия «Курская Антоновка», и многое, многое другое.

Занятия по Истории культуры Курского края проходят в самых разных формах. Это и экскурсии, и встречи с выдающимися земляками, и творческие конкурсы, и краеведческие квесты... Кроме того, на факультете ежегодно проводятся олимпиады для школьников по истории и культуре Курского края «Я – курянин», фотоквесты «Юный краевед» и «Курск – в кадре!». Студенты выступают на конференциях, форумах, круглых столах, к частности, в работе региональной студенческой научно-исследовательской площадки с международным участием, проводимой КГУ совместно с литературным и краеведческим музеями «Духовный путь земли Курской: литература, язык, история, культура», целью работы которой является создание творческого пространства для молодежи, способствующего сохранению традиционной культуры и литературы Курского края. Студенты ежегодно становятся финалистами во всероссийском конкурсе «Твой ход!» на платформе «Росмолодежь» с проектами краеведческой направленности. В рамках этих проектов созданы группы в «Социальных сетях», например, «Расскажу тебе о Курске: на пути к тысячелетию» (<https://vk.com/krai46?from=groups>), где представлены фото- и видеоматериалы, опросы, статьи, проводятся конкурсы видеороликов, викторины и многое другое.

Преподавателями кафедры теории и методики дошкольного и начально образования факультета педагогики и психологии Курского государственного университета создан краеведческий сайт, ведётся работа с дошкольными образовательными организациями и школами города по проведению мастер-классов, семинаров и вебинаров по истории и культуре курского края, написаны методические пособия, хрестоматии, разработаны рабочие тетради для детей, которые расходятся довольно большими тиражами [4–7].

Учебный факультативный курс «История культуры Курского края» становится стартовой площадкой для научно-исследовательской деятельности студентов, начиная от докладов и тезисов на конференциях и заканчивая курсовыми, бакалаврским и магистерскими выпускными квалификационными работами. Публикации по краеведческой тематике курских студентов можно найти даже в журналах, рекомендованных ВАК, таких, например, как «Начальная школа» [8–16].

Студенческие исследовательские проекты под руководством

преподавателей факультета дают богатый материал для лекций, в том числе читаемых в рамках повышения квалификации учителей начальных классов курских школ, лицеев и гимназий. В частности, была разработана тематика регионального компонента программы внеурочного курса для младших школьников «Разговоры о важном».

Проводимые регулярно опросы в социальных сетях и в виде письменных ответов на вопросы анкеты позволяют сделать вывод о том, что студенты, приходя в вуз, владеют лишь малым объемом информации о своем родном крае, но им интересно узнать больше. И мы предоставляем им такую возможность при изучении дисциплины «История культуры Курского края».

Как показывают результаты опросов обучающихся, предмет «История культуры Курского края» позволяет студентам не только узнать новые для них факты из жизни родного региона, но и проникнуться гордостью за своих выдающихся земляков, прославивших Курскую землю в разных сферах общественной жизни, науки и искусства, самоотверженно защищавших её от иноземных захватчиков, начиная с древних времён и до сегодняшнего дня.

Подобная комплексная краеведческая работа, на наш взгляд, дает возможность студентам и школьникам глубже погрузиться в историю и культуру родного края, заинтересованно посмотреть на произведения литературы, живописи, музыки, на природу своего региона, испытать гордость за своих известных земляков, сильнее полюбить свою малую родину...

Библиографический список

1. Королев Б.Н. История и современность Курского края: регион. учеб. пособие. Курск: Б. и., 2012.
2. Полнер Л.С. Курский край в истории Отечества. Курск: КГТУ, 1996.
3. Третьяков А.В., Цуканов И.П. Курский край в истории Отечества: материалы обл. науч.-практ. конф. (г. Курск, 16 мая 2012 г.). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2012.
4. Путешествие по Аз-Букам Курской земли: Книжка-раскраска: дидактическое пособие для развития графических навыков у детей дошкольного возраста на краеведческом материале / Сост.: М.А. Лукина, Л.В. Алехина; худож.-оформ.: Масленко В.В., Емельянова Е.В. Курск: Курск. гос. ун-т, 2021. – 32 с.
5. Бобравские сказки / вступ. ст. Ю.И. Юдина. Курск: Изд-во Курск.гос.ун-та, 2022. 102 с.
6. «Край родной, навек любимый» (произведения курских писателей): хрестоматия / сост.: С.Б. Каменецкая и др. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2023. 11-е изд. 150 с.
7. Регион 46: Дополненная реальность: интерактивное пособие по краеведению с элементами дополненной реальности / Под ред. Т.В. Воропаевой. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2024. 71 с.
8. Супряга С.В. История культуры Курского края: учеб-метод. пособие для студентов заочного отделения: Электр. учебное пособие. Курск Изд-во Курск. гос. ун-

та, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): зв. цв.; 12 см. Свидетельство о регистрации № 0322000095. 256 Мб

9. Коростелева М.С., Трофимова Т.А., Супряга С.В. Фотоквест как форма краеведческой работы с детьми младшего школьного возраста во внеурочной деятельности // Актуальные проблемы начального и дошкольного образования: онлайн-формат: материалы Всерос. студ. науч.-практ интернет-конф. / М.А. Лукина, С.А. Сеина, С.В. Супряга. Курск: Курск. гос. ун-т, 2022. С. 114–118.

10. Абдряшитова А.Р., Супряга С.В. Развитие речи и формирование социального опыта детей дошкольного возраста посредством дидактических игр на основе фольклорного краеведческого материала // Традиции фольклора в современной культуре детства: Юдинские чтения-2021 / редкол.: М.А. Лукина, С.А. Сеина, С.В. Супряга (отв. ред.). Курск: Курск. гос. ун-т, 2022. С. 204–208.

11. Лукина К.А., Супряга С.В. Лингвистический анализ текстов произведений курских писателей как средство повышения интереса у детей младшего школьного возраста к краеведческому материалу (научная статья) // Традиции и инновации в филологии XXI века и современном филологическом образовании: сборник докладов научного форума (г. Брянск, Брянская область, 20 мая 2022 г.) / Ред. колл. И.Н. Никитина, Н.В. Трошина. Брянск: Изд-во ИП Худовец Р.Г., РИСО БГУ, 2022. С. 27–32.

12. Лукина К.А., Супряга С.В. Повышение интереса у детей младшего школьного возраста к краеведческому материалу в процессе выполнения лингвистического анализа текстов (на примере произведений курских писателей) // Традиционное обучение и воспитание VS цифровая образовательная среда: материалы междунар. науч.-практ. студ. конф. / редкол.: М.А. Лукина, С.А. Сеина, С.В. Супряга (отв. ред., отв. секр.). Курск: изд-во Курск. гос. ун-та, 2022. С. 22–32 С. 103–107.

13. Супряга С.В., Сафронова Е.Е., Головина В.С. Использование квест-технологий при изучении краеведческого материала // Начальная школа. 2024. № 5. С. 58–61.

14. Котова А.В., Супряга С.В. Формирование региональной идентичности подрастающего поколения в ходе краеведческой работы (проект «расскажу тебе о Курске: на пути к тысячелетию») // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы X Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 133–142.

15. Супряга С.В., Головина В.С. Краеведческий аспект деятельности по литературному чтению в начальной школе (на материале произведений Н.С. Лескова) // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Выпуск 37. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2024. С. 323–328.

16. Никитина Д.В., Котова А.В., Супряга С.В. Обращение к культуре родного края во внеурочной деятельности в начальной школе (на примере фотоквеста «Юный краевед») // Проблемы и перспективы дошкольного и начального образования: современный научный поиск., посвящ. Году педагога и наставника в Российской Федерации, 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского, 90-летию журнала «Начальная школа», 45-летию факультета педагогики и психологии Курского государственного университета. Курск, 2024. С. 252– 257.

РАЗДЕЛ II. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОПЫТ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ПРОБЛЕМАТИКА ПАТРИОТИЗМА В НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ УЧЕНЫХ¹

PROBLEMS OF PATRIOTISM IN SCIENTIFIC PUBLICATIONS OF NORTH CAUCASIAN SCIENTISTS

Е.А. Щербина

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

E.A. Shcherbina

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты вторичного анализа проведенного исследователями из регионов Северного Кавказа дискурс – анализа научных публикаций по тематике патриотизма за 2014-2024 годы. Он позволил выделить основные направления исследований в сфере патриотизма и патриотического воспитания. Одним из основных является философский подход, рассматривающий патриотизм как категорию аксиологии. Политический вектор исследований связан с характеристикой патриотизма как идеологии и мотивационной поведенческой основы. Праксиологический аспект, ставший одним из основных в последнее пятилетие, ориентирован на изучение патриотизма как целесообразной деятельности. Приоритетным в исследованиях северокавказских исследователей является изучение механизмов формирования патриотизма средствами этнопедагогики, фольклора, мемориальной памяти.

Abstract. The article presents the results of a secondary analysis of the discourse conducted by researchers from the regions of the North Caucasus - an analysis of scientific publications on patriotism for 2014-2024. He made it possible to highlight the main areas of research in the field of patriotism and patriotic education. One of the main ones is the philosophical approach, which considers patriotism as a category of axiology. The political vector of research is associated with the characterization of patriotism as an ideology and motivational behavioral basis. The praxiological aspect, which has become one of the main ones in the last five years, is focused on the study of patriotism as an activity. A priority in the research of North Caucasian researchers is the study of the mechanisms of the formation of patriotism by means of ethnopedagogy, folklore, and memorial memory.

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков). Проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтнического российского общества» (FSRN-2023-0025)- руководитель С.Ю. Иванова.

Ключевые слова: патриотизм, философская рефлексия, праксиологический подход, аксиологическая основа, этнопедагогика, патриотическое воспитание.

Keywords: patriotism, philosophical reflection, praxiological approach, axiological basis, ethnopedagogy, patriotic education.

Актуализация вопросов, связанных с феноменом патриотизма, обусловлена, на наш взгляд, несколькими основными факторами, среди которых важнейшими выступают:

- геополитическая ситуация, которая в очередной раз обостряет вопрос о поиске объединяющей народы России, идеи;
- специальная военная операция, которая вызвала реальный подъем патриотических чувств у граждан страны, особенно у той части населения РФ, которая принимает участие в военных действиях;
- стратегическая линия, четко определенная Президентом страны, и направленная на возрождение традиционных российских ценностей.

Значимым фактором выступает изучение патриотизма, как идеологии и действия, в контексте общероссийской идентичности. Необходимость поиска и обоснования аксиологической основы единой российской нации – приоритетная управленческая, научная, практическая задача.

Представленная статья написана в рамках реализации проекта «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтнического российского общества» Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности. Проект реализуется во всех субъектах северокавказского федерального округа с 2023 года. Задачами проекта является изучение вопросов, связанных с патриотизмом, его основой, отношением к патриотизму молодежи Северного Кавказа. Применялись разные методики и техники для всестороннего изучения патриотизма как чувства, деятельности, идеологии.

В данной статье представлены результаты вторичного анализа проведенного экспертами из регионов Северного Кавказа (Ставропольский край, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Чеченская Республика) дискурс-анализа научных публикаций авторов из регионов Северного Кавказа за 2014–2024 годы по вопросам патриотизма и патриотического воспитания. В статье не

рассматриваются теоретические и методологические вопросы, с ними можно будет ознакомиться в коллективной монографии «Патриотизм как интегративная ценность полиэтнического российского общества». Акцент сделан на некоторых результатах дискурса – анализа научных публикаций, поэтому все заключения и выводы носят эмпирический характер, а выявленные закономерности отражают общее в полученных региональными исследователями результатах.

Анализ научно – исследовательского контента научной публицистики авторов Северного Кавказа за последнее десятилетие позволяет выделить несколько направлений в изучении проблемы патриотизма:

- понятийно-смысловые интерпретации патриотизма и категорий, тесно связанных с ним, – гражданственность, российская идентичность, духовно-нравственные ценности;
- анализ результатов социологических опросов по изучению ценностных ориентаций молодежи, акцентирующих внимание на патриотизме как политической ценности;
- формы и методы, техники и технологии формирования патриотического сознания в его рациональном и эмоционально-чувственном выражении;
- этноидентификационный аспект патриотизма, в основе которого лежит духовно – нравственный потенциал героического народного эпоса, русской и национальной (этнической) литературы, педагогического наследия народов;
- анализ практик формирования гражданственности и патриотизма у учащихся средних общеобразовательных школ и студентов вузов.

Все выделенные аспекты обозначенной проблемы отражают профессионализацию авторов научных статей, среди которых философы, социологи, педагоги, политологи.

В статьях представителей гуманитарной науки Северной Осетии – Алании патриотизм понимается как «чувство любви к Отечеству, готовность в любой момент встать на его защиту, активная жизненная и гражданская позиция, помощь в осознании собственного места в обществе» [1, с. 6-11.]. Это «преданность своему народу, готовность к защите, подвигам во имя Отечества, любовь к Родине и есть понятие патриотизма» [2, с.90]. «Любовь к Родине трудно словами объяснить. Ее не взрастишь. Разумеется, теоретически можно дать пространное обоснование своей любви к Отчизне» [3, с.178]. Патриотизм связывается со становлением гражданина: «в данном контексте предлагается понимать особую направленность самореализации и

социального поведения личности, предполагающего на основе любви и служения Отечеству, приоритет общественных и государственных начал над индивидуальными интересами и устремлениями» [4, с. 96]. Патриотизм как идеология соотносится с интернационализмом, противостоящим национализму и сепаратизму, и создающим фундамент гражданского единства и единого социокультурного пространства [5, с. 352–355].

Философский подход, характерный для ряда исследователей, позволил авторам статей определить патриотизм как «набор таких социально значимых характеристик, как уважение к обществу и историческому наследию своей страны, уважение к собственной культуре и традициям, ответственность перед социумом, развитые гражданственность и правосознание» [6, с. 120].

В статьях философов из других регионов Северного Кавказа, в частности, Карачаево-Черкесской Республики, концептуальное содержание феномена патриотизма связывается с такими базовыми ценностями как гуманизм, гражданственность, этатизм, социальная справедливость, этническая и конфессиональная толерантность, высокий уровень жизни, гордость за страну, её историю, достижения в различных сферах жизни и высокая культура, российская идентичность, духовно-нравственные ценности. Российский патриотизм характеризуется пониманием значимости политических символов, знанием истории, культуры, языка, обычаев, традиций своего народа и других, совместно проживающих, народов [7, с. 8–12.]. Авторы из Чеченской Республики отмечают, что «содержание патриотизма выражается в любви к своему Отечеству, преданности ему, в гордости за его прошлое и настоящее, стремлении и готовности его защитить» чувства любви к государству, гордости за своё Отечество, его историю и великие свершения [8, с. 266–270]. «Патриотизм это один из элементов бытия, возникшего вместе с формированием отдельного общества, государства, живущего в отношениях с подобными образованиями. Он проявляется, в первую очередь, на поверхности общественной жизни как феномен политической жизни, стимулирующий защиту интересов общности» [9, с. 96].

Исследователи из Чеченской Республики определяют патриотизм как совокупность чувств, идеологии и деятельности: «общественный и нравственный принцип, характеризующий взгляды и отношение людей к своему обществу и стране, которые проявляются в определенном образе действий и сложном комплексе общественных чувств, обычно называемых любовью к родине» [10,

с. 81]. В тоже время это «сложный комплекс, структурными сегментами которого выступают патриотическое сознание, патриотическое поведение, патриотические отношения и патриотические организации» [11, с. 122].

Ставропольские ученые выделяют в определении патриотизма чувственный компонент «в традиционном понимании – как любви к Родине» [12, с.148], подчеркивая значимое чувство гордости достижениями и культурой своей страны. В рамках антропологического подхода патриотизм понимается как отношение к Отечеству, являющееся ценностным отражением в сознании и практических действиях людей связи человека с определенным пространственно-временным, социокультурным, и национально-государственным континуумом [13].

Среди подходов к трактовке понятия патриотизма, специалисты отмечают праксиологический подход, то есть рассматривают патриотизм как целесообразную деятельность, направленную от субъекта к объекту: «... в меру своего менталитета русский патриот не кричит, не кичится своей любовью к Родине, но доказывает ее делом... Именно деятельностный характер должен носить истинный патриотизм» [14, с.148-156]. Северокавказские ученые также останавливаются на характеристике патриотизма как деятельности, связывая его с защитой Отечества, добровольчеством, трудовой деятельностью на благо страны: «...любовь к отчизне и ответственность за ее процветание; защита Отечества и проявление гражданских чувств, и хранение верности отчизне; ответственность за будущее своей Родины и своего народа, выраженное в способности укреплять могущество Родины, стремлении посвящать свой труд процветанию отчизны» [15, с. 118]. «Патриотизм признан нравственным и политическим принципом, глубоким социальным чувством, содержанием которого является гордость за прошлое и настоящее Отечества, проявляющаяся в конкретных благих делах, поступках и в стремлении защищать интересы Родины» [16, с. 95]. По мнению ученых, патриотизм является «важнейшим духовным наследием личности, характеризует высочайший уровень его развития и проявляется в его активном самосознании, реализации действий на благо Отечества» [17, с. 306].

В статьях авторов из регионов Северного Кавказа, основанных на результатах социологических опросов, делается акцент на понимании патриотизма в контексте общероссийской идентичности, темпорального анализа феномена патриотизма. Так, в работах дагестанских социологов предметом исследования являются

патриотические установки в массовом сознании дагестанцев; соотношение гражданской, региональной, этнической и религиозной идентичностей в условиях воздействия на массовое сознание как консолидирующих, так и разобщающих факторов, в том числе и различных версий идеологии радикального исламизма, регионализма и этнического национализма.

Исследователи из Ингушетии Л.Р. Барахоева, М.А. Арсельгова представили оценку влияния социально-экономической ситуации в регионе на гражданско-патриотические установки молодёжи, отметив, что сформированность гражданской идентичности молодежи зависит не только от социокультурных условий, в которых происходит этот процесс, но и от социально-политических и социально-экономических факторов. В их статье размещены результаты исследования мнения молодежи республики в 2016 г. Так, в Республике Ингушетия отмечался рост ориентированности на исламскую культуру (данный показатель увеличился до 51% с 2011 г.). Характерной для ингушской молодежи стала выраженность национальной принадлежности (54%), на последнем месте осознание себя гражданином РФ (46%). Исследователями было отмечено, что с возрастанием роли религии, которая оказывает влияние на модель поведения молодых людей, процесс формирования патриотических установок может быть затруднен [18, с. 314].

Социологи из Карачаево-Черкесии в своих публикациях приводят результаты мониторингов за несколько лет, отмечая, что «молодежь республики на вопрос «Есть ли что-то такое, чем Вы как гражданин России могли бы гордиться?» ответили следующим образом: 75% ответили «Победой в Великой Отечественной войне», 10% – «принадлежностью к своей нации», 15% – «культурным наследием страны». Судя по ответам респондентов, тема Великой Отечественной войны остается актуальной у 75% молодежи. Некоторые из опрошенных отмечали этот период как один из самых интересных и важных периодов в истории» [19, с. 49–56]. Обозначенные символы рассматриваются как маркеры формирования объединительных образов, лежащих в основе единой общероссийской идентичности.

Социологи из Дагестана приводят результаты своих исследований, связанных с проблемами патриотизма: «патриотизм существует и занимает очень важное место в общественном сознании дагестанских народов... События, связанные с вхождением Крымского полуострова и города Севастополя в состав Российской Федерации, были восприняты россиянами как торжество

исторической справедливости, и на их фоне заметно усилились патриотические настроения в российском обществе» [20, с.74].

Представленные в научных статьях результаты социологических исследований показывают эмоционально - деятельностные и идентификационные установки населения Северного Кавказа, связанные с их пониманием патриотизма и идентичности. Необходимо учитывать, что в статьях размещены результаты социологических опросов, проведенных еще до начала специальной военной операции. В настоящее время изменился общий политический фон в стране, вектор понимания патриотизма сместился от несколько неопределенного, абстрактного понятия к выраженному чувству любви к Родине, связанному с её защитой.

Большой блок публикаций северокавказских ученых посвящен теме патриотического воспитания, которое рассматривается в теоретико - методологическом и конкретно – практическом аспектах. В региональных сообществах можно выделить несколько типов патриотических практик, среди которых осознанные (ценностно-рациональные) и неосознанные (рутинные); формальные и неформальные; направленные на формирование общероссийской идентичности и противоположные ей [21, с. 124].

Так, в публикациях североосетинских гуманитариев воспитательный потенциал патриотического контента увязывается с этническим: «Каждый человек обязан знать родной язык, обычаи и традиции своего народа, изучать культуру своего народа и всех народов мира, быть патриотом своей Родины» [22, с. 35]. В работах дается понимание патриотического воспитания: «Патриотическое воспитание – это систематическая, целенаправленная, педагогическая деятельность социальных, государственно-общественных институтов, семьи, физических и юридических лиц по формированию и развитию у подрастающего поколения представлений и понятий, чувств, стремлений, общечеловеческих культурных ценностей, поступков и действий, выражающих преданность, любовь, близость, готовность служить и защищать отчизну» [23, с. 118].

Дискурс-анализ научных публикаций по теме патриотического воспитания молодежи Дагестана показал, что данный вопрос разрабатывается академическими и вузовскими авторами – преимущественно философами, педагогами и социологами. Дагестанские авторы понимают под патриотизмом прежде всего идейную основу консолидации полиэтнической и многоконфессиональной общности россиян, которая должна вбирать в себя и преданность Дагестану, малой Родине, языку и культуре

своей этнокультурной общности.

Исследователи из Ингушетии А.М. Базоркин, П.К. Магомедова, З.М. Ахмадова определяют формирование духовно-нравственной культуры, в том числе патриотизма, как основную задачу высших учебных заведений в рамках преподавания социально-гуманитарных дисциплин. Наряду с традиционной системой образования и воспитания предлагается в качестве ресурса духовно-нравственного воспитания применять методы и техники народного воспитания. Рассматриваются традиции народной педагогики, определяются технологии воспитания нравственной культуры подрастающего поколения, в том числе любви и уважения к республике. В большинстве исследуемых публикаций большая роль отводится системе образования. «Фундаментом образования» называется начальная школа при этом «учитель начальных классов в деле воспитания должен перенимать и использовать те же добрые традиции и обычаи народа, представители которого являются его ученики» [24, с. 57].

Гуманитарии из Кабардино-Балкарии к практикам формирования патриотизма, в основном, относят различные виды патриотического воспитания; использование ресурсов этнопедагогики; различные мероприятия, ориентированные на молодежь. Обосновывается «деятельный патриотизм» как оптимальная форма гражданско-патриотического воспитания. Основным объектом формирования патриотизма в большинстве статей определяются Отечество, Родина, государство, народ; основными субъектами – государство и социальные институты.

Наибольшее число научных статей авторов из Карачаево-Черкесской Республики за 2014-2024 годы посвящено не концептуальным подходам к феномену патриотизма, анализу его содержания, а вопросам патриотического воспитания, направленным не только на учащихся общеобразовательных школ, но и на педагогов. «Патриотическое воспитание детей и молодёжи в Российской Федерации является одним из важнейших направлений общественного воспитания. В процессе этого воспитания молодой человек изучает, осваивает и присваивает социально-нравственные императивы, характеризующие его отношение к Родине (малой родине, региону Российской Федерации, стране, исторической России), ответственность за Родину перед нынешним и будущими поколениями, активность, побуждающая его к патриотически направленной деятельности» [25, с. 44].

Для нашего исследования представляется важным актуализация

тех аспектов историко-культурного наследия, которые положены авторами научных статей в основу повышения компетенций педагогов в вопросах патриотического воспитания. «Во-первых, историко-педагогические объекты (деятельность выдающихся представителей региона, история памятников, культуры, организаций, образовательных и культурно-просветительных учреждений и т.д.). Во-вторых, материалы из историко-педагогического наследия всегда вызывают повышенный интерес, как у школьников, так и педагогов, так как они близки по духу. В-третьих, проблематика историко-педагогического наследия многогранна и обеспечена разносторонним источниковедческим материалом» [26, с. 45]. Одним из авторов отмечается: «Проведенный нами теоретический анализ состояния гражданско-патриотического воспитания школьников позволил обозначить ряд противоречий, имеющих место в образовательной практике. Среди них: необходимость формирования гражданина-патриота и отсутствие этого представления у детей; ситуативный характер и стихийность проявления у школьников патриотических качеств и отсутствие целенаправленной, систематической работы по гражданско-патриотическому воспитанию; необходимость повышения эффективности гражданско-патриотического воспитания школьников как одного из направлений деятельности классного руководителя и недостаточная разработанность научного и методического обеспечения этого процесса в школе первой ступени» [26, с. 271]. Таким образом, подчеркивая роль и значение патриотического воспитания в образовании, авторы статей не только приводят в пример позитивные практики, применяемые в его процессе, но и выделяют имеющиеся проблемы с целью их выделения и решения.

Исследователи из Чеченской Республики Х.Э. Мамалова и Д.А. Гайсумова в качестве средства патриотического воспитания назвали образцы героизма [27, с. 266–270.]. В других исследованиях также подчеркивается важность памяти о героях, однако практически нет упоминаний имён героев ни прошлого, ни настоящего. Исключением стала особо значимая для чеченцев, ингушей и дагестанцев личность Кунта-Хаджи Кишиева, который в своих проповедях «выражал идеи, которые имеют духовно-нравственную ценность в воспитании молодежи в современном чеченском обществе» [28, с. 124]. В качестве потенциально эффективных направлений деятельности по формированию патриотизма исследователи предлагают решения разных форматов и масштабов, в том числе:

– проводить совместные мероприятия с детьми младшего возраста, создавать семейные альбомы, генеалогическое древо [29, с.268];

– дополнять патриотическое воспитание возможностями религиозного воспитания: насыщать патриотическими мотивами мюридскую (для чеченского народа) проповедь, включать в неё «сюжеты о патриотической жизни и конкретных действиях верующих, мюридов как в прошлом, так и в настоящем», «зрелищно, эмоционально насыщено, предельно емко и содержательно рассказывать о патриотической жизни и деятельности пророков, святых, шейхов-устазов» [30, с.125];

– воспитывать молодежь на ярких примерах патриотического образа жизни близких, родственников, друзей, соотечественников; обращаться к историческим личностям, чьи жизни являются образцом для подражания (например, к личности Кунта-Хаджи Кишиева, автора учения-зикризм) [31, с.87];

– знакомить молодое поколение с историей и природой родного края, используя при этом мемориальную литературу [32, с.145-148], проводить правовые воспитательные мероприятия (конференции, круглые столы на правовые темы), конкурсы патриотической направленности и т.д.;

– внедрять военно-патриотическое воспитание с целью «формирования у молодежи профессионально значимых качеств, умений и готовности к их активному проявлению в различных сферах жизни общества, особенно в процессе военной и других, связанных с ней, видов государственной службы, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплинированности» [33, с. 130];

– проводить для педагогических коллективов обучающие педагогические чтения, конкурсы и акции по гражданско-патриотическому воспитанию, а для родителей – гражданские форумы [34, с. 22].

В целом, анализ литературы показывает, что у большинства северокавказских исследователей приоритетный акцент делается на вопросах этнопедагогики, в основе которой позитивные примеры из жизни народов, фольклорные примеры, традиции, народные герои. К символам, связанным с патриотизмом в Чеченской Республике, следует отнести нравственный этический кодекс чести «Къонахалла». В работе А.А. Мусхановой и А.А. Хажмурадова определены «нравственные категории, характеризующие къонах, основополагающими среди которых выступают любовь к родине,

народу и готовность принести при необходимости в жертву собственную жизнь» [35,с.81]. Конкретным практикам формирования духовно-нравственного потенциала и гражданственности школьников и молодежи средствами фольклора и родного языка посвящены научные статьи Н.А. Карасовой «Педагогический потенциал ногойского героического эпоса и его возможностей в формировании духовно-нравственных ценностей у молодежи» [36, с.139-144.] и Л.А. Алиевой «Патриотическое воспитание школьников на уроках карачаевского языка и литературы» [37, с.237-240.]. Первая статья представляет анализ духовно-нравственного потенциала ногойского героического эпоса, одной из основных ценностей которого является патриотизм, связываемый автором с любовью к своей земле, к своему народу. Статья Л.А. Алиевой основана на педагогическом опыте учителя родного (карачаевского) языка. В ней раскрывается роль и значение учебных предметов в формировании патриотизма. В целом, речь также идет о любви к своему народу, к малой Родине. Чеченские исследователи Х.Э. Мамалова, Д.А. Гайсумова к основаниям национального патриотического воспитания относят: окружающие предметы; фольклор, где наблюдаются черты национального характера чеченского народа, его моральные качества; народные праздники и традиции; народную декоративную роспись; природу; историю России и Чеченской Республики – «новое, но очень увлекательное течение в работе по воспитанию патриотизма у школьников» [29, с.26]. По мнению представителей из Северной – Осетии – Алании основаниями патриотизма являются «идеи приверженности отчому дому, родной земле, родовым, семейным, клановым ценностям», идеи «исторической, культурной и политической близости осетин и русских, включенности истории республики в историю России» [38, с.188]. Подчеркивается, что «наибольшим воспитательным и патриотическим потенциалом обладают былины с их героическими сюжетами, с беззаветной и доблестной храбростью, уроками мужества и верности, бескорыстием по отношению к людям и Родине» [39, с. 353].

В ряде работ северокавказских ученых, рассматривающих проблемы патриотизма и патриотического воспитания, отмечены негативные стороны советского «идеологизированного» патриотизма, даны оценки состояния патриотизма в 90-ых годах 20 столетия, на долгие годы определившие отношение к нему россиян, дан критичный обзор используемых патриотических практик в образовательной системе.

Представленный вторичный анализ научных публикаций

авторов Северного Кавказа, основанный на анализе опубликованных за десятилетие научных статей, показывает, что актуализировался интерес к поиску смысла и содержания патриотизма как чувства, идеологии, деятельности. В ряде работ прослеживается тенденция теоретико-философской рефлексии данного понятия, в большинстве работ анализируются патриотические практики, используемые в образовательном и воспитательном процессе. Значимое место отведено этнопедагогике, которая в полиэтническом обществе играет важную воспитательную роль. Представленный дискурс – анализ научных публикаций северокавказских ученых, затрагивающий лишь небольшой пласт вышедших за десятилетие работ, в целом отражает динамику изменений в понимании и восприятии патриотизма населением региона.

Библиографический список

1. Джигоева А.Р. К проблеме гражданско-патриотического воспитания в учебном процессе общеобразовательной школы // Мир педагогики и психологии. 2017. №8(13). С. 6–11
2. Касаева Л.В., Лопушняк Е.В. Проблема патриотизма в современной России // Труды Северо-Кавказского горно-металлургического института. 2021. Вып. 28. С. 90–94.
3. Дзидзоев В.Д. Перспективы возрождения патриотизма через преодоление массированной фальсификации отечественной истории // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие: межвуз. сб. науч. тр. Вып. XIII-XV / под ред. член-корр. РАО А.А. Магометова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2015. С. 174–188.
4. Ларионов В.И., Рубаев Э.Х. Спортивные традиции как средство патриотического воспитания молодежи // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2017. № 1. С. 91–97.
5. Пилюева Д.Э. Гражданско-патриотическое воспитание средствами художественной литературы // Актуальные проблемы современной педагогической науки: взгляд молодых исследователей: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Арзамас, 16 февраля 2022 г.); Всероссийского научного семинара «Педагогический потенциал современной художественной литературы» (Арзамас, 17 февраля 2022 г.). Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. С. 352–355.
6. Сампиев И.М. Героизм советского народа в Великой Отечественной войне как фактор воспитания патриотизма // Вестник Поволжского института управления. 2016. №5 (56). С. 119–123.
7. Джукаев М.Х., Гогоберидзе Ф.Ю. Определение понятия «патриотизм» в философском, историческом, культурном и образовательном пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-3. С. 8-12.
8. Мамалова Х.Э., Гайсумова Д.А. Формирование любви к родине и патриотизма у школьников // Наука и молодежь: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Физике Будущего. Грозный: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2020. С. 266-270.
9. Кучуков М.М., Кучукова Ж.М. Феномен патриотизма: элемент социальности или же симулякр? // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 6А. С. 94-103.
10. Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. Патриотическое воспитание молодежи в контексте патриотических ценностей традиционных верований чеченцев // Известия Чеченского

государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 33, №4. С. 80–88.

11. Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. Патриотичность как фактор обеспечения духовной безопасности // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2016 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. С. 118-125.

12. Аствацатурова М.А., Фулинь Ян. Патриотические аспекты программного дискурса современных коммунистических партий: (локальный сравнительный анализ) // Вопросы политологии. 2021. Т.11, №3.

13. Иванова С.Ю. Патриотизм в культуре современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Ставрополь, 2004.

14. Попова С.В., Попов М.Е. Роль патриотизма в социокультурной интеграции российского общества// Современные исследования социальных проблем. 2016. №3-1 (27). С.148-156.

15. Техти В.Л. Основные направления патриотического воспитания в современных условиях // Педагогические науки. АНИ: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 1(14). С. 117-119.

16. Гучапшева И.Р. Педагогические методы и средства патриотического воспитания молодежи // Педагогический журнал. 2018. Т. 8, № 5А. С. 94-100.

17. Касаева Л.В., Китова А.С. Современные проблемы патриотического воспитания детей и молодежи // Современные научно-технические и социально-гуманитарные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сб. докладов I Всероссийской научно-практической конференции (Владикавказ, 03–05 июня 2019 года). Владикавказ: 2019. С. 306-308.

18. Барахоева Л.Р., Арсельгова М.А. Формирование гражданской идентичности молодежи Республики Ингушетия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: Сборник научных статей по итогам VII международного научного форума, Геленджик, с. Кабардинка, 23–26 сентября 2021 года / отв. ред. И.И. Горлова, редколлегия: Т.В. Коваленко, А.А. Гуцалов, Н.А. Костина, Е.Г. Саркисова. М.: Институт наследия, 2023. С. 307-321.

19. Ляу М.М. Оценка ценностных ориентиров и политической культуры молодежи КЧР (по результатам социологических опросов) // Наука, образование, общество: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции 28 сентября 2018 г. Часть 2. Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2018. С.49-56.

20. Шахбанова М.М. Патриотические установки в общественном сознании дагестанских народов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 8 (70). С. 74-85.

21. Вагина В.О. Патриотизм и патриотические практики в молодежной среде на Юге России: монография. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. 124с.

22. Валиева З.И. Национально-региональный компонент в патриотическом воспитании учащихся // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогические науки. 2015. № 3 (22). С. 34-37.

23. Техти В.Л. Основные направления патриотического воспитания в современных условиях // Педагогические науки. АНИ: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 1(14). С. 117-119.

24. Яндиева Э.Б. Влияние традиций народной педагогики на развитие нравственной культуры личности младшего школьника // Рефлексия. 2014. № 3. С. 56-59.

25. Савинова Л.Ф., Гочияева Г.Д. Подготовка педагогов к деятельности по патриотическому воспитанию учащихся: концептуальные подходы и практика // Современное педагогическое образование. 2019. №3. С. 44-47.

26. Михайлова Е.Н. Формирование патриотических чувств у младших школьников в процессе обучения // Современное педагогическое образование. 2018. №5. С. 271-273.

27. Мамалова Х.Э., Гайсумова Д.А. Формирование любви к родине и

патриотизма у школьников // Наука и молодежь: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Физике Будущего. Грозный: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2020. С. 266-270.

28. Гелаева З.А. Роль учения Кунта-Хаджи как духовного источника добра и мира в патриотическом и духовнонравственном воспитании молодежи в современном чеченском обществе // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 26, № 4(28). С. 122–126.

29. Мамалова Х.Э., Гайсумова Д.А. Формирование любви к родине и патриотизма у школьников // Наука и молодежь: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, посвященной Физике Будущего. Грозный: Чеченский государственный университет имени Ахмата Абдулхамидовича Кадырова, 2020. С. 266-270.

30. Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. Патриотичность как фактор обеспечения духовной безопасности // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 13 декабря 2016 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2016. С. 118-125.

31. Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. Патриотическое воспитание молодежи в контексте патриотических ценностей традиционных верований чеченцев // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 33, №4. С. 80–88.

32. Саидов З.А., Ярычев Н.У., Одишвили Г.Н. Мемориальная литература как эффективное средство патриотического воспитания старших школьников // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №75-1. С. 145-148.

33. Мамалова Х.Э., Ахмадова З.М. Военно-патриотическое воспитание студенческой молодёжи, как патриотизм, преданность своему Отечеству // Мир науки, культуры, образования. 2019. №2(75). С. 129-131.

34. Гадаборшева З.И., Гайрабеков Р.Х. Ключевые тенденции и основные направления гражданско-патриотического воспитания школьников // Вестник педагогических наук. 2023. № 1. С. 20-24.

35. Мусханова И.В., Хажмурадов А.А. Формирование патриотических чувств старшеклассников в условиях цифровой реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 1. С. 79-83.

36. Карасова Н.А. Педагогический потенциал ногойского героического эпоса и его возможностей в формировании духовно-нравственных ценностей у молодежи // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. С. 139-144.

37. Алиева Л.А. Патриотическое воспитание школьников на уроках карачаевского языка и литературы // Клычевские чтения – 2018: Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 237-240.

38. Дзахова Л.Х., Цахилов Т.О., Гамаева К.А. Патриотическое воспитание как концепт партийной идеологии и партийного функционирования (на примере РСО-Алании) // Религия в современном мире. Светский и религиозный образы мира: историческая ретроспектива и современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции 21 ноября 2013г. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2014. С.185-192.

39. Пилюева Д.Э. Гражданско-патриотическое воспитание средствами художественной литературы // Актуальные проблемы современной педагогической науки: взгляд молодых исследователей: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Арзамас, 16 февраля 2022 г.); Всероссийского научного семинара «Педагогический потенциал современной художественной литературы» (Арзамас, 17 февраля 2022 г.) / Отв. ред. Е.А. Жесткова; науч. ред. Е.В. Ключева. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. С. 352-355.

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В РЕГИОНЕ

CONFESSIONAL PREFERENCES OF RESIDENTS OF THE VLADIMIR REGION AS THE FACTOR OF SOCIAL CONSENSUS

Д.И. Петросян

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Владимирский филиал, г. Владимир, Россия

D.I. Petrosyan

Russian Academy on National Economy and Public Administration, Vladimir
Branch, Vladimir, Russia

Аннотация. В статье рассматривается динамика религиозной и конфессиональной самоидентификации жителей Владимирской области, а также ее влияние на уровень социального согласия в регионе. Анализируется соотношение вербальной и реальной религиозности населения. Отмечается явное преобладание уровня первой над второй. Автор приводит оценки населением состояния межконфессиональных отношений в регионе, изменений, произошедших в этой сфере в последние годы. Анализируется оценка населением уровня потенциальной конфликтности в сфере межконфессиональных отношений. Полученные данные приводят автора к выводу, что низкий уровень религиозности населения способствует высокому уровню социального согласия в сфере межконфессиональных отношений.

Abstract. The article describes the dynamics of religious and confessional self-identification of the residents of the Vladimir region, as well as its impact on the level of social consensus in the region. The article analyzes the relationship between verbal and actual religiosity among the population. It notes a clear predominance of the former over the latter. The author provides assessments by the population of the state of interfaith relations in the region and the changes that have occurred in this area in recent years. The article also analyzes the population's assessment of the potential for conflict in interfaith relations. Based on the data obtained, the author concludes that the low level of religiosity among the population contributes to a high level of social consensus in the field of interfaith relations.

Ключевые слова: религия, религиозная самоидентификация, конфессиональная самоидентификация, межконфессиональные отношения.

Keywords: religion, religious self-identification, confessional self-identification, inter-confessional relations

Уже в течении 10 лет научное подразделение Владимирского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ проводит по заданию Правительства Владимирской области, мониторинг социального самочувствия и социального согласия жителей субъекта федерации.

Исследование проводится методом формализованного интервью с 1000 респондентов, отобранных по репрезентативной квотной выборке по полу, возрасту и месту жительства.

Одним из аспектов социального согласия в регионе является ситуация, складывающаяся в сфере конфессиональных отношений [1, 2].

Владимирская область, хотя и характеризуется высоким уровнем гомогенности по национальному составу населения (по данным переписи населения 2020 г. 95,8% от числа указавших национальность составляют русские), все же является и многонациональным регионом, так как остальные 4,2% населения составляют представители 124-х этнических групп [3].

Учитывая, что религиозный и этнический факторы тесно взаимосвязаны в массовом сознании, решение проблем межэтнического и межконфессионального согласия существенно накладываются друг на друга [4, 5].

Согласно официальным данным Министерства внутренней политики правительства Владимирской области, в регионе зарегистрированы 425 религиозных организаций [5]:

- Русская Православная Церковь – 348,
- Российская православная автономная церковь – 5,
- Русская православная старообрядческая церковь – 8,
- Древлеправославная церковь – 1,
- Римско-католическая церковь – 1,
- Армянская апостольская церковь – 1,
- Мусульманские организации – 7,
- Иудейские организации – 1,
- Протестантские организации – 51,
- Буддистские организации – 1,
- Индуистские организации – 1.

Как видим, многообразие религиозных организаций вполне отражает национальный состав региона и, безусловно, ставит на повестку дня вопрос о поддержании межконфессионального согласия.

Оценка уровня состояния межконфессиональных отношений в области традиционно проводится с помощью следующих вопросов:

- связь жителями области себя с религиозной верой в целом;
- самоопределение жителей области по отношению к конкретным религиозным конфессиям,
- оценка активности участия жителей области в богослужениях и обрядах,

- общая оценка жителями области состояния межконфессиональных отношений в регионе,
- оценка уровня потенциальной конфликтности в сфере межконфессиональных отношений в регионе.

Одним из методов оценки религиозности является сопоставление вербального и невербального уровней религиозности респондентов. Отметим, что вербальный уровень интереса к религии продолжает оставаться довольно высоким. На протяжении последних лет от половины до трети жителей области однозначно называют себя верующими. В 2025 г. произошел возврат к самым высоким показателям 2016–2018 гг. (48,2% верующих). Еще четверть самоопределяется как «скорее верующие, чем неверующие» (рис. 1).

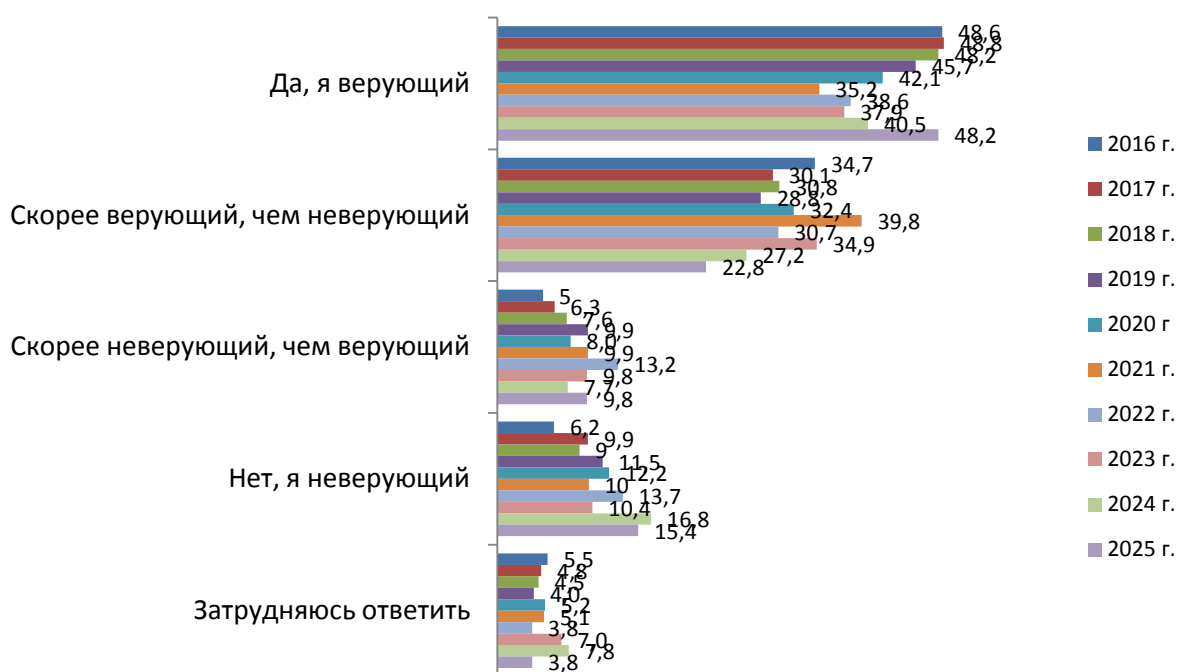

Рисунок 1 – Религиозная самоидентификация респондентов, %

Жители области, готовые признать себя неверующими или хотя бы усомниться в этом, оказываются в явном меньшинстве: неверующими себя назвали 15,4% опрошенных, скорее неверующими, чем верующими – 9,8%. Тем не менее, это почти самые высокие показатели за время проведения мониторинга.

Конфессиональное самоопределение респондентов в 2025 г. осталось неизменным: подавляющее большинство жителей области (65,3%) уверенно называют себя православными (рис. 2). Как видим, на протяжении нескольких лет, доля считающих себя православными не выходит за интервал 64–72%.

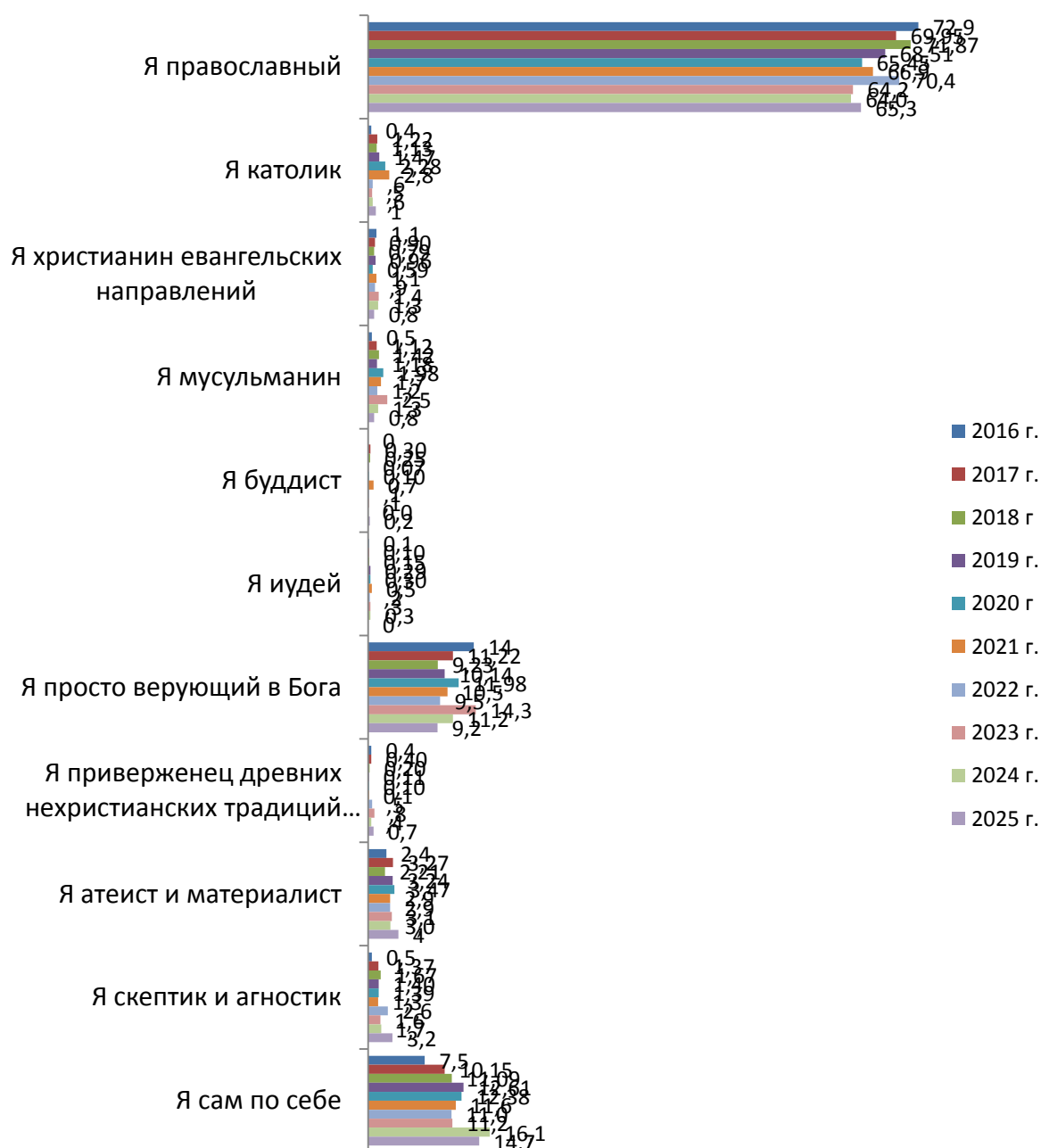

Рисунок 2 – Конфессиональная самоидентификация респондентов, %

Все остальные варианты конфессиональной идентичности находятся на периферии. Более или менее заметной группой являются «просто верующие в Бога», без конкретной привязанности к какому-то конкретному вероисповеданию (9,2%). Атеисты и материалисты (4,0%) в сумме со скептиками и агностиками (3,2%), а также с теми, кто выбрал вариант ответа «Я сам по себе» (14,7%), составляют четверть всех респондентов.

Трудно не заметить взаимосвязи православной идентичности с этнически гомогенным составом населения области. Но самое интересное, что православными себя считают не только «верующие» (87,6%), но и «скорее верующие» (72,8%), «скорее неверующие» (48%) и даже «неверующие» (5%). По всей видимости, соотнесение себя с православием является проявлением не только (а возможно и не столько) религиозной идентичности, сколько идентичности этно-культурной. Срабатывает паттерн «русский – значит православный».

Как показывают рисунок 3, регулярное участие в богослужениях и обрядах принимают лишь чуть более десятой части жителей области (на данном этапе исследования – 12,7%). Доля респондентов, указывающая на то, что она вообще не ходит в храм, существенно выше (40,3% в 2024 году и 38,5% в 2025 г.). Значительная часть респондентов (в 2024 году 45,5%, в 2025 г. - 48,8%), которые если и заходят в храм, то лишь иногда (поставить свечку, помолиться и т.п.). Таким образом, на данном этапе исследования общая тенденция не меняется.

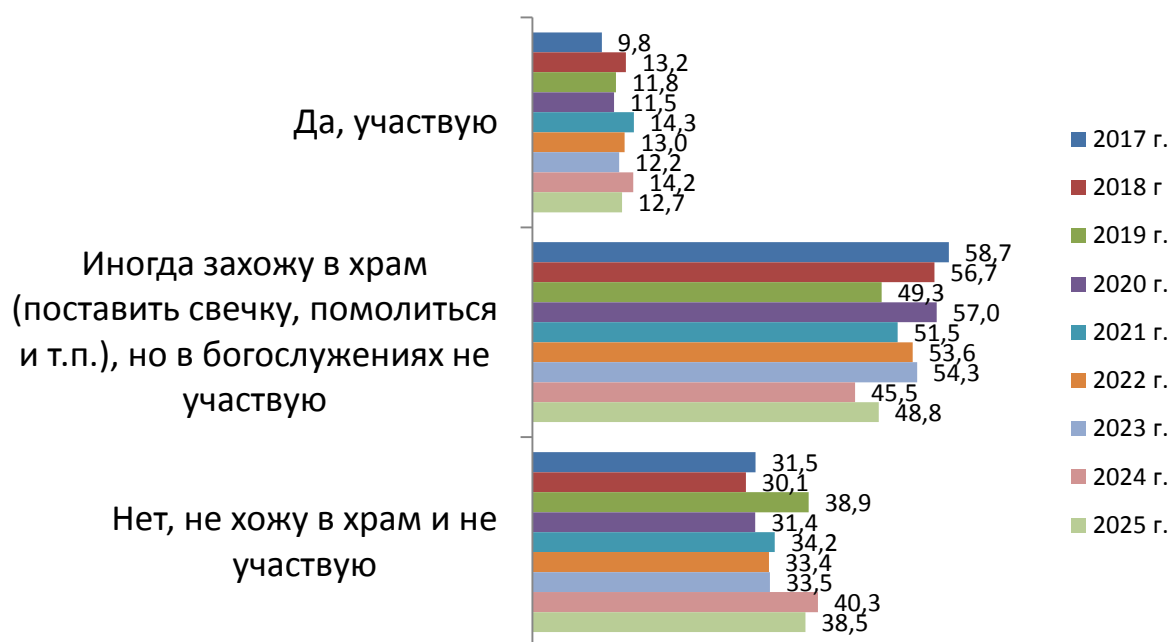

Рисунок 3 – Участвуют ли респонденты в богослужениях и обрядах, %

Распределение ответов на вопрос о том, как часто респонденты молятся также подтверждает неглубокий характер заявляемой религиозности (рис. 4).

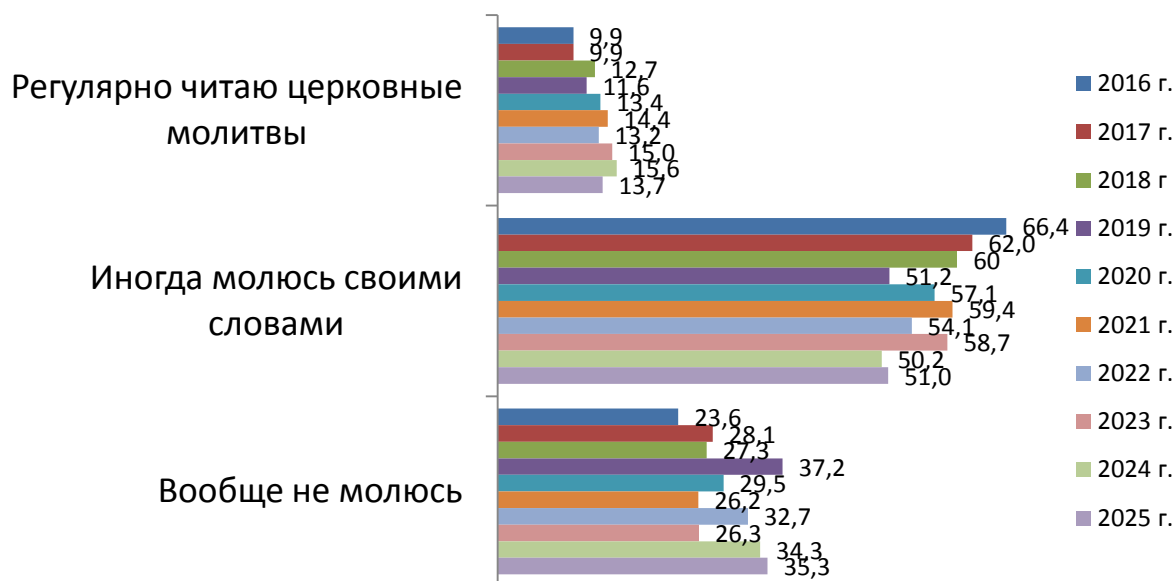

Рисунок 4 – Как часто респонденты молятся, %

Подавляющее большинство респондентов если и молятся, то лишь время от времени и сами придумывают молитвы (51%). Регулярно читают церковные молитвы лишь 13,7% опрошенных (против 15,6% в 2024 г.). Треть всех респондентов, вообще, не молится, эта группа существенно увеличилась в 2024 году (с 26,3% до 34,3%) и еще чуть выросла в 2025 г. (до 34,3%). Таким образом, реальный, поведенческий уровень религиозности вновь оказался явно ниже вербального.

Отношение к религиозным постам вполне соответствует отмеченной тенденции (рис. 5). Как всегда, почти для половины опрошенных религиозный пост не имеет никакого значения, и они их не соблюдают (45,1% вместо 43,6% в прошлом году).

Лишь для явного меньшинства соблюдение религиозных постов имеет обрядовое религиозное значение (10,6%). Правда, почти четверть жителей области все же видят в религиозных постах определенную возможность духовного очищения и просветления (21,9%). Для еще 6,6% соблюдение поста не несет в себе никакого сакрального смысла, а воспринимается как некоторое ограничение в питании, как своего рода диета или рекомендация необходимости здорового питания. Таким образом, для большинства постящихся данный процесс, видимо, действительно имеет большее значение, чем простое следование диете.

Отметим, что регулярное посещение богослужений, молитва, соблюдение постов мало интересно, как мужчинам (11%), так и женщинам (14–15%). Нет существенных отличий в реальном уровне

религиозности и между представителями разных поколений. Отметим, однако, что для молодежи характерен менее высокий уровень и вербальной религиозности (45% верующих против 53% среди тех, кому более 55 лет).

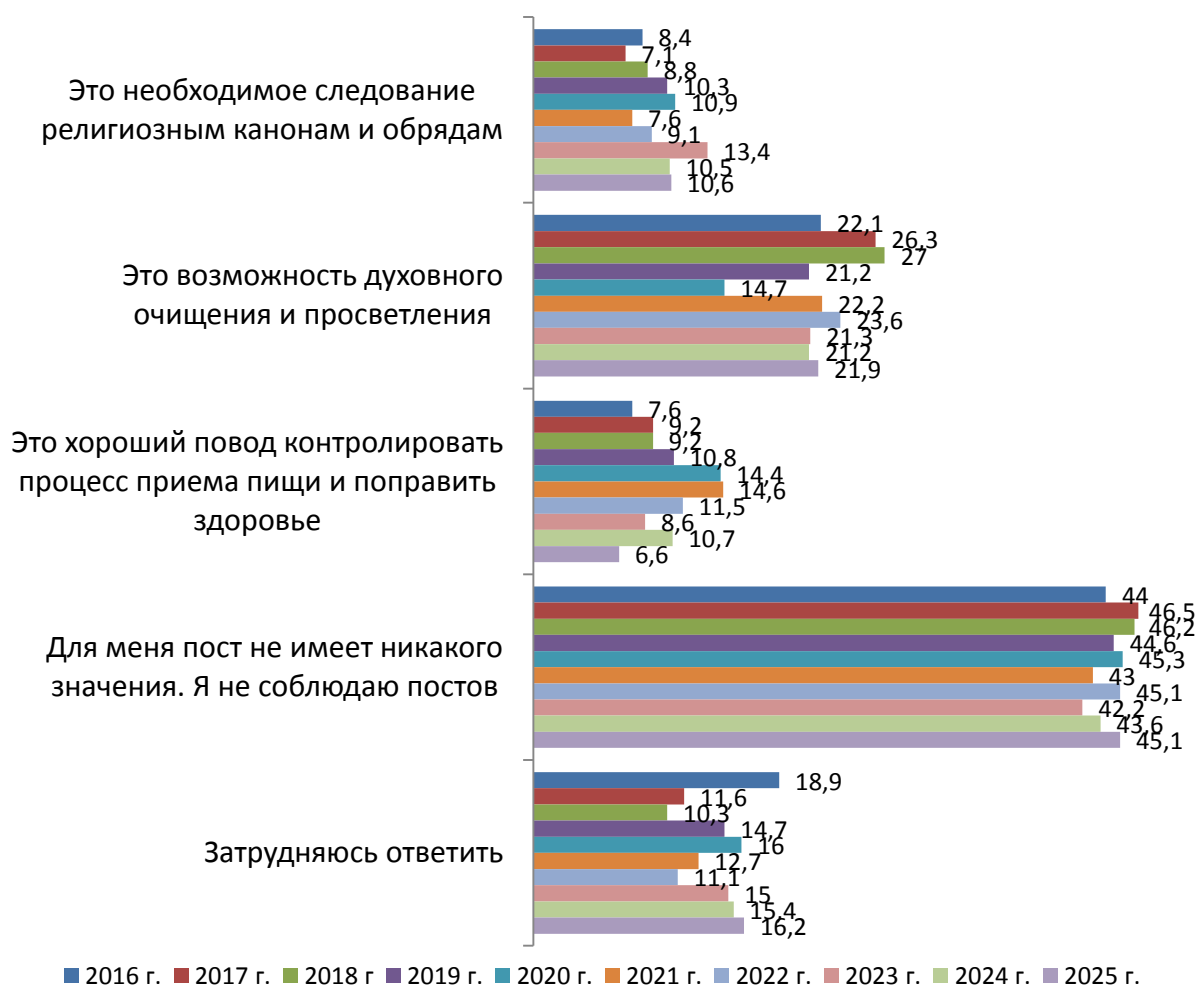

Рисунок 5 – Отношение респондентов к религиозным постам, %

Таким образом, ярко выраженный вербальный уровень религиозности не соответствует поведенческим привычкам респондентов, а интерес к религии, особенно выраженный в форме регулярного соблюдения церковных обрядов, оказывается довольно низким. Об истинной приверженности религиозной вере можно говорить в отношении не более 10–15% жителей области. У остальных религиозность имеет явно поверхностный характер.

Возможно, именно поэтому население области довольно спокойно и в целом позитивно оценивает ситуацию в сфере межконфессиональных отношений. Большинство жителей области стабильно оценивают отношения между представителями различных конфессий либо как ровные и бесконфликтные (66,0%), либо как

доброжелательные и способствующие согласию (15,3%) (рис. 6). Доля респондентов, рассматривающих межконфессиональные отношения как напряженные, конфликтные уменьшилась с 9,1% в 2024 г. до 5,8% в 2025 г. Как взрывоопасные и способные перейти в открытое столкновение рассматривает их лишь единицы (1,6%).

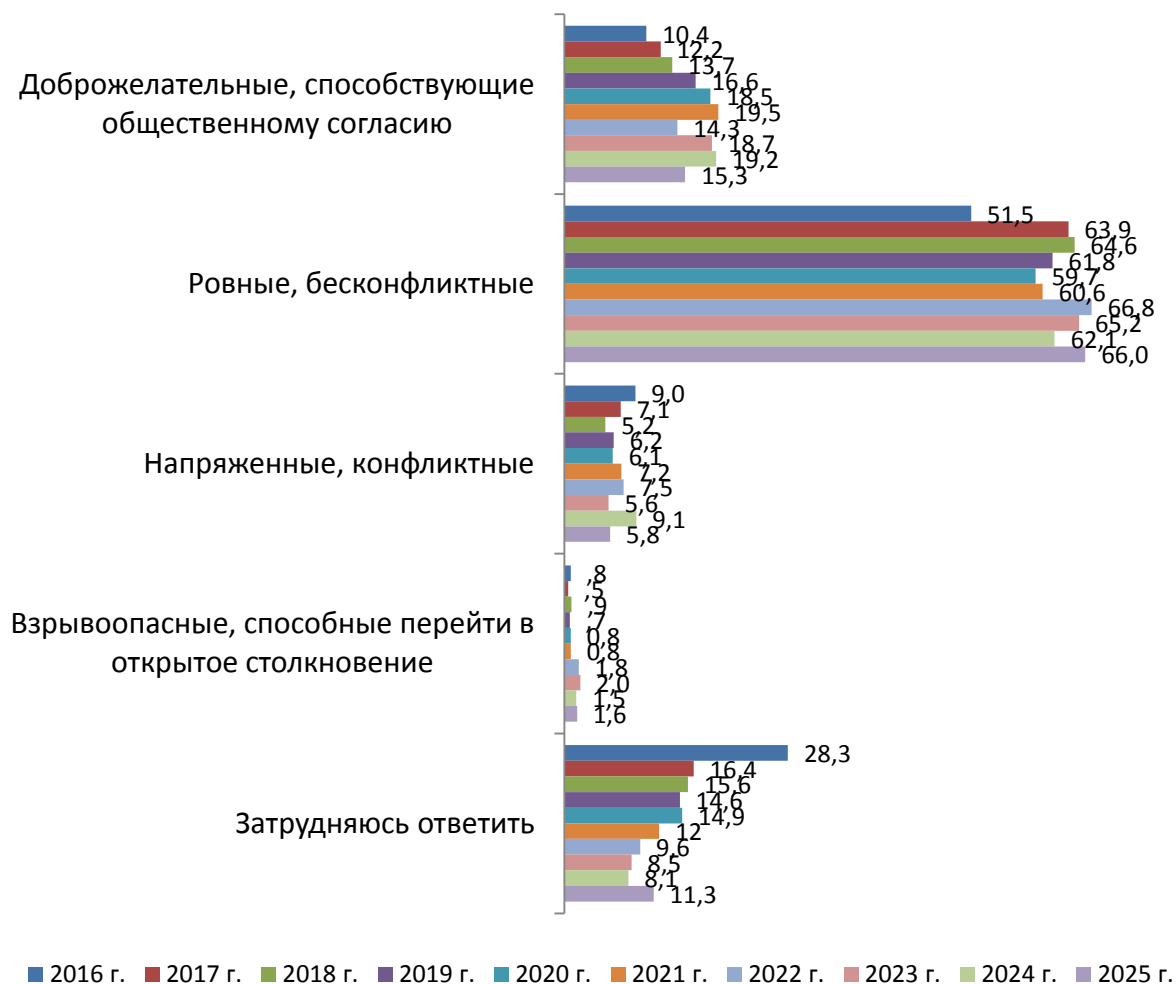

Рисунок 6 – Оценка респондентами состояния межконфессиональных отношений в области, %

Отрадно, что именно молодежь оценивает состояние межконфессиональных отношений более позитивно, чем представители старшего поколения: 86,8% молодежи считают их как доброжелательные и способствующие согласию или как доброжелательные и способствующие согласию против 77% среди тех, кто старше 55 лет.

Отметим, что в 2025 г. приостановилась двухлетняя тенденция увеличения числа жителей области, отмечающих улучшение межконфессиональных отношений: с 8,8% до 13,4% в 2023 г. и до 18,1% в 2024 г. На нынешнем этапе исследования подобную точку

зрения разделили лишь 12,4% опрошенных. Однако, доля тех, кто указывает на ухудшение межконфессиональных отношений, продолжает оставаться более низкой (9,4%). Основная же масса жителей области придерживается мнения, что в этом вопросе последние годы ничего не меняется (53,6%).

Молодежь почти вдвое реже отмечает ухудшение межконфессиональных отношений, чем представители старшего поколения (8% против 13%).

Возникновение в области серьезных конфликтов на религиозной почве представляется респондентам крайне маловероятным. Подавляющее большинство считает, что такого типа конфликт либо совершенно невозможен (24,3%), либо скорее невозможен (43,6%). Справедливости ради отметим, что год назад в полной невозможности конфликта на почве религии были уверены почти треть жителей области (31,3%). Тем не менее, доля тех, кто указывает на возможность возникновения подобного конфликта по-прежнему в разы ниже (вполне возможен – 7,3%, скорее возможен – 9,1%). Отметим, что уровень потенциальной конфликтности в межконфессиональной сфере оценивается как низкий вне зависимости от возраста.

Подводя итог, отметим существенное расхождение между довольно высоким вербальным уровнем религиозности населения и крайне низко выраженном погружении его в религиозную жизнь. Религиозная идентичность населения не является глубоко укорененной. При довольно большом количестве называющих себя верующими и еще большем числе называющих себя православными, реальный уровень религиозности не превышает 10-15% населения области. Приверженность православию является не столько религиозным идентификатором, сколько признаком этно-культурной идентичности. Это, однако, является фактором высокого уровня стабильности позитивной оценки межконфессиональных отношений в регионе. Низкий уровень религиозности снижает риски возникновения конфликтов на религиозной почве. В результате, потенциальный уровень конфликтности в сфере межконфессиональных отношений можно считать низким, а уровень конфессионального согласия – достаточно высоким.

Библиографический список

1. Бурова Ю.В. Межконфессиональное согласие как фактор стабилизации социальных процессов в регионе // «Регионоведение». 2013. №1.
2. Петросян Д.И. Влияние религиозной самоидентификации жителей Владимирской области на оценку органов власти и органов местного самоуправления // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия,

наука и образование//Материалы международной научной конференции. Владимир, 2023. С.161 – 167.

3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г., Том 5, Национальный состав населения Владимирской области и владение языками. Владимир, 2022 г. <https://33.rosstat.gov.ru/VPN2020>

4. Рыжова С.В. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.

5. Петросян Д.И. Влияние международной трудовой миграции на состояние межэтнических отношений в регионах Центральной России // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений», Краснодар, 7 декабря 2023 г. Краснодар, 2023. С. 350-357.

6. Сведения о религиозных организациях, зарегистрированных на территории Владимирской области // Министерство внутренней политики Правительства Владимирской области. <https://mvp.avо.ru/religioznye-organizacii>

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКОЙ И ЦЫГАНСКОЙ ГРУПП НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В БЕЛАРУСИ

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE TATAR AND ROMA GROUPS OF NATIONAL MINORITIES IN BELARUS

Л.В. Николаева

Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», г. Минск, Беларусь

L.V. Mikalayeva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

Аннотация: В статье рассматривается история формирования татарской и цыганской групп национальных меньшинств в Беларуси и их положение в современный период. Отмечается, что появление названных этнических групп населения относится еще к периоду Средневековья. После чего наблюдался постепенный рост татарской и цыганской общин. Особенно негативное влияние на их численность оказали события Великой Отечественной войны. В настоящее время в Республике Беларусь созданы оптимальные условия для сохранения и развития языков, культур и религиозной самобытности татарского и цыганского национальных меньшинств.

Abstract: This article examines the history of the Tatar and Roma national minorities in Belarus and their current status. It notes that the emergence of these ethnic groups dates back to the Middle Ages. Subsequently, the Tatar and Roma communities gradually grew. The events of the Great Patriotic War had a particularly negative impact on their numbers. Currently, the Republic of Belarus has created optimal conditions for the preservation and development of the languages, cultures, and religious identities of the Tatar and Roma national minorities.

Ключевые слова: национальные меньшинства, история, Республика Беларусь, татары, цыгане.

Keywords: national minorities, history, the Republic of Belarus, Tatars, Roma.

Переписью населения, проводившейся в Республике Беларусь в 2019 г., были учтены ряд национальностей, число представителей которых превысило 1 тысячу человек. Среди них были названы татары и цыгане.

Согласно данным переписи 2019 г., в Республике Беларусь проживало 8445 татар, что составляло 0,09 % от общей численности населения [1, с. 228]. Татары появились на белорусских землях в начале XIV в. Великие князья Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) Гедимин и Ольгерд приглашали татар из Золотой Орды на службу и задействовали их в борьбе с Тевтонским орденом. В ВКЛ также попадали пленные татары, находили убежище беглые ханы и претенденты на ханский трон. Особенную опеку татарам оказывал великий князь литовский Витовт. В 1395 г. он принял разбитого ханом Тимуром хана Золотой Орды Тохтамыша. В результате успешного похода Витовта и Тохтамыша под Азов в 1397 г. в руки победителей попала богатая добыча и много военнопленных татар. Последние были расселены около Вильно, в Лидском, Ошмянском, Новогородском, Брестском поветах. 1397 год традиционно считается началом поселения татар в Беларуси.

Нередкие набеги татарских орд с юга нарушали нормальный хозяйственный ритм населения Беларуси, сопровождались грабежами и захватом в плен мирных жителей. После Клецкой битвы 1506 г. значительное количество пленных татар было поселено в окрестностях Клецка и в Минске, где еще в начале XX в. существовала Татарская слобода (сейчас – район улицы Гвардейская) [2, с. 663; 3, с. 508–509; 4, с. 492].

Татарские поселенцы в Беларуси долгое время сохраняли свою родоплеменную организацию, традиционные обычаи, обряды, верования, и отличались от местного населения особенностями материальной культуры [5, с. 31]. По социально-правовому положению большую часть белорусских татар составляли военнотружильные (земляне), которые юридически были приравнены к шляхте и занимали привилегированное положение. Они получали за службу землю, остававшуюся в наследственном пользовании. Среди татар выделялась сословно-родовая верхушка – князья (беки и мурзы) и уланы, которые имели своих слуг, зависимых крестьян нехристианской веры [6, с. 76–77]. Вторую часть татар составляли безземельные потомки военнопленных и беглых ясачных людей. Они жили преимущественно в городах и местечках, занимались ремеслами, торговлей, овощеводством и животноводством.

С второй половины XVII в. в татарской среде исчезли

племенные отличия, татарские поселенцы все чаще принимали белорусские фамилии. Исчезла и особая татарская администрация – хорунжие (военные), маршалки, кади (судьи). В середине белорусского населения татары утратили свой родной язык и пользовались белорусским (позднее также польским, а с XIX в. – и русским). На белорусском языке арабским алфавитом писались китабы (книги). При этом они сохранили религию – ислам суннитского толка. Важную роль в процессе этнической консолидации имели культовые постройки. Каждая община стремилась построить мечеть. Первоначально преобладали деревянные мечети. Мечети из камня появились только в XVII в. [6, с. 2]. Татары придерживались моногамии (вынужденная мера из-за нехватки невест-татарок). Браки по мусульманскому обряду заключались только с единоверцами. Часть белорусских татар приняла христианство и ассимилировалась, но сохранила самобытные черты в хозяйственной жизни, быту, народной одежде [7, с. 47–48; 4, с. 492]. Таким образом, в конце XIV–XVI вв. татары ВКЛ образовали самостоятельную этнографическую общность – литовских татар, которых вместе с польскими татарами (проживавшими в Подляшье) называли польско-литовскими татарами, с 1920-х гг. – также белорусско-литовскими, белорусскими татарами, в конце XX в. – западными татарами [2, с. 664; 3, с. 509].

После вхождения белорусских земель в состав Российской империи ее правительство приняло ряд мер по привлечению татарского населения на свою сторону. В первой половине XIX в. татарам было разрешено служить в армии и государственном аппарате. В 1840 г. за татарской шляхтой северо-западных губерний было признано право дворянства, что облегчало продвижение по служебной лестнице и давало право иметь крепостных [3, с. 510].

В XIX в. в Беларуси действовало 15 мечетей (в Минске, Новогрудке, Ивье и др.), где служили татарские муллы, подчинявшиеся Крымскому (Таврическому) муфтию. Во второй половине XIX в. сравнительно компактные группы татар проживали в Слуцком, Новогрудском, Игуменском, Ошмянском, Брестском, Пружанском и Вилейском уездах [4, с. 492].

В конце XIX века в пяти западных губерниях проживало 13570 мусульман, из которых около 9200 человек называли татарский язык родным языком. Однако среди последних 3900 человек были военнослужащими, мобилизованными в центральных губерниях России и служившими в гарнизонах белорусских городов [8, с. 193].

После Первой мировой войны часть белорусских татар осталась на территории России, откуда была вынуждена эвакуироваться в

1915 г. Другая часть (около 6 тыс. человек) оказалась в пределах Польши, около 1,5 тыс. татар попали в Литву и всего 3,7 тыс. человек проживали в БССР. Имеются косвенные свидетельства попыток организации татарских школ в БССР. В 1928 г. в Татарской слободе г. Минска была открыта татарская изба-читальня. Однако в конце 1929 г. она была преобразована в районную и лишена национального статуса. До середины 1930-х гг. единственной формой татарского национального строительства оставалась экономическая – создание в местах компактного проживания татар национальных кооперативов, впоследствии преобразованных в колхозы.

Во время Великой Отечественной войны многие белорусские татары погибли, после войны были депортированы и эмигрировали за границу. Однако в послевоенные годы определенное количество волго-уральских, крымских и сибирских татар переселилось в БССР. Таким образом, современное татарское население Беларуси состоит из четырех общностей: местных белорусско-литовских татар и трех групп восточных татар [9, с. 37; 3, с. 511].

Численный состав татарского населения в БССР длительное время был относительно стабильным: в 1959 г. – 8654 чел., 0,11%, в 1970 г. – 10031 чел., 0,11%, в 1979 г. – 10911 чел., 0,11%, в 1989 г. – 12552 чел., 0,12% [10, с. 56]. За годы независимой Беларуси численность татар в стране несколько сократилась. Так, перепись 1999 г. зафиксировала 10089 татар, 0,1%, в 2009 г. – 7316 чел., 0,08%, в 2019 г. – 8445 чел., 0,09% [1, с. 228].

С обретением Республикой Беларусь государственного суверенитета началось возрождение татарской культуры в стране. В 1989–2004 гг. всю работу в этом направлении совместно с Объединением мусульман Республики Беларусь (основано в 1994 г.) координировало Белорусское объединение мусульман-татар «Аль-Китаб» («Книга») (с 2000 г. – «Зикр уль-Китаб»). За это время были возрождены очаги этно-конфессиональной культуры татар – мечети в Слониме (1994), Смиловичах (1996), Новогрудке (1997), Видзах (1999), Клецке (2000), Лавчицах (2002), Молодечно (2002), создан Татарский культурный центр в Ивье (1995). Выпускаются газеты и журналы на белорусском и русском языках. На начало 2001 г. в Республике Беларусь действовало пять национально-культурных объединений татар: Белорусское общественное объединение татар «Зикр уль-Китаб» («Память и книга», с 2000 г.), Белорусское областное объединение татарской молодежи (с 1997 г.), Общественное объединение татар г. Гродно (с 1998 г.), Международный фонд развития татаро-башкирского духовного

наследия «Чишма» («Источник», с 1999 г.), Республиканское общественное объединение «Татаро-башкирский культурный центр «Хетэр» («Память», с 2000 г.). Эти организации координируют и направляют работу 26 общин татар-мусульман Беларуси. Ими проводятся научные конференции, издаются книги по истории и культуре татар, отмечаются национальные праздники [9, с. 39; 3, с. 511; 5, с. 199–200].

По данным переписи населения 2019 г., в Беларуси проживало 6848 цыган, что составляло 0,07% населения [1, с. 228].

Цыгане появились на белорусских землях в середине XV в., переселившись из Польши и Германии. В конце XVI – начале XVII веков часть из них прибыла из Венгрии. В ВКЛ они находились под защитой государства: имели право свободно путешествовать по территории ВКЛ, жить по своим законам, заниматься ремеслами и разводить лошадей. В ВКЛ цыгане славились как хорошие кузнецы, конюхи, ювелиры, музыканты, певцы, танцоры и гадалки [7, с. 49]. Они жили племенами под предводительством выборных вождей, сохраняли свою бытовую специфику и придерживались обрядов как белорусского народа, так и своих традиционных. Основным местом сбора кочевых групп было местечко Зельва [11, с. 522; 12, с. 110].

Более настойчивые попытки включить цыган в структуру общества стали наблюдаться лишь с XVII в., когда власти Речи Посполитой пытались приучить их к оседлой жизни и наделили их административными полномочиями: выборные верховные правители назывались цыганскими королями и наделялись неограниченной властью над цыганами. Полномочия «королей» утверждались магнатами ВКЛ или королевской канцелярией. Оседлые цыгане жили в местечке Мир. Они занимались ремеслами, основывали суконные фабрики, открывали кузницы и т. д.

В 1790-х гг. численность цыган на белорусских землях сократилась (вместе со своими «королями» они переселились в Бессарабию, Молдавию и Валахию). Путешествия без прежних предводителей в условиях обязательной оседлости ставили их вне закона. Российские власти прилагали немало усилий для включения цыган в крестьянское сословие. Но они больше тяготели к городам и местечкам, где обычно селились на окраинах [13, с. 47]. Даже будучи приписанными к общинам в определенных населенных пунктах, цыгане жили оседло только в холодное время года. Весной таборы (три-пять семей) под предводительством выборного предводителя отправлялись в путешествия. Для разрешения споров и конфликтов существовал цыганский суд, куда входили наиболее уважаемые и

старшие члены табора. Женщины полностью подчинялись сначала отцу, затем мужу. Местом сбора различных цыганских групп были ярмарки Хальче, Ветке, Витебске и Гомеле. Даже оседлые цыгане совершали короткие кочевки. Многочисленные меры властей по принудительному поселению и сокращению их кочевий оказались неэффективными [13, с. 47–48; 11, с. 522; 12, с. 110; 14, с. 35–36].

Цыгане были расселены крайне распыленно. Во второй половине XIX в. существовало лишь несколько поселений с полностью цыганским населением: деревня Цыганы Городоцкого уезда, мыза Завечелье Лепельского уезда, в начале XX в. — деревни Лопатники и Мещенцы Сенненского уезда. Отмечены факты метисации цыган с белорусами. Часть цыган ассимилировалась. По данным переписи 1897 г., в Беларуси проживало более 3 тыс. цыган. В годы Первой мировой войны на восток Беларуси переселились группы польских цыган (самоназвание «польска рома варшавяки»).

В процессе расселения образовались многочисленные локальные группы цыган. По переписи 1926 г. в БССР проживало 2366 цыган, что составляло 0,05 % населения. Наиболее крупные группы находились в Речицком (374 человека), Витебском (325), Оршанском (269) и Могилевском (264) уездах. В Быховском уезде их насчитывалось до 100 человек. Подавляющее большинство цыган проживало в сельской местности [15, с. 51].

В 1920–1930-е гг. были созданы условия для перехода цыган к оседлому образу жизни, улучшения их культурного и экономического положения. В 1926 г. в БССР начал свою организационную деятельность Всероссийский союз цыган (1925–1928), велась работа по созданию Белорусского союза цыган. Постановлениями Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР властям союзных республик предлагалось выделить цыганам землю. В 1927 г. в имении Михалово Витебской области был создан первый в СССР и БССР цыганский колхоз «Новая жизнь», при нем работала начальная школа. В 1930-е гг. цыганские колхозы существовали в Езерищенском, Лиозненском и Жлобинском (вблизи местечка Стрешин) районах. Однако цыганские хозяйства оказались недолговечными [15, с. 53].

Расширению культурно-просветительской работы среди цыган способствовало введение в 1926 г. цыганской письменности, а с 1932 г. в Москве начали действовать цыганские педагогические курсы. В 1930-х гг. в Витебске действовала цыганская средняя школа, в которой в 1936 г. обучалось 77 учащихся. Несмотря на это, большинство цыган вело кочевой или полукочевой образ жизни.

Передвижения происходили преимущественно по территории Беларуси.

В годы Великой Отечественной войны значительное количество цыган было истреблено немецко-фашистскими захватчиками. В 1944–1948 гг. часть польских цыган перебралась в Польшу.

Ко второй половине 1950-х гг. контакты между представителями различных этнических групп цыган активизировались. Кочевки белорусских цыган часто не ограничивались пределами республики; иногда к табору присоединялись и представители других национальностей. В 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О привлечении к трудовой деятельности цыган, занимающихся бродяжничеством». Большинство цыган перешло к оседлому и трудовому образу жизни. В одних местах они селились компактно (п. Северный в Минске, п. Титовка под Бобруйском и др.), в других массовое расселение произошло позже (в деревне Колодищи Минского района). Традиционно они селились на окраинах городов и в пригородах, работали на временных и подсобных работах. В начале 1960-х гг. в Дзержинске существовал самодеятельный цыганский ансамбль песни и пляски [11, с. 522–523; 12, с. 110–111].

В Беларуси в 1959 г. проживало 4662 цыган, 0,06 % населения, в 1970 г. – 6843 человека, 0,08 %, в 1979 г. – 8408 человек, 0,09 %, в 1989 г. – 10762 человека, 0,11% [10, с. 56; 12, с. 111]. В Беларуси существовали группы так называемых русских цыган (проживали на востоке Беларуси, самоназвание «русска рома», по вероисповеданию – православные) и белорусско-литовских цыган (проживали в северо-западных районах Беларуси и смежных районах Литвы, объединенных самоназвание «польска рома», по вероисповеданию – католики). В лингвистическом и этнографическом отношении белорусско-литовские цыгане ближе к русским цыганам, чем к цыганам, проживающим в Польше [11, с. 522; 12, с. 110]. Рост численности цыганского населения был связан также с переселением в БССР представителей других этнографических групп цыган.

На современном этапе данные переписей населения фиксируют снижение численности цыганского населения в Республике Беларусь. Так, если в 1999 г. их было 9927 человек, или 0,1% населения, то в 2009 г. – 7079 человек, или 0,07 %, то в 2019 г. – 6848 человек, или 0,07% [1, с. 288]. Большинство проживает в городах. Цыгане прочно сохраняют особенности своего быта и культуры. Среди них широко распространены эндогамные семьи, как правило, многодетные. До недавнего времени основной экономической единицей являлась

большая семья (наряду с малой). Цыгане в основном заняты в негосударственном секторе экономики.

В последнее время представители обеих основных групп цыган Беларуси, сохраняя традиционные названия, все чаще используют единое самоназвание «белорусска рома». С середины 1990-х гг. в Беларуси появились представители этнографической группы среднеазиатских цыган мусульманского вероисповедания – джуги (как их называют в Узбекистане) или люля (по-таджикски). В 2002 г. в Беларуси были зарегистрированы три цыганских общественных национально-культурных объединения: Общественное объединение «Белорусская цыганская диаспора» (с 1998 г.), Белорусская ассоциация цыган «Рома» (с 2000 г.), Международная общественная организация цыган «Возрождение» (с 2000 г.) и Благотворительный цыганский фонд «БелРома» (с 2001 г.). Эти объединения развивают цыганскую культуру, поддерживают международные связи и входят в международные союзы цыганских объединений. Цыганские творческие коллективы активно участвуют во Всебелорусских фестивалях национальных культур [12, с. 111].

Таким образом, несмотря на небольшой численный состав, татарское и цыганское национальные меньшинства имеют богатую историю проживания на белорусских землях.

Библиографический список

1. Национальный состав населения // Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года=Вынікі перапісу насельніцтва Рэспублікі Беларусь 2019 года : Статистический сборник=Статыстычны зборнік / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск : «Альтиора Форте», 2021. Т. 2. 488 с.
2. Канапацкі І. Татары // Вялікае княства Літоўскае : Энцыклапедыя. У 2 т. Мінск : БелЭн, 2005–2006. Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч. 2006. 792 с. : іл. С. 663-665.
3. Канапацкі І. Татары // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Мінск : БелЭн, 1993—2003. Т. 6. Кн. 1 : Пузыны – Усяя. 2001. 591 с. С. 508-511.
4. Цітоў В. С. Татары // Этнаграфія Беларусі : Энцыклапедыя. Мінск : БелСЭ, 1989. 575 с. С. 492.
5. Канапацкі І. Б., Смолік А. І. Гісторыя і культура беларускіх татар. Мінск : Бел. ун-т культуры, 2000. 259 с.
6. Лакотка А. І. Бераг вандраванняў, ці Адкуль у Беларусі мячэці. Мінск : Навука і тэхніка, 1994. 143 с.
7. Захаркевіч С. Традыцыйная культура этнічных меншасцей Беларусі ў XIV–XVIII стст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2005. № 9. С. 45-50.
8. История белорусской государственности : в 5 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; А. А. Коваленя [и др.]. Минск : Беларуская навука, 2018–2020. Т. 2. Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) / Н. В. Смехович [и др.]. 2019. 413 с.
9. Гембіцкая М. Месца татараў у этнічнай структуры насельніцтва Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2005. № 11. С. 34-39.
10. Национальный состав населения // Статистический ежегодник Республики

Беларусь. 2019 г. : Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск : РУП «ИВЦ Национального статистического комитета Республики Беларусь», 2019. 471 с.

11. Карашчанка І. В. Цыганы // Этнаграфія Беларусі : Энцыклапедыя. Мінск : БелСЭ, 1989. 575 с. С. 522-523.

12. Карашчанка І. Цыганы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : У 6 т. Мінск : БелЭн, 1993-2003. Т. 6. Кн. 2 : Усвея – Яшын ; Дадатак. 2003. 616 с. С. 110-111.

13. Дучыц Л. З гісторыі цыганоў Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 3. С. 45-49.

14. Сосна У. Спроба асяляніць цыганоў на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. // Весці Міжнароднай акадэміі вывучэння нацыянальных меншасцей. 1997. № 1. С. 35—36.

15. Замойскі А. Сацыяльна-эканамічнае жыццё этнічных груп у БССР у 1920-я гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 3. С. 50-55.

ПРОФИЛАКТИКА КСЕНОФОБИИ И ЭКСТРЕМИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕСУРСЫ ОСНОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

PREVENTION OF XENOPHOBIA AND EXTREMISM IN THE INFORMATION SOCIETY: PRIMARY EDUCATION RESOURCES

В.А. Кумпан

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

М.И. Евсин

МБОУ СОШ N 15 им. А. А. Салько станицы Бузиновской Краснодарского
края, Россия

V.A. Kumpan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

M.I. Evsin,

MBOU Secondary School N 15 named after A. A. Salko of the village of
Buzinovskaya, Krasnodar Territory, Russia

Аннотация. В условиях информационного общества возрастает значение и опасность стихийной социализации, которая нередко не является стихийной, а управляется. Рассмотрим особенности влияния и конструирования общественного сознания молодежи, влияния на целые поколения идей внедряемых массовой культурой, в основе которой лежит деятельность США и возможности противодействия, с помощью ресурсов основного образования в России. Как основа формирования критического, научного мышления остановимся на обществознании и биологии.

Abstract. In the conditions of the information society, the importance and danger of spontaneous socialization increases, which is often not spontaneous, but controlled. Let's consider the features of the influence and construction of the public consciousness of young people, the influence of the ideas introduced by mass culture on entire generations, which is based on the activities of the United States, and the

possibilities of counteraction using the resources of basic education in Russia. As a basis for the formation of critical and scientific thinking, let's focus on social studies and biology.

Ключевые слова: противодействие ксенофобии и экстремизму, социально-психологическое конструирование, критическое мышление, обществознание, биология, междисциплинарные связи, проектная деятельность, ФГОС.

Keywords: Countering xenophobia and extremism, socio-psychological construction, critical thinking, social studies, biology, interdisciplinary connections, project activities, Federal State Educational Standards.

В условиях информационного общества возрастает значение и опасность стихийной социализации, которая нередко не является стихийной, а управляется. Яркими примерами является использование не до конца исследованное влияние мультфильмов «Том и Джери», «Ну погоди» на широкое распространение у детей Синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) – хронического неврологического расстройства, которое влияет на способность человека концентрироваться, контролировать импульсы и регулировать уровень активности. Это проявлялось в чрезмерной двигательной активности, в постоянной потребности двигаться, разговаривать, менять вид деятельности, характерном для целого поколения, которое фактически воспроизводило модели, заложенные мультфильмами в детстве.

Хорошо известным является пример фильма «Когда хвост виляет собакой», в котором в 1997 г. проектировалась ситуация в реальности произошедшая с Б. Клинтон только через год. Что это было: социальное конструирование или предостережение?

Рассмотрим особенности влияния и конструирования общественного сознания молодежи, влияния на целые поколения идей внедряемых массовой культурой, в основе которой лежит деятельность США и возможности противодействия, с помощью ресурсов основного образования в России. В отечественном кинематографе сложилась ситуация, над выходом из которой только в последние годы идет работа, но здесь мы не видим коренного перелома во влиянии. Европейские страны предпринимали попытки ограничения влияния американской культуры, вопрос их эффективности.

В качестве основы для формирования критического, научного мышления остановимся на обществознании и биологии. Оба школьных предмета являются интеграцией целого ряда наук и направлены на научное исследование биологической и социальной природы человека. Объективность, системность – то, что формируют

эти предметы, ориентированные на формирование у школьника знаний, умений и навыков понимания мира, в котором он живет сейчас и будет жить в будущем [1].

Противодействие ксенофобии и экстремизму – две задачи, которые иногда действуют совместно, иногда противоречат друг другу. Противодействие ксенофобии как форма принятия любой точки зрения и модели мира эффективно решается в мультфильмах «Корпорация монстров» и «Университет монстров», здесь возникает моральный вопрос – границ и необходимости их отстаивать в противодействии экстремистским взглядам, решение и выход, как во многих случаях здесь может быть в формировании и развитии критического мировоззрения, способности учащегося оценивать ценности которые у него формируются в том или ином художественном произведении.

Противодействие фальсификациям и фейкам – важное умение в основе которого должна лежать способность к рефлексии и оценке тех взглядов, идей, которые транслируются в каждом конкретном моменте мультфильма или фильма. Научное знание, четкая убежденность и понимание того как развивается мир, закладывается в данном случае на уроках и давайте подумаем, каких предметов в школе?

Современная школа стремится воспитать не просто «знающего» ученика, а личность, способную мыслить, анализировать, принимать решения и применять знания в жизни. Именно поэтому Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) делают акцент не только на предметных и личностных, но и на метапредметных результатах обучения. Особенно интересно рассматривать их формирование на уроках обществознания и биологии – предметах, которые на первый взгляд кажутся далекими друг от друга, но в действительности тесно связаны. И там, и там идёт разговор о человеке, его месте в мире, о взаимодействии природы и общества.

Обществознание: формирование критического и гражданского мышления/ Обществознание – это не просто набор терминов и теорий. Это живая наука о человеке в обществе. Чтобы уроки не превращались в пересказ учебника, учителю важно использовать активные и интерактивные методы: Дискуссии и дебаты (например, «Что значит быть гражданином?») развивают умение аргументировать и слушать. Анализ социальных кейсов помогает применять знания в реальных ситуациях – рассматривать конфликты, права человека, экономические решения. Проектная работа формирует ответственность и самостоятельность: школьники создают

мини-исследования, социальные акции, участвуют в волонтерских движениях. Таким образом, метапредметные результаты здесь проявляются через умение ставить цели, критически мыслить, выстраивать логику рассуждений и работать в команде [2].

Биология: развитие исследовательских навыков и научного мировоззрения. На уроках биологии школьники учатся наблюдать, анализировать, делать выводы. Это основа познавательных универсальных учебных действий. Современная методика преподавания биологии опирается на исследовательский подход: проведение мини-экспериментов и наблюдений (например, исследование роста растений при разных условиях освещения); работа с данными – анализ графиков, таблиц, цифровых ресурсов; экологические проекты – изучение состояния местных экосистем, участие в акциях по охране природы; использование цифровых лабораторий и симуляторов, которые делают науку доступной и интересной. Биология помогает развивать системное мышление – видеть взаимосвязи в природе, понимать, как любое действие человека отражается на окружающем мире.

Межпредметные связи: путь к настоящей метапредметности. Настоящие метапредметные результаты формируются именно тогда, когда ученик способен переносить знания из одной области в другую. Интеграция обществознания и биологии даёт множество возможностей для этого: Тема «Человек как биосоциальное существо» объединяет естественнонаучный и гуманитарный подход. Проект «Экология человека» раскрывает связь между образом жизни, здоровьем и социальной ответственностью. Урок-дискуссия «Генетика и этика» помогает говорить о моральных границах науки. Такие формы работы не только развивают мышление, но и формируют личностные ценности – уважение к жизни, осознанность, гражданскую ответственность.

Роль учителя: наставник и модератор познания. В условиях метапредметного подхода учитель перестаёт быть просто источником информации. Он становится организатором познавательной деятельности, наставником, который создаёт ситуацию успеха и мотивирует к самостоятельному поиску знаний. Важно давать ученикам возможность: выбирать форму представления результатов; рефлексировать, обсуждать, что удалось и почему; видеть связь между учебным материалом и жизнью [3].

Методика преподавания обществознания и биологии, ориентированная на метапредметные результаты, помогает школе выйти за рамки традиционного обучения. Ученики начинают

понимать, зачем они учатся, как знания разных предметов связаны между собой, и как их можно применить для решения реальных жизненных задач. Современный учитель – это проводник в мир межпредметных связей, где образование становится не только источником знаний, но и инструментом личностного роста и социальной ответственности [4].

Библиографический список

1. Кумпан В.А., Смирнов М.Г. Теория и практика использования системно-деятельностного подхода в преподавании международных отношений (Краснодар-Челябинск) // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2023.
2. Кумпан В.А., Моделирование и прогнозирование развития системы международных отношений: объективные и субъективные факторы // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 80-летию победы в Великой Отечественной войне. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2025.
3. Лискова Т.Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2019 года по обществознанию // Педагогические измерения. 2019. № 4. С. 3-29.
4. Соболева О.Б. Личный социальный опыт учителей обществознания РФ как фактор обучения предмету в современной школе // Преподавание истории и обществознания в школе. 2017. № 4. С. 40-43.

УЧАСТИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

OLD BELIEVERS IN RUSSIAN POLITICAL LIFE

С.Р. Романова

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

S.R. Romanova

Pskov State University, Pskov, Russia

Аннотация. В статье рассматривается участие старообрядцев в политической жизни России на протяжении нескольких исторических периодов, начиная с церковного раскола XVII века и заканчивая современностью. Анализируется изменение отношения власти к старообрядцам, их политическая активность в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации. Особое внимание уделяется политической программе старообрядцев в начале XX века, их отношению к революционным событиям 1917 года и участию в Великой Отечественной войне. Также оценивается современное состояние старообрядчества и его роль в политической жизни страны.

Abstract. The article examines the participation of the Old Believers in the political life of Russia over several historical periods, from the church schism of the 17th century to the present day. It analyzes the changing attitude of the authorities towards the Old Believers, their political activity in the Russian Empire, the Soviet

Union, and the Russian Federation. Special attention is given to the political program of the Old Believers in the early 20th century, their attitude towards the revolutionary events of 1917, and their participation in the Great Patriotic War. The article also assesses the current state of the Old Believers and their role in the political life of the country.

Ключевые слова: старообрядцы, политика, власть, указ 30 апреля 1905 г., Революция 1917 г., Гражданская война, Великая Отечественная война, община.

Keywords: Old Believers, politics, power, decree of April 30, 1905, Revolution of 1917, Civil War, Great Patriotic War, community.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что долгое время изучение истории старообрядцев подвергалось серьезной цензуре. В Российской империи исследователи, занимавшиеся данной темой, сразу вставали на сторону официальной православной церкви, всячески порицая раскольников. Говорить о научном и объективном изучении старообрядчества в этот период не представляется возможным.

В СССР научные работы, посвященные религии, так же строго цензурировались, хотя в это время наблюдается заметный рост работ, затрагивающих данную тему. После распада Советского Союза и начала политики веротерпимости у властей появилась необходимость выстраивания отношений с представителями различных конфессий. В том числе и со старообрядцами. Однако их участие в политической жизни страны сложно назвать активным. То ли они еще не привыкли к своему свободному и открытому положению, то ли сознательно уходят от «мирского» в силу своих религиозных взглядов. В данной статье мы рассмотрим историю непосредственного участия старообрядцев в политике, особенности этого участия и основные цели, которых они добивались и добиваются.

Во второй половине XVII в. в Российском государстве произошло событие, которое навсегда изменило социальную и конфессиональную структуру российского общества и определило религиозную политику власти на несколько столетий вперед. Даже в современной России, где провозглашена свобода вероисповедания, ощущаются последствия упомянутых событий. Речь идет о так называемом церковном расколе, произошедшем в 50-х годах XVII в. при активном участии патриарха Никона и царя Алексея Михайловича.

Реформа была направлена на унификацию церковных обрядов. В качестве образца бралась богословская система Византии, которая к тому моменту уже два века не существовала как независимое государство. Как отмечает К.Я. Кожурин в своей работе «Староверы

Псковского Поозерья. Пустошкинский район», от одной четверти до одной трети населения не приняли реформу и активно противостояли нововведениям [2, с. 1].

Зачастую их противостояние принимало формы пассивного игнорирования официальной власти и их законодательных актов. Гораздо реже протесты принимали формы вооруженного восстания (ярким примером является восстание в Соловецком монастыре) и самосожжений (так называемых, гарей).

Политические права (если можно так называть то, что было даровано русскому народу в начале XX в.) у старообрядцев появились с момента издания Николаем II указа «Об укреплении начал веротерпимости», то есть только с 30 апреля 1905 г. В августе того же года в Нижнем Новгороде состоялся VI Всероссийский съезд, на котором планировалось обсудить положение старообрядцев после выхода упомянутого выше указа. Однако нижегородский губернатор запретил им поднимать политические темы.

Совет съездов обозначил свою политическую позицию только в «Воззвании» от 12 декабря 1905 г., в котором съезд открестился и от революционных партий, и от черносотенцев. Выражалась поддержка царю и благодарность за дарованные свободы [6]. Само собой отдельные представители старообрядчества являлись носителями различных убеждений. Например, начетчики (своеобразная старообрядческая интеллигенция) зачастую придерживались радикальных революционных идей [там же].

Новый этап в политической деятельности старообрядческих общин связан с революционными событиями 1917 г. На собрании московских старообрядцев в Политехническом музее 5 марта 1917 года была составлена «Политическая программа старообрядцев всех согласий». Она включала 9 вопросов: о форме государственного правления, территориальной целостности России, отношении к войне, подготовке к Учредительному собранию, уравнивании в правах всех вероисповеданий, просвещении и образовании, земле, о конфискованном у старообрядцев в разное время имуществе [5].

Таким образом, Февральскую революцию старообрядцы восприняли положительно, чего нельзя сказать об Октябрьской: большевиков (вероятно из-за насаждения атеизма, в чем виделся путь к хаосу и анархии) старообрядцы не приняли. Однако их религиозные воззрения были несовместимы к вооруженной борьбой. В ряды белой армии в годы Гражданской войны вступала лишь незначительная часть старообрядческой молодежи [3].

После массовых гонений на старообрядцев в 1920-е – 1930-е гг.

они оживились только во время Великой Отечественной войны. Старообрядческие религиозные деятели призывали прихожан вставать на защиту русской земли, помогать армии. Создавались фонды сбора средств для отправки их на фронт. В общем и целом, в эти тяжелые годы старообрядцы проявили себя как настоящие патриоты, несмотря на конфронтацию с советской властью [1]. В дальнейшем наблюдается ускоренный рост обмирщения старообрядцев: молодежь уезжает в города, отказываясь от древних обрядов и верований.

Новый всплеск активности наблюдается уже после распада Советского Союза. Были официально зарегистрированы Русская Древлеправославная церковь, Древлеправославная поморская церковь и Русская православная старообрядческая церковь. В определении своего места в российской политической культуре, государственно-конфессиональных отношениях и социальном служении современное старообрядчество ориентируется на исторический опыт, личное благочестие и необходимость творить добрые дела. Идёт сложный и небыстрый процесс восстановления старообрядческих общин. Однако в активной политической деятельности старообрядцы замечены не были. В основном их занимают вопросы духовно-нравственного характера: уже упомянутые выше общины, вопросы церковного строительства, образование и т.д. [4].

Таким образом, пик политической активности старообрядцев пришелся на промежуток с 1905 по 1917 гг. В дальнейшем их действия сводились к пропагандистской и духовно просветительской работе. Особенностью является явная центрическая позиция с тяготением в правую сторону большинства старообрядческих политических деятелей. Они выступают за духовность и традиции, но при этом редко поддерживают официальную власть. На данном этапе старообрядцы в политической деятельности практически не участвуют.

Библиографический список

1. Гордеева О.Б. На фронте и в тылу: старообрядцы Байкальской Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник ИрГТУ. 2014. №6 (89).
2. Кожурин К.Я. Староверы Псковского Поозерья: Пустошкинский район [Электронный ресурс] // Литрес : [сайт]. [2016]. URL: https://www.litres.ru/book/kirill-kozhurin-8820237/starovery-pskovskogo-poozerya-pustoshkinskiy-rayon-19424159/?lfrom_processed=159114052 (дата обращения: 09.05.2024).
3. Куприянова И.В. Революция и гражданская война - годы политического самоопределения старообрядчества Алтая // МНКО. 2013. №5 (42).
4. Шиманская О.К. Старообрядчество в современной политической культуре: европейские ценности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. №3.
5. Политическая программа старообрядцев всех согласий 1917 года /

Старообрядческий сайт «Русская вера». URL: https://ruvera.ru/articles/slovo_cerkvi_23 (дата обращения: 12.04.2025).

6. Селезнев Ф.А. Д.В. Сироткин и всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история : Российская академия наук. 2005. № 5 . С. 78-90.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА¹

THE ETHNIC COMPOSITION OF THE MANAGEMENT PERSONNEL IN THE INDUSTRY OF BELARUS ON THE EVE OF THE PROCLAMATION OF STATE SOVEREIGNTY

И.А. Пушкин

Белорусский государственный университет пищевых и химических
технологий, г. Могилёв, Республика Беларусь

I.A. Pushkin

Belarusian State University of Food and Chemical Technology,
Mogilev, Belarus

Аннотация. В статье на основе статистических данных и примеров занимаемых руководящих должностей проанализирован национальный состав руководящих кадров в промышленности Беларуси накануне провозглашения государственного суверенитета. Сделан вывод о высоком социальном статусе представителей национальных меньшинств в экономической жизни Советской Беларуси. Они внесли значительный вклад в развитие экономики и кадрового потенциала промышленности республики в условиях единого народнохозяйственного комплекса

Abstract. The article using statistical data and examples of leadership positions held, analyzes the ethnic composition of senior management in Belarusian industry on the eve of the declaration of state sovereignty. It concludes that representatives of national minorities enjoyed a high social status in the economic life of Soviet Belarus. They made a significant contribution to the development of the economy and the workforce potential of the republic's industrial sector within the context of a unified national economic complex.

Ключевые слова: Беларусь, БССР, межнациональные отношения, национальные меньшинства, кадры, промышленность

Keywords: Belarus, BSSR, interethnic relations, national minorities, personnel, industry

¹ Статья подготовлена в рамках реализации НИР «Кадры промышленности Беларуси как фактор трансформации политической системы и экономических моделей (1945–2019)» (номер госрегистрации 20212419, науч. рук. – к.и.н., доцент И. А. Пушкин) Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (научный руководитель – академик НАН Беларуси, д.и.н., профессор А. А. Коваленя).

В СССР наблюдалась высокая этносоциальная мобильность населения. Значительное влияние на национальный состав кадрового потенциала Советской Беларуси оказали: оргнаборы рабочей силы на крупные стройки СССР, переселение белорусского населения в районы Дальнего Востока, Сибири и Карелии. Тысячи высококвалифицированных молодых специалистов из Беларуси после окончания вузов были распределены по предприятиям, стройкам, организациям и учреждениям за пределами республики. Среди них большинство составляли белорусы [1; 2]. Одновременно на руководящие должности в БССР направлялись специалисты из различных регионов СССР (в основном из РСФСР). В результате доля национальных меньшинств в составе руководящего состава экономики превышала их долю в общей численности населения Беларуси. Об этом свидетельствует национальный состав руководящих работников экономики Советской Белоруссии. Согласно переписи населения 1989 года 77,9% жителей республики – белорусы, 13,2% – русские, 4,1% – поляки, 2,9% – украинцы, 1,1 – евреи, 0,8% представители других этносов [3, с. 44]. При этом среди руководителей промышленных предприятий и объединений республики белорусов было: 1984 г. – 48,2%, 1985 г. – 51,2%, 1986 г. – 54,5%, 1987 г. – 56,4% [4].

На формирование кадрового потенциала БССР, особенно управленческого аппарата, оказали влияние изменения национального состава городского населения, повышение образовательного уровня белорусов, реализация политики административного регулирования доли титульной нации в формировании партийно-государственного и хозяйственного руководства и др. При назначении на должность большую роль играли анкетные данные, социальное происхождение и членство в КПСС. Учитывая высокий уровень образования еврейского населения, можно говорить об административных препятствиях при назначении на ответственные и руководящие должности. Отмечалась настороженность и определённые ограничения в отношении поляков. Среди руководства страны и республики политическое недоверие и повышенная подозрительность к тем, кто потенциально мог занимать руководящие должности, особенно выходцам из Центральной и Западной Беларуси, сохранялись вплоть до 1991 года [5, с. 353; 3, с. 321]

По состоянию на 01.07.1984 г. из общего числа директоров (включая генеральных) предприятий и объединений, начальников строительных трестов, начальников домостроительных и сельхозстроительных комбинатов БССР были представителями

национальных меньшинств: генеральный директор производственного объединения Министерства строительства, дорожного и коммунального машиностроения БССР (русский), двое (из трех, что составляло 66%) генеральных директоров производственных объединений Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения (русский и украинец), генеральный директор Могилевского производственного объединения шелковых тканей (русский), два генеральных директора (33% от общей численности) производственных объединений молочной промышленности БССР (русские), тринадцать (59,1%) директоров мясокомбинатов БССР (11 русских и 2 украинца), восемь (72,7%) директоров предприятий химической промышленности БССР (русские), шесть (что составляет 66% от общей численности руководителей предприятий этой отрасли) директоров предприятий текстильной промышленности БССР (русские), директор Гродненского производственного обувного объединения «Неман» (русский), четыре (57,1%) директора предприятий микробиологической промышленности БССР (2 русских, 1 эстонец, 1 татарин), четыре (80%) директора обувных фабрик (русский, еврей, 2 украинца), четыре (50%) руководителя домостроительных комбинатов (русские), семнадцать (39,5%) руководителей строительных трестов в Витебской, Гомельской, Минской областях (8 русских, 2 поляка, 6 украинцев, 1 еврей), два (25%) директора предприятий тракторного и сельскохозяйственного машиностроения (русский и украинец), директор Могилевского завода «Строммашина» (русский), директор Волковысского завода кровельных и строительно-отделочных машин Гродненской области (еврей), пять (71,4%) директоров предприятий строительного, дорожного и коммунального машиностроения (все русские), директор производственного объединения «Могилевлифтмаш» (русский), пять (71,4%) начальников геофизических, геологоразведочных и поисково-съёмочных экспедиций БССР (русский и 4 украинца), два (66%) начальника буровых работ (русские), два (100%) начальника нефтегазодобывающих управлений БССР (украинцы) и др. [6, с. 207; 7, с. 90]

По мере развития промышленных предприятий в Советской Беларуси доля местных кадров увеличивалась, а приезжие специалисты и руководители различных национальностей постепенно замещались белорусами. Тем не менее, роль и участие национальных меньшинств в экономике республики оставались значительными. Так, в 1985 г. среди руководителей промышленных предприятий БССР

представителей других национальностей было: русских – 67 (32,7%), украинцев – 24 (11,7%), поляков – 3 (1,5%), евреев – 3 (1,5%), по 1 (0,5%) – армянин, немец, мордвин [5, д. 982, л. 1–2].

В 1988 г. в Могилевской области русскими по национальности были: заведующие отделами промышленности и транспорта, торговли и бытового обслуживания, сельского хозяйства и пищевой промышленности обкома КПБ [8, л. 14–15], генеральный директор Могилевского научно-производственного объединения по сельскому хозяйству, директор Бобруйского маслозавода, генеральный директор Могилевского производственного объединения хлебопродуктов, директор Могилевского металлургического завода имени А. Мясникова, генеральный директор Могилевского производственного объединения «Стромавтолиния», генеральный директор Могилевского производственного объединения «Химволокно», начальник районного управления энергетики и электрификации «Могилевэнерго», директора двух нефтеперерабатывающих предприятий, директор Шкловской бумажной фабрики «Спартак», генеральный директор Могилевского производственного объединения шелковых тканей, начальник строительного треста; украинцы – председатель Могилевского областного производственного объединения по агрохимическому обслуживанию сельского хозяйства [8, л. 97–107об.], директора Бобруйского машиностроительного завода и обувной фабрики, директор одного из предприятий нефтеперерабатывающей отрасли, начальник домостроительного комбината. Управляющим одного из строительных трестов был еврей, директором гидролизного завода – татарин [8, л. 144об.–178об.; 7, с. 91].

В 1989 г. у среди руководителей отделов Совета Министров БССР (всего 20) белорусы составляли 85%, русские – 15%; министры, председатели государственных комитетов, руководители республиканских учреждений (всего 64) – белорусы – 82,8%, русские – 15,6%, украинцы – 1,6%; заместители министров, председатели государственных комитетов, руководители республиканских учреждений (всего 169) – белорусы – 69,2%, русские – 22,5%, украинцы – 5,9%, поляки – 1,2%, евреи – 1,2% [9, л. 13–14]. Представители национальных меньшинств в органах государственного управления составляли 22,6%, в руководстве предприятий и организаций – 28,4%. Среди инженерно-технических специалистов – 35,4%; агрономов, зоотехников, ветеринарных работников и работников лесного хозяйства – 15,8%; медицинских работников – 30%; учёных, учителей и воспитателей – 30,9%;

работников литературы и полиграфии – 33,3%; культпросветработников – 29,3%; деятелей искусства – 44%; юридического персонала – 30,1% [10, с. 303]. В номенклатуре кадров обкомов КПСС по состоянию на 01.01.1989 г. числился 981 руководитель предприятий промышленности, транспорта, связи и строительства. Из них русской национальности было 241 человек (24,6%), украинцев – 53 (5,5%), евреев – 14 (1,4%), поляков – 12 (1,2%), татар – 2 (0,2%), немцев, бурятов и адыгейцев – по 1 (0,1%), представителей других национальностей – 3 (0,2%). Представители национальных меньшинств составляли 33,4 % [9, л. 12, 14].

В структурах республиканского правительства и местных исполнительных комитетов БССР существовали управления и отделы, отвечавшие за контроль и координацию выполнения народнохозяйственных программ и директив партийных и вышестоящих органов. Следует отметить, что их влияние на деятельность промышленных предприятий союзного подчинения было незначительным, поскольку эти предприятия им не подчинялись. Поэтому республиканские и местные органы власти практически не оказывали влияния на формирование руководящего состава этих предприятий. И это несмотря на то, что данные предприятия являлись градообразующими и играли важнейшую роль в экономическом развитии БССР.

Анализ национального состава руководящих кадров в промышленности Беларуси накануне провозглашения государственного суверенитета позволяет сделать вывод о высоком социальном статусе представителей всех национальных общностей в экономической жизни Советской Беларуси. Следует учитывать, что в последнее десятилетие существования СССР и БССР национальность учитывалась в анкетах и при назначении на должность, но при этом большинство граждан не придавали ей особого значения, осознавая себя советскими людьми.

Белорусы постепенно сформировали большинство среди директоров и главных инженеров промышленных предприятий. Тем не менее, титульная нация занимала значительно меньшую долю руководящих должностей по сравнению с её долей в общем количестве населения БССР. Следует отметить значительный вклад представителей других национальных общностей в развитие экономики и кадрового потенциала промышленности республики в условиях единого народнохозяйственного комплекса (1944–1991 гг.).

Библиографический список

1. Барабаш Н. Организованный набор рабочих и общественные призывы в

БССР (1946–1965) гг. // Гістарычна–археалагічны зборнік. Мінск: Беларуская навука, 2015. Вып. 30. С. 203–209.

2. Пушкин И.А. Сельскохозяйственное и промышленное переселение белорусов в Карелию (опыт Могилевской области) // Белорусы в Карелии (середина XX – начало XXI в.): сб. науч. ст. / И. И. Калачёва и др.; под ред. И. И. Калачёвой. Минск: БГУ, 2016. С. 42–63.

3. Пушкін І.А. Грамадская і культурна-асветніцкая дзейнасць нацыянальных меншасцей у Беларускай ССР (1919–1991) : манаграфія. Магілёў : МДУХ, 2018. 423 с.

4. Справки о составе и сменяемости руководителей промышленных предприятий и объединений БССР. 1984–1987 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 4 п. Оп. 156. Д. 982. Лл. 1–2 (1984–1985); Д. 406. Лл. 4–5 (1986–1987).

5. Саракавік І.А. Гісторыя Беларусі ў кантэксце сусветнай гісторыі. Мінск: “Современная школа”, 2006. – 456 с.

6. Пушкін І.А. Удзел нацыянальных меншасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919–1990 гг.) : манаграфія. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2010. 319 с.

7. Пушкін І.А., Агееў А.Р. Кадровы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991) : манаграфія. Магілёў : БДУТ, 2022. 302 с.

8. Статистические отчёты // Государственный архив общественных объединений Могилёвской области. Фонд 9. Оп. 187. Д. 60.

9. Отчёты. Национальный состав руководящих кадров БССР // НАРБ. Фонд 4 п. Оп. 156. Д. 966.

10. Беларусы. Т. 4: Вытокі і этнічнае развіццё / В. К. Бандарчык, В.М. Беявіна, Г.І. Каспяровіч і інш.; Рэдкал.: В.К. Бандарчык і інш.; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Мінск: Бел. навука, 2001. 433 с.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ КАВКАЗА В ПРОЕКТАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ НАЧАЛА XX В.

ON THE PRINCIPLES OF POLITICAL AND NATIONAL- CULTURAL SELF-DETERMINATION OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS IN THE PROJECTS OF NATIONAL POLITICAL PARTIES OF RUSSIA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Л.А. Каранетян

Краснодарский государственный институт культуры,
г. Краснодар, Россия

L.A. Karapetyan

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлен краткий анализ проблемы национального самоопределения в партийных программах национальных политических партий различной идеологической ориентации: социал-демократической, неонароднической, либеральной применительно к сложному

во всех отношениях одному из частей Российской империи – Кавказу. При этом отмечена особенность идеологии армянских партий, которые обращали внимание и на решение вопроса в Турецкой Армении. Выявлено отношение партий к различным видам самоопределения наций, определено сходство и различие.

Ключевые слова. Партия, партийные программы, национальный вопрос, политическое и национально-культурное самоопределение,

Abstract. This article presents a brief analysis of the issue of national self-determination in the party programs of national political parties of various ideological orientations: social democratic, neo-populist, and liberal, as applied to the Caucasus, a complex region of the Russian Empire. It also highlights the ideological peculiarities of Armenian parties, which also addressed the issue in Turkish Armenia. The parties' attitudes toward various approaches to national self-determination are explored, identifying similarities and differences.

Keywords: Party, party programs, national question, political and national-cultural self-determination.

В многонациональных государствах вопросы межнациональных отношений были и остаются актуальными. Исторический опыт решения национального вопроса поучителен и востребован, как в академическом, так и в практическом отношениях.

Российское государство в начале XX в. было по форме правления абсолютной монархией, территориальному устройству – унитарным, политическому режиму – авторитарным. Российская империя являлась многонациональным и поликонфессиональным государственно организованным обществом. Согласно переписи 1897 г. население говорило на 150 языках и наречиях. При этом нерусские народы составляли не менее половины жителей. Нерешенность ряда аспектов национального вопроса выступала дестабилизирующим фактором общественного развития. В результате национальные движения являлись частью социального протеста, вылившиеся в итоге в революции 1905-1907 и 1917 годов. Под давлением социального движения государственная власть пошла на включение в государственный механизм парламента, предоставила ряд свобод, включая и политические. Это привело к становлению многопартийности. Были созданы политические партии различного идеологического (социалистические, либеральные, консервативные) и тактического (парламентские и непарламентские) направления. Данная классификация в целом актуальна и для национальных политических партий и организаций, для которых судьбы своих народов оставались главным.

Решение национальной проблемы политическими субъектами виделось по-разному. Государственная власть отрицала какие-либо

принципиальные изменения в этом вопросе в контексте реформирования территориального устройства. Однако перед всеми политическими партиями при решении национального вопроса в программных документах вставала проблема государственно-территориального устройства. Для национальных партий из комплекса вопросов на первый план выдвигался вопрос о политическом и культурном статусе своих народов. Принцип самоопределения понимался неодинаково политическими партиями различной идеологической ориентации.

Применительно к изучаемому региону остановимся на краткой характеристике программных положений по проблеме социал-демократических, неонароднических, либеральных партий.

Партия Союз армянских социал-демократов была образована летом 1902 г. (в конце 1902 г. Союз организационно слился с Тифлисским комитетом РСДРП) в Тифлисе С.Г. Шаумяном, Б.М. Кнунянцем и др. Его цели и задачи были определены в Манифесте, написанном С.Г. Шаумяном. С учетом многонационального состава российского государства, где народы находились на различных ступенях культурного развития, партия исходила из того, что широкое развитие местного самоуправления может обеспечить интересы разнородных народов. Будущее свободной России Союз видел в федеративной республике. За всеми нациями признавалось право на свободное самоопределение, поскольку в национальной свободе видели лишь один из видов гражданской свободы вообще. Поэтому относительно разноплеменного по составу Кавказа и отсутствия географического разделения между отдельными народами, программа гласила, что для региона неприемлемо требование политической автономии. Возможна только культурная автономия (свобода языка, школы, образования и т.п.) [1, с. 32-33].

Кавказский союз РСДРП (основан в марте 1903 г. и действовал до февраля 1906 г.). Проект программы был принят в конце ноября 1905 г. После свержения самодержавия национальный вопрос решался в рамках демократической республики на федеративных началах. Россия делилась на округа согласно историческим, экономическим, территориальным условиям. Каждый из них получал право на самоуправление для ведения внутренних дел. В свою очередь округа делились на общины с аналогичным правом. Через референдум округа могли выйти из состава федерации. Специальная резолюция по национальному вопросу была принята IV конференцией Кавказского союза в конце ноября 1905 г. Выступая против либеральных концепций автономии и федерации

национальностей Кавказа, партия подтвердила необходимость политического централизма. Вместе с тем, учитывая реалии и политику государства в данном вопросе «конференция в целях свободного и полного развития сил пролетариата высказывается за право политического самоопределения национальностей России» [2, с. 64,68,].

Кавказское бюро РСДРП (основано 4 октября 1915 г. на совещании в Баку). В годы Первой мировой войны на Кавказе национальный вопрос еще более обострился. В специальной резолюции совещания по национальному вопросу, написанную С.Г. Шаумяном, отрицалась культурно-национальная автономия, и предлагались следующие виды самоопределения: 1) областное самоуправление для местностей с особым бытовым, хозяйственным, национальным составом; 2) автономия наподобие польской; 3) право на отделение [2, с. 74 79-80]. С. Шаумян акцентировал внимание на необходимости противостоять активизации деятельности армянских, грузинских, мусульманских неонароднических и либеральных партий.

Армянская партия «Гнчак» («Колокол») основана в 1887 г. В 1903 г. она уже именовалась Социал-демократическая партия «Гнчак». В 1904-1907 гг. на Северном Кавказе функционировало не менее 12 групп партии, из которых половина – на Кубани.

В решении национального вопроса партия отстаивала принцип территориального самоопределения. В программе ставилась задача освобождения и объединения всех армянских земель первоначально в самостоятельное армянское демократическое государство, а в перспективе – социалистическую Республику [3, с. 9-11]. После Февральской революции 1917 г. партия поддержала Временное правительство, выступив за продолжение войны. Она надеялась на решение армянского вопроса в результате поражения Турции и демократизации России. Именно с самостоятельным государством связывалось решение национального вопроса. Приход к власти большевиков был встречен настороженно, хотя и приветствовали декрет «О Турецкой Армении».

Из национальных партий эсеровского толка самой влиятельной в регионе являлась Армянская революционная федерация (Дашнакцутюн), возникшая в 1890 г. в Тифлисе. В соответствии с уставом партии организационная структура включала: группу, подкомитет, комитет, ЦК, Ответственный орган, Восточное и Западное бюро, Совет Союза, съезд), а также определялась их минимальная численность. В начале 1907 г. из 3233 групп в России

функционировало 2311 групп. Количество северокавказских организаций составляло соответственно 7 и 19 процентов. Временем активной деятельности партии были 1903 – 1907 и 1914 – 1918 годы.

Основное место в идеологии партии занимали политико-правовые вопросы, среди которых и главной оставалась проблема армянской государственности. До 1903 г. Дашнакцутюн выступал как чисто национальная партия, отрицая идею классовой борьбы, считая своей задачей решение вопроса Западной Армении. Третий съезд Дашнакцутюн в начале 1904 г. признал необходимым участие организации в революционной борьбе на Кавказе на почве самозащиты. А Совет партии, состоявшийся в 1905 г. в связи с разрастанием революции, решил выйти из пределов самозащиты. В новой программе, принятой в феврале 1907 г. четвертым съездом партии, в разделе «минимум» отмечалось, что Дашнакцутюн как партия революционная и социалистическая ставит своей целью защиту классовых и национально-культурных интересов армянских трудящихся. Во введении программы подчеркивалась мысль о тесной взаимосвязи национального и социального освобождения. Партия, связывая с социализмом уничтожение искусственных преград и различий между нациями, одновременно отмечала, что данный общественный строй не предполагал слияние всех наций в однородную массу. Наоборот, подчеркивалось, что свободно развивающаяся нация лучшими своими чертами обогатить общечеловеческую культуру, в то время как национальный гнет задерживает ее развитие. Будущее Армении Дашнакцутюн связывал с Российской Федеративной республикой, куда она входила в составе Закавказской демократической федеративной республики [3, с. 133; 4, с. 177]. Это подтвердил и проведенный в 1913 г. партией опрос своих членов и общественных деятелей [5, с. 196]. Оно осталось неизменным и после Февральской революции 1917 г. в России. Однако принципиально менялся статус Турецкой Армении с автономного на независимый.

Одновременно партия поддерживала и право на национально-культурную автономию как путь для разрозненно проживающих народов в удовлетворении своих национальных потребностей.

Об этом, в частности, свидетельствует и конференция российских национально-социалистических партий в апреле 1907 г., в которой приняли участие Дашнакцутюн и партия грузинских социалистов-федералистов. В резолюции о национальной и территориальной автономии указывалось, что решение вопроса о национальных правах, составляющих меньшинство народностей, не

имеющей своей территории, не может быть достигнуто исключительно путем территориальных автономий и местного самоуправления поэтому создание экстерриториальных органов национального самоуправления публично-правового характера в пределах России является необходимой предпосылкой для решения национального вопроса [6, с. 186].

Неонароднической являлась Партия социалистов-революционеров Грузии, основанная в 1904 г. Окончательный вариант программы был утвержден третьей конференцией партии в 1907 г. В национальном вопросе партия отстаивала принцип грузинской национально-территориальной автономии в пределах Российской демократической федерации как необходимого условия для свободного развития и солидарной деятельности народов. Национальным меньшинствам предоставлялась культурная автономия [3, с. 188-189].

Из национальных либеральных партий кратко определим позиции по исследуемой проблеме Грузинской национально-демократической партии (ГНДП) и Армянской народной партии (АНП). ГНДП образована на съезде в июне 1917 г. Тогда же принята программа, состоящая из трех частей: 1) национальные задачи, 2) политические задачи, 3) экономический строй. В первом разделе отмечалось, что развитие национального самосознания неизбежно приводит к завоеванию политических прав. Обосновывалось необходимость политической свободы и со ссылкой на историю. Так, говоря о вступлении Грузии под покровительство России в 1783 г., указывалось, что в сентябре 1801 г. Россия нарушила договор и совершенно упразднила грузинскую государственность. И делался вывод о ее восстановлении на демократическо-республиканских началах в рамках децентрализованной демократической России. Подробно перечислись территории, которые включались в состав нового государственного образования. Всем народам на этих территориях предоставлялись национально-культурные права [3, с. 383-384; 6, с. 55-56].

АНП была создана в январе 1917 г. Ее основу составили представители правого крыла дашнакской партии. Программа и устав партии были приняты в сентябре того же года. На этом же съезде был избран ЦК партии. В Закавказье и на Северном Кавказе партия имела не менее 50 организаций [6, с. 52-54].

В общегосударственных вопросах партия разделяла программу российских кадетов и поддерживала Временное правительство. Но центральное место в программе армянских либеральных демократов

занимал раздел, который именовался «Национальный вопрос и автономия». АНП высказывалась за предоставление местностям Закавказья, населенными армянами «широкого национально-территориального самоуправления», которые при этом оставались неразделенной частью России. При определении границ самоуправляющихся областей следовало исходить из национального критерия. В рамках же этих самоуправляющихся территорий национальным меньшинствам предоставлялась национально-культурная автономия. То есть, в сущности, партия отождествляла понятия автономия и самоуправление, основанные на национально-территориальном принципе и понималось это как децентрализация законодательства и управления в границах унитарной, а не федеративной России. В целом это было в русле кадетской политики решения национального вопроса в тот период, согласно которой национально-территориальная автономия (самоуправление) имеют свою систему самостоятельно формируемых законодательных и исполнительных органов. Но они действуют под надзором центральных органов власти, могут издавать (по установленному центру кругу вопросов) законодательные акты.

Таким образом, национальными политическими партиями предлагались различные модели решения национального вопроса. Социал-демократические организации в соотношении национального и интернационального в целом отдавали приоритет интернациональному. Они отрицали принцип национально-культурной автономии. Предлагали разные виды территориальной автономии и не были против политического самоопределения с учетом конкретных условий. Неонароднические партии (Дашнакцутюн, грузинские социалисты, федералисты) отстаивали принцип Российской демократической федерации и национально-культурной автономии. При этом Дашнакцутюн проделал определенную эволюцию в этом вопросе – от автономии для турецких и федерации для российских армян до необходимости независимого единого государства.

ГНДП выступала за восстановление грузинской государственности в пределах демократической децентрализованной России.

АНП считала достаточным для российских армян широкого национального самоуправления в составе единого государства, а применительно к Турецкой Армении не исключалось и создание собственного государства.

Все это свидетельствует о том, что сама проблема

самоопределения наций как коллективного права многоаспектна в теоретическом плане и чрезвычайно сложна при его практической реализации, поскольку возникает необходимость их соотнесения, прежде всего, с правами и свободами человека, с правом государства на неделимость и целостность собственной территории.

Библиографический список

1. Шаумян С.Г. Избранные произведения. В 2-х т. Т.1. 1902-1914 гг. (2-е изд., доп.). М.: Политиздат, 1978. – 511 с.
2. Программные документы национальных политических партий и организаций (конец 19 в.-1917 г.). Сборник документов. Вып.1. Составитель: В.М. Фомин. М., 1996. 196 с.
3. Программы политических партий России. Конец 19 – начало 20 вв. М.: Росспэн, 1995. 464 с.
4. Киракосян Н.Б. Создание и деятельность партии Дашнакцутюн (1890-1907 гг.)//Национальные политические партии. Материалы международной конференции. М.: Росспэн, 1997. –408 с. С. 169-180.
5. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности: Северо-Кавказский регион (конец 90-х гг.19 в.- февраль 1917 г.). Краснодар, 2001. – 375 с.
6. Программные документы национальных политических партий и организаций (конец 19 в.-1917 г.). Сборник документов. Вып.2. Составитель: В.М. Фомин. М., 1996. – 202 с.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ОБЩИН КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

ON THE QUESTION OF THE LEGAL STATUS OF COMMUNITIES OF INDIGENOUS MINORITY PEOPLES OF THE NORTH

А.М. Бянкина

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

A.M. Byankina

Transbaikal State University, Chita, Russia

Аннотация. В статье рассматривается правовой статус общины коренных малочисленных народов Севера как наиболее удобной в настоящее время формой объединения, создаваемой в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры. Акцентируется внимание на правовых возможностях общины и проблемах, возникающих в гражданском обороте с участием общин. В тексте уделяется внимание формам объединения общин, таким как союзы и ассоциации.

Abstract. This article examines the legal status of communities of indigenous peoples of the North as the most convenient form of association currently created to protect their ancestral habitat and preserve and develop their traditional way of life, economic activities, crafts, and culture. It focuses on the legal capabilities of

communities and the challenges that arise in civil transactions involving communities. The text also focuses on forms of community association, such as unions and associations.

Ключевые слова: община, коренные малочисленные народы Севера, традиционная хозяйственная деятельность, союзы(ассоциации) общин.

Keywords: community, indigenous peoples of the North, traditional economic activity, community unions (associations).

Общинный статус регулируется нормами Федерального закона от 20.07.2000г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»(далее по тексту - ФЗ № 104)[1].

Община – это форма самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера и объединяемых по кровнородственному (семейному, родовому) и (или) территориально-соседскому признакам, создаваемых в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры(абз. 3 ст. 1 ФЗ № 104). Данная организационная форма представляется довольно удобной с точки зрения практического применения для самих народов.

На территории Забайкальского края коренным малочисленным этносом являются эвенки, проживающие плотно в северных районах субъекта. Эвенки представляют самую старейшую этническую группу населения на забайкальской территории. Активно используют такую организационно-правовую форму как общины. Статистические данные, представленные Управлением Министерства юстиции по Забайкальскому краю по состоянию на 15 октября 2025 г. свидетельствуют о том, что зарегистрированы и функционируют общины эвенков[2]: «Бэюн» («Дикий олень»); «Орон» («Домашний олень»); кочевая родовая «Метакат» («Голова»); семейно-родовая «Сюльбан»; родовая «Амикан» («Медведь»); «Геван»; «Нонон» («Начало»); кочевая родовая «Лурбун»; «Чара»; «Амудисы» («Озера»); «Гуля»; «Калар»; «Малогорье».

Общины объединены по следующим признакам: 1) кровное родство; 2) ведение традиционного образа жизни; 3) осуществление традиционной хозяйственной деятельности; 4) занятие традиционными промыслами(абз. 4 ст. 1 ФЗ № 104). Реализация трех последних признаков в современных условиях сопряжена со множеством сложностей организационно-правового характера.

В том случае, если община не построена с учетом первого признака, – кровного родства, а только трех последних признаков, то она признается территориально-соседской(абз. 5 ст. 1 ФЗ № 104).

Несмотря на довольно большой перечень традиционных видов хозяйственной деятельности, определяемый законодательством, в полном объеме он непосредственно малыми народами используется крайне редко. Причин этого также довольно много: утрата традиций; негативное влияние промышленной среды на традиционные места проживания малых народов; изменение климата и природных ландшафтов; сокращение природных ресурсов; изменение норм действующего законодательства, не позволяющего часто свободно заниматься каким-либо подходящим видом деятельности; «старение» населения, а также иные факторы.

Как правило всем малым народам свойственна охота/земледелие/рыболовство/собирачество. Для северных районов Забайкальского края также характерно оленеводство.

Кроме того допустимы союзы (ассоциации) общин малочисленных народов. Такие объединения представляют интересы межрегиональных, региональных и местных объединений общин малочисленных народов. Качество и эффективность деятельности подобных организаций разнообразны и требуют индивидуального подхода к оценке их деятельности. К примеру, на территории Забайкальского края осуществляет свою работу Забайкальская региональная общественная организация «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера». Это объединение представляет интересы около тысячи эвенков(средний статистический показатель по региону). По своей структуре она включает в себя организации районные и городскую.

Организация и деятельность общин основана на следующих правовых принципах: 1) равенства общин перед законом вне зависимости от видов их деятельности и количества членов общины; 2) добровольности, равноправия, самоуправления и законности; 3) свободы в определении своей внутренней структуры, форм и методов своей деятельности; 4) гласности(ст. 5 ФЗ № 104).

Организация и деятельность общин запрещаются в других целях, кроме целей, обозначенных: ФЗ № 104; законами субъектов России; учредительными документами соответствующей общины.

Со стороны государства в лице органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ может оказываться помощь общинам и формам их объединений. В этом направлении успешны практики Красноярского края, признанные в том числе и на уровне ООН.

Органы государственной власти, органы государственной власти субъектов и органы местного самоуправления не вправе

вмешиваться в деятельность общин и их объединений, за исключением случаев, прямо предусмотренных федеральным законом или законом субъекта.

В частности, общины вправе обжаловать действия(бездействия), которые ущемляют права общин или ее членов, требовать возмещения убытков, причиненных в результате нанесения ущерба окружающей среде. Наличие возможности требования возмещения убытков пока также слабо эффективно, практически не реализуется на практике. Механизм экологической экспертизы применяется пока также слабо и весьма неоднородно по территории России.

Непосредственно сами государственные органы не могут входить в состав общин на условиях членства.

Как и любые иные объединения общины организуются на добровольной основе. Возрастной ценз лица, проявившего инициативу – достигшее 18 лет. Воля к вступлению в общину должна быть выражена: 1) в виде письменного заявления; 2) в виде записи в протоколе общего собрания (схода) членов общины(собрания уполномоченных представителей малочисленных народов).

Общины организуются без ограничения срока деятельности. Учредительные документы могут включать иные условия.

В качестве учредителей могут выступать только лица, имеющие соответствующую этническую принадлежность в количестве не менее трех лиц. Согласно нормам действующего законодательства не могут быть учредителями общин: а) иностранные граждане/лица без гражданства. При этом закон разрешает этим лицам оказывать общинам и их объединениям материальную, финансовую и иную помощь; б) юридические лица; в) органы государственной власти РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, их должностных лиц.

На учредительном собрании общины принимаются следующие решения: о создании общины; об утверждении устава; о формировании органов управления и органов контроля.

Собрание является открытым, и в соответствии с законом граждане, проживающие на территории соответствующего муниципального образования праве присутствовать на собрании.

Учредительными документами общины являются учредительный договор – заключается учредителями общины, и устав – утверждается общим собранием(сходом) членов. Последний может включать описание символики общины.

В учредительных документах общины должны быть определены: наименование общины; местонахождение; основные

виды традиционной хозяйственной деятельности. Могут быть включены и иные сведения в соответствии с федеральным законодательством и законами субъектов. Учредительные документы подписываются учредителями.

Община считается созданной с момента принятия решения об организации общины малочисленных народов. Созданная община подлежит обязательной государственной регистрации.

Лица, имеющие иную этническую принадлежность, но также осуществляющие традиционные хозяйственную деятельность и занимающиеся традиционными промыслами малочисленных народов могут приниматься в члены общины согласно решения общего собрания(схода) членов общины. При этом отказ лица от вступления в общину не может служить основанием для ограничения права такого лица на самостоятельное осуществление традиционных видов деятельности и промыслов.

В общине членство может быть коллективным (членство семей (родов)) и индивидуальным (членство лиц, относящихся к малочисленным народам).

В качестве индивидуальных членов общины могут быть лица, обладающие признаками: наличие соответствующей этнической принадлежности; возрастной ценз – достигшие 16 лет; ведущие традиционный образ жизни; осуществляющие традиционную хозяйственную деятельность; занимающиеся традиционными промыслами.

Члены общины имеют право выхода из нее. Члену общины и членам его семьи предоставляется доля из имущества общины в случае выхода из общины. При выходе из общины за лицом сохраняется право на ведение традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности.

Уставом определяются: права и обязанности членов общины; порядок и условия вступления в общину и выхода из нее.

Наличие членства в общине не может служить фактом для ограничения прав и свобод человека и гражданина, равно как и предоставления преференций, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Члены общины имеют право: 1) в соответствии с уставом общины на участие в принятии решений общины; 2) участие в выборах органов управления общины и право быть избранными в эти органы; 3) получение доли из имущества общины или ее компенсации при выходе из общины либо при ее ликвидации; 4) выход из общины; 5 а также реализация других прав, предусмотренных уставом

общины. Члены общины вправе использовать для нужд традиционных хозяйственной деятельности и промыслов объекты животного и растительного мира, общераспространенные полезные ископаемые и другие природные ресурсы. Однако на практике именно эти вопросы являются максимально проблемными, трудно разрешимыми, чему немало способствует наличие большого количества коллизий в отраслевом законодательстве. В частности, гражданском/ природоресурсном/ административном – либо же и вовсе пробелы в действующих нормативных актах. При этом многие вопросы, имеющие место на практике, не разрешены федеральным законодательством. Например, единства мнений о том, является ли право на охоту только личным или же может быть передано другому члену общины в настоящее время отсутствует. Действующее федеральное законодательство на многие подобные вопросы не дает ответов, поэтому вопрос либо может быть урегулирован на уровне регионального законодательства, либо остается на разрешение суда уже в рамках правоприменительной практики[3].

Например, 28 мая 2019г. Конституционный Суд РФ провозгласил Постановление по делу о проверке конституционности положений ст. 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [4].

Члены общины обязаны: соблюдать устав общины; рационально использовать природные ресурсы и осуществлять природоохранные меры; исполнять другие обязанности, предусмотренные законодательством РФ. Члены общины отвечают по обязательствам общины в пределах своей доли из имущества общины. Община не отвечает по обязательствам ее членов.

Высшим органом управления общины является общее собрание(сход) членов общины. Созывается по мере необходимости, периодичность его проведения определяется уставом. Общее собрание(сход) членов общины считается полномочным при условии участия в нем не менее половины членов общины, если уставом общины не установлены иные правила. Созыв общего собрания(схода) членов общины по требованию не менее 1/3 ее членов может быть предусмотрен в уставе общины. Общее собрание(сход) рассматривает все важнейшие вопросы жизнедеятельности.

В исключительной компетенции общего собрания (схода) членов общины находятся следующие вопросы: 1) принятие устава общины; 2) избрание правления(совета) и его председателя; 3)

принятие новых членов; 4) исключение из общины; 5) определение основных направлений деятельности общины; 6) избрание ревизионной комиссии; принятие решений о реорганизации, ликвидации и самороспуске общины; 7) утверждение решений председателя правления(совета) общины.

Так же и другие вопросы деятельности общины могут быть отнесены к полномочиям общего собрания(схода) членов общины уставом. Органом управления общины является правление(совет).

На общем собрании(сходе) членов общины простым большинством голосов избирается правление(совет) в составе председателя правления(совета) и других членов правления(совета). В перерывах между общими собраниями(сходами) членов общины правление(совет) организует деятельность общины и проводит заседания по мере необходимости.

Уставом общины устанавливаются полномочия правления(совета) и срок действия полномочий. Члены общины, получившие более половины голосов ее членов, присутствующих на общем собрании(сходе) членов общины считаются избранными в состав правления(совета) общины.

Правление(совет) община вправе: а) рассматривать заявления граждан, изъявивших желание вступить в общину, и рекомендовать их к вступлению в общину; б) определять количество работников, привлекаемых общиной по трудовым договорам, и порядок оплаты их труда в соответствии с законом; в) утверждать решения председателя правления(совета) общины.

Уставом общины могут быть предоставлены и иные полномочия правлению(совету). Полномочия председателя правления(совета) определены законодательством и уставом.

В собственности общины может находиться: а) имущество, переданное членами общины в качестве вклада(взноса) при организации общины; б) финансовые средства, принадлежащие общине; в) добровольные пожертвования физических и юридических лиц, в том числе иностранных; иное имущество, приобретенное или полученное общиной в соответствии с законодательством РФ.

Общины самостоятельно владеют, пользуются и распоряжаются принадлежащей им собственностью и вправе с согласия членов реализовывать продукты труда, произведенные ее членами.

Общины несут материальную и иную ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Общины могут, исходя из этнических традиций и обычаев, организовывать воспитание и обучение детей членов общины в целях

сохранения культур малочисленных народов.

Предусмотрено право на содержание и охрану культовых мест, создание собственных культурных центров и других общественных объединений, право общины на соблюдение религиозных традиций и обрядов. (п. 2 ст. 19 Закона № 104-ФЗ).

Община в настоящее время является удобной формой для коренных малочисленных народов, входящей в систему юридических лиц и позволяющей сохранить традиционную самобытность в современных условиях.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон [от 20 июля 2000г. № 104-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. № 30. Ст. 3122.

2. Информация предоставлена по данным Управления Министерства юстиции по Забайкальскому краю.

3. См. например: Голубчикова М. КС РФ начал рассмотрение дела о правах малых коренных народов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/04/16/ks-rf-nachal-rassmotrenie-dela-o-pravah-malyh-korennyh-narodov.html> (12 окт. 2025)

4. По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Г.К. Щукина: постановление Конституционного Суда РФ [от 28 мая 2019г. № 21-П] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 123. Ст. 2902.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

A STRUCTURAL ANALYSIS OF NARRATIVE IN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS: CONCEPTUALIZING THE KEY CONCEPTS

М.М. Медведев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

М.М. Medvedev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена методологическому осмыслению применения структурного нарративного анализа в исследовании школьных учебников истории, которые становятся полем идеологического противостояния и «войн памяти». Автор рассматривает теоретический потенциал подхода Ролана Барта, позволяющего выявлять скрытые идеологические коды, мифологемы и механизмы конструирования коллективной идентичности через учебные тексты.

Особое внимание уделяется трёхуровневой модели анализа (функции, действия, нарративный дискурс) и её операционализации для социологического изучения образовательных материалов.

Abstract. The article explores the methodological potential of applying structural narrative analysis to school history textbooks, which have become a battlefield for ideological competition and «memory wars». Focusing on Roland Barthes' theoretical framework, the author demonstrates its utility in uncovering hidden ideological codes, mythologems, and mechanisms of collective identity construction in educational texts. Special emphasis is placed on Barthes' three-level model of analysis (functions, actions, narrative discourse) and its operationalization for sociological research.

Ключевые слова: нарративный анализ, коллективная память, войны памяти, нарратив

Keywords: narrative analysis, collective memory, memory wars, narrative

В современных геополитических условиях образовательные ресурсы всё чаще используются как поле идеологического соперничества: учебные тексты могут служить каналом формирования коллективной памяти и политических установок. Школьные учебники преобразуются в поле борьбы между разнообразными, порой полярными политическими установками, мнениями, национальными и цивилизационными идеями – противоборство на страницах истории представляет собой так называемые «войны памяти», которые, по данным исследовательских проектов организаций «Центр общественных технологий» и «Евразийский монитор», находят свое выражение в грубых искажениях исторической правды в образовательных программах некоторых стран [6; 11].

Таким образом, школьные учебники истории представляют собой не просто сборники фактов, но сложные семиотические системы, формирующие коллективное понимание прошлого, а, значит, и настоящего: «...занимаясь историей, мы в конечном итоге пытаемся понять не столько прошлое, сколько настоящее» – писал А. В. Ставицкий [1; 9, с. 35]. Школьные учебники истории, выступая институционально санкционированными нарративами, выполняют функцию не только трансляции знаний, но и конструирования коллективной идентичности – их идеологизированную сущность подчеркивала А. Ассман: «Проблема национальных нарративов заключается не столько в "ложной памяти", сколько в крайне избирательных и исключительных рамках памяти» – в исторических прогосударственных нарративах включаются одни события и исключаются другие, создавая каркас памяти, который определяет, что общество считает важным, а что – маргинальным [7; 12].

С одной стороны, данная проблематика затрагивает историческое знание само по себе, но с другой – главную роль здесь играет именно общественное восприятие этой истории как важный элемент исторической памяти [4]. В связи с этим для социологии критически важно «отличать факты истории от фактов массового сознания, выращенных с помощью определённых манипулятивных технологий с целью получения тех или иных политических преимуществ перед другими социальными группами и даже странами» [9, с. 187].

Именно поэтому актуальным становится выделение релевантного для социологии набора инструментов изучения подобного рода фактов с последующей концептуализацией понятий. На наш взгляд важным методом исследований в этой области может стать нарративный анализ. Нарративный (семантический) анализ в принципе считается междисциплинарным методом анализа текстов и имеет довольно большую историю, хотя разные исследователи по-разному определяют и понимают теорию и практику такого анализа. В целом нарративный анализ представляет собой совокупность конкретных приемов работы с текстами, которые различаются по степени формализации и фокусу исследовательского интереса. Целью настоящей статьи является проведение обзора основных направлений нарративных исследований и концептуализация понятий одного из перспективных направлений нарратологии – структурного анализа нарративов Р. Барта.

В последние годы в российской науке сохраняется устойчивый интерес к цифровым и междисциплинарным методам нарративного анализа, который дополняет классические теоретические подходы и позволяет масштабно выявлять структурные параметры массовых текстов. Например, А.С. Готлиб рассматривает ключевые методологические парадигмы нарративного исследования и отмечает его двойственную природу как качественного и количественного инструмента [3]. И.В. Троцук аргументирует, что нарратив перестаёт быть лишь литературным жанром и становится методологическим «реле» между индивидуальным опытом и социокультурными схемами [10]. Эти теоретические рамки органично сочетаются с более прикладными исследованиями: корпусным анализом учебников и автоматизированным моделированием медианарративов – всё это показывает, как в текстах учебников, соцмедиа и публичных дискурсах выявляются и трансформируются нарративные структуры, одновременно адаптирующиеся под новые идеологии [5; 8; 15; 19].

За рубежом нарративный анализ также претерпевает

значительную трансформацию: исследователи используют мульти-модальные, вычислительные и сетевые методы для работы с большим количеством текстов и медиаисточников. Например, исследование А. Буркханова и Д. Шапировой демонстрирует, как учебные нарративы Казахстана содержат устойчивые мифологемы, адаптированные к национальной идеологии, и рассматривает учебник как медиум конструирования прошлого и легитимации настоящего [13]. В других работах используются алгоритмы машинного обучения и NLP-методы для извлечения сюжетных схем и анализа смысла на больших корпусах текстов [18]. Иные зарубежные исследования показывают, как кризисные нарративы в социальных медиа могут быть декодированы через вычислительный анализ, вводят сетевой подход к моделированию персонажей и событий в нарративе, а также демонстрируют применение мультимодального анализа в образовательной среде [14; 16; 17]. Чтобы перейти от общего анализа нарративных практик к инструментарию, пригодному для исследования учебных текстов, в этой статье мы опираемся на ключевые идеи Р. Барта [2]. Барта интересует не только «сюжет» как последовательность событий, но и те семантические и семиотические механизмы, с помощью которых тексты (включая иллюстрации и паратекст) природно и незаметно воспроизводят или трансформируют смысл — то, что он обозначает через понятия мифа, денотации/коннотации, а также через анализ «прочитываемости» текста. Такой фокус особенно полезен при работе с учебниками, где официальный (денотативный) слой часто соседствует с подтекстами, идеологическими подтекстами и визуальными кодами, целящимися на формирование коллективной памяти. Именно способность Барта вскрывать эти «поверхностные» и «скрытые» уровни смысла делает его теоретическую рамку удобной отправной точкой для нашего теоретического обзора учебных материалов.

В настоящей статье мы определяем нарратив в бартовском смысле: нарратив — языковая (семиотическая) система, представляющая события как организованную совокупность функций и действий, интегрируемых через повествовательный дискурс; нарратив имеет собственную грамматику и коды, которые можно формализовать и анализировать.

В знаменитом эссе 1966 г. Барт предпринял систематизацию нарративных структур, опираясь на опыт формалистов (Пропп, Леви-Стросс) и полевых семиотиков (Греймас, Тодоров) [2]. Он выделил три уровня повествования в любой истории (сюжете): уровень «функций», уровень «действий» и уровень «повествования».

Таким образом, любой текст (в том числе и учебник) анализируется Бартом по модели, аналогичной «большому предложению»: «любой рассказ – это большое предложение», в котором мельчайшие «лексии» увязаны в единую систему посредством сюжетных (синтагматических) и семиотических (парадигматических) связей [2, с. 199–200].

Барт начинает с постановки проблемной парадоксальной ситуации: повествование (нарратив) одновременно универсально (оно присутствует «везде» и «во все времена») и многоформенно – жанры, медиумы и социальные контексты бесконечно различаются. Отсюда у него вырастает главный методологический тезис: надо не отказываться от обобщения, а создать дедуктивную «теорию» повествования, модель, способную охватить это множество и служить инструментом для сопоставления и различения конкретных текстов. («Итак, чтобы описать и классифицировать все бесконечное множество повествовательных текстов, нужна „теория“...») [2, с. 198].

Одно из ключевых инструментальных понятий у Барта – «уровень описания» (или «план») [2, с. 201]. Он выделяет (в предложенной им упрощённой схеме) три уровня повествования, которые нужно держать отдельно, но рассматривать и как взаимосвязанные: уровень «функций» (минимальные сюжетные единицы, в терминологии Проппа и Бремона), уровень «действий» (актантный/персонажный уровень, где действует схема Греймаса и где функционируют предикаты в духе Тодорова) и уровень «повествования» (дискурс/код рассказчика: времена, виды, способы репрезентации). Переходы между уровнями – это то, что и создаёт смысл: функция получает значение в рамках действий, а действие – при реализации в дискурсе.

На уровне функций Барт разворачивает важнейшую таксономию [2, с. 203]. Во-первых, он обращается к идеям русских формалистов и В. Я. Проппа: текст дробится на «минимальные сюжетные единицы», которые он называет функциями. Но дальше он дифференцирует эти единицы: сначала – дистрибутивные (синтагматические) и интегративные (парадигматические, индексальные) [2, с. 206]. К первой группе относятся те элементы, которые коррелируют друг с другом по синтагме (например, покупка револьвера – выстрел; снятие трубки – возвращение трубки на место), – это близко к функциям Проппа. Во вторую группу Барт выделяет «индексы» (в широком смысле) – элементы, которые отсылают к черте, атмосфере или типологии персонажа и обретают смысл только «сверху», на уровне

персонажа или дискурса. Далее Барт вводит важную внутреннюю типологию функций [2, с. 209]. Внутри дистрибутивных функций он противопоставляет «кардинальные» (ядерные) функции и «катализаторы». Кардинальная функция – это точка альтернативы/риска, момент, который создаёт смысловой разворот (в терминах Барта – «момент риска в повествовании») [2, с. 208]. Катализаторы же – мелкие, часто кажущиеся второстепенными детали, которые заполняют пространство между кардинальными узлами: они дают темп, атмосферу, поддерживают контакт с адресатом, вводят ожидание и тем самым поддерживают семантическое напряжение. Катализаторы функционально зависимы от ядерных функций (наличие катализатора предполагает существование кардинальной функции, но не наоборот). Барт подчёркивает: кажется, что катализаторы «лишние», но в повествовательном тексте нет «шума» – каждая выделенная деталь несёт смысловую нагрузку.

Очень важное для практики анализа у Барта – понятие «последовательности» как минимальной логической группы кардинальных (ядерных) функций. Последовательность – это цепочка ядерных функций, связанных отношением «солидарности»: один член последовательности предполагает другого, и так формируется микроплотность сюжета. Последовательности могут быть микроскопическими (протянуть руку – пожать – отпустить) и укладываться в более крупные единицы (Встреча – Просьба – Помощь и т.д.). Барт опирается тут на идеи Бремона и Проппа, отмечая, что именно анализ последовательностей позволяет «укрупнять» функциональный план и, шаг за шагом, подниматься к уровню действий.

По поводу хронологии и логики Барта формулирует острый тезис, ссылаясь на Леви-Стросса: хронологическая последовательность событий – это в нарративе иллюзия; «временная последовательность событий растворяется в ахронной матричной структуре» [2, с. 211]. То, что читатель воспринимает как хронологию, – часто результат внутренней логики функций и их парадигматических связей; задача структурного анализа – извлечь «логическую матрицу», лежащую под видимой хроникой. Иначе говоря, время в повествовании – не первично, оно функционально вытекает из логики последовательностей.

Барт соотносит свой подход с тремя направлениями современной ему теории: 1) логико-энергетический подход Бремона (синтаксис выборов персонажа), 2) лингвистическая парадигматика

Греймаса и Леви-Стросса (выявление оппозиций и парадигматической структуры функций) и 3) подход Тодорова, который переводит акцент на правила комбинаций предикатов на уровне действий [2, с. 212]. Барт не выбирает одно «лучшее» направление: он считает, что они взаимодополняемы и что задача аналитика – комбинировать их в зависимости от уровня анализа (функции – действия – дискурс).

На уровне «действий» и «актантов» Барт перерабатывает проблематику персонажей [2, с. 216]. Он отказывается от психологической (индивидуалистской) модели личности и предлагает рассматривать «персонажа» как набор ролей/актантов, определяемых кругом действий (как у Проппа) или предикатами (как у Тодорова) или как позициями в актантной матрице (как у Греймаса). Главный принцип – не «кем» является персонаж в психологическом смысле, а «что» он делает в структуре сюжета: функция влечёт за собой актанта; актант может быть множественно реализован в разных персонажах (субституции, мультипликации). Новое в этом подходе – систематизация типов действий (желание/поиск, коммуникация, тестирование/испытание) и использование актантной логики для реконструкции сюжетных трансформаций.

На уровне повествовательного дискурса (код рассказчика) Барт показывает, что субъект повествования (кем «говорит» текст) не тождественен автору-писателю; повествовательные «знаки» имманентны рассказу и подлежат семиотическому анализу: инстанция рассказчика оформляется системой личного/неличного кода, и одна только замена грамматического лица (переписать «он» в «я») может продемонстрировать, сохраняется ли личная система. Такая техника практического теста у Барта служит инструментом определения подлинной повествовательной инстанции текста [2, с. 220].

Практический вывод Барта (и одновременно руководство к анализу) можно суммировать так. Аналитик, руководствуясь этим эссе, должен: 1) выделить уровни анализа (функции – действия/актанты – дискурс); 2) на уровне функций провести сегментацию текста на минимальные сюжетные единицы и классифицировать их (кардинальные функции; катализаторы; индексы и т. д.); 3) группировать функции в последовательности и выявлять их отношения солидарности и импликации; 4) перейти к уровню действий, описать актантные роли и их трансформации; 5) реконструировать «логическую матрицу» смысла, выяснить, какие парадигматические оппозиции и метонимические/метафорические

связи структурируют текст; 6) вернуться к дискурсу, соотнести логическую матрицу с приёмами репрезентации, а также определить повествовательную инстанцию. Эти шаги следуют напрямую из методологических положений Барта.

Таким образом, подход Р. Барта может оказаться результативным в социологических исследованиях учебных, научных или идеологических текстов как мощная объяснительная теория и как прикладное руководство по отбору и анализу корпуса текстов (причем как количественного, так и качественного).

Библиографический список

1. Баранов А.В. Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2018. № 3. С. 174–192.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. с фр. Г. Косиков // *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе* / сост., общ. ред. Г. Косиков. М. : Изд-во Московского ун-та, 1987. С. 196–238.
3. Готлиб А.С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // *Международный журнал исследований культуры*. 2013. № 1. С. 9–14.
4. Иванова Т.Н. Школьный учебник и историческая память: анализ отечественной учебной литературы по истории в XX веке // *«Запад–Восток». Научно-практический ежегодник*. 2020. № 13. С. 99–114.
5. Колмогорова А.В., Колмогорова П.А., Куликова Е.Р. О прошлом, но в разное время: компьютерный анализ текстов учебников по истории СССР / России для шести поколений студентов // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2024. № 89. С. 73–103.
6. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / А.А. Данилов, А.В. Филиппов (ред.) ; авт.: Д.Я. Бондаренко, А.И. Вдовин, А.Д. Жуков и др. М., 2009. 391 с. URL: https://www.hse.ru/data/2010/07/01/1218886387/doclad_hist_02_light.pdf (дата обращения: 08.11.2025).
7. Петрухина Д.В. Национальная идентичность и исторические нарративы в школьных учебниках гуманитарных предметов // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал*. 2023. № 4. С. 105–122.
8. Рожков А.Ю., Рунаев Т.А. Школьные учебники по новейшей истории Юга России как ресурс политики памяти // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22, № 2. С. 104–123.
9. Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины: монография. Севастополь: Рибест, 2015. 748 с. ISBN 978-5-9906343-0-5.
10. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2004. № 1. С. 41–53.
11. Чураков Д.О. Учебник истории и «Войны памяти» на постсоветском пространстве // *Преподаватель XXI век*. 2013. № 3. С. 21–27.
12. Assmann A. Forms of Forgetting. 2014. URL: <https://h401.org/2014/10/forms-of-forgetting/7584/> (дата обращения: 08.11.2025).
13. Burkhanov A., Sharipova D. New Narratives and Old Myths: History Textbooks in Kazakhstan // *Nationalities Papers*. 2024. Vol. 52, No. 5. P. 1193–1208.

14. Kim D., Park H.-R., Vorobel O. Enriching Middle School Students' Learning Through Digital Storytelling: A Multimodal Analytical Framework // ECNU Review of Education. 2024. Vol. 7, No. 2. P. 357–383.
15. Koltsova O.Yu., Alexeeva S.V., Kolcov S.N. An Opinion Word Lexicon and a Training Dataset for Russian Sentiment Analysis of Social Media // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2016". Moscow, June 1–4, 2016. P. 277–287.
16. Min S., Park J. Mapping Out Narrative Structures and Dynamics Using Networks and Textual Information. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/301876528_Mapping_Out_Narrative_Structures_and_Dynamics_Using_Networks_and_Textual_Information (дата обращения: 08.11.2025).
17. Paakki H., Ghorbanpour F., Sawhney N. An Approach to Computational Crisis Narrative Analysis: A Case-study of Social Media Narratives Around the COVID-19 Crisis in India // Proceedings: Conference on Language Technologies & Digital Humanities (JTDH), Ljubljana, 2022. P. 263–266.
18. Piper A., So R.J., Bamman D. Narrative Theory for Computational Narrative Understanding // Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP 2021). P. 298–311.
19. Sherstinova T., Moskvina A., Kirina M., Karysheva A., Kolpashchikova E., Maksimenko P., Seinova A., Rodionov R. Sentiment Analysis of Literary Texts vs. Reader's Emotional Responses // Proceedings of the 33rd Conference of Open Innovations Association (FRUCT). 2023. P. 243–249.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И КНДР В РАМКАХ ОЛИМПИЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

THE PROBLEM OF UNIFICATION OF THE REPUBLIC OF KOREA AND THE DPRK IN THE FRAMEWORK OF THE OLYMPIC MOVEMENT

А.Н. Измайлова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.N. Izmaylova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В исследовании мы установим значение олимпийского движения для межкорейского урегулирования. В рамках олимпизма мы выделим попытки государств к временному объединению нации. Во время Игр 1988 г. МОК не удалось примирить стороны, КНДР бойкотировала Олимпиаду в Республике Корея. В межолимпийский период, несмотря на взлеты и спады в межкорейских отношениях, появилась практика совместного выступления атлетов Севера и Юга на соревнованиях. В 2018 г. Республика Корея и КНДР вновь выступили единой командой, во время олимпийского перемирия страны провели межкорейский саммит, что стало важной фазой урегулирования на Корейском полуострове. Тем не менее с 2022 г. диалог между государствами не поддерживается: олимпийского фактора оказалось недостаточно для разрешения противоречий.

Annotation. This article establishes the importance of the Olympic movement for the inter-Korean settlement. We'll highlight the Olympic attempts to unite the nation. During the 1988 Games, the IOC failed to reconcile the states, the DPRK boycotted the Olympics. During the inter-Olympic period, despite the ups and downs in the inter-Korean relations, we got the practice of athletes from the North and the South competing together. In 2018 The South Korea and the DPRK acted as a united team, during the Olympic truce, the countries held an inter-Korean summit, which became an important phase of the settlement on the Korean Peninsula. Nevertheless, there has been no dialogue between the states since 2022: the Olympic factor has proved its insufficiency to resolve the contradictions.

Ключевые слова: олимпийское движение, Олимпийские игры, Республика Корея, КНДР, Корейский полуостров, межкорейское урегулирование

Keywords: Olympic movement, Olympic Games, the Republic of Korea, DPRK, Korean Peninsula, inter-Korean settlement

Современное олимпийское движение представляет собой комплексную систему взаимодействия государств. Оно не ограничивается спортивными соревнованиями: дипломатические переговоры, заключение экономических соглашений, проведение совместных проектов в сфере культуры – это лишь малая часть, которую охватывают олимпийские мероприятия. Расширение движения способствует распространению принципов олимпизма, где сотрудничество опирается на глобальные ценности сохранения мира, дружеской коммуникации и взаимного уважения.

Спорт является объединяющим механизмом народа, равно как и средством представления государства в международном диалоге. Во второй половине XX в. спортивные победы страны были напрямую связаны с ее положением на мировой арене, поскольку соревнования представлялись способом вести «войну без стрельбы» между капиталистическими и социалистическими государствами.

В XXI в. спортивную политику можно отнести к факторам «мягкой силы», помогающим устанавливать и укреплять международное сотрудничество, выражать дружественный посыл государств и формировать их позитивный образ в мировом сообществе.

Чувство общности выражается через выступление на мировых первенствах под национальным флагом. Олимпийские игры как крупнейшие состязания играют особую роль в формировании и укреплении идентичности. Атлеты представляют свою страну, выступают под национальными флагами, а их победы сопровождаются исполнением государственных гимнов. Зрители также используют национальную символику, что поддерживает чувство национальной гордости и единства народа.

Международные состязания могут выступать местом примирения конфликтующих сторон: они предоставляют пространство для открытого диалога и возможности для дальнейшего дипломатического сотрудничества.

Для Республики Корея и Кореической Народно-демократической Республики (КНДР) олимпийское движение не раз становилось зоной урегулирования взаимоотношений. Мы установим значение Олимпийских игр для межкорейского урегулирования. В рамках олимпизма мы выделим попытки государств к временному объединению нации. Будет рассмотрен период с 1948 г. до 2020-х годов. Был применен историко-генетический метод, который позволил проследить становление и развитие олимпийского движения на Корейском полуострове. Для воссоздания исторической канвы событий, связанных с олимпийским движением и историей региона, использовался проблемно-хронологический метод.

Республики Корея впервые приняла участие в Летних Олимпийских играх 1948 г. в Лондоне как независимое государство. Изначально только на Юге был создан Национальный олимпийский комитет [1, с. 142–143], что отвечало итогам Потсдамской конференции и разделению Корейского полуострова на сферы влияния. Международный олимпийский комитет (МОК) предполагал действие комитета для обоих государств полуострова, однако различность идеологий и последующая Корейская война 1950–1953 гг. исключила такой исход. Лишь после окончания войны КНДР добилась права на собственное представительство в олимпийском сообществе, а первое участие государства в Играх относится к 1964 г.

Для Республики Корея спортивная дипломатия – устойчивая система, призванная к содействию изменениям во внутренней и внешней политике. МИД Республики Корея выделяет спортивную дипломатию как средство установления и укрепления дружественных контактов и повышения национального авторитета на международной арене [2]. Из видов спорта, отмеченных правительством как вносящих особый вклад в укрепление положительного имиджа государства и обладающих потенциалом для международного продвижения, выделяют тхэквондо как национальное боевое искусство, хоккей и киберспорт.

Спорт в КНДР используется как средство политической пропаганды и получения признания для своих команд. Политизация спорта была закреплена на официальном уровне при Ким Ирсене и продолжилась под руководством Ким Ченира и Ким Ченына [3, р. 174]. Такой подход предусматривает восхваление спортсменов, в том

числе в средствах массовой информации, в качестве официального государственного политического курса.

Инициаторами первой попытки объединения государств в ходе Олимпиады стали МОК и его глава – Хуан Антонио Самаранч (1980–2001). Согласно «Олимпийской хартии» МОК стремится «сотрудничать с компетентными государственными или частными организациями и властями в стремлении поставить спорт на службу человечеству и тем самым содействовать миру» [4]. Кроме того, это соотносится с олимпийской концепцией «нематериального наследия», в данном случае – восстановлением политических связей и распространением идей мирного сосуществования. Решение о проведении Олимпийских игр на Корейском полуострове означало обращение к проблеме объединения нации с принципиально новым подходом, во главе которого стояли олимпийские принципы мира и единства стран.

МОК совместно с правительством Республики Корея разрабатывали план проведения олимпийских соревнований в обоих государствах полуострова [5, с. 260], однако стороны не пришли к соглашению ввиду инцидента со взрывом южнокорейского боеинга в конце 1987 г.

Восстановить контакты удалось на рубеже XX–XXI вв. при администрации президента Республики Корея Ким Дэчжуна (1998–2003). В последствии краткие периоды активизации сотрудничества прерывались длительным затишьем.

Тем не менее в начале XXI в. зародилась новая практика сотрудничества: атлеты Севера и Юга объединялись в единую сборную для участия в международных стартах. Впервые общая корейская команда была сформирована на Олимпийских играх 2000 г. в Сиднее [6, с. 131]. Страны совместно выступали в 2002 г. на Азиатских играх в Республике Корея, на Олимпиадах 2004 г. в Афинах (Греция) и 2006 г. в Турине (Италия). Объединение атлетов в национальную сборную символически отражало объединение государств полуострова, что значимо для корейского народа в контексте укрепления национального единства.

В преддверии Олимпиады 2018 г. в Пхёнчхане, Республика Корея, президент Мун Джэин (2017–2022) выдвинул инициативу о совместном участии в Играх южнокорейских и северокорейских атлетов. Он неоднократно обращался к лидеру КНДР Ким Ченыну (2011 – настоящее время) с предложением переговоров [7]. Мун Джэин выступал за установления мира на Корейском полуострове без объединения государств через взаимовыгодное сотрудничество и

дружественный внешнеполитический курс.

Новогодняя речь Ким Ченына стала ответом южнокорейскому президенту: лидер КНДР заявил о намерении отправить северокорейскую делегацию на Олимпийские игры, а также о готовности к диалогу с Югом. При посредничестве МОК, активно содействовавшему межкорейским переговорам, 22 атлета из КНДР смогли принять участие в Играх в составе объединенной команды [8]. В результате накануне соревнований было урегулировано препятствие на пути их проведения: нестабильная ситуация на Корейском полуострове.

Администрация президента Мун Джэина выражала оптимистичный настрой в отношении участия КНДР в Олимпиаде. Это событие рассматривалось как потенциальная платформа для установления продуктивных межгосударственных контактов.

Олимпийская дипломатия КНДР стала частью стратегии по улучшению международного восприятия государства. После обнародования программы по созданию ядерного оружия сложился крайне негативный образ государства, следовательно, одной из целей участия в Играх стало восстановление репутации страны.

Выступление корейской сборной на параде стран-участниц под флагом объединения – изображением Корейского полуострова на белом фоне – стало самым обсуждаемым моментом церемонии открытия Игр [9]. Единство культурного наследия Республики Корея и КНДР было выражено через гимн – народную песню «Чосон Ариран», которая являлась символом объединения корейского народа и сопротивления японской оккупации в 1910–1945 гг.

Спортсмены КНДР были допущены к Играм в рамках дипломатических договоренностей. Объединенная женская хоккейная команда не выиграла ни одного матча, однако их участие широко освещалось СМИ как шаг к восстановлению межкорейских отношений. В “The Korea Times” (англоязычная версия «Хангук Ильбо») отмечался положительный эффект спортивной дипломатии с акцентом на продолжение диалога: «Это не должно стать разовым мероприятием для Южной и Северной Кореи. Скорее, это должно помочь двум Кореям установить стабильный мир на разделенном полуострове. Спортивная дипломатия Сеула в отношении Пхеньяна, подкрепленная идущими Зимними Олимпийскими играми в Пхёнчхане, должна послужить возможностью для решения проблем с программами Северной Кореи по созданию ядерного оружия» [3, р. 177–181]. Денуклеаризация полуострова была представлена ключевым фактором для улучшения отношений между

государствами, что полностью соответствует принципам мира и олимпийского наследия.

В постолимпийский период страны продолжали сотрудничество. В апреле 2018 г. в «Доме мира» в южной части пограничного пункта Пханмунчжом, где в 1953 г. было подписано соглашение о перемирии, был проведен межкорейский саммит. В прошлый раз лидеры государств встречались в 2007 г. Правительство Республики Корея выступало за денуклеаризацию полуострова и развитие межкорейских отношений на принципах взаимоуважения и доверия. КНДР выражала готовность к прекращению ракетных и ядерных испытаний и к развитию диалога [7]. Таким образом, Олимпийские игры стали отправной точкой для нормализации положения на Корейском полуострове и возобновления политического диалога.

После Олимпиады КНДР и Республика Корея продолжили сотрудничество в рамках спортивной дипломатии: объединенная женская команда приняла участие Чемпионате мира по настольному теннису и турнире “Korea Open”; выступали на XVIII Азиатских играх под флагом объединения; участвовали в XXVI Чемпионате мира по гандболу [10, с. 50]. Следует отметить, что столь активного сотрудничества не наблюдалось с периода «солнечного тепла».

Однако всего через один олимпийский цикл, проблемы, которые были столь распространены до Олимпиады 2018 г., возобновились. Подрыв Межкорейского офиса связи в г. Кэсон в 2020 г. [11, с. 168], а затем и баллистические испытания северокорейских ракет в 2022 г. стали причиной прекращения контактов с Югом.

Несмотря на прежние договоренности, принятые на межкорейских совещаниях под эгидой МОК, КНДР не приняла участие в Олимпиадах в Токио в 2021 г. и в Пекине в 2022 г. В 2024 г. корейская провинция Канвон, где проходила Зимняя Олимпиада, стала базой для Юношеских Олимпийских игр. В этот раз атлеты Северной Кореи не приняли участие. На текущем этапе диалог между государствами не поддерживается ввиду несовпадающих политических установок.

Между двумя Олимпиадами в Республике Корея прошло 30 лет, за этот период взаимоотношения с КНДР претерпели значительные трансформации. В 1988 г. Северная Корея бойкотировала Игры, что стало демонстрацией политической напряженности на полуострове. Однако на Олимпиаде 2018 г. Республика Корея и КНДР представили объединенную олимпийскую делегацию, что отразило значительный прогресс в нормализации межгосударственного диалога.

МОК проявлял миротворческие силы на обеих Играх, между тем только на Играх в Пхёнчхане олимпийские принципы мира и кооперации одержали вверх. Укоренившаяся практика представления единой корейской сборной на международных соревнованиях послужила примером олимпийского единения и в 2018 г. После проведения Олимпийских игр государства полуострова активно поддерживали дипломатические отношения и совместно участвовали в спортивных мероприятиях.

Несмотря на то, что в настоящее время взаимодействие между сторонами сошло на нет, данный пример демонстрирует прямое влияние олимпийского движения на политическую сферу. Распространение идеалов мира через олимпизм послужило основой для проведения переговоров. Однако в случае взаимоотношений Республики Корея и КНДР олимпийского перемирия оказалось недостаточно для преодоления существующих противоречий.

Библиографический список

1. Бриджес Б. Олимпийские игры в Сеуле: экономическое чудо встречает мир // Наследие Олимпийских игр / общ. ред. и пер. З. М. Кузнецовой. 2-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2014. С. 141–159.
2. Sport Public diplomacy [Electronic Resource]. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_22828/contents.do (дата обращения: 18.10.2025).
3. English P., Murray R. War and Peace, Freeze and Thaw: Regional Narratives of North Korea and the 2018 Winter Olympics // Communication & Sport. 2024. № 12 (1). P. 170–187.
4. Olympic Charter [Electronic Resource]. URL: <https://stillmed.olympic.org/media/Document%20Library/OlympicOrg/General/EN-Olympic-Charter.pdf> (дата обращения: 28.10.2025).
5. Штейнбах В.Л. Обратная сторона олимпийской медали. 2-е изд. Москва: Спорт, 2015. 496 с.
6. Кыласов В.А. Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. Москва: АИРО-XXI, 2010. 328 с.
7. Новый шаг к пути мира. Межкорейский саммит 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.korea.net/FILE/pdfdata/2018/04/2018_inter-korean_summit_RU.pdf (дата обращения: 28.10.2025).
8. В штаб-квартире МОК подписана декларация об участии КНДР в Олимпиаде [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2370073.html> (дата обращения: 27.10.2025).
9. Let the Games Begin! Asia's third Winter Olympic kicks off [Electronic Resource]. URL: <https://www.asiatimes.com/2018/02/article/let-games-begin-asias-third-winter-olympiad-kicks-off/> (дата обращения: 17.03.2019).
10. Поленова А.Л. Межкорейское культурно-гуманитарное сотрудничество на современном этапе // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022, № 2. С. 50.
11. Пугачева О.С. Межкорейские отношения: факторы и перспективы развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 151–175.

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ АКТИВИСТОВ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ З. ПОЗНЯКА
И Н. ШЕЛЯГОВИЧА)**

**POLITICAL IMAGE OF ACTIVISTS OF NATIONAL
MOVEMENTS IN BELARUS IN THE FIRST HALF OF THE 1990S
(USING THE EXAMPLE OF Z. POZNYAK AND
N. SHELYAGOVICH)**

О.Г. Казак

Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Беларусь

А.С. Серада

Средняя школа № 3 г. Жабинки, г. Жабинка, Беларусь

O.G. Kazak

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

A.S. Sereda

Secondary School № 3 in Zhabinka, Zhabinka, Belarus

Аннотация. Статья посвящена анализу политических образов двух политических деятелей Республики Беларусь первой половины 1990-х гг. – руководителя «Белорусского народного фронта» З. Позняка и лидера западнополюсского этнополитического движения Н. Шеляговича. Деятели являлись авторами концепций, в которых были представлены разные взгляды на этнополитическое будущее Республики Беларусь. З. Позняк и Н. Шелягович участвовали в выборах президента Беларуси в 1994 г. Делается вывод о разной степени проработанности имиджа политиков, что во многом предопределило результаты электоральной кампании.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the political images of two political figures of the Republic of Belarus in the first half of the 1990s – the leader of the «Belarusian Popular Front» Z. Poznyak and the leader of the West Polesie ethnopolitical movement N. Shelyagovich. The activists were the authors of concepts that presented different views on the ethnopolitical future of the Republic of Belarus. Z. Poznyak and N. Shelyagovich participated in the presidential elections of Belarus in 1994. The conclusion is drawn about the varying degrees of development of the politicians' images, which largely predetermined the results of the election campaign.

Ключевые слова: политический образ, этнос, этнополитическое движение, выборы.

Keywords: political image, ethnic group, ethnopolitical movement, elections.

Позднесоветский период, ознаменовавшийся кризисом коммунистической идеологии, ослаблением институтов государственной власти, дезориентацией широких слоев населения, создал приемлемые условия для лиц, активно заявивших о себе в

политическом пространстве. Данные деятели позиционировали себя в качестве проводников широкого набора идей, основанных на реальной или воображаемой природе народов, проживавших на той или иной территории. На основе широкой политизации этнических факторов данные активисты выстраивали свой политический капитал. Распад СССР, создание независимых государств породили вопрос о том, кто станет лидером новообразованных стран. Борьба за власть давала возможность реализовать лидерам мнений свои политические амбиции. Республика Беларусь, как и прочие постсоветские государства, была пространством борьбы за власть, апогеем которой стали первые президентские выборы летом 1994 г. Среди претендентов на пост президента Республики Беларусь необходимо выделить двух кандидатов, которые, представив свои идеи белорусскому обществу, активно старались конвертировать их в политические дивиденды. Речь идет о лидере «Белорусского народного фронта» (далее – БНФ), одном из самых радикальных сторонников идей белорусского национализма З. Позняке и лидере западнополесского этнополитического движения Н. Шеляговиче. Оба политика активно прибегали к конструированию политических образов, которые могли быть востребованы электоратом. Цель статьи – охарактеризовать сконструированные политические образы З. Позняка и Н. Шеляговича в контексте выдвигаемых данными лицами проектов преобразований независимой Беларуси в случае своей победы.

З. Позняка (род. в 1944 г.) с молодых лет отличали приверженность радикальному этническому национализму и антикоммунизму. В 1974 г. З. Позняк, будучи работником Института этнографии, искусствоведения и фольклора Академии наук БССР, подготовил 47-страничную машинописную брошюру «Положение в Белоруси» (оригинальное написание – авт.). Свою работу, подписанную псевдонимом «Генрих Ракутович», З. Позняк пытался передать зарубеж, однако сделать этого ему не удалось. Изложенные в брошюре тезисы перекликаются с более поздними статьями и публичными выступлениями З. Позняка (начиная со времен перестройки), а также программой БНФ, что позволяет проследить его становление как публичного интеллектуала и политика [1, с. 251–257]. Население Беларуси в данной работе позиционируется как безвольный объект манипуляций «российского империализма», результатами которых якобы стали денационализация, экологическая и моральная катастрофа (такие негативные качества, как пьянство и лень, приписываются «русскому влиянию»). Обращает на себя

внимание отчетливый антимодернизм взглядов З. Позняка: по его мнению, превращение Беларуси в «сборочный цех» СССР привело к истощению природных и экономических ресурсов, вследствие чего предлагалось «остановить самоубийственный и бессмысленный промышленный рост» [2].

Во время избирательной кампании 1994 г. З. Позняк очень обстоятельно подошел к позиционированию собственного политического образа. В предвыборных агитационных материалах подробно описывались биография З. Позняка и судьба его семьи, которые должны были наглядно продемонстрировать репрессивность советской политической системы. В рассмотренных материалах, в частности, сообщалось, что дед З. Позняка, известный публицист и активист «Белорусской христианской демократии» (партия, которая действовала в межвоенный период на территории Западной Беларуси, входившей в состав Польши) Я. Позняк был репрессирован в 1939 г., что значительно осложняло карьерные перспективы будущего политика. На войне погибли отец и оба дяди З. Позняка. Свою дальнейшую жизнь З. Позняк описывает как череду преодолений трудностей, «поиска правды» в дискуссиях с начальством. В этой связи упоминается увольнение с работы (якобы по политическим причинам) в 1975 г., защита кандидатской диссертации в Ленинграде в 1981 г. (с указанием о том, что власти БССР чинили преграды научной деятельности). Не желая, чтобы тяготы его «борьбы за правду» вынуждали страдать других людей, З. Позняк долгое время не решался создать собственную семью (женился только в 50-летнем возрасте). З. Позняк позиционировался как чрезвычайно скромный в бытовом плане человек, который никогда не пользовался льготами и привилегиями, не имел даже дачи и автомобиля [3, л. 27–29].

Основными чертами конструируемого имиджа З. Позняка были скромность, честность и бескорыстие. Отсылки к тяжелому детству, погибшим на войне родственникам должны были служить подтверждением «закаленности» политика, его готовности занять ответственный президентский пост. Дополнительным символическим капиталом З. Позняка должна была стать его глубокая религиозность, сочетавшаяся с творческой свободой, наличием множества талантов (в материалах герой позиционировался как спортсмен, историк, искусствовед, признанный фотохудожник, оригинальный поэт и эссеист). Подчеркивалось, что именно эти качества максимально соответствовали требованиям к главе государства, получившего независимость «после мрачной эпохи коммунизма» [3, л. 27 об.–28].

Большое внимание авторы агитационных материалов уделяли общественно-политическим достижениям З. Позняка. Декларировались лозунги «власти для народа, а не для коррумпированной номенклатуры», «установления в обществе законности и порядка», формирования «правительства ответственных профессионалов» [3, л. 26]. З. Позняку и его коллегам по фракции БНФ в Верховном Совете БССР (Республики Беларусь) приписывались заслуги в возвращении православных и католических храмов верующим, объявлении некоторых религиозных праздников выходными днями, обнародовании правды о сталинских репрессиях и последствиях аварии на Чернобыльской атомной электростанции, выявлении фактов коррупции в высших эшелонах власти [3, л. 27 об.].

Имидж партии БНФ во многом стал неотделим от пафосного образа ее «бескомпромиссного лидера» З. Позняка. Партия стала приобретать черты элитарного сообщества, ориентированного на выполнение социальных, экономических и культурных запросов «титульной нации» – белорусов (использование белорусского языка и солидарность с идеями этнического национализма были обязательными атрибутами отнесения людей к «титульной нации»). З. Позняк при этом позиционировался в качестве рупора данных требований. Предвыборная кампания политика проходила под лозунгом «Порядок и справедливость», что имело прямые аналогии с риторикой лидера Италии 1922–1943 гг. Б. Муссолини. Примечательно, что даже внешний образ З. Позняка имел сходство с чертами итальянского диктатора.

Предвыборная риторика З. Позняка весной 1994 г. была явно популистской, изобиловала пассажами о «справедливом перераспределении», необходимости борьбы с коррумпированной бюрократией [4, s. 194]. По мнению современного историка А. Левицкого, радикальный популизм БНФ и его лидера З. Позняка обусловил нежелание данной политической силы идти на компромисс с властью (в частности, с премьер-министром БССР (Беларуси) в 1990–1994 гг. В. Кебичем). «Народный Рух Украины» в переходный период, напротив, признал свой статус «слабой силы» и поддержал «национал-коммуниста» Л. Кравчука, ставшего первым президентом суверенной Украины [4, s. 58].

В программных документах З. Позняка уделялось внимание и внешней политике. В них шла речь о двух возможных путях развития Беларуси: «Либо назад – в коммунизм, в попрошайничество и обман, в состояние российской колонии, либо вперед – к современной культурной европейской стране со здоровой рыночной экономикой».

Утверждалось, что «молодые белорусы выбирали путь в Европу» [3, л. 28].

Публицист и филолог Н. Шелягович (род. в 1956 г.) известен как лидер западнopolесского этнополитического движения конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. Активисты данного движения утверждали, что население Брестчины является самостоятельным народом (западными полешуками, ятвягами) с отдельным языком и самобытной культурой, обращались в органы власти с требованиями различной степени радикальности (официальное признание полешуков отдельным народом, создание западнopolесских культурно-просветительских институтов, предоставление региону национально-культурной автономии). Н. Шелягович также участвовал в президентской кампании 1994 г., для популяризации своего образа использовал газету «Збудiнне» («Пробуждение») – печатный орган возглавляемого им Общественно-культурного объединения «Полiсьсе», а также районные газеты Брестской области. Политик в одном из воззваний прямо заявлял о 1,5 млн западных полешуков в республике, защитником интересов которых он якобы и являлся [5, с. 1].

В основе предвыборной кампании Н. Шеляговича лежала идея защиты местных (региональных) интересов. Политик выступал за выравнивание экономических и социально-бытовых условий жизни в столице и провинции, эволюционный ход реформ. Н. Шелягович выступал за экономическую интеграцию Беларуси и России [6, с. 2; 7, с. 1], что кардинальным образом отличало его взгляды от позиции З. Позняка, который трактовал экономические проблемы в стране как следствие «российского империализма».

Н. Шелягович выступал резко против построения в Беларуси этнократического государства, в котором представители «нетитульных наций» были бы поражены в правах. Политик неоднократно постулировал концепцию «славянской Швейцарии», согласно которой должно было быть обеспечено «равноправие всех основных национальных общин – и белорусской, и русской, и западнopolесской, и польской и т.д.» [7, с. 1]. Примечательна позиция Н. Шеляговича в языковом вопросе. Лидер западнopolесского движения считал, что «официальным языком надо утвердить тот, который де-факто таковым и является – русский». Белорусский, западнopolесский, польский языки должны были стать, по мнению политика, языками культуры, науки, образования [6, с. 2].

Факты биографии, которые представил Н. Шелягович избирателям во время президентской кампании 1994 г., должны были

продемонстрировать пример успеха человека из провинции, который, несмотря на не самые лучшие «стартовые позиции», всего в жизни добился сам. О каких-либо конфликтах с представителями властных и интеллектуальных элит Беларуси здесь не сообщалось (хотя данный нарратив был характерен для более ранних и поздних выступлений в прессе Н. Шеляговича). Избиратели могли узнать, что Н. Шелягович родился в рабочей семье, служил в Советской Армии, закончил филологический факультет Белорусского государственного университета, позже обучался в Институте языкознания им. Якуба Коласа Академии наук БССР, где готовил диссертацию, посвященную западнopolесским диалектам. Подчеркивались управленческие и организационные способности политика (был руководителем Общественно-культурного объединения «Полісьсе»), его эрудированность (владел шестью языками).

Н. Шелягович, очевидно, заимствовал популярные в то время социальные стереотипы для построения собственного имиджа. В основе этого имиджа лежало позиционирование себя как успешного, публичного, предприимчивого общественного деятеля, организатора. Для закрепления такого образа грамотно использовались фотоматериалы. Так, в одном из номеров газеты «Збудінне» была размещена фотография Н. Шеляговича с супругой во время проведения фестиваля западнopolесской песни «Етвызь», организатором и продюсером которого был сам лидер этнополитического движения. Визуальный облик Н. Шеляговича был практически неотличим от образа известного в то время российского журналиста, ведущего и предпринимателя В. Листьева [5, с. 3]. Для завоевания внимания представителей старшего поколения Н. Шелягович использовал ассоциативные смысловые конструкции (в авторской интерпретации), ранее характерные для В. Ленина [8, с. 2].

Таким образом, лидеру БНФ и всего крайнего националистического крыла политического спектра Беларуси первой половины 1990-х г. З. Позняку удалось создать имидж политика, востребованный частью белорусского общества. З. Позняк смог в выгодном свете представить собственную биографию, которая тесно переплеталась с постулируемыми идеями «пробуждения» и «возрождения» Беларуси. Личные драмы и неудачи, воззрения и чаяния кандидата в президенты персонифицировались в судьбы страны и были искусственно «раздуты» до общегосударственных масштабов, что нашло отклик среди определенных слоев населения (в частности, творческой интеллигенции). Впрочем, преувеличивать масштаб данной поддержки не следует. Согласно данным

социологических исследований, БНФ в 1994 г. имел рейтинг доверия 9,4 %, в 1995 г. – 8,9 % [9, с. 1–6].

Н. Шелягович в своих попытках создания политического имиджа, привлекательного для широких слоев населения Беларуси, был менее успешным. Образ простого человека, родившегося, выросшего, состоявшегося в стабильное послевоенное время, не стал популярным у избирателей. К тому же защита узкорегionalных интересов Брестчины, конструирование малопонятной концепции существования отдельного полесского народа вызывали отторжение у части населения.

Н. Шелягович сформировал небольшую инициативную группу (153 человека), которой не удалось собрать необходимые для получения статуса кандидата в президенты 100 тыс. подписей избирателей. Инициативная группа З. Позняка (более 2,7 тыс. человек) собрала почти 217 тыс. подписей избирателей, что позволило лидеру БНФ участвовать в первом туре президентских выборов 1994 г., где он занял третье место.

Библиографический список

1. Островская Т. Культура и сопротивление: Интеллигенция, инакомыслие и самиздат в советской Беларуси (1968–1988). М.: Новое литературное обозрение, 2025. 392 с.
2. Генрих Ракутович [Позняк З.]. Положение в Белоруси. – URL: <https://vytoki.net/?docs=00017395> (дата обращения: 04.11.2025).
3. Государственный архив Брестской области. Ф. 815. Оп.10. Д. 3778.
4. Liavitski A. Die Perestroika, die Intelligenzija und die Geburt des Weißrussischen Populismus, 1988–1997. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2024. 271 s.
5. Кандидат в президенты Беларуси прежде подумает, чем скажет, что Полесье – это географическая низменность, а Полешук – это кто-то вроде хохла // Збудінне. 1994. 1–30 апреля. С. 1, 3.
6. Аб здаровым працэсе гаварыць не прыходзіцца // Кобрынскі веснік. 1994. 7 мая. С. 2.
7. Ушло ли время крайностей? // Полесская правда. 1994. 21 мая. С. 1.
8. Ёсць такі народ! Заходнепалескі...А я яго лідэр. Палітычны // Чырвоная звязда. 1993. 11 чэрвеня. С. 2.
9. Котляров И.В., Горшкова Т.А. Политические партии Беларуси: справочник. Минск: Белорусский институт информации и прогноза при Администрации Президента Республики Беларусь, 1995. 6 с.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XIX – НАЧ. XX вв.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF NATIONAL EDUCATION AND SCHOOLS IN BELARUS ON THE PAGES OF PERIODICAL PRESS OF THE LATE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

В.М. Острога

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

V.M. Ostroga

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье раскрываются вопросы развития национального образования и школы Беларуси на рубеже XIX – XX вв. Подчеркивается, что на фоне консервативной политики царизма в Северо-Западном крае в рамках развернувшегося общественно-педагогического движения рассматривалась необходимость школьного национального строительства как важное направление реформирования народного просвещения на демократических началах. Показано отражение данной проблемы на страницах периодической печати, в первую очередь, педагогической.

Abstract. In the article, the questions of the development of national education and schools of Belarus on the border of the XIX – XX centuries are revealed. It is emphasized that against the background of the conservative policy of the Tsarism in the North-West region, within the framework of the developed public-pedagogical movement, the necessity of school national construction was considered as an important direction of reforming national education on democratic principles. The paper shows how these issues are reflected in the pages of periodicals, primarily pedagogical ones.

Ключевые слова: национальное образование, народная школа, учитель, периодическая печать, журнал, общественно-педагогическое движение.

Keywords: national education, public school, teacher, periodicals, journal, public-pedagogical movement.

Во второй половине XIX – начале XX века основные направления образовательной политики формировались в контексте социально-политической, экономической и культурно-национальной жизни российского государства. Но, несмотря на реакционную и противоречивую политику царского правительства, пристальный контроль и многочисленные бюрократические препятствия, на окраинах государства разворачивалось культурно-возрожденческое и общественно-педагогическое движение.

В рассматриваемый период вопросы развития национального образования и школы в Беларуси активно обсуждались передовой

общественностью, интеллигенцией и, конечно же, учительством. Несомненно, важнейшая роль в этой коммуникации принадлежала периодической печати. Так, газета «Наша нива», выходившая в Вильно в 1906–1915 гг., фактически являлась первым массовым национальным изданием и внесла значительный вклад в процесс возрождения культуры белорусского народа и становления его национального самосознания. На страницах этого периодического издания нашли широкое освещение вопросы развития начального образования и борьбы за расширение просвещения среди местного населения, включая необходимость введения в стране всеобщего образования. Важная роль в организации учебно-воспитательного процесса отводилась учителям. Используя свои профессиональные возможности, педагоги, как подчеркивала редакция, должны были вернуться к своим родным корням и языку, включиться в работу национально-культурного возрождения, вести просветительскую работу не только среди детей, но и среди местного населения. Со страниц газеты один из учителей обращался к своим коллегам с вопросом: «Почему вы так неблагоприятно смотрите на святую работу возрождения нашего родного народа? Почему вас так мало в рядах работников этой святой идеи?» Он критиковал взгляды некоторых «учащих», которые утверждали, что родной язык «умер, уже не воскреснет», или убеждение, что «нет нужды делиться на национальности, а нужно всем нациям идти к одной цели интернационализма». Не теряя оптимизма и надежды, он продолжал: «Душа радуется, когда читаешь им на их родном, понятном языке. Вхожу в школу с «Нашай нивой», сейчас же стихает гул и проносится радостный шепот: будет читать учитель по-простому». Он часто читал своим ученикам басни, стихи на белорусском языке и призывал всех учителей не стесняться родного языка, а «любить всей душой» [1, с. 3]. Таким образом, из уст учителей, а также своих родителей дети могли услышать напечатанные в газете белорусские народные сказки, стихи, легенды, предания, узнать о страницах истории родного края и свежих событиях. Сельские педагоги, уроженцы Беларуси, включились в широкую культурно-просветительскую деятельность, основными направлениями которой являлись народные чтения, организация библиотек, воскресных школ и др.

Конец XIX – начало XX вв. – период становления и развития педагогической журналистики как самостоятельного общественного и социально-культурного феномена, средства воспитания и распространения передовых педагогических взглядов и теорий. В 1909 г. в Петербурге увидел свет сборник учителей Витебского

педагогического общества «Белорусский учитель». Все вопросы, которые ждали своего обсуждения, фактически являлись программой общественно-педагогического движения передовой учительской интеллигенции: введение всеобщего обучения, реформирование народной школы, использование передовых методов обучения и воспитания, совершенствование подготовки учителей. Была затронута тема организации культурно-просветительской деятельности в деревне и других местах. Обращалось внимание на то, что на рубеже веков наблюдалось «пробуждение национального самосознания белорусов, стремление к развитию белорусского языка, поднимался вопрос о национальной белорусской школе... о языке преподавания». Редакция журнала призывала к решению этого вопроса белорусского учителя, которому он был «ближе всего» и который должен был высказать относительно белорусской школы «свой авторитетный взгляд». В этой связи не выделяется публикация С. Русовой «На каком языке учить в школах Беларуси». Она утверждала, что без своего языка не может быть и народа. «Голос белорусских народных учителей один может правдиво ответить, – писала она, – нужна ли белорусскому народу школа с преподаванием на его крестьянском языке с книгой, написанной на нем» [2, с. 1, 4, 44, 46]. Но такие публикации были единичными: обычно авторы обходили вопрос о необходимости открытия белорусских школ и преподавания в них на родном языке.

Педагогический журнал «Русская школа», основанный в 1890 году русским педагогом и историком Я. Р. Гуревичем, был адресован широким кругам общественности, учителям, деятелям народного образования, родителям и другим, одинаково внимательно относился ко всем типам учебных заведений и занимал достаточно прогрессивные либеральные позиции. В этой связи интерес представляет публикация русского педагога, краеведа, историка литературы С. А. Золотарева «Русский язык в общеобразовательной школе». Он подчеркивал, что важным является вопрос о том, как обучать родному языку в будущей демократической школе. Отмечая ценность возвращения ему «надлежащего места», педагог утверждал, что «родное слово не только предмет изучения, но и важнейшее средство обучения; родное слово служит глубоким источником и сильнейшим двигателем духовного развития детей». Кроме того, определялась необходимость «собственно живого слова учителя в преподавании родного языка» (русского или других), интереса всего учебного курса и его непосредственной связи с жизнью и ее потребностями [3, с. 131, 133].

Известный белорусский поэт и педагог Я. Колас после окончания Несвижской учительской семинарии в 1902 г. работал сельским народным учителем. Еще во время обучения он увлекался художественной литературой, собирал и записывал фольклорные произведения и этнографические материалы. Он был участником общественно-педагогического движения, публиковал свои произведения на страницах газеты «Наша нива». Ее редактор А.Н. Власов поддержал стремление помещика К.А. Горделяковского открыть в одном из своих имений под Толочином белорусскую школу и посоветовал на место учителя К. Мицкевича (потом называл его «первым белорусским учителем первой белорусской школы»). Как известно, обучение на белорусском языке легально не велось, а все так называемые «тайные школы» преследовались. Но Константин Михайлович с воодушевлением включился в работу: были приобретены необходимые ученические принадлежности, «Белорусский «лемантар», «Первое чтение для детей белорусов» и другая литература. В процессе преподавания самое непосредственное внимание уделялось изучению белорусской литературы и культуры, родной природы, даже задачи составлялись на материале белорусского народного быта, на белорусском языке пели песни [4, с. 41]. В это время Я. Колас не только пишет стихи и рассказы для детей, но и учебник «Второе чтение для детей белорусов», который был издан в Петербурге в издательстве «Загляне сонца і ў наша ваконца» (1909 г.), статьи «О народном учителе и «Белорусский язык в казенной школе». Для него литературное творчество стало тем средством, благодаря которому он стремился оказать влияние на просвещение народа, его национального и общественного сознания.

Ф. Кудринский, выступавший под литературным псевдонимом Б. Степанец, был не только педагогом (преподавал в Несвижской учительской семинарии и учебных заведениях Вильно), являлся и ученым-исследователем, этнографом и публицистом. В статье «О национальном воспитании» он утверждал, что оно «должно быть национальным», и «если народ желает с гордостью выполнять свою роль в истории, он не может отказаться от своей народности, под страхом отказаться и от своей исторической роли и быть поглощенным другими народами». Он подчеркивал: «если народ желает быть живым и сильным, он должен формировать духовные силы молодого поколения обязательно на национальной почве». В этом непростом деле педагог отводил важную роль «отечественному языку — сердцу народа», а также личности учителя и его «педагогическому мастерству развивать душу детей в специальном,

национальном направлении» [5, с. 203]. Однако, как отмечали современники, в большинстве случаев «национальное чувство учителя, особенно белоруса, было сильно подавлено, в большинстве было окутано как бы летаргическим сном» [6, с. 138]. Но именно он, как представитель интеллигенции, должен был стоять в первых рядах в деле национального возрождения, воспитывая в сознании местного общества национальные ценности образования. Важными инструментами в этом деле становились прогрессивная литература, педагогическая печать, краеведческая работа, экскурсии, а также педагогические совещания и форумы.

Важным проявлением общественно-педагогического движения в рассматриваемый период стали учительские съезды. Они объединяли передовых педагогов и выполняли важнейшую профессиональную функцию: обмен опытом работы, формирование научного мировоззрения, а также новых образцов педагогической культуры, основу которой составляли гражданская ответственность и демократизация всей школьной системы. 25 мая 1907 года на собрании в Вильно был создан Белорусский учительский союз. Принятая программа определяла основные направления его деятельности: борьбу за перестройку школы на новых, демократических началах, введение в школах обучения на родном языке, а также независимость школы и учительства от различного начальства. [7, с. 6]. Первый Всероссийский съезд по народному образованию осудил русификаторскую политику в национальных окраинах и принял более 20 резолюций, касающихся различных национальных учебных заведений. Впервые в истории общероссийского общественно-педагогического движения на таком высоком уровне прогрессивная часть учительства высказалась в пользу родного языка преподавания в «инородческой» школе.

Таким образом, оживление культурно-возрожденческого движения требовало поиска национальных идеалов и ценностей в системе просвещения, организации работы в учебных заведениях на родном языке. Но царское правительство опираясь на официальную установку «одна нация – одно государство», рассматривая национальное образование и борьбу местного учительства за формирование национального самосознания белорусского народа как существенное препятствие в реализации своей консервативной политики.

Библиографический список

1. Арол М. З нашага жыцця // Наша ніва. 1912. 21 чэрвеня. С. 3.
2. Белорусский учитель. СПб., 1909. Вып. 1. 65 с.

3. Золотарев С. Русский язык в общеобразовательной школе // Русская школа. 1908. № 10. С. 117-131.
4. Калоша І.І. Якуб Колас – народны настаўнік // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1972. № 1. С. 40-41.
5. Степанец Б. О национальном воспитании // Народное образование в Виленском учебном округе. 1909. № 5. С. 203-206.
6. Троська Я. Некаторыя моманты з дарэвалюцыйнае асветы на тэрыторыі Магілёўшчыны // Полымя. 1926. № 1. С. 128–141.
7. З Беларусі і Літвы (ад нашых карэспандэнтаў) //Наша ніва.1907.8 чэрвеня.С. 6.

КАРАИМЫ В МНОГОЭТНИЧНОЙ И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

KARAITES IN THE MULTI-ETHNIC AND MULTI- CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE POPULATION OF NOVOROSSIYA (LATE 18th – EARLY 20th CENTURY)

Д.А. Прохоров

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия

D.A. Prokhorov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Аннотация: В статье рассматривается демографическая ситуация, сложившаяся в конце XVIII – начале XIX в. в караимских общинах Новороссийского края в целом и непосредственно Крымского полуострова. Проанализированы основные направления и специфические черты миграционных процессов, сопровождавшие переселение крымских караимов с территории полуострова в промышленные центры и крупные города материковых губерний Российской империи. Изучены сведения о показателях рождаемости, смертности и брачности караимского населения в регионе, выявленные в различных источниках. Приведены статистические показатели по различным городам Северного Причерноморья, где существовали караимские общины.

Abstract: The article examines the demographic situation that developed in the late 18th and early 19th centuries in the Karaite communities of the Novorossiia as a whole and in the Crimea itself. The main directions and specific features of migration processes accompanying the resettlement of the Crimean Karaites from the peninsula to the industrial centers and large cities of the mainland provinces of the Russian Empire analyzed. The information on the fertility, mortality and marriage rates of the Karaite population in the region, identified in various sources, has been studied. Statistical indicators for various cities of the Northern Black Sea region, in which Karaite communities existed, are given.

Ключевые слова: Новороссийский край, крымские караимы, статистика, колонизационные и эмиграционные процессы.

Keywords: Novorossiya, Crimean Karaites, statistics, colonization and emigration processes.

Изучение прошлого многоэтничного и поликонфессионального населения, проживавшего на территории Новороссии в конце XVIII – начале XX в., сегодня приобретает особую актуальность. Малоисследованным, и поэтому перспективным в данном контексте является вопрос о появлении караимских общин в городах материковых губерний Юга Российской империи в рассматриваемый период. В связи с глобальными социально-экономическими трансформациями, происходившими в южных и юго-восточных областях Российской империи после присоединения Крыма к России в 1783 г., во многих городах Новороссийского края возникают как крупные, так и сравнительно небольшие по численности караимские общины, состоявшие в основном из выходцев из Крыма. Крымские караимы в рамках своей экономической и торговой деятельности активно переселяются в Одессу, Николаев, Мелитополь, Херсон, Екатеринослав, а позднее – также в Харьков, Кременчуг, Киев, Москву и Санкт-Петербург. В начале XIX в. было учреждено Новороссийское генерал-губернаторство в составе Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний. В 1814 г. из подчинения генерал-губернатора была изъята Екатеринославская губерния, а с 1822 г. в его состав включили Бессарабскую область – и вновь Екатеринославскую губернию (до 1830 г.). В состав Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства, учрежденного в 1822 г., входили: Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии, Бессарабская область, Одесское, Таганрогское, Феодосийское и Керчь-Еникальское градоначальства.

В начале XIX в. в России в связи с ростом экономического потенциала и развитием промышленности значительная часть торгового капитала была сосредоточена в городах, причем наибольший толчок торговля получила в приморских центрах – в частности, в таких, как Одесса, Николаев, Херсон. Что касается Одессы, то уже в первых десятилетиях XIX в. она оказалась в довольно выгодных торгово-экономических условиях. В этот период в регионе наблюдается активное развитие многих отраслей промышленности, растет число мигрантов, оседавших на постоянное жительство и получавших финансовую помощь со стороны правительства. Благодаря своему географическому положению, Одесса стала основным портом, через который на европейский рынок

поступали товары из Азии. Активно развивалась и экспортная торговля – за границу вывозили лес, продукты сельского хозяйства, мануфактуру и пр.

Караимы играли заметную роль в хозяйственном и культурном развитии региона. Основными их занятиями стали отрасли, связанные с сельским хозяйством (преимущественно в уездах), а в городах – с торговлей, а также с некоторыми отраслями промышленности (в частности, табачным производством). Так, например, большинство караимов, проживавших в Одессе, специализировались в торгово-промышленной сфере, а также занимались частным предпринимательством. Одесские купцы-караимы были заняты преимущественно мануфактурной и соляной торговлей. Статус «порто-франко», присвоенный Одессе манифестом императора Александра I от 16 апреля 1817 г. (фактически это право было введено в 1819 г., после устройства за чертой города таможенных пунктов, и действовало, с некоторыми перерывами, до 19 апреля 1859 г.), привлек значительное число купцов из внутренних губерний России и из Европы. Непосредственно в Одессе наблюдалась наибольшая концентрация представителей купеческого сословия по сравнению с другими губернскими городами Российской империи; неоднороден был и его национальный состав.

В соответствии с данными официальной статистики, в 1845 г. во всем Новороссийском крае в целом и в Таврической губернии в частности общее число жителей составляло, соответственно, 3 127 054 и 544 803 человек обоего пола. При этом караимское население исчислялось цифрой в 3 751 человек (мужчин и женщин). Численность евреев-рабанитов доходила до 93 787 человек обоего пола (в эту категорию были включены и крымчаки Карасубазара) [13, с. 354, 357, 362].

В Херсонской губернии в 40-х годах XIX в. существовало три караимские общины (в Херсоне, Николаеве и в Одесском градоначальстве), число членов которых составляло 484 человек (331 мужчина и 153 женщины); из них в Одесском уезде – 299 человек (215 мужчин и 84 женщины). В Новороссийском крае в 1847 г. среди караимов было зарегистрировано 50 браков; родилось 252 человека (147 мальчиков и 105 девочек), умерло – 157 (67 мужчин и 90 женщин). В 1848 г. в караимских общинах зарегистрировали 52 брака; при этом родилось 219 человек (103 мальчиков и 116 девочек), а умерло – 268 (144 мужчины и 124 женщины) [5, с. 78; 6, с. 81].

Во второй половине XIX в. крупные караимские общины существовали в Таврической губернии (в частности, в таких городах,

как: Армянский Базар, Евпатория, Бахчисарай, Симферополь, Севастополь и Феодосия, а также в «пещерном городе» Чуфут-Кале) и Херсонской губернии (в их числе – Одесса, Николаев, Херсон). Постепенно увеличивалась и численность караимских общин, возникших в первой половине XIX в. в других городах Юга России. Так, например, если в статистических сведениях по Елизаветграду до середины столетия о караимах сведений не встречалось, то в 50-х годах XIX в. там уже было 11 человек караимского вероисповедания [6, с. 96]. По сведениям за 1849 г., в караимской общине Одессы числилось 226 караимов [7, с. 73; 8, с. 102]. В соответствии с данными за 1862 г., в Одессе проживало только 177 караимов (96 мужчин и 81 женщина), однако уже в 1863 г. уточненные статистические сведения продемонстрировали, что одесская караимская община за прошедшие годы увеличилась до 723 человек (405 мужчин и 318 женщин), а в 1869 г. ее численность достигла 858 караимов обоего пола (подразумевались как члены непосредственно самой одесской караимской общины, так и иногородние караимы, находившиеся в городе по коммерческим делам) [9, с. 25; 10, с. 117]. В 1873 г. в этом городе насчитывалось 1 140 караимов (мужчин и женщин), а в 1892 г. число членов одесской караимской общины доходило до 958 человек [2, с. VII].

В 1873 г. в Таврической губернии всего проживало 6 454 караимов (3 371 мужчина и 3 083 женщины), а в Керчь-Еникальском градоначальстве насчитывалось 34 караима (18 мужчин и 16 женщин) [11, с. 163]. Что касается других административно-территориальных единиц Новороссийского края, показатели были следующими: в Херсонской губернии числился 591 караим (313 мужчины и 278 женщин; в т. ч., в Херсоне – 50 семей, и в Елизаветграде – 15 семей); в Одесском градоначальстве – 1 614 караимов (887 мужчин и 727 женщин, или 150 семей); в Николаевском губернаторстве караимов (вместе с евреями) насчитывалось 2 463 мужчины и 2 637 женщин (из них караимов – 100 семей). В Кишиневе проживало только 3 караимских семьи, в Екатеринославле – 12 семей, в Таганроге – 7 семей [4, с. 64].

В 1879 г. в Одессе проживало 940 караимов обоего пола, в Николаеве – 653, в Херсоне – 387, в Харькове – 262. Караимские общины (общей численностью 1 392 человек) существовали также в Екатеринославле, Елизаветграде, Киеве, Москве, Санкт-Петербурге и других городах страны. Всего же в России в 1879 г. всего числилось 9 725 караимов обоего пола; из них в западных губерниях – 1 137 чел., и в остальных регионах империи – 8 588 человек [1, стб. 297].

28 января 1897 г. путем непосредственного опроса всего населения на одну и ту же дату была проведена «Первая всеобщая перепись населения Российской империи». В связи с разными критериями оценки численность проживавших в России караимов определялась по двум параметрам – по вероисповеданию и носителям языка. В соответствии с опубликованными данными переписи и показателями распределения населения по конфессиональной принадлежности и по народностям на основании родного языка в городах прежней Новороссии (после расформирования Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства в 1873 г. этот административный термин перестал соответствовать какой-либо конкретной территориальной единице), где существовали крупные караимские общины, переписью были зафиксированы следующие показатели. В Херсонской губернии жителей-караимов насчитывалось 2 008 человек (954 мужчины и 1 054 женщины). В частности, в Одессе и в Одесском уезде проживало 1 069 караимов (499 мужчин и 550 женщин в самой Одессе, и 12 мужчин и 8 женщин – в уезде). При этом среди одесских караимов насчитывалось 16 детей в возрасте до 1 года (10 мальчиков, 6 девочек), от 1 до 9 лет – 165 (81 мальчик, 84 девочки), от 10 до 19 лет – 272 (139 юношей, 133 девушки), от 20 до 29 лет – 215 (104 мужчины, 111 женщин), от 30 до 39 лет – 136 (55 мужчин, 81 женщина), от 40 до 49 лет – 103 (49 мужчин, 54 женщины), от 50 до 59 лет – 69 (31 мужчина, 38 женщины), от 60 до 69 лет – 50 (20 мужчин, 30 женщин), от 70 до 79 лет – 19 (8 мужчин, 11 женщин), от 80 до 89 лет – 4 (2 мужчины, 2 женщины) и от 90 до 99 лет – 4 (2 мужчины, 2 женщины) [2, с. 162–163].

В Херсоне в 1897 г. проживали 363 караима (121 мужчина и 142 женщины), в Николаеве – 554 (253 мужчины и 301 женщина), в Елизаветграде и Елизаветградском уезде – 83 (50 мужчин и 43 женщины); в Екатеринославе и Екатеринославской губернии – 359 (178 мужчин и 181 женщина) [2, с. 34–35; 3, с. 72–73; 14, с. 88–89]. Общая же численность караимов, проживавших в Российской империи по данным Всероссийской переписи населения 1897 г., составила 12 894 чел. (6 372 мужчины и 6 522 женщины) [12, с. 30].

Во второй половине XIX в. активное участие в миграционных процессах, активизировавшихся на Юге России, принимает караимское население. За счет представителей караимских общин Крыма, выезжавших за его пределы с коммерческими, образовательными или иными целями, продолжался рост числа жителей-караимов в городах юго-западных и центральных губерний

России; кроме того, их количество росло и за счет демографических процессов внутри самих общин. Юридический статус, которого караимы смогли добиться в сфере российского гражданского законодательства, давал им значительные преимущества. Закон, принятый в апреле 1863 г., уравнил караимов в правах с христианским православным населением империи, и закрепил за ними все права и свободы, предоставленные законодательно ранее. Положительный опыт социальной и экономической коммуникации наглядно демонстрирует пример мирного сосуществования различных по языкам, культуре и вероисповеданию народов в этом регионе.

Библиографический список

1. Гессен Ю., [Гаркави А.Я., Балабан М.] Караимы // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем; Под ред. Каценельсона. СПб., 1912. Т. 9: «Иудан–Ладенбург». Стб. 268–298.
2. Город Одесса. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Изд-ие Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: тип. В.П. Мещерского, 1904. Т. 47. [4], XX, 168 с.
3. Екатеринославская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Изд-е Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. 13. –[6], XIV, 234 с.
4. Ливанов Ф.В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в Росси секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М.: тип. «Современные известия», 1874. 66 с.
5. Новороссийский календарь на 1848 год, издаваемый от Ришельевского лица. Одесса: гор. тип., 1847. 433 с.
6. Новороссийский календарь на 1850 год, издаваемый от Ришельевского лица. Одесса: гор. тип., 1849. 453 с.
7. Новороссийский календарь на 1852 год, издаваемый от Ришельевского лица. Одесса: гор. тип., 1851. 482 с.
8. Новороссийский календарь на 1858 год издаваемый от Ришельевского лица. – Одесса: гор. тип., 1857. 537 с.
9. Новороссийский календарь на 1864 год. Одесса: гор. тип. Х. Алексомати, 1864. 394, [1] с.
10. Новороссийский календарь на 1872 год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. Одесса: тип.П. Францова, 1871. 460 с.
11. Новороссийский календарь на 1873 год, издаваемый от канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора; Под ред. В. Михневича. Одесса: гор. тип., 1872. 480 с.
12. Синани В. К статистике караимов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь. С. 30–37.
13. Скальковский А. Пространство и народонаселение Новороссийского края // Новороссийский календарь на 1849 год; изд-е Ришельевского лица. Одесса: гор. тип., 1848. Ч. IV. С. 348–379.
14. Херсонская губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Изд-е Центрального статистического комитета МВД; Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: тип. В.П. Мещерского, 1904. Т. 47. [6], XVI, 319 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

NATIONAL POLICY IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND ITS IMPLEMENTATION AT THE PRESENT STAGE

Р.В. Тимофеев

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

R. V. Timofeev

Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus

Аннотация. В отмеченной статье показана национальная политика в Республике Беларусь в контексте ее успешной реализации на современном этапе развития белорусского государства. Выделен национальный состав населения республики по результатам последней переписи в 2009 году и перечислены основные этносы, которые проживают в ней. Особое внимание в статье уделено положениям Конституции Республики Беларусь, где запрещена какая-либо вражда по национальному признаку и отмечен факт того, что все равны перед законом. Показаны равные условия проживания и приема на работу граждан Республики Беларусь разных национальностей.

Annotation. The mentioned article shows the national policy in the Republic of Belarus in the context of its successful implementation at the present stage of development of the Belarusian state. The national composition of the republic's population is highlighted according to the results of the last census in 2009 and the main ethnic groups that live in it are listed. The article pays special attention to the provisions of the Constitution of the Republic of Belarus, which prohibits any kind of ethnic hostility and notes the fact that everyone is equal before the law. Equal living conditions and employment conditions for citizens of the Republic of Belarus of different nationalities are shown.

Ключевые слова: Республика Беларусь, национальная политика, национальный состав, Конституция, законы.

Keywords: Republic of Belarus, national policy, national composition, Constitution, laws.

В самом сердце Европы, на перекрестке цивилизаций и культур, расположилась Республика Беларусь – общий дом для всех наций, где мир, стабильность и согласие являются не просто красивыми словами, а фундаментальной основой белорусской государственности и повседневной жизни.

Национальная политика в Республике Беларусь – это не застывшая догма или свод формальных правил, а живая и развивающаяся система отношений, отражающая саму душу белорусского народа, его многовековую мудрость, исторический опыт и искреннее стремление к добрососедству, о чем говорил президент Республики Беларусь, например, в своем послании белорусскому

народу и Национальному собранию «Независимая Беларусь наш достойный и общий дом» в апреле 2007 г. и позднее [8, с. 2].

Белорусы развивают свое государство на прочном фундаменте взаимного уважения, дружбы и сплоченности людей самых разных национальностей, которые считают Беларусь своей Родиной. В основе этого созидательного процесса лежит глубокое убеждение в том, что истинная сила страны заключается не в единообразии, а в гармоничном единстве ее многообразного народа, где каждый человек ценен и важен.

Крепким фундаментом, на котором зиждется вся система межнациональных отношений в Республике Беларусь, является незыблемый принцип равенства всех граждан перед законом - статья 22 ее Конституции [6, с. 25]. Этот постулат пронизывает все сферы общественной жизни, гарантируя, что ни один человек не может иметь преимуществ или подвергаться ограничениям по признаку своей расовой или национальной принадлежности.

Статья 5 Конституции Республики Беларусь прямо запрещает деятельность общественных объединений, которые имеют целью пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды [7]. Эта норма носит превентивный характер и направлена на то, чтобы пресекать любые проявления ксенофобии и экстремизма в самом зародыше, не давая им отравить атмосферу в нашем общем доме. Конституция изначально устанавливает высочайшую планку справедливости и равенства, делая их абсолютным приоритетом государственной политики.

В Беларуси созданы и постоянно совершенствуются все необходимые условия для свободного и всестороннего развития культур всех национальных общностей, проживающих на земле Республики Беларусь. Государство в Республике Беларусь осознанно берет на себя ответственность за сохранение уникального историко-культурного и духовного наследия народов, поскольку понимает, что каждая культура, каждый язык, каждая традиция – это бесценный вклад в общее развитие страны. Одним из ключевых проявлений глубокого уважения к личности и ее правам в нашей стране является гарантированное право каждого человека самостоятельно и свободно определять свою национальную принадлежность [9, с. 19]. В Беларуси никто и ни при каких обстоятельствах не может быть принужден к указанию своей национальности – эта информация считается личным делом каждого. Именно поэтому такая графа отсутствует в паспорте и других официальных документах, удостоверяющих личность.

При приеме на работу, при поступлении на государственную службу или в учебные заведения в Республике Беларусь во внимание принимаются исключительно профессиональные и деловые качества человека, его знания, умения и преданность делу, а не его этнические корни [9, с. 20]. В то же время каждый гражданин в Республике Беларусь имеет полное и неотъемлемое право свободно пользоваться родным языком, выбирать язык общения в семье, на работе, в кругу друзей, а также определять язык воспитания и обучения для своих детей, создавая тем самым прочную основу для сохранения и передачи культурного кода из поколения в поколение.

Помимо Конституции Республики Беларусь, являющейся законом высшей юридической силы, ключевые принципы и механизмы реализации национальной политики детально прописаны в таких основополагающих документах, как Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» и Закон «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [4]. Эта выверенная система правовых актов обеспечивает не только всестороннюю защиту прав национальных общностей, но и создает благоприятное правовое поле для их активной и полноценной интеграции в белорусское общество.

Помимо законов, правовую основу национальной политики составляют указы и распоряжения Президента Республики Беларусь, постановления Правительства, а также государственные программы, направленные на поддержку и развитие национальных культур. Эти документы носят прикладной характер и обеспечивают практическую реализацию законодательных норм. Они определяют конкретные мероприятия, объемы финансирования и ответственных исполнителей. Например, в рамках таких программ выделяются средства на проведение национальных фестивалей, издание литературы на языках национальных меньшинств, поддержку воскресных школ и творческих коллективов.

Вся эта совокупность правовых актов, от Конституции до конкретных государственных программ, формирует надежный правовой щит, который не только защищает от любых проявлений нетерпимости, но и активно способствует взаимообогащению культур, укреплению дружбы между народами и консолидации всех граждан в единую белорусскую нацию, сильную своим единством в многообразии [10, с. 93].

При этом государство в Республике Беларусь не ограничивается лишь декларированием принципов, а активно содействует их воплощению в жизнь. В стране эффективно действует институт

Уполномоченного по делам религий и национальностей, а при нем уже много лет успешно работает Консультативный межэтнический совет, ставший авторитетной площадкой для конструктивного и открытого диалога между государством и представителями национальных диаспор [2, с. 100].

Живым подтверждением успеха национальной политики в Республике Беларусь является деятельность многочисленных национально-культурных общественных объединений, представляющих палитру из десятков национальностей. Их работа многогранна и чрезвычайно важна: они создают воскресные школы для изучения родного языка, истории и культуры, организуют самобытные творческие коллективы, которые украшают города и села, проводят фестивали и принимают активное участие в государственных праздниках, демонстрируя единство белорусского народа [2, с. 101].

Такая многогранная культурно-просветительская деятельность вносит неоценимый вклад в духовную жизнь всего белорусского общества, обогащая ее новыми красками и смыслами. Государство в Республике Беларусь, в свою очередь, видит в этих объединениях надежных партнеров и оказывает им поддержку в рамках специальных программ, направленных на дальнейшую гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений.

Результаты переписи населения 2009 года представили объективный и детальный портрет общества в Республике Беларусь, продемонстрировав сочетание доминирующей коренной нации и богатого разнообразия других культур, которые гармонично сосуществуют на белорусской земле. Эти данные являются не просто статистикой, а свидетельством исторического пути Белорусского государства и успешности его национальной политики. Абсолютное большинство граждан нашей страны, почти 84%, с гордостью определили свою принадлежность к белорусскому этносу [1. с. 3].

Эта внушительная цифра свидетельствует о высоком уровне национального самосознания, о глубокой связи белорусского народа со своей историей, культурой и языком. Именно белорусы, являясь титульной нацией, выступают тем самым консолидирующим ядром, которое скрепляет общество, формируя единую гражданскую и политическую нацию. При этом исторически сложившийся менталитет белорусов, их открытость и доброжелательность, позволили нашей стране стать настоящим домом для представителей многих других народов, которые сегодня являются неотъемлемой частью нашего единого народа.

Самой многочисленной национальной общностью после белорусов традиционно являются русские. Перепись 2009 г. зафиксировала, что они составляют более 8% населения страны. Это не просто соседний народ, а братский этнос, с которым белорусы связывают столетия общей истории, общие духовные ценности, православная вера, теснейшие культурные и экономические связи, а также миллионы родственных уз. Русская культура и русский язык занимают важное место в жизни нашего общества, обогащая его и служа средством межнационального общения [1, с. 3].

Вторым по численности национальным меньшинством являются западные соседи – поляки, составляющие более 3% от всего населения. Наиболее компактно они проживают в Гродненской области, где их предки жили веками. Польская община вносит свой самобытный и яркий колорит в культурную палитру Беларуси, сохраняя свой язык, католическую веру и национальные традиции, и при этом являясь полностью интегрированной и лояльной частью белорусского гражданского общества. Третьим по численности национальным меньшинством являются украинцы, доля которых в населении Республики Беларусь составляет около 1,7% [1, с. 3].

Однако этническая карта Беларуси была бы неполной без упоминания десятков других национальностей, для которых Республика Беларусь стала Родиной. Перепись 2009 года показала, что там проживают представители более 130 этносов. Среди них особое место занимают евреи, чья многовековая и зачастую трагическая история неразрывно связана с белорусской землей. Исторически здесь процветали еврейские общины, которые внесли колоссальный вклад в науку, культуру и экономику. Неотъемлемой частью общества в Республике Беларусь являются и белорусские татары, потомки воинов Золотой Орды XIV в., которые поселились на белорусских землях еще во времена Великого Княжества Литовского и с тех пор верой и правдой служили своей новой Родине, сохранив при этом свою исламскую веру и самобытные традиции.

Кроме них, в Беларуси живут армяне, азербайджанцы, литовцы, цыгане, немцы, молдаване, грузины и многие другие народы. Каждый из этих народов – это не просто цифра в статистическом отчете, а живая и активная община со своей уникальной культурой. Белорусы гордятся тем, что для всех них Республика Беларусь стала синонимом мира, безопасности и уверенности в завтрашнем дне, местом, где каждый может чувствовать себя полноправным и уважаемым гражданином, сохраняя при этом свою идентичность.

Стабильность, отсутствие конфликтов на этнической или

религиозной почве – это общее достояние Республики Беларусь, которым по праву гордятся ее граждане [5, с. 139]. И это заслуга не только выверенной государственной политики, но и самого белорусского народа, в менталитете которого исторически заложены такие черты, как толерантность, терпимость и глубокое уважение к представителям иных культур [2, с. 99]. Белорусы прошли через многие тяжелые испытания вместе, плечом к плечу, и этот бесценный опыт научил нас самому главному – ценить мир, согласие и человеческую жизнь превыше всего. В мире, где то и дело вспыхивают пламя межнациональных и межрелигиозных конфликтов, Беларусь остается островком спокойствия и добрососедства [3, с. 157].

Отсутствие конфликтов на этнической почве – это не случайность и не историческая данность, а прямой результат целенаправленной, взвешенной государственной политики, помноженной на исторически сложившийся менталитет белорусского народа, его толерантность и уважение к другим культурам. Этот бесценный дар мира является тем фундаментом, на котором развивается уверенное в завтрашнем дне государство.

Библиографический список

1. Алейникова С.М., Богомаз О.В., Надточаева Н.В. и др. Ценностный портрет современного белорусского общества. Аналитический доклад / под ред. С.М. Алейниковой. Минск: БИСИ, ОДО «Друк», 2021. 57 с.
2. Бабосов, Е. М. Традиционные ценности белорусского народа как элементы современной идеологической системы // Основы идеологии современного государства. Минск, БГУ, 2007. С. 98 – 109.
3. Государство для народа: док. и материалы третьего Всебелорус. нар. собр. (2-3 марта 2006 г.) / редкол.: А. Н. Рубинов [и др.]. Минск. Беларусь, 2006. 365 с.
4. Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1992 года № 1926-XII «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь / в ред. Законов Республики Беларусь от 05.01.2004 г. № 261-3, от 07.05.2007 г. № 212-3.
5. За сильную и процветающую Беларусь: материалы второго Всебелорус. нар. собр. (18 мая 2001 г.). Минск, Пресс, 2001. 299 с.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года и 17 октября 2004 года). Ст. 5, 12, 14, 15, 39, 54. Мн: Амалфея, 2005. 91 с.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс]: Официальный портал Президента Респ. Беларусь. <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>.
8. Лукашенко А.Г. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь: «Независимая Беларусь наш достойный и общий дом» // Советская Белоруссия. 2007. 25 апреля. С. 1 – 4.
9. Матусевич, Е. В. Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации. Минск, НАН РБ, 2005. 223 с.
10. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Национальная комиссия по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.: Я.М. Александрович и др. Минск, 2004. 194 с.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭТНОСА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

MODERNIZATION OF AN ETHNIC GROUP: PROSPECTS AND CHALLENGES FOR THE BURYAT LANGUAGE

А.В. Самбуева

МАОУ СОШ №63 г. Улан-Удэ, Россия

A.V. Sambueva

School №63, the city of Ulan-Ude, Russia

Аннотация. В статье рассмотрена история развития бурятского этноса с подробным анализом социальных изменений в XXI веке. Показаны последствия и перспективы незавершенной модернизации бурятского этноса.

Abstract. The article examines the history of the development of the Buryat ethnic group, providing a detailed analysis of social changes in the 21st century. The article also discusses the consequences and prospects of the incomplete modernization of the Buryat ethnic group.

Ключевые слова: эмпирической социокультурной системы, модернизация этноса, унификация, интеграция, билингвы, функциональные социальные изменения.

Keywords: empirical sociocultural system, modernization of an ethnic group, unification, integration, bilingualism, and functional social changes

Развитие бурятского этноса в начале XXI в. предполагает выявление его социальных культурных изменений, т.е. любых изменений, связанных с возникновением, становлением, ростом и упадком тех или иных явлений. С этой точки зрения необходимо рассмотреть четыре вида социальных изменений, которое имеют социальный характер. Во-первых, структурные социальные изменения в жизни бурятского этноса. Во-вторых, функциональные социальные изменения. В-третьих, изменения в сфере потребностей, интересов, мотиваций, то есть то, что в конечном итоге формирует мировоззрение и менталитет.

В этом отношении наиболее фундаментальной выглядит теория П. Сорокина о социокультурной динамике. В структуре эмпирической социокультурной системы главным компонентом является система идей, ценностей, значений, которые включают в себя, как остатки старой культуры, так и ростки новой культурной системы. В любой период истории сосуществуют пять основных, стремящихся к постоянству культурных систем низкого уровня: язык, этика, религия, искусство, наука.

В различные периоды истории базовые предпосылки и соответствующие им суперсистемы находятся в различных стадиях

своего развития. Этот процесс закономерного развития, который внутри социокультурных систем носит диалектический характер. Основная мировоззренческая система постепенно исчерпывает свои возможности и поэтому заменяется одним из двух альтернативных.

Почему так происходит? Периодичность социокультурных изменений зависит или, по крайней мере, сопровождается радикальной трансформацией социальных институтов и нормативных образцов [4].

Существует несомненный всплеск интереса к сохранению традиционной культуры. Традиционные социокультурные ценности приняты не только сельскими бурятами, но и в городе. Исследования показывают неплохое знание особенностей национальной кухни, устного народного творчества (эпосы, мифы, сказки), национального жилища городских семей. О традиционных занятиях бурятского народа хорошо осведомлены в 75% однородных и 10% в смешанных семьях [2].

Но, осознавая необходимость политико- государственного подхода в решении вопроса сохранения национальной культуры, в то же время, по данным социологических опросов, только 75% городских и 94,9% сельских бурят признают родным язык своей национальности, среди коренных горожан этот показатель и вовсе равен 54% [3]. Несмотря на осознание необходимости знания родного языка, в совершенстве им владеют только 71,8% сельских и 34,7% городских жителей, и то среди последних, как правило, в большинстве своей недавние сельские мигранты. Кроме того, бурятский язык используется в основном для общения с представителями старшего поколения [1].

В целом нельзя отрицать, что современный период развития бурят ознаменовался поиском этнической идентичности, возрождением своих национально-культурных традиций и ценностей. Следует отметить при этом широкий охват в этнической среде общемодернизационными и глобализационными элементами, связанными с освоением новых рыночных профессий, нового (западного) стиля жизни, знанием иностранных языков.

Таким образом, социокультурное развитие бурят в настоящее время прошло ряд трансформаций подчас входящих в серьёзное противоречие друг с другом. Бурятское сообщество в настоящее время подверглось резкой модернизации, в рамках которой происходит борение двух начал: осовременивание форм жизнедеятельности и в то же время процесс возрождения традиционных ценностей. Однако это приводит к тому, что одни

социальные институты приводят к модернизации этноса, а другие – к разрушению его фундаментальных основ, в-третьих, это приводит к трансформации, которая ведёт к новой модификации.

Модернизация этноса может быть успешной только в рамках модернизации российской суперэтнической системы, однако, с сохранением важнейших элементов традиционной культуры. Начиная со второй половины XX века наш мир изменился, он стал глобальным. С одной стороны, это хорошо: человек стал мобильным, не выходя из дома можно знать, что происходит в мире, улучшается качество жизни человека, но вместе с этим глобализация несёт в себе и отрицательные черты, он приводит к единообразию и унификации.

Чем же опасна культурная интеграция и унификация? Она опасна тем, что малые народы забывают свою культуру, традиции, обычаи и самое главное – язык, являющийся отличительным признаком народа. С утратой языка происходит утрата всей остальной культуры, стирание истории, а затем и исчезновение самого народа.

Всемирная организация ЮНЕСКО в 2005 году внесла бурятский язык в Красную книгу исчезающих языков. На сегодняшний день одной из важнейших для бурят является проблема сохранения бурятского языка. Основной проблемой исчезновения бурятского языка учёные – лингвисты называют отсутствие языковой среды. Именно билингвы являются надеждой на сохранение языка. Около 55% бурят – билингвы.

Если в своих семьях билингвы начнут обучать своих детей языку, то ещё не всё потеряно. Кроме изучения языка в семье, большой проблемой филологи считают отсутствие внешней языковой среды, небольшое количество детской литературы на бурятском языке. Для решения этой проблемы необходимо создавать условия для популяризации бурятского языка среди молодёжи и школьников. На правительственном уровне принята программа сохранения языка, в рамках которой проводится множество мероприятий, конкурсов, олимпиад и конференций.

Большая работа по возрождению языка и культуры проводится министерством образования, учителями республики. Стали традиционными мероприятия «День бурятского языка», «Гэсэр-Дангина», «На земле Гэсэра», «Моя родословная», «Серебряный лебедь», «Буряад хэлэн баян даа!», конкурсы юных знатоков родного фольклора и другие. Возрождаются наши национальные бурятские традиции, праздники, обряды. Увеличивается число дошкольных учреждений и учебных заведений, в которых изучается бурятский язык. Но вопрос сохранения

бурятского языка остается актуальным. Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить наш родной язык, вместе с ним и наше национальное самосознание. Только общие усилия родителей, учителей, общественности и нас, самих приведут к положительным результатам.

Библиографический список

1. Бадмацыренов Т.Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа(на материалах республики Бурятия): автореф... канд.социол.наук. Улан-Удэ, 2006.
2. Батомункуева С.Б. Возрождение социокультурных традиций в современной городской бурятской семье: автореф.. канд. социол. наук. Улаг-Удэ,2006. С.13.
3. Доржиева И.Ц. Изменения традиционных социокультурных ценностей бурят в условиях урбанизации Улан-Удэ, 2004. С.15.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

РАЗДЕЛ III. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ, ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ¹

DEMOGRAPHIC CRISES IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: CAUSES, SCALE, EXPERIENCE OF OVERCOMING THEM

В.Б. Жирумская

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

V.B. Zhiromskaya

Institute of Russian History the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Аннотация. Во второй половине XIX в России продолжается развитие демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения. На фоне высоких рождаемости и брачности несколько снижается смертность, Население России быстро увеличивается. Но этот рост неравномерен. Периодически отмечаются демографические кризисы. Экзогенные факторы: эпидемии, голод, - приводят к потерям населения. Горький вклад в статистику людских потерь вносят войны и их последствия. Однако население после кризисов быстро и успешно восстанавливается. и не только вследствие реализации традиционной демографической компенсации. Все большую роль в его восстановлении играет демографическая политика. Активно формируются ее важнейшие составляющие - пронаталисткая и здравоохранительная.

Abstract. In the second half of the 19th century, Russia continued to experience a demographic transition from a traditional to a modern type of population reproduction. Despite the high birth and marriage rates, the mortality rate decreased slightly, and Russia's population experienced rapid growth. However, this growth was not uniform. Periodically, Russia faced demographic crises. Exogenous factors, such as epidemics and famines, led to population losses. Wars and their aftermath also contributed to the statistics of human casualties. Despite these challenges, the population recovered quickly and successfully. This recovery was not solely due to traditional demographic compensation. Demographic policy is playing an increasingly important role in its recovery. Its most important components, such as pro-natalist and healthcare policies, are being actively developed.

¹ Статья выполнена в рамках работы над многотомным изданием «История России»

Ключевые слова: население Российской империи, демографические кризисы, военные людские потери, последствия эпидемий, жертвы голода, демографическая компенсация.

Keywords: population of the Russian Empire, demographic crises, military casualties, consequences of epidemics, victims of famine, demographic compensation.

Во второй половине XIX столетия продолжилась проявившаяся в 1820-1830-х гг. устойчивая тенденция к росту населения Российской империи.

В 1858 г. численность населения составляла в исторических границах империи 74,6 млн человек, в 1867 г. 82,2 млн, а в 1897 г. 128,2 млн человек [4, с.19]. Иными словами, за 40 лет население увеличилось на 72%, или более, чем в 1,5 раза. Увеличение населения происходило как за счет естественного прироста, так и за счет иммиграции. Играло роль и изменение территориальных границ государства.

Однако рост населения происходил неравномерно. Он периодически нарушался демографическими кризисами, выражавшимися в росте смертности и снижении рождаемости, а в некоторых случаях и брачности. Серьезный демографический ущерб наносили войны и их последствия: Крымская, Русско-турецкая 1877-1878 гг.

Середина века была отмечена военными **потерями населения** в результате Крымской войны. Оценки военных потерь разнятся. Одна из ранних оценок представлена Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном. Указывается, что убыль русских войск в течение войны составила свыше 500 тыс. человек. В эти данные, кроме собственно боевых и небоевых безвозвратных потерь военнослужащих предположительно частично включены выбывшие по ранению и болезни (но, по счастью, оставшиеся в живых).

Впоследствии исследователи неоднократно уточняли оценки потерь русской армии. Наиболее фундированными представляются подсчеты Л.С. Каминского и С.А. Новосельского [6, с.23, 108]: в 129,3 тыс безвозвратных потерь, 7 тыс убитых, 15,8 тыс умерших от ран, 88,8 тыс умерших от болезней (тиф, оспа, холера, дизентерия, малярия). Свыше 65 тыс человек, получивших ранения, выжили. Однако ущерб здоровью был нанесен. Близкие цифры потерь приводит Б. Соколов – 30 тыс солдат и офицеров погибших в бою, 16 тыс умерших от ран, 88,8 умерших от болезней, итого 134,8 тыс человек [16, с. 142]. Б.Ц. Урланис считал убитыми 30 тыс. русских солдат и офицеров [21, с. 155]. Все авторы отмечают очень высокий уровень смертности в армии от болезней. Эти же болезни

выкашивали и мирное население.

Боевые и небоевые потери сказались на воспроизводстве населения, в том числе мирного. Значительное увеличение числа рекрутов, многие из которых погибли в боях, кроме увеличения смертности, нарушило брачность, негативно сказалось на рождаемости, нарушило соотношение полов. По публикациям А.Л. Перковского [13] за период 1850-1857 гг. у государственных крестьян увеличение численности мужчин составило всего 32 тыс, а женщин 822 тыс. Причина – участие молодых мужчин в военных действиях. Только в рекруты за эти годы было взято более 300 тыс. Многие из них погибли или умерли впоследствии от ран. В стране разразился экономический кризис. 1854 год отмечен значительным неурожаем. Все годы войны свирепствовали эпидемические болезни. Вследствие повышения смертности в 1853-1856 гг. по сравнению с благополучным довоенным 1852 г., а также снижения рождаемости, население России потеряло свыше 1 млн человек [4, с. 51-52]. (данные приводятся по православному населению, которое в указанный период составляло 84% населения Европейской части империи). Смертность, в мирные предвоенные годы не превышавшая 1,7-1,8 млн человек, в 1853 возросла до 2 млн, а 1855 г. – до 2,5 млн человек. Брачность заметно снизилась. Если до войны заключалось обычно 500 тыс браков в год, то в военные годы – 300 тыс. Причиной было не только увеличение числа рекрутов. Негативное влияние оказывали и тяжелое экономическое положение, и морально-психологический фактор. Снижение рождаемости менее ощутимо. В основном оно пришлось на 1855-56 гг. Однако и в эти годы рождаемость превышала смертность. Так, за 1855 г. естественный прирост населения составил 235 тыс человек [4, с. 51-52].

После войны началась активная демографическая компенсация, свойственная традиционному типу воспроизводства населения. Население не просто компенсировалось, оно быстро увеличивалось. Уже 1856 год говорит о стабилизации – увеличивается брачность до более 0,5 млн, то есть превышает довоенный показатель, и снижается смертность до 1,9 млн человек. Смертность все еще высока, но тенденция к ее снижению уже проявилась. Естественный прирост превышает 450 тыс. 1857 г. дает уже высокие результаты роста населения: - 2,7 млн человек родилось, 1,8 млн умерло, соответственно естественный прирост составил примерно 900 тыс человек. Практически на таком же высоком уровне держится естественный прирост в 1858-1859 гг. До войны такие цифры роста населения были редки [4, с. 52].

В итоге за 10 лет с 1851 по 1860 гг. прирост составил 6,5 млн человек, больше, чем в предшествующие десятилетия. Демографический кризис не был затяжным, демографическая компенсация реализовалась полно и быстро.

Русско-турецкая война унесла 27,5 тыс жизней русских солдат и офицеров, убитых и умерших от ран. По сведениям о потерях Дунайской армии свыше 45 тыс военнослужащих умерли от болезней, несчастных случаев и других причин, 35 тыс остались инвалидами [6, с.37]. Так же, как и в период Крымской войны, смерть от болезней стояла на первом месте. Но последствия войны этим не ограничились, они сказались и на мирном населении. Военные годы были отмечены негативными демографическими тенденциями. Так, население Европейской России в 1878 г. имело один из самых высоких показателей смертности за полвека - 38,2‰ против 34,8‰ в более благополучном 1879 г. (причем отмечался особый рост именно детской смертности), рождаемость же составляла всего 47,3‰ против 50,3 в 1879, брачность также была 9,2% против обычных 10 [17, с. 1]. Соответственно и естественный прирост заметно снизился. В итоге десятилетие 1870-1880 гг. имело самый низкий начиная с 1860 г. и до конца века средний естественный прирост населения – 13,3‰ [9].

Два крупных демографических кризиса на протяжении второй половины XIX столетия были вызваны голодом и эпидемиями. Кризисы эти были непродолжительны по времени, не являлись так называемыми «затяжными», не приводили к отрицательным величинам естественного прироста населения. Однако потери населения были существенны.

Первый из них был связан с крайне неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в стране. В 1871-1872 гг. произошла уже не вспышка холеры, которые и до этого бывали достаточно часто, но крупная эпидемия. Она охватила 46 губерний. В итоге от холеры только за 1871 г. умерло свыше 120 тыс человек. В 1872 г. ситуация не улучшилась, смертность превысила 113 тыс человек. При этом переболели сотни тысяч людей. Здоровью населения был нанесен значительный ущерб [8, с.1-11]. Кроме того, в 1872 г. была вспышка смертности от оспы, значительное число людей переболело этой страшной болезнью. Ряд крупных городов российских регионов, прежде всего, на Северо-Западе страны и в Поволжье пострадал в 1869–1872 гг. от сыпного тифа. В итоге в 1871 и особенно в 1872 гг. значительно выросли показатели смертности: в 1871 г. в Европейской России общая смертность населения приблизилась к 38‰, а в 1872 г. превысила 40‰; младенческая же

смертность достигла соответственно 272 и 295‰ [17, с. 1]. Очень высока была и ранняя детская смертность. Так, среди всех умерших в 1872 г. дети в возрасте от 1 года до 5 лет составили более 20%, то есть пятую часть всех смертных случаев. Отмечено было и некоторое снижение рождаемости - до 49‰, что является естественной реакцией на неблагоприятную эпидемиологическую обстановку. Однако сохранение еще в значительной степени; традиционных ценностей семейно-брачного поведения обеспечивало рост населения. В годы эпидемий брачность не снизилась, составив 10‰ в Европейской России. Причем статистика зафиксировала рост браков вдов и вдовцов как с холостыми, так и с вдовыми же. Овдовевшие в годы эпидемий старались как можно скорее вновь создать семьи. Поэтому глубокого кризиса рождаемости не произошло. Даже в эти тяжелые годы наблюдался положительный прирост населения, хотя и меньший, чем в благополучный период. Притом, что в 1872 гг. умерло 2,7 млн человек, родилось 3,3 млн, соответственно естественный прирост составил 0,6 млн человек. Для сравнения – в довольно благополучном 1879 г. прирост составил 1,1 млн человек [17, с. 1; 18, с. 11].

Второй, связанный с неурожаем, голодом и болезнями демографический кризис произошел в 1891-1892 г. Неурожай привел к голоданию огромных масс населения. В эти же годы разразились эпидемии тифа и холеры, а также оспы. Особенность этого кризиса – в целой череде неурожайных лет. Уже 1889 г. дал пониженный урожай, неурожай же в 1891 г. был наиболее тяжелым за несколько предшествующих десятилетий. С десятины валовый сбор зерновых был почти на 30% ниже нормы [12, с. 14-15]. Особенно пострадали такие культуры как пшеница – валовый сбор понизился на 33% по сравнению со средней урожайностью, рожь – на 30%, гречиха - на 34%, просо – на 30%, овес – на 25% [5, с. 16]. Таким образом неурожай охватил практически все основные зерновые культуры, что привело к падежу рабочего и продуктивного скота и сокращению семенного фонда. В этих условиях провести посевную в полном масштабе крестьяне не смогли. Отсюда 1892 г. также был неурожайным. Вот описание запасов в одном из дворов в деревне Елифанского уезда, составленное Л.Н. Толстым. «Весь урожай настоящего года – в овсе, который уберется весь в телегу, четверти четыре. От ржи, за посевом, остался аккуратно прибранным в пуньке мешок с лебедой, пуда в три. Ни проса, ни гречи, ни чечевицы, ни картошек не сеяли и не садили. Хлеб испекли с лебедой – такой дурной, что есть нельзя, и в нынешний день баба утром сходила

побираться в деревню, верст за восемь. В деревне этой праздник, и она набрала фунтов пять кусочков без лебеды *пирога*, которые она показывала мне. В лукошке было набрано корок и кусочков в ладонь, фунта 4. Вот всё имущество и все видимые средства пропитания» [19, с. 30]. В итоге - голод и сопутствующие болезни населения. На сложную экономическую и эпидемиологическую ситуацию наложились просчеты в экономической политике государства: неудовлетворительность мер регулирования внутреннего и внешнего рынка хлеба, скачки цен на хлеб, недостаточность государственных продовольственных запасов [7, с. 103–110, 173–192]., разорительная налоговая политика. Значимость последнего фактора особо подчеркивал А.М. Анфимов [2, с. 116-120].

Пострадали 18 губерний в основном Центрально-Черноземного района, Поволжья, Уральского региона. По другим данным – более 20 губерний Европейской России и 27 – в целом в масштабах Российской империи [15, с. 158-126; 9]. Не столько жизнью уносил собственно голод, что случается при практически полном отсутствии пищи, сколько общая слабость от некачественного и недостаточного питания и быстрое распространение сопутствующих голоду болезней - диареи, дистрофии, у младенцев - диспепсии. В этих условиях вспыхнула эпидемия тифа. Особенно же много жизнью погубила холера, масштабная эпидемия которой в 1892 г. охватила свыше 70 губерний Российской империи. В 1892 г. голод и болезни в полной мере сказались на населении, значительно ухудшив демографические показатели: смертность поднялась до 41%, рождаемость снизилась до 46% [9, с. 471-474]¹. Сравним: в 1888 г. рождаемость составляла 52%, а смертность 33%. Соответственно в кризисном 1892 г. естественный прирост населения, хотя и сохранил положительное значение, равнялся лишь 5% против 18% в 1888 г. [15, с. 156]. В принципе даже не в столь благополучные, как 1888 годы, естественный прирост колебался в пределах 13-15%. В ряде губерний отмечены были отрицательные значения естественного прироста. В Самарской губернии он составил в 1892 г. – 18,8%, в Саратовской – 14,1%, в Воронежской – 13,3%, в Оренбургской – 11,2%, в Пензенской – 4,0%, столько же в Тверской [15, с. 158] и т.д. Иными словами смертность в названных губерниях превысила рождаемость. Городское население также голодало. По подсчетам А.Г. Рашина

¹ Б.Н. Миронов считает, что снижение рождаемости не было столь значительным и ее показатель достигал 50%. Однако снижение все же было ощутимо, более чем на 4% по сравнению с предшествующим годом. В целом также отмечается ухудшение демографических показателей.

практически в каждом втором городе Европейской России в этот страшный год наблюдался отрицательный прирост населения. Это данные по числу родившихся и умерших, они не включают голодной миграции из городов в сельскую местность.

Общие оценки избыточной смертности (сверхсмертности) в голод 1891-1892 гг. давались неоднократно, все они весьма значительны. Состояние исследований этой проблемы представлено в историографической работе С.А. Пьянкова и Н.А. Михалева [14, с. 44-45]. С.А. Новосельский оценивал потери населения в 350 тыс человек, при этом в основном это были смерти от эпидемических заболеваний [11, с. 117]. Распространена оценка избыточной смертности в 500 тыс. человек. Ее придерживался Б.Ц. Урланис [20, с. 83-84, 90-91]. Однако ряд исследователей насчитывают еще большие цифры потерь. А.М. Анфимов полагает, что только за 1892 год - пик голода – погибло свыше 650 тыс человек [2, с. 115]. С.А. Нефедов расширяет хронологию демографического кризиса до 1889–1892 гг. и оценивает людские потери за этот период в 1,75 млн человек [10, с. 404-407]. При этом в исследованиях числа жертв этого кризиса подчеркивается, что значительная часть потерь в 1892 г. - около 300 тыс человек - приходится на погибших от холеры [15, с. 208; 9, с. 472]. Кроме того, в 1891-1895 гг. от оспы умерло 73 тыс человек, от тифа – 112 тыс.

Для борьбы с эпидемиями были мобилизованы врачи, организованы санитарные участки, где были выделены помещения для больных. Специальные бараки строили не везде, часто отводили какие-либо избы для заболевших. Врачи и фельдшеры получали лекарства и средства дезинфекции, кроме врачебной помощи обязаны были вести санитарную работу — проводить дезинфекции и знакомить население со средствами и правилами гигиены, способными предотвратить заболевание. На таком участке в период эпидемии холеры работал А.П. Чехов. Российское общество Красного Креста и Русское общество охранения народного здоровья оказывали медицинскую помощь населению.

В период демографического кризиса 1891-1892 гг. проводилась **государственная политика по оказанию помощи голодающему населению**. Были предприняты чрезвычайные меры – запрещен экспорт хлеба. Правительство выделило 152 млн рублей на закупку хлеба и выдачу ссуд пострадавшему от неурожая и голода населению. Помощь крестьянским хозяйствам оказывалась из общегосударственного, губернских и общественных продовольственных капиталов. Государство финансировало закупки,

которые, как и последующая раздача хлеба, осуществлялись земствами. На выделенные средства были закуплены миллионы тонн продовольствия. Однако современники критиковали недостаточность мер, волокиту, межведомственные распри. Имели место и спекуляции, и взвинчивание цен на хлеб, и завышенные проценты по выдаваемым крестьянам ссудам [2, с. 116-120].

Особое совещание в целях борьбы с безработицей пыталось организовать общественные работы (прежде всего, строительство дорог). Однако здесь результаты оказались очень скромными, так как крестьяне могли работать лишь сезонно. Кроме того, для таких тяжелых форм труда и в значительной удаленности от дома ослабленные недоеданием люди не были готовы.

Этот период отличался и значительной активизацией общественной деятельности по преодолению голода и его последствий. Организацией благотворительной помощи занимался специально учрежденный осенью 1891 г. Особый комитет «по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая», в губерниях были созданы благотворительные комитеты, которые занимались сбором пожертвований, организовывали благотворительные лотереи. Передовая общественность организовывала на благотворительных началах помощь голодающим. Примером служит деятельность Л.Н. Толстого, который создал в голодающих губерниях сеть детских столовых и приютов. Активную деятельность по организации продовольственной помощи развивал В.Г. Короленко. Оказывалась и международная помощь. В США действовали Комитеты содействия голодающим России.

В итоге в 1893-1894 г. демографическая ситуация стабилизировалась, хотя и не повсеместно.

Уже во многом сложившаяся система государственной и общественной помощи населению помогла избежать масштабного голода вследствие неурожая 1897-1898 гг. Неурожай в итоге привел к локальному голоду в некоторых уездах. Оказанная помощь помогла снизить число пострадавших и избежать массовых жертв.

Кроме этих глубоких демографических кризисов периодически отмечались колебания демографических показателей, связанные с экономическими проблемами. Примером может служить снижение темпов роста населения в экономически неблагополучный 1867-1868 гг., когда Россия переживала серьезный экономический кризис в текстильной промышленности и существенное снижение экспорта сельскохозяйственной продукции. Экономический кризис привел к негативным демографическим последствиям – рождаемость

снизилась по регионам России на 1-2‰, смертность поднялась на 2-3‰ [15, с. 11].

Кризисы были нередки и болезненны, однако население их быстро преодолеvalo. Причинами этого стали уже не только традиционно высокая рождаемость, но и снижение, пускай медленное, смертности, что свидетельствует о признаках первой фазы демографического перехода к современному типу воспроизводства населения. Еще более ярким свидетельством глубинных трансформаций модели демографического поведения является активизация и оформление ряда важных направлений **демографической** политики. Очевидна большая роль в процессе преодоления демографических кризисов успехов научного медицинского знания и все более широкого распространения медицинского и санитарного обслуживания населения.

Демографическая политика, хотя и не имела еще такого названия, но фактически оформилась уже довольно давно. Во второй половине XIX века она быстро развивалась. Во многом она еще имела форму временных кампаний, связанных с преодолением последствий голода и эпидемий. Но принципиально важно, что в XIX веке оформляются две важнейшие составляющие демографической политики: **пронаталистская (поощрение роста рождаемости)** и здравоохранительная.

Начинается формирование комплекса соответствующих мер демографической политики еще в 1830-е годы. Вслед за основанием Николаевской детской больницы в Санкт-Петербурге продолжается создание специализированных детских больниц. В 1860-х гг. формируется направление педиатрии и создаются соответствующие кафедры в Императорском Московском университете и при Санкт-Петербургской медико-хирургической академии [1, с. 13]. Число кафедр педиатрии к концу века достигает 5, детских больниц 15 и появляются детские санатории. Появляются первые детские ясли. Особо следует отметить благотворительную деятельность. На благотворительной основе создавались детские приюты, ясли и предшественники молочных кухонь «Капля молока». Правда, последние были каплей в море, однако идея организации помощи по вскармливанию младенцев и улучшению питания кормящих матерей была перспективной и, как показало будущее, результативной.

В итоге активизация социально-экономической и демографической политики ускоряла **компенсацию демографических потерь и способствовала преодолению демографических кризисов.**

Библиографический список

1. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. статей. - М.: МАКС Пресс, 2010. - 2-е изд. - С. 13-71.
2. Анфимов А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881-1904 гг. - М.: Наука, 1984. - 232 с.
3. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России: (материалы и очерки). - М.: Медгиз, 1960. - 398 с.
4. Военно-статистический сборник. - СПб, 1871- Вып. 4: Россия / под ред. Н.Н. Обручева - 235 с.
5. Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. - СПб. 1892. -280 с.
6. Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756-1918): справочная кн. - М.: Медгиз, 1947. - 212 с.
7. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века: Стратегии выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. - 594 с.
8. Кондрашин В.В., Корнилов Г.Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Эпидемии и город в истории России. - М.; Екатеринбург: Уральский исторический вестник, 2021. - С. 1-11.
9. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России, XVIII – начало XX века. - 2-е изд., испр., доп. -М.: Весь мир, 2012. - 844 с.
10. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. -М.: Территория будущего, 2011. - Т. 2: От окончания Смуты до Февральской революции. - 685 с.
11. Новосельский С.А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914-1920 гг. - М.; Пг., 1923 – С. 47-120.
12. Обухов В.М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России. - М.: Ин-т экономики, 1927. - Ч. 1. - С. 1-15.
13. Перковский А.Л. Кризис демографического воспроизводства крепостного крестьянства России в первой половине XIX столетия // Демоскоп. – 2012. - № 493-494. – Янв.
14. Пьянков С.А., Михалев Н.А. Голод в 1891-1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: исторические науки и археология. - Вятка, 2015. - С. 44-55.
15. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913): стат. очерки. - М.: Госкомиздат, 1956. - 352 с.
16. Соколов Б.В. Сто Великих войн. - М.: Вече, 2001. - 430 с.
17. Статистический временник Российской империи. - Сер. 2. - СПб., 1882. - Вып. 18. - 359 с.
18. Статистический временник Российской империи. - Сер. 3. - СПб., 1884. - Вып. 3: Движение населения в Европейской России за 1879 год. - 131 с.
19. Толстой Л.Н. Голод. - М.: Посредник, 1906. - 63 с.
20. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. - М.: Госстатиздат, 1963. - 137 с.
21. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв.: историко-стат. исслед. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. - Ч. 2. 567 с.

**ОБРАЗОВАНИЕ МУЖЧИН РАЗНЫХ ЭТНОСОВ В РСФСР
(ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ 1959 г.)¹**

**EDUCATION OF MEN OF DIFFERENT ETHNICITIES IN THE
RSFSR (BASED ON THE ALL-UNION POPULATION
CENSUS OF 1959)**

Н.А. Араловец

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

N.A. Aralovets

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Аннотация. В статье на основе данных Всесоюзной переписи населения 1959 г. раскрывались особенности образования мужчин и женщин в городах и сельских местностях РСФСР. Особое внимание уделялось изучению уровня высшего и среднего образования мужчин разных национальностей. Показывалось, что за период с 1939 г. по 1959 г. в РСФСР, особенно в городах у мужчин разных национальностей заметно увеличился уровень высшего и среднего образования. В городах показатели высшего и среднего образования у мужчин отдельных национальностей были ниже по сравнению с женщинами. Наиболее высокий уровень высшего и среднего образования среди национальностей отмечался в подростковых и молодых возрастах. Однако с повышением возраста видно его снижение.

Abstract. Based on the data from the 1959 All-Union Population Census, the article examined the educational attainment of men and women in urban and rural areas of the RSFSR. Special attention was given to the level of higher and secondary education among men of different nationalities. The article showed that between 1939 and 1959, the level of higher and secondary education among men of different nationalities in the RSFSR, particularly in urban areas, significantly increased. In urban areas, the level of higher and secondary education among men of certain nationalities was lower compared to women. The highest level of higher and secondary education among nationalities was observed in adolescents and young adults. However, it decreases with increasing age.

Ключевые слова: РСФСР, города, сельские местности, национальности, мужское население, высшее и среднее образование.

Keywords: RSFSR, cities, rural areas, nationalities, male population, higher and secondary education.

В конце 1950-х гг. в условиях индустриального развития СССР и ее республик, распространения механизации отдельных отраслей производства заметную остроту приобретало повышение образовательного уровня населения. Это явление отразилось в данных

¹ Статья подготовлена в рамках работы над многотомным изданием «История России».

Всесоюзной переписи населения 1959 г. Ее проведение было связано с учетом потребности в данных о населении, крайне необходимым для планирования развития народного хозяйства и культурного развития страны. Перепись проводилась по состоянию на 15 января 1959 г. Этот месяц с наименьшей миграцией населения был благоприятен для ее проведения. Перепись охватывала 8 дней, с 15 по 22 января 1959 г. В этот период население переписывалось по месту жительства, в т.ч. временного. В переписном листе записывалась национальность, которую называл сам опрашиваемый. Национальность детей сообщали родители. Родным указывался язык, который опрашиваемый считал своим родным языком [2, с. 5, 7]. Таким образом, определение национальности и родного языка были самоопределяемыми.

В РСФСР важнейшее значение имело распространение высшего и среднего, в т.ч. специального образования. В многонациональной стране существенную роль играло повышение образовательного уровня этносов. К тому же уровень образования у национальностей был различным: у евреев, белорусов, украинцев, русских – наиболее высоким, у чеченцев, калмыков, ингушей, тувинцев – низким [2, с. 337]. Показатели образования у мужчин, принадлежавших к этим этносам, также были разными. Однако в историографии данная проблема не получила самостоятельного изучения, в той или иной степени ее рассмотрение осуществлялось в исторических работах обобщающего характера [1, 3, 4, 5].

В статье на основе данных Всесоюзной переписи населения 1959 г. рассматриваются особенности высшего и среднего образования мужчин разных национальностей в городах и сельских местностях РСФСР. Эти данные были опубликованы в изданном сборнике «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР» (М., 1963).

В РСФСР проведение образовательной и культурной политики способствовали повышению, прежде всего, уровня высшего и среднего образования у мужчин и женщин. В *городах* РСФСР уровень образования увеличился у мужчин практически всех национальностей. Это явление отмечалось в данных переписей населения 1939 г. и 1959 г. Из данных переписи населения 1959 г. видно, что в городах РСФСР наиболее высокий уровень образования был у мужчин евреев, украинцев, бурят, аварцев, лезгин, осетин, чувашей. В 1959 г. в городах РСФСР - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчины евреи - 699, лезгины - 482, чуваше - 476, украинцы - 472,

буряты - 457, аварцы - 454, осетины – 449. В 1939 г. соответственно - 468, лезгины - 308, чувашаи – 376, украинцы - 256, буряты - 248, аварцы - 219, осетины – 233[2, с. 418-420]. Данные переписей населения зафиксировали увеличение за межпереписной период в российских городах уровня высшего и среднего образования у мужчин, особенно русских в 2,1 раза, мордовцев – в 2,0 раза, аварцев – в 2,1 раза, даргинцев – в 2,4 раза, кумыков – в 2,0 раза, татар – в 2,6 раза, чеченцев – в 4,5 раза. Повышение показателей высшего и среднего образования видно и у женщин: русских – в 2,3%, украинок – в 2,4%, башкирок – в 2,2%, ингушек – в 2,5%, кабардинок – в 2,7%, калмычек – в 2,5%, карелок – в 2,0%, мордовок – в 2,9%, аварок – в 3,5%, даргинок – в 3,8%, кумычек – в 3,7%, лезгинок – в 2,7%, осетинок – в 2,6%, татарок – в 3,4% [2, с. 418-420, 421-423, 326]. За межпереписной период с 1939 г. по 1959 г. в городах РСФСР уровень высшего и среднего образования отдельных национальностей, прежде всего, женщин существенно увеличился.

Однако в 1959 г. в городах уровень образования у мужчин балкарцев снизился по сравнению с 1939 г. – на 1000 человек населения балкарцы имели высшее и среднее образование в 1939 г. – 516, в 1959 г. – 371. Это снижение было обусловлено переездом из сельских местностей значительной численности балкарцев.

Вместе с тем в конце 1950-х гг. в городах РСФСР показатели высшего и среднего образования у мужчин были немного ниже, чем у женщин - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчин - 367, женщин – 372 [2, с. 418-420].

Это явление отмечалось у мужчин основных национальностей*. Наряду с этим уровень высшего и среднего образования у мужчин украинцев, белорусов, башкир, бурят, калмыков, карелов, тувинцев и особенно евреев был выше по сравнению с женщинами. На 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, украинцы мужчины – 472, женщины – 425, белорусы – 456 и 428, башкиры 363 и 321, буряты – 457 и 398, калмыки – 224 и 160, тувинцы – 334 и 414, евреи 699 и 690.

Высший и средний уровень образования у женщин, как и у мужчин, повышался практически у всех национальностей. К тому же, данное увеличение по отдельным национальностям у женщин было выше, чем у мужчин. В 1959 г. в городах РСФСР высшее и среднее

* В переписи населения 1959 г. данные по русским, украинцам, белорусам, евреям, татарам приводились по всей территории РСФСР, по другим национальностям – по территории преимущественного их проживания.

образование у женщин по сравнению с 1939 г. повысилось в 2,3 раза, у русских – в 2,3 раза, украинок – в 2,4, башкирок – в 2,2 раза, буряток – в 2,3 раза, ингушек – в 2,5 раза, кабардинок – в 2,7 раза, калмычек – в 2,5 раза, карелок – в 2,0 раза, мордвинок – в 2,9 раза, аварок – в 3,5 раза, даргинок – в 3,8 раза, кумычек – в 3,7 раза, лезгинок – в 2,7 раза, осетинок – в 2,6 раза, татарок – в 3,4 раза, чеченок – в 5,0 раза [2, с. 418-420].

Занятость населения способствовала увеличению уровня высшего и среднего образования. В конце 1950-х гг. в городах РСФСР мужчины с занятиями имели более высокий уровень образования по сравнению с мужчинами в целом - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчины – 519. Особенно по уровню высшего и среднего образования выделялись мужчины евреи, буряты, ингуши, кабардинцы, осетины, чуваша. На 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчины евреи - 857, чуваша – 636, осетины – 626, ингуши – 619, кабардинцы – 617, буряты – 609.

Из данных переписи населения 1959 г. видно, что у женщин, имевших занятия, самый высокий уровень образования отмечался особенно у евреек соответственно - 901, осетинок – 763, буряток – 622, кабардинок – 613, украинок – 595, русских – 587.

В российских городах показатели высшего и среднего образования у мужчин отдельных национальностей с занятиями были ниже, чем у женщин - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчин – 519, женщин - 586. Такое соотношение было характерно для русских (соответственно – 515 и 587), украинцев (соответственно – 545 и 595), белорусов (соответственно – 500 и 548), башкир (соответственно – 534 и 573), бурят (соответственно – 609 и 622), евреев (соответственно – 857 и 901), калмыков (соответственно – 348 и 395), карел (соответственно – 372 и 401), коми (соответственно – 499 и 535), осетин (соответственно – 515 и 587), татар (соответственно – 438 и 523), тувинцев (соответственно – 626 и 763) [2, с. 418-420].

В сельских местностях уровень высшего и среднего образования у мужчин и женщин был ниже, чем в городах. В 1959 г. в сельских местностях - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчины – 200; женщины – 175. В то же время за межпереписной период с 1939 г. по 1959 г. в сельских местностях уровень высшего и среднего образования заметно увеличился у мужчин и особенно у женщин. В

1939 г. - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчины – 49, женщины – 27. В 1959 г. по сравнению с 1939 г. мужчины повысили уровень высшего и среднего образования в 4,1 раза, женщины – в 6,5 раза.

Аналогичное повышение было характерно для сельских мужчин и особенно сельских женщин отдельных национальностей. В 1959 г. по сравнению с 1939 г. высшее и среднее образование, особенно выросло у мужчин: чеченцев – в 12 раз, аварцев – в 12,0 раз, даргинцев – 11,0%, кумыков – в 7,0 раз, 27 раз, кабардинок – в 29 раз, арок – в 28 раз, и у др. национальностей. Увеличение образовательного уровня было характерно и для сельских женщин отдельных национальностей: ингушек – в 27 раз, кабардинок – в 29 раз, аварок – в 48 раз, даргинок – в 46 раз, чеченок – в 32 раза и т.д. [2, с. 421-423]. Из данных переписи населения видно, что повышение образования у женщин отдельных национальностей было выражено сильнее, чем у мужчин.

Сельские мужчины и женщины, как и городские, имевшие занятия, имели более высокие показатели образования по сравнению с уровнем образования в целом. В 1959 г. в сельских местностях - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужчины с занятиями – 321; женщины с занятиями – 306. Из данных переписи населения видно, что в 1959 г. в сельских местностях в отличие от городов показатели высшего и среднего образования у мужчин как в целом, так и с занятиями были выше, чем у женщин.

Численное преобладание мужчин с высшим и средним образованием было характерно для большинства национальностей, особенно у евреев (мужчин – 618, женщин – 611). Однако у осетин уровень высшего и среднего образования мужского населения было ниже, чем у женского. В 1959 г. - на 1000 человек населения имели высшее и среднее образование, включая неполное среднее, мужское население в целом – 278, женское население в целом – 284. Это явление отмечалось у белорусов и белорусок с занятиями соответственно – 353 и 356; евреев и евреек с занятиями – 765 и 840 [2, с. 421-423].

В городах автономных республик РСФСР уровень образования мужчин и женщин был высоким у бурят (427), кабардинцев (400), осетин (454), чувашей (438). В сельских местностях – у кабардинцев (195), осетин (281), татар (200), чувашей (227) [2, с. 424-425]. Однако в сельских местностях показатели образования у национальностей были заметно ниже, чем в городах.

В городах и сельских местностях РСФСР увеличение уровня высшего и среднего образования у многочисленных национальностей определялось успехами проведения советской образовательной политики. Высшее образование было не только дневное, но и вечернее, и заочное. Среднее образование, в т.ч. специальное было также дневное и вечернее. Такие формы высшего и среднего образования охватывали значительную часть населения. В 1940-1950-е гг. в РСФСР заметно увеличилась численность студентов в высших учебных заведениях (в тыс.): в 1940-1941 гг. – 478,1, в 1959-1960 гг. – 1417,3 [4, с. 326].

Важно также отметить распространение в городах и сельских местностях РСФСР русского языка. В городах русский язык считали родным большинство мужчин, (включая мужчин разных национальностей) – 91,6% (от численности городских мужчин) и женщин, (включая женщин разных национальностей) – 93,1% (от численности городских женщин). В сельских местностях, как и в городах, большинство мужчин и женщин считало русский язык родным. Вместе с тем их число было заметно ниже, чем в городах соответственно – 81,4% (от численности сельских мужчин) и 81,7% (от численности сельских женщин). Данные переписи населения также свидетельствовали о значительном распространении языка своей национальности как родного, особенно в сельских местностях. Так, в городах среди чеченцев мужчины, считавшие родным языком язык своей национальности, составляли 95,8%, женщины – 97,5%, в сельских местностях – 99,6% и 99,8%; тувинцев соответственно – 95,6% и 95,2%, 99,4% и 99,5%; осетин – 91,6% и 91,3%, 99,0% и 99,1%; даргинцев – 93,7% и 92,7%, 99,4% и 99,6%, ингуши – 92,7% и 93,9%, 99,3% и 99,6%; кабардинцев – 92,1% и 92,9%, 99,0% и 99,4% [2, с. 392-393, 400, 405, 407, 411]. Такой уровень распространения языка своей национальности как родного было характерно практически для всех возрастных групп.

Промышленные предприятия и организации ежегодно пополнялись специалистами, подготовленными в институтах разной профессиональной направленности. Об этом явлении также свидетельствовало то, что наиболее образованные мужчины и женщины были в подростковых, молодых и средних возрастах. В 1959 г. - на 1000 человек населения мужчины и женщины с высшим и средним образованием, включая неполное среднее, составляли в возрастах (лет): 16-19 – 797, 20-24 – 732, 25-29 – 517, 30-34 – 589, 35-39 – 625. С дальнейшим увеличением возраста число образованных мужчин и женщин понижалось. Существенное снижение их

численности отмечалось в пожилых возрастных группах, особенно 60 лет и старше (соответственно - 136).

В городах и сельских местностях РСФСР такая тенденция была характерна и для национальностей. В 1959 г. в *городах* автономных республиках РСФСР наиболее высокий уровень высшего и среднего образования в подростковых, молодых и средних возрастных группах было у чувашей, осетин, бурят (на 1000 человек населения с высшим и средним образованием, включая неполное среднее, было чувашей в возрастных (лет): 16-19 – 872, 20-24 – 805, 25-29 – 567, 30-34 – 612, 35-39 – 610), осетин (соответственно – 771, 801, 709, 750, 747), бурят (835, 844, 622, 670, 627). Однако с возрастов 40-44 года и старше уровень образования среди национальностей понижался. Самые низкие показатели высшего и среднего образования фиксировались в пожилых возрастах. В возрасте 60 лет и старше с высшим и средним образованием, включая неполное среднее, было чувашей – 98, осетин – 101, бурят – 31.

В конце 1950-х гг. в *сельских местностях* отмечалась аналогичная возрастная ситуация с образованием национальностей. Однако показатели образования национальностей в сельских местностях были ниже, чем в городах. Это явление проявлялось практически во всех возрастах. На 1000 человек населения с высшим и средним образованием, включая неполное среднее, было чувашей в возрастных (лет): 16-19 – 785, 20-24 – 630, 25-29 – 413, 30-34 – 504, 35-39 – 427), осетин (соответственно – 597, 623, 580, 625, 620), бурят (607, 567, 361, 417, 379). С дальнейшим увеличением возраста, прежде всего, в возрастной группе 60 лет и старше уровень образования у национальностей был наиболее низким: у чувашей – 12, осетин – 25, бурят – 5 [2, с. 424-425]. Такое возрастное понижение образования у национальностей в сельских местностях было выражено сильнее по сравнению с городом.

Таким образом, данные, проведенной в 1959 г. Всесоюзной переписи населения, показали масштабы распространения высшего и среднего образования в городах и сельских местностях РСФСР, зафиксировали численность, возрастнополовой, национальный состав населения, особенно мужского с таким уровнем образования. В конце 1950-х гг. в ходе проведения образовательной политики в городах РСФСР у мужчин заметно повысился уровень высшего и среднего образования. Это повышение фиксировалось и у многочисленных национальностей РСФСР, прежде всего, в городах. Однако в российских городах показатели высшего и среднего образования у мужчин по сравнению с женщинами был ниже. Такое соотношение

отмечалось и у отдельных национальностей. В городах уровень высшего и среднего образования у мужчин был выше, чем в сельских местностях. В РСФСР данное явление было зафиксировано у многочисленных национальностей. Наиболее высокий уровень высшего и среднего образования у национальностей отмечался в подростковых и молодых возрастах, с повышением возраста видно его значительное снижение. Полученные данные в ходе проведения переписи населения об уровне высшего и среднего образования в РСФСР, в т.ч. у наиболее многочисленных национальностей и основных национальностей автономных республик были важны для понимания путей и методов дальнейшего развития образовательного процесса в стране. Все это открывало возможности решения важнейших индустриальных и технических задач, стоявших перед страной.

Библиографический список

1. Вдовин А.И. СССР: история великой державы (1922–1991 гг.). М.: ООО «Проспект», 2018. 767 с.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 1959 года: РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
3. Мирошник В.В. Основные этапы развития национального образования в советский период // Актуальные задачи педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). Чита: Молодой ученый, 2013. С. 10-12.
4. Население России в XX веке: ист. очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.
5. Репинецкий А.И. Работники промышленности Поволжья: демографический состав, образовательный и профессиональный уровень, 1946-1965 гг. Самара: Науч.-техн. центр, 1999. 402 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

DEMOGRAPHIC AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE FACE OF GEOPOLITICAL CHALLENGES

А.Э. Крупко

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

A.E. Krupko

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Аннотация. в статье рассматриваются проблемы демографического и социально-экономического развития России в условиях геополитических вызовов. Были раскрыты особенности демографических процессов в стране именно в эпохи глобальных вызовов. Наблюдается большая взаимосвязь между демографическими процессами и социально-экономическими факторами, что

обуславливает необходимость изменения социально-экономической и демографической политик. Россия находится на точке бифуркации, необходима полная трансформация социально-экономической системы, формирование нравственного и справедливого государства. Без модернизации социально-экономической, особенно финансовой и управленческой систем демографические проблемы не решить.

Ключевые слова. Россия, геополитические вызовы естественное воспроизводство, рождаемость, демографическая политика, социально-экономические факторы.

Abstract: This article examines the demographic and socioeconomic development of Russia in the face of geopolitical challenges. The article explores the specific features of demographic processes in the country, particularly during times of global challenges. A strong correlation is observed between demographic processes and socioeconomic factors, necessitating changes in socioeconomic and demographic policies. Russia is at a bifurcation point, requiring a complete transformation of the socioeconomic system and the formation of a moral and just state. Without modernizing the socioeconomic, particularly financial and administrative, systems, demographic problems cannot be resolved.

Keywords: Russia, geopolitical challenges, natural reproduction, birth rate, demographic policy, socio-economic factors.

Россия сейчас характеризуется не просто острыми демографическими проблемами, а переходом к демографической катастрофе. В 2025 г. по суммарному коэффициенту рождаемости (СКР) страна занимала только 179 место в мире. Показатель смертности в РФ еще хуже - 9 месте в мире [1, с. 154]. В ближайшие годы за счет собственного воспроизводственного потенциала населения сложно будет сохранять численность населения и трудовых ресурсов, но пока еще численность женщин фертильного возраста позволяет обеспечивать необходимый уровень рождаемости до уровня простого воспроизводства как минимум. Рождает в стране одна женщина из 30 лиц фертильного возраста. Проблема изменения образа жизни, социально-экономической трансформации страны.

Геополитические вызовы весь XX в. определяли демографическое и социально-экономическое развитие России. При правильной политике эти вызовы и проблемы могут решаться гораздо эффективнее. Сейчас особенно необходимо улучшить не только демографическое развитие, но и социально-экономическую среду в стране. Дело даже не в том, что сейчас страна опускается на демографическое дно, с которого можно и подняться, как это уже было в 1999 г. (8,3%), а позже пошел ее рост. При современных процессах подъема может уже и не быть, см. рис.1.

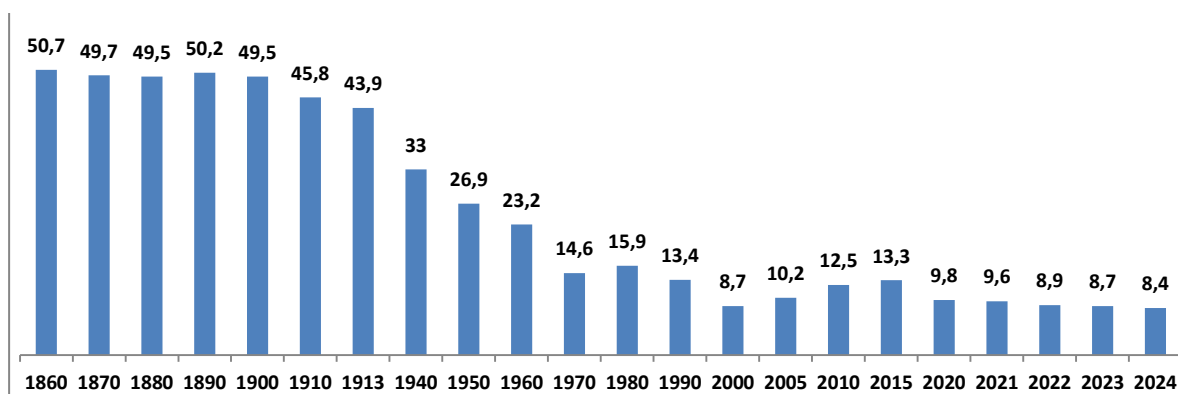

Рисунок 1 – Общие коэффициенты рождаемости населения России, ‰

Особенно большая связь наблюдается между социально-экономической обстановкой в стране и ее демографическим развитием в годы первых глобальных геополитических вызовов. Например, в год Первой мировой войны рождаемость упала с 43,7‰ 1914 г. до 27,1‰ 1917 г., но при этом сохранялся естественный прирост: в 1914 г. 16,5‰, в 1915 г. - 7,1‰, в 1916 г. - 1,7‰ [2, с. 225]. Смертность в годы войны даже уменьшилась по сравнению с 1913 г. Это вполне объяснимо, учитывая сокращение рождаемости и, соответственно, огромной младенческой смертности. В последующие годы (1917-1920-е) наблюдалась естественная убыль населения. Максимальный ее уровень был в 1919 г. (-15‰), несмотря на рост рождаемости (31,7‰), так как смертность достигала в этот год 46,7‰ [2, с. 225]. Падение рождаемости было обусловлено (при очень молодом населении) социально-экономической политикой «военного коммунизма», низким уровнем жизни людей и сокращением брачности на фоне негативной половой структуры населения. Суммарные потери от низкой рождаемости и повышенной смертности за 1915-1922 гг. составили только по Европейской части России 9964 тыс. чел. [3, с.14].

Напротив, за счет новой экономической политики (НЭП) с 1921 года все демографические процессы в стране резко улучшились, несмотря на не оптимальную структуру населения (потери мужчин за годы войн). Рождаемость в 1923 г. вышла на уровень 1913 г. - 45,5‰. При НЭП значительно улучшилась жизнь населения. Все годы действия НЭП в стране сохранялась высокая рождаемость и падала смертность. В эти годы вырос (на 10-20% выше дореволюционного уровня) естественный прирост населения (24,9‰ в 1928 г.). Это был самый высокий показатель естественного прироста за все годы существования нашего государства.

Запрет НЭП, коллективизация, репрессии в конце 1920-х и в начале 1930-х гг. ухудшили все демографические показатели. Рождаемость постепенно падала с 43,6‰ в 1928 г. до 23,8‰ в 1934 г. Голод 1933 г. поднял смертность почти в 2 раза (с 20,2 до 40,2‰, то за 1932-34 гг. численность населения России сократилась почти на 2 млн. чел) [4, с. 13]. Только в 1936 г. она вышла на уровне 1932 г. Влияние социально-экономических факторов было в эти годы огромно. Именно в 1933 г. пошел значительный рост аборт: 26 аборт в России на 100 родов в 1933 г. В городах этот показатель был на порядок больше сельской местности, соответственно рождаемость там была намного выше. Запрет аборт, ужесточение разводов, поддержка материнства вернула высокий уровень рождаемости в стране. В 1936 г. рождаемость составила 31,7‰, в 1937 г. - 37,7‰, в 1938 г. - 38,3‰. Некоторое снижение рождаемости в 1940 г. и рост смертности объясняется финской войной (мобилизацией и ожиданием мобилизации). Демографическое развитие страны во время Великой Отечественной войны было деформировано, см. рис. 2.

Россия выдержала геополитические вызовы середины 20 века. При этом се демографические процессы были деформированы. Численность жителей РСФСР начала 1941 г. (111359 тыс. чел.) восстанавливаться только к 1956 г. (112266 тыс. чел.). [5, с.32].

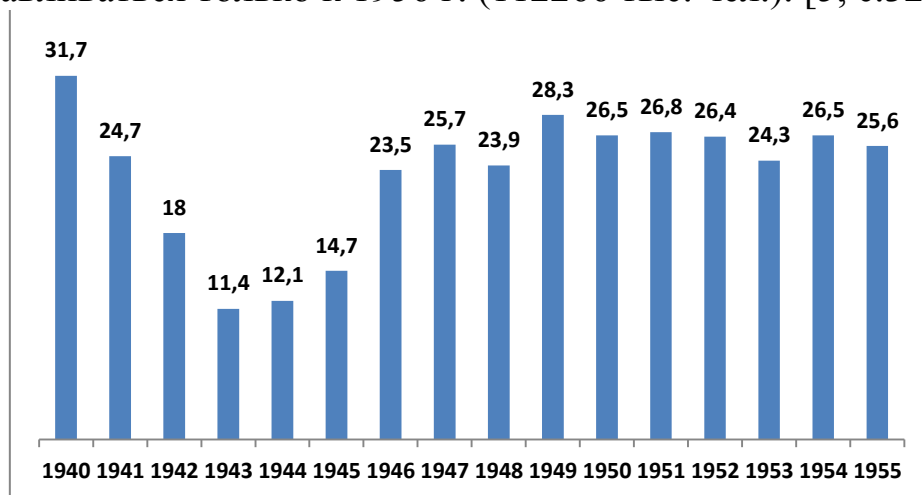

Рисунок 2 – Коэффициент рождаемости в РСФСР, ‰.

Надо отметить, что для нашей страны во все времена была характерна высокая смертность. В Российской Империи наблюдалась высокая смертность за счет очень высокой детской смертности до 1 года (200-330‰ в год) и почти такой же смертности от 1 года до 10 лет, см. рис. 3 и 4.

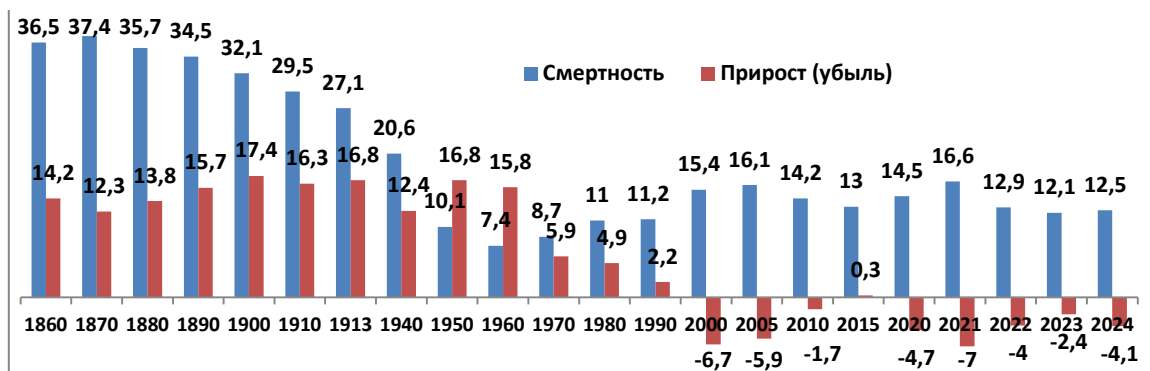

Рисунок 3 – Общие коэффициенты смертности и естественного прироста (убыли), ‰

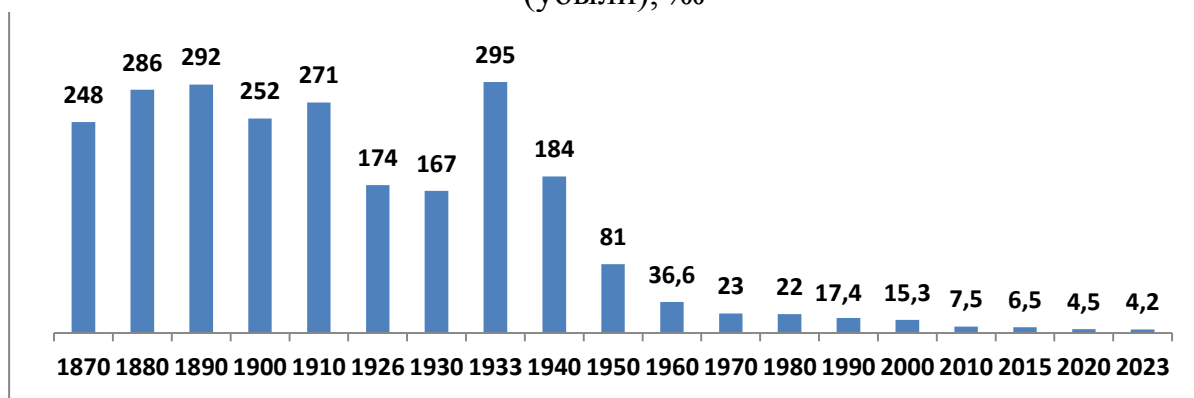

Рисунок 4 – Детская смертность (до 1 года) на 1000 родившихся живыми, ‰

В 1950-е гг. ситуация заметно улучшилась: естественный прирост составлял 15-16‰ в год [6, с. 14].

В 1960-е гг. почти мгновенно (как и в Японии в 40-е гг.) произошел демографический переход от традиционного к современному типу воспроизводства. Это выразилось в резком падении рождаемости, преобладании двухдетных семей, постепенное повышение смертности (постарение населения), уменьшении естественного прироста жителей. Во многом падение рождаемости обусловлено абортами. Других причин такой резкой ломки рождаемости не найти. Образованность, урбанизация росли постепенно. Отказ от преследований за аборт в СССР был одним из условий нормализации отношений между Западом и нашей страной в 50-е годы (оттепель). Аборты были выгодны государству, они позволяли сохранять женские трудовые ресурсы, уменьшалась нагрузка на одно трудоспособное лицо, снижались инвестиции в образование.

В современном цикле рождаемости основным трендом является ее падение, что неизбежно приведет к демографической катастрофе. Главной угрозой демографической безопасности страны является репродуктивное поведение российской молодежи в возрасте 20-29

лет. Наибольшая абсолютная рождаемость наблюдается в фертильном возрасте 30-34 года. В 2022 г. в РФ на население до 25 лет по возрасту жениха приходилось лишь 17,8% браков, в 1990 г. соответственно - 53.5% браков.

В настоящее время наблюдается большая дифференциация демографического развития в стране. Уровень рождаемости в 2024 г. в Чеченской республике (20‰- максимум стране) почти в 4 раза выше, чем в Мордовии (5,5‰- минимум). Особенно низкой рождаемостью характеризуются регионы Центра и Запада страны. Если ее сравнивать с другими странами в 2024 г., она является одной из самых низких в мире. Только 32 региона имеют показатель рождаемости выше, чем РФ в среднем. Для первой десятки по уровню рождаемости в РФ в 2024 г. (Чечня, Тыва, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО) характерна более низкая смертность и наблюдается естественный прирост населения, кроме Республики Алтай, где при рождаемости в 11,5‰, наблюдается естественная убыль (-0,8‰). Среди регионов страны с относительно высокой рождаемостью есть регионы с высоким уровнем развития и с низким уровнем. Поэтому связь между экономическим развитием и рождаемостью не абсолютная. Коэффициент парной корреляции между уровнем рождаемости и ВРП на 1 чел. между всеми регионами РФ за разные годы не превышает 0,4 ед. В 2024 г. коэффициент парной корреляции составил 0,17 ед., но если убрать кавказские республики, Тыву и Алтай коэффициент равен 0,55 ед. Почти все кавказские республики характеризуются высокой рождаемостью и очень низким уровнем экономического развития. В первой десятке по уровню экономического развития (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский АО, Тюменская, Сахалинская и Магаданская области, города Москва и Санкт-Петербург, Республика Саха (Якутия)) только в Магаданской области наблюдается низкий уровень (7,6‰) и средний в Санкт-Петербурге (8,4‰).

Для РФ характерна исключительно высокая диспропорция по уровню экономического развития. Регион с наиболее высоким показателем ВРП на 1 чел. (Ненецкий АО - 11786 тыс. руб.) превосходит регион с самым низким показателем ВРП на 1 чел (Республика Ингушетия -159,6 тыс. руб.) в 73,8 раза. С другой стороны почти все регионы с уровнем ВРП ниже медианного (Челябинская область – 673,5 тыс. руб. и 8,5‰) имеют низкую рождаемость, высокую смертность и большую естественную убыль населения. Только Республика Хакасия (656,8 тыс. руб. и 8,6‰),

Забайкальский край - 549,2 тыс. руб. и 10,2‰), Республика Бурятия – 457,9 тыс. руб. и 9,8‰) и Республика Алтай (434,6 тыс. руб. и 11,5‰) имеют относительно высокую рождаемость. Среди второй половины регионов с более высоким уровнем экономического развития лишь 13 регионов характеризуются относительно низкой рождаемостью.

Прогнозы показывают будущее падение трудового и фертильного потенциалов. Мигранты за постсоветское время на 65,46% компенсировали естественную убыль населения. Но здесь есть свои подводные камни. Сейчас в регионах РФ там, где больше всего находится мигрантов, наблюдается и более высокая рождаемость (исключая некоторые Республики с особым переходным типом воспроизводства населения): аналогично быстро растут в РФ многодетные семьи (во многом тоже из мигрантов). Нам в стране важно стимулировать рождаемость именно коренных жителей страны (русских, татар, башкир и т.д.), что требует переосмысления экономических аспектов демографической и миграционной политики.

Учитывая реалии демографического развития (перехода), когда большинство молодых людей ориентируются на поздние браки и однодетные и бездетные семьи, необходимо поддерживать многодетные семьи коренных жителей страны. В СССР еще во время войны (8 июля 1944 г.) были приняты ряд законов о поддержке рождаемости, но основная поддержка семьям шла с пятого ребенка. При его рождении выплачивалось 1700 руб. единовременно и 120 руб. ежемесячно, при рождении первых двух детей помощь не оказывалась, при рождении 3 и 4 ребенка получали единовременно 400 руб. В это время думали о будущем страны. Надо понимать, что с каждым новым ребенком уровень жизни в семье падает. Особенно это характерно для нормальных семей, где дети занимаются спортом, музыкой, танцами и т. д. Затраты на рождения детей это инвестиции в будущее. Те, кто выступают против налога на бездетность, не планируют детей до 30-35 лет или вообще против детей. Но кто будет в будущем работать и их обеспечивать? Неслучайно идет повышение пенсионного возраста. При такой рождаемости в перспективе пенсий вообще может не быть.

Надо также понимать, что необходимо именно на ближайшие пять-восемь лет повысить уровень инвестиций в рождаемость. Позже уже может быть бесполезно. Возможности для этого есть. Хорошо в России живут чиновники и предприниматели с их услугой в виде спортсменов и артистов с огромными доходами. Дисбаланс доходов в стране огромный. По оценке ученых из ВШЭ в 2021 году менее

0,0001% взрослого населения в РФ (около 500 олигархов) владеют 40% от всех финансовых активов нашей страны.

Между продолжительностью жизни и доходами существует большая связь. Необходимо ликвидировать за счет пересмотра налоговой системы нашей страны огромное расслоение населения по доходам для многодетных семей.

Необходим непопулярный налог на бездетность: с 20 лет до 45 лет у женщин (5-10% от уровня доходов) и с 25 до 50 лет у мужчин. Он был принят еще в 1941 году. В 1992 г. этот налог был отменен, что сразу же сказалось на рождаемости. Также нужны изменения в НДФЛ. Ставки по НДФЛ с 2025 г. равны 13%, 15%, 18%, 20%, 22% от уровня доходов пока мало пригодны, так как выше 200 тыс. руб. в месяц доходы характерны в 2023 г. (по нашим расчетам) для 0,8% населения. В стране преобладает бедное население. Конечно, это уже хорошо, что начался процесс дифференциации ставок НДФЛ, но это только первые шаги в нужном направлении. Необходимо кардинальное изменение налоговой политики. Мы предлагаем десяти ступенчатую шкалу НДФЛ от 13 до 40%. После завершения СВО нужно ввести необлагаемый минимум в 30 тыс. руб. В годы 2 мировой войны в США ставка НДФЛ на самых богатых доходила до 97%. Еще одним фактором может стать изменение страховой системы. Страховые взносы составляют 30% от фонда оплаты труда, предельная база с 2025 г. 2759 тыс. руб. Необходимо резкое увеличение порога на социальные сборы до 5-10 млн. руб. в год или его полная отмена. Дело в том, что все основные налоги в стране, в том числе страховые взносы, выплачиваются за счет абсолютного большинства наиболее бедных работников. За пределами социальных выплат находятся зарплаты именно у руководителей компаний и их верхушки. Надо ввести особый налог на сдачу жилья (есть люди, у которых десятки квартир), который должен включать в себя НДС, налог на прибыль и НДФЛ, что будет справедливо. В годы военных действий (СВО) налоги для богатых надо увеличивать. При этом главным фактором оптимизации оптимальная и честная система расходов. Расходы во многом уходят не туда, куда их направляли, что в военное время является особенно безнравственным. Без изменения всей финансовой и управленческой систем стимулирование многодетности не реализуется. Россия находится на точке бифуркации, необходима полная трансформация социально-экономической системы. Необходимо сформировать справедливое государство. Без этого демографическая политика мало поможет. Выплаты нужны, но важнее справедливое отношение к многодетным

семьям: преимущество на работе, бесплатные кружки, секции и бассейны, дешевые обувь и одежда. Этому препятствует стремление к неумеренному (патологическому) обогащению предпринимателей, что создает угрозы продовольственной, экономической и социальной безопасности в стране. Поэтому в нашей стране необходимо государственное регулирование экономики и социальной сферы. Государство должно четко контролировать процесс роста цен в сфере торговли и недвижимости. Иначе все выплаты и ссуды перейдут в руки владельцев капитала за счет роста цен.

Нужна полная трансформация системы образования и занятости. Наблюдается явная избыточность высшей школы и нехватка простых рабочих кадров. Отсюда мигранты в простой трудовой сфере. Низкий уровень трудового воспитания молодежи (лень), которые не желают работать в сфере простого труда (их среди молодых токарей, слесарей, сантехников почти нет). При этом надо понимать, что даже значительное улучшение материального положения семей с детьми, в том числе и многодетных семей, кардинально демографическую ситуацию не изменят, но на ней позитивно скажутся. В целом экономические аспекты демографической политики должны быть тщательно продуманы. С 2020 г. она не позволяет эффективно поддерживать развитие многодетности. В том виде, когда она относительно успешно действовала в последние годы, сейчас она не будет эффективной.

В воспроизводстве населения в стране наблюдаются значительные территориальные различия. Есть регионы и с относительно высокой рождаемостью, что обуславливает необходимость учета пространственно-экономических аспектов в демографической политике.

Для решения проблемы с трудовыми ресурсами необходимо трансформировать экономику. Для достижения устойчивости отрасли и сектора экономики страны должны находиться в сбалансированном состоянии. В нашей стране четко виден дисбаланс в развитии третичной сферы, которая в свою очередь недостаточно сбалансирована, и реального сектора экономики. Явно наблюдается избыточность торговой сферы и системы развлечений при слабом развитии многих других третичных отраслей. Так, сеть аптек и продуктовых магазинов в городах и крупных селах минимум на порядок превосходит их число в советское время. Предприятия торговли и учреждения услуг получают прибыль не с оборота, а с большой разницы цен, что прямо сказывается на уровне жизни людей. Поэтому ряд видов обслуживания в третичной сфере развит слабо. В

малых селах у нас вообще ничего нет. Нет разумной территориальной организации учреждений и предприятий социального обслуживания.

По нашему мнению, в настоящее время численность трудовых ресурсов пока еще вполне достаточна для обеспечения потребностей страны, но не хватает рабочих. Необходимо вернуться к нормальной структуре образования, расширенной подготовке квалифицированных рабочих, тогда необходимость в мигрантах резко упадет.

Уровень занятости в промышленности слишком низкий, что уменьшает эффективность экономики. Отсюда вытекает необходимость одновременно и интенсивного, и экстенсивного промышленного развития. В условиях слишком высокой учетной ставки предприятия страны развиваются за счет роста использования старых мощностей. Понятно, что высокие ставки выгодны банкам, которые постепенно захватывают и другие сектора экономики. Еще одной проблемой является то, что мы живем во время смены мирового порядка. Отсюда нужно повышать уровень устойчивости жизни населения страны. Нужен постепенный вывод людей из городов, широкое развитие технологического современного личного и фермерского хозяйства. Крупные комплексы холдингов в будущем обречены, достаточно на несколько дней отключить электричество. В настоящее время уровень и доля производства хозяйств населения уступает даже советскому времени. Мировые тенденции направлены на уничтожение сельского хозяйства населения в угоду ТНК и абсолютного контроля над распределением продовольствия. Крупные холдинги уничтожают животноводство и все сельское хозяйство в хозяйствах населения, потому что оно при широком распространении и правильной организации и поддержки было бы вне конкуренции, см. рис.5.

В РФ в хозяйствах населения на 2292 тыс. га относительно неплодородных земель производится 2063,7 млрд. руб. продукции. Для сравнения: в Воронежской области на площади 2636,5 тыс. га черноземных земель (больше на 27,8%) производится продукции во всех категориях хозяйств в 5,8 раза меньше (356,5 млрд. руб). При оптимальном развитии (финансовой, организационной, технологической и других видах поддержки) в хозяйствах населения можно получать на 1 га пашни намного больше продукции. В целом необходимо менять образ жизни людей. От огромных 30-40-этажных домов, где нельзя нормально жить в условиях любых обострений, необходимо иметь безопасное жилье в сельской местности хотя бы с небольшим хозяйством. В годы глобальных мировых вызовов Россия

выжила за счет сельской местности, которая местами сейчас просто исчезает.

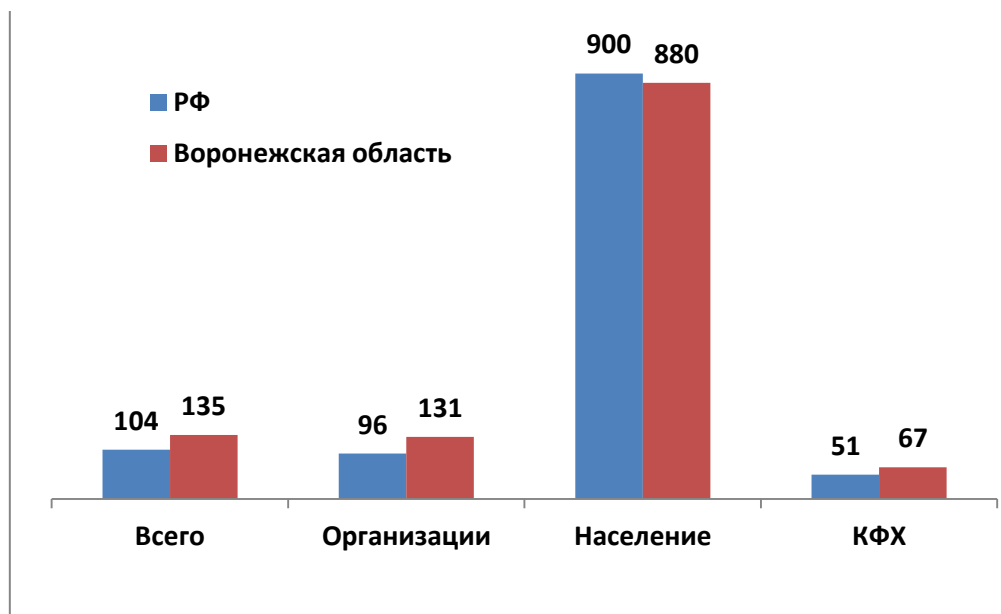

Рисунок 5 – Структура объема сельскохозяйственной продукции на 1 га посевов в 2023 г. по категориям хозяйств, тыс. руб.

В целом в нашей стране очень много проблем, которые обязательно нужно решить. По нашему мнению не нужно очень сильно вкладываться в развитие Арктики: большей потребности в нашей нефти и газе уже не будет. Основной вектор развития должен быть направлен на развитие сельской местности. Вместо ипотеки нужны ссуды на строительство жилых отдельных домов, кредиты на развитие сельскохозяйственного и промышленного производства, создание кооперации между небольшими производителями, совместное улучшение жилой среды. На примере областей, районов, муниципальных поселений, которыми руководили порядочные люди с совестью видно, что в нашей стране можно многого достигнуть. В ином случае демографические потери в случае дальнейшего обострения внешнеполитической обстановки могут стать огромными.

Библиографический список

1. Крупко А.Э. Демографические факторы устойчивости экономики Воронежской области: монография. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. – 168 с.
2. Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915-1923 гг. : Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М.: Статистика, 1975. с. 225-238.
3. Кувшинников П. Естественное движение населения РСФСР в 1920-1922 гг. //Вестник статистики. Книга XXI. Апрель-Июнь. 1925. № 4-6. С. 99-136.

4. Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. – 199 с. DOI: 10.23681/561271.

5. Население России за 100 лет (1897-1997): Стат.сб. / Госкомстат России. М., 1998. - 222 с.

6. Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР. Сб. статей. Под редакцией А.Г. Вишневого, М., Статистика, 1977 г. - 247 с.

ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В ОБНОВЛЕННЫХ РЕАЛИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ¹

LABOR IMMIGRATION IN THE UPDATED REALITIES OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

Е.С. Красинец

Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФГБУ науки Федерального научно-
исследовательского социологического центра Российской академии наук,
г. Москва, Россия

E.S. Krasinets

Institute of Socio-Economic Studies of Population named after N.M.
Rimashevskaya - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи между внешней трудовой миграцией и рынком труда в контексте новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются современные характеристики функционирования рынка труда в аспекте сбалансированности между спросом на рабочую силу и её предложением. Выявляются и раскрываются экономические, социальные и этнополитические последствия привлечения и использования трудовых мигрантов из-за рубежа в российской экономике. Обсуждаются направления совершенствования государственной политики в области регулирования рынка иностранного труда.

Abstract. The article examines the relationship between external labor migration and the labor market in the context of new challenges and threats to the national security of the Russian Federation. It analyzes current labor market performance in terms of the balance between labor supply and demand. The economic, social and ethno-political consequences of attracting and using labor migrants from abroad in the Russian economy are identified and disclosed. Directions for improving state policy in regulating the foreign labor market are discussed.

Ключевые слова: трудовая иммиграция, рынок труда, иностранная рабочая сила, миграционная политика, национальная политика.

Keywords: labor immigration, labor market, foreign labor force, migration policy, national policy.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25–28–00302.- URL: <https://rscf.ru/project/25–28–00302/>.

Международная миграция – яркое проявление в развитии российского общества, имеющее важное социально-политическое значение в решении задач национальной и миграционной политики Российской Федерации. В условиях демографического спада, старения населения и развития неблагоприятных явлений в воспроизводстве трудового потенциала иностранные трудовые мигранты представляет собой существенный ресурс восполнения потерь трудовых ресурсов страны и улучшения сбалансированности рынка труда. В контексте нарастания убыли трудового потенциала и диспропорций в сфере занятости населения динамика, структура, экономические и социально-политические последствия трудовой иммиграции являются вопросами стратегического развития человеческого капитала России и национального рынка труда.

В мировом миграционном пространстве Российская Федерация является одним из главных мировых центров притяжения трудовых мигрантов. В условиях экономических преимуществ и возможностей на рынке труда экономика страны является привлекательной для иностранных работников. Ежегодно в поисках работы на рынок труда России вступают миллионы мигрантов из стран СНГ и некоторых государств дальнего зарубежья. Согласно данным официальной статистики, в последнее время в РФ среднегодовая численность трудящихся-мигрантов составляла 3,5 млн человек (3,8% в структуре трудовых ресурсов). С учетом незаконной составляющей доля иностранных работников в общей численности занятых находилась на уровне 10-12% [1, с. 511].

В последние годы тенденции внешней трудовой миграции и её последствия, вопросы вхождения иностранных граждан на российский рынок труда, проблемы сохранения и защиты сложившегося этнокультурного баланса в результате миграционных процессов приобрели особую остроту. В условиях глобальных общественно-политических изменений произошли существенные трансформации в государственной национальной и миграционной политике. Эффективное государственное управление трудовой иммиграцией в России оказалось одной из наиболее важных задач, сформулированных руководством РФ и имплементированных в Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы и различные документы стратегического планирования.

Какова на сегодняшний день ситуация с иностранной рабочей силой? Становится ли мигрантов из-за рубежа все больше и больше? Каковы изменения в трудовой миграции в современных

трансформациях экономики? Какими являются экономические, социальные и этнополитические последствия трудовой миграции в развитии российского общества? Как могут и должны меняться механизмы привлечения и использования трудящихся-мигрантов на рынке труда? В данной работе сделана попытка ответить на эти вопросы.

Важнейшим аспектом в анализе трудовой иммиграции и её последствий является тезис о том, что ключевую роль в динамике привлечения и использования иностранной рабочей силы играют рынок труда и иммиграционная политика.

В экономическом развитии современной России прослеживаются два важных тренда – количественное снижение людских ресурсов и рост спроса на труд. В последние годы объёмы предложения рабочей силы на рынке труда существенно сократились. Заметно уменьшились ресурсы труда в молодых возрастах. По прогнозным оценкам Росстата, в перспективном периоде до 2045 года численность населения в трудоспособном возрасте снизится в стране на 4,6 млн человек.

Одновременно с количественным сокращением предложения ресурсов труда набирает силу тенденция роста спроса на рабочую силу. Под воздействием оживления экономической активности рынок вакансий перешел в фазу повышения. Спрос на труд заметно вырос во многих секторах экономики, прежде всего в строительстве, промышленности, ВПК и сельском хозяйстве. По данным Росстата, потребность в кадрах, только заявленная в органах государственной службы занятости, увеличилась в период 2021-2023 гг. в сравнении с допандемийным периодом (2017-2019) на 17%.

Увеличение разрыва между спросом и предложением на рынке труда ведёт к росту недостатка рабочей силы. Приведенные специалистами Института экономики РАН расчеты показывают, что в 2023 году на российском рынке труда не хватало порядка 4,8 млн работников [2, с. 22].

Превышение спроса на рабочую силу над её предложением во многом формирует рост объёмов использования иностранной рабочей миграции в экономике. В начале 1990-х гг. в России было занято немногим более 100 тыс. трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. К середине 2000-х гг. их численность превышала 1,0 млн человек. В 2010-х гг. на отечественный рынок труда стали входить уже миллионы гастарбайтеров. В последние три года допандемийного периода (2017-2019) численность иностранных граждан, прибывающих на работу в Россию, составляла уже свыше 5 млн чел. в год.

С началом эпидемия COVID-19 ситуации в области трудовой иммиграции изменилась. Сократились рабочие места в секторах экономики, где были заняты трудовые мигранты. Пандемия коронавируса «переломила действовавшие тенденции в сфере трансграничных передвижений. В результате снижения спроса на труд внешняя трудовая миграция вступила в полосу торможения. Резко уменьшилось количество иностранных граждан, прибывающих в Россию с целью «работа». В 2020 г. приток иностранных работников на отечественный рынок труда оказался в два с лишним раза меньше в сравнении с годом ранее. Снизился прием из-за рубежа контингентов квалифицированных специалистов, уменьшился приток новых иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных. Активизировались процессы включения мигрантов в теневые схемы найма рабочей силы, расширились масштабы их незаконной занятости. На рынке труда сформировалась избыточная численность сотен тысяч трудовых мигрантов.

В постпандемийный период под воздействием роста экономики спрос на привлечение и использование иностранной рабочей силы стал восстанавливаться. Увеличение спроса на трудовых мигрантов вызвал новую волну притока рабочих рук на рынок труда. С начала 2021 г. в динамике развития потребности в иностранной рабочей силе наметилась повышательная тенденция. По данным официальной статистики, в 2022 г. численность зарегистрированных иностранных трудовых мигрантов вдвое превысила уровень допандемийного 2019 года. В 2023 г. в сравнении с годом ранее количество выданных иностранным гражданам разрешений на работу выросло ещё почти на четверть, патентов – на 3,6%. За последние два года (2023–2024) изменения в миграционной политике, связанные с ужесточением государственного контроля за внешней миграцией, затормозили рост безвизовых рабочих мигрантов, но при этом резко увеличили приток трудовых мигрантов по визам – примерно в 1,4 раза.

Последствия привлечения иностранной рабочей силы для развития российской экономики неоднозначны. Очевидно, что приток мигрантов решает ряд важных экономических задач: улучшается баланс на рынке труда, восполняется дефицит кадров. Приток зарубежных работников повышает ресурсный потенциал экономического роста и содействует реализации множества значимых инвестиционных проектов. Иностранные работники активно задействованы в реализации крупных инвестиционных проектов. Они работают в строительстве, заняты в сельском хозяйстве, торговле, общественном питании, на транспорте, в жилищно-коммунальном

хозяйстве и гостиничном секторе, занимаются уборкой улиц и предоставлением различных бытовых услуг, ухаживают за детьми, больными и престарелыми на дому. Мигранты позволяют многим российским компаниям и малым и средним предприятиям сохранять конкурентоспособность за счет более низких затрат на рабочую силу.

Признавая положительное влияние трудовой иммиграции на экономическое развитие, нельзя упускать из виду сопутствующие ей проблемы. В условиях безвизового въезда основной части иностранных граждан происходит масштабное наполнение российского рынка труда неквалифицированной рабочей силой, что существенно снижает качество используемого в экономике человеческого капитала и снижает вклад в технологическое развитие страны. Использование работодателями дешевой рабочей силы из-за рубежа ставит преграды для роста производительности труда, повышения эффективности занятости и роста оплаты труда российских граждан. По мнению многих экономистов, масштабное привлечение и использование неквалифицированного труда мигрантов из стран СНГ является главным препятствием для инновационного развития экономики страны [3, с. 93].

Стихийное развитие процессов трудовой иммиграции в России значительно повышает риски в области национальной безопасности. Мигрантская занятость в сфере неквалифицированного труда встраивается в теневые сектора экономики и сопровождается большими масштабами нелегальной трудовой деятельности иностранных граждан.

Оказывая дестабилизирующее воздействие на межэтнические отношения, незаконная миграция является одной из главных причин усиления негативного отношения к мигрантам со стороны части российского населения. Неурегулированность правового статуса большого количества мигрантов и их нарастающая изоляция от принимающего социума ведет к усилению мигрантофобии среди местного населения и создает условия к росту социальной напряженности в российском обществе.

В значительной мере отрицательные последствия трудовой иммиграции связаны с ростом угроз этнокультурной безопасности. Как отмечает в своей работе известный специалист в области международной миграции Цапенко И.П., в социальной сфере особые риски и проблемы привлечения иностранных трудовых мигрантов возникают в связи с инокультурным характером современной иммиграции [4, с. 908].

Концентрация большого количества трудовых мигрантов на

отдельных территориях приводит к нарушению этнокультурного и этноконфессионального баланса, меняет этнический облик местного населения, в полиэтнических территориях и крупных городских агломерациях увеличивает конфликтный потенциал трудовой иммиграции. В точках миграционного притяжения растет этническая преступность, некоторые сферы рынка труда испытывают серьезное давление со стороны мигрантов. Масштабный приток иностранной рабочей силы показывает (и нередко политизирует) социальные и культурные различия между местными жителями и мигрантскими сообществами, способствует формированию закрытых этнических общин и анклавов.

Негативное влияние трудовой иммиграции на межнациональные (межэтнические) и межконфессиональные отношения в известной мере связано и с противоправной деятельностью мигрантов. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 (п. 26) акцентируется внимание на том, что «трудовые мигранты, прибывающие в Российскую Федерацию, вовлекаются в деятельность экстремистских и террористических организаций, сами активно распространяют радикальные идеи, участвуют в публичных мероприятиях, не согласованных с исполнительными органами субъектов Российской Федерации» [5].

В новой реальности России усиливается значение разработки и реализации мер в области государственного регулирования внешней трудовой миграции. В условиях старения населения и сокращения трудового потенциала трудовая иммиграция должна стать ресурсом, которым необходимо грамотно управлять. Необходимо практическое решения таких проблемных вопросов, как стабилизация рынка иностранного труда, оптимизация потоков трудовых мигрантов, организация их эффективной занятости, сокращение масштабов теневого использования иностранной рабочей силы. Для усиления положительного влияния внешней миграции на развитие человеческого капитала Российской Федерации и минимизации имеющихся миграционных рисков высокую важность должны занять мероприятия по упорядочению трудовой иммиграции и преодолению её стихийного развития.

С учетом имеющихся особенностей и специфики потоков трудовой иммиграции особого рассмотрения заслуживает проблема привлечения наиболее востребованных категорий иностранных работников, использование которых не будет превращаться, как отмечают исследователи, «в источник социально-политической

напряженности, диаспоральной разобщенности и открытой сегрегации со всеми ее прелестями» [6, с. 140].

В мероприятиях по реализации национальной и миграционной политики уже в ближайшие годы должно быть усилено внимание к мерам, направленным на разработку юридических норм, которые поощряют въезд в страну нужных трудовых мигрантов в контексте обеспечения экономической потребности рынка труда в рабочей силе, национальной безопасности и общественно-политической стабильности. Как считают многие специалисты, в области регулирования рынка иностранной рабочей силы необходимо выдвигать на первый план проведение селективной миграционной политики [7, с. 863]. В государственном управлении миграционными процессами политика по привлечению трудовых мигрантов должна быть направлена на создание преференций для одних категорий мигрантов и ограничений – для других.

Своего совершенствования требует российское миграционное законодательство в области привлечения и использования иностранных низкоквалифицированных работников, а также квалифицированных и высококвалифицированных специалистов. При принятии управленческих решений в сфере регулирования рынка иностранного труда с целью привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа целесообразно введение новых видов виз и балльной системы отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство (ВНЖ). Инструменты регулирования на рынке труда должны обеспечить, с одной стороны, отбор востребованных категорий иностранных граждан, а с другой – отсеив избыточных групп трудовых мигрантов.

В государственном управлении внешней миграцией в Российской Федерации важным является решение острых проблем, связанных с социально-культурной адаптацией и интеграцией трудовых мигрантов. Регулирующие воздействия в миграционной сфере должны быть более эффективно использованы для «ограничения рискоёмких контингентов иностранных граждан» [8, с. 10].

При формировании и реализации государственной миграционной политики Российской Федерации важен переход к модели государственного управления потоками международной трудовой миграции на основе широкого использования форм организованного и возвратного использования иностранной рабочей силы. Решение этих задач требует активизации усилий по расширению инфраструктуры найма трудовых мигрантов для работы

на российских предприятиях в странах происхождения миграции.

В практике управления внешней трудовой миграцией необходима разработка механизмов противодействия незаконным схемам занятости иностранных работников, включающих как меры по внедрению цифровых сервисов и механизмов миграционного контроля, учета и оказания услуг в сфере привлечения и использования иностранного труда, так и мероприятия по усилению экономической составляющей в борьбе с незаконной трудовой иммиграцией.

Вместе с тем, решение вопросов повышения эффективности государственного управления трудовой миграцией неразрывно связано с углублённым анализом и мониторингом развития ситуации в сфере привлечения и использования иностранной рабочей силы. Требуется повышение прозрачности и доступности информации о вхождении иностранных граждан на региональные рынки труда. В статистической практике необходимо перейти от данных административного учёта выданных иностранным гражданам патентов на работу к подробной социально-экономической статистике миграции и занятости самих трудовых мигрантов.

Библиографический список

1. Гребенюк А.А. Потребность российской экономики в иностранных трудовых ресурсах в условиях внедрения новых технологий // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 507-521.
2. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 7–25.
3. Седлов А.П. Реиммиграция как императив реформирования рынка труда иностранной рабочей силы // Сбережения населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни: материалы Международной научно-практической конференции V Римашевские чтения (Москва, 29 марта 2022 г.) / Отв. ред. В.В. Локосов, В.Г. Доброхлеб, М.В. Беликова; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 2022. С. 91–94.
4. Цапенко И.П. Социальные эффекты иммиграции // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 10. С. 906–915.
5. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. №1124 "Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации" // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/>.
6. Комаровский В.В. Концепция миграционной политики и трудовая миграция: что можно или нужно сделать? // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 132–141.
7. Топилин А.В. Демографическая ситуация и особенности формирования трудовых ресурсов в России / А.В. Топилин, О.Д. Воробьева // Вестник Российской академии наук. 2021. Том 91. № 9. С. 856–864.
8. Волох В.А. Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией / В.А. Волох, Т.Н. Дмитриева // Управление. 2024. Т. 12. № 1. С. 5-15.

**ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹
(В 2010-е – НАЧАЛЕ 2020-х гг.)**

**CHARACTERISTICS OF MIGRATION MOVEMENT IN THE
KRASNODAR KRAI (2010S – EARLY 2020S)**

T.T. Тарасова

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия

T.T. Tarasova

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции динамики миграционного движения Краснодарского края за 12-летний период. На базе материалов государственной статистики проводится сравнительный анализ показателей миграции в России, Южном федеральном округе и Краснодарском крае. Определены особенности миграционных процессов региона, роль положительной миграционной динамики в замещении естественных потерь и восполнении численности населения. Сделан вывод о том, что, несмотря на снижение и интенсивность миграционных перемещений, устойчивая долгосрочная тенденция миграционного прироста населения сохранилась, а край, как и ранее, остается одним из наиболее миграционно привлекательных регионов России.

Abstract. This article examines the main trends in migration dynamics in Krasnodar Krai over a 12-year period. Using state statistics, it provides a comparative analysis of migration indicators in Russia, the Southern Federal District, and Krasnodar Krai. The article identifies the characteristics of the region's migration processes and the role of positive migration dynamics in replacing natural losses and replenishing the population. It concludes that, despite the decline and intensity of migration movements, a stable long-term trend of migration growth has persisted, and the Krai remains one of the most migration-attractive regions in Russia.

Ключевые слова: миграционное движение, безвозвратная миграция, миграционный прирост, Южный федеральный округ, Краснодарский край.

Keywords: migration movement, permanent migration, migration growth, Southern Federal District, Krasnodar Krai.

Как сложное полифункциональное явление миграционное движение прямо или косвенно связано практически со всеми сторонами жизни социума, в частности, оказывает большое влияние на демографические процессы, изменяя численность и структуру

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Государственного задания ЮНЦ РАН «Южный макрорегион: современное международное и внутрироссийское позиционирование (социально-экономические и социодемографические векторы)» (№ государственной регистрации 125011300217-1).

населения (половозрастную, социальную, этническую), на размещение населения и трудовых ресурсов, заселенность и трансформацию территорий, перераспределение человеческого капитала. В современных условиях естественной убыли и прогрессирующего старения существенно повышается значение положительной миграционной динамики в замещении естественных потерь, восполнении численности населения и в выполнении целей национального развития России, что актуализирует научные исследования миграционных процессов.

Миграционные процессы и их последствия всегда были и остаются чрезвычайно важным индикатором для оценки состояния и перспектив развития той или иной страны или региона. На Юге России вряд ли найдется территория, в которой миграционное движение играло бы столь значимую роль, как в Краснодарском крае. Краснодарский край является объектом нашего исследования, а предметом – миграция населения в период с 2010 г. по начало 2020-х гг.

Цель данной работы – изучение основных тенденций динамики миграционных процессов и их современных особенностей.

Эмпирической базой послужили материалы Федеральной службы государственной статистики о численности и миграционном движении населения Южного федерального округа и входящих в него регионов [1] (<http://www.gks.ru>), а также статистические данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея [2] (<https://krsdstat.gks.ru/>).

Миграция населения, как многогранное социальное явление, исследуется представителями различных наук: демографами, социологами, экономистами, географами, историками и т.д. Развитие научных взглядов на проблемы миграционного движения происходило в рамках тех или иных научных подходов: социологического, географического, политического, экономического, статистического, демографического и других. В российской научной литературе наиболее полные классификации основных научных подходов в изучении миграции населения представлены в работах В.А. Ионцева, И.В. Ивахнюк и Т.Н. Юдиной [3, 39].

Выбор подхода, как известно, зависит от тех целей и задач, которые ставит перед собой исследователь. Большинство ученых считают, что изучение миграции наиболее плодотворно на базе междисциплинарного подхода. Этот подход принят в качестве методологической основы нашего исследования, при этом мы

опираемся, прежде всего, на методы, разработанные в рамках демографии, миграциологии и статистики, такие как демографический анализ абсолютных и относительных показателей миграции населения, приемы анализа рядов динамики, методы группировок статистических данных, статистические таблицы и графики.

Кроме того, необходимой методологической предпосылкой является определение основного понятия, используемого в данной работе, а именно понятия «миграция». Это понятие употребляется в узком и широком смысле. В узком значении миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, то есть переселение или безвозвратная миграция. Это зарегистрированный вид миграции, по которой есть данные официальной государственной статистики. Узкий подход к определению миграции наиболее распространен в науке и принят в данном исследовании.

В миграционном движении России и Южного федерального округа Краснодарскому краю принадлежит особое положение: по миграционной привлекательности он является традиционным лидером, занимая четвертое место среди всех российских регионов после Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей.

Решающий вклад край вносит в положительную миграционную динамику Южного федерального округа, являясь бессменным лидером по объемам валовой и чистой миграции. Так, до вхождения в состав Южного федерального округа в 2016 г. Республики Крым и города федерального значения Севастополя объем миграционного оборота и миграционного прироста Краснодарского края превосходил эти показатели в целом по ЮФО. Лишь в 2014 г. объем чистой миграции края был немного меньше окружного, главным образом в связи с притоком в Ростовскую область мигрантов с территории Украины. В 2021 г. в общем объеме миграционного прироста ЮФО доля Краснодарского края составляла почти половину - 40643 человека (45,4 %).

Сравнительный анализ материалов государственной статистики по чистой миграции показывает, что на протяжении всего исследуемого периода по интенсивности миграционного движения край превосходил как окружные, так и среднероссийские показатели (рисунок 1).

Лишь в 2020 г. общий коэффициент чистой миграции Краснодарского края был немного ниже, чем в целом по округу, что было вызвано, прежде всего, уменьшением объема международной

миграции в связи с карантинными мерами по борьбе с пандемией коронавирусной инфекции.

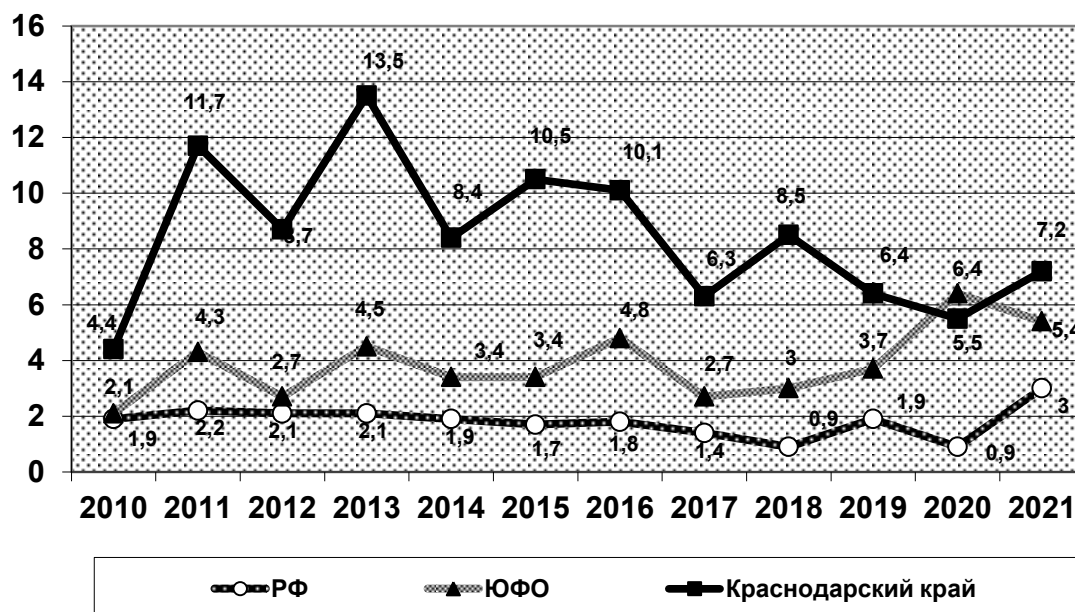

Рисунок 1. Сравнительные показатели чистой миграции (на 1000 человек), ‰

Как показывают приведенные выше данные, в исследуемом регионе наблюдается устойчивая долговременная тенденция миграционного прироста населения, сложившаяся еще с середины прошлого века. Динамика миграционного сальдо носит волнообразный характер, но после 2018 г. происходит снижение интенсивности чистой миграции особенно заметное в 2020 г., когда коэффициент миграционного прироста снизился до 5,5 промилле (рис.1). Несмотря на это, численность населения региона из года в год продолжала увеличиваться и в 2021 г. число жителей было почти на полмиллиона больше, чем в 2010 г. (рис. 2).

Население непрерывно изменяется под воздействием рождаемости, смертности и миграционного движения, а основными компонентами этого изменения являются общие коэффициенты естественного и миграционного прироста. Последний показатель приобретает особенно важное значение в тех случаях, когда происходит естественная убыль, действующая в сторону сокращения численности населения. При положительном значении коэффициента миграционного прироста, а, следовательно, при более существенном уровне прибытия мигрантов, чем уровне убытия, происходит прирост численности населения.

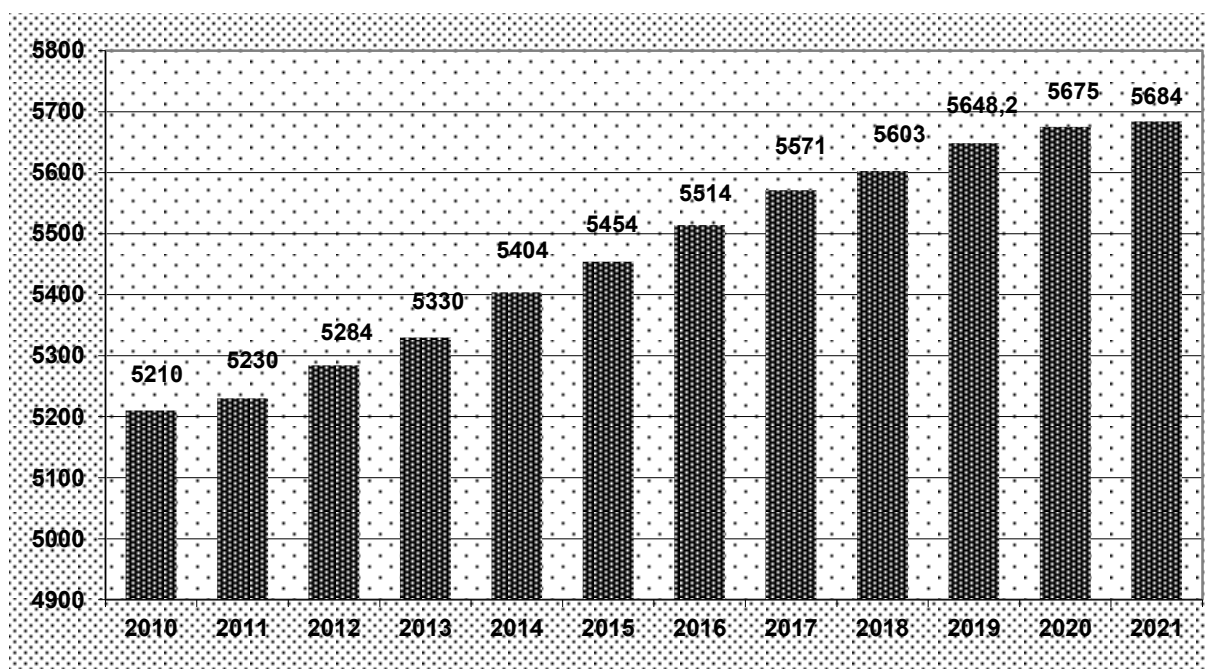

Рисунок 2. Динамика численности постоянного населения Краснодарского края (тысяч человек, на начало года)

К настоящему времени в Краснодарском крае, как и в целом по России, наблюдается естественная убыль вследствие превышения уровня смертности над уровнем рождаемости. За весь исследуемый период естественный прирост происходил лишь с 2013 г. по 2016 г., в определенной степени за счет мер демографической политики. С 2016 г. в России наступила вторая волна депопуляции. В Краснодарском крае этот процесс начался с 2017 г., интенсивность которого существенно стала нарастать с 2019 г., достигнув в 2021 г. самого высокого значения за весь рассматриваемый период (-6,5 промилле), что было вызвано, прежде всего, повышением уровня смертности от коронавирусной инфекции (таблица 1).

В этих условиях существенно возросла роль положительного миграционного сальдо как компонента восполнения численности населения. Как показывают материалы государственной статистики (табл. 1), несмотря на снижение интенсивности миграционного движения, миграционный прирост не только компенсировал естественные потери, но и обеспечил прирост численности населения Краснодарского края. Таким образом, миграционный прирост был и остается основным источником пополнения числа жителей исследуемого региона, благодаря которому сохраняется долговременная тенденция роста его численности в отличие от общероссийской тенденции сокращения численности населения.

Таблица 1. Динамика компонентов изменения численности населения Краснодарского края (на 1000 человек)

Годы	Общий прирост	Миграционный прирост (-убыль)	Естественный прирост (-убыль)
2010	3,1	4,4	-1,3
2011	10,4	11,7	-1,3
2012	8,5	8,7	-0,2
2013	13,8	13,5	0,3
2014	9,0	8,4	0,6
2015	11,0	10,5	0,5
2016	10,6	10,1	0,5
2017	5,8	6,3	-0,5
2018	8,0	8,5	-0,5
2019	4,85	6,35	-1,5
2020	1,7	5,5	-3,8
2021	0,6	7,2	-6,5

Проведенное исследование показало, что основной тенденцией миграционного движения Краснодарского края является устойчивая долговременная тенденция миграционного прироста населения. Несмотря на то, что в период пандемии коронавирусной инфекции произошло снижение и интенсивность миграционных перемещений, эта тенденция сохранилась и край остается одним из наиболее миграционно аттрактивных регионов России.

По сравнению с другими субъектами Южного федерального округа миграционные процессы края обладают такими особенностями, как самые высокие показатели миграционного оборота и чистой миграции. Кроме того, по интенсивности чистой миграции Кубань превосходит как общеокружные, так и среднероссийские показатели. На протяжении всего изучаемого периода миграционное движение Краснодарского края вносило решающий вклад в обеспечение положительной миграционной динамики Южного федерального округа.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>. (дата обращения: 21.11. 2024).
2. Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: <https://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 19.04. 2025).
3. Архипова О.Е., Тарасова Т.Т. География миграции населения Южного федерального округа. // Наука Юга России, том 20, № 3, 2024.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

MIGRATION PROCESSES FROM THE REPUBLIC OF BELARUS AT THE TURN OF THE CENTURY

П.С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

P.S. Kruchek

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. Миграция населения является сложным социальным явлением, охватывающим практически все государства мира. Миграция приводит к количественному и качественному изменению населения того или иного региона, государства в целом, влияет на различные стороны жизни общества. Для многих стран мира и отдельных их регионов миграция представляет важный источник пополнения населения, чем компенсируется естественная убыль, или нейтрализуются проблемы, порожденные демографическим кризисом.

В статье рассматриваются миграционные процессы из Республики Беларусь на рубеже XX – XXI столетий.

Abstract. Population migration is a complex social phenomenon affecting virtually every country in the world. Migration leads to quantitative and qualitative changes in the population of a given region and the country as a whole, affecting various aspects of societal life. For many countries and their individual regions, migration represents an important source of population replenishment, offsetting natural population decline or mitigating problems caused by the demographic crisis.

This article examines migration processes from the Republic of Belarus at the turn of the 20th and 21st centuries.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, миграционные процессы, население, демография.

Keywords: Belarus, Russia, migration processes, population, demography.

Проблема миграции сегодня занимает особое место в социальной и демографической политике Беларуси. Специфика миграции обусловлена ее тесной связью со всеми сферами общественной жизни: внутренними и международными отношениями, социально-экономическими и политическими, личностными и общественными процессами, этническими и конфессиональными, расселенческими и экологическими факторами, уровнем жизни и ситуацией на рынках труда и др.

Миграционные процессы, особенно в начале 90-х годов на постсоветском пространстве были во многом порождены межнациональными конфликтами, обернувшимися массовыми

трагедиями для многих народов бывшего СССР. Этнические, конфессиональные, военные, политические и иного характера конфликты в новых независимых государствах постсоветского пространства, экономический спад привели к исходу из бывших советских республик граждан не титульной национальности. Этнические белорусы, которых в этих странах по материалам последней переписи советского периода насчитывалось 2,1 млн. человек начали интенсивно переселяться в Беларусь, а также Россию и другие более спокойные места. Миграционная статистика всех стран постсоветского пространства фиксировала преобладание в них оттока населения в Беларусь и Россию над притоком.

Тем не менее, демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий характеризуется устойчивой тенденцией уменьшения численности населения. И хотя в 2000-е гг. в результате активной социальной политики в репродуктивной сфере в Беларуси наблюдалась тенденция повышения уровня рождаемости, уменьшение численности населения страны продолжалось. Это связано, в том числе и с повышением степени влияния на демографическую ситуацию миграционных процессов.

В начале 1990-х гг. в Беларуси была впервые зафиксирована естественная убыль и началось снижение численности населения. На первом этапе положительное сальдо миграции (120,1 тыс. чел. за 1990-е гг.) частично возмещало потери населения. Лидирующее положение в миграционном обмене населением с Республикой Беларусь занимала Россия. Это наш ближайший сосед, с которым у Беларуси много общих исторических корней, а также более тесные связи, чем с другими странами постсоветского пространства.

За период с начала 1990-х гг. в числе прибывшего в Беларусь населения из бывших советских республик доля России составила 57,8%. Основной приток мигрантов из России и из новых независимых государств бывшего СССР в Беларусь пришелся на 1991-1993 гг. соответственно – 59,0% и – 58,8%. Во многих постсоветских странах в этот период наблюдался наибольший разгул националистических страстей, население к новой ситуации еще не адаптировалось, что привело к вынужденному переселению лиц некоренной национальности, главным образом русскоязычного населения [1, с. 378]. В последующем уровень миграционного притока в Беларусь из России и бывших советских республик заметно снизился – до 17-19% к уровню 1991-1994 гг. В тоже время увеличилась численность трудовых мигрантов из Беларуси главным

образом на территорию России, что также сказалось на демографической ситуации в республике.

Как было отмечено выше, для демографической ситуации в Республике Беларусь сегодня характерна устойчивая тенденция сокращения численности населения. Если в 1994 г. в Республике Беларусь постоянно проживало 10367,5 тыс. чел., то в 2019 г. эта цифра уже составляла 9413,4 тыс. чел. Интересной является тенденция изменения роли составляющих демографических показателей в этом уменьшении численности населения страны.

Так, за период 1989-1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7%, а за период 1999-2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9%. Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, а за счет миграционных потерь рост составил 8,8 раза. Это свидетельствует, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния миграции на депопуляционные процессы [2, с. 65].

Наибольшие масштабы белорусской миграции, естественно, приходится на российский вектор. Однако отметим, что, как в отношении характеристики белорусской миграции (имеет она положительное или отрицательное сальдо в целом), так и в отношении характера белорусско-российской миграции имеются разночтения. Согласно данным текущего статистического учета Белстатом (Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь), величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI столетия постоянно характеризуется положительным сальдо.

К примеру, по этим данным, за 2010–2015 гг. положительное сальдо миграции Республики Беларусь составило: 2010 г. – 10303 чел., 2011 г. – 9900 чел., 2012 г. – 9328 чел., 2013 г. – 11643 чел., 2014 г. – 15722 чел. и в 2015 г. – 18494 чел. Также согласно этим данным положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза составило соответственно: 2010г. – 10561 чел., 2011 г. – 10048 чел., 2012 г. – 7590 чел., 2013 г. – 10293 чел., 2014 г. – 13943 чел. и в 2015 г. – 15826 чел.

Из них, по данным национального текущего статистического учета Белстата, на долю Российской Федерации приходится почти половина положительного сальдо миграции Республики Беларусь,

составившее 24755 чел., в т. ч. в 2010 г. – 5031 чел., 2011 г. – 4713 чел., 2012 г. – 3067 чел., 2013 г. – 4772 чел., 2014 г. – 4662 чел. и в 2015 г. – 2700 чел. [3, с. 262.]. Но анализ данных российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции показывает совсем иную тенденцию, значительно отличающуюся от данных Белстата. Российские данные за период 2010–2015 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35152 чел. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Россия имеет отрицательное сальдо на 24745 чел.

Если ориентироваться на данные органов внутренних дел Беларуси и России, фиксирующих реальное прибытие мигрантов показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2015 гг. будут следующими: прибыло на постоянное место жительства в Беларусь из России – 53612 чел. (данные Белстата), а в Россию на постоянное место жительства из Беларуси прибыло 83007 чел. (данные Росстата). Это значит, что Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо почти в 30 тыс. чел., а Беларусь на эту величину – отрицательное сальдо [3, с. 263.].

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. По данным текущего статистического учета Белстата, в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию из Беларуси переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси.

К основным факторам, привлекающим трудящихся – мигрантов из Беларуси в Россию, можно отнести: устойчивый спрос на работников, ввиду демографического кризиса, происходящего в России; более высокий уровень заработной платы; отсутствие визового режима; низкие транспортные издержки; общность культуры и языка.

Кроме того, высокую интенсивность миграционных потоков между Республикой Беларусь и Российской Федерацией определяет договор о равных правах граждан обеих стран от 25 декабря 1998 г. Имеется также соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь

и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства России и Беларуси. Кроме того, в мае 2014 г. между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан подписан договор о создании Евразийского экономического союза. Согласно этому договору три государства принимают обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

Вместе с тем сложившаяся ситуация с белорусскими трудовыми мигрантами в России, несмотря на внешнее благополучие, имеет и негативные стороны. Во-первых, белорусские трудовые мигранты используются не на самых высококвалифицированных работах. Во-вторых, может быть такое привилегированное положение белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда является своеобразным мостом для проводимой с начала 2007 г. в России либеральной политики по отношению трудовых мигрантов, чтобы в перспективе дать этим трудовым мигрантам законные основания на получение российского гражданства и тем самым обеспечить за счет их прирост населения (им облегчается доступ к рынкам труда и пребывания на российской территории).

Россия в последнее время с целью решения демографической проблемы взяла курс на привлечение в страну этнически близкого населения. При этом белорусы являются для нее наиболее приемлемым миграционным материалом. При этом, как было отмечено выше, уезжают из Беларуси, как правило, наиболее работоспособные и перспективные в репродуктивном плане люди. Так, по оценке специалистов, численность граждан Беларуси, поставленных на учет в России за 2009-2015 гг., составила 1342,5 тыс. чел., или 14% от численности населения республики [4, С. 39.]. Такая ситуация создает реальную опасность как для внутреннего рынка Беларуси, так и для перспектив ее демографического развития.

В росте белорусских мигрантов на рынке труда России каждая из сторон решала свои стратегические задачи. В демографическом плане: Россия стремится заполучить наиболее квалифицированный родственный социокультурный трудовой потенциал. Беларусь в свою очередь стремилась снизить социальную напряженность связанную с возможной безработицей и использовала возможность трудоустроить почти миллионную армию трудового потенциала.

Но существует и другая сторона проблемы с белорусскими трудовыми мигрантами на рынке труда России, которая для экономики Беларуси является важной – как источник привлечения в экономику страны валюты. И здесь забота о сохранении демографического потенциала Беларуси вступает в противоречие с финансовыми интересами. К сожалению, сиюминутные финансовые интересы перевешивают стратегические демографические интересы, ибо значительная часть валюты в Беларусь поступает от трудовых мигрантов. В результате по аналитическим расчетам в различные периоды количество трудовых мигрантов из Беларуси в России колебалось от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. в 2013–2015 гг. Это с одной стороны позволяет белорусскому населению решать сложные проблемы на рынке труда, возникшие в самой Беларуси, а с другой стороны часто трудовая миграция превращается в безвозвратную миграцию.

В миграционном обмене населением с остальными странами мира (кроме стран СНГ и Балтии) у Беларуси наблюдается совсем другая картина.

С первых лет обретения независимости из Беларуси в страны дальнего зарубежья выезжает больше мигрантов, чем въезжает. Причины, по которым население предпочитает покинуть республику, изменились за это время. Первоначально основным фактором, влияющим на миграцию, была либерализация политической жизни, т.е. облегчение процесса получения разрешения на выезд. В это время за пределы Беларуси хлынул поток мигрантов, которые уже раньше планировали покинуть страну, но не имели возможности. Помимо этого, на решение эмигрировать оказала влияние и экологическая обстановка, которая резко ухудшилась после взрыва на Чернобыльской АЭС. Именно в начале 90-х годов наблюдался самый значительный поток эмигрантов. Максимальный объем эмиграции был отмечен в 1990 г., когда сальдо миграции составило минус 34,1 тыс. чел.

В дальнейшем отрицательное сальдо миграции постоянно сокращалось, причем именно за счет сокращения численности эмигрантов. Изменились и причины выезда из страны. Если раньше это были этнополитические и экологические проблемы, то уже к середине 1990-х гг. им на смену пришли экономические и социальные трудности. На снижение численности эмигрантов оказала влияние, с одной стороны, эмиграционная политика Беларуси – упрощение процедуры выезда из страны на короткий срок для посещения родственников или с иными целями, а с другой стороны –

иммиграционная политика принимающих стран, в которых ужесточились требования приема иммигрантов.

Основными странами эмиграции для Беларуси на рубеже веков являлись Израиль, США, Германия. Именно в эти страны выехало больше всего наших соотечественников, причем доля этих стран в чистой миграции за изучаемый период значительно изменилась.

В начале 1990-х гг. несомненным лидером по количеству эмигрантов выступал Израиль: в 1990 г. на его долю пришлось 97% выданных органами МВД разрешений на выезд, в 1992 г. – 32,5%, а уже в нашем столетии лишь 14-18% эмигрантов направляются в Израиль. Пик эмиграции в США пришелся на 1992 г. и составил 57% от всех получивших разрешение на выезд, постепенно доля эмигрантов сокращалась и в нашем веке установилась на том же уровне, что и с Израилем. Доля Германии в эмиграции из Беларуси, наоборот, постоянно растет: в 1990 г. лишь 0,3% получивших разрешение на выезд направлялись в Германию, а в XXI веке доля Германии в общем объеме эмиграции колеблется в пределах 22-25%.

Помимо вышеназванных основных стран эмиграции у Республики Беларусь отрицательный миграционный прирост имелся с Австралией, Канадой и странами Западной Европы, т.е. со странами развитыми в экономических и других отношениях. В то же время со странами Азии (Китай, Вьетнам, Турция, Индия и др.) Беларусь в начале XXI в. имела положительный миграционный прирост, причем в дальнейшем эта тенденция лишь усиливалась. В первую очередь это обусловлено укреплением дружеских договоренностей, заключением двусторонних соглашений между Беларусью и некоторыми странами Азии. Поэтому миграционный прирост с этими странами растет именно за счет роста числа иммигрантов, численность которых с 2008 г. даже перекрывает численность эмигрантов в страны Запада.

Таким образом, в 2008 г. впервые за годы независимости чистая миграция со странами «дальнего» зарубежья оказалась положительной и составила 196 чел., а в 2009 г. она достигла 1980 чел., но столь значительный прирост произошел из-за изменений в подсчете статистических данных (страны Балтии, которые всегда приводились в таблицах вместе со странами СНГ, отнесли к странам дальнего зарубежья, а также из состава СНГ исключили Грузию) [5, с. 128].

Социально-экономические факторы международной миграции разнообразны: имеются как «позитивные», так и «негативные» мотивы миграции. Представителям среднего или более высокого социального слоя, которые материально более обеспечены, имеют средства к существованию на родине, свойственны «позитивные»

мотивы. Их желание трудоустроиться за границей носит деловой характер (стажировка, повышение образования) или личный (личная жизнь). «Негативные» мотивы свойственны представителям малообеспеченных слоев (низкий жизненный уровень, проблемы социального развития личности). В этом случае работа в других странах – едва ли не единственный выход из кризисного положения человека (семьи). Но такая ситуация приводит к социально-экономическому напряжению: граждане названной категории почти всегда идут на «черновую», низкоквалифицированную или даже нелегальную работу.

Практика показывает, что решить проблему депопуляции невозможно лишь мерами направленными на увеличение рождаемости. Проблема повышения рождаемости является сегодня главным направлением в демографической политике белорусского государства. Но рост миграции не компенсируется даже ростом рождаемости, что выдвигает проблему миграции, на наш взгляд, на первый план в демографической политике.

Библиографический список

1. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / Л. Л. Рыбаковский [и др.]. М.: Academia, 2009. 431 с.
2. Злотников А.Г. Миграция в демографических процессах Беларуси // Народонаселение. № 1-1. 2016. С. 64-74.
3. Злотников А.Г., Смалюга А.К. Белорусская миграция в евразийском отражении // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум : международная научная конференция : сборник статей. Екатеринбург, 2017. Т. 2. С. 281–287.
4. Воронич А.В., Кусенков А.Н. Интеграционные процессы в ЕАЭС и некоторые вопросы миграции рабочей силы в Республику Беларусь // Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь в контексте устойчивого развития: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. С. 34-40.
5. Лопатова А.П., Астапкина Т.В. Миграционные процессы в Беларуси и развитие демографического потенциала // Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь в контексте устойчивого развития: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. С. 121-128.

МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА РАЗЛИЧНЫЕ СФЕРЫ ЖИЗНИ: ПРИМЕР МАЛИ

MIGRATION IN MODERN SOCIETY AND ITS IMPACT ON VARIOUS SPHERES OF LIFE. THE CASE OF MALI

Самаке Гауссу

Университета литературы, языков и гуманитарных наук Бамако, Мали

Samaka Goussou

University of Literatures, Languages, and Humanities of Bamako, Mali

Аннотация. Расположенная в самом сердце Африки к югу от Сахары, Мали является страной мигрантов по преимуществу. Действительно, малийская диаспора насчитывает, по оценкам, более 4 мил чел. В основном он состоит из выходцев из регионов Кайес, Куликоро, Сикассо и Гао, которые считаются основными районами отправления мигрантов в Республике Мали. Однако регион Кайес является рекордсменом, особенно среди этнической группы сонинке. Для народа Сонинке миграция глубоко укоренилась в культуре и является неотъемлемой частью его существования. Миграция вносит значительный вклад в улучшение и социально-экономическое развитие страны благодаря различным достижениям, таким как строительство базовой инфраструктуры: школ, медицинских центров, родильных отделений и систем водоснабжения, включая скважины, колодцы-накопители и зернохранилища. Стоит также отметить, что многие малийские мигранты вносят свой вклад в экономическое и финансовое развитие посредством денежных переводов на сумму в миллиарды франков. Эти цифры подчеркивают важность международной миграции на протяжении многих лет. Международная миграция также позволяет людям открывать для себя новые обычаи и языки, укрепляя тем самым братство и дружбу между народами. Однако миграция часто приводит к трагедиям, включая многочисленные убийства и утопления мигрантов из стран Африки, которые добираются до Европы морскими путями. К сожалению, многие из них погибают не добравшись до своего так называемого «Эльдорадо».

Annotation. Located in the heart of sub-Saharan Africa, Mali is a country of migrants par excellence. Indeed, the Malian diaspora is estimated at more than 4 million people. It is mainly composed of natives from the regions of Kayes, Koulikoro, Sikasso, and Gao, which are considered the primary departure areas for migrants in the Republic of Mali. However, the Kayes region holds the record, particularly among the Soninké ethnic group. For the Soninké people, migration is deeply rooted in their culture and is an essential part of their existence. Migration significantly contributes to the improvement and socio-economic development of the country through various achievements, such as the construction of basic infrastructure: schools, health centers, maternity wards, and water supply systems, including boreholes, wells, and grain storage warehouses. It is also worth noting that many Malian migrants contribute to economic and financial development through remittances amounting to billions of francs. These figures highlight the importance of international migration over the years. International migration also allows people to discover new customs and languages, thus strengthening fraternity and friendship among nations. However,

migration often leads to tragedies, including numerous murders and drownings of migrants from sub-Saharan Africa who take maritime routes to reach Europe. Unfortunately, many of them perish in the water before reaching their so-called «Eldorado».

Ключевые слова: миграция, Мали, Европа, миграционный поток, междуна-родный, возможности, работники, переводы

Keywords: migration, Mali, Europe, migration flow, international, opportunities, workers, transfers

Введение. В данной работе рассматриваются перемещения людей и их места жительства в другой город, штат или другую страну в целях трудоустройства, поиска жилья или по другим причинам, которые называются миграцией. Именно такие перемещения характерны для населения Мали. Расположенная в самом сердце Западной Африки и являющаяся связующим звеном между этим регионом и Магрибом, Мали известна высокой внутренней и международной мобильностью своих граждан.

Миграция в Республике Мали включает как внутренние, так и международные потоки, принимая различные формы и имея разные причины. И внутренняя, и международная, миграция, осуществляемая малийским населением, несёт как положительные, так и отрицательные последствия.

В Мали миграция имеет множество причин. В наши дни многие малийцы (чаще всего молодые люди) решают мигрировать в поисках лучшей жизни. Таким образом, возможность трудоустройства является самой распространённой причиной.

Помимо этого, нехватка возможностей, стремление к лучшему образованию, глобализация, природные катастрофы (например, наводнения и засухи), а также неурожай заставляют сельских жителей переселяться в крупные города.

Следует отметить, что международная миграция может происходить по разным причинам: она может быть добровольной или вынужденной, временной или долгосрочной, а также быть следствием множества индивидуальных и социальных факторов. Хотя международная миграция, особенно в Европу, открывает множество возможностей для активных молодых малийцев, она также иногда приносит им крайне неприятные сюрпризы. На протяжении многих лет мигранты выбирают морские маршруты, чтобы добраться до европейского побережья. Но это не безопасный путь и, к сожалению, значительное их число погибает в океане, так и не достигнув своего «Эльдорадо».

В ходе нашей работы мы поочередно рассмотрим статистику малийских мигрантов в Европу и некоторые африканские страны, положительные и отрицательные последствия миграции, совершаемой малийцами, а также вклад этих мигрантов в развитие Мали через человеческие, социальные и финансовые ресурсы.

Статистика малийской миграции. В наши дни пространственная дисперсия малийцев усиливается в связи с экономической ситуацией в стране, культурными особенностями и, особенно с 2012 г., из-за социально-политического кризиса и различных форм нестабильности, которые его сопровождают, что привело к появлению беженцев и внутренним перемещениям [7].

Следует отметить, что малийская диаспора оценивается более чем в 4 млн чел., несмотря на недостатки и сложности в обновлении миграционной статистики. Она в основном состоит из выходцев из регионов Каес, Куликоро, Сикасо и Гао, которые считаются четырьмя основными регионами исхода мигрантов в Мали. Согласно недавнему исследованию, уровень эмиграции оценивается почти в 5% от общей численности населения [7]. Главным источником малийских эмигрантов является регион Каес (преимущественно этнической группы сонинке). Для народа сонинке эмиграция является культурным феноменом, который активно поддерживается многими артистами из этой этнической группы, призывающими молодежь к переселению.

В Европе основными направлениями эмиграции являются Франция и Испания, где проживают соответственно 120 000 и 8 500 малийских мигрантов. В арабском мире основными странами приёма являются Саудовская Аравия, Алжир и Ливия, где находятся соответственно 25 658 чел., 112 800 и 11 000 чел. мигрантов. Кот-д'Ивуар является первой страной по приему международных мигрантов из Мали, с 195 000 малийцев. За ним следуют Гана и Нигер, каждая из которых принимает более 1 миллиона малийцев [6].

В 2020 г. UNDESA оценило число международных мигрантов в мире примерно в 281 млн чел., что составляет 3,6% от общей численности. Однако Европа остается крупнейшим направлением с 87 млн чел. мигрантов (30,9% от общего числа международных мигрантов). Африка, в свою очередь, стала местом назначения для 25 млн чел. международных мигрантов (9%) [6].

В 2022 г. потоки мигрантов, проходящих через контрольные пункты FMP, оценивались примерно в 513 288 чел., из которых 57% представляли собой въезжающие потоки в Мали, а 43% – выезжающие. Среднемесячное число мигрантов составляло около

42 700 чел., зарегистрированных в различных активных пунктах мониторинга в Мали [7].

Вклад малийских мигрантов в национальное развитие. Малийские международные мигранты, как индивидуально, так и через свои ассоциации, восполняют недостатки государства на местном уровне за счет действий, направленных на социальное развитие. В частности, это улучшение системы здравоохранения и образования путем строительства школ, медпунктов и центров здоровья, создание общественных аптек, обеспечение доступа к питьевой воде через бурение скважин и строительство колодцев для нужд населения, а также создание кооперативных магазинов [5].

Помимо участия в реализации политики децентрализации, малийские мигранты также являются ключевыми игроками в процессе децентрализованного сотрудничества между французскими и малийскими коммунами [7].

Финансовый вклад малийских мигрантов в развитие страны происхождения. Денежные переводы являются самым значительным вкладом малийцев, проживающих за границей, и в 2017 г. составили 538 млрд франков КФА, согласно отчету ОЭСР [4; 6].

Согласно исследованиям, финансовые переводы составляют 18% потребления домохозяйств-получателей в Мали и способствуют снижению уровня бедности на 5–11% [2]. Исследователи также отмечают, что, учитывая высокий уровень миграции, регион Кайес является основным получателем денежных переводов от мигрантов в Мали. За ним следуют регион Мопти и столичный округ Бамако.

Большая часть денежных переводов направляется в сельскую местность, а не в города, из-за преобладания сельской миграции малийцев в иностранные государства.

Кроме того, присутствие мигрантов из стран Западной Африки в Мали связано с временными трансграничными миграциями между этой страной и соседними государствами, такими как Буркина-Фасо, Гвинея (Конакри), Нигер и другие.

Это объясняется относительными экономическими и профессиональными возможностями в регионах Кайес, Куликóро и Сикасо на юге Мали, а также в Гао на северо-востоке страны [7].

Влияние миграции. Миграция становится очень важной темой для жизни городов и сельской местности. Для принимающей страны иммиграция имеет положительный эффект, так как предоставляет готовую к работе рабочую силу; однако она также имеет отрицательные стороны, так как необходимо управлять

увеличивающимся населением. Кроме того, денежные переводы в страну происхождения оказывают влияние на обменный курс в принимающей стране.

Положительные аспекты

Во-первых, уровень безработицы снижается, и молодёжь получает лучшие возможности трудоустройства, что способствует повышению качества жизни населения. Миграция также позволяет открыть для себя новые культуры, обычаи и языки, что способствует укреплению братства между людьми.

С другой стороны, квалифицированные рабочие смогут способствовать большему росту региона. Дети получают лучшие возможности для получения высшего образования. Наконец, стоит отметить, что плотность населения, а также уровень рождаемости снижаются.

Отрицательные последствия. Следует отметить, что потеря работников в сельских районах оказывает влияние на уровень производства и развитие этих регионов. Также жителю деревни трудно выжить в городских зонах, так как там нет природной среды и чистого воздуха. Им приходится платить за всё.

Многие мигранты полностью неграмотны и не имеют образования. Следовательно, они не только непригодны для большинства видов работы, но также лишены базовых знаний и жизненных навыков. Очень важно отметить, что многие малийские мигранты, проживающие на европейской территории, находятся во власти сил безопасности. Как правило, это нелегальные выходцы из стран Африки к югу от Сахары, которые часто становятся жертвами бесчеловечного и унижительного обращения: произвольных арестов, заключения в тюрьму и депортации на родину с проявлениями расизма и дискриминации.

Кроме того, в последнее время сотни западноафриканцев, стремящихся эмигрировать, погибают на морских побережьях ещё до прибытия в пункт назначения. Среди них есть мужчины, женщины и дети.

Заключение. Миграция, безусловно, способствует улучшению качества социальной жизни населения Мали, позволяя им открывать для себя новые культуры, обычаи и языки, что укрепляет братство между народами. Мали – это страна, известная своей внутренней и международной мобильностью граждан. В наши дни желание получить лучшую жизнь и найти работу побуждает многих молодых малийцев к миграции, а Европа остается их главным направлением.

Для принимающей страны иммиграция оказывает

положительное влияние, так как обеспечивает приток готовой к труду рабочей силы. Международные мигранты активно участвуют в социальном и экономическом развитии своей страны через различные проекты: строительство школ, родильных домов, медицинских центров, водоснабжение через бурение скважин и колодцев, создание кооперативных магазинов и многое другое. Также стоит отметить, что многие малийские мигранты вносят значительный вклад в развитие своей страны, переводя денежные средства, сумма которых достигает миллиардов франков. Вмсте с тем отток трудоспособного населения, преимущественно молодежи оказывает влияние ситуацию рынке труда в Мали и общем развитии страны.

Библиографический список

1. Les théories migratoires contemporaines au prisme des textes fondateurs, Victor Piché. 2013. PP 153 – 178.
2. Wood C.H. Equilibrium and historical structural perspectives ou migrations, International Migratan Review, 1982, 16(2), P. 298-319.
3. Brice Arsène Mankou. La migration des jeunes africains vers l'Europe : chance ou freine le développement de l'Afrique? 2021. <https://normandie-univ.hal.science/hal-03139435>
4. Pond E. Immigration et diaspora : un regard Africain. ed. Maisonneuve et Larose, 2007.
5. Mbonda E. La justice globale et le droit d'être migrant. éd GGE Univ. De Sherbrook. 2005. 76 p.
6. Organisation internationale pour les migrations (OIM), 2023.
7. Suivi des Flux et Présence de Migrants au Mali janv-déc 2022.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY'S REGRESSIVE REGIONS (CASE STUDY: RYAZAN REGION)

А.Э. Крупко, К.М. Михайлов

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

A.E. Krupko, K.M. Mikhailov

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Аннотация. Цель работы состоит в выявлении особенностей регрессирующего типа воспроизводства населения в России и в ее регионах. Ярким представителем этого типа развития населения является Рязанская область (худший по показателю естественной убыли регион страны в 2021 г.). Наша страна характеризуется очень большой регрессивностью населения по сравнению с другими странами, но данный регион в этом отношении имеет все показатели демографического развития не только хуже, чем по стране, но входит

в десятку наиболее регрессирующих регионов. Особенно сложная ситуация на муниципальном уровне, где уже наблюдается в ряде МО демографическая катастрофа. Поэтому необходимо оптимальное управление миграционными, демографическими, экистическими и социально-экономическими процессами за счет полноценного использования материальных и трудовых ресурсов в наиболее эффективных отраслях, секторах, центрах и предприятиях.

Abstract. the aim of this study is to identify the characteristics of the regressive type of population reproduction in Russia and its regions. A prominent example of this type of population development is the Ryazan Region (the region with the worst natural population decline in the country in 2021). Our country is characterized by a very regressive population compared to other countries, but this region, in this regard, not only has worse demographic development indicators than the national average, but is also among the ten most regressive regions. The situation is particularly challenging at the municipal level, where a demographic catastrophe is already being observed in a number of municipalities. Therefore, optimal management of migration, demographic, ecological, and socioeconomic processes is essential through the full utilization of material and labor resources in the most efficient industries, sectors, centers, and enterprises.

Ключевые слова: Россия, Рязанская область, муниципальное образование, регрессирующий тип, естественное воспроизводство, рождаемость, смертность, демографическая катастрофа.

Keywords: Russia, Ryazan region, municipality, regressive type, natural reproduction, birth rate, mortality, demographic catastrophe.

Население и трудовые ресурсы являются важнейшими компонентами (подсистемами) региональной общественной системы [1, с. 65]. Устойчивое развитие системы – это способы сохранения или развития её основных качеств [2, с. 30]. Если качества системы ухудшаются, то такое развитие является деградацией [3, с. 28]. Деградация репродуктивных качеств населения на основе различных социально-экономических факторов за длительное время обуславливает формирование регрессирующего типа воспроизводства населения. Под регрессирующим типом населения понимается суженное воспроизводство населения. При этом его можно понимать в узком смысле, это когда население сокращается (рождаемость ниже смертности). Возрастная структура в этом случае характеризуется преобладанием пожилого населения и небольшой долей молодежи. Коэффициент Покровского меньше единицы, чем меньше этот показатель, тем выше регрессивность населения. Территории с большим оттоком населения (при отрицательной его динамике) тоже можно отнести к регрессирующему типу населения. В широком смысле под регрессирующим типом воспроизводства можно понимать, по нашему мнению, любое ухудшение показателей естественного воспроизводства, которое в данное время может даже

еще обеспечивать естественный прирост населения. При этом чистый коэффициент воспроизводства населения (нетто-коэффициент) должен уже быть ниже критической величины для простого воспроизводства (1,0 жен.).

В стране и в Рязанской области достаточно долго наблюдалось длительное увеличение регрессивности населения без депопуляции (естественной убыли населения), но население старело, фертильный потенциал сокращался, нетто-коэффициент воспроизводства ужу в 1970-е гг. был ниже 1,0 ед. [4, с. 113] В постсоветское время сформировался тип суженного воспроизводства населения с постоянной естественной убылью населения в стране и в большинстве ее регионов. Главным показателем является рождаемость, от которой зависят все остальные аспекты естественного воспроизводства, см. рис. 1.

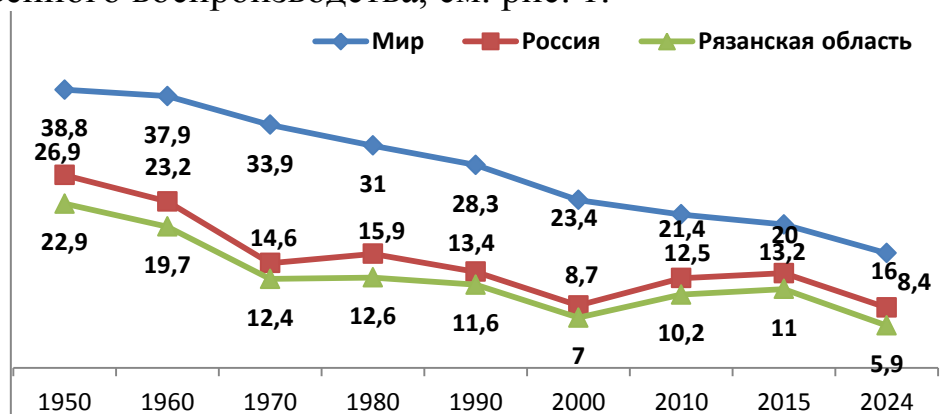

Рисунок 1. Общие коэффициенты рождаемости, ‰

Общая тенденция роста регрессивности населения явно прослеживается на всех уровнях под воздействием различных факторов. Соответственно все остальные показатели развития населения в стране и в ее регионах заметно хуже, чем по миру в целом. Показатель смертности РФ в 2 раза выше глобального коэффициента. Намного регрессивнее в РФ возрастная структура населения. В 2024 г. доля детей в возрасте 0–14 лет в населении мира составила 25,8% в РФ 17,3%. Доля пожилых людей свыше 65 лет в мире в 2024 г. 10,3%, в РФ - 17,8%.

Рязанская область в РФ является исключительно регрессивным регионом. Достаточно отметить, что этот регион по естественной убыли населения занимает в последние годы первое или одно из первых мест в стране. В последние годы только миграционные процессы были более или менее благоприятными. В сложной системе населения мы выделяем естественно-воспроизводственную, миграционную, социальную подсистемы [5, с. 50]. Ведущей для

устойчивого развития является система естественного воспроизводства населения, которая определяет демографический и трудовой потенциалы региона [6, с. 39]. При этом трудовой потенциал формируется с некоторым опозданием от режимов воспроизводства населения, что обусловлено спецификой возрастной структуры населения и социальными факторами. Уже в начале 2000-х годов Рязанская область относилась к неблагоприятному типу демографического развития областей ЦФО [6, с. 145]. За все постсоветские годы Рязанская область с отрицательной динамикой населения (80,09% за 2023-1990 гг.) занимала последнее (худшее) место в группе с относительно неблагоприятной динамикой населения [2, с. 34]. Сейчас естественно-демографическая ситуация еще больше ухудшается. В 2021 г. регион занял первое место в РФ по естественной убыли населения. При этом, как мы отмечали, основой демографических процессов является рождаемость. Она в Рязанской области является одной из худших в ЦФО и стране, см. рис. 2.

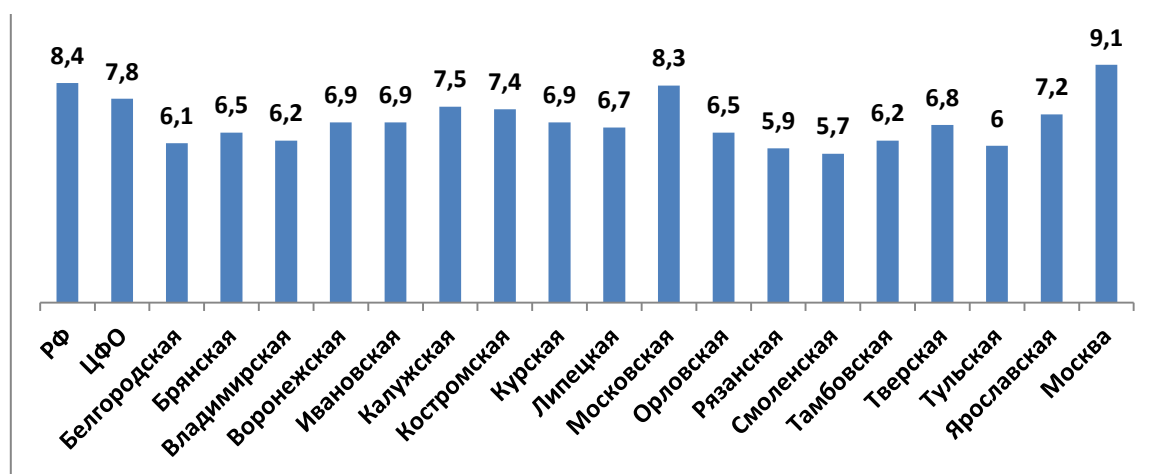

Рисунок 2. Общий коэффициент рождаемости в 2024 г., ‰

Хуже, чем в Рязанской области рождаемость в 2024 г. наблюдалась лишь в трех регионах страны - это Мордовия (5,5‰), Смоленская и Ленинградская области – по 5,8‰.

Регрессивность населения региона растет. В 2020 г. Рязанская область занимала 76 место по показателю рождаемости, а в 2021 г. уже 80 место, по смертности соответственно – 79 место и 84 место (из 85 регионов) [7, с. 105]. Все более низкая рождаемость и высокая смертность характерны для региона все последние годы, что определяет сокращение жителей. На начало 2024 г. в Рязанской области проживало 1082 тыс. чел., а на 2011 г. население составляло 1152 тыс. чел. То есть за 13 лет население сократилось на 70 тыс. чел., или на 6,0%. При этом сокращается как городское (772290 чел. в 2024

г.), так и сельское (309941 чел.) население. Темпы сокращения сельского населения в 2,5 раза выше, чем городского. Поэтому доля горожан немного выросла: с 70,9% в 2010 до 71,4% в 2024. Можно назвать этот процесс «относительной урбанизацией» – рост доли горожан без роста численности жителей городов. Но в реальности мы имеем дело с «деурбанизацией», а в сельской местности с демографическим «опустыниванием». Если же говорить об естественной убыли, то картина также негативная, например за 2021 г. она была хуже, чем во всех регионах России [5, с. 108]. В целом для Рязанской области характерна значительно большая регрессивность населения, см. табл. 1.

Таблица 1. Рождаемость, смертность и естественный прирост на 1000 чел., ‰

	Рождаемость			Смертность			Естественная убыль		
	РО	РФ	ЦФО	РО	РФ	ЦФО	РО	РФ	
1990	11,6	13,4	11,2	14	11,2	13,1	-2,4	+2,2	-1,9
1995	7,8	9,3	7,9	17,9	15	17,1	-10,1	-5,7	-9,2
2000	7	8,7	7,7	19,1	15,4	17,5	-12,1	-6,7	-9,8
2005	8,4	10,2	8,7	20,2	16,1	17,1	-11,8	-5,9	-8,4
2010	10,2	12,5	10,7	18,1	14,2	15,2	-7,9	-1,7	-4,5
2015	11,1	13,3	11,7	15,8	13	13,5	-4,7	0,3	-1,8
2018	9,2	10,9	9,9	14,7	12,5	12,9	-5,5	-1,6	-3
2020	7,9	9,8	9	18,1	14,5	15	-10,2	-4,7	-6
2021	7,4	9,6	9	22	16,8	17,5	-14,6	-7,2	-8,5
2022	6,4	8,9	8,2	16,1	12,9	13,1	-9,7	-4	-4,9
2023	6	8,6	8	14,8	12,1	12	-8,8	-3,3	-4
2024	5,9	8,4	7,8	15,4	12,5	12,3	-9,5	-4,1	-4,5

Существуют четкие общие закономерности растущей регрессивности естественно-воспроизводственных процессов на уровне Рязанской области, ЦФО и РФ. При этом также заметен более быстрый рост регрессивности демографических процессов именно в Рязанской области, несмотря на частичное улучшение показателей воспроизводства на фазе некоторого улучшения в рамках фертильного цикла. Поэтому после 2005 г. действовала тенденция на уменьшение убыли населения – вплоть до 2018 г. [6, с. 106]. Образование цикла обусловлено падением рождаемости в 1990-е гг. после роста в 1980-х гг. Эхо войны уже никак не сказывается не только на рождаемости, но даже в формировании трудового потенциала.

Особняком стоит 2021 г. (пандемия). Избыточная численность умерших выросла за 2021 г. на 4213 чел. – с 19800 чел. в 2020 г. (17,9‰) до 24013 чел. в 2021 г. (22,0‰) [6, с. 107]. В РФ

соответственно 14,5 и 16,8‰.

Особенно плохая ситуация в регионе в сельской местности. Если в 2023 г. по городской местности рождаемость (6,4‰) была выше, чем в среднем по региону (6,0‰), то на селе – 5,0‰. Соответственно смертность составила в городской местности 14,5‰, для сельских жителей – 15,7‰, а естественная убыль – 8,1‰ и – 10,7‰.

В ряде сельских МО рождаемость в 3-5 раз выше смертности. Здесь демографическая катастрофа уже состоялась. Во многих сельских МП уже население восстановить невозможно, преобладают пожилое население (иногда 100% стариков). Но и в ГО Скопин, в Спасском, Сапожковском, Сасовском, Касимовском, Ермишинском, Шацком, Пителинском и других МР регрессирующий тип населения, характерный для всего региона, имеет гораздо большую остроту. В настоящее время многие факторы демографического развития крайне неблагоприятны. Регрессивность населения сказывается на всех естественно-воспроизводственных процессах. Например, диспропорции в половозрастной структуре в целом по области и, особенно, на территориальном уровне, а также более пожилое население региона снижают брачность жителей, см. таблицу 2.

Таблица 2. Браки и разводы, ед.

	Браки		Разводы		Число разводов к бракам, в %
	Всего	‰	Всего	‰	
2019	6617	5,9	4979	4,4	75,2
2020	5099	4,6	4376	3,9	85,8
2021	6056	5,5	4759	4,3	78,6
2022	7278	6,7	4514	4,1	62,0
2023	6602	6,1	4513	4,2	68,4
2024	6207	5,8	4412	4,1	71,1

По уровню коэффициента брачности (число браков на 1000 ед.) регион уже давно отстает от РФ. Так, в 2010 году он составлял 8,5 и 7,9 браков, а в 2024 – 6,0 и 5,8 браков соответственно. При этом на 1000 браков в 2024 году приходилось 711 разводов, в 2020 г. соответственно - 858 разводов (настоящая катастрофа, пандемия еще и разрушала семьи). В возрастной структуре населения Рязанской области наблюдается сокращение трудоспособного населения даже с учетом небольшого увеличения лиц в возрасте младше трудоспособного из-за роста рождаемости в нач. 21 века и повышения пенсионного возраста, см. рис. 3.

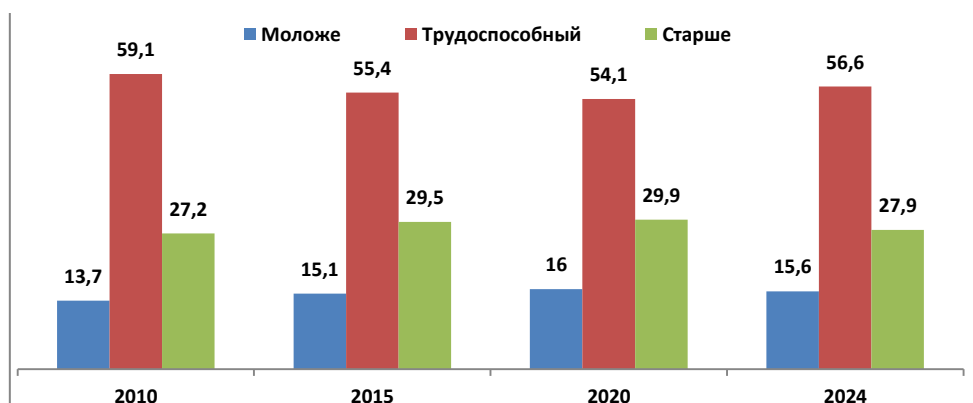

Рисунок 3. Структура населения Рязанской области в 2010-2024 гг., в %

Несмотря на пенсионную реформу доля людей в возрасте старше трудоспособного даже выросла. Надо отметить, что все показатели возрастной структуры населения были намного хуже, чем по стране (на начало 2024 г. 58%, 23,6% и 18,4%), в ЦФО соответственно – 57,8%, 25,7%, 16,5%. Среди всех регионов России Рязанская область характеризуется одними из самых регрессивных показателей возрастной структуры населения, см. таблицу 3.

Таблица 3. Показатели возрастной структуры населения лучших и худших десятков регионов РФ, %

Соотношение между населением моложе и старше трудоспособного возраста				Доля населения в дотрудоспособном возрасте			
Тыва	3,23	Владимирская	0,59	Тыва	32,9	Владимирская	15,9
Чеченская Рес.	3,22	Псковская обл.	0,58	Чеченская Рес.	31,9	Саратовская обл.	15,9
Ингушетия	2,89	Ивановская	0,58	Ингушетия	27,2	Рязанская обл.	15,6
Ямало-Нен. АО	1,83	Смоленская	0,57	Респ. Алтай	26,5	Пензенская обл.	15,6
Дагестан	1,82	Ленинградская	0,57	Дагестан	24,7	Смоленская обл.	15,5
Чукотский АО	1,69	Рязанская	0,56	Якутия	23,5	С-Петербург	15,2
Рес. Алтай	1,53	Пензенская	0,56	Бурятия	23,4	Тульская обл.	14,5
Саха (Якутия)	1,49	Тульская	0,51	Ямало-Ненец. АО	23,1	Мордовия	14,2
Ханты-Ман. АО	1,40	Мордовия	0,51	Ханты-Манс. АО	22,4	Тамбовская обл.	14
Бурятия	1,24	Тамбовская	0,48	Ненецкий АО	22	Ленинградская	14

По доле населения старше трудоспособного Рязанская область занимает 7 место в стране (27,8%), только немного уступая «лидеру» Тамбовской области – 29,2%.

В большинстве МР региона возрастная структура населения хуже средней по области. Численность населения в возрасте моложе трудоспособного в ряде наиболее регрессивных районах примерно в три раза меньше численности населения пенсионного возраста, а женщины старше 60 лет составляют почти половину всего женского

населения района (это является социальной катастрофой). В ряде МР региона низкий трудовой потенциал не позволяет создавать предприятия (нет трудовых ресурсов) и рыночную инфраструктуру (невыгодно), что снижает возможности развития территорий. Женщин активного фертильного возраста десятилетней когорте (20-29 лет) в этих районах меньше, чем женщин возраста 45-49 лет. В целом фертильный потенциал региона очень пожилой (табл. 4).

Таблица 4. Численность женщин фертильного возраста в 2024 г., чел.

	Всего	Городское	Сельское
15-19	25356	18328	7028
20-24	23354	17059	6295
25-29	23280	17025	6255
30-34	34258	25608	8650
35-39	45432	34493	10939
40-44	43304	33019	10285
45-49	41730	31126	10604
15-49	236714	176658	60056

Численность женщин в трех младших возрастных группах фертильного потенциала региона (15-29 лет) меньше численности женщин в возрасте 35-49 лет в 1,81 раза меньше. На этом фоне еще и ухудшается репродуктивное поведение населения (рис. 4).

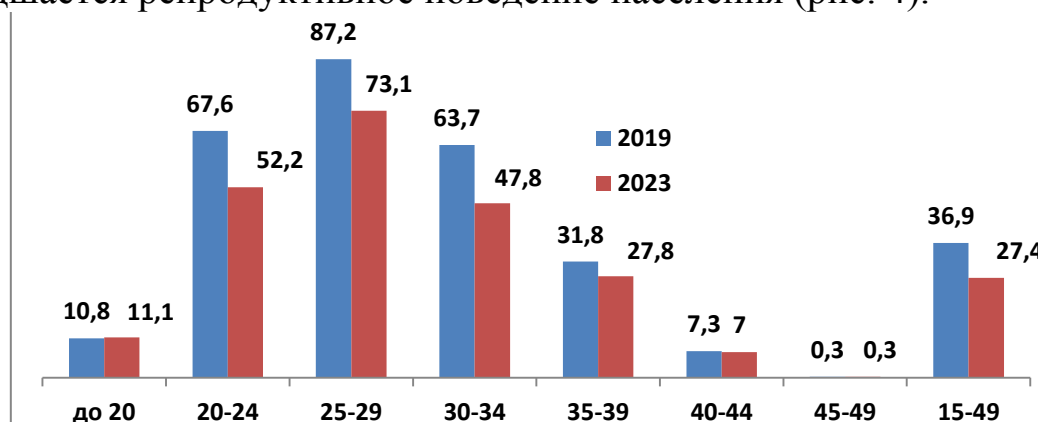

Рисунок 4. Возрастные коэффициенты рождаемости Рязанской области, ‰

За 4 года упала рождаемость почти во всех возрастных группах и всего фертильного потенциала. Отсюда и низкая рождаемость в Рязанской области в последние годы. Регрессивность определяет плохое демографическое будущее региона, поэтому в перспективе ожидается дальнейшее повышение доли населения в возрасте старше 60 лет на фоне снижения общей численности жителей, молодежи и трудовых ресурсов. Эту проблему можно решить только повышением возраста выхода на пенсию женщин, поскольку ожидаемая продолжительность жизни у мужчин в области около 65 лет. Но

особенно плохая ситуация в регионе наблюдается в сельской местности. Здесь демографическая катастрофа уже состоялась. Нами сделан прогноз по среднегодовой динамике населения за 2011-2025 гг., которая была относительно благоприятной для региона (табл. 5).

Таблица 5. Прогноз численности населения Рязанской области, тыс. чел.

год	2025	2030	2035	2040	2045	2050
Всего	1074,4	1047	1019	991	964	936
Городское	768,2	751	733	716	699	681
Сельское	306,2	296	286	275	265	255

Здесь раскрывается важная особенность регрессивных регионов. Динамика населения у них лучше по сравнению с потенциалом населения. Прогнозы по современной динамике, в том числе без учета миграции (по естественной убыли) намного хуже, см. рис. 5. К 2070 г. область потеряет в худшем варианте 462 тыс. чел., но даже такой негативный прогноз далеко не раскрывает характер демографических процессов.

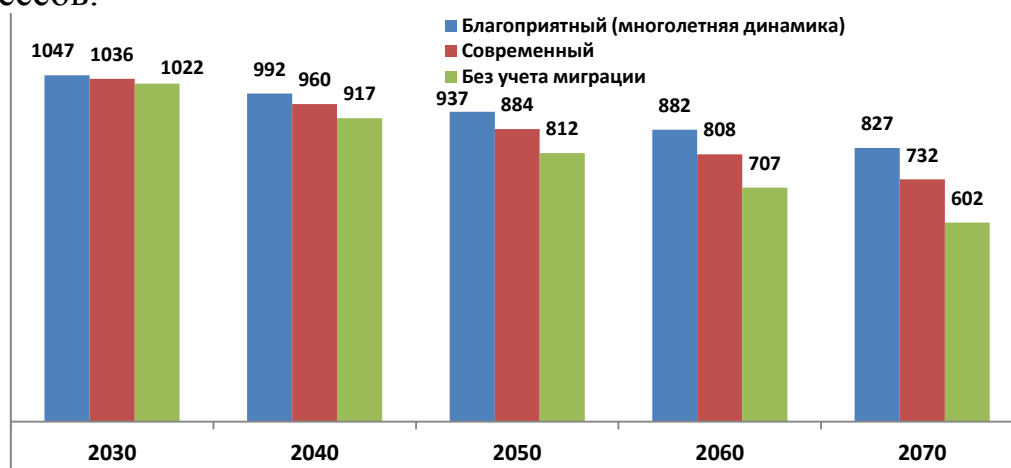

Рисунок 5. Прогнозная численность населения Рязанской области, тыс. чел

Можно констатировать, что естественно-воспроизводственные процессы населения в Рязанской области имеют ярко выраженный регрессирующий тип воспроизводства. В настоящее время потенциал саморазвития демографической системы региона при сохранении современных тенденций не способен обеспечить естественное воспроизводство населения Рязанской области. Поэтому необходимо оптимальное управление миграционными, демографическими, экистическими и социально-экономическими процессами за счет полноценного использования материальных и трудовых ресурсов в наиболее эффективных отраслях, секторах, центрах и предприятиях.

Библиографический список

1. Крупко А.Э. Теоретические аспекты изучения территориальной организации населения и расселения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2002. №1. С. 65-69.
2. Крупко А.Э., Нестеров Ю.А., Михайлов К.М. Типология регионов России по динамике населения за постсоветское время и демографическая безопасность страны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2025. № 3. С. 30-39.
3. Крупко, А.Э., Михайлов К.М. Естественное воспроизводство населения Рязанской области за предыдущее десятилетие и устойчивое развитие региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2022. № 4. С. 50-60.
4. Крупко А.Э. Демографические факторы устойчивости экономики Воронежской области: монография. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2024. 168 с.
5. Михайлов К.М. Проблемы рождаемости населения как фактор устойчивого развития России // Региональные социально-экономико-географические исследования: Сборник научных статей. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2023. С. 105-112.
6. Михайлов К.М., Крупко А.Э. Новейшие тенденции развития населения России и устойчивое развитие страны // Региональные эколого-географические и туристско-рекреационные исследования: Сборник научных статей. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2023. С. 145-153.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / М., 2024. 1081 с.

НАСЕЛЕНИЕ ПОМЕСТЬЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (по отписным книгам)

THE POPULATION OF AN ESTATE IN CENTRAL RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY (Based on register books)

Л.П. Найденова

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

L.P. Naydenova

Institute of Russian History, Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируется демографическая ситуация в селе Центрально-Черноземного района России накануне введения подушной подати. Характеризуется численность, половозрастной состав, структура семьи, демографическое поведение сельского населения.

Abstract. The article examines the rural population in Central Chernozem region of Russia on the eve of the introduction of the poll tax. Population size, gender and age structure, family structure, demographic behavior of the Russian peasantry are studied.

Ключевые слова: крестьянство, сельское население, село, семья, брачный возраст, демографическое поведение, поместье, Центрально-Черноземный район, Россия

Keywords: peasantry, rural population, village, family, marriageable age, demographic behavior, demesne, Central Chernozem region, Russia.

История сельского населения России, в том числе и XVIII в. давно привлекает внимание исследователей. В то же время, предметом исследования чаще является крестьянство как социальная категория с его имущественными характеристиками, местом в социальной структуре общества. В центре внимания оказывается крестьянское хозяйство как экономическая единица, крестьянские повинности; по отношению к элите речь чаще идет о вкладе представителей помещичьего сословия в политическую и культурную жизнь страны.

Демографические аспекты бытования крестьянства изучены значительно меньше. В.М. Кабузан отмечает, что Орловщина, о сельском населении которой пойдет речь, к 20-м годам XVIII века была уже освоена, ее заселение завершилось, а процент крепостного крестьянства был относительно невысок (примерно 56 % по первой ревизии и около 70% по второй ревизии). Здесь жило стабильное население, 99% которого составляли русские.[1, с. 95]. В нашем случае объектом исследования стало население владения обер-президента надворного суда Василия Федоровича Стремоухова, которое было «отписано на государя» в 1723 г., расположенное в Кромском уезде, Добринский стан. (В.Ф.Стремоухов упоминается как стольник в 1682 году [2, с. 391], т.е. к моменту опалы он числился на службе уже как минимум 41 год, т.е. был человеком немолодым). Отписная книга заверена секретарем Василием Шагаровым и «камисаром» Иваном Шакловитовым. [3, сс. 147-156].

Выбор описи именно этого владения обусловлен тем, что его население было описано тщательней других, с указанием не только состава семьи, но и возраста всех ее членов, включая новорожденных. По данным Ю.А. Тихонова, все население этого владения, состоявшего из села Шеблыкино и деревень Ноздрачевой и Савостиной насчитывало 62 семьи. При этом в некоторых избах проживало по 2-3 семьи. [4, с.138] Основное поселение данного владения, большое село Шеблыкино, состояло из 49 изб и множества хозяйственных построек. В селе 2 деревянных храма (один холодный, другой теплый, «зимний»). Господский двор, как и в других отписных книгах, описан отдельно. Он, по меркам того времени, большой, состоит из двух «хором»: с четырьмя светлицами и с двумя светлицами, и «светлицей спальней», массой хозяйственных построек, среди которых 2 бани (видимо, одна – господская), ледник, 2 погреба. Из мебели упомянуты в тех хорамах 4 стола и 8 стульев, обитых кожей; на господском дворе насчитывалось 5 крытых колясок и 5 крытых же саней, 73 лошади, 41 корова, не считая остального

скота и домашней птицы, и кроме барской земли в 153 десятины указан сад в 1,5 десятины с яблонями, грушами, сливами и вишней, и пасека с семью ульями.

Судя по отписной книге, на господском дворе жил «приказной человек» с женой и двумя малолетними сыновьями. «Дворовых и деловых людей» – 112 человек: 68 чел. м. п., 72 чел. ж. п., из них 61 чел. детей. Особо оговорено наличие 28 человек «иноземцев крещеных». Что это за люди и какова их функция в поместье – неизвестно (28 «крещеных иноземцев» составляли 20% от живущих на господском дворе). Эти люди, руководимые «приказным человеком», «старостой». жившие в 18 избах, работали на помещичьей земле, выращивали рожь, пшеницу, овес, гречу, коноплю, горох, ячмень, просо, мак, лен. Кроме помещичьего «двора», в селе указаны три мельницы (перечислена семья одного мельника: у семидесятилетнего вдовца Кузьмы сын 10 лет, два женатых пасынка, 25-ти и 20-ти лет, и полугодовалый, внук. Можно предположить, что мельник пережил двух своих жен. Это – одна из самых сложносоставных семей в описании).

Шеблыкинская крестьянская семья состоит из супружеской пары и детей, часто взрослых; чащ вместе живут взрослые семейные братья, Братских семей (17) больше, чем отцовских (14). Малые семьи встречаются редко, доминируют неразделенные семьи. Безлошадных дворов в селе нет. Также в крестьянских дворах есть коровы, овцы, часто свиньи; из домашней птицы обязательно куры, а так же гуси, утки, индейки; основные посевы – рожь, овес, часто конопля и греча.

Описание составлено накануне введения подушной подати, в 1723 г., видимо поэтому крестьян села переписывали «дворами», а внутри двора – семьями, с подробным описанием хозяйственного положения семьи. Всего в селе Шеблыкине в год составления переписи проживала 41 семья, 399 человек; 101 из них – мужчины старше 15 лет, 92 – женщины старше 15-ти лет; женщин немного больше, чем мужчин в возрастной категории от 20 до 30 лет. В 1723 г. родилось 12 младенцев; 6 мальчиков и 6 девочек; 5,8% от общего числа детей – 206 чел. (109 мальчиков, 52,9%, и 97 девочек).

Следует отметить, что возраст детей в описании указывался с точностью до недели, в отличие от взрослых, у которых возраст часто мерился ближе к пятилетнему периоду, что делает все вычисления приблизительными, но, тем не менее, дает возможность представить общую картину. Старших жителей села двое. Это девяностолетний Яков Носав [Носов?] (его жена, восьмидесятилетняя Пелагея, – одна

из старейших жительниц Шеблыкина), и вдова Анна Алексеева дочь, которой тоже 90 лет; она живет с 3-мя уже взрослыми, женатыми сыновьями и племянником; тем не менее, именно она записана как главная в этом «дворе».

Семья обеспеченная: живет в двух избах, владеет двенадцатью лошадьми. Еще только одна вдова указана в качестве главы семьи – сорокалетняя Мотрена (но ее старшему сыну Родиону всего 20 лет и он еще холост). В тоже время вдовцы названы главами семейств в четырех случаях. Самая многочисленная группа обитателей села из числа взрослых – люди, указавшие, что им 30-40 лет, таких 74 чел.(42,6%); от 20-ти до 30-ти – 46 чел. (27,2%), группа пятидесятилетних еще значительна – 19 чел, но быстро сокращается, и к шестидесяти годам составляет 10 человек (17,1%). До 70-80-ти лет дожило лишь 7.6%. Время вступления в брак в описании не указывается, но по возрасту первенца можно судить о примерном возрасте брачующихся. Супружеских пар, у которых можно учесть число и возраст детей, – 86. У матерей в возрасте 16-19 лет наличие детей фиксируется редко – у 14-ти пар (14,8%); число первенцев увеличивается в группе, где матерям 20-26 лет, таких 27 чел. (28%). Значительная часть детей рождается у матерей в возрасте 28-30 лет. В эти два года первенцев появляется почти столько же, сколько за предыдущие семь лет: 28-30 лет – 26 чел.(27,6%). Далее число женщин с детьми-первенцами резко падает. (В возрасте 31-35 лет таких 13 чел., 36-41 год – 5 чел).

Случаев раннего брака фиксируется лишь два: у пятнадцатилетнего племянника Никиты Никонова, женатого на семнадцатилетней Федосье, в июле 1723 г. есть полугодовалый сын. (Отметим, что здесь более юным является отец, матери к моменту венчания было по крайней мере 16 лет. Любопытный факт: у самих сорокалетних супругов Никоновых старшему сыну Владимиру 18 лет, а младшему меньше года. Это – один из крайне редких случаев рождения позднего ребенка).

Вторая семья также венчалась рано: у тридцатилетних Алексея Иванова и его жены Авдотьи старшему сыну Владимиру 15 лет, т.е. они поженились, когда им было 14-15 лет. Интересна эта семья еще и тем, что в ней кроме матери Алексея, вдовы Агафьи, живет вдовая невестка Ульяна, которой 20 лет и у которой нет детей. Это самая молодая из упоминаемых вдов. Можно заключить, что «возраст невесты» жителями села рассматривался примерно с 17-18-ти лет.

Значительная часть женщин выходила замуж ближе к 25-ти годам. Материалы переписи дают возможность оценить разницу в

возрасте в супружеских парах. Из тех 86-ти пар, где это возможно определить: муж старше жены – до 5-ти лет – 31 брак; около 10-ти лет – 16 браков; разница 15 лет и более – 5 браков; браки между ровесниками – 28 пар и в 6-ти случаях муж на 1-2 года моложе жены. Таким образом, самыми распространенными были браки, где муж на несколько лет (но не более пяти) старше жены (36%), или ее ровесник (32,5%). Если учесть соотношение возрастов в супружеских парах то можно заключить, что мужчины также вступали в брак ближе к 25-ти годам. В то же время следует отметить, что в переписи на 1723 г. холостых мужчин в возрасте до 20 лет включительно отмечено всего несколько человек.

Кроме супружеских пар с детьми в состав 14 семей входили 6 вдовцов и 9 вдов (чаще главы семейств или овдовевшие невестки), и племянники. В случае с племянниками речь чаще шла именно о лицах мужского пола, племянницы встретились лишь в двух случаях. Были и «нестандартные» семьи: в состав семьи тридцатилетнего Тита и его жены входила теща Фетинья с семнадцатилетней дочерью Горофеной. Одна из самых малочисленных семей – уже упоминавшаяся живущая в отдельной избе сорокалетняя вдова Мотрена и ее сыновья, неженатый двадцатилетний Родион и десятилетний Борис. Описание позволяет определить и число детей в семье. Больше всего супружеских пар с одним ребенком – 22 пары, и с тремя детьми – 21 супружеская пара; с двумя детьми – 17 пар, а вот с четырьмя только – 12; 5-ю – 6 пар; 6-ю – 7 пар; 8-ю – 1 пара. Семьи с 1-3-мя детьми составляли, таким образом, почти 70% семей, в то время как семьи с 5-ю и более детьми – 16,2%. Несколько супружеских пар не имели детей, но их едва ли можно назвать бездетными по причине молодости супругов.

Библиографический список

1. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 19. 256 с.
2. Иванов П.И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М.: Типография С. Селивановского, 1853. 498 с.
3. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1951 419 с. Хранится: РГАДА фонд Вотчинной коллегии, 1723г., кн.233/5290, лл.350-370.
4. Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII вв.: сосуществование и противостояние. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 448 с.

**МАЙКОПСКИЙ ОТДЕЛ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ:
ФОРМИРОВАНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ,
ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ**

**MAIKOP DEPARTMENT OF THE KUBAN REGION:
FORMATION, MAIN SETTLEMENTS,
FEATURES OF THE POPULATION**

А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

И.М. Федина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.P. Skorik

South Russian State Polytechnic University (NPI)
named after M.I. Platov, Novocherkassk, Russia

I.M. Fedina

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены итоги исследования центральной и юго-восточной, одновременно равнинной и гористой административно-территориальной единицы Кубанской области – Майкопского отдела в конце XIX – начале XX вв. На основе комплекса исторических источников, часть из которых введена в научный оборот впервые, дана комплексная характеристика Майкопского отдела с акцентом на этнокультурные сюжеты. Особо выделен национальный и социальный состав населения, приведены его количественные и конфессиональные параметры.

Abstract. The article presents the results of a study of the central and southeastern, both flat and mountainous, administrative-territorial unit of the Kuban region, the Maikop Department, in the late 19th and early 20th centuries. Based on a complex of historical sources, some of which have been introduced into scientific circulation for the first time, the article provides a comprehensive description of the Maikop Department, focusing on its ethno-cultural aspects. The article highlights the national and social composition of the population, as well as its quantitative and religious characteristics.

Ключевые слова: армяне, белорусы, болгары, великороссы, греки, грузины, евреи, горцы, казаки-линейцы, крестьяне, латыши, малороссы, молдаване, немцы, поляки, татары.

Keywords: Armenians, Belarusians, Bulgarians, Great Russians, Greeks, Georgians, Jews, highlanders, Cossacks, peasants, Latvians, Little Russians, Moldovans, Germans, Poles, and Tatars.

Майкопский отдел с позиции географических координат располагался в центральной и юго-восточной части Кубанской области, а в административно-территориальном отношении с запада и

с северо-запада граничил с Екатеринодарским отделом, с северо-востока и востока его земли соприкасались с Лабинским отделом, с юго-востока он размежёвывался с Баталпашинским отделом Кубанской области, и с юга через Главный Кавказский хребет Майкопский отдел разграничивался с Черноморской и Кутаисской губерниями Российской империи. Территория Майкопского отдела представляла собой по большей мере предгорную и гористую местность бывшего Закубанского края.

Вместе с тем, отдел делился по характеру местности на две части: северную (равнинную) и южную (гористую). Значительно меньшая по площади северная часть отдела являлась относительно равнинной, немного волнистой земной поверхностью, которую прорезали многочисленные, но неглубокие речные долины, а реки вытягивались в северо-западном направлении к Кубани и к её главным здесь левым притокам, реке Лаббе и реке Белой. На востоке северная часть отдела в большей степени отличалась возвышенностями и характеризовалась редколесностью. А вот на западе этой части, более низменной и богатой лесами, часто встречались большие плавни, поросшие камышами и залитые водой. Южная, большая часть Майкопского отдела представляла собой гористую местность с множеством глубоких долин и горных ущелий, где текли очень быстрые горные реки, причём, горные ущелья и речные долины были почти сплошь покрыты лесами. Южнее города Майкопа горы становились всё более и более высокими пока не достигали Главного Кавказского хребта.

Административным центром отдела являлся г. Майкоп. На момент образования Майкопского отдела в 1888 г. в него входили следующие населённые пункты (указываемые нами по отдельным видам поселений) [1, л. 60б]: *город* Майкоп; *местечко* Горячий Ключ; *станции*: Абадзехская, Абхазская, Андрюковская (с посёлком Чёрным), Апшеронская, Ахметовская, Баговская, Бакинская, Баракаевская, Бжедуховская (с посёлком Михайловским), Белореченская, Бесленевская, Гиагинская, Губская, Гурийская, Дагестанская (с посёлком Дагестанским), Даховская (с посёлком Каменномостским), Имеретинская, Кабардинская, Келермесская, Ключевая, Костромская, Кубанская, Кужорская, Курджипская, Кутаисская, Линейная, Мартанская (с посёлком Суздальским), Махошевская, Переправная, Прусская, Псебайская, Пшихская, Рязанская, Самурская, Саратовская, Севастопольская, Тверская, Тульская, Хадыженская (с посёлком Нефтяным), Хамкетинская, Ханская, Царская, Черниговская, Черноморская, Ширванская,

Ярославская; *посёлки*: Пятигорский (с подчинённым посёлком Хребтовым), Фанагорийский (с подчинёнными посёлками Безымянным и Садовым); *село* Николаевское; *селения*: Елизаветпольское, Леонтьевское, Навагинское, Темнолесское, Хамышки; *слободы* Сергиевская и Шедок; *урочище* (поселение – *авт.*) Гойтх.

Итого в Майкопском отделе значились: 1 город, 1 местечко, 46 станиц, 11 посёлков (с учётом их подчинённости другим местным администрациям), 1 село, 5 селений, 2 слободы, 1 урочище. Основной поселенческой структурой отдела, как видим, являлась станица, и посёлки входили в состав станичных юртов. Однако свободное заселение Закубанского края предопределило образование в Майкопском отделе поселений иногороднего крестьянства, а со временем здесь также консолидируются горские аулы, и, соответственно, группируется горское население.

Согласно новому расписанию населённых пунктов Кубанской области, утверждённому Военным советом 7 февраля 1891 г. перешли [3, с. 16] из Майкопского отдела в Екатеринодарский отдел отчислялись в административное подчинение следующие станицы: Бакинская, Ключевая (с местечком Горячий Ключ), Кутаисская; Мартанская, Рязанская, Саратовская, Суздальская, Черноморская; посёлки Безымянный, Пятигорский (с Хребтовым), Садовый, Фанагорийский; селение Елисаветпольское. Из Майкопского отдела в Лабинский отдел передали станицу Ахметовскую. Из Лабинского отдела в Майкопский отдел перевели станицы: Воздвиженскую, Некрасовскую, Новолабинскую (с посёлком Александровским), Тенгинскую (с посёлком Геймановским); село Филипповское, а также отчислили все горские аулы. Из Баталпашинского отдела в Майкопский отдел отошли село Ивановское и вновь образованная станица Дондуковская.

Среди казачьего населения преобладали казаки-линейцы, но казачьи станицы в конце XIX в. здесь были менее населёнными, нежели в других отделах, со средней численностью 4–5 тыс. человек. В этническом отношении по состоянию на 1 января 1895 г. в Майкопском отделе фиксировалось 105400 великороссов, 69120 малороссов, 3670 абхазцев (абазинцев), 2680 абадзехов, 1300 бжедухов, 1400 натухайцев, 800 шапсугов, 10600 прочих этнических групп адыгейцев (черкесов), 625 немцев, 360 армян, 98 евреев, 2056 лиц прочих народностей. К сожалению, в данных статистики отдельно не указываются белорусы, хотя они также проживали в Майкопском отделе. Вместе с тем, в Майкопском отделе

сосредотачивалась значительная часть горцев (в общей сложности 20450 человек), не покинувших свою историческую родину в ходе масштабной эмиграции.

Численность населения Майкопского отдела Кубанской области росла довольно быстрыми темпами и по состоянию на 1 января 1905 г. составляла всего 311272 человек. В этническом отношении в составе населения отдела выделялись следующие группы: 281405 человек относились к русским, горцев насчитывалось 24937 человек, 2208 человек числились как иногородние (скорее всего, это малороссийские и белорусские крестьяне), 759 человек фиксировались как немецкие колонисты, 541 человек значились как армяне, 311 человек имелось из числа татар, ещё проживало в отделе 19 грузин, а также 1092 человек других национальностей [6, с. 41], среди которых отмечалось 26 женщин-казачек из числа белорусов. Что касается небольших этнических групп, статистика о которых отсутствует, то встречавшиеся поляки замечены только в больших станицах, попавшие волею судеб в Майкопский отдел болгары занимались огородничеством, водворились в поселениях отдела молдаване (румыны), и даже нашли своё место здесь цыгане. В отдельных хуторах устроились протестантские семьи немцев-менонитов (проповедовавших смирение, непротивление злу насилием и нравственное самоусовершенствование, отказывавшихся ни при каких условиях брать в руки оружие, а потому при оказании на них государственного давления мигрировавших в другие места) и семьи латышей, причём, обе эти группы имели высокий образовательный уровень и отличались чрезвычайным трудолюбием. Довольно редко, как отдельные представители, встречались в поселениях Майкопского отдела французы. Показательна в этом отношении поселенческая история хутора Пезе-де-Корваль. Переселившиеся в Закубанье и осевшие в поселениях отдела греки являлись хозяевами многочисленных табачных плантаций.

В сфере торговли, питейного и гостевого обслуживания Майкопского отдела также наблюдалась концентрация торговых операций и питейно-гостевых заведений в руках этнических групп. Так, татары в основном занимались куплей-продажей, грузины содержали духаны (духан – это лавка и одновременно питейное заведение, маленький ресторанчик) и трактиры (трактир – это постоялый двор, гостиница с харчевней дешёвого класса), но никто не мог соперничать с армянами (черкесогаями), которые контролировали преобладающую часть торговых операций в станицах отдела и городе Майкопе.

Земельные угодья в Майкопском отделе в общей сложности насчитывали 1523537 десятин, из них фиксировалось 1160666 десятин войсковых земель, и 362871 десятин относились к невойсковым землям. Войсковые земли дифференцировались на следующие четыре категории: 1) земли «охотников»-переселенцев; 2) офицерские участки; 3) земли чиновников; 4) казачьи наделы. Невойсковые земли состояли из земельных угодий: 1) сельских обществ; 2) участков отдельных лиц; 3) земель товариществ; 4) казённых земель [6, с. 38].

Станицы Майкопского отдела по своим пространственным параметрам являлись очень крупными поселениями, некоторые из них имели вид городов, насчитывающих несколько тысяч человек населения. В архитектурно-планировочном отношении станицы отдела выглядели довольно похожими друг на друга, и, прежде всего, их сближали три внешних характеристики: расположение основных общественных станичных построек; преобладающий тип жилых строений; наличие хуторов, примыкающих к окраинам станицы. В центре станичного поселения находилась площадь, где обычно выстраивались основные общественные заведения: главный православный храм (порой в станицах было две церкви, а то и больше культовых зданий), народное училище (школа), станичное управление и торговые лавки. При довольно правильной планировке во внешнем виде станиц любого приезжего наблюдателя привлекали многочисленные хозяйские сады и непременно радовали взгляд опрятные домики, огороженные заборами (плетнями). К числу наиболее крупных станиц Майкопского отдела относились: станица Гиагинская, вытянувшаяся вдоль на 10 вёрст по обоим берегам реки Гиага (левого притока реки Лаба); станица Царская, находившаяся в горнолесной местности Нагорной полосы и водворившаяся в верхнем течении реки Фарс (левого притока реки Лаба); станица Новолабинская, расположенная на правом берегу реки Лаба. Примечательно, что станица Царская Майкопского отдела четырежды в своей истории меняла название: при основании в 1862 г. она именовалась Верхне-Фарсская (по основному гидрониму реки Фарс), затем она обозначалась как Александровская, в связи со встречей в данном месте в 1862 г. российского императора Александра II с депутацией горских князей и старейшин аулов, когда они обратились с просьбой об оставлении в пользовании горских племён их вековых владений, и на месте этого приёма был поставлен памятник с бронзовым бюстом императора, с 1864 г. станица переименована в Царскую, и с 1920 г. она называется Новослободная.

К числу основных занятий населения Майкопского отдела в

равнинных и долинных (вдоль рек) станицах относились земледелие (в станице Гиагинской с одной десятины собирали урожай от 150 до 200 пудов пшеницы) и скотоводство, а в станицах Нагорной полосы процветали: лесной кустарный промысел (лесопромышленность с активным вывозом леса), охота, возделывание картофеля, собирание урожая диких груш и яблок, грибов, всевозможных ягод, а также ломка извести, добываемой путём измельчения и обработки известняка (обломочной либо осадочной горной породы). В структуре местной (кустарной) промышленности заметно выделялись водяные мельницы. Развёртывание нефтедобычи во многом изменило хозяйственный облик Майкопского отдела, и он во многом стал приобретать всё более и более промышленный вид.

Майкопский отдел, как писал С.В. Фарфаровский [6, с. 38] в начале XX в., по своему характеру, образу жизни, царящим нравам и сложившимся обычаям напоминает Малороссию. Здесь жилые дома, в обиходе называемые хатами, лиц среднего достатка в архитектурно-планировочном отношении обычно состояли из двух комнат с небольшим балкончиком. Крыша делалась из камыша, соломы, драни), реже из железа. Однако, из каких бы строительных материалов не сооружался дом, будь он деревянный, турлучный или камышовый, его стены обмазывались глиной и белились мелом, а ставни (деревянные створки на окнах), косяки (боковые деревянные брусья дверных или оконных рам) и окна раскрашивались синькой (минеральной краской синего цвета, которую употребляли для придания им голубизны) или охрой (природной минеральной краской жёлтого цвета). Жилые дома с подворьем, как правило, огораживались древесными плетнями. Повседневный быт населения был достаточно неказист, и во многом напоминал типичное малороссийское житьё-бытьё, к примеру, любимой пищей жителей являлись: 1) *борщ* (вид супа с капустой, свеклой, картошкой, луком, морковкой, помидорами, болгарским перцем, чесноком, зеленью и прочими ингредиентами, причём, свекла придавала борщу характерный красный цвет); 2) *сало*; 3) *галушки*; 4) *вареники*. А в дни православных постов жители поселений Майкопского отдела кушали тарань (сушёную рыбу). Великий русский поэт А.С. Пушкин в стихотворении «Гусар» в 1833 г. писал о галушках: «То ль дело Киев! Что за край! // Валятся сами в рот галушки, // Вином – хоть пару поддай, // А молодницы-молодушки!». Вероятно, поэт перефразировал народную поговорку: «Галушка хоть и пуста, да сама летит в уста». Кроме того, как мы полагаем, в Майкопском отделе молодухи подавали на стол галушки не хуже, чем в Киеве. «К нам с

пушками, а от нас с галушками», – говорили о знатном хлебосольстве на Кубани.

В 1917 г. в административной подчинённости Майкопского отдела (управление отдела располагалось в г. Майкоп) находились следующие населённые пункты [4, л. 37–38] (указываемые нами по отдельным видам поселений в алфавитном порядке): *город* Майкоп; *станции*: Абадзехская, Абхазская, Андрюковская, Апшеронская, Баговская, Баракаевская, Бжедуховская, Бесленевская, Воздвиженская, Гиагинская, Губская, Гурийская, Дагестанская, Даховская, Дондуковская, Имеретинская, Кабардинская, Каменноостовская, Келермесская, Князе-Михайловская, Костромская, Кубанская, Кужорская, Курджипская, Линейная, Махошевская, Некрасовская, Нефтяная, Нижегородская, Новоалексеевская (бывший посёлок Царедарский Малый), Новолабинская, Переправная, Петропавловская, Псебайская, Пшихская, Самурская, Севастопольская, Тверская, Темиргоевская, Тенгинская, Тульская, Хадыженская, Хамкетинская, Ханская, Царская, Черниговская, Чернореченская, Ширванская, Ярославская; *хутора*: Агабабов, Александровский, Алексеевский, Атапин, Ахматов, Бахтыгиреевский, Беденко, Безладнова, Бережной, Берюков, Бобаевский, Болгов, Болотоков, Брашневского, Булавина, Булавинова, Верёвкин, Волков, Гаврилов, Геймановский, Горбоконев, Гречкин, Гунеус, Гунькин, Дальний, Дорошенко, Дубовый, Дьячевского, Дятлов, Заболотского, Завершинский, Задираки, Захарова, Заярного, Зимин, Игнатъев, Ильницкий, Канивецкий, Капустин, Карандеев, Кармалиновский, Касаточкин, Касьянов, Кательва, Кислов, Косинов, Кубанский, Кужорский, Кузьминка, Курчин, Кучеровой, Лантратовский, Леонидов, Лисецкий, Махошевская Поляна 1-й, Махошевская Поляна 2-й, Миронов, Монтакова, Назаренко, Назаров, Немецкий, Нестеров, Нечаевский 1-й, Нечаевский 2-й, Никитина, Николаевский, Новый, Орехов, Оськин, Охотников-переселенцев, Пальченко, Патовкин, Перуновых, Погуляев, Половнев, Попов, Потомственный, Причтовый 1-й, Причтовый 2-й, Причтовый 3-й, Причтовый 4-й, Причтовый 5-й, Решетников, Романцов, Рудаков, Руденко, Садлуцкого, Скобелевский, Слоличев, Соломенный, Сосновый-Малыкин, Спевака, Стракоча, Сухой Кут, Таранов, Таукчи, Терептка, Тихонова, Ткаченко, Торин, Труфанов, Уланов, Устинов, Хаджемуклов, Хадыженский (Куринка), Хапачев, Хатаевский, Чебатаева, Черниговский, Чёрный, Шаповал, Шевяков, Шидловский, Школьный, Шляхов; *посёлки*: Звездилин, Игнатъевский, Курджипский (Тёмный Лес), Максимовича, Постарнака, Проскудина, Чехракский; *села*: Алексеевское,

Архиповское, Баранченковское, Беноково, Бурное, Воронцово-Дашковское (бывший Царе-Дарский 1-й), Елисаветпольское, Княжеское, Котловинское, Кушинка, Мостовое, Новоконстантиновское, Перевальное, Пирумовское (бывший посёлок Архангельский), Прохладное (бывший хутор Сахрай), Режет, Сергиевское, Солёное, Темнолесское, Тубы, Унароково, Филипповское, Царский Дар, Шедок, Штурбино; *селения*: Гунайское, Леонтьевское, Меретук; *аулы*: Бжедуховский, Блечепсинский, Джерокаевский, Егерухаевский, Кошехабльский, Мамхеговский, Пшизовский, Темиргоевский, Хакуриновский, Хатажукаевский, Хатаевский, Хачемизеевский, Ходзкий; *имения*: Беданоква, Берберова, Нагорокова, Унарокова [5, с. 49–52; 2, л. 27–27об].

В целом, по отдельным видам поселенческих структур в Майкопском отделе Кубанской области на 1917 г. насчитывалось: 1 город, 49 станиц, 115 хуторов, 7 посёлков, 25 сёл, 3 селения, 13 аулов и 4 имения. Как видим, среди поселенческих структур преобладали станицы и хутора. В Майкопском отделе образовалось два полюса, два образа поселенческих территорий: крупные населённые пункты, сельские по своей природе, но тяготеющие по размерам к городам, и небольшие поселения, пасторальный характер которых не вызывает никаких сомнений.

Майкопский отдел и его управление продолжали существовать и во время функционирования на Кубани Кубанского краевого правительства (1918–1920 гг.). Управление Майкопского отдела было ликвидировано только с установлением советской власти на Кубани в марте 1920 г. Отдел позиционировал Кубань как казачий регион Российской империи. Вместе с тем, Майкопский отдел являлся территорией межнационального взаимодействия, где различные этнические группы были заинтересованы в мирном экономическом сотрудничестве, а социокультурные и этнические предпочтения заметно отражались на хозяйственных занятиях населения. Простые бытовые радости, в частности, пища, являлись симптоматичной характеристикой Майкопского отдела.

Библиографический список

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 574. Оп. 1. Д. 910.
2. ГАКК. Ф. 742. Оп.1. Д. 5.
3. Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар: Типография А.П. Сташевского, 1891. 999 с. разд. паг.
4. Национальный архив Республики Адыгея (НАРА). Ф. 68. Оп. 1. Д. 37.
5. Основные административно-территориальные образования на Кубани (1793–1985 гг.) / Сост.: А.С. Азаренкова и др. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1986. 394 с.

6. Фарфоровский С.В. Статистическое географическое описание Майкопа и Майкопского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис: Канцелярия Наместника Его Императорского Величества на Кавказе и Типография К. Козловского, 1910. 709 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

DEMOGRAPHIC AND SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF ADYGEA: ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION

М.А. Хуако

Кубанский государственный университет г. Краснодар, Россия

М.А. Khuako

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современных демографических и социокультурных процессов в Республике Адыгея. Исследуется динамика ключевых демографических показателей: численности населения, рождаемости, смертности и ожидаемой продолжительности жизни, которые демонстрируют положительную тенденцию и превышают среднероссийские значения. Особое внимание уделяется социокультурным аспектам, включая укрепление гражданской и этнокультурной идентичности, развитие туризма, языковую политику и роль молодежи в межкультурном диалоге. На основе проведенного анализа делается вывод об успешной региональной модели развития, где традиции эффективно сочетаются с модернизацией, что способствует гармоничному развитию республики в составе Российской Федерации.

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of current demographic and sociocultural processes in the Republic of Adygea. It examines the dynamics of key demographic indicators, such as population size, birth rates, death rates, and life expectancy, which show a positive trend and exceed the national average. Special attention is given to sociocultural aspects, including the strengthening of civic and ethno-cultural identity, the development of tourism, language policy, and the role of young people in intercultural dialogue. Based on this analysis, the article concludes that the Republic of Adygea has a successful regional development model that effectively combines traditions with modernization, contributing to the harmonious development of the republic within the Russian Federation.

Ключевые слова: Республика Адыгея, демография, социокультурные процессы, межнациональные отношения, языковая политика, молодежь, региональное развитие.

Keywords: Republic of Adygea, demography, sociocultural processes, interethnic relations, language policy, regional development.

Вопрос демографии сегодня актуален для всей Российской Федерации. В обращении к участникам стартовавшего в Москве форума социальных инноваций «Демография 2.0. Перегрузка» президент России Владимир Путин назвал приоритетной национальной задачей поддержку рождаемости и продвижение семейных ценностей. «Улучшение демографической ситуации, поддержка рождаемости, повышение качества жизни людей, продвижение ценностей большой многодетной семьи – приоритетная общенациональная задача» [8.]. Для Республики Адыгеи, как и для всей России улучшение демографической и социокультурной ситуации является одной из важнейших задач.

Современный этап социально-экономического и политического развития Российской Федерации характеризуется значительной региональной дифференциацией, где наряду с общероссийскими тенденциями проявляется влияние уникального комплекса локальных факторов. В этом контексте Республика Адыгея, являясь одним из самых небольших по территории и численности населения субъектов Южного Федерального округа. Ее уникальный статус как анклава внутри высокоразвитого Краснодарского края, сложная этно-демографическая структура и богатое историко-культурное наследие формируют специфическую среду, в которой демографические и социокультурные процессы приобретают особую интенсивность и противоречивость.

Актуальность темы данного исследования обусловлена совокупностью причин. Во-первых, Республика Адыгея, будучи исторической родиной адыгского народа, играет ключевую роль в сохранении и развитии его языка, культуры и национальной идентичности в глобализирующемся мире. Этот процесс происходит в условиях активных межэтнических взаимодействий и требует тонкого баланса между поддержанием этнической уникальности и укреплением общероссийской гражданской идентичности. Во-вторых, демографический потенциал республики испытывает на себе одновременное влияние южнороссийских тенденций (относительно более высокая рождаемость, миграционная привлекательность) и общероссийских вызовов, таких как старение населения, депопуляция в отдельных сельских районах и структурные перекосы на рынке труда.

Целью настоящей статьи является многоаспектный анализ современной демографической ситуации и ключевых социокультурных тенденций в Республике Адыгея, а также выявление характера и направленности взаимосвязей между ними. В статье

выделены два блока, в которых последовательно анализируются демографическая ситуация и социокультурные процессы в Республике Адыгея.

Демографическая ситуация. Анализируя демографическую ситуацию в одном конкретном субъекте в Российской Федерации необходимо также обратиться к демографической ситуации в стране. Обращаясь к статистическим данным – «численность населения уменьшалась на протяжении всего рассматриваемого периода. К 2023 г. по сравнению с 2019 г. численность населения уменьшилась на 1808495 человек (или на 1,22%). В целом, можно выделить два ключевых фактора, влияющих на демографию РФ в рассматриваемый период: пандемия COVID-19 и начало специальной военной операции (СВО)» [1.]. По данным Росстата, «по итогам 2024 года естественная убыль населения России составила 596,2 тыс. человек, что на 20,4% больше, чем за 2023 год» [6]. Таким образом, в Российской Федерации существуют очевидные демографические проблемы.

Рассмотрим подробнее демографическую ситуацию в Адыгее. Основные показатели приведены в таблице 1 составленной на основе данных из открытого источника – заседания коллегии Минздрава Адыгеи в координационном центре Главы Республики Адыгея [2].

Таблица 1. Демографическая ситуация в Республике Адыгея

Показатель	Значение	Динамика и сравнение
Общая численность населения	501 038 человек	Небольшой прирост (+447 чел.) по сравнению с 2023 г.
Ожидаемая продолжительность жизни	75,5 лет (2024 г.)	Рост с 73,6 лет (2022 г.). Превышает средний показатель по РФ (72,94 г.) на 3,5%. Рекордный уровень для республики.
Рождаемость		
Количество новорожденных (2024 г.)	4 329 детей	На 14 детей больше, чем в 2023 г.
Коэффициент рождаемости	8,7 на 1000 чел.	На уровне 2023 г. Выше среднероссийского показателя (8,4).
Регионы с высокой рождаемостью	г. Майкоп, г. Адыгейск	Превышают среднереспубликанский уровень.
Смертность (снижение за 2024 год)		
От болезней системы кровообращения		Снижение на 1,3% (на 21 чел. меньше).
От новообразований (рака)		Снижение на 2% (на 13 чел. меньше).
От болезней органов дыхания		Снижение на 2,9%.
От туберкулеза		Снижение почти на 30%.
Прочие причины (инфекции, болезни нервной и эндокринной системы)		Отмечается положительная динамика.
Младенческая смертность 2,2‰		Снижение на 31,2% по сравнению с 2023 г. Ниже среднероссийского значения.

На основе данных таблицы можно сделать общий вывод о том, что демографическая ситуация в Республике Адыгея характеризуется устойчивой положительной динамикой. Численность населения показывает небольшой прирост, что свидетельствует о стабилизации демографической ситуации. Ключевым достижением является рекордный рост ожидаемой продолжительности жизни до 75,5 лет, что превышает среднероссийский показатель и указывает на эффективность системы здравоохранения.

Стабильная рождаемость, сохраняющаяся на уровне выше среднего по РФ, и резкое снижение младенческой смертности подчеркивают успехи в поддержке материнства и детства. При этом наблюдается последовательное снижение смертности от всех основных причин, включая болезни системы кровообращения, новообразования и туберкулез, что демонстрирует результативность реализуемых мер по улучшению здоровья населения. Демографическая ситуация в Республике Адыгея показывает положительную динамику.

Социокультурные процессы в Республике Адыгея. Для изучения данного вопроса, вернёмся к понятийному аппарату. «Социокультурные процессы – это изменение во времени состояния культурных систем и объектов, а также типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами» [5].

Современная социокультурная ситуация в Республике Адыгея характеризуется сложным переплетением традиций и модернизации, что формирует уникальную среду для развития региона.

Ее анализ позволяет выделить несколько ключевых процессов.

1. Укрепление гражданской и этнокультурной идентичности. В Адыгее успешно сохраняется уникальный баланс между формированием общей гражданской идентичности «россиянин» и сохранением богатого этнокультурного наследия адыгского (черкесского) народа, а также русской, армянской и других общин. Республика является примером эффективной модели межнационального согласия. Ярким проявлением этого процесса являются масштабные праздники, такие как День республики, которые отмечаются всеми жителями, а также возрождение и популяризация традиционных адыгских этических норм «Адыгэ Хабзэ», выступающих основой общественной морали. Данный блок подтверждается и нормативно-правовыми актами, например постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 24 декабря 2019 года №316 «О государственной программе Республики Адыгея Укрепление межнациональных отношений,

формирование общероссийской гражданской идентичности» [7].

2. Культура как драйвер регионального развития и туризма. Культурная политика республики направлена на превращение наследия в ресурс развития. Майкоп, носящий звание «Города воинской славы», и вся Адыгея активно развивают туристический кластер. Популярность набирают не только природные объекты (плато Лаго-Наки, горы Фишт и Оштен), но и события культурного туризма: фестивали, этнографические экскурсии, гастрономические туры, знакомящие с национальной кухней. Это способствует созданию позитивного имиджа региона и притоку инвестиций. «Министерством культуры Республики Адыгея ведется работа по сохранению и развитию межрегиональных и международных культурно-гуманитарных связей с зарубежными партнерами и Республикой Крым, расширению сотрудничества в рамках ЕАЭС, СНГ, ШОС. Приняты меры по развитию связей с Южной Осетией, Абхазией, а также по укреплению связей с соотечественниками за рубежом» [4].

3. Образовательная и языковая политика: поиск баланса. Одним из самых актуальных процессов является развитие системы образования с акцентом на изучение родных языков. В республике поддерживается адыгейский и русский языки сосуществуют в общественном пространстве, СМИ и системе образования. «Языковая политика идентичности в республике реализуется посредством государственных программ «Развитие образования», «Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание», и «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Адыгея». Кроме того, Стратегией социально-экономического развития Республики Адыгея до 2030 года предусмотрен флагманский проект «Образование – основа развития Адыгеи» [3]. Это создает условия для сохранения разных языков, но одновременно требует постоянного внимания для поддержания жизнеспособности адыгейского языка среди молодого поколения в условиях глобализированной цифровой среды.

4. Молодежь в условиях межкультурного диалога. Молодежь Адыгеи находится в уникальном положении: она активно интегрирована в общероссийское и глобальное информационное пространство, но при этом является главным носителем традиционной культуры. Социальные сети и цифровые технологии становятся новым инструментом для популяризации адыгского языка, истории и искусства среди молодежной аудитории, что позволяет адаптировать наследие к современным форматам.

Современная социокультурная динамика в Республике Адыгея является в целом позитивной и устойчивой. Регион демонстрирует успешную модель, где традиция не противостоит модернизации, а обогащает ее. Ключевыми вызовами остаются вопросы сохранения языковой среды в цифровую эпоху и сбалансированного территориального развития. Однако активная культурная политика, опора на межнациональное согласие и положительные демографические тенденции создают прочную основу для дальнейшего гармоничного развития республики, укрепляя ее как неотъемлемую и самобытную часть многонациональной России.

Библиографический список

1. Донской Д.А., Ужакова М.В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО. 2024. № 4 (12). С. 51-61.
2. В Адыгее зафиксирован рост рождаемости URL: https://amogr01.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-eportazhi/novosti_253.html (дата обращения: 06.11.2025).
3. Жаде З.А. Языковая политика идентичности в Республике Адыгея // Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике : материалы III Международной научной конференции, Майкоп, 27–29 октября 2022 года. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2022. С. 100-104.
4. Кулов М.Х. Развитие культуры Республики Адыгея // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 2. С. 18-23.
5. Кускарова О.И. Социокультурный процесс: состояние, особенности, факторы взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 1-5.
6. Мониторинг демографии // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7533665> (дата обращения: 06.11.2025).
7. О государственной программе Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений, формирование общероссийской гражданской идентичности»: Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 24 дек. 2019 г. № 316.
8. Путин провел встречу с членами Совета Федерации // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20250911/putin-2041163379.html> (дата обращения: 06.11.2025).
9. Гучетль А.Р. Социокультурная адаптация студенческой молодежи Адыгеи: экспертное мнение // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. №3. С. 1-7.
10. Численность населения Адыгеи в 2025 году // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68c29af89a79474d87280504> (дата обращения: 06.11.2025).

О СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА (80-гг. XVIII в.)

ON THE POPULATION COMPOSITION OF THE CRIMEAN PENINSULA (the 80s of the 18th century)

А.П. Саманцов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия

A.P. Samantsov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Аннотация. В статье рассматривается один из первых официальных документов, созданный в период 1783-84 гг. на Крымском полуострове. Как составной документ в него вошли различные источники информации: официальные сведения, устные дополнения, переводы документов Ханского периода, мнения сановников и др. Анализ приведенных показателей позволил автору проанализировать состав основных групп населения Крымского п-ова указанного периода и прийти к промежуточным выводам.

Abstract. This article examines one of the first official documents created in 1783-1784 on the Crimean Peninsula. As a composite document, it incorporated various sources of information: official information, oral supplements, translations of documents from the Khan's period, the opinions of dignitaries, etc. The analysis of these indicators has allowed the author to analyze the composition of the main population groups of the Crimean Peninsula during this period and reach preliminary conclusions.

Ключевые слова: Крымский п-ов, присоединение Крыма, Екатерина II, Г.А. Потемкин, И.А. Игельстром, каймаканство.

Keywords: Crimean Peninsula, annexation of Crimea, Catherine II, G.A. Potemkin, I.A. Igelstrom, Kaimakanstvo.

Крымский полуостров, по праву, считался «жемчужиной Российской империи». Такое положение п-ова в исторической летописи страны отсылало учёных и обывателей к истории православия X в., героической истории XVIII в., государственному строительству XIX в. и др. Эмоциональный подъем вызывала сопричастность с историей этой земли, возможность пройти по руинам Харсонеса, улочками Мангуп-Кале или древней Феодосии.

Возвращение Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г. возродило утерянный интерес к истории Крыма. Объектом исследования стали не только исторически важные для России события Крымской войны, или оборона Севастополя, но и вопросы первых шагов в интеграции Крыма в Российскую империю, развитие государственных органов власти на территории Крымского п-ова,

социальные и культурные процессы, история малых этнических групп и др. Доступность архивных материалов, и возможность использования достижения ученых прошлых лет позволяют по новому взглянуть на прошлое Крымского п-ова, наметить новые пути и задачи будущих исследований.

1783 г. стал поворотным в судьбе Крымского п-ова. Изданный 8 апреля Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу», Екатерина II уведомила весь «свет» о том, что Крымский п-ов бесповоротно становится неотъемлемой частью Российской империи, а Указ на имя Новороссийского Генерал-Губернатора от 28 июня известил о принятии всех жителей Крымского п-ова в Российское подданство. И уже, именным Указом Екатерины II Сенату от 02 февраля 1874 г. на территории Крымского Ханства была создана Таврическая область. Географически её территория была ограничена землями, лежащими «...между Перекопом и границ Екатеринославского Наместничества, и остров Тамань...» [2, с. 20]. Этим же указом было определено управление этой территорией, которое было поручено Таврическому Генерал-Губернатору, князю Г.А. Потемкину.

Особенностью административно – территориальной организации Крымского п-ова того времени было сохранение традиционного деления на каймаканства («Бакче-сарайское, Акмечетское, Кара-су-базарское, Козловское, Кефинское, Перекопское» [3, с. 36]), которые возглавляли каймаканы из числа местной знати, с одновременным делением территории на уезды, коих на тот момент насчитывалось 7.

Начало своей деятельности в должности Генерал – Губернатора, Г.А. Потемкин начал с поручения барону И.А. Игельстрому (15 октября 1783 г.), которого он оставил на территории п-ова вместо себя (по причине болезни и отъезда в Полтаву), собрать для него сведения о количестве православных и мусульманских селений, их состоянии, о ханских налогах и сборах, и др. вопросах, характеризующих внутреннюю жизнь на п-ове.

Цель такого поручения И.А. Игельстрому определялась необходимостью выработки внутривластных решений на п-ве, направленных на «сближение с жителями» [6, с. 281 – 286]. Это требовало регламентации многих насущных вопросов, которые были традиционно установлены ханским правлением на п-ове. Их диапазон был достаточно широк – от вопросов «где расположены войска и под чьим начальством, таких где коменданты и кто именно», «тарифов

для таможен по образцу бывшего при последнем хане правления» и до вопросов «как поступать с выезжающими из Крыма татарами» [2, с. 22 – 23].

Результатом деятельности барона стало представленное Генерал – Губернатору описание Крыма под названием «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 года. Июня 1784 г.» (далее – «Регистр»).

Это был достаточно объёмный документ, который включал в себя ответы на 63 вопросных пункта в контексте полученного И.А. Игельстромом поручения. Источниками, в том числе и статистической информации, послужили сведения, полученные от членов земского правительства, местных каймаканов, высших чиновников последнего действующего хана, переводы с писем ханских сановников, регистров и др.

Таким образом, «Регистр» стало первым статистическим источником и справочником по состоянию жизни Крымского п-ова конца 70-х – нач. 80-х гг. XVIII в.. Это позволило использовать данные «Регистра» в качестве точки отсчета в контексте нашего исследования.

Следует отметить, что статистические показатели в «Регистре» скорее относительные. Это определялось источниками получения сведений. Не всегда они были объективны, а в некоторых случаях, отмечалось, о неполучении письменных данных, вместо которых приводились «словесные уведомления» в виде примерных показателей. Таким образом, в «Регистре» можно встретить два вида конечных статистических показателей: с учётом «словесных уведомлений» и без учёта последних.

Кроме того при отсутствии устных сведений, авторы «Регистра» использовали усредненные показатели. Так, скажем, в селении с неизвестным количеством дворов, подсчет мог проводиться по принципу аналогии с соседними населенными пунктами, простым переносом показателей. Так же поступали в некоторых случаях, когда нужно было вывести конечные данные о количестве татарского населения, исходя из обобщенного допущения, что, как правило, в татарских семьях, ориентированных на многодетность наличествует по 3 человека мужского пола. Кроме того, основной упор в работе делался на наличное крымско-татарское и караимское («жиды») население, проживавшее на этой территории до 1783 г., оставляя все остальные этнические группы (киргизы, греки, армяне и др.) за пределами исследования. И этому есть политическое объяснение.

По состоянию на 1783 год на территории Крымского п-ова в семи каймаканствах находилось подтвержденных («известных») 1179 деревень. А с учетом «показанных по постороннему словесному объявлению» – 1411. Примерное число дворов в деревнях, с учётом известного количества в двух каймаканствах (9 490) составляло 14 091 двор. Эту цифру составляли, такие «...что на одну семью состоит три двора, притом есть и вдовий дома...» [3, с.39].

Подсчет населения каймаканских сёл, как уже мы отвечали выше, исчислялся из расчета «по три души жительствоющих мужска пола...». Таким образом, общее население каймаканских деревень составляло 42 273 душ мужского пола. А с учетом дополнительных сведений о количестве христианских и караимских дворов «... по примеру состоит во всём Крыму мужского пола татар и жидов – 55 917» [4, с.42]. А дополненные в последствие данные дают нам показатели татар – 54 510, караимов 1407, что дает нам общее количество крымских татар и караимов 56 343 [5, с.13].

Подобным образом, проводился подсчет «татарских и жидовских» домов в городах Крымского п-ова. По состоянию на декабрь 1783 г. в городах Крымского п-ова насчитывалось 3731 домов, из которых: татарских – 3262 (целыми на момент сбора данных были 2956 домов), караимских («жидовских») 469 домов соответственно. Для составления сводных данных о количестве населения использовались показатели Перекопского Базара (в части каймаканства и кадылыков с показателем в 217 домов). Таким образом, в 2 739 татарских домах, исходя из предположения о проживании в одном доме трёх душ мужского пола, проживало 8 217 душ, в то время как в 469 караимских домах, при той же гипотезе, проживало 1408 человек [4, с.26].

Вопрос количества наличного православного («христианского») населения на основе «Регистра» достаточно сложен. Здесь мы можем говорить и об отсутствии централизованного учета населения в Крымском ханстве вообще и по каймаканствам в частности, отсутствовал общинный учет населения и др. Однако данный документ позволяет выделить общую тенденцию по отношению к православному населению («христианам») Крымского п-ова. По состоянию на декабрь 1783 г. православных деревень на п-ве насчитывалось около 58, с общим количеством дворов 3 782. Однако, с целью определения реального состояния домов и их жителей, И.А. Игелстром задает вопрос – «все ль оные дома целы или изних сколько есть разоренных, также и нет ли проданных татарам от камйакана в присланном регистре показано» [4, с.26-27].

Такой подход к наполнению показателей раскрывает перед нами картину удручающей действительности. Так из наличного 431 дома Мангупского кадылыка по второму регистру и по представленным развернутым данным оказалось, что «проданы ханом» – 123, «целых» – 110, «разорены» – 164 (подсчет наш – АС) [4, с.28 – 29].

На основе данных результатов очень легко прийти к выводу, что «христианских» жилых домов на территории Крымского п-ова в этот период насчитывалось чуть больше одной четвертой от общего количества. Однако следует помнить, что не все лица, которым было вменено составлять отчеты подходили к делу ответственно. Это приводило к тому, что часть вопросов по отдельным селениям оставались не раскрытыми, а сведения не поданными, что приводит к суммарному несоответствию числовых показателей (см. выше).

Кроме того, следует учитывать и индивидуальные особенности организации селений и их состояния. Так в том же регистре было указано домов:

Деревня	Продано ханом	Целых	Разорено	К-во домов
Мармар	2	5	40	47
Кызылташ	13	14	7	34
Ламбат	1	13	3	17
Другой Ламбат	35	-	2	37

Таким образом определить количество «христианского» населения в деревнях п-ова очень затруднительно. Кроме того, составители отмечали одну особенность, которая затрудняла вычленение «христианских» дворов между татарскими. «Все оные дворы .., помещены обще с татарскими дворами, так что нет ни одной деревни, где бы не состояло татарских дворов и мечетей...» [4, с. 27].

Такое замечание достаточно уместно, и позволяет нам понять, что ожидать показателей с указанием количества проживающих в селе «христиан» или количества их домов не представлялось возможным, как и наличие на территории п-ова сел с одним лишь «христианским» населением. Иначе говоря, большинство населенных пунктов Крымского п-ова того периода были полиэтническими. Кроме того общее понятие «христиане» не позволяют нам выделять этнические группы в рамках одной религиозной направленности. Хотя нам известно, что в этот период на территории Крымского п-ова проживали армяне, греки и др. Кроме, того вне учета остались и «христиане», выехавшие из Крыма в Россию, как и выехавшие за пределы Крыма татары и др.

Так в примечании к Ведомости «Сколько в крымском полуострове целых мечетей...» указывалось, что «В городе Кефе ...

Из числа оных состоит две мечети на форштате в коих приношение молитв происходит, а восемь за выездом татар стоят пусты» [4, с. 39]. А «Перевод с регистра ведомства бакчисарайского каймаканства о сотоющ»их деревнях оставшихся после выехавших в Россию христиан...» говорит о том, что только Мангупском кадылыке было оставлено «христианами» 2 церкви и 673 дома [4, с.33].

Таким образом, из полученных данных «Регистра» мы можем говорить о том, что местное население на 1783 г. составляли крымские татары и караимы («жиды»). Подробное изучение ведомостей и регистров позволяет нам выделить наличие на п-ове еще нескольких этнических групп, упоминаемых в «Регистре». Помимо татар и караимов, в «Регистре» упоминаются армяне и греки в отношении к христианским церквям; арнауты («В городе Балаклаве состоящими христианскими и магометанскими 10-ю домами завладели арнауты...» [4, с.34]); киргизы (в количестве 198 семей, 426 человек (подсчет наш – АС) [5, с.13]. Еще одной, нетипичной этнической группой, находящейся в это время на территории Крымского п-ова были цыгане. О их наличии мы узнаем из описания «О доходах в Крымском полуострове до ныне собираемых при владении хана Шагин – Гирея», в котором указано, что «...с жидов подушный сбор простирался в год до – 3 000 р.» а с цыган «...такой же сбор до – 1 000 р. [2, с.27].

Здесь мы видим только налоговые показатели и сумму собранного подушного сбора. Однако определить количество и тех и других по формальному признаку не представляется возможным, поскольку «До Хана Шагин Гирея получаемо было по 60 к. с каждого жида и цыгана, а по вступлению в правление Хана взыскиваемо уже было в год с каждого жида и цыгана богатого 7 р. 20 к. с среднего по 3 р. по 60 к., с бедного по 1 р. 80 к. помянутое количество... Было собрано в 1782 году» [2, с.28].

Подводя промежуточные итоги нашего исследования, необходимо отметить следующее:

– «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 года. Июня 1784 г.» является первым официальным письменным источником с описанием Крымского п-ова времен присоединения Крыма к Российской Империи.

– Его главная задач была в сборе актуальный на тот момент информации об организации жизни на п-ове, состояние хозяйственной организации, традиционного налогообложения, наличие недвижимого имущества и др. актуальных вопросов.

– Данный документ позволяет выделить только те этнические, или конфессионные группы, которые обладали имуществом, и были вовлечены в хозяйственную деятельность : крымские татары, караимы. Обложенные подушным налогом : караимы, цыгане. Конфессиональные, имеющие свои молитвенные учреждения : магометане и христиане, крымские татары, греки и армяне.

– Наличия русских купцов или жителей на территории п-ова в Ханский период выявить не представляется возможным. В данном документе встречается несколько русских фамилий купцов, взявших имущество «под откуп». Однако их количество столь мало, что не позволяет говорить о каком то массовом характере. Точно так же стоит вопрос и о сезонных пришлых за солью, рыбой и др.

– Количественные показатели состава населения Крымского п-ова этого периода, относительны, поскольку сбор информации, приёмы обработки находился в стадии формирования и приходилось пользоваться информацией неофициальной и не проверенной. Это приводило к частым взаимоподсчетам одних и тех же показателей в разных группах, что в целом, не влияет на качество проделанной работы.

– В этой связи, «Регистр» является ценным источником, поскольку он позволяет выделить экономические и социальные процессы на полуострове и выступить фундаментом для будущих исследований.

Библиографический список

1. Кондораки В.Х. В память столетия Крыма. М.: тип. В.В. Чичерина, 1883. – 216, 100, 145 с.
2. Лашков Ф.Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1887. №2. С. 20 – 30.
3. Лашков Ф.Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. №6. С. 36 – 64.
4. Лашков Ф.Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. [Б.г.]. №7. С. 25– 46.
5. Лашков Ф.Ф. О камеральном описании Крыма 1784 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. №8. С. 12– 41.
6. Мурзакевич Н Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина – Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 года // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей . 1881. №12. С. 249 – 330.

ДАННЫЕ ПЕРЕПИСЕЙ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

CENSUS DATA ON NATIONAL COMPOSITION AS AN INDICATOR OF THE TRANSFORMATION OF ETHNIC IDENTITY (USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLICS OF CENTRAL ASIA)

С.М. Лавров

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,
Туркменистан

S.M. Lavrov

Kuban State University, Krasnodar, Russia, Turkmenistan

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы трансформации этнической самоидентификации населения стран Центральной Азии на основе данных всеобщих переписей, которая стала результатом сложных процессов, включающих трансформацию этнической идентичности части населения этих государств в постсоветский период. В работе использованы материалы переписей населения с 1989 по 2021 гг. Проведенный анализ указывает на кардинальные изменения в составе населения центрально-азиатских стран, которые выражаются в значительном росте абсолютной численности и доли представителей титульного населения и резком сокращении представителей национальных меньшинств. В целом можно говорить о нарастании моноэтничности в этих странах, что является, в том числе, результатом целенаправленной национальной политики, реализуемой в них и направленной на этническую унификацию.

Abstract. The article discusses the issues of transformation of ethnic self-identification of the population of Central Asian countries based on the data of universal censuses, which resulted from complex processes involving the transformation of the ethnic identity of part of the population of these states in the post-Soviet period. The work uses materials from the population censuses from 1989 to 2021. The analysis indicates drastic changes in the composition of the population of Central Asian countries, which are reflected in a significant increase in the absolute number and proportion of representatives of the titular population and a sharp decrease in representatives of national minorities. In general, we can talk about the growth of mono-ethnicity in these countries, which is, among other things, the result of a purposeful national policy implemented in them and aimed at ethnic unification.

Ключевые слова: население, Центральная Азия, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, перепись, миграция, нация

Keywords: migration, population, Central Asia, Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, census, nation

Переписи населения являются важным и практически исключительным источником, позволяющим анализировать как этническую структуру населения, так и процессы этнической идентификации, однако их использование в этом качестве имеет ограничения. С помощью переписей собирается информация об этнической принадлежности, но эти данные отражают самоопределение человека на момент переписи и, разумеется имеют погрешность. В постсоветских республиках Центральной Азии переписные данные позволяют отслеживать изменения в численности и структуре этнических групп, однако необходимо понимать, что политические, социальные и культурные факторы, влияют на то, как люди себя идентифицируют.

Этническая идентификация – самоидентификация индивида, фиксирующаяся на основе того, как человек сам определяет себя при заполнении переписного в качестве представителя того или иного народа. Особенностью переписи является тот факт, что здесь, с одной стороны, возможно самоопределение, но также и выбор из предложенного списка национальностей. При этом нужно учитывать динамический характер самоидентификации и социально-политические факторы. Динамика показывает, что этническая идентичность не статична и может меняться с течением времени под влиянием различных факторов, что не всегда может быть зафиксировано в переписях. На постсоветском пространстве динамика этнической идентичности может быть связана с политическими процессами, а также с социальными и культурными изменениями. Эти факторы могут существенно влиять на результаты переписи.

Таким образом, с одной стороны, переписи показывают ситуацию с самоопределением, а с другой, результаты реализуемой государством национальной политики. В свою очередь результаты переписей могут использоваться при формировании политики государств в отношении нетитульных народов.

В целом, данные переписей населения являются ценным инструментом для анализа этнической идентификации, но их использование требует критического подхода и учета всех влияющих факторов. Для более глубокого анализа этнической идентификации переписные данные должны использоваться в комплексе с другими источниками информации, такими как социологические исследования, данные о языке и проч.

Данная тема получила освещение в научной литературе. Так вопросы переписей рассматривались в работах Лантратовой Я. В.,

Манакова А.Г., Данилкина Н.В. и др. Выявлению наиболее значимых факторов изменения национального состава стран Центральной Азии в постсоветское время посвящено исследование Молодова О.Б. [3], Е.Д. Николаевой [4]. Краснопольская И.И рассматривает переписи населения как один из возможных инструментов нациестроительства и вслед за Б. Андерсоном, полагает, что благодаря усилиям государства возможны процессы оформления нации, в частности, с помощью проведения переписей. В целом представители конструктивистской парадигмы отмечают, что переписи представляют собой механизм, с помощью которого государство представляет население в доступных и однозначных категориях, конструирует символические границы и вводит категоризацию населения, что необходимо как для первичного самоопределения, так и для поддержания и воспроизводства национальной самоидентификации.

Таким образом, исследования подчеркивают двойкую природу переписей: с одной стороны – как объективного статистического инструмента, с другой – как механизма государственного нациестроительства. Через перепись государство формирует легитимные этнические категории, создаёт символические границы и закрепляет представления о «своих» и «чужих». Таким образом, перепись становится не только средством фиксации этнической идентичности, но и фактором её формирования и воспроизводства.

В рамках данной работы был проведен анализ материалов переписей в государствах Центральной Азии: Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане. Поскольку в Туркменистане в постсоветский период не публикуются данные переписей населения, используются данные не по всем периодам.

Сравнение этнической структуры населения республик Центральной Азии по данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. и переписей, проведенных в этих странах, в постсоветский период, представлено в таблице 1 [1; 4; 5].

Таблица 1. Население республик Центральной Азии, тыс. чел.

Националь- ность	Узбекистан		Казахстан		Таджикистан		Кыргызстан	
	1989	2021	1989	2021	1989	2021	1989	2021
Русские	165,0	720,3	6227,5	2981,9	388,5	30,0	900,0	341,3
Узбеки	14140,0	2920,0	660,6	614,0	1197,8	1260,0	550,0	985,0
Казахи	335,0	821,2	6534,6	13497,9	11,4	2,0	37,0	36,7
Таджики	933,0	1700,0	49,8	49,8	3172,4	8318,7	33,0	607,0
Киргизы	232,0	291,6	34,2	34,2	63,8	78,9	2229,7	5031,5
Всего	19810,1	3460,0	16464,5	19186,0	5092,6	9868,0	4300,0	6820,5

Прежде всего, нужно отметить тот факт, что в настоящее время во всех странах Центральной Азии доля титульных народов превышает 70%, а Таджикистан уже вполне можно рассматривать как мононациональное государство, хотя и здесь еще необходимо учитывать проблематику национального самоопределения.

Рост численности титульных народов республик происходил на фоне быстрого сокращения представителей нетитульных этносов. Это стало следствием целого ряда причин: масштабных миграций из республик, естественной убыли и одновременно изменений в этнической идентичности части населения, прежде всего, рожденных в смешанных браках.

Так, в Узбекистане с 1989 по 2021 гг. общая численность всех других народов, кроме узбеков и каракалпаков (обладающих территориальной автономией в данном государстве; их численность выросла на 82,7%), уменьшилась на 12%, в т. ч. русских – на 56,4%. В Казахстане численность нетитульного населения в этот же период сократилась на 42,2%, в т. ч. русских – на 44,1%. В Кыргызстане численность нетитульных жителей за то же время уменьшилась на 14,2%, в т.ч. русских – на 62,5%. В Таджикистане в период с 1989 по 2010 гг. численность нетитульного населения сократилась на 64%, в т. ч. русских – на 91% (т.е. более, чем в 11 раз) [1].

Как видно из приведенных данных, темпы сокращения численности русского населения были выше, чем других нетитульных народов республик Центральной Азии. В целом численность русских во всех республиках Центральной Азии, за исключением Казахстана, в постсоветское время сократилась более чем в два раза. При этом в ряде республик произошел рост численности народов, являющимися титульными в соседних странах Центральной Азии: узбеков в Казахстане и Кыргызстане, таджиков в Узбекистане.

Значимую роль в трансформации этнической идентичности (и как следствие этнической структуры) играет национальная политика, реализуемая в центрально-азиатских республиках. В соответствии с ней, представители ряда национальных меньшинств регистрируются в качестве представителей титульных этносов. Примером может служить ситуация в Таджикистане, где ягнобцы (потомки согдийцев) и представители памирских народов (шугнанцы, рушанцы, ваханцы, сарикольцы, ишкашимцы, язгуламцы) в государственных документах регистрируются как таджики. Этот факт создает трудности в определении реальной этнической структуры Таджикистана.

Республикой Центральной Азии с самым многочисленным населением является Узбекистан. Здесь же наблюдаются и самые

быстрые темпы роста населения. С 1989 по 2021 гг. его численность выросла почти на три четверти (на 74,5 %), с 19,8 до 34,6 млн чел.

На втором месте по численности населения в Центральной Азии находится Казахстан. Его население за тот же период выросло на 14,7% (с 16,5 до 18,9 млн чел.). На третьем месте в регионе находится Таджикистан, с 1989 по 2010 гг. население здесь выросло на 38,7% (с 5,1 до 7,1 млн чел.). На 2021 г. число жителей здесь уже достигло 9,5 млн чел. (прирост к 1989 г. составил 86,6%). Таким образом, Таджикистан в постсоветский период вышел на первое место по динамике численности населения в Центральной Азии. Четвертую позицию в регионе по численности населения занимает Кыргызстан, в котором количество жителей с 1989 по 2021 гг. увеличилось с 4,3 до 6,6 млн чел. (на 55,9%) [5].

Следует отметить, что такой значительный рост численности населения в странах Центральной Азии был достигнут, в первую очередь, благодаря титульным народам, для которых был характерен высокий естественный прирост. Так, с 1989 по 2021 гг. численность узбеков в своей республике выросла с 14,1 до 29,2 млн (в 2,06 раза), казахов – с 6,5 до 13 млн (почти в 2 раза), киргизов – с 2,2 до 4,9 млн (в 2,2 раза). Число таджиков в своей республике с 1989 по 2010 гг. выросло с 3,2 до 6,4 млн (в 2 раза), а к 2021 г. данный рост возможно составил около 2,8 раз.

Рассмотренная динамика численности титульных и нетитульных народов стран Центральной Азии в постсоветский период объясняет ускорение роста доли титульного населения в них (табл. 2) [1; 4; 5].

Таблица 2. Динамика доли титульных народов республик Центральной Азии с 1939 по 2021 гг.

Год	Туркменистан	Таджикистан	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан
1939	59,2	59,5	37,8	51,7	65,1
1959	60,9	53,1	30	40,5	62,2
1970	64,7	56,2	32,4	43,8	63,6
1979	68,4	58,8	36	47,9	68,7
1989	-	62,3	39,7	52,4	72
1999	-	73,5	53,4	61,9	75,7
2010	-	84,6	61,1	71,3	80
2021	-		70,4	73,8	84,5

Однако следует отметить, что увеличение удельного веса титульных народов республик региона происходило не только в постсоветское время, но и в советский период, начиная с 1959 г. Лишь межпереписной период с 1939 по 1959 гг. характеризовался снижением доли титульных народов республик.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что данные переписей населения являются значимым источником для изучения этнической идентификации, однако они не дают полностью объективной картины этнических процессов. Переписи фиксируют самоопределение людей на момент проведения учета, а потому подвержены влиянию политической конъюнктуры, социальных условий и культурных норм. Этничность, будучи динамичным и многослойным феноменом, не всегда может быть адекватно отражена в рамках стандартизированных государственных категорий.

Опыт постсоветских стран Центральной Азии демонстрирует, что переписи играют ключевую роль как в аналитическом, так и в политическом поле. Они позволяют проследить рост доли титульных народов, снижение численности нетитульного населения и влияние миграции, межэтнических браков и естественного прироста. Эти процессы показывают, что этническая реструктуризация региона связана не только с демографическими факторами, но также с социально-политическими трансформациями постсоветского времени.

Динамика этнического состава стран Центральной Азии свидетельствует о процессе усиления моноэтничности. Казахстан и Кыргызстан пока сохраняют статус этноконтактных зон, тогда как Таджикистан приближается к типу мононационального государства. Ситуацию усложняет неполнота или закрытость данных, как в случае с Туркменистаном, а также административная классификация отдельных этнических групп, что, например, влияет на реальное понимание как этнического состава Таджикистана. В итоге можно заключить, что переписи населения остаются незаменимым источником информации об этнических процессах, в том числе процессах этнической идентификации, но их интерпретация должна сопровождаться критическим анализом и сопоставлением с другими видами данных. Комплексный подход позволяет увидеть не только статистические изменения, но и глубокие социальные и политические процессы, определяющие динамику этничности в регионе.

Библиографический список

1. Итоги переписей населения раунда 2020 года государств-участников СНГ. Статкомитет СНГ. <https://gclnk.com/W3ilBZA1>
2. Мигранян А.А. Особенности демографии в странах Центральной Азии. Ч. 2. Миграционные процессы в Центральной Азии // Обозреватель. 2016. № 12 (323). С. 91–102.
3. Молодов О.Б. Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана // Социум и власть. 2014. № 6 (50). С. 95–102.

4. Население, занятость и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств, 2022: статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М. 2023. С. 48-49.
5. Национальный состав населения по республикам СССР. Всесоюзная перепись населения 1989 года. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php
6. Николаева Е.Д. Изменение этнической структуры населения стран Центральной Азии в постсоветский период // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. №1. С. 77-90.
7. Суций С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 27–46.
8. Этнокультурная трансформация постсоветского пространства: факторы, тренды, перспективы. Псков: Псковский госуниверситет, 2022. 344 с.

РАЗДЕЛ IV. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КОРЕЙСКАЯ КАЛЛИГРАФИЯ: НЕПРЕХОДЯЩАЯ ЦЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ ТРАДИЦИИ

KOREAN CALLIGRAPHY: THE ENDURING VALUE OF AN ANCIENT TRADITION

Ю.Г. Смертин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Y.G. Smertin

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В докладе исследуется корейская каллиграфия как культурный феномен, развивавшийся на протяжении полутора тысяч лет под влиянием китайских и местных традиций. Анализируются ее истоки, адаптация и эволюция. Подчеркивается роль каллиграфии в интеллектуальной жизни средневековой Кореи. Особо выделяется история возникновения этого вида искусства на национальном языке хангыль и его возрождение в условиях современного общества. Сделан вывод о том, что каллиграфия остается Южной Корее высоко ценимым видом искусства.

Abstract. This report examines Korean calligraphy as a cultural phenomenon that has developed over the course of 1,500 years under the influence of Chinese and local traditions. Its origins, adaptations, and evolution are analyzed. The role of calligraphy in the intellectual life of medieval Korea is emphasized. Particular attention is paid to the history of this art form's origins in the national language, Hangul, and its revival in modern society. It is concluded that calligraphy remains a highly valued art form in South Korea.

Ключевые слова: Корея, культура, сойе, стили каллиграфии, Китай, хангыль.

Keywords: Korea, culture, seoye, calligraphy styles, China, hangul.

До создания корейского алфавита хангыль в XV в. китайские иероглифы, известные как *ханча*, были основным письменным языком в Корее и использовались в официальных документах, литературе и научных трудах. Использование китайских иероглифов позволило Корее наладить дипломатические отношения, торговлю и интеллектуальный обмен с Китаем и другими соседними государствами, а также способствовало развитию корейского языка и литературы.

Вместе с иероглифической письменностью в Корею пришло

искусство иероглифики, которое в Китае считалась одним из главных занятий образованных людей. Как и в Поднебесной, в Корее написание иероглифов передавало эмоции художников и их внутренний мир.

Каллиграфия – это не хороший почерк, это философское осмысление самого письма. При этом важное значение имели технические приемы. С этого начиналось обучение высокому искусству. Корейский мастер так наставлял своего ученика: «Сначала избавь душу от всего суетного, а затем бери кисть. Движения твои должны быть подобны ходу небес: как не небе есть южный полюс и северный полюс, меж коими покоится небесная ось, а вокруг нее совершается движение, так и в начертании знаков: знак создается движением кисти, движение кисти создается пальцами, движение пальцев создается запястьем, движение запястья создается рукой, движение руки создается плечом – так происходит движение всей правой половины туловища» [1].

В корейской каллиграфии (*сойе* – искусство письма) выделяют пять основных типов письма, каждый из которых соответствует определенному стилю китайской каллиграфии [2, р. 102–104].

1. «Печатный» стиль *чонсо*. (кит. *чжуаньшу*) – древнейшая форма каллиграфии. Отличается четкими, геометрически правильными формами иероглифов, одинаковой толщиной прямых и ровных линий. Изначально такой шрифт (называется также *дачжуань*–великая печать) использовался для надписей на бронзовых сосудах, костях, бамбуковых дощечках и наносился острыми предметами. Этот архаичный стиль часто используется для печатей и штампов (рис. 1).

На основе стиля *дачжуань* был создан шрифт *сяоджуань* (малая печать). Его внедрение в VII в. до н.э. было связано, вероятно, с изобретением туши, наносившейся деревянной палочкой на бамбуковые дощечки. Объединитель Китая император Цинь Шихуанди (221–210 гг. до н.э.) унифицировал письменный язык и ввел в обращение этот стиль на всей территории своего государства.

2. Канцелярское письмо *йесо*. (кит. *лишу*). Этот стиль сформировался и распространился в период Восточной Хань (25-220 гг.), когда для письма стала употребляться кисть. Был разработан на основе формы печатного стиля. Кисть изменила манеру написания иероглифов. Появилась возможность создавать тонкие и толстые линии, изящные завитки. Появляется эстетика письма. Для иероглифов в стиле *йесо* характерна горизонтальная черта с названием «*цаньтоу-яньвэй*» («голова шелковичного червя-хвост дикого гуся»),

придающая особую экспрессию как образу знака, так и самому процессу его написания (рис. 2).

Рисунок 1

Рисунок 2

3. Скорописный шрифт, или «травяное письмо» *чосо* (кит. *цаошу*). Названо так, потому что штрихи напоминают спутанные между собой стебли трав. Для этого стиля характерны свободные, быстрые, экономные движения кисти. Целые иероглифы иногда пишутся без отрыва кисти, одним мазком. Их написание, несмотря на свободную форму, подчиняется строгим правилам (рис. 3).

4. Блочный шрифт *хэсо*. (кит. *кайшу*). Появляется в начале III в. Кисть стала более мягкой. Появляется плавность в изломах и поворотах. Каждый символ примерно одинакового размера и вписывается в квадратное пространство, каждый мазок кисти хорошо виден и разборчив, а значит легче в написании. Поэтому этот стиль остается самым распространенным (рис. 4).

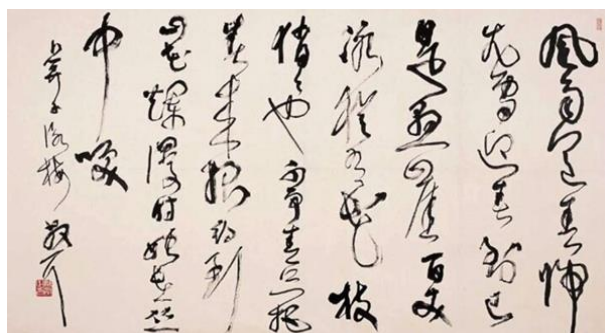

Рисунок 3

Рисунок 4

5. Полускорописный шрифт *хэнсо*. (кит. *синшу*). Возник в III в. Практичный стиль, занимающий промежуточное положение между блочным и скорописным письмом («бегущее письмо»). Был принят в неофициальных документах, таких как частные письма, а также в

живописи. При написании иероглифа кисть редко отрывается от бумаги. Можно было писать быстро и разборчиво (рис. 5).

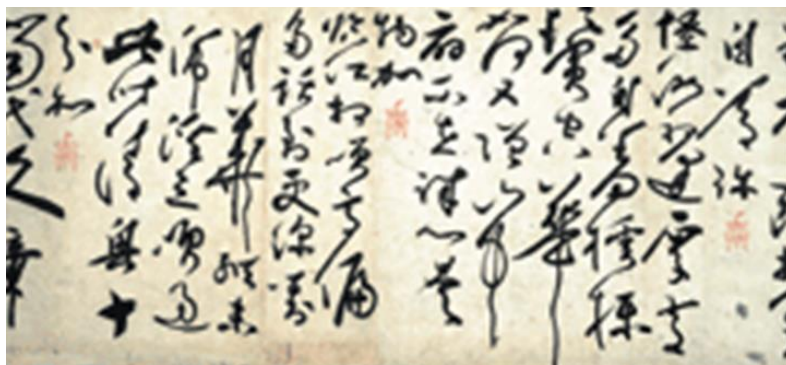

Рисунок 5

Китайская каллиграфия, наряду с другими культурными влияниями Поднебесной, получила распространение в Корее во II или III в. в период Трех королевств (I в. до н. э. – VII в. н.э.) и стала популярной в конце этой эпохи. Осталось очень мало ее образцов. Об уровне ее развития мы можем судить в основном только по надписям на немногочисленных каменных стелах, сооруженных в честь знаменательных событий в государстве Когурё. Выполнены они в угловатой манере стиля *лишу*.

В период Объединенного Силла (668–935) культурное влияние танского Китая становится особенно заметным. В это время китайская каллиграфия достигла высочайшего уровня. В VIII в. своим искусством прославился Ким Сэн (711–791), считающийся первым корейским мастером каллиграфии, чьи работы в стилях *цаошу* и *синшу* сравнивали с работами великого китайца Ван Сичжи, которому он успешно подражал [3, р. 116] Ни одно из его произведений не сохранилось, но мы можем увидеть его стиль в тексте на каменной стеле, посвященной силланскому монаху Нангону. Иероглифы были высечены по образцу *синшу* Ким Сэна. В IX в. своими каллиграфическими работами прославился поэт, ученый, государственный деятель Чхве Чхивон (857–?), учившийся и работавший в Китае [4]. Источником вдохновения для обоих мастеров был и известный китайский каллиграф Оуян Сюнь (557–641), создавший свод 36 правил написания иероглифов. Его «уставное письмо» *кайшу* отличалось четкими и резкими угловатыми линиями, вписанными в квадрат.

Этот стиль был преобладающим и в государстве Корё (918–1392). Каллиграфическое искусство стимулировалось увлечением двора буддизмом, копированием буддийских сутр и развитием

экзаменационной системы, перенятой из Китая. Кроме знания китайских классических сочинений претендент на государственную должность должен был продемонстрировать искусство в каллиграфии. Естественно, это заставляло многих знатных людей учиться этому искусству. Каллиграфия преподавалась в академии конфуцианства Сонгюнгван в столице Хансон (ныне Сеул).

В конце периода Корё большинство каллиграфов вдохновлялись творчеством великого китайского мастера Чжао Мэнфу (1213–1265), творившего в творчески переосмысленном им стандартном стиле *кайшу*. Он сделал иероглифы более округлыми. Его произведения и в Китае, и в Корее для многих поколений художников стали хрестоматийными. В это время корейская каллиграфия становится все более формальной и подражательной.

Стиль Чжао Мэнфу продолжал доминировать во времена корейского государства Чосон под управлением династии Ли (1392–1910). В эту эпоху неоконфуцианство стало правящей идеологией, и каллиграфия, наряду с поэзией и живописью, были обязательными занятиями интеллектуалов.

В начале династии сын короля Седжона Великого, принц Анпхён (1418–1453), прославился как один из самых талантливых каллиграфов своего времени [5].

В XVI в. одним из выдающихся каллиграфов был Хан Хо, известный под именем Сокпон (1544–1605). Во времена японского вторжения в Корею (1592–1598) он вел дипломатическую переписку с Китаем и заслужил высокую оценку китайцев за свое мастерство в искусстве владения кистью. При поддержке короля Сонджо Хан в 1583 г написал учебник по китайской каллиграфии, известный как «Чонджамун» («Сочинение в тысячу иероглифов»), где ни один иероглиф не повторялся. Почитателем и последователем Чжао Мэнфу был также известный мастеров этого периода Ли Ам (1499–1566),

В то же время, в XVI в., появилось много мастеров скорописного «травяного» стиля, таких как Ян Саон (1517–1584) и Хван Кило (1521–1567), которые по-своему интерпретировали стиль *чосо* китайских династий Тан и Мин (рис. 6).

Рисунок 6

Некоторые мастера сочетали живопись и каллиграфию, поскольку эти два вида искусства в Корее, как и в Китае, были тесно связаны друг с другом. Здесь стоит упомянуть знаменитого придворного художника Кан Сехвана (1713–1791). (Рис. 7).

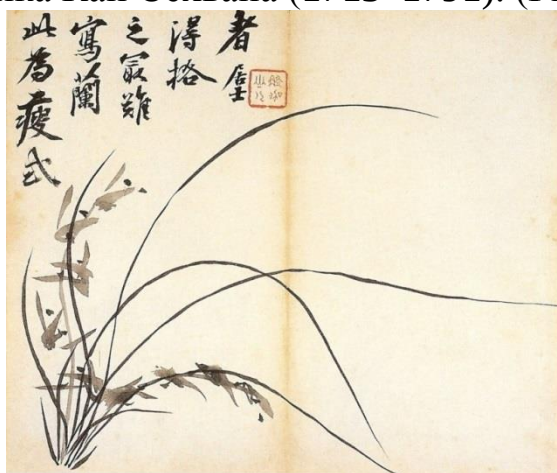

Рисунок 7

Долгое время о качестве корейских каллиграфов судили по тому, насколько хорошо они могли подражать китайским мастерам. Это происходило до тех пор, пока на сцене не появился невероятно талантливый и преданный своему делу Ким Чонхи (1786–1856), который изобрел собственный стиль, объединив различные стили каллиграфов прошлого на основе *есо*. Его манера письма отличалась энергичными мазками, угловатыми и смелыми толстыми линиями, экспрессией, а также уникальной композицией. Ким оказал огромное влияние не только на корейскую каллиграфию, но и на мастеров

стран Восточной Азии.

Ким Чонхи был состоятельным аристократом, находился в родстве с королем и жил комфортной жизнью, занимался каллиграфией, как и многие его друзья-интеллектуалы. В 1840 г. власти обвинили его в предательстве и сослали на о. Чеджудо. Прожив девять лет в одиночестве, он еще больше посвятил себя искусству каллиграфии, живописи и поэзии – тем видам искусства, которые в Восточной Азии обычно идут рука об руку. Во время изгнания ему приходилось экспериментировать с различными стилями и техниками, потому что найти подходящие инструменты для письма было трудно. Он также изучал старые, почти забытые стили каллиграфии. Эти эксперименты, а также уединение и полная преданность каллиграфии, привели его к созданию собственного стиля, названного впоследствии *чхуса* по одному из его псевдонимов (рис. 8).

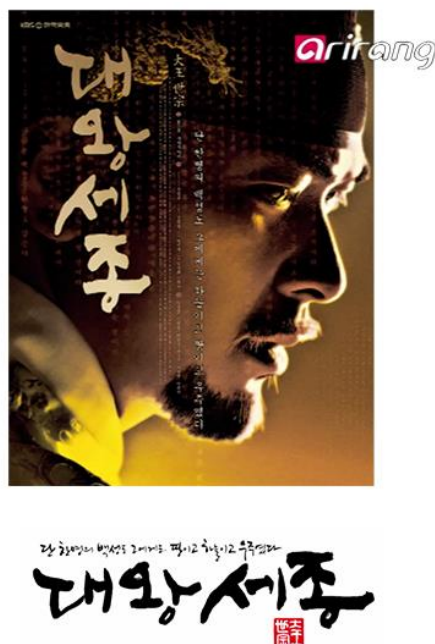

Рисунок 8. Кадр из корейской драмы «Король Седжон Великий»

После введения корейского алфавита в 1443 г. в. постепенно стала развиваться каллиграфия на хангыле. Однако китайский язык использовался в качестве официального письма вплоть до XIX в., поскольку хангыль из-за своей простоты считался письменностью малообразованных людей и женщин, а потому не пользовался большим уважением. Женщинами, использовавшими каллиграфию на хангыле, были придворные дамы, писавшие письма королевы своей семье, а также указы короля, которые, однако, дублировались на китайском языке чиновником. Эта каллиграфия, использовавшаяся при дворце,

превратилась в особый шрифт, который назывался *кунче*, что буквально означает «дворцовый стиль».

Во время японской оккупации 1910–1945 гг. националистически настроенные корейцы стали популяризировать родной алфавит, подчеркивая его красоту и простоту. Были разработаны различные стили написания иероглифов: от строгого, с четкими прямыми линиями, вписанными в квадрат (стиль *панбочхе*), до курсивного шрифта *хылимчхе*, позволявшего более свободно выражать эмоции каллиграфа. С этого времени корейская каллиграфия пошла своим путем, отличным от китайского [6].

Корейские художники послевоенного времени интегрировали каллиграфию в современное изобразительное искусство и превратили ее в яркую и универсальную форму художественного самовыражения. Корейцы почувствовали, что она несет в себе национальный дух, который был подавлен во времена японского правления. В результате число каллиграфов и академий каллиграфии быстро увеличивалось. Пик интереса к этому виду искусства достиг в 1980-х гг. [7, р. 21]

Появились новое и современное написание хангыля, которое используется в изобразительном искусстве, дизайне, логотипах в коммерческих целях, например в названиях корейских фильмов и дорам, в постерах. Создаются новые шрифты и стили письма. (Рис. 9). Современные художники интегрируют каллиграфию в абстрактную живопись, инсталляции и даже в цифровое искусство, что свидетельствует о ее непреходящей ценности и способности адаптироваться к новым контекстам [8; 9, р. 69–70].

Популярности обновленной каллиграфии способствуют художественные музеи, устраивающие тематические выставки. Старейшим из них является Сеульский художественный музей каллиграфии, открывшийся в 1988 г. и являющийся единственным музеем в мире, посвященным только каллиграфии, как традиционной, так и современной [10].

Одним из самых известных художников-каллиграфов является Кан Пхёнин, владелец института каллиграфии Соольтон. Его популярность возросла, когда в 2006 г. он написал каллиграфические работы для линии соджу «Чхамисуль» (рис. 10). Его работы можно найти и на других бутылках соджу премиум-класса [7, р. 28].

Рисунок 9

В Южной Корее есть художники, которые осмысливаю национальную каллиграфию новыми оригинальными способами, превращая ее из статичного искусства в динамичное действие. Среди них выделяется художник-перформанист Ли Хончже, считающий, что каллиграфией нельзя наслаждаться молча, потому что это «бурлящее» искусство (рис. 10). Он использует большую толстую кисть и энергично пишет на листе, расстеленном на земле [11].

Рисунок 10

Корейские и западные наблюдатели отмечают, что в XXI в. в Южной Корее интерес к каллиграфии и ее потребность в спокойном мышлении были вытеснены из поля зрения современных людей в связи с повышением ценности прагматичного мышления и приходом цифровых технологий [7, р. 21–22]. Однако использование каллиграфии на хангыле получает широкое распространение в сфере маркетинга и дизайне, создаются новые шрифты и стили письма [8] (рис. 11).

Рисунок 11

Несмотря на относительно короткую историю, каллиграфия на хангыле любима многими ценителями за свою простоту, сдержанную красоту и внутреннюю силу. Она постоянно развивается, предпринимаются попытки создания новых шрифтов и стилей письма. Искусство каллиграфии преподается в университетах и специализированных школах, существуют общества каллиграфов. Хотя практическое применение хангыльской каллиграфии в повседневной жизни уменьшилось, она остается высоко ценимым видом искусства.

Библиографический список

1. Ли Мунён. Птица с золотыми крыльями // Нева, 2010. № 3. С. 104-115.
2. Brown Ju, Brown J. China, Japan, Korea: Culture and Customs. North Charleston: BookSurge Publishing, 2006.
3. Chen Tingyou. Chinese Calligraphy. Beijing: China Intercontinental Press. 2003.
4. Ch'oe Ch'i-won (최치원). URL: <https://library.ltikorea.or.kr/writer/200682>
5. Kim Won-yong. Korean calligraphy // Encyclopedia Britannica. 30 July 2009. URL: <https://www.britannica.com/art/Korean-calligraphy>
6. Seung Eun Bae A. Korean Calligraphy (Seoye): The Art of Writing Hangul. URL: <https://thekrazemag.com/latest-updates/2022/1/2/korean-calligraphy-seoye-the-art-of-writing-hangul>
7. Hulíková V. Korean calligraphy. Olomouc: Palacky University Olomouc, 2022.
8. Kim Hoo-ran. Stroke by stroke, Hangeul grows popular in design // The Korea Herald 1 August, 2014. URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20140801000791&ACE_SEARCH=1
9. Ahn Hee Ran, Shin Hyung-Deok, Chung Taeyoung. The Determinants of the Use of Calligraphy in the Movie Poster // The Journal of the Korea Contents Association. 2014, № 6.
10. The Korea Times 9 April 2020. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/culture/2020/04/135_287623.
11. Chhaunkar S. S. Prominent Korean Calligraphers and Their Writing Styles. URL: <https://hallyuism.com/2024/09/09/prominent-korean-calligraphers-and-their-writing-styles/>

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА КРЫМА ДО КОНЦА XVIII В. THE ARMENIAN COMMUNITY OF CRIMEA UNTIL THE END OF THE 18TH CENTURY

В.Г. Аветисян

Российско-Армянский (Славянский) университет,
Институт Востоковедения, Ереван, Республика Армения

V.G. Avetisyan

Russian-Armenian (Slavonic) University,
Institute of Oriental Studies, Yerevan, Armenia

Аннотация. Армянская община Крыма (Тавриды) имеет долгую историю. Крым известен армянам с античных времен, однако о постоянном присутствии там армянских общин, имевших политическое и экономическое влияние, появляются в VII-VIII вв. Новая волна переселенцев в Крым произошла в X-XI вв. на фоне потери армянской государственности Багратидов. Самой важной точкой формирования многочисленной армянской общины в Крыму стала начало XIV в., когда преследуемые сельджуками, монголами и ногайцами армяне, массово покидали Армению и через Северный Кавказ и черноморские территории достигли Крыма. До конца XV в. армянская община тесно сотрудничала с Крымской генуэзской колонией. Положение изменилось после завоевания Крыма татарами и османами. Христиане полуострова лишались своих прав, поэтому в русско-турецких войнах поддерживали Россию. Однако именно русско-турецкая война 1768-1774 гг. положила конец старой армянской общины Крыма.

Abstract. The Armenian community of Crimea (historically known as Taurida) possesses a long and intricate history. Although Armenians had been familiar with Crimea since antiquity, the establishment of permanent Armenian settlements with notable political and economic influence appears to have begun in the 7th–8th centuries. A new wave of Armenian migration to Crimea occurred in the 10th–11th centuries, following the collapse of the Armenian Bagratid state. The most significant phase in the development of the large Armenian community in Crimea took place in the early 14th century, when Armenians—persecuted by the Seljuks, Mongols, and Nogais—migrated en masse from Armenia, reaching Crimea via the North Caucasus and the Black Sea region. Until the end of the 15th century, the Armenian community maintained close cooperation with the Genoese colony in Crimea. The situation changed after the conquest of Crimea by the Tatars and Ottomans: Christians on the peninsula were deprived of their rights and therefore supported Russia during the Russo-Turkish wars. However, it was the Russo-Turkish War of 1768–1774 that ultimately marked the end of the old Armenian community in Crimea.

Ключевые слова: Таврида, Крым, армяне, Сарай-Берке, Шахин-Гирй, Екатерина II, А. Суворов.

Keywords: Taurida, Crimea, Armenians, Sarai-Berke, Shahin Giry, Catherine II, A. Suvorov.

Армянская община Таврикии (Крыма) была одной из

крупнейших на протяжении X-XVIII вв. Несмотря на это, научных исследований, особенно на русском языке, мало, и поэтому многие вопросы остаются невыясненными. Достаточно сказать, что до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, когда армяне впервые прибыли в Тавриду и когда на полуострове образовалась армянская община.

Ряд исследователей, основываясь на данных Страбона, приходят к выводу, что армяне уже в I в. до н. э. имели определенные поселения в Тавриде и вели торговлю между сарматами и сиракузянами, проживавшими в районах реки Дон. Первое упоминание о Тавриде в армянских источниках встречается в «Географии» VI-VII вв., где она представлена как часть скифской страны [1, с. 38-39].

К середине VII в. присутствие армян в Тавриде все более усиливалось. О существовании устойчивой армянской общины в Херсонесе в VII-VIII вв. может свидетельствовать тот факт, что сосланный в эти края византийский полководец армянского происхождения Филиппик Вардан, получил большую поддержку населения города и в 710 г. поднял восстание против императора Юстиниана II (685-695, 705-711 гг.). Вардана в Херсонес Таврический император отправил как место для ссылки, где он принимает имя Филиппика и успешно подстрекает жителей к восстанию. К восставшим присоединилась часть посланного против них императорского карательного войска и хазары, провозгласившие в Херсонесе Вардана императором Византии. С помощью этих войск Вардан захватил престол Константинополя в 711-713 гг. Юстиниан II бежал, и 11 декабря 711 г. был убит. Обезглавленное тело императора бросили в море, а голову отослали на Запад, до Равенны и Рима [2, с. 67].

О присутствии влиятельной армянской общины в Херсонесе говорит тот факт, что в 967/968 г. император Никифор II Фока (963-969 гг.), для получения поддержки в борьбе с болгарами, в Киев – к русскому князю Святославу отправил посольство во главе с патрикием Херсонеса Калокиром – сыном стратига города [3, кн. 5, с. 4]; [4, с. 22]. По данным Юлиана Кулаковского, Калокир имел армянское происхождение [2, с. 112].

С XI в. наблюдается уже массовое переселение армян в Тавриду, переселявшихся преимущественно с Балкан [5, с. 323-324]. Не исключено, что главной причиной этого стало стремление занять важное место в торговле между Константинополем и купеческими городами Причерноморья. В X–XI вв. армяне также переселялись в

Крым из Малой Азии, особенно из Трапзона, по черноморским путям, откуда везли хлеб и вино в Херсонес [1, с. 43].

Кроме Херсонеса армяне еще до XIV в. компактно жили также в Судак и Кафе (Феодосия). Об этом свидетельствуют некоторые армянские храмы и церкви, на стенах которых не редко встречаются надписи, относящиеся к XI–XIII вв. [1, с. 46-51, 63-68].

Если до XIV в. все сведения об армянских общинах в Тавриде носят в основном фрагментарный характер, зачастую переплетены с многими неточностями, то после этого история армян Крыма по большей части основывается на документах. Так, согласно рукописи № 7442 Матенадарана (л.л. 280-283), большая община армян переселилась в Крым в 1330 г. Документ впервые был опубликован М. Бжшкяном [6, с. 335-342], где указывается путь миграции: армяне Ани, преследуемые набегами Чармаган-хана, в 1240-1250-х гг. переселились в город Аксарай, расположенный к северу от Астрахани. Однако, частые набеги тюркоязычного племени ногайцев вынудили недавних переселенцев покинуть и эту территорию и в 1330 г. они перебрались уже в Крым.

Обратимся к вопросу о том, почему армяне переселились в Аскару. Вероятно, они пришли в эти места, чтобы свободно торговать на обширных территориях, принадлежащих Золотой Орде. Татары в то время были гостеприимны к армянам, которые восполняли недостаток торговых связей в золотоордынском государстве [7, с. 352]. Появление в XIII в. в Предкавказье татар и создание ряда ордынских городов способствует расширению армянских диаспор. В столице Золотой Орды Сарай-Бату имелись два армянских церкви, что также свидетельствует о многочисленности местной армянской общины. Армянская церковь существовала и в Сарай-Берке (столица Орды после 1330 г.). Параллельно, с конца XIII в., формируются армянские общины и в прибрежных городах, например в Азове [8, с. 18].

Однако именно тогда же ситуация изменилась, и, начиная с 1299 г., армяне были вынуждены переселиться в Крым. Они отправили посла в Феодосию, к генуэзскому консулу, с просьбой о праве поселиться в Крым. Вероятнее всего, армяне знали о благоприятных условиях, в которых там жили их соотечественники. Первый из сохранившихся торговых договоров с генуэзцами датирован 23 апреля 1289 г. [9, с. 21]. Поскольку хан не разрешал им выселиться из Аскара, армяне смогли перейти эту дорогу только с силой оружия и преодолев множество препятствий, поэтому в Крым они добрались лишь в 1330 г. [10, рукопись № 7442: л. 281].

Генуэзцы, в свою очередь, обосновались в Крыму в 60-х годах XIII в. благодаря договору, подписанному с крымским наместником Оран-Темуром [11, с. 25-26]. Армяне и генуэзцы мирно сосуществовали на крымской земле, поддерживая и развивая взаимовыгодные торговые и политические связи. В период генуэзского владычества (XIII-XV вв.) многочисленность армян в Крыму и их экономическая мощь стали причиной того, что иностранные авторы иногда называли юго-восточную часть полуострова «Приморской Арменией» (*Armenia Maritima*). В булле папы Евгения IV она даже названа «Великой Арменией» [12, с. 135].

В 1475 г. османы в союзе с татарами захватили главные города Крыма и ликвидировали генуэзское владычество. Армяне также оказались в отчаянном положении: большое количество армян было переселено турками в Константинополь [9, с. 151-154]. Именно с этого момента можно наблюдать элементы ассимиляции крымских армян с соседями: в XIV–XV вв., армяне, проживавшие на севере полуострова, переняли тюркский язык половцев, в результате чего возник так называемый армяно-кыпчакский язык. Его особенностью является то, что половецко-тюркский диалект имеет армянскую письменность. Несмотря на это, они сохранили свою веру и называли себя эрменилер – «армяне» [13, с. 93].

Армяне Крыма, оказавшиеся в тяжёлом положении и возлагали надежды на Польское королевство. В то же время Польское королевство пытается заручиться поддержкой армян в борьбе с татарами. В этих условиях армянам предлагалось принять католичество и в 70–80-х годах XVII в. начинается распространение католичества среди армян Крыма. [14, с. 10-11, 128, 152]. Переход в католичество не носил массовый характер, но серьезно пошатнул единство армян.

1768-1774 гг. русско-турецкая война имела серьезные последствия для армянской общины Крыма. С самого начала войны императрица Екатерина II (1762-1796 гг.) поручила распространять среди крымских татар идею создания отдельного, независимого от Османской империи ханства. По Кючук-Кайнарджийскому договору от июля 1774 г. Россия временно оставила Крым, признав независимость хана, однако в 1777 г. вновь ввела в Крым войска, так как татары продолжали нападать на русские гарнизоны. Начинается борьба между русским ставленником Шахин-Гиреем и турецким вассалом Девлет-Гиреем. Наконец, в 1777 г. Шахин-Гирей вступает на престол [15, с. 167-173].

В результате войны Османская империя фактически потеряла

Крым, что привело к столкновениям между различными татарскими группировками. В этой войне дальнейшая судьба христиан полуострова оказалась в серьезной опасности, поэтому русское правительство решило осуществить переселение христианского населения полуострова в более безопасные места, а также лишить татарских ханов экономических доходов [16, с. 49].

После многих препятствий, с августа 1778 г. начинается переселение армян и греков из Крыма, под руководством Александра Суворова [17, т. 2, с. 652, 670-671]. Уже 20 сентября А. Суворов сообщает, что дело переселения христиан в основном завершено [17, т. 2, с. 710]. Согласно отчету, из Крыма было переселено 12 598 армян [17, т.2, с. 711-713].

Армяне были поселены в районе рек Днепр и Самара [18, ф. 16, е. х. 588, ч. XII, л. 240], однако из-за невыносимых условий они неоднократно просили разрешения поселиться близ крепости Святого Дмитрия Ростовской. 14 ноября 1779 г. они получили разрешение на это от императрицы Екатерины II [19, ч. I, с. 179]. В январе 1780 г. армяне Крыма прибывают в указанные места и начинают основание Нового Нахичевана [20, т. 9, с. 4], а также сел Чалтырь, Крым, Большие Салы, Малые Салы и Несвитай (расположенный близ крепости Святого Дмитрия Ростовского). За короткое время население донских армян достигло демографического расцвета, который сохраняется и по сей день.

После окончательного присоединения Крыма к России в 1783 г. царское правительство сожалело о переселении армян и греков, поскольку Крым превратился в безлюдную пустыню [21, с. 160-161].

Подводя итог, отметим, что переселение 1778 г. практически полностью ликвидировала старую армянскую общину Крыма, поскольку армянская община Крыма XIX-XXI вв. уже формировалась в иных обстоятельствах и не имеет прямой связи с прежней общиной.

Библиографический список

1. Միրաբեյլյան Վ. Ա., Դրիմի հայկական գաղութի պատմություն, Երևան, 1964.
2. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды, Киев, 1914,
3. Лев Диакон. История. /пер., ком.: М. М. Копыленко, М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова/, Москва. Наука. 1988.
4. Հովհաննես Սկիիցես, Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին, մաս 10, Բյուզանդական աղբյուրներ, III, /թարգ. և ծանոթ. Բարթեկյան Հ./, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ, 1979.
5. Марр Н., Кавказский культурный мир и Армения //Жур. Мин. народ. просвещения, 1915, июнь.
6. Բժշկյան Մ. Հ., Ճանապարհորդություն ի Լեհաստան եւ յայլ կողմանս քնակելալս ի հայկազանց սերելոց ի նախնեաց Անի քաղաքին շարադրեալ հանդերձ զանազան բանասիրական տեղեկութեամբ, Վենետիկ, 1830.

7. Ալպոյանյան Ա., Պատմություն հայ գաղթականության, հտ. Բ., Կահիրե, 1955.
8. Суций С.Я. Армяне юга России и Крыма (геодемографический очерк), Ростов-на-Дону, 2015.
9. Միքայելյան Վ. Ա., Հայ-իտալական առնչություններ. Ջենովական փառապաշտերի դրիմահայերի մասին, Երևան, 1974.
10. Матенадаран, рукописи № 7442: л. 281.
11. Секирский С., Очерки истории Сурожа, Симферополь 1955.
12. Кеппен П., Крымские сборники, СПб, 1837.
13. Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчакский язык: этапы истории // Вопросы языкознания. Наука, 1983. № 1. С. 91-107.
14. Բոնի Միութիւն հայոց Լեհաստանի ընդ եկեղեցւոյն Հռովմայ, Ս. Պետերբուրգ, 1884.
15. Смирновъ В.М. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты в XVIII стол. Одесса, Тип. А. Шульце, 1898.
16. Надинский П.Н. Суворов в Крыму. Симферополь, Крымиздат. 1950.
17. Дубровин Н.Ф., Присоединение Крыма к России, т. 2, СПб, 1885.
18. ЦГАДА, ф. 16, е. х. 588, ч. XII, л. 240.
19. Собрание актовъ, относящихся къ обозрѣнію истории армянскаго народа, ч. I, Москва, 1833.
20. Դիվան հայոց պատմութեան, գիրք Թ /խմբ. Աւագ Քահանայ Աղանեանց/, Թիֆլիս, Ելեքտր. Տպ. Ն. Աղանեան, 1911.
21. Сумароков П. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1, СПб, Импер. типограф. 1803.

ШРАМЫ ВОЙНЫ: ПРОЕКТ «ДЕВЫ ХИРОСИМЫ» И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

SCARS OF WAR: THE HIROSHIMA MAIDENS PROJECT AND THE SHAPING OF HISTORICAL MEMORY

Е.Н. Күмнан

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

E.N. Kumpan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Проект «Девы Хиросимы» – поездка девушек, пострадавших от атомного взрыва в США для проведения серии пластических операций в период с 1955 по 1956 г., стал одним из наиболее дискуссионных благотворительных мероприятий холодной войны и существования биполярного мира. «Медицинский План Маршалла», столкновение простых религиозных американцев с последствиями решения, принятого избранными ими политиками, конфликт между гуманностью, религиозностью и геополитическими устремлениями – мы рассмотрели репрезентацию проекта в средствах массовой информации, социальные, политические нарративы, сложившиеся вокруг него, выявили роль в формировании коллективной памяти о ядерноНй бомбардировке. Источниковую базу составили мемуары непосредственных участников событий, в частности Нормана Казинса и Хибакуси.

Abstract. «The Hiroshima Maidens» project – the 1955-1956 journey of young women disfigured by the atomic blast to the United States for plastic surgery – stands as one of the most controversial charitable initiatives of the Cold War and the bipolar world order. This study examines the «Medical Marshall Plan», the confrontation between ordinary, religious Americans and the consequences of decisions made by their elected leaders, and the conflict between humanitarianism, religious motives, and geopolitical ambitions. We analyze the project's representation in the media and the social and political narratives that formed around it, revealing its role in shaping the collective memory of the nuclear bombardment. The source base for this research comprises memoirs of direct participants in the events, notably Norman Cousins and the Hibakusha (atomic bomb survivors).

Ключевые слова: «Девы Хиросимы», ядерный взрыв, геополитика, историческая память, Азиатско-Тихоокеанский регион

Keywords: Hiroshima Maidens, Nuclear explosion, Geopolitics, Historical memory, Asia-Pacific Region Cold War

Информационный буклет, доступный на 13 языках на сайте музея Нагасаки, сразу акцентирует наше внимание на простой таблице из двух столбцов: население города в момент взрыва – 240 тыс. чел., количество погибших к концу декабря 1945 г. – 73 884 чел. [9] В Хиросиме к моменту взрыва находилось около 350 тыс. чел. из них к концу 1945 г. умерло 140 000 чел. (+/- 10 тыс) [8, 10]. Радиационное облучение стало причиной более чем полумиллиона смертей в последующие годы [5]. Один день, который изменил будущее нескольких поколений.

Вскоре после войны, в период американской оккупации, японское правительство было вынуждено принять Пресс-кодекс, запрещающий публикации о пострадавших от катастрофы (хибакуся), в том числе и в академических журналах на семь лет. Таким образом, в начале история выживших в Хиросиме и Нагасаки характеризовалась их незаметностью. Японские власти прежде всего вынуждены были восстанавливать инфраструктуру, пособия хибакуся не выплачивались, не существовало и системы обеспечения их работой, многие жили в бедности [5, 11].

В конце 1940-х гг. методистский священник К. Танимото, живший в Хиросиме, искал возможность привезти в США группу молодых женщин, сильно обгоревших и изувеченных атомной бомбой, для проведения пластических операций. Он дважды приезжал в Соединенные Штаты, выступал в протестантских общинах, пытаясь собрать средства, необходимые для лечения [11].

Пострадавшие девушки во время взрыва были обычными школьницами, но все изменилось за считанные минуты. Миеко Мацубара вспоминала: «я была потрясена и полна печали, когда

впервые за восемь месяцев взглянула на своё лицо в зеркало. Оно было изуродовано до неузнаваемости. Я не могла поверить, что это моё лицо. Моя мать плакала и говорила: "Меня следовало сжечь вместо тебя, ведь я намного старше тебя и долго не проживу". Она также говорила: «Было бы гораздо лучше, если бы ты умерла в момент взрыва бомбы». Видя, как глубоко скорбит мать, я решила никогда больше не горевать о своей судьбе в её присутствии» [2].

Мисако Каннабэ, которая, когда ей исполнилось 24 года стала участницей проекта «Девы Хиросимы», провела большую часть послевоенных лет в задней комнате дома, изготавливая парики», задавая себе вопрос, почему она выжила, когда жить было не для чего [1, p.139].

Девушки вели закрытый образ жизни, часть из них работала в основанном К. Танимото приюте для слепых детей, оставшихся без семьи. Благодаря деньгам, собранным протестантской общиной, некоторым из них были сделаны пластические операции, но поражения кожи и келлоидные рубцы были настолько масштабны, что хирургия помогла только частично, например М. Мацубара когда ей исполнилось 20 лет, за семь месяцев перенесла более десяти операций, в результате она смогла открывать и закрывать поврежденное веко и выпрямить пальцы [7].

Норман Казинс, редактор американского журнала «Saturday Review» поддержал проект К. Танимото, приехал в Хиросиму и затем предложил читателям издания взять под условную опеку детей города, осиротевших в результате атомного взрыва. В результате удалось получить финансовую поддержку примерно для 400 детей, часть средств направить на расширение и строительство детских домов. «Родители» переписывались со своими приемными детьми и руководителями приютов; подрастая дети получали материальную помощь, которая позволяла поступить в колледжи или профессиональные училища [2].

Тогда же в 1949 г., когда Норман Казинс был в Хиросиме, начались переговоры о необходимости создать условия для лечения пострадавших от ядерной катастрофы девушек. В течение почти 7 лет согласовывали детали проекта, и по словам Г. Казинса «фонд на фондом отказывали нам», причины были различны: часть фондов выражала сочувствие, но далее писали что «их уставы не предусматривают благотворительных проектов такого специфического характера», важны были и моральные дилеммы — если одна из девушек умрет на операционном столе, фонд будет нести ответственность; вопросы вызывали и политические взгляды

девушек, в том числе опасение привлечь к теме ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки большее общественное мнение и спровоцировать расследование, которое поставит под вопрос обоснованность этой предпринятой США меры [2]. Часть возможных спонсоров считали, что, если нельзя позаботиться обо всех жертвах Хиросимы, возможно, было бы ошибкой делать что-то для одной отдельной группы.

Н. Казинс обращает внимание на дискуссии в японской прессе – возникали закономерные вопросы: «Зачем мы этим заниматься? Кто вкладывает деньги?» Может быть правительство Соединённых Штатов тайно спонсирует проект, чтобы создать атмосферу доброй воли и компенсировать негативное впечатление? «А вдруг это всего лишь прикрытие для театральной труппы, которая планировала возить девушек по всей Америке, показывая публике за плату»? Большая часть страхов была вскоре развеяна, и газеты оказали проекту мощную информационную поддержку, но, продолжал Н. Казинс, «на два вопроса сами не знали ответов: зачем мы на самом деле это делаем? Другой: как быть тем, кто не смог приехать в Соединённые Штаты»? [3]

В итоге деньги на годичное пребывание девушек были собраны. Операции планировали проводить в больнице Маунт Синай (Манхэттен, Нью-Йорк) – известную своим высоким уровнем развития пластической хирургии, клиника предоставила бесплатную возможность размещения девушек в операционных палатах, но так чтобы одновременно в ее стенах не находились более 4 пациенток. Вместо изначально планировавшейся группы в 20 чел., в США отправилось 25 девушек (из 43). 18 не прошли по медицинским показаниям

Проблема транспорта задерживала проект более года, в итоге Киёси Тогасаки, президент англоязычной японской газеты «Nippon Times», обратился к генералу Дж. Э. Халлу (командующий FECOM, американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке) с вопросом о том, не согласится ли ВВС США перевезти девушек. Получив подробную информацию о проекте, Дж. Халл дал согласие. Авиакомпания «Pan-American World Airways» согласилась перевезти Дев обратно в Японию [2]. По инициативе К. Тогасаки также были выделены средства для поездки двух японских хирургов – в качестве сопровождающих девушек, но прежде всего для того, чтобы они обучились методам американской пластической хирургии в Маунт-Синай.

Был создан специальный комитет Американского комитета друзей на службе обществу – «American Friends Service Committee» чтобы продумать программу для девушек вне больницы: их решено было разместить в семьях квакеров (за время лечения девушки не оставались в одном доме, а переходили, каждая примерно сменила от 4 до 6 семей; одну из девушек принял в свою семью Н. Казинс), планировалось организовать для них возможность получения образования, которое могло бы помочь им стать финансово самостоятельными по возвращении в Японию.

Роберт Джейкобс в своем исследовании обращает внимание, что правительство США было обеспокоено тем, что присутствие японских женщин в стране спровоцирует антивоенные настроения и усилит оппозицию программе ядерных испытаний администрации Эйзенхауэра, в результате Государственный департамент отправил в Японию телеграмму с отменой разрешения на поездку, но она пришла как раз в тот момент, когда девушки улетали и командующий просто не успел ее получить и отреагировать. Он также отмечает, что общественный интерес привел к тому, что другие общественные организации США попытались организовать поездки хибакуся для получения медицинской помощи, но эта инициатива была сорвана правительством США[6].

Дэвид Сэрлин пишет, что до середины 1950-х годов подавляющее большинство американцев практически не имели представления о том, как на самом деле выглядели жертвы атомной бомбы – в тоже время Госдепартамент стремился добиться своеобразного «согласия общественности на будущее» – ядерная энергия это инструмент внешней политики, но как бы не связана со смертью [11]. Но вот 11 мая 1955 г., всего через три дня после прибытия в Нью-Йорк, К. Танимото и две участницы проекта (Тоёко Минова и Тадако Эмори) были приглашены принять участие в телевизионной программе «*This Is Your Life*» на канале NBC. Программа входила в десятку самых популярных телепередач, собирая у экранов около сорока миллионов зрителей [1, р.3]. И кульминационной точкой сценария должна была стать встреча девушек с лейтенантом Робертом Льюисом, пилотом самолета, сбросившим бомбу на Хиросиму. Как показать лица японок американской аудитории? Тем более что постоянным спонсором программы была фирма, выпускающая косметику, и контраст между девушками в рекламе и внешним видом их ровесниц, искалеченных взрывом был бы поразителен. В итоге камера выделила только силуэты за полупрозрачным экраном – но вместо эффекта

таинственности, по словам автора, происходящее дало эффект тревожности, «тени Миновы и Эмори визуально напоминали неизвестных преступников... пальчиковых кукол, оживающих в свете фонаря девятнадцатого века» [11].

Завеса секретности, напротив только привлекла внимание: еще за несколько дней до отъезда девушек из Хиросимы несколько фотожурналистов приехало в Японию чтобы запечатлеть женщин «до» операции, чтобы затем показать аудитории разницу с кадрами «после», которые планировали широко распространить. В итоге к моменту выхода шоу в эфир изображения ядерных травм уже были опубликованы прессой, что «позволило зрителям увидеть шрамы этих женщин, не видя их на самом деле на экране» [12]. Отметим, что передача позволила собрать 50 тыс. долл., что полностью покрывало оставшуюся часть расходов [1, p.122].

Исследователи отмечают попытку смещения акцентов происходящего, ухода *от образа ответственности за рукотворную общечеловеческую трагедию*. Так, Р. Джейкобс обращает внимание на то, что для описания шрамов девушек пресса США использовала термин «следы когтей дьявола», это выражение долгое время использовалось для характеристики следов, оставленных на земле стихийными бедствиями, такими как тайфуны, цунами и землетрясения. «Использование этой фразы вызвало ощущение, что шрамы у женщин можно рассматривать как последствие природных сил, а не как раны, нанесенные преднамеренным актом войны» [6].

Д. Серлин указывает, что СМИ США постарались нивелировать разницу между пластической хирургией, необходимой для облегчения страданий, и плановой косметической хирургией, используемой для достижения красоты. Например, газета *Newark Star-Ledger*, издаваемая в штате Нью-Джерси объявила о прибытии «Девушек» в Соединённые Штаты в статье под заголовком «Изуродованные японские девушки получают подтяжку лица», а *New York World-Telegram*: «25 девушек с ожогами... надеются вернуть себе красоту» [11]. Это при том, что девушкам на самом деле заменяли веки, которые были сожжены, реконструировали части лица, создавая, например, губы, облегчая движения челюсти и тем самым улучшая речь и жевание; удаляли шрамы, оставшиеся от ожогов для того, чтобы освободить мышцы шеи, которые мешали поворачивать голову, вернуть подвижность пальцам, которые были согнуты назад на запястьях или вывернуты [2].

Хироко Тасаке, которая ранее носила закрывающую лицо маску, перенесла 13 операций. Всего за 18 месяцев на 25 девушках было

проведено 138 операций и с хирургической точки зрения, результаты были умеренными: большинство девушек находились в стадии роста в момент взрыва бомбы и было нарушено естественное развитие – искривлены кости, мышцы и сухожилия укорочены, нервы и кровеносные сосуды зажаты. И после операций «пальцы не выпрямлялись со щелчком, губы не становились на место, глаза не возвращались туда, где им положено быть» [1, p.151].

Отметим, что одна из девушек Томоко Накабаяси, которой на тот момент было 26 лет [4] умерла от остановки сердца при анестезии: «Охота за красотой закончилась смертью — девица из Хиросимы умирает во время операции». Подтекст такой редакционной статьи заключался в том, что вина кроется в желании женщины быть красивой, а не в медицинских ошибках или общем ущербе здоровью – закономерном следствии влияния радиации.[6; 1, p.137] При этом Норман Казинс писал, что у девушки «не было повреждено лицо, но из-за рубцовой ткани она не могла двигать пальцами» [2].

О более поздней попытке реконструировать трагедию как косметическую пишет Р. Баркер, рассказывая своей поездке в Японию в 1984 г.: беседуя с участницами проекта он узнал, что была выпущена книжка «наспех написанная, чтобы нажиться на ежегодном интересе к Хиросиме шестого августа», которая характеризовала Хиросимских Дев как... группу, одержимую своей утраченной молодостью и украденной красотой». Автор – спортивный обозреватель в токийской ежедневной газете [1, p.225].

Контраст между воспоминаниями участников событий и публикациями в СМИ, объясняется не только политической значимостью ситуации, но и стремлением *таблоидов коммерциализировать романтическую составляющую, основанную и на идее американской мечты*. Действительно, поездка в США дала новые возможности японским девушкам: они обучились практикам ухода за больными на дому в рамках программы Красного креста, часть из них прошла обучение сестринскому делу, социальной работе с незрячими людьми, другие получили дипломы курсов секретарей, парикмахеров, Тойоко Морита начала обучение в школе дизайна в Нью-Йорке и затем стала известным в Японии модельером, Сузуэ Осима – косметологом, Масако Канабэ (о которой мы писали в начале статьи) изучила изготовление церемониальных париков и была приглашена стать менеджером нового токийского салона красоты, специализирующегося на подготовке молодых женщин к свадебным церемониям [2]. Хироко Тасаке, перенесшая больше всех операций,

получила предложение выйти замуж, в США она ответила на это предложение отказом, но впоследствии Гарри Харрис приехал к ней в Японию. Эту возможность возвращения к привычному для женщин пути отмечает и Н. Казинс: к 1964 г., когда он приехал в Хиросиму, многие девушки проекта уже были замужем и у них в общей сложности было 16 детей [2].

Важный момент формирования общественного мнения был связан и с тем, что именно *поездка в США стала шагом к преодолению социальной изоляции* – в Японии трагедия 1945 г. пронизывала всю повседневную жизнь, на тот момент ее масштабы не позволяли ни справиться с ней, ни принять ее последствия, и стремление общества, а зачастую и близких людей оградиться от обезображенных хибакуса приводило к утрате ими смысла существования. В Америке девушек поселили в семьях квакеров, Хатсуко Ёкояма (была с девушками на протяжении всей поездки в США как переводчик и сопровождающая) писала, что «это были самоотверженные люди, которые заботились о девочках, как о собственных дочерях... помогли им измениться». Доброта и любовь, которые они получали от других, во многом способствовали тому, что они снова начали улыбаться [4]. У некоторых не было своих детей и они давали девушкам те эмоции, которые те не смогли получить в утраченном детстве, другие наоборот вводили девушек в свои многодетные семьи и их дети принимали японок: четверо дочерей Н. Казинса привязались к Сигэко Ниимото «в какой-нибудь вечер они ставили быструю пластинку и учили её чарльстону, а взамен она выстраивала их в линию и разучивала с ними японский народный танец о шахтёрах. Казалось, всегда находилось что-то более интересное или весёлое, чем учёба [1, р.163]» – и это создавало ощущение нормальной интеграции. В тоже время и незнакомые люди подходили к девушкам в метро или на улице, расспрашивали, проявляя к ним доброжелательный интерес, одна из девушек разговорила с женщиной, потерявшая сына в сражении с японцами на Тихом океане, девушки выступали на собраниях, которые проводили общественные организации, давали интервью, свободно общаясь с прессой.

Анализируя политическую составляющую отметим, что участницы проекта это девушки, хотя очевидно что мальчиков со шрамами в Японии было не меньше, но женщины больше подходили под *образ невинной жертвы, склонной к примирению* – юноши же возраста 20-25 лет стали бы напоминанием именно о военном конфликте. Это было важным составляющим пропаганды и в США, и

в Японии – для части женщин операции были проведены в Токио, и они должны были посетить не только клинику Токийского университета, «но и тюрьму Сугамо, где содержались японские военные преступники, выразить сочувствие заключенным, чтобы показать, что их «недовольство военными лидерами из-за потери их... красоты со временем рассеялось» [12]. В прессе США почти нигде в прессе не упоминался факт, что большая часть погибших и пострадавших – это мирные жители, даже если это становилось косвенно понятным из содержания статей, то не встраивалось в исторический контекст причинно-следственных связей, и в этом плане проект «Девы Хиросимы» с его приватизацией боли и идеей общего гуманизма стал «медицинской версией» Плана Маршалла [6]. На первый план выходило то, что одна из девушек выразила фразой о том, что люди схожи в своей человеческой сути – «basically alike in their humanity» [1, p.129], в любви, в принятии, хотя конечно, те, у кого жили девушки, те, кто обращался с ними как с дочерьми – это не все американцы, Н. Казинс договорился именно с квакерами, идеология которых трансформировалась за период с XVII века и они не приемлют насилие, считая что люди вне зависимости от исповедания близки в Богу.

Мотивы людей, выражавших сочувствие или оказывающих материальную поддержку были различны – для кого-то это была политическая позиция, неприятие ядерного оружия как использования силы, для других традиционная отзывчивость к человеческим страданиям, проект Н. Казинса предоставил этим людям сделать что-то конкретное и символическое и для мира и общего, и собственного.

Общий фон последствий Второй мировой войны и продолжающейся войны холодной проявился в общественной реакции: *«При наличии русских спутников в небе, при глубокой тревоге Америки о своём положении в мире, многие, как и я, задаются вопросом, что мы или кто бы то ни было может сделать для предотвращения катастрофы и чувствуют себя беспомощно... таким [людям] программа, подобная предпринятой Ассоциацией Хиросимского Центра Мира, даёт по крайней мере проблеск надежды на то, что человек может, если постарается, исцелить себя, а не уничтожить – писал создатель проекта [1, p.158-159].*

Для Н. Казинса девушки это жертвы, которые своим примером показывают, что важно чтобы подобное не повторялось, любое ядерное оружие – это зло. Но все же, вопреки желанию Нормана Казинса, борца за ядерное разоружение, в восприятии общества США

закрепился тезис об американцах, которые создали бомбу, а затем использовали ее, положив конец Второй мировой войне и спасая бесчисленное количество жизней. В этом плане историческая память показывает отличающийся от реальности ракурс.

Библиографический список:

1. Barker R. The Hiroshima Maidens: a story of courage, compassion, and survival. New York, 1985. URL: <https://archive.org/details/hiroshimamaidens00bark/page/18/mode/2up>. P.139 (дата обращения: 22.09.2025).
2. Cousins N. Hiroshima Maidens. URL: <https://hibakushastories.org/wp-content/uploads/2013/10/Hiroshima-Maidens.pdf> (дата обращения: 22.09.2025).
3. Hibakusha stories: Hiroshima Maidens. URL: <https://hibakushastories.org/hiroshima-maidens/> (дата обращения: 22.09.2025).
4. History of Hiroshima: 1945-1995 (Part 6, Article 2). URL: <https://www.hiroshimapeacemedia.jp/?p=27456> (дата обращения: 1.11.2025).
5. Ichikawa K. Hibakusha-atomic bombs survivors in Japan: Survivors' issues in human rights, government recognition and social segregation. URL: <https://medcraveonline.com/SIJ/SIJ-08-00375.pdf> (дата обращения: 1.11.2025).
6. Jacobs R. Reconstructing the Perpetrator's Soul by Reconstructing the Victim's Body: The Portrayal of the 'Hiroshima Maidens' by the Mainstream Media in the United States. URL: <http://intersections.anu.edu.au/issue24/jacobs.htm#n12> (дата обращения: 23.09.2025).
7. Matsubara M. The Spirit of Hiroshima. URL: <https://www.wagingpeace.org/the-spirit-of-hiroshima-2/> (дата обращения: 23.10.2025).
8. Memories of You: If not for the bomb. URL: https://hpmuseum.jp/virtual/VirtualMuseum_e/exhibit_e/exh1302_e/exh130202_e.html (дата обращения: 1.11.2025).
9. Nagasaki Atomic Bomb Museum. URL: <https://nabmuseum.jp/wp-content/uploads/rocia.pdf> (дата обращения: 3.11.2025).
10. Radiation Effects Research Foundation. A brief description. URL: https://www.rerf.or.jp/uploads/2017/09/briefdescript_e.pdf (дата обращения: 3.11.2025).
11. Serlin D. The Clean Room / Domesticating the Hiroshima Maidens. Plastic surgery after the atomic bomb. URL: <https://www.cabinetmagazine.org/issues/11/serlin.php> (дата обращения: 2.10.2025).
12. Wake N. The 'Hiroshima Maidens' on Different Shores: Decentralising Scarred Japanese Femininity in the A-Bomb Victimhood Naoko Wake. URL: https://www.researchgate.net/publication/351058175_The_'Hiroshima_Maidens'_on_Different_Shores_Decentralising_Scarred_Japanese_Femininity_in_the_A-Bomb_Victimhood (дата обращения: 2.10.2025).

ХВАРАНЫ: ЮНОШИ КРАШЕ ЦВЕТОВ ИЛИ ВОИНСТВЕННЫЕ СОЛДАТЫ

HWARANG: ARE YOUNG MEN MORE BEAUTIFUL THAN FLOWERS OR WARLIKE SOLDIERS

Т.О. Ткачева, В.В. Коваленко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

T.O. Tkacheva, V.V. Kovalenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматривается феномен хваранов – элитной организации государства Силла (I в. до н.э. – X в. н.э.), анализируется диалектика их восприятия как носителей эстетического идеала и воинской доблести. На основе корейских хроник («Самгук саги», «Самгук юса») и современных исследований подтверждается, что хвараны воплощали синтез духовного, культурного и военного начал, став ключевым инструментом консолидации корейского государства. Особое внимание уделяется их философским доктринам, социальной роли и влиянию на корейскую идентичность.

Annotation. The article examines the phenomenon of the Khwarans, the elite organization of the Silla state (1st century BC – 10th century AD), analyzes the dialectic of their perception as carriers of the aesthetic ideal and military prowess. Based on the Korean chronicles (Samguk Sagi, Samguk Yusa) and modern research, it is confirmed that the khwarans embodied a synthesis of spiritual, cultural and military principles, becoming a key instrument for consolidating the Korean state. Special attention is paid to their philosophical doctrines, social role and influence on Korean identity.

Ключевые слова: Хвараны, Силла, хянга, кодекс Вонгван, Ким Юсин, вонхва, буддизм, неоконфуцианство, хварандо, культурный синтез.

Keywords: Hwarang, Silla, hyanga, Hongwan codex, Kim Yuxin, Wonhwa, Buddhism, neo-Confucianism, Hwarando, cultural synthesis.

Институт хваранов, оформившийся как ключевой элемент государственной машины Силла в VI в., был обусловлен генезисом и структурой, отражающей сложные социокультурные и политические процессы, происходившие в корейском обществе в период Трёх государств.

Непосредственным предшественником хваранов считается институт вонхва (源花, «первоцветы») – сообщество, состоявшее из девушек-аристократок. Согласно «Самгук саги» [1], вонхва занимались изучением ритуалов, поэзии и философии, выполняя, тем самым, функцию сохранения и передачи сакральных знаний. Однако этот эксперимент по созданию организованной элиты оказался недолговечным. Его крах, вызванный конфликтом между двумя

лидерами, Наммо и Чонджон, привел к гибели одной из них и роспуску сообщества [2].

Этот эпизод имеет глубокое символическое значение. Распад вонхва знаменовал не просто неудачу, а смену парадигмы. Патриархальная государственная система Силла, столкнувшаяся с нарастающими внешними угрозами со стороны Когурё и Пэкче, нуждалась в новой, маскулинной модели элиты, способной сочетать интеллектуальное развитие с воинской доблестью. Как отмечает корейский историк Ли Джэрик, «переход от вонхва к хваранам символизировал переход от сакрально-ритуальной роли аристократии к её милитаризованному и политизированному варианту, более адекватному вызовам эпохи» [8]. Таким образом, хвараны стали ответом на кризис, унаследовав от вонхва идею организованного сообщества, но кардинально изменив его гендерную и функциональную направленность.

Официальное оформление института хваранов связывают с правлением короля Чинхына (540–576 гг. н.э.), который систематизировал уже существовавшие практики. В хвараны набирали юношей в возрасте от 14 до 18 лет, преимущественно из аристократической прослойки «чинголь» («истинная кость»), к которой принадлежал и сам монарх [1]. Однако важной особенностью была относительная социальная мобильность: в ряды хваранов могли быть приняты и талантливые выходцы из низших аристократических слоев «иду» («голова человека») или даже свободного населения, что демонстрирует прагматизм государства, заинтересованного в привлечении лучших кадров.

Организационно хвараны объединялись в группы («кве»), которые формировались по территориальному или дружескому принципу. Обучение хваранов было всесторонним и строго регламентированным, представляя собой синтез воинской подготовки и гуманитарного образования.

Во главе каждой группы стояли два наставника, что отражало дуализм их подготовки. Один из них, Вонхва (源花) духовный наставник, часто буддийский монах, отвечал за нравственное и философское воспитание, проведение ритуалов и медитаций. В его компетенцию входили занятия Хянга (鄉歌) - сочинение и исполнение «песен на родном языке» было не просто развлечением, а сакральным актом. Считалось, что поэтическое слово, наполненное истинной силой «духа» («ки»), способно влиять на реальность — «уничтожать дурные знамения» или «обращать вражеские войска в бегство» [2]. Так же в ведении Вонхва находилось изучение

религиозно-философских доктрин. Программа включала буддийские сутры (например, «Сутру Лотоса»), конфуцианские трактаты о долге и сыновней почтительности, а также даосские практики достижения гармонии с природой. Этот синтез формировал универсальное мировоззрение, позволявшее хварану быть воином, администратором и мыслителем одновременно.

Другой – Куксон (國仙) являлся военным инструктором, обучавший боевым искусствам и тактике. Облеченный статусом «куксон» («бессмертный государя») подчеркивал элитный статус этих воинов. Правда, сведения о роли Куксона отрывочны и неполны, есть сомнения в том, идёт ли речь о разных должностях или это разные названия одной и той же наставнической должности. Воинские дисциплины включали стрельбу из лука и фехтование. Они являлись базовыми навыками, оттачивавшимися как на стационарных мишенях, так и в условиях верховой езды [1]. Немаловажное значение отводилось корейскому искусству рукопашного боя Субак (手搏). Оно легло в основу более поздних корейских боевых систем [3]. Тактическое мастерство оттачивалось на занятиях Хвальджан-чхаги (活躍蹴球). Это уникальная тактическая техника, описанная в хрониках

[1]. Она заключалась в использовании препятствий, включая спины и крупы лошадей, для совершения высоких прыжков с целью неожиданной атаки или преодоления укреплений. Этот элемент подчеркивает не только физическую подготовку, но и тактическую гибкость, прививаемую хваранам.

Феномен хваранов наиболее ярко раскрывается в присущем им диалектическом единстве эстетического и воинского начал. Этот синтез не был случайным; он целенаправленно культивировался и становился основой их социальной идентичности, позволяя им функционировать как в качестве культурной элиты, так и в роли военной аристократии.

Внешний облик хварана не был данностью, но представлял собой сложный конструкт, наделенный глубоким символическим значением [3]. Источники единодушно описывают их как «лучезарных юношей», использовавших макияж (подведенные глаза и нарумяненные щеки), хну для волос и тела, а также ароматические масла [1]. Эта практика выходила за рамки простого дендизма. Красота («ми») выступала визуальным маркером, зримо отделявшим аристократа-воина от простого солдата и подчеркивавшим его исключительный статус.

Однако эстетика была не только социальным шифром, но и

формой духовной дисциплины. Уход за телом и облачение в изящные одежды рассматривались как внешнее проявление внутренней гармонии и чистоты духа, культивируемых через буддийские и даосские практики. Как отмечает Н. Чеснокова, «ухоженное тело было для хварана таким же объектом медитации и работы, как и его меч; оба требовали постоянного внимания и совершенствования» [4]. Таким образом, красота становилась инструментом самоконтроля и внешним индикатором внутреннего состояния, что сближало практики хваранов с концепцией «внешнего благородства» («вэнь») у китайских цзюньцзы.

Литературное творчество хваранов, прежде всего в жанре «хянга», предоставляет уникальный материал для реконструкции их мировоззрения. Эти стихотворения были не просто упражнением в красноречии, а сакрализованным речевым актом, способным, по их убеждению, влиять на реальность [2].

Содержательный анализ «хянга» раскрывает ключевые для хварана концепции. Яркий пример – строчки, приписываемые позднее хварану Чхве Чхивону: *«Меч мой сверкает росой, // Но не срубить им цветка, // Что расцвел на краю скалы»*.

Эта метафора идеально передает диалектику их сущности. «Меч, сверкающий росой» – символ смертоносного, но отточенного и чистого оружия, находящегося в состоянии покоя. «Цветок на краю скалы» – метафора хрупкой, но стойкой жизни, красоты, существующей на грани гибели. Невозможность срубить цветок мечом символизирует этический императив – разборчивость в убийстве (пятая заповедь Вонгванга) и глубокое, почти буддийское, уважение ко всему живому. Поэзия, таким образом, была не отдыхом, а продолжением философской и военной практики.

Военная роль хваранов была не альтернативой эстетическому образу, а его прямым продолжением. Они не просто входили в армию, а формировали ее элитное ядро – отряды «пёндан», которые выполняли функции ударных частей, телохранителей полководцев и диверсионных групп [1].

Наиболее показателен пример Ким Юсина – хварана, ставшего главнокомандующим армией Силла в войне за объединение Кореи (660–668 гг.) [1]. Его личная дружина носила поэтичное название «Благоухающая дружина [дерева] нага-бодхи» (Кымхвачхон), что прямо отсылало к их происхождению как «цветочных юношей» и одновременно к буддийской символике (дерево бодхи – символ просветления) [2]. Это название – ярчайшее воплощение синтеза: «благоухание» (эстетика, духовность) и «дружина» (военная

функция) сливаются в неразрывное целое.

Их доблесть, воспитанная на принципах «Пяти заповедей», носила осознанный характер. Легендарный подвиг юного хварана Кванчхана, обезглавленного в битве при Хвасане (660 г.), описанный в «Самгук саги» [1], демонстрирует это.

Его отец, военачальник Пхумиль, увидев тело сына, воскликнул: «Лицо и глаза моего ребенка словно живые, ибо тому, кто погиб, служа государю, не о чем жалеть!» [1]. Эта реакция – не проявление бесчувственности, а воплощение конфуцианского идеала верности и буддийского неприятия страха смерти. Эстетизированный образ «живого лица» павшего героя стал мощным психологическим оружием, вдохновившим войска Силла на победу.

Этико-философская система хваранов представляла собой уникальный синтез, в котором буддийская метафизика, конфуцианская этика и даосская натурфилософия не просто сосуществовали, но взаимно дополняли и обогащали друг друга, создавая целостное мировоззрение, определявшее поведение элиты государства Силла.

Фундаментальной текстовой основой идеологии хваранов считаются «Пять заповедей для светских лиц» (Сеса Оге 世俗五戒), сформулированные буддийским монахом Вонгваном (圓光) в VI веке [2]. Как записано в «Самгук юса», когда хвараны Гвисан (貴山) и Чуджан (籌杖) пришли к нему за наставлениями, он изрёк:

1. «Проявляй верность государю» (사군이충 事君以忠).
2. «Проявляй почтительность к родителям» (사친이효 事親以孝).
3. «Проявляй искренность в дружбе» (교우이신 交友以信).
4. «Не отступай в бою» (임전무퇴 臨戰無退).
5. «Будь разборчив, лишая жизни» (살생유택 殺生有擇) [5].

Анализ этих заповедей раскрывает их синтетическую природу. Первые три принципа напрямую заимствованы из конфуцианского канона, выстраивая иерархию социальных обязанностей: от высшего долга перед государством к семье и, наконец, к социальным связям (дружбе). Четвертая заповедь («Не отступать в бою») отражает воинский этос, необходимый для выживания государства в условиях перманентной войны.

Наиболее показательной является пятая заповедь – «Будь разборчив, лишая жизни». Она вносит буддийский этический корректив в воинскую практику. Это не абсолютный запрет на убийство (как в первой буддийской заповеди), а принцип осознанного выбора. Хваран должен был убивать на поле боя, выполняя долг, но

избегать бессмысленной жестокости, убийства беззащитных или невинных. Как отмечает корейский исследователь Ким Ёнхван, «эта заповедь трансформировала хварана из простого солдата в воина-буддиста, чьи действия мотивированы не гневом или жаждой наживы, но высшими идеалами защиты государства и Дхармы» [5]. Таким образом, заповеди Вонгванга создавали этический каркас, в котором воинская доблесть сдерживалась и направлялась состраданием, а личная преданность подчинялась служению общему благу.

Философские принципы воплощались в жизнь через систему ритуалов, которые были призваны сплачивать сообщество, укреплять дух и гармонизировать отношения с космосом. Паломничества к священным горам, таким как Керёнсан (Гора Петушиного Леса) и Намсан (Южная гора) в Кёнджу, были регулярной практикой [6]. Эти горы, считавшиеся обителью духов и божеств в даосской и корейской шаманской традициях, одновременно были центрами буддийского культа [2]. Во время паломничеств хвараны занимались медитацией, сочинением поэзии, воинскими тренировками и ритуальными возлияниями духам-покровителям Силла. Этот ритуал символизировал единство с природой (даосский аспект), духовное самосовершенствование (буддийский аспект) и служение государству, чья сакральная география осваивалась и укреплялась.

Центральным ритуалом, объединявшим все три идеологические составляющие, был танец с мечами «куксонхве» (國仙會 – «Собрание [под руководством] Куксона»). Это был не боевой тренинг, а сложное сакрализованное действие, часто проводившееся под руководством наставника-куксона. Движения танца, по мнению исследователей, имитировали полет дракона (символизируя мощь и государеву власть) и феникса (олицетворяя благодать и мудрость) [6]. В рамках ритуала меч переставал быть просто оружием, превращаясь в «продолжение души» воина и сакральный объект, связующий мир людей с миром духов предков и божеств-покровителей. «Куксонхве» являлся зримым воплощением синтеза: конфуцианская верность предкам и государю, даосская символика мифологических животных и буддийская дисциплина ума сливались в едином действе, целью которого было обеспечение благополучия и победы Силла.

Синкретическая идеология не могла не порождать внутренних напряжений. Наиболее очевидным было противоречие между буддийским принципом «ахимсы» (ненасилия) и воинским долгом, требующим убийства. Это противоречие разрешалось через несколько концепций. Во-первых, это концепция «искусных средств» (упая) в буддизме Махаяны, где жесткие действия могут

оправдываться высшей целью – спасением всех живых существ от страданий, вызванных войной и хаосом. Во-вторых, идея защиты государства как высшей дхармы. Служение Силла рассматривалось как служение «полю заслуг», защите буддизма и социального порядка, что возвышало долг воина до уровня религиозного служения.

Институт хваранов, сыгравший ключевую роль в становлении и объединении государства Силла, не пережил его политическую трансформацию. Его упадок был закономерным процессом, обусловленным глубокими изменениями в корейском обществе, а его наследие, напротив, оказалось чрезвычайно живучим, встроившись в культурный код корейской нации.

Библиографический список

1. Ким Бусик. «Самгук саги» (Исторические записи Трёх государств) / Пер. М.Н. Пака. Т.1. М.: Восточная литература, 2001.
2. Ирён. Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / Перевод с ханмуна, вступительная статья, комментарий и указатели Ю. В. Болтач. СПб: ИД «Гиперион», 2018.
3. «Хвараны» [Электронный ресурс]. 2014. URL: // <https://vas-ta.livejournal.com/38955.html?es=1>
4. Чеснокова Н. Кто такие «хвараны»? Красивое лицо или что-то большее? [Электронный ресурс]. URL: // https://vk.com/@south_korea_in_your_heart-kto
5. Богачева В. Хваран: «цветущие рыцари» [Электронный ресурс]. URL: // <https://vk.com/@cassiodor-hvaran-cvetuschie-ry>
6. Статья «Мифологический образ хварана: путь чести и мужества» [Электронный ресурс] URL: // <https://www.astromeridian.ru/magic/koreyskaya-mificheskaya-traditsiya.html>
7. Тёрнбулл С. Самураи. Военная история. М.: Евразия, 2014.
8. Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб.: Евразия, 2019
9. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. С. 74-77.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КОРЕЙЦЕВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ETHNOCULTURAL PRACTICES OF KOREANS IN CONTEMPORARY RUSSIA

П.О. Ким, Р.А. Пак

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

P.O. Kim, R.A. Park

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение этнокультурных практик российских корейцев в современной России. Цель работы провести сравнительный анализ этих практик у двух локальных групп: корейцев материковой части России и

корейцев острова Сахалин и выявить общее и особенное, а также определить факторы, определяющие различия в этнической идентичности, степени сохранения традиций, языка и религии. Исследование проводилось в октябре 2025 г. с использованием метода полуструктурированного интервью (N=9). Установлено, что для «сахалинских» корейцев характерна коллективная модель идентичности, основанная на сохранении языка и семейных традиций, тогда как «материковые» корейцы демонстрируют более индивидуализированное и символическое восприятие этничности. Язык сохраняет символическую ценность у «материковых» корейцев и частично коммуникативную функцию у «сахалинцев». У обеих групп зафиксирован синтез буддийско-конфуцианских и христианских традиций, а также постепенная трансформация форм социальной организации при сохранении этнокультурных ценностей. Исследование подтверждает устойчивость и адаптивность этнокультурной идентичности корейцев России.

Abstract. The article presents the results of a sociological study aimed at studying the ethnocultural practices of Russian Koreans in modern Russia. The purpose of the work is to conduct a comparative analysis of these practices among two local groups: Koreans of the Russian mainland and Koreans of Sakhalin Island and to identify common and special features, as well as to identify factors determining differences in ethnic identity, the degree of preservation of traditions, language and religion. The study was conducted in October 2025 using the semi-formal interview method (N=9).

The study found that Sakhalin Koreans are characterized by a collective identity model based on the preservation of language and family traditions, while mainland Koreans demonstrate a more individualized and symbolic perception of ethnicity. The language retains a symbolic value among the "mainland" Koreans and a partially communicative function among the "Sakhalin people". Both groups have a synthesis of Buddhist-Confucian and Christian traditions, as well as a gradual transformation of forms of social organization while preserving ethno-cultural values. The study confirms the stability and adaptability of the ethnic and cultural identity of Koreans in Russia.

Ключевые слова: корейцы России, этнокультурные практики, идентичность, язык, религия, Сахалин.

Keywords: Russian Koreans, ethnocultural practices, identity, language, religion, Sakhalin.

Современная Россия представляет собой многонациональное и поликультурное общество, в котором особое место занимают этнические меньшинства, сохраняющие традиции, язык и культурные особенности в условиях длительного проживания в инокультурной среде. Одной из таких общностей являются корейцы России, чья история на территории страны насчитывает более века. При изучении корейской общности в России, особый интерес представляет сопоставление этнокультурных практик двух локальных групп – корейцев материковой части России и корейцев острова Сахалин. Несмотря на общее этническое происхождение, условия их

формирования, история миграции и адаптации во многом различны, что определяет специфические формы проявления идентичности, традиций, языка и этнокультурного поведения.

Для исследователей представляет особый интерес процесс сохранения и трансляции этнокультурных практик у корейцев России, которые, несмотря на длительное проживание в иноэтничной среде и воздействие ассимиляционных процессов, продолжают сохранять культурную самобытность и воспроизводить её в новых поколениях, адаптируя традиции к реалиям современной российской действительности.

С целью осветить данную проблему нами было проведено социологическое исследование, направленное на выявление этнокультурных практик российских корейцев. Также перед нами стояла задача провести сравнительный анализ этих практик у двух локальных групп: корейцев материковой части России и корейцев острова Сахалин и выявить факторы, определяющие эти различия.

Исследование проводилось в октябре 2025 г. Объектом исследования выступили представители «коре-сарам» – советские (российские) корейцы, проживающие в различных регионах Российской Федерации (в основном Краснодарский край, Адыгея и Сахалинская область). Часть респондентов на момент исследования находились в Республике Корея, интервью с ними проводились по видеосвязи. Выборка 9 респондентов из трех возрастных групп: 19–25 лет; 26–46 и 47–70 лет. В том числе 33,3% – мужчины, 67,7% – женщины. Отбор респондентов проводился методом доступного случая в комбинации с методом «снежного кома». По возможности (доступности тех или иных респондентов) выборка квотировалась по полу и возрасту для повышения репрезентативности данных.

Исследование было проведено методом полуструктурированного интервью. Для удобства анализа полученных нарративов и структурирования полученной информации в ходе операционализации были выделены смысловые блоки, позволившие раскрыть различные аспекты этнокультурных практик корейцев на современном этапе.

Вопросы этнокультурной идентичности и адаптации российских корейцев освещены в ряде отечественных и зарубежных исследований. Ким Г.Н. [1], Дин Ю.И. [2], Ким Х.Ч. [3], Чон Ч.О [4], Ло Е.Д. [5] и др. Однако сравнительного анализа практически не проводилось.

Основания этнического самосознания (идентичности). Интервью с российскими корейцами показывают, что процессы

самоидентификации формируются на пересечении личного опыта, семейных ценностей и локальных контекстов. В зависимости от региона проживания проявляются два преобладающих типа идентичности: локализованная, коллективная, характерная для сахалинцев, и символическая, рефлексивная, более типичная для материковых.

Для сахалинских корейцев этничность сохраняет коллективистский характер и тесно связана с местом проживания, локальными сообществами и кругом повседневных контактов. Этничность здесь воспроизводится не столько через символические формы, сколько через практики общения и социальные связи. *«Корейцем, наверное, в большей степени. Всё-таки круг общения моего возраста и постарше всегда больше ограничивался общением с корейцами»* (муж. 52 г.). Это демонстрирует, что этническая принадлежность воспринимается как естественная форма социальной жизни и групповой солидарности. Для сахалинцев она является способом укоренения в сообществе, а не только культурным маркером. *«Я ощущаю себя корейкой, жителем Сахалина. И, наверное, в последнюю очередь гражданкой России. Если меня спросят, кто я, я всегда скажу, что я сахалинская корейка»* (жен. 38 лет). В данном случае принадлежность к корейской общине является частью устойчивой социальной структуры, того, что можно определить как «воплощённый капитал памяти» [6].

Материковые корейцы, напротив, демонстрируют более гибкий и рефлексивный тип идентичности. Для них этничность становится личным, символическим ресурсом, интегрированным в гражданскую и культурную идентификацию. *«Очень сложно ответить, кто я в первую очередь – россиянка или корейка. Мне кажется, что оно как-то 50 на 50. Я не могу сказать, что я что-то одно только или другое. Мне кажется, одновременно и корейка, и россиянка, и всё как-то вместе»* (жен., 25 л.). Такое восприятие этничности отражает тенденцию к формированию постэтнического самосознания, при котором этническая принадлежность осознаётся как часть личной биографии, а не как неизменная категория происхождения [7]. Независимо от региональных различий, обе группы апеллируют к общему ценностному ядру этничности. Для многих респондентов «быть корейцем» означает следовать нормам уважения, трудолюбия и внутренней дисциплины, усвоенным через семью и коллективную память.

Таким образом, различие в идентичности у сахалинцев и материковых заключается не только в степени сохранения

этнокультурных традиций, но и в способе существования этничности как социальной реальности.

Историческое самосознание, его структура, степень идеализации и мифологизации истории. Для обеих групп центральным элементом исторического самосознания выступает опыт насильственного переселения, связанный с двумя крупными миграционными волнами XX в. Даже в случаях фрагментарных знаний респонденты упоминают переселение как часть коллективного прошлого. *«Все корейцы из Сахалина – это люди, переселённые в своё время японцами, как рабочая сила. Насильно. Можно взять любую корейскую семью – и все корни будут именно связаны с насильственным переселением, депортацией»* (муж., 52 г.). *«Корейцев репрессировали, посчитав не самыми верными людьми своей исторической родине, и отправили в Среднюю Азию, где приходилось в нечеловеческих условиях выживать. Мои деды и бабушки были репрессированы в Узбекскую ССР»* (муж., 44 г.).

При рассмотрении межпоколенной коммуникации становится очевидным, что для обеих групп характерно угасание практики семейного обсуждения истории. Большинство респондентов отмечали, что рассказы о прошлом либо не звучат вовсе, либо возникают эпизодически. Историческая память материковых и сахалинских корейцев формировалась в разных условиях. Предки материковых корейцев переселились в Россию ещё в XIX в., и к моменту депортации 1937 г. их потомки были уже частично ассимилированы. История сахалинских корейцев связана с переселением в 1939–1945 гг. во время японской оккупации, поэтому память о первых поколениях здесь сохраняется в живых семейных преданиях и носит более личный характер. В результате различаются эмоциональная и нарративная формы памяти. У сахалинских корейцев она сохраняет биографическую конкретику и эмоциональную насыщенность, в то время как материковые корейцы демонстрируют более рациональное и обобщённое отношение к прошлому. Можно сказать, что для них характерно обращение к истории через призму общих фактов, без акцентирования на индивидуальных биографиях. *«Вот мой дедушка со стороны матери, он работал, жил в Горнозаводске, Сахалинской области, работал на шахте. Он даже был какой-то там среди корейцев, достаточно ответственный человек»* (муж., 52 г.). *«В принципе, знаю только, что мои деды и бабушки были репрессированы в Узбекскую ССР»* (муж., 44 л.).

Таким образом, историческая память корейцев России

основывается на воспоминаниях о переселениях и общей судьбе народа, оставаясь важным фактором сохранения этнической идентичности как для материковых, так и для сахалинских корейцев.

Язык как ценность и средство коммуникации. Для сахалинских корейцев характерно частичное сохранение языковой среды, что объясняется более плотной территориальной и семейной сплочённостью, а также исторической связью с Кореей. Однако владение языком в полной мере утрачено у большинства представителей среднего поколения. Так, один из респондентов на вопрос: «Знаете ли вы корейский язык?» отвечает: *«Нет, не знаю. Отдельные слова, фразы. Но языка, можно сказать, что не знаю»* (муж., 52 г.). Некоторые сахалинцы демонстрируют более высокий уровень владения языком, объясняя это влиянием старшего поколения: *«Бабушка, дедушка не разговаривали по-русски практически никак, и оттуда уже была начальная база».*

В материковой части языковая ситуация сложнее и более фрагментарна. Респонденты подчёркивают, что язык, на котором говорили старшие, «уже устарел сильно, видоизменился», это указывает на существенные различия между сахалинской и среднеазиатской языковыми традициями. Они хорошо видны в наименованиях родственников (табл. 1).

Сахалинская группа оказалась ближе к современному корейскому языку благодаря географическим и культурным связям, тогда как материковые диалекты (корёмаль) эволюционировали изолированно и теперь воспринимаются как архаичные. Обе группы позитивно относятся к идее сохранения и изучения корейского языка, однако понимают её по-разному. Для сахалинских корейцев это выражается в стремлении передать детям языковое наследие. *«Очень позитивно я отношусь, и когда у меня появятся свои дети, я, конечно же, если увижу в них потенциал к языкам... Естественно, это будет английский, и второй язык это будет корейский»* (жен., 39 л.).

Таблица 1. Языковые различия этнотерриториальных групп корейцев

Родственник	Сахалинские корейцы	Материковые корейцы (корёмаль)
Тетя по линии матери	имо	адимай (также адя)
Тетя по линии отца	гому	мадамя
Дядя по линии матери	самчхон	адибай
Дядя по линии отца	канабуди	мадабай
Бабушка	хальмуни	амя
Дедушка	харабуди	абай

Респонденты на материке считают, что сохранение языка, особенно диалекта корёмаль, в современных условиях затруднено и возможно лишь как элемент культурного интереса, тогда как практическая ценность языка постепенно утрачивается.

Таким образом, и сахалинские, и материковые корейцы считают русский язык родным, тогда как корейским владеют лишь на базовом или символическом уровне. Обе группы воспринимают корейский прежде всего как часть культурного наследия и элемент этнической идентичности, а не как средство повседневного общения.

Религиозное сознание и религиозного поведения. Религиозность респондентами воспринимается преимущественно как элемент культуры и семейной традиции, а не как выражение догматической веры. Для материковых корейцев характерна формальная принадлежность к христианству при слабой вовлечённости в религиозную практику. Религия выполняет функцию культурного маркера, выражающего связь с российским большинством и не вступающего в противоречие с этнической идентичностью: *«Безусловно, религия – часть моей жизни. Я отношу себя к православному христианину... прошёл обряд крещения взрослым человеком в 22 года» (муж., 44 г.)*. У сахалинских корейцев религиозное сознание имеет более ритуально-традиционный характер, сохраняя элементы конфуцианско-буддийских практик, часто воспринимаемых как часть быта, а не веры: *«Ни к какой религии себя не отношу. Соблюдались какие-то обычаи, я думаю, религиозные, которые пришли ещё от дедушек и бабушек... всегда был атеистом, как нас воспитывали» (муж., 52 г.)*.

Респонденты обеих групп различают «веру» как личное состояние и «религию» как социальный институт – отражение последствий советской секуляризации. Старшее поколение чаще сохраняет обрядовую практику, молодое – склонно к индивидуализированной вере без конфессиональной привязки. В целом религиозное сознание российских корейцев представляет собой ценностно-символическую систему, где религия выполняет роль механизма поддержания этнокультурной идентичности и преемственности, а не конфессиональной принадлежности.

Знание традиций, обрядов, фольклора и соблюдения их. Одним из ключевых показателей сохранения этнокультурных традиций является степень знакомства представителей диаспоры с национальными обрядами, ритуалами, элементами фольклора и праздниками. Для сахалинских корейцев характерна более высокая степень осведомлённости о традиционных обрядах и их

символическом значении. В интервью часто упоминались конкретные обрядовые практики: поминальные ритуалы (чеса), свадебные, значимые возрастные рубежи (100 дней, 1 год, 60 лет). Вместе с тем отмечается, что строгость в соблюдении ритуалов постепенно снижается. Это связывают со сменой поколений и общими процессами культурной адаптации. *«Раньше годик отмечали, как свадьбу. Вызывали всех родственников, много готовили. Сейчас всё стало проще». «Молодёжь уже, четвёртое поколение, уже культура воспитания как бы обрусевшая больше».*

В то же время материковые корейцы демонстрируют более фрагментарное знание традиционных практик. Часть респондентов вспоминает отдельные элементы (почитание предков, традиционные блюда), однако отмечает, что эти действия давно утратили ритуальное значение. *«Ну, ничего, кроме таких стандартных понятий, как годик ребенку. Некоторые там свадебные обряды и юбилей родителям после 60 лет. Это устоявшиеся, по-моему, обряды, которые соблюдаются практически во всех семьях, но уже чисто на техническом уровне».* Анализ показывает, что у современного поколения материковых корейцев также наблюдается ослабление приверженности традиционным обрядам и ритуалам, что связано с процессом исторической интеграции в российское общество.

При этом кулинарная традиция остаётся наиболее живой формой этнокультурной преемственности. У сахалинских корейцев кухня сохраняет коллективный характер и связана с конкретным природным пространством. *«Мы сами ловили морскую капусту, папоротник, собирали всей семьёй. На море едешь – значит, собирать ракушки. В лес – значит, собирать папоротник»* (муж., 52 г.).

Материковые корейцы демонстрируют гибридный и адаптивный тип кулинарной культуры. Здесь сохраняется символическое ядро – рис, кимчи, соевая паста. Однако в то же время много заимствований из китайской, узбекской и русской кухни. *«В Узбекистане было много китайцев, китайские столовые. И вот это калёное масло, жареное всё, щипящее и хрустящее – это всё из Китая. Но основополагающие – соевая паста, соус «кандяй», «кимчи» и «паби» – это основа всех основ. Эти блюда есть у всех, даже у моих детей в Европе»* (жен., 70 л.). Это показывает, что, несмотря на культурные заимствования, в своей основе корейская кухня остаётся устойчивой.

Чхусок, один из главных праздников в Южной Корее, не отмечается ни сахалинцами, ни материковыми корейцами. Традиция не укоренилась за пределами Кореи, а «плавающая» дата по лунному

календарю делает её неудобной для российского цикла праздников. Лунный Новый год также утратил значение и упоминается лишь формально, чаще в виде поздравлений. На Сахалине, где активнее работают культурные центры, праздник сохраняется в виде концертов и фестивалей общественного, а не семейного характера.

Наибольшее различие наблюдается в датах поминовения предков:

- у материковых корейцев это 5 апреля, день, совпадающий с традиционным временем уборки могил перед сезоном земледельческих работ. Также значимую роль сыграла календарная близость к православной Пасхе [9, с. 437];

- у сахалинских корейцев – 15 августа, День освобождения Кореи, имеющий для них особое историческое значение, поскольку их семьи напрямую связаны с японской оккупацией и послевоенным возвращением свободы.

Особое место в системе духовной культуры занимает песня «Ариран», воспринимаемая как символ духовного единства и коллективной памяти корейцев независимо от региона проживания. *«“Ариран” считается корейской народной песней. Песню “Ариран” знали все дети моего возраста, и до сих пор эти воспоминания с детства остались в моей памяти»* (жен., 38л.). Другая респондентка подчёркивает объединяющий характер этого мотива: *«“Ариран” – это, наверное, как стержень, вокруг которого всё, где бы мы ни находились – в Африке, в Австралии»* (жен., 70 л.).

Таким образом, сахалинские корейцы сохраняют более глубокую связь с ритуалами, тогда как у материковых корейцев сильнее выражена ассимиляция и упрощение традиций. При этом для обеих групп кухня остается главным культурным якорем, тогда как крупные национальные праздники практически утрачены, сохраняются лишь в общественной, а не семейной форме. Вместе с тем нематериальные формы продолжают выполнять роль духовной скрепы, поддерживающей ощущение принадлежности к общему этнокультурному пространству.

Степень ориентации на внутриэтнические связи. Наши информанты отмечали, что среди их круга общения есть друзья корейского происхождения, однако в повседневной жизни большинство взаимодействий связано с представителями других национальностей, проживающих на территории России. Общение с корейцами, как правило, сохраняется в рамках семьи или с родственниками. Респонденты обеих групп отметили, что корейцы традиционно проживали компактно, формируя соседства внутри

своей этнической общины. Однако характер этих соседств имел некоторые различия. У сахалинских корейцев компактное проживание основывалось преимущественно на родственных и дружеских связях. У материковых корейцев компактное проживание было связано не только с родством, но и с трудовой кооперацией и коллективными формами ведения хозяйства.

Отношение к межэтническим бракам исторически также различалось и эволюционировало во времени. На Сахалине десятилетиями преобладали внутриэтнические брачные союзы. Лишь в конце 1970-х гг. появляются первые национально-смешанные семьи [1]. В материковой части диаспоры картина иная, уже к 1980-м гг. в городах, таких как Алма-Ата, до 40% корейцев имели супруга другой национальности [1, с. 153]. Со временем различия между группами сгладились, и молодое поколение везде гораздо свободнее относится к выбору супруга.

В сфере деловых отношений корейцы все чаще сотрудничают с представителями других национальностей. Ранее, в советский период, внутри диаспоры были распространены тесные связи взаимопомощи. Теперь при выборе деловых партнеров все чаще важны профессионализм и надежность, а не происхождение. *«Сейчас уже не только корейцы с корейцами. Это не зависит от цвета волос, национальности, лишь бы это партнер был нормальный»* (муж., 47 л., Сахалин).

Таким образом, сохраняя значимость семьи и родственных контактов, община в целом демонстрирует ослабление сплоченности и снижение роли этнического фактора в выборе социальных, брачных и профессиональных партнёров.

Ориентации в сфере межэтнических контактов. Ориентации российских корейцев в сфере межэтнических контактов отражают высокий уровень социальной адаптации и готовности к взаимодействию с представителями других народов. И сахалинские, и материковые корейцы на протяжении десятилетий живут и работают в полиэтнической среде, где межнациональные отношения воспринимаются как естественная часть социальной жизни. Одна из респонденток, рассказывая о своём жизненном опыте, подчёркивает, что её окружение всегда было многонациональным: *«У меня друзья и подруги были русские, немцы, украинцы, евреи, потому что на заводе были эти люди...И в школе у меня были все русские»* (жен. 70 л.).

Это подтверждает, что и сахалинские, и материковые корейцы демонстрируют интеграционную модель межэтнических отношений при уважении культурных различий.

Таким образом, гипотеза о том, что корейцы Сахалина сохранили более тесную связь с национальной культурой и языком, в отличие от «материковых» корейцев в основном подтвердилась. Обе группы российских корейцев сохраняют этническую идентичность, но в разной степени и формах. Для сахалинцев характерна более прочная связь с корейской культурой. Материковые корейцы также сохраняют традиции, однако в упрощённом и символическом виде. При этом для обеих групп русский язык стал основным, что отражает общую направленность на интеграцию при сохранении культурных корней.

Библиографический список

1. Ким Г.Н. Материковские и сахалинские корейцы: различия и сходства // Корееведение Казахстана. 2020. № 11. С. 146–166.
2. Дин Ю.И. Корейцы Сахалина в поисках идентичности (1945–1989 гг.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 237–249.
3. Ким Х.Ч. Историческая судьба корейских иммигрантов в России и перспектива сохранения этнической культуры // Вестник Московского государственного университета. 2008. № 8. С. 79–91.
4. Chong J.O. Soviet Korean (Koryo-in) in Central Asia and Korean Religious Activities in Post-Soviet Central Asia// Ankara University Journal. 2013. № 2. P. 211–224.
5. Ло Е.Д. Проблема российских корейцев: история и перспективы решения. М. : АРГО, 1995. 107 с.
6. Bourdieu P. The Forms of Capital // Richardson, J. (Ed.). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N-Y.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
7. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Rutherford, J. (Ed.). Identity: Community, Culture, Difference. London, 1990. P. 222–237.
8. Бутакова А.А., Лавелина Ж.А. Русские корейцы: история переселения и особенности аккультурации // Вестник музыкальной науки. 2022. № 4. С. 235–245.
9. Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология // МАЭ РАН, 2011. 502 с.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

LANGUAGE POLICY AND THE RUSSIAN LANGUAGE IN ARMENIA UNDER CONTEMPORARY SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS

Н.Г. Бадалян

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,
Республика Армения

N.G. Badalyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia, Republic of Armenia

Аннотация. На сегодняшний день Армения реализует четкую языковую политику, направленную на укрепление государственного языка, за счёт чего изменяется и система образования. Страна всё ещё развивает троязычие, но теперь предлагает более широкий выбор изучаемых языков, присваивая русскому языку статус второго иностранного, а не строго обязательного предмета. В статье рассматривается динамика изменения доли населения, владеющего русским языком, а также мнение населения о нововведениях в образовательную систему. Анализируя ответы на интервью, можно заметить, что более молодое поколение положительно относится к изменениям, так как выбор даёт больше возможностей. Результаты анализов исследования свидетельствуют о том, что языковая политика Республики Армения предоставляет базу не только для укрепления государственного языка, но и для развития троязычия среди подрастающего поколения, не навязывая конкретное направление.

Abstract. Currently, Armenia is implementing a clear language policy aimed at strengthening the state language, which is leading to changes in the education system. The country continues to develop trilingualism, but now offers a wider choice of languages to learn, assigning Russian the status of a second foreign language rather than a strictly mandatory subject. The article examines the dynamics of the proportion of the population proficient in Russian, as well as public opinion on the innovations in the education system. Analyzing the interview responses, it can be noted that the younger generation views the changes positively, as the choice provides more opportunities. The results of the research analysis indicate that the language policy of the Republic of Armenia provides a basis not only for strengthening the state language but also for developing trilingualism among the younger generation without imposing a specific direction.

Ключевые слова: языковая политика, русский язык, государственный язык, Республика Армения, образование

Keywords: language policy, Russian language, official language, Republic of Armenia, education

Актуальность: В условиях современных социально-политических трансформаций одним из актуальных становится вопрос языковой политики государства. В особенности это касается таких небольших государств, как Республика Армения, анализ ситуации в которой является предметом данного исследования.

Цель данной статьи – провести анализ языковой политики в Республике Армения, место, которое отводится русскому языку, а также определить отношение жителей Армении к русскому языку и реализуемой в стране языковой политике.

Материалы и методы: в исследовании использованы данные пилотажного социологического исследования, проведенного нами в ноябре 2025 г. среди жителей РА методом полуструктурированного интервью. Выборка – 9 чел. в возрасте от 17 до 70 лет, в том числе 2 мужчин и 7 женщин.

Исследование носит междисциплинарный характер и сочетает

концептуальные подходы к пониманию языковой политики и языковых практик в социологии и политической науке.

Разработанность темы: изучение языковой политики в Армении ведётся уже очень давно. Ещё в V веке кризис в языковой области привел к созданию Месропом Маштоцем и популяризации именно армянского письма, подходящего под устное звучание языка, со всеми фонетическими особенностями. Эти процессы активно поддерживались со царем Врамшапухом и католикосом Сааком Партева. С этого времени началось активное продвижение армянского письменного языка, что в свою очередь укрепило позиции устного и не дало армянскому народу ассимилироваться в сложных политических и социальных условиях. В дальнейшем, на протяжении всей истории Армении, язык продолжал жить, адаптироваться, изменяться, наполняться новыми словами. Эти процессы сегодня являются предметом исследования ученых из разных областей знания: историков, лингвистов, политологов, социологов и др. Особый вклад в изучение данного вопроса внесли труды Саркисян И.Р., Мадоян В.В., Шейранян С.З. [13; 9] Отдельно стоит отметить работы Минасян А.А., Камышевой С.Ю., в которых рассматривается конкретно русский язык в контексте языковой политики Республики Армения [10; 11] а также публикации Гюрджинян Д.С., бывшего председателя Комитета по языку и действующего ректора университета имени Брюсова в Армении [19].

В мировом научном сообществе особенно ценятся проблеме языка, языковой политики и языковой ситуации в Армении посвящены работы Шохами Э., Купера Р.Л., Харрисон К.Д., Сполкси Б. [17; 15; 16; 18]

Среди российских авторов отдельные аспекты проблемы нашли отражение в работах Алпатовой В.М., изучавшего языковую политику в современном мире, Каплуновой М.Я и др.

Анализ ситуации: Языковая политика в Армении регулируется законом «О языке» от 17 апреля 1993 года (№ЗР-52), в котором установлено, что государственным языком Республики Армения является армянский язык, который обслуживает все сферы жизни республики. Официальный язык Республики Армения – литературный армянский язык [8]. За соблюдением требований данного закона следит Комитет по языку, в структуре которого также действует Отдел языкового контроля.

В закон регулярно вносятся поправки, последняя из которых была одобрена 17 апреля 2025 г. Согласно ей Правительству РА предоставляются полномочия по утверждению порядка

регулирования переведенных и заимствованных понятий и специальных имен, используемых в государственном документообороте и законодательстве. Эта поправка нацелена на укрепление государственного языка и реализацию целей «Стратегии преобразования Армении до 2050 года» [12].

Говоря об актуальности языковой политики и языковой ситуации в Армении, можно с уверенностью сказать, что в последние годы она пережила значительный рост, что прослеживается как в общей заинтересованности власти в укреплении и поддержании статуса государственного армянского языка непосредственно, так и иных мерах регулирования языковой ситуации в республике. Одним из наиболее наглядных примеров в этом отношении является решение об отказе от русского языка как обязательного предмета в школьной программе [20]. Суть данного нововведения не в изменении статуса русского языка в образовательной программе и стране в целом, а в возможности изменения часов на предмет по усмотрению самого образовательного учреждения. Русский язык все еще входит в число обязательных предметов в школах, полностью отказаться от изучения которого нельзя. Изучение данного языка всё ещё является актуальным вопросом для жителей Армении, так как Россия всё ещё выступает главным деловым партнёром для страны и её народа.

Как и во многих странах, некогда входивших в состав СССР, в Армении долгое время русский язык выступал основным языком межнациональной коммуникации. Сегодня таковыми выступают также английский и китайский. Однако русский язык все ещё активно используется в Армении. Русское Географическое Общество в конце 2022 года провело исследование, посвященное географии распространения русского языка. В нем отмечено, что «русским языком в Республике Армения владеют около 80% населения. На русском издаются некоторые газеты: «Республика Армения», «Голос Армении», а также литература, как художественная, так и профессиональная» [5]. Согласно данным, опубликованным на официальном сайте Правительства Республики Армения, по состоянию 1 января 2025 г. численность населения республики составляет 3076,2 тыс. чел. Основную часть населения составляют армяне (98,1%), небольшая доля приходится на национальные меньшинства, в том числе русских. В 2023 году было проведено исследование, в котором замечен рост владеющих русским языком в Армении, что в том числе стало следствием масштабных миграций в Армению из России после 2022 г. На это также указывает сравнение результатов опросов 2011 и 2022 гг. (табл. 1) [1].

Таблица 1. Доля жителей Армении, владеющих русским языком, %

Национальность	2011 г.	2022 г.
Население (всего)	52,7	64,5
Армяне	53,5	65,6
Езиды	5,7	8,1
Ассирийцы	43,1	22,0
Курды	2,7	8,2
Украинцы	34,7	41,1
Греки	38,1	41,2
Грузины	23,8	30,0

Помимо этого, в Армении по-прежнему активно развиваются деловые отношения и сотрудничество с Россией. Проводятся культурные мероприятия, открываются новые школы с углубленным изучением русского языка, реализуются новые программы экономического и образовательного сотрудничества.

Результаты исследования: описанную выше ситуацию подтверждают в значительной степени результаты проведенного нами исследования. Можно отметить, что многие респонденты отмечали, что считают русский язык «вторым родным» и также отмечают его значимость в жизни: *«Это (изучение русского – авт.) дополнительные возможности, как для самообразования, так и для получения хорошего высшего образования в вузах РФ. Учитывая связи РФ и Армении, без русского языка ты просто глухая рыбка в море возможностей» (жен, 49 лет).*

Однако, не смотря на это, мнения респондентов по вопросу изучения русского языка в школе разнятся. Примерно половина считает, что статус языка в образовании не должен изменяться, другие выражают мнение, что важно давать выбор молодому поколению в изучении языков и не навязывать русский.

«Почему нужно, чтоб русский был вторым? Не обязательно, нужно чтобы был выбор, кому-то русский дается лучше, а кто-то не может его учить...» (муж., 18 лет)

Так как наше исследование носило пилотажный характер, мы не можем экстраполировать эти выводы на все население, однако общей позицией, которая нашла отражение в интервью, стало мнение о том, что изучение языков, в том числе русского, крайне важно и необходимо. По словам одной из опрошенных: *«Сколько языков знаешь, настолько ты и человек» (жен., 36 лет).*

При этом респонденты старшего поколения склоняются к мнению, что русский необходим, поскольку: *«Эти два языка (русский и армянский – авт.) исторически и культурно слишком*

тесно переплелись, так что вырывать один, не повредив второй маловероятно» (муж., 37 лет).

В то же время молодежь считает необходимым изучение и других иностранных языков в равной степени, не выделяя какой-то в большей степени. Как отмечает одна из респондентов: *«есть многие школы, в которых второй язык – французский, немецкий и т.д. Как по мне, знание русского языка необязательно, но, опять же, знание нескольких языков – это большой плюс» (жен., 19 лет).*

Говоря же про общие перспективы русского языка в Армении, можно также привести слова одной из опрошенных: *«Молодёжь всё больше и больше тянется к изучению английского, не редко китайского тоже. Эти языки считаются ныне более перспективными, нежели русский. Старшее же поколение, безусловно, поддерживает изучение русского. Для них всё ещё считается крайне престижным обучение в русской школе или, тем более, получение диплома» (жен., 19).*

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что в последние годы происходят заметные изменения в языковой политике Армении, направленные на укрепление государственного языка и общего развития страны и одновременно большая вариативность в изучении иностранных языков, в том числе русского. Несмотря на некоторый спад популярности, статус русского языка как «второго» в Республике Армения всё ещё сохраняется. Больше половины населения знают язык как минимум на базовом уровне. Можно сказать, в Армении ценится знание языков в целом, и согласно ответам опрошенных, значительная часть населения знает кроме родного языка ещё минимум один, а зачастую и больше.

Также необходимо отметить, что интерес и востребованность русского языка в Армении сегодня определяется популярностью работающих в республике филиалов ведущих российских вузов (МГУ им. Ломоносова) и русского сектора в РАУ. Это говорит о том, что знание русского языка и получение российского образования предполагает под собой определенные карьерные перспективы. Помимо этого, многие выпускники армянских школ поступают непосредственно в российские вузы через партнёрские программы, реализуемые Россотрудничеством (Русский Дом), который также стабильно проводит культурные мероприятия по популяризации русского языка и литературы. Все это позволяет определить перспективы русского языка в Армении как языка, привычного для местного населения, но не выделяющегося на фоне других иностранных языков. Русский имеет свои преимущества и не уступает

английскому и другим языкам, однако имеет более «узкую» специализацию, ограничивая возможности изучающих язык преимущественно странами СНГ.

Библиографический список

1. Акопян К.С., Золян С.Т. О динамике изменений состояния русского языка в Армении // Бархударовские чтения, РАУ. 2024. С. 9–17.
2. Арутюнова М. А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. №1. С. 155–169.
3. В Армении зафиксирован рост числа изучающих русский язык [Электронный ресурс]. URL: <https://kizaket.am/news/723777> (дата обращения: 12.11.2025).
4. География распространения русского языка в Армении [Электронный ресурс] : статья. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/geografiya-rasprostraneniya-russkogo-yazyka-v-armenii> (дата обращения: 11.11.2025).
5. Даниелян М. Г., Самуэлян С. Б. Общественные функции русского языка в Армении на современном этапе // Русский язык как иностранный в современном образовательном пространстве : сб. науч. ст. / Нац. исслед. ун-т «Московский государственный строительный университет». М.: МИСИ–МГСУ, 2023. С. 170-176.
6. Закон Республики Армения от 17 апреля 1993 года №3Р-52 "О языке" [Электронный ресурс] : официальные данные. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1793&lang=rus> (дата обращения: 10.11.2025).
7. Мадоян В.В., Шейранян С.З. Роль русского языка в Армении: история и современность [Электронный ресурс] : статья. – URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=21383> (дата обращения: 10.11.2025).
8. Минасян А. А. Политический дискурс как инструмент формирования менталитета этносоциума: лингвориторический подход (на примере Армении) // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 159-161.
9. Минасян С. С., Камышева С. Ю. К вопросу о статусе русского языка в Республике Армения // Проблемы современной русистики / Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Ереване. Ереван, 2023. № 11 (15). С. 22–23.
10. О встрече премьер-министра Никола Пашиняна [Электронный ресурс] : пресс-релиз от 21 сент. 2020 г. – URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2020/09/21/Nikol-Pashinyan-meeting-Sept-21> (дата обращения: 10.11.2025).
11. Саркнеян И. Р. Актуальные проблемы языковой политики Республики Армения в ракурсе реализации задач билингвального/полилингвального образования // Бархударовские чтения, РАУ, 2024. С. 93–97.
12. Shohamy E. Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. Abingdon : Routledge, 2006. 185 p.
13. Spolsky B. Language Policy. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 756 p. (Key Topics in Sociolinguistics).
14. Գյուրջինյան Դ. «Լեզվաքաղաքականություն» եզրույթի ընդհանուր բնութագիրը [Էլեկտրոնային ռեսուրս] // langcom.am. 2020. URL: <https://gclnk.com/F1mFycnp> (дата обращения: 10.11.2025).
15. Ընդհանուր կրթության պետական ստանդարտի հաստատման մասին հաստ. Հայաստանի Հանրապետության կրթության, գիտության, մշակույթի և սպորտի նախարարի 2023 թ. Հունիսի 27-ի N 1189-Ն հրամանով // ARLIS – Հայաստանի իրավական տեղեկատվական համակարգ. URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/207953/latest> (доата обращения: 13.11.2025).

16. Հայաստանի Հանրապետության լեզվական կարգավիճակի և ազգային անվտանգության հիմնախնդիրները [Электронный ресурс] = The issues of the language status and national security of the Republic of Armenia / A.S. Hovhannisyan, M.A. Ghambaryan. URL: <https://scispace.com/papers/hayastani-hanrapetowt-yan-lezvakan-k-aghak-akanowt-yowwnn-49vxdxigupts> (дата обращения: 10.11.2025).

ТЕХНОЛОГИИ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ¹

TECHNOLOGIES AND METHODS OF SHAPING IMAGES OF THE FUTURE IN CONTEMPORARY CINEMA

Д.О. Левченко.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

D.O. Levchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты анализа актуальных практик и технологий применения продуктов киноиндустрии для формирования образов будущего. Теоретико-методологические основания исследования составили теория социального конструктивизма, идентитарный и семиотический подходы, концепции «возможных Я» и социотехнических мнимостей. Эмпирическое обоснование представлено результатами контент-анализа наиболее распространенных в студенческой среде Краснодарского края 20 кинокартин, выявленных по результатам массового онлайн-опроса (N = 1116). Типичными способами конструирования «картины будущего» в кинематографе определены формирование особого технологического контура, актуализация морально-этических проблем и вопросов социально-политического устройства, акцентуация на аффективных и эстетических элементах.

Abstract. The article presents the results of an analysis of current practices and technologies employed in the film industry to construct images of the future. The theoretical and methodological framework of the study is grounded in social constructivism, identity-based and semiotic approaches, as well as the concepts of “possible selves” and sociotechnical imaginaries. The empirical foundation is based on the findings of a content analysis of 20 films most popular among students in the Krasnodar region, identified through a large-scale online survey (N = 1116). Typical modes of constructing the “vision of the future” in cinema include the formation of a specific technological framework, the actualization of moral and ethical dilemmas and questions of socio-political order, and the emphasis on affective and aesthetic dimensions.

Ключевые слова: креативные индустрии, кинематограф, идентичность, образ будущего, социальный конструктивизм

Keywords: creative industries, cinema, identity, image of the future, social constructivism

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2025-0002 «Современный кинематограф как инструмент проектирования образа будущего у студенческой молодежи России».

Введение. По замечанию Г. Дженкинса современные нарративы разворачиваются трансмедийно – через сериалы, игры, социальные сети [5]. Поэтому современный кинематограф представляет собой одно из важнейших пространств производства и циркуляции представлений о будущем: он не только отражает общественные ожидания и страхи, но и активно участвует в их формировании, предлагая зрителю модели поведения, ценностные ориентиры и символические коды, через которые осмысливается возможный ход истории.

Стратегические ориентиры развития креативной экономики (индустрий) в Российской Федерации [3] и ее регионах, расширение институциональных возможностей государственного финансирования профессиональных и гражданских проектов в области кинематографа (например, деятельность Президентского фонда культурных инициатив) требуют новых научно-исследовательских разработок, которые бы обеспечили не только инновационность производства контента, но и его качественное развитие за счет интеграции востребованных в обществе и отвечающих ориентирам духовно-нравственного развития сюжетных линий.

Цель исследования – выявить технологические особенности и способы формирования образа будущего, применяемые в продуктах кинематографа, распространенных в студенческой среде Краснодарского края.

Методика и методология исследования. В основании исследования лежит теория социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман), в соответствии с которой социальная реальность не дана человеку как неизменная структура, а создается и воспроизводится через коммуникацию, интерпретацию и обмен символами. В контексте кинематографа образы будущего выступают именно как такие социальные конструкции – они возникают из совокупности дискурсов, культурных кодов и коллективных ожиданий, визуализируются в фильмах и затем возвращаются в общественное сознание как «самоочевидные». Через этот процесс кино становится не отражением будущего, а механизмом его символического производства.

Нематериальные основания развития, жизнедеятельности сообществ усиливаются по мере расширения «экономики впечатлений» [7]: в постиндустриальном обществе основным источником ценности выступает не товар или услуга, а переживание, эмоциональный опыт, который получает потребитель. Так кинематограф не только создает визуальные образы будущего, но и

предлагает аудитории возможность эмоционального соучастия, погружения в иные временные и пространственные измерения.

Семиотический подход (Р. Барт, У. Эко, Ю. Лотман), где культура есть семиосфера – пространство постоянного смыслового обмена [2], – позволяет рассматривать кино как текст культуры, в котором каждая визуальная и звуковая деталь несёт определённое значение. Образы будущего не нейтральны: цветовые палитры, архитектура, костюмы, пластика тел персонажей выполняют роль символов, кодирующих социальные и политические значения. Через эти элементы кино не только рассказывает историю, но и предлагает зрителю систему координат, в которой определяются границы нормального и отклоняющегося, желаемого и запретного. Визуальный язык становится медиатором идеологического содержания, а повторяемость символических кодов закрепляет коллективные представления о будущем как о сфере либо прогресса, либо катастрофы.

Теоретическую рамку дополняет идентитарный подход и концепция «возможных Я» (possible selves) Х. Маркус и П. Нуриус, сфокусированная на способности индивида проектировать себя в будущем и выстраивать внутреннюю когерентность между настоящим и ожидаемым [6]. Фильмы о будущем становятся важным инструментом формирования идентичности зрителя, а персонажи, совершающие моральный или экзистенциальный выбор в экстремальных условиях, становятся для аудитории своеобразными моделями «будущего Я». Через механизмы эмоциональной идентификации зритель примеряет на себя предлагаемые сценарии и тем самым формирует собственную перспективную идентичность.

В свете концепции социотехнических мнимостей (sociotechnical imaginaries), предложенной Ш. Джасанофф и С.-Х. Кимом [1, 4], каждое общество создает и транслирует собственные «воображаемые», определяющие набор допустимых/недопустимых к применению, легитимных или создающих угрозу для индивидуальной/коллективной свободы технологий. Кинематограф, обладающий высокой степенью символической выразительности, становится пространством визуализации таких imaginaries.

Качественная методология контент-анализа 20 продуктов кинематографа, репрезентирующих различные способы осмысления будущего – от неоутопий и постапокалиптических сюжетов до дилемм соотношения «человек – технология», «индивид – общество – государства», «порядок – хаос» и др. Отбор кинокартин произведен на основании частоты их упоминания обучающимися вузов Краснодарского края в массовом онлайн-опросе, проведенном в

сентябре-октябре 2025 г. (N = 1116), итоговый пул скорректирован с учетом системы рейтингования онлайн-кинотеатра «Кинопоиск» («Интерстеллар», «Аватар», «Дивергент», «Голодные игры», «ВАЛЛ-И», «Назад в будущее», «Бегущий по лезвию: 2049», «Пятый элемент», «Киберпанк: Бегущие по краю» и др.).

Результаты исследования показывают, что кинематограф конструирует «картину будущего» через формирование особого техноло-гического контура, актуализацию морально-этических проблем и вопросов социально-политического устройства, акцентуацию на аффективных и эстетических элементах.

Технологический контур будущего. Во всех проанализированных произведениях технологии служат ключевым инструментом конструирования мира, но степень их символического значения различна. В отечественном фильме «Сто лет тому вперед» (2022), вдохновленном мотивами советской научной фантастики, техника изображена как органическая часть социальной жизни, интегрированная в образовательные, экологические и коммуникативные процессы. Она не противопоставляется человеку, а помогает раскрыть потенциал личности. Этот образ перекликается с идеей гуманистического технооптимизма: будущее возможно лишь при сохранении морального измерения научного прогресса. Противоположный ракурс демонстрируют «Бегущий по лезвию 2049», сериал «Киберпанк: Бегущие по краю», где технологическое совершенство достигается ценой человеческого истощения. Искусственный интеллект, биоинженерия и кибернетические импланты создают иллюзию прогресса, но лишают людей внутренней автономии. В обоих произведениях технологии превращаются в форму власти: контроль над памятью и телом становится способом политического и экономического господства. Технологическое развитие представлено не как путь к свободе, а как источник структурного неравенства. В фильмах «Дивергент», «Голодные игры» и «Бегущий в лабиринте» технологии создают инфраструктуру социальной сегрегации, где будущее устроено как лаборатория контроля: компьютерные системы классифицируют людей, фиксируют их поведение, ограничивают свободу выбора. Таким образом, технологическое воображаемое в кинематографе колеблется между тремя полюсами – инструментальным, апокалиптическим и этико-гуманистическим.

Идентитарное измерение. Персонажи будущего существуют в условиях, где технология задает границы их самости. Так в фильмах «Дивергент» и «Голодные игры» герои обретают субъектность через

сопротивление системе, навязывающей им заранее predetermined роли. Их личностное становление имеет ярко выраженное политическое измерение: самоидентификация превращается в акт гражданского и морального выбора. В этом проявляется логика перспективной идентичности: будущее становится не пространством готовых ответов, а ареной самоконструирования. В «Бегущем по лезвию: 2049» и «Киберпанке» идентичность лишается стабильности: человек и машина смешиваются до неразличимости, память становится программой, а прошлое – предметом модификации. Кинокартины визуализируют состояние новый антропологический тип, характерный для цифровой эпохи. Иной вектор предлагает «Аватар», где идентичность расширяется за счет технологического медиатора. Переселение сознания в тело представителя другой расы не разрушает личность, а, напротив, делает возможным эмпатическое понимание инаковости. Здесь технология служит не средством отчуждения, а инструментом морального преодоления границ между культурами и видами. Подобный гуманистический техносимбиоз противопоставлен киберпанковскому отчуждению и указывает на возможность экологической идентичности как новой формы человеческого будущего. В фильме «ВАЛЛ·И» наблюдается обратное движение: человек становится зависим от технологий до утраты способности к самостоятельному действию, тогда как робот-персонаж проявляет человеческие черты. Этот инверсивный прием демонстрирует, как кинематограф проецирует тревогу общества перед автоматизацией и цифровой апатией.

1) Дискурсивные рамки будущего. На уровне дискурса все исследованные произведения можно распределить между тремя основными моделями: утопической, дистопической и амбивалентной. «Сто лет тому вперед», «Аватар» и частично «Пятый элемент» воплощают утопический вектор, где техника вписана в гуманистический порядок и способствует гармонии. «Голодные игры», «Бегущий в лабиринте», «Время», «Киберпанк» и «Терминатор» реализуют дистопическую модель, фиксируя распад социальных связей и тотальную рационализацию жизни. «Бегущий по лезвию 2049» и «ВАЛЛ·И» занимают промежуточное положение, формируя амбивалентное воображаемое, в котором тревога и надежда переплетаются.

2) «Чувственная» архитектура будущего. Анализ визуально-аффективных приемов показывает, что кино использует целый спектр сенсорных технологий для создания эффекта присутствия в будущем. Так в фильмах дистопического типа («Киберпанк», «Бегущий по

лезвию 2049», «Терминатор», «Бегущий в лабиринте») преобладают холодные палитры, низкое освещение, замкнутые пространства и электронная музыка. Эти элементы индуцируют тревогу, ощущение безысходности и технологического давления. В утопических и гуманистических произведениях («Аватар», «Пятый элемент», «Сто лет тому вперед») напротив, используются яркие цвета, обилие природных мотивов, плавные движения камеры, символизирующие сопричастность и гармонию. В результате эмоциональные коды становятся самостоятельной технологией восприятия: зритель чувствует будущее прежде, чем его осознает. Через эстетику света, звука и ритма кино нормализует определенное отношение к будущему – страх, восторг, сострадание или веру в возможность обновления.

Выводы. Результаты исследования показывают, что современные кинематографические образы будущего перестали быть однозначно утопическими или катастрофическими. Они отражают переход от индустриальной логики покорения мира к рефлексивной логике сосуществования с ним. Технологии больше не воспринимаются исключительно как угроза, но и не идеализируются: они становятся средой, в которой человек должен вновь определить свое место и смысл существования. В совокупности фильмы и сериалы, вошедшие в исследование, формируют многослойное воображаемое будущего – от техно-гуманистического до постчеловеческого. В этом воображаемом кинематограф выполняет роль медиатора между научным знанием, массовыми страхами и культурной памятью. Креативные продукты переводят абстрактные технологические процессы в язык чувств, моральных дилемм и визуальных образов, тем самым создавая пространство коллективного осмысления того, каким может быть человек в мире машин, сетей и симуляций. Эффективность субъектов креативного сектора зависит от реализации проектов, соответствующих, с одной стороны, ориентирам на консолидацию общества, воспитание ответственности и созидания, с другой – особенностям / потребностям в медиапотребления целевых аудиторий, избегая анахронизмов.

Библиографический список

1. Ишимская Е.В. Воображая будущее: социотехнические мнимости как ментальные конструкты образа постчеловека // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 2А. С. 130-137.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших

городских агломерациях до 2030 г. // Правительство России: [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAAtAya8FAVDUfP.pdf>.

4. Jasanoff S., Kim S. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 354 p.

5. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. N. Y.: New York University Press, 2006. 308 p.

6. Markus H., Nurius P. Possible Selves // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41, No. 9. P. 954-969.

7. Pine J.B., Gilmore J.H. *The Experience Economy: Work is Theatre & Every Business a Stage*. Boston: Harvard Business Press, 1999. 254 p.

МЕЖПОКОЛЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ МУЗЕЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ГИМНАЗИИ

INTERGENERATIONAL INTERACTION IN PROJECT IMPLEMENTATION ORTHODOX GYMNASIUM MUSEUM

А.А. Мальцева

ОАНО «Православная гимназия во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского №38» г. Старый Оскол, Россия
Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
г. Старый Оскол, Россия

A.A. Maltseva

OANO "Orthodox Gymnasium in the Name of the Holy Grand Duke Alexander Nevsky No. 38", Stary Oskol, Russia
Starooskolsky Branch of the Belgorod State National Research University, Stary Oskol, Russia

Аннотация. В статье представлен опыт организации управленческой работы в современной православной гимназии. Методологическая база исследования составляет парадигмы православного воспитания педагогов А.И. Анастасиева, В.В. Семенцова, П.Ф. Каптерева, проектирующих духовно-нравственные воспитательные задачи по широкому использованию в школе. Приведен сравнительный анализ проблем и этапы формирования в учебной организации школьного музея. Отражаются причины, особенности создания музейного комплекса в православной гимназии, эффективность его работы.

Abstract. The article presents the experience of organizing managerial work in a modern Orthodox gymnasium. The methodological basis of the research is the paradigms of Orthodox education of teachers A.I. Anastasiev, V.V. Sementsov, P.F. Kapterev, who design spiritual and moral educational tasks for widespread use in schools. A comparative analysis of the problems and stages of formation in the educational organization of the school museum is given. The reasons and features of the creation of a museum complex in an Orthodox gymnasium, and the effectiveness of its work are reflected.

Ключевые слова: музей, музейная педагогика, религиозное образование, духовно-нравственное воспитание, православная гимназия.

Keywords: museum, museum pedagogy, religious education, spiritual and moral education, Orthodox gymnasium.

В связи с политическими и социокультурными изменениями в 90-е годы прошлого столетия и вплоть до начала XXI века в России прошла эйфория по вопросам принятия и реализации феномена религиозного образования. В результате в нашей стране сформировалась определенная система образования на основе религиозного мировоспитания, и возникли такие образовательные учреждения, как православные гимназии, детские сады, в светских вузах – теологические отделения и кафедры.

Спустя десятилетия накопление и передача опыта православных гимназий как никогда актуальна и востребована для педагогов современных общеобразовательных организаций. [1;3;9;11] Православный компонент воспитывает человека в традициях Русской Православной Веры. В ОАНО «Православная гимназия №38» г. Старый Оскол для выполнения задач программы воспитания создан комплекс мероприятий и осуществляется в рамках двенадцати направлений воспитательной работы, каждое из них представлено в соответствующем модуле и применяется на практике. Базовым является межпоколенный принцип музейной педагогики. Просветительская работа этого направления проходит в специально созданных гимназических музеях: «...Благодаря участию православное мировоззрение гимназистов постоянно совершенствуется и формируется: культура мира и межличностных отношений, патриотические чувства, отношение к Родине и истории своего Отечества, ее сбережения, осознание державности, героического прошлого страны, отраженного в древних текстах Исповедей». [7, с. 102]

Насколько актуально и причины открытия первого и последующих музеев-экспозиций в гимназии раскрыто в 4 этапах:

1. Подготовительный. Выявлена необходимость в открытии школьного музея. В преддверие запуска пилотного проекта школьного музея был проведен конкурс музейных проектов.

2. Диагностический этап. Проведен первичный опрос родителей «Анализ информационных запросов гимназистов и членов их семей».

3. Формирующий. Получение свидетельства и паспортизация музея. Торжественное открытие музея, проведение музейных уроков для гимназистов и первых экскурсий, в том числе для родителей и гостей.

4. Контрольно-поисковый. После открытия одного музея последовало открытие других экспозиций и тематических музеев.

Так, в 2002 году с опорой на краеведение Старооскольского края в гимназии был первым открыт музей «Воинской воинской славы», затем «Музей русского быта».

Популяризация святых заступников Русской земли по российским регионам выявила необходимость открытия нового музея. В 2003 году в гимназии создан третий музей - «Музей священномученика Онуфрия, архиепископа Старооскольского».

Созданию и разработке концепции музея предшествовал опрос гимназистов, родителей, преподавателей, который выявил наличие востребованности в популяризации православно-просвещенческой деятельности архиепископа Онуфрия в годы тяжелых испытаний революции и гражданской войны.

Приведем вопросы для взрослых, членов семей 280 гимназистов и педагогов гимназии:

1. Как вы относитесь к традиционным православным ценностям?

2. Знаете ли Вы хранителя земли Белгородской?

3. Какие факторы входят в систему формирования представлений детей о православии?

4. Назовите архиепископа, которого православные считают хранителем земли Старооскольской.

5. Перечислите качества православной семьи и важные для Вас семейные ценности.

6. Старый Оскол – исторически пространство межэтнического и межкультурного взаимодействия взрослых и детей. Какие диаспоры вы знаете, которые проживают на нашей территории?

7. В наследовании ценностей православия всегда большое значение имело межпоколенное взаимодействие. Как вы считаете, Вам ценности были переданы в семье или Вы познакомились и приняли их позже?

8. Как вы реагируете на сегодняшние отношения православных в городе и регионе? Праздники, ритуалы, по-вашему мнению, всегда соответствуют вашим ожиданиям?

9. Ваше отношение к православным мигрантам...

10. Этнические меньшинства в поликультурном обществе: создают ли они для православных проблемы и риски социального взаимодействия?

11. Хотели бы Вы посещать воскресную православную школу?

По результатам исследовательской деятельности первого этапа, на доме, где проживал архиепископ Онуфрий была открыта Памятная доска. Так местные жители узнавали и узнают о тяжелых испытаниях,

выпавших на первого архиепископа Старооскольский земли и православного мученика Онуфрия.

В годы первой волны миграции 90-х годов ситуация с православным просвещением изменилась: одни мигранты отрицали и негативно относились к нашей помощи; другие – принимали помощь и стали воцерковленными, приходы паствы увеличивались по своему стабильному составу. В городе и прилегающих его сельских территориях, стали активно реставрироваться и восстанавливаться, строились новые храмы, открывались памятники и музеи святых заступников, духовных подвижников. Со временем горожане в большинстве своем стали распознавать деятельность навязчиво активных в те годы, враждебных, призывающих к экстремизму сект: Свидетели Иеговы, баптисты и их различные варианты.

Все это время и по настоящий момент музейный комплекс православной гимназии все больше завоевывает интерес не только гимназистов, их родителей, но и прихожан кафедрального Александра Невского собора. На базе гимназии постоянно проводятся экскурсии, которые проводят старшеклассники-члены Совета музея для детей, родителей и в рамках муниципальных и региональных семинаров, конференций. В учебные программы мы внесли изучение народных исторических песен, которые отсутствуют в нынешних программах, но именно они воссоздают памятные эмоционально-воспроизводимые страницы истории Отечества. [2;6;7] Эти живые страницы истории пробудили интерес старшего поколения, которое еще помнит песни и былины со школьных времен, экспозиции пополнились новыми материалами.

По инициативе педагогов и родственников православных гимназистов школьным медиацентром «Догмат» создаются виртуальные и видео экскурсии, наши музейные экспозиции удостоены побед во Всероссийском конкурсе школьных музеев.

Время от времени на Старооскольскую территорию приезжают мигранты, как и в годы Комсомольской стройки, годы распада СССР. Особенно противоречиво вопрос миграции стал во время СВО: усиление негативных вызовов определило острую необходимость в выработке системы действий в отношении семей, которые стали демонстрировать местным гражданам свою негативную или завуалированную отрицательную позицию по отношению к нашему Отечеству. Советом музея была разработана система мягких мер, иконцепция организации нового проекта, который вовлекал гимназистов и взрослых верующих.

Мы вновь организовали диагностический опрос для выяснения

сегодняшнего воздействия на детей и взрослых деятельности гимназического музея. Родителям гимназистов - контингент 280 детей (с 1-ого по 11 класс), предложено ответить на 9 вопросов. Полученные данные опросника «Информационные запросы гимназистов и членов их семей» отражены сопоставительной таблице 1 по показателям критерия, соответственно.

Таблица 1. Анализ информационных запросов гимназистов и членов их семей

№	Формулировка вопроса	Варианты ответов вновь принятых православных семей
1.	Как вы относитесь к традиционным православным ценностям?	Положительно – 89%, безразлично – 11%, отрицательно – 0%.
2.	Знаете ли Вы хранителя земли Белгородской?	Да – 77%, нет – 23%.
3.	Назовите архиепископа, которого православные считают хранителем земли Старооскольской.	Да – 66%, нет – 22, затрудняюсь ответить – 12%.
4.	Перечислите качества православной семьи и важные для Вас семейные ценности.	Часто встречающиеся ответы: любовь, взаимопонимание, доброта, милосердие, уважение, терпение, дружба
5.	Старый Оскол - исторически пространство межнационального и межкультурного взаимодействия взрослых и детей. Какие диаспоры вы знаете, проживающие на нашей территории?	Часто встречающиеся ответы: русские, украинцы, армяне, болгары, узбеки, турки-месхетинцы, грузины, азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы, осетины и ингуши; прибалты
6.	В наследовании ценностей православия всегда большое значение имело межпоколенное взаимодействие. Как вы считаете, Вам ценности были переданы в семье или Вы познакомились и приняли их позже?	В семье – 45%, позже – 24%, затрудняюсь ответить – 6%, сформировано в гимназии, в воскресной школе, в храме - 25%.
7.	Как вы реагируете на сегодняшние отношения православных в городе и регионе? Праздники, ритуалы, по-вашему мнению, всегда соответствуют вашим ожиданиям?	Положительно – 70%, настороженно – 3%, равнодушно - 9%, безразлично - 8%, отрицательное - 10%.
8.	Ваше отношение к православным мигрантам...	Настороженное - 21%, напряженное – 41%, равнодушно - 14%, безразличное - 16%, отрицательное - 8%.
9.	Этнические меньшинства в поликультурном пространстве города: создают ли они для православных проблемы и риски социального взаимодействия?	Нет, город всегда был интернациональным, многонациональным – 88%, новые негативные мигранты чувствуют добродушное отношение жителей - 12%; молодежь показывает нейтральное отношение

Из таблицы видно: жизнь в приграничном городе с многовековыми многокультурными традициями сделали актуальными слова митрополита Илариона (Алфеева): «Верить – значит доверять, любить, слушаться. Верующий доверяет Богу больше, чем самому себе, любит Бога больше, чем самого себя, стремится исполнять Его повеления больше, чем свою волю». [5, с. 126] Эти заповеди катехизисного содержания направляют дела коллектива гимназии в наше сложное время.

В 2023 г. был реализован новый проект – передвижная экспозиция – социальный проект «Музей в чемодане». Проект призван создать условия для интеллектуального и духовного досуга прихожан пенсионного возраста сельских храмов Старооскольского городского округа через осмысление событий начала XX века в России и мученического подвига владыки Онуфрия (Гагалюка), архиепископа Старооскольского и о житии святых Белгородской земли. Важной задачей стало расширение диапазона общения и духовно-нравственного развития детей и людей пожилого возраста.

Мы активизировали систему ежедневных смс-рассылок по желанию верующих как утренних канонических проповедей, так и востребованной православной информации. «Православная школа – это оплот нашей духовности, – обращает внимание В.В. Семенцов, – Государственные школы должны изучить опыт православных гимназий, чтобы прививать детям ценности, которыми всегда была сильная Россия» [10, с. 36].

Межпоколенное взаимодействие активистов музея с прихожанами и горожанами, которые проявляют искренний интерес к православной культуре, способствовало привлечению нескончаемых потоков селян и горожан для поклонения привозимых в Старооскольские храмы частиц мощей православных святых таких, как святой благоверный Александр Невский, святой великомученик Георгий Победоносец, преподобный Сергей Радонежский, святитель Спиридон Тримифунтский, святитель Лука Крымский. Полиэтнический город воинской славы, основанный в 1593 г. бережно сохраняет ценности православной веры.

Наш опыт показывает, что музейная педагогика в православной гимназии – это эффективное средство комплексного перманентного воздействия на воспитание и развитие личности ребенка на основе межпоколенных традиций православия. Изучение истории православного краеведения формирует благочестие и укрепляет веру детей и взрослых.

Библиографический список

1. Алфеева А.К., Кондратенко С.Н., Пустовалова Приобщение молодежи к православию как один из методов духовно-нравственного воспитания // Молодой ученый. 2021. №46 (388). С. 253-254.
2. Анастасиев А.И. Дидактический катехизис. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902. репр.изд 2014. 16 с.
3. Баринова Н.Г. Духовно-нравственное воспитание учащихся российской православной гимназии: 13.00.01: автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Барнаул, 2006. 22 с.
4. Каптерев П. Ф. История русской педагогики в 2 ч. Часть 1. Церковно-религиозная и государственная педагогика : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2022. 283 с.
5. Митрополит Иларион (Алфеев) Катехизис. Краткий путеводитель по православной вере. Изд. 4-е. М.: «Познание», 2018. 280 с.
6. Мальцева А.А. Исторические песни: развитие познавательного интереса к родному языку у младших школьников // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сборник материалов X международного молодежного форума. Белгород, 2022. С. 457-460.
7. Мальцева А.А. Новая дисциплина «Родная литература»: актуальные аспекты обращения школьников к исторической песне. // Студенчество XXI века: ценности, мировоззрение, идеалы: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции – Всероссийские научные студенческие чтения. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. С. 101-103.
8. Мальцева А.А. Управление методической работой в православной гимназии // Педагогическое наследие К.Д. Ушинского в стратегиях и практике современного образования: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника, 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского, 25-летию Старооскольского филиала НИУ «БелГУ». Старый Оскол: РОСА, 2023. С. 90-92.
9. Пудовкина Н.В. Духовно-нравственное воспитание младших школьников на основе православных традиций / Н.В. Пудовкина, Л.П. Нестерова // Молодой ученый. 2017. №4 (108). С. 813-816.
10. Семенцов В.В. Отечественный язык как основа воспитания и обучения: о корнесловном смысловом методе преподавания школьных учебных дисциплин. СПб: Сезам-Принт, 2007. 188 с.
11. Теплов Г.Н. Генеральный план гимназий или государственных училищ // Антология педагогической мысли России XVIII века. 1985. С. 213-220.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В КОРЕЕ В ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ (1937-1945 ГГ.) В ТВОРЧЕСТВЕ КИНОРЕЖИССЕРА ЧХВЕ ИНГЮ

REFLECTION OF SOCIAL PROBLEMS IN KOREA DURING THE SINO-JAPANESE WAR (1937-1945) IN THE WORKS OF FILM DIRECTOR CHOO IN GYU

А.О. Демихов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.O. Demikhov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье исследуется феномен детского жанра в японо-корейском кино 1937-1945 гг., сформировавшегося в условиях жёсткого идеологического контроля и цензуры. На материале корейских картин «Плата за обучение» и «Бездомный ангел» анализируется двойственная природа этих кинолент, сочетавших освещение острых социальных проблем – бедности и сиротства – с пропагандистскими нарративами. Методологической основой исследования выступает концепция В.А. Подороги о «рамке» и анализе высшего (нарративная целостность) и низшего (восприятие образов и символов) уровней кинотекста. Доказывается, что, несмотря на обязательный «счастливый конец» и идеологическую направленность, данные фильмы сохраняли элементы национальной идентичности и отражали реальные социальные противоречия, что позволяло им функционировать не только как инструмент пропаганды, но и как форма опосредованной рефлексии о действительности. Особое внимание уделяется творчеству корейского режиссёра Чхве Ингю, чьи работы, созданные в контексте политики культурной ассимиляции, демонстрируют сложное взаимодействие между официальными установками и попытками сохранения культурного своеобразия.

Abstract. The article examines the phenomenon of genre about kids' life in Japanese-Korean cinema of 1937-1945, which was formed under conditions of strict ideological control and censorship. Based on the material of the Korean films "Tuition" and "Homeless Angel", the duality of these films being analyzed, combining coverage of social problems – poverty and orphanhood – with propaganda. The methodological basis of the research is Podoroga's concept of the "frame" and the analysis of the higher level (narrative integrity) and lower level (perception of images and symbols) of film. It was analyzed that, despite the obligatory "happy ending" and ideological orientation, these films retained elements of national identity and reflected real social problems, which allowed them to function not only as a propaganda tool, but also as a form of indirect reflection on reality. Special attention is paid to the work of Korean director Choi Ingyu, whose works, created in the context of the policy of cultural assimilation, demonstrate the complex interaction between official policy and attempts to preserve cultural identity.

Ключевые слова: Генерал-губернаторство Корея, кинематограф, Вторая мировая война, идеология.

Keywords: Chosen, cinema, World War II, ideology.

В первые пару лет после начала активных боевых действий в Китае японское законодательство стремилось полностью подчинить контролю медиа страны и колоний. Запрет на импорт американских и европейских фильмов в генерал-губернаторство Корея в 1933 г. стал полноценно осуществляться только в 1937 г., что привело к уменьшению доли показываемых иностранных лент на половину. Затем вышел общий Закон о кино 1939 г., в котором перечислялись моменты, которые были запрещены к показу. Неожиданным ответом на такие суровые меры по контролю творческой деятельности стало появления жанра кино о детях, где раскрывали важные социальные проблемы в «обёртке» лёгкого детского кино, не претендующего на

высокоморальные наизидания для патриотов.

Необходимо было систематически упорядочить выбранную подборку фильмов в жанре драма, поэтому было предложено разделение на военную драму, показывающую участие корейцев в военно-политической жизни империи, и бытовую драму, в которой внимание уделялось повседневности. Также была использована методология, предложенная В.А. Подорога, для рассмотрения фильмов в качестве продолжения милитаристской пропаганды. В ней выделяется рамка как главное средство передачи нарративов, в то время, когда экран отходит на второй план. Рамка – это жанр, который сковывает экран, однако авторское кино использует весь экран, уделяя наименьшую роль рамке [6, с. 134–135]. Выбранные фильмы являются чисто жанровым кино, поэтому выход за рамку везде отсутствует. Одними из инструментов для анализа фильмов являются высший и низший уровень, а также отображение бегства/спасения. Высший уровень состоит в цельности нарратива фильма, который, например, связан с операторской работой, а низший уровень – работает на уровне восприятия образов, символов и является миметической реакцией на них [6, с. 43–44]. Если говорить о спасении, то, например, авторское кино может показать, что выхода из ситуации нет, что является одним из главных аргументов против наличия пропаганды в кино. В рамках данной статьи в выбранных фильмах всегда есть элемент спасения, так как все проблемы разрешаются и всё заканчивается счастливо.

По версии японского историка кино Сато Тадао первым детским короткометражным фильмом, привлёкшим внимание кинокритиков, был «Таносики Кампэй–кун» (1939 г.) режиссёра Ацури Тэруо и сценариста Такаги Тосиро. Он был снят небольшой производственной компанией для образовательного показа в школах. В основу фильма легла история из школьного журнала «Эйга кёйку», а автором истории был учитель начальной школы Токио. В одном из классов начальной школы есть отстающий ученик по имени Кампэй–кун. Его все высмеивают и не общаются. Из-за этого он всегда играет один с цветами, насекомыми и рыбками. Учителя пытаются защитить его и развить в нём положительные качества, но некоторые дети завидуют ему и продолжают издеваться над ним. Поэтому в один день главный герой пытается утопиться в реке. Дети, которые издевались над ним, понимают, что провинились, и с разрешения учителя строят для него музей с коллекцией цветов, насекомых, рыб и кроликов. Поправившись, Кампэй–кун очень рад их подарку [1, с. 10–11]. Наивный, но при этом поднимающий важную тему издевательства

(идзимэ) был тепло воспринят зрителями Японии, что своего рода заложило основу для создания целого жанра, просуществовавшего несколько лет из-за ужесточения цензуры. В данный момент этот фильм нельзя найти в цифровом доступе, так как он физически не сохранился на территории Японии, поэтому описание фильма Сато Тадао представляет собой косвенный исторический источник.

Фильм получил высокую оценку за великолепную игру Кика Сёдзи, который сыграл Кампэй-куна, и за простую и наивную историю от режиссёра Ацуми Тэруо. В выпуске «Эйга кёйку» от ноября 1939 г. отметили, что Кампэй-кун является олицетворением печально невинного и доброжелательного герцога Мышкина из романа Достоевского "Идиот". Фильм был так хорошо принят зрителями, что его стали показывать в кинотеатрах «Тохо» в качестве дополнения к полнометражному фильму [1, с. 11].

На сайте Korean Movie Database указано, что продюсер фильмов Чхве Ингю Ли Чханъён был вдохновлён более ранним фильмом – «Дети солнца» 1938 г. режиссёра Абэ Ютака и сценариста Ясутари Яги. Ли Чханъён пытался спонсировать съёмку фильма, подходящего интересам японской аудитории, чтобы сделать корейскую киноиндустрию частью киноиндустрии Японии [3].

В 1940 г. Ацуми Тэруо снял еще один короткометражный фильм по собственному сценарию – «Мелок». Как и в предыдущем фильме, действие происходит в школе. Ученица второго класса Цунэ-тян вдохновившись рисованием учителя на доске мелком, хочет сама нарисовать что-то, но учитель запрещает ей прикасаться к мелкам. В итоге девочка забирает мелки домой, её друзья убеждают вернуть все обратно. В конце фильма она приходит к учителю, признаётся в затаённом. Учитель не злится и говорит, чтобы она так больше не делала. Многие тепло восприняли картину, однако поклонники не были однозначны в своих похвалах. Несмотря на душевный сюжет, некоторые посчитали изображение воровства слишком серьёзным, а также фильм представляет собой «ностальгию» по детству, а не непосредственное отображение детского мира. Последний аргумент неоднократно выдвигался против так называемой «сознательной детской культуры» [1, с. 12]. По мере того как шла война, сторонники правительства все чаще и чаще стали нападать на легкомысленные развлекательные фильмы как несоответствующие времени, в то время как серьёзные детские фильмы должны демонстрироваться в школах и других местах для группового просмотра [1, с. 13]. Тэруо Ацуми снимал вышеупомянутые фильмы для школьного показа, однако были и детские фильмы, которые снимались крупными кинокомпаниями,

как «Дитя ветра», «Детские четыре времени года» и «Башня Микахэри» (1941 г.) режиссёра Хироси Симидзу и «Ветер Мата Сабуро» и «История Дзиро» Сима Кодзи. Этот период называют золотым веком японских детских фильмов.

Фильм «Плата за обучение» [5] 1940 г. был снят режиссёрами Чхве Ингю и Пан Ханджун на киностудии «Горё». Сценарий фильма, написанный Ясутари Яги, является адаптацией рассказа учащегося из начальной школы Ву Суёнга из Кванджу, который выиграл приз генерал-губернаторства Тёсэн за лучшую историю. Фильм «Плата за обучение» можно причислить к этому жанру, так как через отображение жизни детей поднимаются остросоциальные темы корейского общества. По словам режиссёра Чхве Ингю он пытался показать тяжелое положение населения полуострова вне города, в частности высокую плату за обучение, но глава производства дал точку зрения генерал-губернатора на эту проблему [3]. Сюжет можно разделить на несколько сюжетных веток, но для разбора идеологической составляющей остановимся на отношениях между главным героем и школой.

Кинолента начинается во дворе школы, где ученик начальной школы Ёндаль затевает разборку с одноклассницей Чонхи, но тут начинается занятие, и они возвращаются в школу. Общение школьников между собой и с учителем происходит полностью на японском, однако за пределами школы они говорят на корейском языке. Ёндаль живёт с бабушкой, собирающей мусор, очень бедно. Они уже просрочили плату за обучение на 6 месяцев, потому что письмо от его родителей до сих пор не приходило. Но кроме этого у бабушки не хватает денег заплатить арендатору за хижину, в которой они живут. Однако Ёндаль всегда полон энергии и открыт к новым знаниям. За его смекалку в классе считают умным, можно даже сказать достойным обучения, примером для подражания. Но вот срок оплаты проходит, а письма, как и денег нет. Даже несмотря на то, что он не может посещать занятия, Ёндаль продолжает заниматься по учебнику. Одноклассники во главе с Чонхи решают собрать денег для своего друга. Одновременно с этим обеспокоенный японский учитель навещает жилище Ёндаля и решает пожертвовать деньги слёгшей в постели из-за изнурительной работы бабушке. По пути в школу для оплаты обучения обрадованный школьник встречает арендатора и решает отдать эти деньги ему. Оставшись опять без денег, кажется, Ёндаль уже не сможет пойти в школу, однако бабушка поручает своему внуку поехать за деньгами к тёте в Пхёнтхэк. Из Сувона, где живёт главный герой, Ёндаль отправляется в долгое пешее

путешествие, но он пытается не унывать, полон решимости. Когда он всё-таки добирается в Пхёнтхэк, его тётя даёт ему денег не только на обучение, но и на дорогу, а также мешок риса. По прибытии домой бабушка Ёндаля радуется своего внука хорошей новостью – пришло письмо от родителей, которые сообщают, что с ними всё хорошо, и они передают небольшую сумму денег, а позже пришлют ещё больше. Однако концовка приобретает ещё более «сладкий» счастливый финал – сами родители приезжают в Сувон, чему рады и Ёндаль, и бабушка, и учитель.

При изучении фильма важно отметить «визитные карточки» японского пропагандистского кино: история о неудачном вторжении монголов или нарратив «камикадзе» и военные песни. Так, например, Ёндаль, находясь на вынужденном самообучении, выразительно читает текст о том, как войны Кюсю и Сикоку собираются в городе Хаката, чтобы отразить высадку монгол. А потом, во время путешествия в Пхёнтхэк он напевает об отважном солдате и его лошади. Во время обучения в школе есть сцена «научного» класса, где дети выходят на поле и делают заметки о созревании огурцов. Примечательна одна реплика из уст учителя: «Цветок огурца поддерживает себя, чтобы не упасть». Относительно событий фильма, эта метафора отсылает к невероятной заботе со стороны учителя и одноклассников Ёндаля, которые решают жертвовать в «Коробку дружбы» деньги для учеников, родители которых не могут вовремя заплатить. Образ японского учителя не отражает самодовольного, властного японского представителя, напротив, вне своей школы ему неудобно находится в окружении корейцев, ведь он сам не знает корейского языка. Он выглядит немного смущённым и отчуждённым, но при этом добросердечным и понимающим, эмпатичным. В таком контексте японец выглядит человечным и слабым, чем знающим, как нужно всё делать, и сильным. Возможно, поэтому в картине есть пара сцен, где учитель гуляет со старшей сестрой одного из своих учеников – явная романтическая линия, которая не раскрывается. Несмотря на политику «культурной ассимиляции» в конце фильма присутствует сцена корейского танца в традиционных национальных костюмах, поэтому в фильме, несмотря на очевидные идеологические элементы, есть «корейское» содержание – показаны реальные социальные проблемы на селе, такие как бедность и голод, важность родственных уз, традиционная корейская одежда в деревне, танцы – по правилам производства японского правительства.

Картина действует внутри *рамки*, сохраняя драматизм на уровне характерного для мелодрам жанра с счастливым концом. Если

анализировать высший и низший уровень, то можно выделить удачное построение образа бедного, но наполненного решимостью мальчика и цельность «соцреалистического» нарратива аккуратно до его встречи с тётей. С технической точки зрения тяжело рассматривать такую архивную работу объективно, можно сказать о статичном построении сцен без частых пролётов камеры. Есть несколько общих планов, которые запоминаются положением актёров в кадре, например, сцена мытья белья корейкам, рядом с которыми проходит бабушка Ёндаля. Но фильм не ставит целью поставить запоминающийся визуальный ряд.

Фильм «Бездомный ангел» [4] продолжает развивать тему ребёнка из бедных слоёв. Теперь в центре внимания режиссёра были сироты. Однако в первой половине фильма внимание всё же смещается на учителя Мана, который организует приют-интернат. Сначала история повествует о беспризорники-корейце Рёкити из столицы генерал-губернаторства Кореи Кэйдзё, который вместе со своей старшей сестрой продаёт на разнос букеты цветов. Они зашли в ресторан, однако никто не замечает детей кроме пьяного врача, который решает дать денег сиротам, но не требует ничего взамен. Характерно, что за соседним столиком говорят корейцы в костюмах на японском, осуждая доктора за пьянство и детей, однако наглая девушка с этого столика на выходе забрала букет, ведь его оплатили. Рёкити по дороге домой за эти деньги покупает у уличного продавца вещь, не понятно, что именно из-за урезанной сцены. Дети, вернувшись домой, встретили местную мафию, которая решает наказать Рёкити и отчитывает старшую сестру. Её брат сбегает и на улице, избитый другими ребятами, его встречает учитель Ман. Он приводит его к себе домой и знакомит с другими сиротами.

Учитель потом идёт договариваться к своему брату, врачу по профессии, чтобы тот выделил место для приюта, так как дома у него мало места. Тогда брат предлагает ему амбар у озера, который должны в скором времени достроить, хотя и настороженно относиться к идее приюта, так как беспризорники вели маргинальную жизнь, и он не верит, что их получится перевоспитать. Его сомнения оправдываются, когда один из сирот Мана крадёт его туфли, однако полицейский приводит и отчитывает ребёнка, который уже практически договорился продать обувь. После заселения в амбаре все ребята дружно трудятся, чтобы обустроить место для жизни, однако не все считают, что приют учителя хорошее место, и двое ребят планируют вернуться в столицу, чтобы продолжить уличную жизнь. Здесь проявляется «ангельская» натура Рёкити, который

пытается их остановить: двое ребят отплывают на лодке, но Рёкити, пытаясь удержать её у берега, тонет у побережья. Его бывшие друзья достают его из воды и остаются в приюте. Состояние здоровья Рёкити критическое, он не приходит в сознание, из-за чего учитель решает обратиться за помощью к брату. Оказывается, что пьяный врач в начале фильма является братом учителя. Сестра Рёкити пыталась найти своего брата, но тщетно. Тогда в один из дней, пытаясь продать цветы в ресторане, она опять встретила врача, который предложил ей работать медсестрой у себя, пока она не найдёт своего брата. После вызова за помощью врач берёт с собой и её, однако за ними увязывается местная мафия, которая недовольна уходом сестры Рёкити из криминального подполья. Врач спасает Рёкити, сестра соединяется с братом, а члены банды нападают на приют учителя. У них не получается забрать насильно сестру – деревянный мост, по которому они пытаются сбежать, ломается, и они падают, получая увечья. Врач помогает забинтовать их ушибы, но они всё ещё не хотят уходить без своего. В это же время было построение всех ребят у флагштока с развивающимся японским флагом, где ребята маршируют и выкрикивают «устав» своего приюта. Затем на фоне флага врач пафосно рассказывает о своём выдающемся брате учителе Ман, который смог «правильно» воспитать подрастающее поколение, и он понял, что зря сомневался в нём. От такой речи бандиты жертвуют деньги приюту и уплывают на лодке.

О последней сцене фильма было неизвестно, так как в косвенных материалах (обзорах, плакатах и т.д.) она не была упомянута. Только в 2004 г. удалось обнаружить киноленту. [4] Несмотря на то, что в фильме присутствует патриотическая сцена, события картины отображают действительное положение дел в корейском обществе: проблема сирот, пытающихся выжить на улице, усиление местных городских банд. Пафосные речи и заигрывание с идеологией скорее пытаются подчеркнуть в конце картины оторванность реальности от того, что желают видеть в государстве. Фильм соответствует своей жанровой направленности, окончательное мнение режиссёра скрывается за патриотической концовкой фильма. Если анализировать высший и низший уровень, то можно сделать несколько заключений. Высший уровень тяжело оценить из-за плохого качества киноленты, а основываясь на том, что есть, можно сказать о неплохой операторской работе, и связным нарративом картины кроме счастливого конца. Работа с образами и символами отсутствует, можно назвать этот фильм таким же «соцреалистичным», как и «Плату за обучение».

Таким образом, в фильмах о детях Чхве Ингю были затронуты остросоциальные темы, которые были близки, в первую очередь, корейскому зрителю, но сами фильмы пытались выйти на уровень японского кинематографа. С другой стороны, они неизменно оставались в рамках пропагандистской «рамки», предлагая нарративы, где разрешение конфликтов происходило само собой. При этом, несмотря на усиление цензуры в военные годы, в ряде картин сохранялись элементы национальной идентичности, что свидетельствует о сложном взаимодействии пропагандистских задач и попыток сохранения культурного своеобразия. Фильмы Чхве Ингю могли выступать не только как инструмент идеологического воздействия, но и как способ выражения социальных проблем выделенного периода.

Библиографический список

1. Sato, Tadao. Nihon Eiga Shi. [History of Japanese cinema] Tokyo, 2006. Ch. 2. 414 p.
2. Архив Корейских фильмов. Информация о фильме «Бездомный ангел». URL: <https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/00148> (Дата обращения: 01.10.2025).
3. Архив Корейских фильмов. Информация о фильме «Плата за обучение». URL: <https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/00142> (Дата обращения: 01.10.2025).
4. Бездомный ангел / режиссёр Чхве Ингю. 1941 г. Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео.
5. Плата за обучение / режиссёр Чхве Ингю. 1940 г. Изображение (движущееся ; двухмерное) : видео.
6. Подорога В.А. Кинематограф. Сновидение. Психоанализ. Курс лекций для МШНК. М.: Московский международный университет. Изд. Das Esseintes Press, 2025. 336 с.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЗА РУБЕЖОМ

NATIONAL CULTURAL ACTIVITIES BELARUSIAN ASSOCIATIONS ABROAD

И.В. Коледа

Белорусский государственный технологический университет,
г. Минск, Беларусь

I.V. Koleda

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и развития белорусской диаспоры — сообщества людей белорусского происхождения, проживающих за пределами Беларуси. Анализируются состав, численность, тенденции развития данной группы. Отмечается, что белорусская диаспора

возникла в результате сочетания традиционных факторов — перенаселения, бедности, нехватки ресурсов, установления диктаторских политических режимов и т. д. Устойчивыми, действующими на протяжении длительного времени структурами общества белорусская диаспора стала через создание общественных объединений, которые являются основной формой ее существования. Этнокультурной особенностью белорусской диаспоры стало ее быстрое и довольно успешное включение в принимающее сообщество.

Abstract. The article examines the issues of formation and development of the Belarusian diaspora - a community of people of Belarusian origin living outside Belarus. Analysis of the composition, number and development trends of this group. It is noted that the Belarusian diaspora was created as a result of a combination of traditional factors - overpopulation, poverty, lack of resources, establishment of dictatorial political regimes and so on. The Belarusian diaspora became stable, long-standing structures of society through the creation of public associations, which are the main form of its existence. The ethno-cultural feature of the Belarusian diaspora has become its rapid and quite successful inclusion in the host community.

Ключевые слова: белорусская диаспора, национально-культурные общества, национальная идентичность культурная политика, общественные объединения.

Keywords: Belarusian diaspora, national-cultural society, national identity, cultural politics, public associations.

Белорусская нация, имеющая богатую и непростую историю, включает не только граждан Республики Беларусь, но и многочисленные объединения наших соотечественников, которые проживают практически на всех континентах планеты. По данным различных исследований, число людей, составляющих белорусскую диаспору, находится между 2,5 и 3,5 млн чел., и существует 220 общественных организаций белорусов зарубежья [1, с.7].

В истории белорусских диаспор можно выделить несколько этапов эмиграции. Во-первых, определенное количество наших соотечественников оказалась за границами белорусского государства, не покидая места жительства. Причиной этому стал процесс формирования границ белорусского государства, в результате которого часть территории, где довольно компактно проживали белорусы, оказалась в составе соседних государств —Польши, Литвы, Латвии, России.

Во-вторых, многие белорусы покинули родной край в результате исторических событий конца XIX — начала XX в., осев в дальних регионах России (в том числе Сибири), а также в разных странах Европы, Северной и Южной Америки. Позже, в советский период истории, белорусы постепенно расселялись в разных регионах Советского Союза, осваивая целину (пахотные земли Казахстана).

Наконец, в 1990-е гг. местами назначения новой эмигрантской

волны стали преимущественно такие страны, как Израиль, США, Канада, Австралия.

В настоящее время наиболее многочисленные объединения белорусов за рубежом проживают в России (около 760 тыс.), США (около 60 тыс.), Украине (около 250 тыс.), Польше (около 80 тыс.), Казахстане (70 тыс.), Канаде (около 12 тыс.), Латвии (около 45 тыс.), Литве (32 тыс.), Италии (около 30 тыс.). Почти 22,5 тыс. евреев, имеющих белорусские корни, проживают в Израиле [2, с. 4-5].

В начале XXI в. количество белорусов в странах СНГ и Балтии уменьшается, при этом увеличивается численность белорусов, которые уезжают в страны Европы и Северной Америки.

Основные задачи деятельности белорусских организаций за рубежом – оказание социально-правовой помощи, организация культурных и экономических связей с этнической родиной, сохранение национальных и духовных традиций.

Разветвленная структура белорусской диаспоры создана в России и Украине. Наиболее значительными белорусскими объединениями в этих странах являются Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы в России» и Всеукраинский союз белорусов.

«Белорусы в России» – это белорусская диаспора, которая включает граждан России белорусского происхождения и граждан Беларуси, проживающих в России. Среди них много тех, кто живет в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, а также в Калининградской, Смоленской областях и Карелии. Автономия «Белорусы в России» является формой национально-культурного самоопределения и представляет собой общественное объединение граждан Российской Федерации – белорусов, которые относят себя к данному сообществу на основе их добровольной организации. Автономия самостоятельно решает проблемы развития белорусского языка, образования, национальной культуры, планирует (согласно ее Устава) создавать учреждения белорусской культуры, организовывать творческие союзы, коллективы самодеятельного и профессионального искусства, кружки по изучению культурного наследия и др.

2010 год официально был объявлен Годом культуры Беларуси в России, в связи с чем были организованы конференции, фестивали, которые были инициированы самими белорусскими объединениями. А в октябре 2025 г. прошли Дни культуры Беларуси в России, включающие спектакли Национального академического театра им. Янки Купалы, выставку произведений белорусских художников и дни белорусского кино.

Представители белорусской диаспоры оказывают непосредственную финансовую помощь во многих проектах. Например, на средства М. Гриба в 2005 г. был создан памятник Ф. Скорине в Калининграде, И. Панасюк и его коллеги из Новосибирска построили храм Ефросиньи Полоцкой.

Одна из главных проблем диаспоры – нехватка информации как из Беларуси, так и из региональных организаций и сообществ. Для разрешения этой проблемы в Москве начали издавать свой бюллетень «Белорусы России», а Федеральная национально-культурная автономия организовала выпуск еженедельной газеты с аналогичным названием. Кроме московской газеты «Сябры» и петербургской «Родзічы», издаются бюллетень-газета Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Черского «Маланка», газета Новосибирской городской организации «Мая Радзіма», литературно-этнографический альманах белорусов Дона «Мы-славяне».

Как средство для объединения и поддержки белорусской диаспоры в мае 2000 г. был создан Всеукраинский союз белорусов – общественно-культурная организация, объединяющая белорусов Украины независимо от их религиозных, политических или социальных взглядов. Ее цель – способствовать укреплению самобытности белорусской общины в Украине и знакомить ее с культурой и традициями белорусского народа.

На счету Всеукраинского союза белорусов немало интересных и полезных дел – конференция по вопросам развития белорусского меньшинства в Украине, издание сборника стихов белорусского поэта из Крыма И. Литаша, читательская конференция по книге «Венок васильков» белорусского поэта М. Козакова, который жил в свое время в Крыму, открытие класса-лицея по изучению белорусского языка в школе № 12 г. Ирпень Киевского района и др. Организация работает с белорусской общиной в 14 областях Украины, содействуя сохранению ее культурного наследия и национальной идентичности.

Одним из первых возникло Крымское белорусское культурно-просветительское общество, в составе которого сегодня 350 членов, которые представляют почти 60 тыс. белорусов – жителей Крыма [3, с. 23]. Согласно Устава общества, основная его цель – развитие разносторонних связей между белорусским и украинским народами, пропаганда белорусской национальной культуры, искусства, народного творчества. Для решения этой задачи ежегодно объединение проводит в Ялте и Симферополе фестивали белорусской культуры, периодически организуются художественные выставки («Синеокая Беларусь», «Чернобыльская боль»).

Отличительной чертой белорусских объединений в Украине (кроме упомянутых, это группа белорусской культуры «Зорка Венера» в г. Изяслав Хмельницкой обл., Донецкая городская организация «Нёман», национально-культурное товарищество белорусов «Белая Русь» в Харькове, национально-культурное объединение «Беларусь» в Одессе и др.) является стремление к культурной деятельности, самодеятельному художественному творчеству.

При сравнительной немногочисленности белорусской диаспоры в Литве, Латвии, Эстонии, деятельность наших соотечественников в этих странах отличается активным разносторонним, однако при этом и противоречивым характером. Не всегда взвешенная национальная политика правительства этих государств является стимулом для самоорганизации наиболее активной части белорусского сообщества, которое стремится сохранить свою самобытность.

В Литве, Латвии и Эстонии действуют белорусские объединения, занимающиеся сохранением национальной культуры и традиций. В настоящее время в Объединение общественных организаций белорусов в Литве входит 19 организаций. Их цель, как и любых других образований национальных меньшинств, – сохранение белорусской культуры, традиций, обычаев, белорусского языка. Усилиями организаций ежегодно устраиваются белорусские культурные праздники (Коляды, Вяликдень, Купала), проводится Вселитовский праздник белорусской песни.

Под непосредственным контролем Объединения в Вильнюсе с 1994 г. работает гимназия им. Франциска Скорины с 12-летним обучением, где многие предметы преподаются на белорусском языке. Открыта белорусская воскресная школа в Клайпеде, в Висагинасе функционирует белорусский культурный центр.

Союз белорусов Латвии – общественная организация, объединяющая общества белорусской и славянской культуры. Иницирует и поддерживает программы в области культуры и народного творчества, просвещения, сохранения и развития традиций белорусов в Латвии.

В Эстонии существуют белорусские объединения, такие как Ассоциация белорусов Эстонии и Белорусское культурное общество «Лёс», которые занимаются представлением белорусской культуры и объединением соотечественников. Эти организации играют заметную роль в поддержании белорусской общины и интеграции белорусов в эстонское общество.

В Кыргызстане, Узбекистане и Казахстане белорусская диаспора

сформировалась в основном в послевоенные годы. Общественные организации по количественному составу небольшие и состоят преимущественно из людей старшего поколения. Наибольшим авторитетом в Казахстане пользуются Национальный культурный центр «Беларусь» (Алматы), общественное объединение «Культурный центр «Беларусь» (Астана). В Кыргызстане действуют две организации белорусов: Общественное объединение белорусов в Кыргызской Республике «Світанак» и Белорусский культурный центр «Крыніца». Наиболее влиятельным является «Світанак», который структурно входит в состав Ассамблеи народов Кыргызстана – консультативно-совещательный орган по вопросам межнациональных отношений при президенте Кыргызской Республики. Сегодня «Світанак» вместе с представителями других национальных объединений принимает участие в круглых столах, конференциях по вопросам национального строительства.

Национально-культурное объединение белорусов в Узбекистане – Белорусский культурный центр «Світанак» – осуществляет свою деятельность в рамках республиканского интернационального культурного центра.

Развитые организационные формы создали белорусы Польши. Наибольшей активностью и авторитетом пользуются Белорусское общественно-культурное товарищество и Белорусское объединение студентов [4, с. 302]. Сегодня правовой статус белорусов в Польше регулирует принятый в январе 2005 г. Сеймом Польши «Закон о национальных и этнических меньшинствах и о региональном языке», согласно которому предусматривается обязанность органов государственной власти выделять определенные средства для поддержки деятельности, направленной на охрану и развитие культурной идентичности меньшинства.

Отметим, что главное место в работе белорусских организаций в Польше занимает культуротворческая деятельность – различные культурно-массовые мероприятия, такие как общепольские фестивали белорусской песни, конкурсы белорусской поэзии, фестивали церковной музыки и др.

Колонии белорусов есть и в Центральной и Западной Европе – Великобритании, Франции, Германии, Чехии, хотя здесь они немногочисленные. Однако здесь сконцентрировалась в основном политическая эмиграция, интеллигенция белорусского зарубежья, которая показывает определенную активность в общественно-политической, культурной и научной сферах.

Всемирным центром интеллигенции белорусской диаспоры

является Лондон, где функционирует Ассоциация белорусов Англии, создавшая здесь «Белорусский центр» с крупной библиотекой.

Своеобразием отличается деятельность организаций белорусов в Америке прежде всего из-за политического и организационного разделения разных волн эмигрантов. К числу наиболее влиятельных белорусских организаций в США и Канаде относятся: «Белорусско-Американское Объединение», «Белорусский комитет конгресса», «Организация белорусско-американской молодежи», «Объединение белорусов Канады». Главной их целью стала деятельность по развитию белорусских национальных и культурных традиций, а также стремление получить поддержку со стороны широких кругов американского общества и правительства США своей деятельности. После 1986 г. энергия американских белорусов направлена на организацию помощи жертвам Чернобыля. Создано около десяти комитетов такой помощи.

Там, где белорусы проживают более-менее компактно, как, например, в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, они, как правило, имеют свое средства, свою церковь или костел, магазины, кассы взаимопомощи, культурные центры, при которых есть библиотеки, школы, музеи. Важными событиями в жизни белорусской иммиграции являются Встречи белорусов в Северной Америке, которые проводятся каждые два года, начиная с 1952 г.

Белорусское государство оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом. Это и деятельность посольств Республики Беларусь, и создание международного спутникового телеканала «Беларусь-ТВ», и работа главной дирекции зарубежного вещания (радиостанция «Беларусь»), и издание белорусскоязычной газеты «Голос Родины» (распространяется в 52 странах) и многое другое.

Приоритетными направлениями государственной политики Республики Беларусь в отношении к диаспоре является объединение всех соотечественников в мире, включение представителей диаспоры в экономическое сотрудничество, поддержка и развитие национальной культуры. В республике разработан и принят специальный закон «О белорусах зарубежья», который определяет принципы государственной политики в отношении белорусов, проживающих за границей, а также меры поддержки для укрепления их связей с Беларусью.

Библиографический список

1. Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану / М.М. Бацян і інш. Мінск: Трыалета, 2006. 160 с.
2. Беларуская дыяспара. Нарысы гісторыі і сучасны стан. / А.В. Шарапа [і інш.];

пад агульнай рэд. А.В. Шарапа. Мінск: Беларусь, 2013. 248 с.

3. Беларускае замежжа / склад. Н. Голубева. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 2010. 116 с.

4. Крывашэй, Д.А. Беларуская дыяспара ў культурная палітыцы Рэспублікі Беларусь (1990-2017 гг.) / Д.А. Крывашэй // Весці Нац. Акадэміі навук. Сер. гуманіт. Навук. 2019. Т. 64. № 3. С. 299–311.

**INTEGRATION SOCIALE ET ALTERITE DANS
LE GANADOUGOU : ETUDE DU ROMAN NOTRE VOIE
D'ABDOUL SALAM COULIBALY**

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ИНАКОВОСТЬ
В ГАНАДУГУ: ИССЛЕДОВАНИЕ РОМАНА АБДУЛЫ
САЛАМА КУЛИБАЛИ «НАШ ПУТЬ»**

Mohamed Souleymane Diallo

Institut de Pédagogie Universitaire de Bamako, Mali.

Мохамед Сулейман Диалло

Институт университетской педагогики г. Бамако, Республика Мали

Résumé. La relation entre les fonctionnaires et les populations rurales a toujours constitué une préoccupation majeure. Longtemps, cette relation a été marquée par une distance hiérarchique, où l'autorité administrative adoptait une posture dominatrice vis-à-vis des habitants des campagnes. Le contact entre les « citoyens instruits » et les « campagnards », entre les représentants de l'État et les populations dites indigènes, s'est ainsi souvent construit sur un déséquilibre, rendant la coopération difficile, voire impossible. Dans le roman *Notre voie*, l'auteur propose une autre perspective : celle d'une intégration progressive du fonctionnaire dans la vie sociale du village afin de réussir sa mission. L'œuvre montre qu'un étranger — en particulier un agent de l'État comme un enseignant — ne peut trouver sa place et accomplir efficacement son travail qu'en combinant respect, écoute et participation aux activités de la communauté. Ainsi, *Notre voie* met en lumière la voie que doit emprunter toute personne venue de l'extérieur : comprendre la culture locale, partager le quotidien des villageois et reconnaître la valeur de leurs savoirs pour construire une relation harmonieuse et productive. Cette étude s'appuie sur une approche socio-anthropologique et une analyse interprétative afin de comprendre le dynamisme sociale et la portée symbolique du récit.

Аннотация. Отношения между государственными служащими и сельским населением всегда были предметом серьезной озабоченности. Долгое время эти отношения были отмечены иерархической дистанцией, когда административная власть занимала доминирующую позицию по отношению к сельским жителям. Таким образом, контакты между «образованными гражданами» и «сельскими жителями», между представителями государства и так называемым коренным населением часто строились на дисбалансе, что затрудняло или даже делало невозможным сотрудничество. В романе «Наш путь» автор предлагает другую перспективу: перспективу постепенной

интеграции государственного служащего в общественную жизнь деревни для достижения успеха в его миссии. Работа показывает, что иностранец, особенно государственный служащий, такой как учитель, может найти свое место и эффективно выполнять свою работу, только сочетая уважение, слушание и участие в общественной деятельности. Таким образом, роман проливает свет на путь, по которому должен идти каждый, кто приехал извне: понимать местную культуру, делить повседневную жизнь с жителями деревни и признавать ценность их знаний для построения гармоничных и продуктивных отношений. Это исследование основано на социально-антропологическом подходе и интерпретационном анализе, чтобы понять социальную динамику и символический масштаб повествования.

Mots-clés: Altérité, Intégration sociale, fonctionnaire rural.

Ключевые слова: инаковость, социальная интеграция, роман, Абдул Салам Кулибали, Ганадугу, сельский чиновник.

L'actuel Mali est construit sur les ruines d'anciens empires et royaumes qui ont connu la cohabitation entre différents peuples. Le Ganadougou est un ancien canton situé dans le sud du Mali dans la région de Sikasso, la troisième région administrative de ce pays. Son histoire témoigne du vivre ensemble entre Sénoufo, Bamanan et Peulh. Ces derniers seraient la classe dirigeante jusqu'à aujourd'hui. *Y.F.Koné* rapporte que: «Les membres du lignage DIALLO, qui sont les tenants du pouvoir du Ganadougou, sont les descendants d'un personnage légendaire nommé Hamadou Boubou DIALLO. Celui-ci a eu 4 fils qui sont, par ordre de primogéniture : Mémè, Wateni, Kuméli et Mamourou. Leurs descendants ont essaimé dans le pays que l'on appelle aujourd'hui Ganadougou, formé de 65 villages. Certains de ces villages ont été fondés par les Bambara, d'autres par des DIALLO. Dans tous les cas, ils sont totalement ou partiellement peuplés de DIALLO qui ont la gestion des affaires politiques en main» [4, p 186].

Bien que la chefferie appartienne exclusivement aux peulhs, l'harmonie dans la cohabitation est visible par la langue que les autochtones de Ganadougou partagent. Elle appartient au groupe mandingue vu son rapprochement avec le bamanankan. Malgré la présence des sons uniques à cette langue et sa tonalité, elle est accessible aux bambarophones attentifs. Cette configuration de la société montre que ce territoire témoigne longtemps d'une ouverture envers le monde extérieur. Cette société, avec sa cohabitation historique et sa nouveauté culturelle, sert de cadre de départ pour le roman *Notre voie*, qui met en lumière l'intégration de l'altérité.

Dans ce roman, une dimension allégorique est visible : celle d'une société en quête d'unité où un enseignant cherche à intégrer la société de ses élèves pour l'atteinte des objectifs qui lui sont assignés et le bien de la

société sans pour autant effacer les différences.

L'auteur situe son récit au Ganadougou, espace à la fois réel et symbolique, marqué par la diversité culturelle et les tensions entre tradition et modernité. L'œuvre met en scène un enseignant fraîchement arrivé dans ce milieu rural, décidé à comprendre la communauté qu'il doit instruire. Conscient de l'échec de son prédécesseur, il choisit une démarche originale : s'intégrer pleinement à la société locale afin de saisir ce qu'elle attend réellement de lui et de son rôle d'éducateur. En fréquentant les jeunes, les anciens et les vieilles dames du village, il s'imprègne des valeurs, des attentes et des réalités sociales du village. Ce geste d'ouverture fait de lui plus qu'un simple instituteur : il devient un pont entre l'école et la société, entre la culture écrite et la tradition orale. Ainsi, Notre voie interroge la possibilité d'une intégration réciproque entre l'individu porteur du savoir moderne et une communauté attachée à ses coutumes, illustrant le défi plus large de l'intégration de l'altérité dans le Ganadougou.

Cette étude se propose d'analyser les facteurs de réussite de l'intégration de l'altérité dans un milieu traditionnel. Pour atteindre l'objectif, les approches socio-anthropologique et interprétative sont adoptées dans ce travail. Il s'agit des démarches qualitatives permettant d'étudier les symboles, les attitudes et les comportements dans leur contexte social et culturel. La première est définie par J. Lohisse comme «une approche socio-anthropologique permet d'étudier les structures sociétales et les mentalités collectives à partir des systèmes de communication qu'elles privilégient» [5]. En ce qui concerne l'approche interprétative, De Gialdino [3] souligne que «l'analyse interprétative est la contribution créative des méthodes employées, identifiant les sens dans ce qu'elle voit, transformant le banal en profond.»

Le milieu est connu dans le clivage de maintien des pratiques ancestrales et sa volonté manifeste de perpétuer ces valeurs. La notion de « nous » est dotée d'une portée si lourde qu'elle prime sur tout dans ces milieux. Elle se manifeste par l'identification de l'individu à des personnes et des valeurs qui l'entourent depuis sa naissance. Dans ce dynamisme, l'autre devient celui dont il faut se méfier. N'ayant pas forcément réussi le même modèle d'éducation que celui de sa communauté, les limites de sa société d'accueil ne peuvent s'imposer directement à lui. Son statut d'étranger, qui le met à l'abri des contraintes qui garantissent le bon fonctionnement de la communauté nouvelle dans laquelle il séjourne, le fait bénéficier d'une tolérance temporaire. Il est donc mis en observation dès son arrivée pour évaluer ses valeurs qu'il transporte avec lui. Selon N. I. Mariko «demandez à votre vice de vous attendre, si vous ne revenez pas, il finit par vous rejoindre» [6, p. 126]. . Tolérer la présence d'une personne

extérieure au groupe est une étape, son maintien et son adoption dépendra de sa conduite. Que la différence soit culturelle, religieuse, ethnique ou linguistique, son traitement varie selon les communautés. Dans le contexte africain, l'étranger bénéficie généralement d'une tolérance qui peut évoluer en fonction de son évolution dans la société.

L'étude de ce roman offre la perspective d'observer la manière dont l'univers romanesque malien aborde les et les réussites liées à l'intégration d'un étranger dans les sociétés maliennes en général, et du Ganadougou en particulier.

Le monde rural est configuré souvent comme communauté où les membres se réclament d'une même lignée et s'identifient les uns aux autres. Généralement, seules les relations professionnelles permettent l'ouverture à un étranger. Dans les nations modernes, l'installation des services de base dans les profondeurs du pays laisse la voie à l'accueil des personnes extérieures à la communauté. C'est dans cette perspective que la notion d'altérité fait surface. J.C Ruano-Borbalan définit le concept comme « une construction sociale et culturelle, qui repose sur les représentations que les individus ou les groupes se font de ceux qui sont différents d'eux. » Partant de cette définition, il apparaît qu'elle peut s'appliquer à toutes les personnes qui venaient à se trouver dans un milieu autre que le sien. De ce point de vue, elle s'applique aux agents de l'Etat qui se trouvent dans les campagnes pour des raisons professionnelles.

Dans cette rencontre, s'il s'avère que l'une des deux parties se valorise par rapport à l'autre, on parlera alors de l'altérité hiérarchisée. E. Saïd rapporte « l'altérité a souvent été réduite à la différence hiérarchisée : l'autre devient le sauvage, le primitif, l'étranger » [12]. De l'époque coloniale aux indépendances, ce type d'altérité s'est manifesté très souvent dans l'exercice des professions rurales. Les agents voyaient aux villageois des sous-hommes qu'ils dépassaient de loin, non seulement compte tenu de leur statut de personne publique mais de celui de citoyen ayant un bagage intellectuel.

Lorsque la communauté, comme c'est le cas en Afrique généralement, tend la main au nouveau venu, l'altérité devient une source de dialogue interculturel. Les traditions convergent, les points de divergence, quels qu'ils soient, sont noyés dans le respect pour l'autre. Le vivre ensemble prend le dessus sur les voix discordantes. Selon T. Todorov « l'altérité n'est pas seulement tolérée, elle est constitutive du lien social » [14]. Il va de soi qu'on s'identifie à l'autre par les égards qu'il témoigne vis-à-vis de nos mœurs.

Dans un monde de globalisation, l'interculturalité, le métissage et la diversité font de l'autre un moyen d'enrichissement. Selon A. H. Ba

(1985), « de même que la beauté d'un tapis tient à la variété de ses couleurs, la diversité des hommes, des cultures et des civilisations fait la beauté et la richesse du monde. » Ainsi, chaque communauté possède une valeur pouvant servir le monde. Au lieu d'aborder la différence avec une méfiance, il serait utile de la percevoir comme un atout. P. Ricoeur pense que « l'expérience de l'altérité oblige à repenser l'identité non comme une essence, mais comme une construction ouverte » [10]. L'autre n'est dans ce contexte ni inférieur ni une menace mais un enrichissement.

Notre voie instruit le lecteur sur les différentes approches pour s'intégrer dans une société différente de la sienne. Tel un espace d'expérimentation sociale, le village est présenté dans le dynamisme d'orienter vers la modernité en acceptant l'implantation d'une école. Le protagoniste, un jeune enseignant nouvellement affecté dans un village et qui doit se battre pour mener à bien sa mission doit faire tomber le mur que érigé par son prédécesseur entre le village et son école. Ce dernier ayant échoué, le nouvel enseignant choisit de s'intégrer profondément à la communauté pour mieux cerner les attentes des villageois. Il adopte à cet effet une démarche singulière: la pédagogie de l'écoute et de participation. Il choisit de se rapprocher des jeunes, des anciens et les femmes. Cette approche dénote une stratégie d'intégration de l'altérité qui se manifeste la volonté de comprendre des réalités locales.

I. L'approche des jeunes : comprendre les causes de l'échec du prédécesseur. Dès son arrivée, le nouvel enseignant adopte une attitude ouverte envers les jeunes du village. Contrairement à son prédécesseur, qui s'était enfermé dans une posture autoritaire, il choisit de jouer avec eux, de leur parler et de les écouter. Par ses questionnements discrets et bienveillants, il cherche à savoir comment le maître précédent s'était comporté.

Les réponses des jeunes sont précieuses : elles lui révèlent les erreurs relationnelles de son devancier – distance, mépris, absence d'empathie – autant d'attitudes qui avaient brisé le lien entre l'école et la société. En écoutant les enfants, l'enseignant comprend que l'éducation, dans le Garankasso, doit d'abord être une affaire de proximité et de confiance. Cette première étape lui permet d'adapter sa méthode d'enseignement à la sensibilité des villageois. FAGE (2013) montre que « l'absence de dialogue avec les jeunes, cette tendance contribue à creuser encore le fossé qui existe avec la classe politique et renforcer la défiance à l'égard des institutions ». En ayant une relation tendue avec la jeunesse, l'accomplissement de la mission enseignante de son prédécesseur s'est retrouvé dans l'impasse. Etant donné que, le fossé creusé entre l'école et la jeunesse en favorisait pas une intégration sociale.

Le football est un jeu passionnant qui réunit très souvent les jeunes de divers horizons. Offrir un ballon aux jeunes du village est une marque de respect envers eux et permet d'observer leurs réactions. A. S. Coulibaly: « Moussa, dis-moi ! Quelle est l'occupation des jeunes d'ici, le soir ? Je pensais les voir hier au terrain de football. J'ai donné le ballon aux grands élèves à cet effet » [1, p. 19].

Cette action permet d'évaluer la perception que cette couche du village a à son égard. Leur réaction est à la hauteur des attentes de l'enseignant. Il apprend que les jeunes du village ne jouent plus dans la cour de l'école à cause de l'interdiction imposée par son prédécesseur. Il remédie rapidement à cette situation en les invitant à venir jouer sur le terrain, qui appartient à toute la communauté. Cet acte contraste avec l'approche de son prédécesseur qui avait imposé des prohibitions en ce qui concerne l'espace scolaire. A. S. Coulibaly: Nos mamans, elles-mêmes, n'ont pas le droit de passage dans la cour pour accéder au marigot [1, p. 19]. Il leur faut nécessairement attendre la sortie des élèves. En fait, notre école est devenue un espace prohibé qui nous empêche l'accès à nos endroits familiers et de besoin vital. Bien que ces mesures soient justifiées, elles ne sont pas compréhensibles pour les villageois. Il apparaît donc impératif au nouveau enseignant de prendre contact le leader de la jeunesse du village. A. S. Coulibaly: « Je rendrai visite au responsable des jeunes demain soir. Moussa m'accompagnera. Youssouf tu t'assures de la présence au village de votre chef s'il est absent, tu t'informerai de la date de son retour » [1, p. 39]. Cette visite aux chefs des jeunes des villages marque un geste de respect envers eux. Elle les invite à venir à lui sans trop de protocoles et leur assure de sa disponibilité pour la jeunesse et pour les villages, dans le but de lever les malentendus laissés par son prédécesseur. Parlant de l'influence des jeunes leaders sur leur entourage, M. Vultur souligne que certains jeunes se présentent comme des *leaders* affirmés d'un groupe et ils ont conscience du pouvoir exercé sur les autres. D'autres également ont conscience de pouvoir changer des choses autour d'eux. Comprendant le rôle significatif du chef des jeunes, l'enseignant planifie sa rencontre avec lui de manière à ne pas le manquer. Il fait preuve d'attention à l'égard de ce dernier qu'il considère important dans son processus d'intégration. Moussa et Youssouf qui semblent être des jeunes qu'il compte dans son entourage reçoivent chacun des consignes pour que la démarche soit couronnée de succès.

Pour pousser loin ses investigations, il ne manqua pas de demander directement la pierre apportée par les jeunes dans la réalisation de son établissement. A. S. Coulibaly « Dites-moi, leur demande-t-il à brûler pourpoint, quel rôle ont joué les jeunes dans la création, le fonctionnement

de l'école?» [1, p. 38] . Cette interrogation directe peut être une volonté claire d'estimer à sa juste valeur la contribution de la classe juvénile dans la vie de l'école. Dans cette démarche, les jeunes expliquent leur rôle dans la construction de l'école : ils ont fourni beaucoup d'efforts pour que celle-ci voie le jour. L'interdiction de jouer sur le terrain a donc été un véritable choc pour eux, d'autant plus qu'ils s'étaient fortement investis, à la fois financièrement et physiquement, dans l'édification de l'établissement.

Une fois la confiance rétablie entre la jeunesse et l'école, les contacts deviennent fréquents. A. S. Coulibaly: «Les jeunes, réguliers dans ma maison, apparaissent peu après le départ du vieux» [1, p. 38]. La démarche semble porter ses fruits, car son domicile accueille les soirs les jeunes pour discuter. Les discussions nocturnes sont très importantes dans les milieux ruraux, en particulier pour les jeunes. Elles témoignent d'un climat de confiance et montrent que la personne inspire respect et affection. Cela prouve aussi que le processus d'intégration au sein de la communauté est en bonne voie et se déroule avec succès. L'un d'eux ne masque pas sa surprise en s'exprimant ainsi, A. S. Coulibaly: «Moussa, je ne pensais jamais pouvoir approcher de si près le directeur» [1, p. 33]. Les rapprochements avec la jeunesse font tomber les barrières que son prédécesseur avait érigées entre l'école et le village. Les jeunes, surpris par ce nouveau lien, souligne le caractère presque extraterrestre de l'ancien, ce qui contraste avec la mission de l'enseignant proche de la population. Le nouveau transforme cette perception grâce à ses actions : il apparaît désormais comme un acteur de la vie sociale accessible à tous, ce qui témoigne de son intégration réussie dans le village.

Cette union nouvelle entre l'école et la jeunesse est magnifiée par une soirée traditionnelle à l'honneur de l'enseignant. A. S. Coulibaly [1, p. 45] « Les jeunes de Sobala organisent une soirée de "kamalenn'goni". Tu présides la cérémonie organisée en ton honneur. La soirée a lieu dans la vaste cour de la maison de Youssouf. Elle est pleine de monde. Nous ne devons pas nous faire attendre ». Cette fête traditionnelle, animée par des instruments de musique locaux, témoigne de l'estime qu'ils portent à sa personne et de son intégration réussie dans la communauté. Elle marque profondément les esprits et reflète l'importance que les villageois lui accordent. Elle est pleine de sens, car une telle célébration n'est réservée qu'à une personne estimée – surtout lorsqu'il s'agit d'un enseignant.

Ce fut pour lui l'occasion de mieux comprendre les réalités et les attentes du village. Il y fera la rencontre d'une femme exceptionnelle, dont la contribution aux activités communautaires est particulièrement remarquable.

II. Les échanges avec les anciens : découvrir la vision

communautaire de l'éducation. Dans une seconde étape, l'enseignant se tourne vers les vieux du village, gardiens des traditions et de la mémoire collective. Il passe de longues nuits à converser avec eux, partageant le thé et les récits. Ces discussions nocturnes lui permettent de saisir la philosophie du village, fondée sur la solidarité, le respect hiérarchique et la transmission des savoirs ancestraux. Y.F. Koné rapporte que « si tu n'es pas vieux, tu ne peux donner ton opinion en ce qui concerne les affaires du village » [4]. Approcher les anciens était une stratégie pour apprendre d'une source fiable les attentes du village du nouvel enseignant.

Les anciens lui confient leurs attentes vis-à-vis du nouvel arrivant : ils souhaitent un enseignant humble, à l'écoute, et soucieux de relier l'école à la vie réelle. Les anciens lui confient leurs attentes vis-à-vis du "neuf étudiant" : ils souhaitent un enseignant humble, à l'écoute, et soucieux de relier l'école à la vie réelle. A. S. Coulibaly «le vieux N'fa Zoumana a précisé, pour sa part, que l'école est une source de lumière pour le village et de promotion pour les enfants» [1, p. 50].

Grâce à ces échanges, il comprend que l'éducation moderne ne peut réussir sans tenir compte des valeurs communautaires. Il s'agit donc d'une éducation enracinée, où le maître devient un médiateur entre la culture écrite et la culture orale. A. S. Coulibaly Dans la soirée, je rends visite à mon vieil ami N'Fa Zoumana. Il massait la cheville d'un jeune, victime d'une entorse lors d'une partie de football. Je prends place à ses côtés et observe officier le vieux» [1, p. 50]. «La visite régulière de l'enseignant à son vieil ami témoigne des liens qui se tissent entre eux et de leur engagement commun pour le bien du village. Il y apprend le savoir-faire ancestral et découvre des méthodes traditionnelles de guérison. Cela reflète également sa volonté de s'intégrer dans la société et de comprendre le fonctionnement des pratiques locales.

En s'intéressant à la médecine traditionnelle du village, l'enseignant valorise les connaissances locales. De son statut d'enseignant formé à l'école blanche, il aurait pu avoir du mépris pour ces méthodes thérapeutiques en conseillant simplement aux villageois d'amener les malades au centre de santé. En respectant et en participant aux pratiques traditionnelles, il se place sur un pied d'égalité avec la communauté et affirme sa volonté de prendre part activement à la vie du village.

Etre dans les bonnes grâces des anciens est capital du point de vue de la position sociale de ces derniers. Selon G. Ogandaga [8] « dans les sociétés [traditionnelles], l'ancien, du fait de son âge et de la position sociale qui y était attachée, paraissait détenir tout pouvoir ». Lorsque la fréquence de la rencontre que l'enseignant avait avec le vieux diminue, ce dernier ne manqua de le lui rappeler A. S. Coulibaly: « Revenant d'une

visite au chef de village, je dévie de ma route pour m'enquérir de la santé du vieux N'Fa Zoumana. Dès mon entrée, je le vois, vautré sur ses peaux de vaches, le visage jovial [et lui dit] « Monsieur le Directeur, m'interpelle-t-il, tu te fais rare ces derniers temps » [1, p. 35]. En soulignant que l'enseignant se fait rare, le vieux montre qu'il espérait pouvoir le voir plus souvent, comme auparavant. Mais les activités scolaires l'empêchaient d'être régulier dans la cour du vieil homme. Cette remarque sur son absence témoigne de l'attachement profond du vieil homme à l'enseignant et illustre que sa stratégie de s'intégrer dans le village commence à bien fonctionner.

Son vieux ami ne manque d'exprimer son mécontentement de la nouvelle de son affectation ailleurs A. S. Coulibaly: « Il paraît que notre village ne te plaît pas. Tu sembles déterminé à ne pas revenir, me lance-t-il, le visage tendu vers moi ses yeux mine trahissent une grande perplexité, M'Bènè vient de me quitter, poursuit-il. Elle est désemparée et m'a demandé de te persuader de ne point exécuter ta résolution » [1, p. 96]. Les regrets exprimés par les villageois à l'annonce du départ de l'instituteur traduisent une reconnaissance de l'altérité, comprise comme un miroir de soi. L'étranger, d'abord perçu comme un « eux », est désormais intégré dans le « nous », signe d'une véritable ouverture à l'autre. Arrivé au village comme le nouveau directeur, il repart comme notre directeur.

III. La rencontre avec la vieille dame : le symbole d'une intégration réussie. Parlant de la femme africaine, elle continue dans une large mesure à jouer un rôle de second plan, attire peu attention et ne reçoit que peu d'aide. V. Courdi [2] montre que « les femmes jouent un rôle essentiel dans le secteur rural, souvent faiblement évalué en comparaison de celui de l'homme. Bien qu'elles occupent un rôle important dans le travail rural, elles sont difficilement reconnues comme producteurs ou responsables de la gestion des ressources naturelles à travers leurs tâches productives ».

La rencontre de l'enseignant avec la vieille dame fondatrice de l'école représente l'aboutissement de sa quête d'intégration. Contrairement cette dernière, figure de sagesse et de modernité, incarne la conscience éclairée du village. Elle raconte comment, après un séjour en ville, elle a été marquée par la solidarité et les progrès qu'apporte le savoir. De retour au village, elle a décidé de « guérir » sa communauté de l'obscurantisme en encourageant la création d'une école et en militant pour la scolarisation des filles. L'enseignant s'adresse à elle en ces termes : « Je rends, dis-je, une visite normale de courtoisie à l'une des personnalités de premier plan du village. Je vous ai aperçue à la manifestation des jeunes. L'attention qu'on vous a témoignée me persuade de votre audience. J'ai aussi entendu un bref aperçu du rôle que vous jouez. Vous êtes l'une des autorités les plus

écoutées et je vous prie d'accepter mes excuses pour cette visite tardive». Elle devait intervenir plutôt, dès les premiers jours de mon arrivée. A. S. Coulibaly [1, p. 57].

Cette visite touche profondément la vieille dame qui, bien qu'elle n'en soit pas informée à l'avance, accueille l'enseignant avec honneur dans émotion. Au cours de leur échange, elle révèle des qualités qui encouragent l'enseignant à maintenir ce lien. Il comprend alors que cette dame n'est pas une personne ordinaire dans le village : elle exerce une influence considérable sur la communauté. Être adopté par une telle personnalité représente un atout important pour la réussite de sa mission. Cette description correspond à la notion d'intégration de Sourang, M., Beaudoin, A. & Carey-Bélanger, É. selon laquelle « l'intégration de la femme, en particulier dans le tiers-monde, dépasse la seule conception d'un lien avec le développement et l'implication économique. [13]. C'est un concept multidimensionnel qui englobe non seulement la réciprocité, mais la notion d'affranchissement, d'autonomie et d'« empowerment » par sa capacité à participer à la prise de décision ».

À travers l'entretien avec la dame, l'enseignant découvre que l'éducation est perçue non comme une rupture avec la tradition, mais comme un moyen de la renforcer et de la renouveler. En comprenant cette vision, il s'intègre pleinement à la société villageoise : il devient un acteur du changement collectif, non un étranger porteur d'un savoir imposé.

IV. La participation aux activités et aux rites communautaires : une immersion totale dans la vie du Ganadougou. Au-delà de ses échanges avec les enfants, les anciens et la vieille dame, le jeune enseignant poursuit son intégration en s'intéressant de près aux activités sociales et culturelles du village. Pendant la saison sèche, il observe et participe à la confection des lits en bambou, activité typique de la période où les travaux agricoles ralentissent. Ce geste, en apparence simple, traduit une volonté d'apprentissage et de respect des savoir-faire locaux. Loin de rester un observateur extérieur, il s'implique dans les travaux collectifs. A. S. Coulibaly : «Ta participation à la récolte d'aujourd'hui m'a été rapportée, me lance-t-il en guise d'accueil» [1, p. 50].

En mettant en avant la nouvelle de la participation de l'enseignant pour accueillir ce dernier dans sa maison, le vieux souligne le poids de l'acte. En participant aux activités collectives du village, telles que la récolte après la saison des pluies, l'enseignant manifeste sa volonté d'appartenir pleinement à la communauté. Dans les milieux ruraux, les citadins s'intéressent rarement à ce genre de tâches; lorsqu'ils s'y rendent, ils se contentent souvent d'être de simples spectateurs.

Prendre part aux activités collectives est donc particulièrement

significatif. Cela montre que l'enseignant ne se considère pas supérieur aux villageois et qu'il ne les regarde pas de haut, mais qu'il cherche au contraire à se mettre sur un pied d'égalité avec eux. Cette attitude illustre parfaitement le processus d'intégration : il ne s'agit pas ici d'altérité, mais bien d'une réelle inclusion dans la vie du village.

De plus, l'enseignant s'implique dans les rites funéraires et les cérémonies communautaires qui accompagnent la mort d'un membre du village. Bien qu'il ne soit pas tenu d'y participer, il choisit de le faire, manifestant par là un profond respect pour les traditions et la spiritualité de la communauté. En prenant part à ces moments de deuil et de solidarité, il partage les émotions collectives et se fait reconnaître comme membre à part entière du groupe. Quand son collègue autochtone a perdu sa tante, il n'est pas resté en marge. A. S. Coulibaly « Doussey m'y Conduit. Je m'assieds auprès de N'Fa Zoumana, sur une natte en lattes de tiges de mil. Les vieux du village sont tous présents à la cérémonie funéraire » [1, p. 61] .

Se faire conduire sur le lieu des funérailles montre sa volonté de participer sans commettre de maladresse, laissant son collègue accompagner ses gestes. S'asseoir près des anciens dans le cercle des vieux traduit également son désir de s'intégrer à la société et de témoigner de son intérêt pour la tristesse collective, partageant ainsi le deuil que traverse le village. De plus, s'installer sur les nattes en tiges de mil ou sur une natte de fortune révèle son humilité : il ne se considère pas supérieur et accepte de s'asseoir là où les anciens se sont installés, sans réclamer une place particulière. M. Obert (2013) montre que Louis Sarno, après des décennies de vie parmi les Bayaka durant lesquelles il participait aux rites de ce peuple, dit avoir le sentiment d'appartenir à ce peuple. Cela montre qu'une communauté s'identifie à un étranger lorsque celui-ci partage pleinement ses valeurs.

Cette participation active à la vie du village marque une étape décisive dans son intégration : il ne se limite plus à connaître les habitants, il vit avec eux. Son comportement illustre une pédagogie fondée sur la sympathie et la réciprocité, où l'enseignant apprend autant de la communauté qu'il lui enseigne. Par l'observation, le dialogue et la participation, il transforme la distance initiale entre l'école et le village en communion humaine et culturelle.

Il cherche également à comprendre le sens écologique sur certaines pratiques : il en discute avec les habitants, réfléchit avec eux à l'impact de la coupe du bambou sur l'environnement, et montre ainsi que l'école peut aussi être un lieu de sensibilisation à la protection de l'écosystème. A. S. Coulibaly: « Où vous ravitaillez-vous en bambou ? N'y a-t-il pas un risque

d'épuisement de l'espèce. Tu as raison, répond celui qui semble être le doyen. Nous allons de plus en plus loin du village nous procurer ces bambous » [1, p. 40].

De plus, en invitant les jeunes à réfléchir sur la confection des lits en bambou et sur les conséquences écologiques de cette pratique, il dépasse le simple cadre scolaire. Il introduit une éducation à la citoyenneté et à l'environnement, liant savoirs traditionnels et conscience moderne. C'est ainsi que l'enseignant transforme sa classe en un espace d'apprentissage vivant, où l'école dialogue avec le village et où la théorie se connecte à la pratique.

Conclusion. Les hommes étant différents, le contact peut sembler inquiétant voire même intimidant. L'altérité est une condition à la bonne cohabitation, pour sa réussite, il est primordial de ne pas adopter une posture condescendante. Le rapport de domination doit faire place à celui de partage et d'enrichissement. Une stratégie consistant à s'appuyer sur les piliers de la société d'accueil en donnant à chacun le respect dû à leur rang s'avère nécessaire pour une intégration réussie.

Références bibliographiques

1. Coulibaly A.S. Notre voie. Éditions Jamana, 2006. 109 p.
2. Courdin, V. Le rôle des femmes dans l'agriculture familiale mémoire soutenu à l'Université Montpellier II. 2008.
3. De Gialdino V. L'interprétation dans la recherche qualitative : problèmes et exigences. *Recherches qualitatives*, 2012. 31(3), 155-187.
4. Koné Y.F. La décentralisation au Ganadougou. Rapportfinal /SH-EHESS. 2002.
5. Lohisse J. Les systèmes de communication : approche soci-anthropologique, Armand Colin. 1998.
6. Mariko N. I. Ciel d'hivernage, Présence Africienne. 2004.
7. Mircea V.L'insertion sociale et professionnelle des jeunes «désengagés». Analyse du programme d'intervention de La Réplique, Observatoire Jeunes et Société. 2002.
8. Ogandaga G. Le respect de l'âge comme caractéristique du management des hommes : existe-t-il un modèle africain de GRH? 2007.
9. Pour une Jeunesse engagée au cœur de la société in www.fage.org consulté le 10/11/2025.
10. Ricoeur P. Soi-même comme un autre, Seuil. 1990.
11. Ruano-Borbalan J.-C. Altérité culture et société », *Encyclopaedia Universalis*, s.d, consulté le 11 novembre. 2025.
12. Saïd E. W. *Orientalism*, Pantheon Books. 1978.
13. Sourang, M., Beaudoin A., Carey-Bélanger É. Implication économique et intégration sociale des femmes bénéficiaires d'une caisse d'épargne et de crédit au Sénégal. *Service social*, 1998. 47(3-4).
14. Todorov T. La conquête de l'Amérique. La question de l'autre, Seuil. 1982.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КРЫМА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА В ДОКУМЕНТАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

THE ETHNOCONFESSIONAL HISTORY OF CRIMEA IN THE LATE 18TH AND EARLY 20TH CENTURIES AS REFLECTED IN PERSONAL DOCUMENTS IN FUNDS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

А.А. Руф

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Россия

A.A. Ruf

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены документы личного происхождения, хранящиеся сегодня в фондах Государственного архива Республики Крым. Проанализированы основные виды таких материалов, определено их историческое развитие и роль в научной реконструкции различных эпизодов насыщенного прошлого Крымского полуострова. Сделан вывод о том, что документы личного происхождения не только являлись важным элементом юридического подтверждения прав и статуса представителей различных конфессий и этнических групп населения. Их можно считать информативным источником сведений о культурной, социальной и исторической жизни Крымского полуострова конца XVIII – начала XX века.

Abstract. The article examines the documents of personal origin that are currently stored in the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. The main types of such materials were analyzed, their historical development and their role in the scientific reconstruction of various episodes of the intense past of the Crimean Peninsula were determined. It is concluded that documents of personal origin were not only an important element of the legal confirmation of the rights and status of representatives of various faiths and ethnic groups of the population. They can be considered an informative source of information about the cultural, social and historical life of the Crimean Peninsula in the late 18th and early 20th centuries.

Ключевые слова: Крым, этнические и конфессиональные группы, документы личного происхождения, метрические книги, справки, свидетельства, документы об образовании

Keywords: Crimea, ethnic and religious groups, documents of personal origin, metric books, certificates of education

Документы личного происхождения являются уникальным, специфическим комплексом, позволяющим осуществить научную реконструкцию многогранного и насыщенного событиями прошлого многих регионов России. Сегодня в Государственном архиве

Республики Крым (ГАРК, г. Симферополь) хранятся разнообразные документы и материалы личного происхождения, которые являются ценным источником для изучения межконфессиональной и полиэтнической ситуации, сложившейся на Крымском полуострове в кон. XVIII – нач. XX в.

Документы личного происхождения можно разделить на следующие основные группы: материалы, относящиеся к биографии, различным эпизодам жизни и деятельности того или иного участника исторических событий; документы, связанные с получением образования; документы о профессиональной (служебной) или политической деятельности; документы, относящиеся к творческой деятельности; письма, дневники, травелоги, мемуары и пр.

Одним из малоисследованных источников такого типа являются записи актов гражданского состояния (АГС). На протяжении исследуемого периода одной из целей российского государства являлось приведение в единую форму системы записей АГС лиц, принадлежавших к разным этносам и конфессиям. Данное стремление обуславливалось наличием отличительных особенностей, присущих каждой из таких групп. В числе прочего, это обуславливалось особенностями вероучения, традиций, обрядов и обычаев, что, в свою очередь, отражалось и при регистрации АГС. Соответственно, документирование фактов рождений, браков и смертей лиц, принадлежащих к любой из этноконфессиональных групп Крыма, имело сходства и различия.

Одним из видов документов, регистрирующих акты гражданского состояния, стали метрические книги. Они представляют собой первичный документ учета населения и являются массовым источником. Вместе с тем, в них содержатся сведения личного характера, проливающие свет на конкретные эпизоды биографии того или иного лица. Метрические книги были обязаны вести представители духовенства различных конфессий, строго в соответствии с действовавшим законодательством. Метрические книги выполняли функцию документного свидетельства, подтверждающего гражданское состояние. Сведения, которые в них содержались, являлись необходимым условием для заключения брака, возведения в чин, для поступления на гражданскую и военную службу, в учебные заведения и т.п. Метрические книги, как правило, существовали в двух экземплярах: первый хранился в церкви, второй – отправлялся в консисторию.

В числе наиболее информативных фондов ГАРК, в которых отложились книги с метрическими записями и другими документами

личного происхождения, необходимо назвать фонды учреждений, созданных в Российской империи по конфессиональному признаку. Так, например, в фонде «Таврическое магометанское духовное правление» (ф. 315, 1549 ед. хр., 1807–1917 гг.) собраны дела, относящиеся к работе этого учреждения (создано для крымских мусульман по указу императрицы Екатерины II от 25 января 1794 г.; фактически свою деятельность осуществляло с 1830-х гг.; было ликвидировано в 1920 г.). ТМДП осуществляло надзор за деятельностью мусульманского духовенства, занималось вопросами строительства и ремонта мечетей, следило за правильностью исполнения мусульманских обрядов, ведения метрических книг, осуществляло надзор за системой вакуфов. Среди наиболее значимых материалов фонда: журналы заседаний правления, дела о межевании вакуфных земель, сведения о вакуфных капиталах, принадлежавших мечетям и медресе, «общественные приговоры» прихожан об избрании имамов, списки представителей мусульманского духовенства (хатипов, имамов, муэдзинов). Также в делах фонда выявлены формуляры о службе представителей мусульманского духовенства, где содержится детальная информация о послужном списке и биографические данные [2, с. 130; 5 с., 223–229].

Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП) осуществляло свою деятельность после подписания соответствующего указа в 1837 г., и являлось центральным органом конфессионального самоуправления всех караимов, проживавших в Российской империи. В тематическом фонде (ф. 241, 2053 ед. хр., 1837–1920 гг.) – более двух тысяч архивных дел, где собрана самая разнообразная информация о работе данного учреждения, а также о повседневной жизни всех караимских общин Российской империи. Прежде всего, это протоколы заседаний самого правления; определения ТОКДП о соблюдении религиозных обрядов; дела о строительстве и заведовании караимскими учебными заведениями начального уровня (мидрашами) и центральным училищем для обучения караимских священнослужителей (газзанов) – Александровским караимским духовным училищем (АКДУ) в Евпатории (1894 г.). Имеются документы о постройке и открытии в разных городах караимских молитвенных домов *кенас*, о созыве съездов караимского духовенства. Значительный пласт сведений касается жизни караимских общин в различных регионах: прежде всего, это метрические книги, справки о выдаче свидетельств о рождении, бракосочетании и смерти караимского населения. Присутствуют сведения о назначении священнослужителей –

караимских газзанов и гахамов, дела о разборе имущественных споров, о заключении и расторжении браков. Ценными документами личного происхождения являются караимские брачные договоры *шетары*, экземпляры которых сохранились в фонда 241 [3, с. 293–301].

Материалы православных духовных правлений, которые были учреждены после присоединения Крыма к России в конце XVIII в., составляют два тематических фонда. Симферопольское духовное правление (ф. 135, 46 ед. хр. за 1799–1857 гг.) открылось в 1794 г., а Перекопское (ф. 134, 103 ед. хр., 1799–1832 гг.) – было учреждено в 1799 г. Оба учреждения являлись низшими инстанциями епархиального управления и суда, и были упразднены в 1857 г. В делах указанных фондов отложились указы Новороссийской духовной консистории о порядке богослужения, о назначении на службу священников (с приведенными в них сведениями биографического характера), данные о церковных приходах, о строительстве церквей, о личном составе православного клира. Присутствует также переписка по бракоразводным делам, разъяснения о запрещении духовенству заниматься торговлей и промыслами [2, с. 130–131].

Основной комплекс метрических книг христианских православных церквей Таврической губернии сосредоточен в ГАРК в фондах отдельных соборов и церквей, однако значительная их часть отложилась в фонде «Коллекция метрических книг соборов, церквей, синагог и мечетей Таврической губернии» (Ф. 142, 1534 ед. хр., 1827–1920 гг.). В нее вошли консисторские экземпляры метрических книг 150 православных церквей. Метрические книги евангелическо-лютеранских церквей хранятся в фондах отдельных кирх. Что касается иудейских общин Крымского полуострова, то метрические книги с записями о рождении, браке, разводе и смерти евреев, караимов и крымчаков находятся в архивах синагог, кенас и крымчакских къяалов (молитвенных домов) городов Бахчисарая, Евпатории, Карасубазара, Керчи, Перекопа, Симферополя, Феодосии и др. [4, с. 11–16].

Карасубазарское армяно-григорианское духовное правление (ф. 828, 11 ед. хр., 1844–1848 гг.) осуществляло руководство деятельностью армяно-григорианских церквей и общин. В делах фонда сохранились протоколы заседаний правления, сведения о численности жителей армяно-григорианского вероисповедания. Духовное правление Алуштинского еврейского молитвенного дома (ф. 662, 3 ед. хр., 1910–1923 гг.) занималось управлением

Алуштинской религиозной еврейской общиной. В делах фонда имеются протоколы собраний прихожан, доверенности на право голосования при избрании членов духовного правления и ревизионной комиссии. Исследовательский интерес представляет метрическая книга записи умерших г. Ялты [2, с. 131].

Документы об образовании, выдававшиеся тем или иным образовательным учреждением лицам, в нем обучавшимся, подтверждали прохождение обучения на определенном уровне и освоенный объем образовательной программы на основании результатов итоговой аттестации. Аттестаты, дипломы и свидетельства об окончании учебного заведения также являются документами личного происхождения, так как содержат информацию о человеке, его образовании и квалификации. Эти виды документов являются основой для трудоустройства, поступления в учебные заведения, получения различных лицензий и сертификатов. Кроме того, они могут быть использованы в исследованиях, например, для изучения истории образования в целом.

В ГАРК подобные материалы сохранились в тематических фондах ряда учебных заведений, надзорных органов и управленческих структур ведомства Министерства просвещения Российской империи. Прежде всего, это фонды начальных школ, училищ, прогимназий, гимназий и других учреждений Таврической губернии различного уровня и предназначения. В их числе следует упомянуть такие, как: фонд «Дирекция народных училищ Таврической губернии» (ф. 100, 2560 ед. хр., 1809–1920 гг.), «Таврический губернский училищный совет» (ф. 103, 90 ед. хр., 1866–1911 гг.), «Евпаторийский уездный училищный совет» (ф. 724, 20 ед. хр., 1864–1915 гг.), «Таврический епархиальный училищный совет» (ф. 419, 99 ед. хр., 1890–1920 гг.), «Инспекция народных училищ Таврической губернии» (ф. 101, 64 ед. хр., 1869–1900 гг.), «Симферопольская татарская учительская школа» (ф. 111, 600 ед. хр., 1872–1919 гг.), «Феодосийский учительский институт» (ф. 515, 11 ед. хр., 1874–1896 гг.), «Евпаторийская мужская казенная гимназия» (ф. 546, 317 ед. хр., 1876–1920 гг.), «Симферопольская мужская казенная гимназия» (ф. 104, 1395 ед. хр., 1838–1920 гг.), «Керченская мужская казенная гимназия» (ф. 440, 153 ед. хр., 1863–1920 гг.), «Евпаторийская женская казенная гимназия» (ф. 725, 163 ед. хр., 1882–1919 гг.) и др. В числе документов, выявленных в делах указанных фондов: протоколы заседаний педагогических, попечительских советов, экзаменационных комиссий, сведения об успеваемости, характеристики и списки учащихся, аттестаты и

свидетельства об окончании гимназий, формулярные списки служащих и учителей и пр. [2, с. 99–112]. В фонде «Симферопольская частная женская гимназия В.А. Станишевской» (ф. 106, 43 ед. хр., 1905–1920 гг.) сохранилось уведомление попечителя Одесского учебного округа об утверждении известного русского писателя К.А. Тренева преподавателем русского языка и педагогики [1, л. 1–15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что документы личного происхождения отличает высокий информационный потенциал в контексте изучения многообразного прошлого Крыма. Они являются ценным источником по изучению истории различных конфессий и этнических групп населения полуострова, их культурной, социальной и повседневной жизни в конце XVIII – начале XX в. Работа с подобными документами ведется в соответствии с правилами организации и хранения, а их комплектование и использование требуют особого подхода и индивидуального рассмотрения.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 106. Оп. 1. Д. 25.
2. Государственный архив Республики Крым. Путеводитель. Часть I: Фонды дореволюционного периода / Гос. архив. служба Республики Крым; ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым»; сост. Р.А. Айрычинская, С.А. Андросов, Г.Л. Кузнецова. Симферополь: Антиквар, 2016. 176 с.
3. Прохоров Д.А. Документирование брачно-семейных отношений в караимской общине Крыма в XIX – начале XX века: традиции и новации // Управление документацией: прошлое, настоящее, будущее: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Т.В. Кузнецовой, Москва, 15–16 сентября 2020 года. М.: Термика, 2021. С. 293–301.
4. Прохоров Д.А. Записи актов гражданского состояния евреев, караимов и крымчаков в фондах Государственного архива Республики Крым // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: судьбоносные события в истории Крыма глазами современников: материалы региональной научно-практической конференции, Симферополь, 14 мая 2025 года. Симферополь: Ариал, 2025. С. 11–16.
5. Хайрединова З.З. Демография крымских татар первой половины XIX века в отражении отчетов начальников Таврической губернии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27, № 1(66). С. 223–229.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ¹

A LOGICAL APPROACH TO SOLVING THE PROBLEM OF THE MEANING OF LIFE

И.Р. Скиба

Институт философии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

I.R. Skiba

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматривается проблема смысла жизни через призму философии, психологии и религии. Проведён сравнительный анализ взглядов Аристотеля, Фридриха Ницше, Альбера Камю, Виктора Франкла и Майкла Стигера, а также религиозных традиций – христианства, ислама и буддизма. Автор показывает, что, несмотря на различие подходов, – от эвдемонизма и абсурдизма до логотерапии и религиозного служения – сам вопрос о смысле жизни остаётся открытым. В центре внимания находится процессуальная природа человеческого существования: жизнь рассматривается как динамика, а не состояние, а смысл – как неотъемлемое свойство самого факта жизни. Особое внимание уделяется философскому парадоксу бессмертия, которое, устраняя смерть, одновременно устраняет и сам смысл жизни. Делается вывод о том, что смысл жизни заключается в её продолжении, а смысл конечной жизни – в стремлении к вечной, в которой, однако, смысл исчезает.

Annotation. The article examines the problem of the meaning of life through the prism of philosophy, psychology and religion. A comparative analysis of the views of Aristotle, Friedrich Nietzsche, Albert Camus, Viktor Frankl and Michael Stiger, as well as religious traditions – Christianity, Islam and Buddhism – is carried out. The author shows that despite the difference in approaches – from eudaimonism and absurdism to logotherapy and religious service – the very question of the meaning of life remains open. The focus is on the procedural nature of human existence: life is seen as a dynamic rather than a state, and meaning is seen as an inherent property of the very fact of life. Special attention is paid to the philosophical paradox of immortality, which, by eliminating death, simultaneously eliminates the very meaning of life. It is concluded that the meaning of life lies in its continuation, and the meaning of finite life is in the pursuit of eternal life, in which, however, the meaning disappears.

Ключевые слова: смысл жизни; философия; психология; религия; Аристотель; Фридрих Ницше; Альбер Камю; Виктор Франкл; Майкл Стигер; эвдемония; абсурдизм; экзистенциализм; бессмертие; жизнь и смерть; динамика существования.

Keywords: the meaning of life; philosophy; psychology; religion; Aristotle; Friedrich Nietzsche; Albert Camus; Victor Frankl; Michael Stieger; eudaimonia; absurdism; existentialism; immortality; life and death; dynamics of existence.

¹ Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г24-041 «Эпистемологические доминанты в контексте стиля мышления социума»

Вопрос о смысле жизни является одной из наиболее распространённых «смысловых червоточин». То есть, таких вопросов, сама структура которых предполагает не наличие ответа, а запуск процесса его формирования. Конечно же, это и создаёт парадокс: вопрос представляется статичным и определённым, а ответ на него динамичен и процессуален.

Вряд-ли возможно процитировать всех тех авторов, которые пытались предложить ответ, который хоть немного «понравится» вопросу: этим занимались со времён «философской колыбели» в Древней Греции и продолжают заниматься в наше время. Однако, как можно заметить, количество ответов и их специфика никак не влияют на «открытость» вопроса, что как раз-таки подтверждает наше изначальное высказывание.

В связи с этим мы приведём выборочный обзор и структурируем его по трём кластерам: философия, психология, религия. От философии будут выступать Аристотель, Фридрих Ницше и Альбер Камю.

– Аристотель считал, что смысл жизни заключается в достижении эвдемонии, что можно перевести как счастье или процветание, через жизнь в соответствии с добродетелью. Его работа «Никомахова этика» подчеркивает, что человеческая «функция» – это рациональная деятельность, направленная на добродетель. Хотя прямой цитаты Аристотеля «Счастье – это смысл и цель жизни» нет, это примерно соответствует общепринятой интерпретации его идей [1].

– Фридрих Ницше утверждал, что в жизни нет врожденного смысла, особенно в контексте нигилизма, и человек должен создавать его сам через действия и преодоление страданий. Его известное высказывание «Жить – значит страдать, выживать – значит найти какой-то смысл в страданиях» отражает эту идею, хотя иногда ее ошибочно приписывают Виктору Франклу. Другое его изречение, «У кого есть почему жить, тот может вынести что угодно», из «Сумерек идолов», подчеркивает значимость личной цели для общего «смысла жизни», по мнению Ницше [2].

– Альбер Камю, рассматривая проблему с точки зрения абсурдизма, видел смысл жизни в борьбе с абсурдом, даже если мир кажется бессмысленным. В своей работе «Миф о Сизифе» он пишет: «Самой борьбы за вершины достаточно, чтобы наполнить сердце человека. Нужно представлять Сизифа счастливым», что указывает на то, что смысл находится в процессе, а не в конечном результате [3].

Психологию представят Виктор Франкл и Майкл Стигер.

– Виктор Франкл, австрийский психолог и невролог, переживший нацистские концлагеря, утверждал, что смысл жизни можно найти через страдания и выбор отношения к обстоятельствам. В своей книге «В поисках смысла» он пишет: «Все можно отнять у человека, кроме одного: последней из человеческих свобод – выбирать свое отношение к любым обстоятельствам, выбирать свой собственный путь». Эта идея Франкла является весьма жизнеутверждающей, ведь, согласно ей: даже в самых тяжелых условиях человек может найти некий смысл [4].

– Современный нам психолог Майкл Стигер разработал «Опросник смысла жизни», который разделяет смысл на наличие смысла (чувство значимости, цели и ценности жизни) и поиск смысла (активные усилия понять свою цель). Его работа фокусируется на том, как эти аспекты связаны с психологическим благополучием, особенно у хронически больных пациентов (что, к слову, перекликается с идеями как Франкла, так и всех тех исследователей, которые утверждали целесообразность поиска «смысла в страдании» или «через страдание») [5].

Религиозная перспектива представлена, соответственно, христианством (ввиду наличия наиболее чёткой позиции по нашей проблематике – протестантизмом), исламом и буддизмом.

– В христианской традиции, согласно Вестминстерскому катехизису, смысл жизни заключается в возвеличивании Бога и некоем «счастье в единении с Ним». Цитата: «Главной целью человека является прославление Бога и наслаждение Им вечно». Этот документ, принятый в 1647 году, отражает восприятие протестантской теологии применительно к вопросу о смысле жизни [6].

– В исламе смысл жизни заключается в поклонении Аллаху и жизни в соответствии с Его волей, как указано в Коране: «Я не создал джиннов и людей, кроме как для поклонения Мне» [7].

– В буддизме смысл жизни заключается в достижении просветления и освобождении от страданий через следование Восьмеричному пути. Будда учил: «Я учу только одному: страданиям и их прекращению», что отражает цель преодоления дуккхи (страдания) [8].

Собственно, здесь можно также добавить, что зачастую полагается, что «смысл жизни у каждого свой», а потому и перечислять его варианты не представляется нам целесообразным. Поэтому перейдём непосредственно к основной части работы.

Подготовка и обоснование. Попробуем сформулировать ответ

с учётом обозначенных особенностей вопроса. И для начала несколько определимся с используемыми понятиями: смысл и жизнь.

«Смысл», в контексте данного вопроса и ему подобных, представляет собой наиболее характерную и базовую абстракцию некоего феномена. Иными словами, смысл – это наиболее значимая характеристика отдельно взятого объекта, обладающая критическим значением для идентификации и классификации этого объекта.

Пример. Вопросы: «в чём смысл фильма?» или «в чём смысл книги?» требуют для закрытия некоего лаконичного высказывания, эксплицирующего ключевую идею произведения. Допустим: «смысл фильма в том, что предательство неминуемо ведёт к поражению» или «смысл книги в том, что чем меньше деталей в плане, тем его проще реализовать». Но вот с жизнью несколько иначе – она не является объектом.

Понятие «жизнь» имеет определение в биологии, характеризующее через множество атрибутов: единство химического состава, наличие генетического кода, способность к размножению, гомеостаз, раздражимость и так далее. Однако мы можем трактовать «жизнь» как в более широком, так и в более узком смысле. Например, «всякий живой человек жив, но не всё живое живёт жизнью человека». Поэтому жизнь мы оставим на уровне общеупотребительного целесообразного термина с интуитивно понятным значением и применительно в первую очередь к человеку (но и ко «всему живому» также). Стоит заметить, что, исключая человека, ни одно другое живое существо ещё не додумалось до такого гениального занятия, как поиск фиксированного статического значения в динамически развёртывающемся процессе.

Итак, вопрос звучит следующим образом: «В чём смысл жизни?». А жизнь представляет собой именно процесс, а не состояние. Следовательно, от процессуального рассмотрения целесообразно и отталкиваться. К слову, состояние в данном случае будет – «живой/живое», а вопрос не звучит как «В чём смысл быть живым?». Наиболее же ключевым свойством всякого процесса является именно динамика, то есть – развёртывание, продолжение, течение и так далее – без этого мы имеем дело с объектом, то есть со статическим образованием. Полагаем необходимым указать на то, что в данном контексте (пока что) наш подход перекликается со тенденциозной основой Камю.

Решение. Итак, основываясь на вышесказанном, выведем решение. Смысл жизни человека заключается в том, чтобы оставаться в живом состоянии, так как это единственный определяющий фактор

для того, чтобы сам вопрос о «смысле жизни» не терял целесообразности – мёртвые, соответственно, не задают вопросов. Ведь жизнь и смерть – это как раз-таки не спектр, а именно бинарная оппозиция. То есть, если некоторый объект не «обладает жизнью», то он однозначно мёртв и сам вопрос для него невозможен и нецелесообразен – «не имеет смысла».

В этом случае не имеет значения «борьба» (как у Камю) или «бездействие» (как в некоторых восточных традициях) предлагаются к «выполнению», ведь при том условии, что «борющийся» или «бездействующий» жив – смысл есть априори. Если несколько развить эту логическую цепочку, то получится, что вообще нет никакой разницы, что именно «делать», ведь единственным значимым фактором является именно сама «жизнь». Чуть проще: смысл жизни совершенно одинаков и для «властелина мира», и для «учёного», и для «слесаря на заводе». А всеми теми «рационализациями», которыми люди (властелин/учёный/слесарь) время от времени пытаются закрыть для себя вопрос о «смысле жизни», можно смело пренебречь, ведь в них как раз-таки смысла нет никакого, в отличие от наличия самой потенциальной возможности формировать эти самые рационализации – именно в этом и заключается смысл. По крайней мере так, если исходить непосредственно из структуры изначального вопроса. Здесь можно сказать, что подобный подход вполне непринуждённо экстраполируется на жизнь вообще, а не только на человеческую жизнь. И это в определённом смысле правомерное замечание. Однако, на чём уже делался акцент ранее, «вся остальная жизнь» не задаёт «беотийских» вопросов, а потому и объяснять приходится именно человеку.

Таким образом, смысл жизни – в жизненном процессе. Не в биологическом продолжении рода, а именно в развёртывании самого процесса «пребывания живым» для конкретного живого существа. Вердикт: *«смысл жизни в том, чтобы оставаться живым»* или, если пойти от противного, то *«смысл жизни в том, чтобы не умереть»*.

Последствия. Итак, мы определили, что смысл жизни заключается в том, чтобы «не умереть». Это наше высказывание может быть воспринято в духе Камю, как «борьба со смертью». И подобный унифицированный для любой «живой твари» смысл жизни представляется вполне привлекательным и даже весьма понятным «невооружённому мозгу». Можно было бы даже утверждать «по-Витгенштейновски», что «вопрос закрыт». Однако, закрыт он или нет – неважно, ведь в любом случае мы его сейчас откроем заново, причём в несколько нестандартном виде.

Попробуем переформулировать: «смысл жизни в том, чтобы не умереть», следовательно, «смысл жизни в преодолении смерти», а значит «смысл жизни в вечном продолжении данного процесса, то есть в полном отсутствии смерти – в бессмертии». Звучит тоже довольно «жизнеутверждающе» и даже несколько «красиво». Более того, подобная формулировка выглядит очень даже «логично», ведь высказывание «смысл жизни в бессмертии» – представляется непротиворечивой даже просто на интуитивном уровне.

Мысленный эксперимент «В чём смысл вечной жизни?»

«Теперь представим, в качестве мысленного эксперимента, что мы (человечество) уже достигли бессмертия – то есть «научились» не умирать от старости, от болезней и прочих типичных проблем нашего времени. В общем – «живём вечно» и являемся бессмертными. По сути: мы переформулировали смысл в виде цели и достигли этой цели, в данном случае – бессмертия, как синтеза смысла и цели любой жизни.

В рамках нашего мысленного эксперимента уже, соответственно, будучи бессмертными, попробуем ещё раз задать наш изначальный вопрос: «В чём смысл жизни?», а точнее теперь «В чём смысл вечной жизни?» Можно было бы попробовать ответить так, как и раньше, сказав, что «Смысл жизни в том, чтобы не умереть». Но напомним, что мы и так уже «неумираемые». Можно сформулировать от противного, но с сохранением всех остальных аспектов изначального вопроса, то есть: «Смысл вечной жизни в поиске смерти». Это уже похоже на корректный ответ, но есть одна проблема. Получается, что обычный живой человек, став вечно живым, теперь хочет вернуться обратно – стать смертным. И несмотря на то, что подобный ответ в целом корректен, нам он представляется несколько «бессмысленным» потому, что в этом случае не вполне понятно зачем нам достигать бессмертия, если после его достижения мы станем хотеть иметь возможность умереть. И так как типичные рационализированные ответы на вопрос о смысле жизни нам представляются неудовлетворительными в любом случае (неважно – для смертного или бессмертного), так как они (как у Франкла, так и у Ницше с Камю) сводятся к «свиному экзистенциализму», в рамках которого «все свиньи думают: то, что меня не убивает, делает меня вкуснее». То единственным случаем полного и абсолютного отсутствия смысла в жизни является его объективация и достижение, то есть реализация этого смысла – бессмертие, ведёт к нивелированию изначального вопроса. И это так потому, что вечная жизнь разрушает изначальную бинарную

оппозицию жизнь/смерть. То есть, по сути, больше нет ни жизни, ни смерти – не с чем сравнивать. А потому и сам вопрос лишён смысла.

Таким образом, резюмируем: вечная жизнь не имеет смысла и является единственным случаем полного отсутствия смысла в жизни. А смысл жизни скоротечной (нашей) также вполне определен и представляет собой именно отсутствие возможности умереть, то есть – смысл жизни конечной в жизни вечной. Аккумулируем: смысл конечной жизни – вечная жизнь, а смысла вечной жизни – нет вообще. А теперь абстрагируем всё вышесказанное: смысл жизни заключается в стремлении к самоуничтожению. По крайней мере – это логично следует из изначального вопроса. Смысл жизни заключается в её продолжении, а смысл конечной жизни – в стремлении к вечной, в которой, однако, смысл исчезает

Библиографический список

1. Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. В.П. Кузьмина. М.: Мысль, 1983. 384 с.
2. Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / пер. с нем. А. Б. Михайлова. М.: Мысль, 1990. 208 с.
3. Камю А. Миф о Сизифе: Эссе об абсурде / пер. с фр. Н.М. Немчиновой. М.: АСТ, 2013. 224 с.
4. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / В. Франкл; пер. с нем. Г.С. Миронова. М.: Прогресс, 1990. 160 с.
5. Steger M.F., Frazier P., Oishi S., & Kaler M. The Meaning in Life Questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life / M.F. Steger [et al.] // Journal of Counseling Psychology. 2006. Vol. 53, No. 1. P. 80-93.
6. Вестминстерский краткий катехизис / пер. с англ. М.: Библейско-богословская семинария, 2001. 32 с.
7. Коран / пер. с араб. Э. Р. Кулиева. М.: Умма, 2002. 607 с. Сура 51, аят 56.
8. Будда. Трипитака: Канон Палийского канона / пер. с пали. М.: Восточная литература, 2010. 1200 с.

РАЗДЕЛ V. ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ И ПРОФИЛАКТИКА КСЕНОФОБИИ, ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ПОЧЕМУ ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА НЕ СТАНОВЯТСЯ СООБЩЕСТВАМИ БЕЗОПАСНОСТИ?

WHY URBAN COMMUNITIES DO NOT EVOLVE INTO COMMUNITIES OF SAFETY?

В.Н. Сергеев

Университет гражданской защиты, г. Минск, Республика Беларусь

V.N. Sergeev

University of Civil Protection, Minsk, Republic Belarus

Аннотация. В статье анализируются причины, по которым городские сообщества, несмотря на высокую материальную взаимозависимость, не формируют устойчивых практик коллективной безопасности. На основе теоретических моделей коллективного действия (Hardin; Olson), институционального изоморфизма (Meyer & Rowan) и морального отчуждения (Bandura) показано, что инфраструктурная общность многоквартирных домов вступает в противоречие с анонимностью и фрагментацией социальных связей. Эмпирические данные опроса жителей Московского района г. Минска подтверждают наличие дефицита ответственности, слабой кооперации и разрыва между нормативными требованиями и реальными практиками. Делается вывод о необходимости механизмов, связывающих индивидуальные стратегии с коллективными интересами городской безопасности.

Abstract. The article examines why urban communities, despite their high degree of material interdependence, fail to develop stable practices of collective safety. Drawing on theoretical models of collective action (Hardin; Olson), institutional isomorphism (Meyer & Rowan), and moral disengagement (Bandura), the study demonstrates that the infrastructural interconnectedness of multi-unit residential buildings is in tension with the anonymity and fragmentation of social ties. Empirical data from a survey conducted among residents of the Moskovsky District of Minsk confirm the presence of diffused responsibility, weak cooperation, and a pronounced gap between formal regulatory requirements and actual practices. The analysis highlights the need for mechanisms that align individual strategies with collective interests in the context of urban safety.

Ключевые слова: культура безопасности, городская агломерация, коллективное действие, общие ресурсы, институциональный изоморфизм, моральное отчуждение, инфраструктурная взаимозависимость, социальная фрагментация, восприятие риска, ответственность, городские сообщества, безопасность жизнедеятельности.

Keywords: safety culture, urban agglomeration, collective action, common resources, institutional isomorphism, moral disengagement, infrastructural interdependence, social fragmentation, risk perception, responsibility, urban communities, life safety.

Введение. В научном и организационном дискурсе понятие «культура безопасности»¹ оформилось в рамках исследований человеческого фактора и надёжности сложных систем, активизировавшихся после Чернобыльской катастрофы [1], [2]. В трактовке Э. Шейна культура понимается как система допущений, ценностей и артефактов, направляющих поведение организации [3]; соответственно, культура безопасности обозначает не столько совокупность регламентов, сколько систему разделяемых норм и представлений об ответственности и допустимом уровне риска. В последующих исследованиях [1], [2] культура безопасности интерпретировалась как институционализируемая совокупность практик и моделей поведения, обеспечивающих согласованное функционирование группы. Подходы, ориентированные на менеджмент безопасности [4] и концепцию инженерии устойчивости (resilience engineering) [5], [6], подчёркивают значимость обучаемости и адаптивности в условиях системной неопределённости. В прикладных исследованиях культура безопасности рассматривается как многоуровневая структура убеждений, норм и действий, охватывающая психологическое, поведенческое и корпоративное измерения [7].

В рамках этой теоретической линии анализ нормативных и научных определений феномена позволяет выделить устойчивую дихотомию её индивидуальной и коллективной трактовок. Индивидуальная перспектива соотносится с нормативными документами, согласно которым культура безопасности отражает уровень подготовки и мотивацию к соблюдению норм безопасного поведения². Она включает знание рисков, способность прогнозировать опасные ситуации и готовность действовать в условиях угрозы. В этой логике она выступает как результат обучения и практического опыта – «навык безопасной жизни», опирающийся на персональную ответственность [3], [4].

Коллективная трактовка акцентирует социально-нормативные основания безопасности и понимает её как продукт социальной

¹ В данной работе понятия «культура безопасности» и «культура безопасности жизнедеятельности» используются как синонимы.

² ГОСТ Р 22.3.07-2014. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Культура безопасности жизнедеятельности. Общие положения. Москва: Стандартинформ.

организации, включающий формальные регламенты, распределение ответственности и согласованные практики взаимодействия [1], [2]. В исследованиях устойчивых систем подчеркивается, что безопасность обеспечивается не только технической надежностью, но и качеством социальных связей [5], [7]. В этом смысле культура безопасности может быть охарактеризована как способность социальной системы интегрировать индивидуальные практики в согласованный механизм обеспечения безопасности.

Ограничения индивидуального подхода. Современные практики формирования культуры безопасности вне высокорегулируемых техногенных систем (АЭС, опасные производства и т.п.) в значительной степени опираются на индивидуально-ориентированную модель, восходящую к педагогической парадигме обучения безопасному поведению. Центральное место занимают инструктажи, тренинги, лекции и иные формы образования, предполагающие, что рост информированности и дисциплины индивида приведёт к снижению числа инцидентов. Такая логика поддерживает доминирование надзорно-контрольных мер и сосредоточение внимания на действиях отдельного гражданина.

Однако в условиях городской агломерации подобная модель сталкивается с рядом практических ограничений. Во-первых, отсутствует возможность валидной атрибуции причинности: снижение аварийности трудно связать именно с обучающими мероприятиями, поскольку на уровень безопасности влияют иные переменные. Во-вторых, масштаб городских сообществ затрудняет фиксацию эффекта: социальная неоднородность, подвижность населения и различия в доступе к ресурсам «размывают» влияние образовательных интервенций. В-третьих, временной разрыв между обучением и ситуацией применения навыков снижает надёжность оценки изменений. Наконец, проблема измерения остаётся нерешённой: тесты фиксируют знание норм, но не позволяют прогнозировать поведение; прямое наблюдение невозможно в масштабах агломерации.

С теоретической точки зрения индивидуально-ориентированный подход отличается некоторым редукционизмом. Он абстрагируется от институциональных и социокультурных факторов, определяющих поведение в реальном городском контексте. В то же время исследования культуры безопасности показывают, что осведомлённость о рисках сама по себе не гарантирует безопасного поведения, поскольку действия индивидов опосредованы групповыми нормами, распределением ответственности и взаимодействием в

коллективе [1], [2]. Кроме того, разрыв между знанием и действием отражает влияние культурных установок, эмоциональных реакций и многочисленных ситуационных факторов [5], [7].

Таким образом, индивидуальный подход, хотя и значим для формирования компетенций, оказывается методологически и концептуально недостаточным для анализа и управления безопасностью в городской среде. Его применение требует обязательного дополнения анализом материальных условий городской среды.

Структурный профиль городской среды. Высокая степень материальной интеграции. Современная городская агломерация представляет собой пространство высокой плотности и структурной взаимозависимости, в котором безопасность приобретает коллективный характер. В отличие от индивидуальной застройки, где границы риска совпадают с границами частного участка, многоквартирный дом функционирует как «сообщество общей судьбы»: жизнь и здоровье его жителей определяются не их социальной идентичностью, а общей инфраструктурной средой, подверженной единым угрозам.

Согласно стандартам¹, многоквартирный жилой дом рассматривается как единая система, включающая внутридомовые устройства общего пользования - лифты, вентиляцию, мусоропроводы, противопожарные системы и т.п. Состояние этих систем определяет риски для всех жителей, что придаёт культуре безопасности в городской среде характер коллективного поведенческого отклика на совместное проживание в условиях общей инфраструктурной уязвимости.

Материальная конфигурация современного жилья (высокая плотность, вертикальная организация пространства, интегрированность инженерных сетей) формирует объективную взаимозависимость сотен человек в пределах одного здания. Индивидуальная дисциплина не обеспечивает полной защиты, т. к. безопасность индивида зависит от поведения соседей и исправности общих систем. Данная взаимозависимость образует структурный фундамент культуры безопасности как формы кооперации,

¹ СТБ 1154-99. Жилище. Основные положения. - Минск: Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, 1999; СН 3.02.01-2019. Жилые здания. - Минск: Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, 2023; ТКП 45-3.01-117-2008. Градостроительство. Районы усадебного жилищного строительства. Нормы планировки и застройки. Минск: Минстройархитектуры РБ, 2018; ТКП 45-3.02-324-2018 (33020). Жилые здания повышенной этажности. Правила проектирования. Минск: Минстройархитектуры РБ, 2018.

встроенной в материальное окружение. Белорусские нормативные документы институционализируют коллективную ответственность за обеспечение безопасности, где безопасность рассматривается как базовая потребительская характеристика жилья. Нормативная база закрепляет распределение обязанностей между управляющими организациями, товариществами собственников и органами государственного надзора в вопросах технического состояния инженерных систем, противопожарных установок и придомовой территории. Юридическая стандартизация таким образом обеспечивает материально-техническую интеграцию жилого дома и формирует формальную основу коллективной безопасности.

Социальная разобщенность. Социальная структура урбанистического пространства демонстрирует тенденцию к росту анонимности и индивидуализации: в пределах одного жилого комплекса могут сосуществовать сотни семей, объединённых общей инженерной инфраструктурой, но лишённых устойчивых форм социальной связанности. Масштаб и плотность городской застройки приводят к тому, что пространственная близость не конвертируется в социальную общность. Многоквартирный дом, являясь по нормам единым объектом эксплуатации и безопасности, фактически функционирует как совокупность автономных домохозяйств с минимальной коммуникацией между ними. Возникает парадокс: чем выше степень технической интеграции, тем слабее ощущение коллективной принадлежности.

В крупных агломерациях жители редко воспринимают себя как «сообщество риска». Формальные структуры и институты не компенсируют отсутствие межличностной идентификации. Исследования городской социологии показывают, что при превышении порога приблизительно 150–200 человек взаимное узнавание резко снижается, а социальные связи приобретают функциональный и кратковременный характер [8], [9]. В жилых комплексах, объединяющих сотни квартир, это приводит к ослаблению механизмов доверия и взаимопомощи, тогда как системы безопасности нормативно основаны на идее коллективного поведения. Оповещение, эвакуация и общественный контроль при таком уровне анонимности оказываются институционально предусмотренными, но социально не укоренёнными. Даже технологические средства – видеонаблюдение, домофонные системы – обеспечивают лишь функциональную, но не социально воспроизводимую безопасность, опирающуюся на контроль, а не на доверие.

Дополнительным фактором выступает высокая социальная

гетерогенность городского населения – различия в возрастных, экономических, профессиональных и ценностных характеристиках. По наблюдению Энтони Гидденса, урбанизация формирует «чистые отношения», основанные на временной функциональной взаимности, а не на устойчивой принадлежности [10]. Городское пространство становится ареной пересечения индивидуальных траекторий, тогда как коллективные формы жизни, обеспечивавшие воспроизводство норм безопасности, оказываются фрагментированными. В отличие от сельских или малых локальных сообществ, где безопасность поддерживается взаимным наблюдением и участием, в городской среде она редуцируется до административных инструкций.

Методологическая рамка и дизайн исследования. Феномен социальной разобщённости при высокой степени материальной связности городской жилой среды требует объяснения, выходящего за пределы описательной урбанистики. Его можно аналитически интерпретировать через ряд теоретических моделей, позволяющих показать, каким образом инфраструктурная взаимозависимость не трансформируется в социальную солидарность, и почему коллективная безопасность оказывается затруднена в условиях высокой анонимности.

Эмпирическая часть исследования опирается на результаты опроса жителей многоквартирных домов, проведённого в январе 2025 года в Московском районе г. Минска. Целью исследования было выявление представлений горожан о рисках повседневной жизнедеятельности, отношении к коллективной ответственности за безопасность, уровне доверия к соседям и восприятию роли управляющих организаций. Опрос служил эмпирической основой для анализа тезиса о социальной разобщённости при высокой материальной интеграции городской жилой среды.

Дизайн исследования. Исследование было организовано в формате стандартизированного онлайн-опроса, включающего закрытые и полукрытые вопросы. Анкета была разработана таким образом, чтобы фиксировать как когнитивные элементы восприятия риска (осведомлённость, оценка вероятности событий), так и нормативно-ценностные установки (отношение к коллективной ответственности, доверие к институтам), а также практические аспекты поведения (готовность к действиям, знание правил и процедур).

Методологическая конструкция опроса позволила сопоставить индивидуальные представления о безопасности с объективной структурой инфраструктурной взаимозависимости, характерной для

многоквартирных домов. Это обеспечило связь между теоретическими моделями коллективного действия и реальными установками жителей городской агломерации.

Выборка. Объем выборки составил 237 респондентов. Выборка носила целевой характер и репрезентировала типичных жителей многоквартирных домов крупного городского района.

Социально-демографическая структура выборки включала:

- респондентов различных возрастных групп (от молодых взрослых до пожилых),
- лиц с разным типом занятости (работающие, студенты, пенсионеры),
- респондентов, проживающих как в собственном жилье, так и на условиях аренды,
- домохозяйства с различным уровнем образования и профессионального статуса.

Такой состав выборки позволяет фиксировать гетерогенность городской среды и проводить интерпретацию данных в контексте социальной неоднородности, характерной для крупных жилых комплексов.

Структура опросника. Анкета включала 62 вопроса, сгруппированных в пять аналитических блоков.

1. Осведомлённость и восприятие рисков. Респонденты оценивали вероятность различных угроз (пожар, аварии водоснабжения и электросети, бытовой травматизм, экологические риски, криминогенные угрозы, транспортные риски и т.п.). Блок позволял выявить субъективную карту рисков, ассоциируемых с жизнью в многоквартирном доме.

2. Коллективная ответственность и взаимодействие. Вопросы были направлены на изучение распределения ответственности между жильцами, управляющими организациями и государственными структурами; ожиданий от соседей в вопросах соблюдения правил; готовности респондентов участвовать в коллективных мерах безопасности; оценки качества коммуникации внутри дома. Этот блок позволял оценивать степень социальной связанности и наличие (или отсутствие) механизмов кооперации.

3. Доверие к соседям и институтам. Респонденты оценивали доверие к соседям, управляющим компаниям, государственным службам (МЧС, ЖЭС), воспринимаемую справедливость распределения ответственности. Данные позволяли сопоставить теоретические модели социальной разобщённости с эмпирическим уровнем доверия.

4. Поведенческие установки и практическая готовность (готовность действовать в условиях чрезвычайной ситуации, соблюдение бытовых правил безопасности, отношение к профилактическим мероприятиям). Этот блок фиксировал разрыв между знанием и действием, характерный для городских сообществ.

5. Осведомлённость о порядке компенсаций (знают ли они порядок получения компенсации после пожара, обладают ли страховкой и т.п.). Блок позволял выявить степень правовой грамотности и понимания того, что необходимо делать после инцидента.

Объединённый набор включал 237 наблюдений и 62 переменные, что обеспечивает достаточный аналитический объём для выявления устойчивых тенденций в отношении восприятия рисков, доверия и коллективной ответственности.

Теоретические модели и их эмпирическая верификации. Модель Гаррета Хардина описывает структурное противоречие между индивидуальной и коллективной рациональностью при использовании общего ресурса. Индивид, исходя из собственных интересов, принимает решения, которые приносят ему непосредственную выгоду, тогда как издержки распределяются на всех участников группы. В результате совокупность индивидуально рациональных действий приводит к ухудшению состояния общего ресурса. Эта логика применима к городскому жилью: лестничные клетки, коридоры, инженерные системы и эвакуационные пути представляют собой зоны коллективного пользования, но решения о их эксплуатации принимаются каждым жителем автономно. Структура многоквартирного дома порождает именно тот тип взаимодействия, при котором индивидуальная рациональность (удобство, экономия времени, минимизация личных затрат) систематически вступает в конфликт с коллективной (снижение рисков, поддержание общего порядка и безопасности) [11, р. 1244].

Данные опроса подтверждают структурный механизм, описанный Хардином. На вопрос о состоянии ключевых рисков 59 % респондентов указали на высокую вероятность аварий инженерных сетей (прежде всего электропроводки и водоснабжения), а 42 % оценили пожар как одну из наиболее актуальных угроз. Эти оценки отражают восприятие уязвимости именно тех зон, которые подпадают под общую ответственность жильцов: неисправности инфраструктуры, перегрузка электросети, нарушения правил эксплуатации общих систем. При этом большинство респондентов (68 %) считают, что за последствия инцидентов в доме прежде всего

должна отвечать управляющая организация, а не сами жильцы. Подобное распределение ответственности усиливает эффект «общинного ресурса»: индивидуальные выгоды (например, использование общего коридора для хранения личных вещей, нарушение правил эксплуатации приборов) ощущаются как личные, тогда как потенциальный ущерб «распределяется» на коллектив.

Хардин подчёркивал, что апелляции к совести не устраняют проблему: «совестливые откажутся от пользования ресурсом, бессовестные – будут использовать его всё активнее» [11, р. 1247]. Эмпирические данные свидетельствуют о схожем механизме: 47% респондентов считают, что их соседи не соблюдают базовые правила эксплуатации общих зон; лишь 22% выражают уверенность в обратном. Следовательно, даже если часть жителей стремится к соблюдению норм, отсутствие уверенности в поведении других формирует поведенческую стратегию минимизации собственных затрат – то есть рациональное бездействие.

Модель Мансура Олсона [12] объясняет, почему даже группы, объединённые объективно общими интересами, сталкиваются с трудностями коллективного действия. В её основе также лежит противоречие между индивидуальной рациональностью и коллективной выгодой: если благо имеет характер общего доступа, у каждого участника возникает стимул не участвовать в его производстве, поскольку выгода будет получена независимо от личного вклада. В больших группах этот механизм усиливается, так как вклад отдельного участника становится статистически незаметным, а эффект «безбилетника» становится нормой.

Данные опроса демонстрируют действие описанного механизма в городской жилой среде. Большинство респондентов (68%) считают, что за пожарную безопасность дома в первую очередь отвечает управляющая организация, тогда как обязанность жильцов признают лишь 21%. Участие в коллективных мероприятиях по безопасности подтвердили только 14% опрошенных. Такое распределение ответов указывает на недопроизводство коллективного блага: ответственность воспринимается как внешняя, а собственный вклад – как незначимый или необязательный. В результате минимальный уровень безопасности поддерживается усилиями небольшой группы активных жителей, тогда как остальные выступают пассивными пользователями инфраструктуры.

В логике Олсона преодоление этого парадокса возможно лишь при наличии селективных стимулов – поощрений или санкций, которые доступны только участникам коллективных действий.

Модель институционального изоморфизма, предложенная Джоном Мейером и Брайаном Роуэном [13], описывает ситуацию, при которой формальные структуры создаются не для повышения эффективности, а для соответствия институциональным ожиданиям. Организации используют «правильные» формы (правила, стандарты) поскольку они обеспечивают легитимность (позволяют пройти проверку). Однако на уровне практики эти структуры часто функционируют номинально, будучи отделены (decoupling) от повседневной деятельности.

Применительно к городской жилой среде это проявляется в том, что многоквартирные дома обладают нормативной инфраструктурой, в значительной мере соответствующей правилам пожарной безопасности и иным предписаниям. Формально такие элементы создают видимость управляемости и соответствия требованиям безопасности.

Эмпирические данные подтверждают разрыв между нормативной формой и практикой. Согласно опросу лишь 27% уверены, что зоны общего пользования поддерживаются в надлежащем состоянии, тогда как 54% оценивают их как проблемные или ненадёжные. При этом 72% считают, что ответственность за техническое состояние дома лежит на управляющей организации, что дополнительно снижает мотивацию к участию в поддержании общего порядка.

Такое сочетание формального наличия правил и отсутствия практического исполнения иллюстрирует классический механизм отделения. Стандарты существуют на уровне документации, но не интегрированы в повседневные действия жителей и управляющих организаций. Наличие формальных предписаний выполняет легитимирующую функцию: создаёт образ «правильного» управления, но не обеспечивает снижение рисков.

В этой логике городской дом становится примером институционального изоморфизма: нормативные требования поддерживаются потому, что этого требует институциональная среда (закон, надзор и т.п.), а не потому, что они реально изменяют практики безопасности (и кому-то нужны на самом деле).

Модель морального отчуждения, разработанная Альбертом Бандурой [14], объясняет, каким образом индивиды могут нарушать коллективные нормы или уклоняться от обязанностей, сохраняя при этом позитивный образ себя. В условиях анонимных и фрагментированных систем, к которым относится и современный городской многоквартирный дом, моральное отчуждение выступает

механизмом, позволяющим обходить внутренние моральные ограничения и перекладывать ответственность на внешние силы.

В логике Бандуры моральное отчуждение действует через несколько ключевых механизмов:

- оправдание поведения («у меня нет возможности этим заниматься»),
- смещение ответственности («за это отвечает управляющая организация»),
- диффузия ответственности («мой вклад ничего не изменит»),
- минимизация последствий («вероятность инцидента очень мала»),
- дистанция от других участников («я не знаю этих людей, это не мои проблемы»).

Эмпирические результаты опроса демонстрируют присутствие таких механизмов в городской среде. Так, 68% респондентов считают, что ответственность за пожарную и техническую безопасность дома несёт управляющая организация, а не сами жильцы. Это отражает смещение и диффузию ответственности, когда обязанность трактуется как внешняя и институциональная, а не как совместная.

Механизм минимизации последствий также проявляется в данных: несмотря на то, что 59% оценивают вероятность аварий инженерных сетей как высокую, готовность участвовать в коллективных мерах безопасности подтверждают лишь 14% респондентов. Подобное несоответствие указывает на то, что угроза допускается на уровне знания, но нейтрализуется на уровне действий, что типично для процессов морального отчуждения.

Анонимность городской среды усиливает эффект моральной дистанции. Исследование показало, что 47% респондентов не уверены, что соседи соблюдают правила эксплуатации общих зон, при этом 42% признают отсутствие устойчивых связей в доме. В условиях, когда большинство жителей не знает друг друга лично, вред от бездействия становится абстрактным, а потенциальные пострадавшие – обезличенными. Это снижает мотивацию к соблюдению норм и укрепляет установку «это не моя ответственность».

В совокупности данные подтверждают, что моральное отчуждение является ключевым психологическим механизмом, препятствующим возникновению коллективной культуры безопасности в городской агломерации. Даже при осознании рисков жители склонны воспринимать безопасность как внешнюю услугу, а не как сферу собственной ответственности.

Заключение. Анализ городской жилой среды показывает, что многоквартирный дом представляет собой систему высокой материальной взаимозависимости, но низкой социальной связанности. Инфраструктура объединяет жителей в единое пространство, однако социальные связи, доверие и механизмы кооперации остаются фрагментарными. Это создаёт структурное противоречие между общностью рисков и индивидуализированным восприятием ответственности.

Рассмотренные теоретические модели позволяют объяснить природу данного разрыва. Модель Хардина демонстрирует, что индивидуально рациональные решения в отношении общего ресурса приводят к коллективно невыгодным результатам. Логика Олсона показывает, что в больших группах возникает хронический дефицит участия: большинство респондентов возлагает обязанности на управляющие организации и демонстрирует низкую готовность к коллективным действиям. Модель Мейера и Роуэна выявляет расхождение между нормативной структурой и фактическими практиками безопасности: формальные правила существуют, но не интегрированы в повседневное поведение жителей. Механизмы морального отчуждения, описанные Бандурой, объясняют, почему даже осознание рисков не приводит к действиям: ответственность смещается вовне, последствия субъективно минимизируются, а анонимность снижает чувствительность к коллективным издержкам.

Объединение теоретических моделей и эмпирических данных указывает на системную природу дефицита коллективной безопасности в городской агломерации. Материальная интеграция не превращается в социальную солидарность. Следовательно, развитие культуры безопасности в городской среде требует механизмов, способных связывать индивидуальные стратегии с коллективными интересами, преодолевать институциональные разрывы и снижать эффект анонимности.

Библиографический список

1. Pidgeon, N. (1998). Safety culture: Key theoretical issues. *Work & Stress*, 12(3), 202–216.
2. Guldenmund, F. (2000). The nature of safety culture: A review of theory and research. *Safety Science*, 34(1), 215–257.
3. Schein, E. H. (1992). *Organizational Culture and Leadership*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
4. Crutchfield, N., & Roughton, J. (2014). *Developing an Effective Safety Management System*. Waltham: Elsevier.
5. Shirali, G. A., Shekari, M., & Angali, K. A. (2016). Quantitative assessment of resilience safety culture using principal components analysis and numerical taxonomy. *Journal of Loss Prevention in the Process Industries*, 43, 168–177.
6. Hollnagel, E., Woods, D. D., & Leveson, N. (Eds.) (2007). *Resilience*

Engineering: Concepts and Precepts. Aldershot: Ashgate Publishing.

7. Zou, P. X. W. (2011). Fostering safety culture in construction. *Leadership and Management in Engineering*, 11(1), 11–22.

8. Goffman, E. (1963). *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. New York: Free Press.

9. Lofland, L. H. (1998). *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Social Territory*. New York: Aldine de Gruyter.

10. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press.

11. Hardin, G. (1968). The Tragedy of the Commons. *Science*, 162(3859), 1243–1248.

12. Olson, M. (1965). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

13. Meyer, J. W., & Rowan, B. (1977). Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, 83(2), 340–363.

14. Bandura, A. (1999). Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, 3(3), 193–209.

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА ДЛЯ ОЦЕНКИ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)¹

TEXT MINING APPROACH FOR ASSESSING REGIONAL CONFLICT POTENTIAL: A CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF ADYGEA

М.В. Донцова

Южный научный центр РАН, Краснодар, Россия

М.М. Медведев, А.А. Сергеев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

M.V. Dontsova

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences, Krasnodar, Russia

M.M. Medvedev, A.A. Sergeev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье описаны возможности применения интеллектуального анализа текста (Text Mining) для оценки конфликтогенного потенциала региона на основе данных региональных СМИ. Разработанный

¹ Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Конфликт-менеджмент и обеспечение устойчивой этнополитической стабильности на геостратегическом «Большом Юге России» (Южный и Северно-Кавказский макрорегионы) в условиях глобальных трансформаций» в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2025 г. (00-25-08, номер госрегистрации 125011200140-3, шифр FMRE-2025-0055).

подход интегрирует методы компьютерной лингвистики, тематического моделирования и визуальной аналитики в целостный методический аппарат.

Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов новостного портала «АиФ Адыгея» за 2025 год (2413 статей). Результаты анализа демонстрируют низкий общий уровень конфликтности медиапространства: общее число сообщений конфликтного характера составляет 11,8% от общей численности сообщений, включенных в анализ. Средний уровень конфликтности составляет 0,5 пунктов, что свидетельствует о преобладании нейтрального и позитивного контента. При этом выявлена значительная вариативность конфликтности с максимальной концентрацией в эпизодических остросюжетных сообщениях. Потенциал конфликтных сообщений составляет 4,14 пункта, что указывает на умеренный уровень напряженности в проблемном сегменте контента.

Качественный анализ выявил отсутствие в топе сообщений, связанных с межнациональной напряженностью и конфликтами. Конфликтогенный потенциал региона формируется за счет сообщений криминогенного характера. Этнический фактор как источник конфликтности проявляется в единичных случаях.

Разработанный аналитический дашборд обеспечивает многоуровневое представление результатов, включая агрегированные показатели, тематические распределения, временные ряды и пространственные визуализации.

Abstract. The article presents a methodology for using text mining to assess the conflict potential of a region based on data from regional media. The developed approach integrates computational linguistics, topic modeling, and visual analytics into a unified analytical framework.

The empirical basis of the study comprises a corpus of texts from the 'AIF Adygea' news portal for 2025 (2,413 articles). The analysis results demonstrate a low overall level of conflict in the media space: conflict-related messages account for 11.8% of the total corpus. The average conflict level of 0.5 points indicates a predominance of neutral and positive content. At the same time, significant variability in conflict levels was observed, with peak concentrations found in individual high-tension messages. The conflict potential score for conflict-related messages is 4.14 points, indicating a moderate level of tension in this specific content segment.

Qualitative analysis identified no significant presence of interethnic tension or conflict-related content among dominant themes. The region's conflict potential is largely attributable to criminal discourse, with ethnic factors playing only a minor role.

The implemented analytical dashboard enables multi-level data exploration through aggregate indicators, thematic distributions, chronological patterns, and geospatial representations

Ключевые слова: интеллектуальный анализ текста, конфликтогенный потенциал, медиапространство, социальная напряженность, Республика Адыгея.

Keywords: Text Mining, conflict potential, media space, social tension, Republic of Adygea

В современной информационной среде региональные средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного мнения и отражают социально-политические

процессы на местном уровне. Оперативное выявление признаков социальной напряженности в медиадискурсе требует применения автоматизированных методов анализа больших объемов текстовых данных. Интеллектуальный анализ текста (Text Mining) представляет собой эффективный инструментарий для решения данной задачи, позволяя за короткое время выявлять проблемный контент в медиапространстве региона.

Комплексное применение методов интеллектуального анализа текста в региональной конфликтологии только набирает обороты. На практике специалисты часто ограничиваются лишь анализом тональности или частотными характеристиками контента, не учитывая многоаспектность конфликтного дискурса. Между тем современные языки программирования (например, R и Python) со встроенными в них функциями анализа нечисловой информации позволяют проводить исследования с дизайном любой сложности.

Среди проблем применения интеллектуального анализа текста в конфликтологических исследованиях можно особо выделить вопросы адаптации существующих алгоритмов к специфике русскоязычного регионального медиапространства, анализа медиа на языке национальных меньшинств России, а также разработки специализированных словарей ключевых слов. Решение этих проблем является предметом дискуссий и требует привлечения экспертного сообщества.

В качестве новейших практических примеров применения методов интеллектуального анализа текста в конфликтологических исследованиях можно привести работу Л.Е. Алексеева, А.Э. Самохвалова, Е.Р. Смолиной [1], в которой данные методы применялись для выявления элементов информационного противоборства. Авторами применялись технологии машинного обучения для идентификации нужного контента на заранее размеченном и обученном датасете. Комплексные методы интеллектуального анализа текста принялись в исследовании В.И. Васильева, А.М. Вульфина, Н.В. Кучкаровой [2], которое было направлено на решение задач обработки естественного языка в области кибербезопасности. Похожие методы использовались также для решения задач обеспечения информационной безопасности [4] и защиты от телефонного мошенничества [3]. Таким образом, практики и методы применения интеллектуальных систем в сфере конфликтологической экспертизы и безопасности в российской науке активно развивается.

Целью данного исследования является разработка методологии

применения интеллектуального анализа текста для оценки конфликтогенного потенциала региона на основе данных региональных СМИ с использованием практики идентификации конфликтных кейсов.

Методологическая основа исследования включает методы интеллектуального анализа текста, компьютерной лингвистики, статистического анализа данных и контент-анализа. Эмпирическую базу составляют текстовые материалы региональных СМИ, собранные с применением автоматизированных методов веб-скрейпинга, в частности специализированных библиотек Python: Pandas для работы с структурированными данными, Matplotlib и NumPy для визуализации и математических операций, а также модулей re и Collections для лингвистического анализа. Методологическим основанием исследования выступает положение о том, что частота резонансных инцидентов служит ключевым индикатором для оценки динамики социальной напряженности. Значение данного индикатора не является константой и подвержено колебаниям во времени, обусловленным воздействием разнородных внешних и внутренних факторов. Предложенная методология обеспечивает комплексный подход к анализу текстовых корпусов и визуализации результатов, сочетая количественные методы компьютерной лингвистики с качественной интерпретацией в рамках конфликтологического подхода.

В качестве методов комплексного интеллектуального анализа текста выступили:

- частотный анализ и TF-IDF для выявления значимой лексики;
- тематическое моделирование (Latent Dirichlet Allocation) для кластеризации контента;
- анализ тональности на основе словарных методов;
- временные ряды для анализа динамики конфликтности;
- географический анализ распределения конфликтных нарративов.

Комплексный анализ данных осуществляется поэтапно по модульному принципу. Модуль конфликтологического анализа (ConflictAnalyzer) осуществляет верифицированную оценку конфликтогенного потенциала на основе специализированного лингвистического словаря, включающий взвешенные коэффициенты значимости ключевых слов. Модуль тематического моделирования (TopicAnalyzer) реализует процедуру латентно-семантического анализа методом LDA (Latent Dirichlet Allocation), обеспечивая идентификацию и интерпретацию тематических структур корпуса.

Модуль временного анализа (TemporalAnalyzer) предназначен для выявления трендов посредством использования методов временных рядов и сезонной декомпозиции. Модуль пространственного анализа (SpatialAnalyzer) обеспечивает географическую локализацию нарративов через идентификацию топонимов.

Эмпирическая база. Нами были собраны тексты 2413 новостных сообщений о событиях в Республике Адыгея с официального сайта издания «Аргументы и Факты Адыгея» (<https://adigea.aif.ru/>) за период с 01.01.2025 по 28.10.2025. Сбор данных осуществлялся при помощи автоматизированного скрипта-парсера, разработанного на языке программирования Python с использованием специализированных библиотек для веб-скрейпинга и обработки структурированных данных. Основу методики составило применение инструмента Selenium WebDriver, обеспечивающего эмуляцию поведения пользователя в веб-браузере Google Chrome в headless-режиме. Процедура сбора данных включала несколько этапов.

На первом этапе осуществлялась навигация к целевому разделу новостей региона с последующей программной активацией элемента интерфейса «Загрузить ещё» для получения полного архива публикаций. Алгоритм прекращал подгрузку при достижении одного из трёх условий: заданного лимита статей, указанной конечной даты или многократного отсутствия новых материалов после последовательных кликов.

На втором этапе – извлечения метаданных и контента, применялись методы анализа DOM-структуры страниц с использованием CSS-селекторов. Для каждого материала фиксировались следующие параметры: заголовок, дата публикации, автор, лид-абзац, основной текст, рубрика, ключевые слова и URL изображения.

Собранные данные последовательно накапливались в структуре DataFrame библиотеки Pandas с промежуточным сохранением результатов в формате xlsx. Верификация данных осуществлялась путём сравнения дублирующих полей – заголовков в списке и на странице статьи, а также перекрёстной проверки дат через различные источники в метатегах и видимых элементах страницы.

На третьем этапе осуществлялась загрузка и предварительная обработка данных, включающая преобразование временных меток и фильтрацию статей. Ключевым элементом методологии стало создание тезауруса конфликтогенной лексики, состоящего из 35 ключевых слов и словосочетаний, распределённых по трём уровням значимости с весовыми коэффициентами от 1 до 3 баллов. Наиболее

высокий вес присваивался терминам, непосредственно обозначающим открытые формы противостояния («конфликт», «столкновение», «противостояние», «коррупция», «дискриминация», «международный конфликт»), тогда как слова с более общим значением («риск», «сложность», «спор») получали меньший вес.

Для анализа текстового контента была разработана функция вычисления индекса конфликтного потенциала, основанная на алгоритме морфологического поиска с использованием регулярных выражений. Для каждой статьи рассчитывался интегральный показатель конфликтности как сумма произведений частотности ключевых слов на их весовые коэффициенты, а также формировался детализированный профиль использования конфликтной лексики.

Визуализация результатов осуществлялась посредством создания комплексного аналитического дашборда, включавшего пять взаимодополняющих компонентов:

- гистограмма временного распределения демонстрирует динамику конфликтного потенциала по месяцам, акцентируя внимание на периодах социальной напряжённости;

- статистическая панель предоставляет агрегированные показатели: общий и средний баллы конфликтности, максимальные значения и соотношение статей с выявленными конфликтогенными элементами;

- горизонтальная барчарт-диаграмма визуализирует тематическую структуру конфликтов через ранжирование наиболее частых ключевых слов;

- линейный график отражает кумулятивную динамику изменения социальной напряжённости.

Завершающим элементом является диаграмма, классифицирующая конфликты по шести тематическим кластерам (в зависимости от встречающихся в текстах терминов из тезауруса): социальная сфера, политика, экономика, правоохранительная система, международные отношения и общие конфликты. Результаты анализа представлены на рис. 1.

Полученные количественные индикаторы позволяют не только оценить текущее состояние социальной среды региона, но и выявить латентные тенденции, потенциально способные привести к эскалации напряжённости в различных сферах общественной жизни.

Рисунок 1. Dashboard результатов анализа конфликтного потенциала региона по данным новостных сообщений портала «АиФ Адыгея» (n=2413)

Результаты. Число сообщений конфликтного характера составляет 11,8% от общей численности сообщений, включенных в анализ. Максимальная концентрация конфликтного контента в одной статье составила 19 пунктов (отдельные остросюжетные сообщения), однако средний уровень составляет 0,5 пунктов, что указывает на низкий уровень конфликтности, т.е. преобладание нейтрального/позитивного контента. Потенциал конфликтных сообщений составляет $1181 / 285 \approx 4,14$, что указывает на умеренный уровень напряженности (4.14).

Результаты также указывают на отсутствие в топе сообщений, связанных с межнациональной напряженностью и конфликтами. Проблемы, связанные с исторической памятью, не затрагиваются. Конфликтотенный потенциал региона формируется исключительно за счет активности криминальных групп (категория «правоохранительная система»), т.е. этнический фактор как источник конфликтности не проявляется. Наибольшее число сообщений о конфликтах географически относится к г. Майкопу, что коррелирует с его статусом административного центра. Подавляющее

число сообщений относятся к криминальной тематике («преступления», «незаконные»).

Таким образом, медиапространство Республики Адыгея по данным новостного портала «АиФ Адыгея» характеризуется низким уровнем конфликтности с концентрацией проблематики в ограниченном сегменте контента.

Библиографический список

1. Алексеев Л.Е. Система интеллектуального анализа текстов и выявления элементов информационного противоборства / Л. Е. Алексеев, А. Э. Самохвалов, Е. Р. Смолина // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. 2024. № 2. С. 58-72. DOI 10.28995/2686-679X-2024-2-58-72. EDN DZNGWL.

2. Васильев В.И. Тематическое моделирование и суммаризация текстов в области кибербезопасности / В. И. Васильев, А. М. Вульфин, Н. В. Кучкарова // Вопросы кибербезопасности. 2023. № 2(54). С. 2-22. DOI 10.21681/2311-3456-2023-2-2-22. EDN UEGSER.

3. Применение методов тематического моделирования в задачах распознавания темы текста для обнаружения телефонного мошенничества / Е.С. Плешакова, С.Т. Гатауллин, А.В. Осипов [и др.] // Программные системы и вычислительные методы. 2022. № 3. С. 14-27. DOI 10.7256/2454-0714.2022.3.38770. EDN RPLSLQ.

4. Романов А.С. Методология идентификации автора текста для решения задач информационной безопасности / А. С. Романов // Вопросы кибербезопасности. 2024. № 3(61). С. 120-128. DOI 10.21681/2311-3456-2024-3-120-128. EDN IMCNB.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ И ПУТИ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

INTER-ETHNIC CONFLICTS IN THE REPUBLIC OF MALI AND WAYS TO RESOLVING THEM

Усман Кулибали

Высшая Нормальная Школа, Бамако, Мали

Ousmane Coulibaly

Higher Normal School, Bamako, Mali

Аннотация. В статье рассматриваются межэтнические конфликты в Республике Мали. Анализируются различные типы конфликтов, основные причины их порождения и пути урегулирования. Особое внимание уделяется этническому составу населения. На материалах качественного исследования среди представителей народностей фульбе и догонов проводится анализ причин и механизмов разрешения конфликтов. Сделан вывод, что конфликты в Бадиагаре в первую очередь обусловлены борьбой за природные ресурсы, усугубляемой ухудшением состояния окружающей среды, нанесением ущерба посевам скотом и ростом населения. Для преодоления сложившихся проблем предпочтение отдается применению традиционных механизмов урегулирования конфликтов, включая инклюзивный диалог и поддержку со стороны государственных институтов.

Abstract. This article examines interethnic conflicts in the Republic of Mali. It analyzes various types of conflicts, their main causes, and resolution strategies. Particular attention is paid to the ethnic composition of the population. Using qualitative research among representatives of the Fulani and Dogon peoples, it analyzes the causes and mechanisms of conflict resolution. It concludes that conflicts in Badiagara are primarily driven by competition for natural resources, exacerbated by environmental degradation, crop damage by livestock, and population growth. To overcome these challenges, preference is given to the use of traditional conflict resolution mechanisms, including inclusive dialogue and support from state institutions.

Ключевые слова: Мали, межэтнические конфликты, этническое разнообразие, традиционные механизмы, институциональные механизмы, кастомное правосудие, урегулирование конфликтов, устойчивый мир.

Keywords: Mali, interethnic conflicts, ethnic diversity, traditional mechanisms, institutional mechanisms, customary justice, conflict resolution, sustainable peace.

Введение. Мали, большая и многоэтническая страна в Западной Африке, имеет сложную историю, где исторические, социальные и политические факторы сформировали её национальную идентичность. С момента обретения независимости в 1960 г. Мали сталкивается с множеством вызовов, связанных с управлением этническим разнообразием, представленным множеством групп, таких как бамбара, туареги, фульбе, догон и многие другие.

Этот социокультурный контекст, богатый, но вместе с тем хрупкий, характеризуется напряжённостью, усугубляемой неравенством в развитии, конфликтами за доступ к ресурсам и постоянной политической нестабильностью. Первые туарегские восстания в 1960-х гг. уже свидетельствуют о затяжном недовольстве, вызванном маргинализацией отдельных групп.

Понимание межэтнических конфликтов в Мали важно, так как это не просто этнические столкновения, а отражение глубоких проблем, связанных с управлением, колониальной историей, социальной несправедливостью и борьбой за природные ресурсы. Эти конфликты имеют драматические последствия для мира, безопасности и развития страны и требуют адекватных и инклюзивных ответных мер для строительства прочного мира.

Этническое разнообразие. В стране насчитываются более тридцати этнических групп, отличающихся друг от друга по языку, традициям, культуре и образу жизни. Они в основном делятся на арабо-берберские народности севера и субсахарские народы юга. Почти 40% населения (38,7%) принадлежат к большой этнической группе мандинго; большую часть составляет Бамбара (25%), Сенуфо (12,2%), Сонгай (8,9%), Сонинке (8,8%), Бозо (4,6%), Кассонке

(1,3%), Ганадугу (0,8%), Дунгома (0,7%), Джула, (0,5%), Фулани (0,5%) и т.д. Другие менее важные этнические группы составляют Фулани (8%), Фульбе (8%), Малинке (7,9%), Догонь (5,5%), туареги Тамашек (2,8%), туареги Тамажак (2,1%), Белые мавры (2,8%), Бобо (1,5%), Тукулеры (1,4%), южно-сахарские арабы (1,3%), Бедуин (0,9%), Итаксахак (0,8%), Уассулу (0,4%), Сиаму (0,1%), Кангоро (0,2%), Мосси (0,2%), Марка (0,2%), Уолоф (0,3%) и т.д.

Этническое разделение подтверждается и в разделении труда. Бамбара, Догон и Сенуфо, как правило, являются крестьянами; Бозо – рыбаками; Соннинке, Джула и Малинке – традиционными торговцами. Они составляют основную часть городского населения; Туареги, Фулани и Мавры (берберы) – кочевники, в основном являются скотоводами. Эти этнические группы сосуществовали на протяжении веков, часто в отношениях экономического, социального и культурного обмена. Однако, несмотря на культурное богатство, это сосуществование характеризуется воспринимаемыми неравенствами и историческими соперничествами, которые порождают межобщинные напряженности.

Типы этнических конфликтов. Конфликт – это социальная ситуация, в которой взаимозависимые акторы преследуют разные цели, отстаивают противоречивые ценности, имеют расходящиеся или противоположные интересы либо одновременно и конкурентно стремятся к одной и той же цели.

Конфликты могут иметь разную природу, включая использование этнической принадлежности в корыстных целях, борьбу за власть и земельные споры, которые часто усугубляются внешними факторами, что оказывает глубокое влияние на стабильность страны.

а) *Межэтнические и межобщинные столкновения* – включают акты насилия между различными этническими группами, такими как фульбе и догон, нередко подогреваемые политической инструментализацией и участием вооружённых формирований.

б) *Инструментализация этнических групп* – это использование этнической принадлежности в качестве инструмента политическими лидерами или внешними участниками для достижения целей власти. Классическим примером является туарегское восстание, где некоторые этнические группы были использованы в борьбе за контроль над территорией и ресурсами.

в) *Внутрисемейные и внутриплеменные конфликты* – это локальные разногласия, связанные с наследственными, земельно-владельческими или социальными вопросами: они менее

масштабные, но значимые на уровне общин.

г) *Борьба за земли и природные ресурсы*: Соперничество за пахотные земли, пастбища и воду является одной из основных причин конфликтов. Сельские районы, особенно в центральной и северной частях страны, регулярно сталкиваются с конфликтами между кочевыми скотоводами (фульбе) и оседлыми земледельцами (догон, бамбара), обострёнными из-за изменения климата и дефицита ресурсов.

д) *Вооружённые конфликты*: С 2012 г. Мали переживает вооружённое восстание на севере, в котором участвуют туарегские независимые группы (MNLA) и джихадисты (GSIM, аффилированные с Аль-Каидой), сражающиеся против малийского государства. Эти вооружённые конфликты сопровождаются атаками на силы безопасности и гражданское население, террористическими актами, особенно в стратегических зонах, таких как Кидаль, Гао и Менака. Небезопасность распространилась и в центральные районы, где этнические вооружённые группы ведут столкновения.

Причины этнических конфликтов: а) *Исторические причины*. Причины этнических конфликтов в Мали уходят в прошлое на несколько десятилетий, и связаны с колонизацией, древними соперничествами и устойчивой политической напряжённостью. Уже в эпоху французской колонизации (конец XIX – начало XX века) власти ввели политику, которая благоприятствовала определённым этническим группам, в частности туарегам, которых считали «благородными» и «более светлыми» по сравнению с другими африканскими чёрными народами. Такая привилегия вызвала зависть и чувство исключённости у других групп. После обретения независимости в 1960 году последовательные правительства Мали испытывали трудности с полной интеграцией туарегов, которые начали ощущать маргинализацию. Первое туарегское восстание произошло уже в 1962 г. и было жестоко подавлено, что вынудило многих туарегов бежать в Ливию или Алжир. Одновременно существуют давние этнические конфликты, особенно между кочевниками-скотоводами (пель) и земледельцами (догон), связанные с конкуренцией за земли и природные ресурсы. Эти соперничества усилились вследствие засух 1970–80-х гг., которые усугубили борьбу за пастбища и возделываемые земли.

С 1990-х гг. в Мали происходили несколько волн туарегских восстаний, каждая из которых была вызвана требованиями, связанными с идентичностью, территориальными и политическими вопросами. Крах государственной власти на севере страны начиная с

2012 г. позволил джихадистским группам, которые иногда использовали этнические конфликты, закрепиться в регионе. С тех пор наблюдается рост межэтнического насилия в центральных районах Мали, подогреваемого такими факторами, как этническая инструментализация вооружёнными актёрами, взаимные обвинения между сообществами и слабость государства.

б) Социально-экономические причины причины межэтнических конфликтов в Мали глубоки и многообразны.

Маргинализация многих общин, особенно в центральных и северных регионах, является ключевым фактором. Население, часто удалённое от центров принятия решений, лишено доступа к инфраструктуре, базовым социальным услугам (образование, здравоохранение) и экономическим возможностям, что порождает ощущение исключённости.

Интенсивная конкуренция за природные ресурсы, такие как сельскохозяйственные земли, вода и пастбища, особенно между кочевыми скотоводами (пель) и оседлыми земледельцами (догон), усугубляется последствиями изменения климата, сокращением доступности ресурсов, усилением засух и перемещением населения. Земельные споры часты и сложноразрешимы из-за отсутствия эффективного регулирования.

Неравномерное развитие, характеризующееся повсеместной бедностью, высоким уровнем безработицы, особенно среди молодежи, а также плохим управлением с коррупцией и безнаказанностью, подпитывает фрустрации. Эти экономические трудности способствуют возникновению вооружённых и радикальных групп, которые используют этнические напряженности для вербовки и расширения своего влияния.

Наконец, отсутствие или слабое присутствие государства с часто неэффективными местными институтами препятствует мирному урегулированию конфликтов и защите уязвимых групп. Незаконная экономическая деятельность, такая как торговля оружием и наркотиками, также усиливает конфликты, предоставляя вооруженным группам финансовые ресурсы.

Пути урегулирования конфликтов: Мали – это страна с древней цивилизацией и традиционными ценностями, основанными на этническом и культурном многообразии. Общество, построенное на принципах достоинства, уважения, диалога, терпимости, гостеприимства и ненасилия, на протяжении веков обеспечивало мирное сосуществование и гармонию между общинами. В Мали конфликты урегулируются различными методами на разных уровнях.

а) *Традиционные механизмы.* В Мали традиционные механизмы разрешения межэтнических конфликтов опираются на глубоко укоренившиеся социально-культурные институты, такие как роль главы семьи или патриарха, старейшин и традиционных религиозных авторитетов (имамы, марбуты и т.п.). Местные структуры, такие как «тогуна» у догонов, «кади» на севере и «джо» у бамбара, обеспечивают посредничество и предотвращение конфликтов. Эти механизмы также опираются на традиционные пакты о ненападении, шуточные союзы между этническими группами и межпоколенческие союзы для поддержания мира. Собрания под деревом палавер, проводимые старейшией деревни, продолжают играть ключевую роль в качестве местных трибуналов, решения которых зачастую пользуются большим уважением, чем решения административных органов.

б) *Институциональные механизмы.* Институциональные механизмы включают консультационные структуры как межмалийский диалог ради мира и примирения, региональные комитеты мониторинга и координации, состоящие из представителей государства, религиозных деятелей, женщин, молодежи и социальных групп, таких как гриоты. Эти местные органы стремятся предотвращать и урегулировать конфликты, периодически собирая заинтересованные стороны для диалога и переговоров по взаимоприемлемым решениям. В последние годы Мали переходит к гибриднему подходу, сочетающему традиционные местные механизмы с государственными институтами для устойчивого укрепления мира. Этот гибридный метод поддерживается международными организациями и правительством Мали в целях восстановления общественного договора и доверия между общинами и государством.

Таким образом, предотвращение и урегулирование конфликтов в Мали опирается на сочетание исконных традиций, основанных на диалоге, толерантности и ненасилии, и современных институтов, стремящихся к скоординированной интеграции различных заинтересованных сторон для достижения прочного мира.

Материалы и методология исследования. Материалы, использованные при написании данной статьи, в первую очередь включают отчеты исследователей и международных организаций, интернет-ресурсы, а также этнографические и исторические данные из вторичных источников. Кроме того, в исследовании использовался смешанный подход, сочетающий интервью с 40 местными заинтересованными сторонами (традиционными вождями, членами

общинного ополчения, молодежью и ветеранами) и структурированный опрос, проведенный среди репрезентативной выборки из 100 жителей Бадиагары (50 представителей народности фульбе и 50 представителей народности догон). Сбор данных был сосредоточен на предполагаемых причинах, частоте инцидентов, вовлеченных заинтересованных сторонах и доверии к традиционным и институциональным механизмам разрешения конфликтов. Статистический анализ включал описательные методы и тесты на разницу пропорций для подтверждения согласованности.

Результаты и обсуждения. 78% респондентов считают, что причины конфликтов носят исторический характер, подчеркивая давние споры, связанные с землепользованием, скотоводческими коридорами и конкуренцией за ресурсы. 65% опрошенных считают, что причины носят социально-экономический характер и связаны с высоким уровнем безработицы и нехваткой сельскохозяйственных земель как отягчающими факторами. 52% считают, что религиозные различия – ислам для фулани и анимизм или местный ислам для догонов – подпитывают взаимное недоверие. Наконец, 83% считают, что причины связаны с безопасностью, ссылаясь на последствия вторжений джихадистских группировок и вооруженных формирований, которые привели к повышенному чувству незащищенности (85%). Что касается частоты и интенсивности инцидентов за последние 12 месяцев, 27% респондентов были свидетелями или жертвами насильственных столкновений между фулани и догонами, при этом 14% сообщили о гибели людей. Большинство случаев насилия (58%) связаны с репрессиями или нападениями на отдельные деревни различной степени тяжести. Что касается субъектов и механизмов, основными действующими лицами являются лидеры общин (72%) и традиционные или вооружённые формирования (69%).

Более 70% респондентов выражают ограниченное доверие к формальным судебным механизмам, предпочитая традиционное разрешение споров или вмешательство традиционных вождей (81%).

Исследование показывает, что конфликты в Бадиагаре в первую очередь обусловлены борьбой за природные ресурсы (пахотные земли и пастбища), усугубляемой ухудшением состояния окружающей среды и ростом населения. Нанесение ущерба посевам скотом является одним из основных поводов для разногласий, порождая глубокую напряжённость.

Растущее влияние вооружённых группировок в регионе усугубляет обстановку нестабильности, усиливая недоверие и

провоцируя череду репрессий. Однако, обе общины отдают приоритет использованию традиционных механизмов урегулирования конфликтов.

Заключение и рекомендации. Межэтнические конфликты в Мали являются результатом сложного взаимодействия исторических, социально-экономических и связанных с безопасностью факторов, усугубляемых слабостью государства и присутствием вооружённых группировок. Использование традиционных методов разрешения конфликтов (медиация, кастомное правосудие) по-прежнему критически важно, но должно быть интегрировано в систему инклюзивного диалога и поддержки со стороны государственных институтов для снижения уровня насилия. Содействие комплексным проектам местного развития и экономической стабильности также имеет решающее значение для смягчения долгосрочной напряжённости.

Библиографический список

1. Афробарометр, «Несмотря на кризис безопасности, малийцы сохраняют единство», 2024.
https://www.afrobarometer.org/wpcontent/uploads/2024/09/AD864_Maliens-restent-soudes-par-un-lien-fort_Afrobarometer_24sept24.pdf
2. Багайоко Н. и Конне Ф.Р. Традиционные механизмы управления конфликтами в Африке к югу от Сахары. Центр FrancoPaix, Оттава. 2017.
3. Кулибали Х. Государственный кризис и территории кризиса в Мали, Echogéo, Париж, L'Harmattan, 2013 г.
4. Лойпрехт К. и Роузберри. Политическая демография конфликта в Мали, Центр FrancoPaix, Оттава, 2018 г.
5. Мбонабусуа Ж-Б. Этническая принадлежность и этнический конфликт: теоретические подходы, Техасский университет, 1998 г.
6. Шарбонно Б. Мали: проблемы разрешения конфликтов, Канадский журнал африканских исследований, 2019 г.
7. Amnesty International, «Мали: Этнический конфликт и массовые убийства мирных жителей», 2021
<https://www.amnesty.org/fr/wpcontent/uploads/sites/8/2021/06/afr370081994fr.pdf>
8. Human Rights Watch, «Вооруженный конфликт в Мали и его последствия», 2017.
https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/malicompendium0217fr.pdf

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ БЕЛАРУСИ В ВОПРОСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, КАК БАЗИСА ВОЕННО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1991-1994 гг.)

FORMATION OF FOREIGN POLICY STRATEGIES OF BELARUS IN MATTERS OF NATIONAL SECURITY, AS A BASIS FOR MILITARY-EDUCATIONAL POLICY (1991-1994)

А.В. Миронюк

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск,
Республика Беларусь

A.V. Mironyuk

Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные аспекты формирования внешней политики молодой суверенной Республики Беларусь через призму разработки и реализации внешнеполитической стратегии белорусского государства, являющейся фундаментальной основой дальнейшего формирования и развития военно-образовательной политики государства. Рассматриваемый вопрос охватывает короткий временной отрезок, период парламентской республики, от 1991 до 1994 гг. В это время Республика Беларусь проходила процесс международного признания, выхода на международную арену как независимого государства, а также расширения активности на международной арене с учетом нового государственно-политического статуса.

Abstract. This article examines the conceptual aspects of the foreign policy of the young sovereign Republic of Belarus through the prism of the development and implementation of the Belarusian state's foreign policy strategy, which forms the fundamental basis for the further formation and development of the state's military and educational policy. The issue under consideration covers a short period of time, the period of the parliamentary republic, from 1991 to 1994. During this time, the Republic of Belarus was undergoing the process of international recognition, entering the international arena as an independent state, and expanding its activity in the international arena in light of its new state and political status.

Ключевые слова: конституция, военная доктрина, концепция, законодательные акты, система безопасности, национальная безопасность, военная угроза, оборона, правительство, вооруженные силы.

Keywords: constitution, military doctrine, concept, legislation, security system, national security, military threat, defense, government, armed forces.

Составной частью национальной безопасности является военная безопасность, которая определяется как состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз. Беларусь обеспечивает свою военную безопасность исходя из принципов оборонной достаточности и стратегического сдерживания

потенциальной агрессии, отдавая приоритет невоенным средствам [1, с. 33]. При этом важнейшей задачей, решаемой государством в интересах обеспечения военной безопасности, является подготовка страны к обороне. В соответствии со статьей 1 главы 1 Закона Республики Беларусь «Об обороне» от 3 ноября 1992 г. под обороной понимается система правовых, политических, экономических, военных, социальных и иных мер, обеспечивающих военную безопасность страны [2].

Систему официально принятых в Республике Беларусь взглядов на обеспечение военной безопасности определяет Военная доктрина, которая в военной политике государства занимает особое положение. Она одновременно является и составной частью проводимой военной политики, и ее научно-теоретическим обоснованием. Военная доктрина рассматривается в качестве национальной декларации о политике государства в области военной безопасности и служит основным источником правовых отношений, научно-теоретической и методической базой защиты и реализации национальных интересов, в том числе формирования кадровой военно-образовательной политики, а также определения объема планируемых защитных мероприятий для населения и организаций при ведении военных действий или вследствие этих действий.

Принятие военной доктрины – объективный и закономерный процесс для любого государства. Первый нормативный правовой акт данного рода в нашей стране был утвержден 16 декабря 1992 г. Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь «О введении в действие Военной доктрины» [3]. Ее концептуальной основой стала утвердившаяся в годы перестройки идеология «нового мышления», отрицавшая использование силовых средств для достижения политических целей и утверждавшая приоритет общечеловеческих интересов над классовыми, национальными и государственными. Военная доктрина 1992 г. имела сугубо оборонительный характер и была направлена на недопущение войны с опорой на упрочение государственной и международной безопасности. Значительную часть ее содержания составляли антивоенные положения, связанные с такими задачами, как разоружение, вывод стратегических ядерных сил, сокращение численности личного состава, вооружения и военной техники. Так, в статье 2 постановления указывалось, что в соответствии с Договором об обычных вооруженных силах в Европе, исходя из принципа разумной достаточности, количество военнослужащих в республике должно быть сокращено к 1995 г. до 100 тыс. человек. Закрепленная в

ней концепция вооруженного нейтралитета означала готовность Республики Беларусь защищать свой нейтралитет при помощи вооруженной силы. Доктрина также декларировала отсутствие у Беларуси потенциальных врагов и предусматривала проведение самостоятельной внешней политики [4, с. 15-24].

Военно-политическая сторона Военной доктрины была представлена концепциями предотвращения войны и пресечения агрессии. Под предотвращением войны подразумевались пути и способы ликвидации предпосылок к возникновению войны: решение спорных вопросов путем политического диалога; неприменение военной силы и укрепление роли ООН в решении проблем коллективной безопасности; взаимодействие с заинтересованными государствами по созданию «безъядерного пояса» от Балтийского до Черного моря; исключение территории республики из планов войн других государств; неучастие в военных конфликтах между другими государствами, не санкционированных ООН; отказ в предоставлении своей территории для войск и военных баз других государств.

Концепция пресечения агрессии предусматривала меры экономического и дипломатического характера, направленные на принуждение государства-агрессора к отказу от подготовки к военному вторжению на территорию республики [5, с. 178-181]. Она включала разрыв экономических связей, дипломатических отношений, участие в демонстрациях и блокадах в составе Вооруженных Сил ООН. Частью этой концепции был принцип применения силы в ответных действиях в целях пресечения нарушения воздушного пространства республики и применения Вооруженных Сил в случае агрессии, когда все другие, невоенные, меры окажутся недостаточными [4, с. 15-24].

Принятие Военной доктрины Республики Беларусь стало важным шагом в разработке основ оборонной и внешней политики: дана характеристика геостратегического положения страны, определены статус и порядок применения стратегических ядерных сил Российской Федерации, временно размещенных на территории Беларуси. Доктрина декларировала отсутствие у Беларуси потенциальных противников, предусматривала проведение самостоятельной внешней политики, закрепляла концепцию сдерживания и активной обороны.

С учетом того, что военная политика представляет собой продолжение внешне- и внутривластного курса государства, а белорусская модель развития начала концептуально оформляться лишь во второй половине 1990-х гг., возникла необходимость

пересмотра этого документа. Министр обороны генерал-полковник Л. Мальцев отметил: «Военная доктрина 1992 г. отставала от жизни и не отражала адекватной системы оперативно-стратегического применения Вооруженных Сил, которую необходимо было создавать в 90-е годы» [6, с. 81]. Новая доктрина была принята в 2002 г.

Параллельно с разработкой военной доктрины в Верховном совете и правительстве шла работа над утверждением концептуальных основ внешней политики. Во второй половине 1992 г. в Министерстве иностранных дел Республики Беларусь разработали проект Концепции внешнеполитической деятельности Республики Беларусь, который ориентировал белорусскую дипломатию на «закрепление в международном сообществе восприятия Беларуси как действительно независимого государства, которое обретает реальный суверенитет, и с этой целью стремится к ускорению интеграции в мировые хозяйственные связи, участию в международных экономических и валютно-финансовых организациях, демонстрирует возрастание активности и динамичности внешней политики, выступает как государство центрально-европейской зоны, берет на себя функции координатора в субрегиональном союзе государств СНГ, заинтересовано в эффективном двустороннем сотрудничестве» [7, с. 107-108]. Таким образом, этот документ определял необходимость сохранения Республикой Беларусь государственного суверенитета и независимости, но точно ее внешнеполитическую стратегию не очерчивал.

Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 г., содержит положения, характеризующие основы внешней политики белорусского государства, ее цели, задачи и принципы. В статье 1 говорится: «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику» [8, с. 3]. Согласно статье 8 Республика Беларусь признает принципы международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции [8, с. 5]. В статье 18 Конституции говорится, что Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов, и норм международного права. Статья завершается предложением: «Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной, а государство – нейтральным» [8, с. 7].

Обретение независимости внесло коррективы в белорусскую внешнюю политику, потребовав соответствующего теоретического, организационного, юридического и кадрового обеспечения. Беларуси пришлось практически с нуля формировать внешнеполитическую инфраструктуру, вписываться в сложную систему международных связей, самостоятельно налаживать отношения с зарубежными государствами и международными организациями.

В сентябре 1991 – июле 1994 гг. ведущую роль в разработке, принятии и реализации решений в сфере внешней политики играли Верховный совет и Совет Министров Республики Беларусь. В соответствии с нормами законодательства того периода Верховный совет (парламент) определял основные направления внешней политики, мог объявлять войну и заключать мир, осуществлять ратификацию и денонсацию международных договоров Республики Беларусь. Белорусское государство на международной арене представлял председатель Верховного совета Республики Беларусь. Именно он мог вести переговоры и подписывать международные договоры от имени Беларуси.

На Совет Министров (правительство) Республики Беларусь возлагались обязанности осуществлять деятельность в сфере внешних отношений. Формально значимость главы правительства (председателя Совета Министров) при определении внешней политики белорусского государства была ниже, чем значимость председателя Верховного совета, но фактически его влияние на внешнюю политику Беларуси было более значительным.

Президентские выборы 1994 г. внесли существенные коррективы в полномочия государственных органов. Центральную роль в определении внешней политики стал играть президент. Конституция 1994 г. предоставляла ему полномочия в качестве гаранта реализации основных направлений внешней политики белорусского государства, а также представление Беларуси в отношениях с другими государствами и международными организациями, ведение переговоров и подписание международных договоров, назначение и отзыв дипломатических представителей Республики Беларусь в зарубежных государствах и при международных организациях, прием верительных и отзывных грамот дипломатических представителей зарубежных государств. Президент Республики Беларусь является Верховным Главнокомандующим, обращается к народу с посланиями о положении в государстве и об основных направлениях внутренней и внешней политики. Эти полномочия сохранились и после одобрения нового варианта Конституции Республики Беларусь на республиканском

референдуме в ноябре 1996 г. Парламент Республики Беларусь рассматривает проекты законов, в том числе об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь, об объявлении войны и заключении мира. Парламент (с ноября 1996 г. – Национальное собрание Республики Беларусь, состоящее из Совета Республики и Палаты представителей) мог принимать участие в осуществлении внешнеполитического курса белорусского государства преимущественно посредством утверждения соответствующих законов и бюджета страны, а также ратификации наиболее значимых международных соглашений.

Достаточно активным был обмен парламентскими делегациями. Белорусские депутаты изучали опыт законотворческой работы зарубежных стран и международных организаций и, в свою очередь, знакомили партнеров по межпарламентскому диалогу с особенностями процессов общественно-политической жизни и социально-экономического развития в своей стране. Определенные трудности в развитии межпарламентского сотрудничества возникли после образования Национального собрания Республики Беларусь в ноябре 1996 г. Большинство европейских государств, а также США, Канада, Япония отказались признать новый парламент легитимным, сославшись на то, что он формировался не на основе свободных выборов, а посредством автоматического включения части депутатского корпуса из состава прежнего Верховного совета Республики Беларусь, распущенного после проведения республиканского референдума. Как следствие, депутаты Национального собрания были вынуждены поддерживать связи преимущественно с парламентариями России и других стран СНГ, а также Азии, Африки и Латинской Америки.

На правительство возлагается разработка основных направлений внутренней и внешней политики и принятие мер по ее реализации; координация в отношениях с другими государствами и международными организациями; принятие практических мер по реализации и защите внешнеполитических интересов Республики Беларусь; заключение международных договоров по вопросам, относящимся к его компетенции; принятие мер по обеспечению выполнения международных договоров Республики Беларусь.

Оптимизация структуры центрального аппарата Министерства иностранных дел проводилась с учетом международных потребностей страны и политических преобразований в ней. Этот процесс в основном завершился в декабре 1998 г., когда на основе Министерства иностранных дел, Министерства внешних

экономических связей и аппарата министра по делам СНГ было создано единое Министерство иностранных дел Республики Беларусь. Его главными задачами стали координация внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, а также развитие торгово-экономических связей с зарубежными государствами.

Министерство иностранных дел Республики Беларусь является республиканским органом государственного управления и подчиняется Правительству Республики Беларусь. В соответствии с Положением о Министерстве иностранных дел Республики Беларусь данное министерство проводит государственную политику в сфере внешних связей и осуществляет координацию внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности страны [9]. Также Министерство выполняет комплекс задач в сфере международной деятельности, включая обеспечение прав и интересов Республики Беларусь в международных отношениях; защиту прав и интересов белорусских граждан и организаций за рубежом; создание благоприятных условий для продвижения экономических интересов за рубежом; сбор и анализ информации о факторах и тенденциях международного развития; подготовку предложений по стратегическим направлениям внешнеполитического и внешнеэкономического курса Республики Беларусь и др. Министерство иностранных дел Республики Беларусь координирует сотрудничество государственных органов Беларуси с соответствующими органами иностранных государств, международных организаций и межгосударственных образований; ведет подготовку и участвует в осуществлении визитов государственных и правительственных делегаций за рубеж; проводит переговоры с представителями иностранных государств, международных организаций и межгосударственных образований; принимает участие в организации международных форумов в Республике Беларусь и за рубежом и др.

Таким образом, в рассматриваемый период в Беларуси были приняты первые важные законодательные акты, регулирующие деятельность государственных органов, общественных организаций и белорусских граждан в области внешней политики и политики безопасности. Кроме того, комплекс рассмотренных документов, главный из которых – Конституция, создал прочную политико-правовую основу для разработки внешнеполитической стратегии в период президентской республики. Конституционные положения о стремлении к нейтралитету и статусу безъядерного государства определяли стратегию и тактику белорусской дипломатии, обуславливали цели внешнеполитического планирования.

Библиографический список

1. Гламазда А.В. Военная сила как основной структурный элемент военной безопасности белорусского государства // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2012. №4.
2. Об обороне: Закон Респ. Беларусь, 3 нояб. 1992 г., № 1902-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.05.2007 г.
3. О введении в действие Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 16 дек. 1992 г., № 2049-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1993. № 1. С. 9. URL: <https://www.levonevski.net/pravo/razdel4/num2/4d2036.html> (дата обращения: 30.10.2025).
4. Екадумова И.И. Политические аспекты трансформации военной доктрины Республики Беларусь / И.И. Екадумова // Науч. труды Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь. 2009. Вып. 11.
5. Карпилена Н.В., Булва А.Д. Военная доктрина как научно-теоретическая основа совершенствования гражданской обороны // Вестн. Ун-та гражд. защиты МЧС Беларуси. 2019. Т. 3. № 2.
6. Мальцев Л.С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность. Минск, 2003.
7. Улахович В.Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь: 1991–2005 гг.
8. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 9-е изд., стер. Минск, 2013.
9. О Министерстве [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: <https://www.mfa.gov.by/ministry/info/general/> (дата обращения: 03.11.2025).

INTERACTIONS ENTRE LES DONSOS ET L'ETAT DANS LA FOURNITURE SECURITAIRE AU MANDE EN REPUBLIQUE DU MALI

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ДОНСО И ГОСУДАРСТВОМ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ МАНДЕ РЕСПУБЛИКИ МАЛИ

Bakary N Diarra

l'Ecole Doctorale Droit-Economie-Sciences Sociales-Lettres et Arts (ED-DESSLA) Bamako, Mali

Ichaka Camara

de L'institut de Pédagogie Universitaire (IPU), Bamako, Mali

Бакари Диарра

Школа права, экономики, социальных наук, литературы и искусств
(ED-Dessla), Бамако, Мали

Ишака Камара

Институт Университетской педагогики (IPU), Бамако, Мали

Résumé. Cet article analyse les interactions entre les confréries de chasseurs traditionnels, les donsos, et les structures étatiques de sécurité au Mandé, en République du Mali, à partir des cas empiriques des communes de Naréna et Benkadi.

L'objectif principal est de comprendre comment ces acteurs locaux, porteurs d'une légitimité culturelle et communautaire, s'insèrent dans la fourniture sécuritaire aux côtés – ou en marge – de l'État. Dans un contexte d'érosion du monopole étatique de la violence légitime et de montée des insécurités locales, les donsos émergent comme des acteurs essentiels de la gouvernance sécuritaire. La problématique centrale interroge la nature et les implications de leurs interactions avec les institutions étatiques, notamment la coopération, la complémentarité ou la rivalité? Sur le plan méthodologique, l'étude repose sur une approche qualitative, mobilisant des entretiens semi-directifs avec des élus, des représentants de l'État, des services techniques et des confréries de chasseurs dans les communes de Benkadi et Naréna, le cercle de Kangaba dans la région de Koulikoro. Les résultats mettent en évidence trois formes principales d'interaction entre donsos et État : le partenariat formel, la collaboration informelle et le conflit ouvert. Ces dynamiques traduisent une gouvernance hybride où la sécurité coutumière et la sécurité publique se complètent autant qu'elles se concurrencent. L'étude conclut à la nécessité d'une reconnaissance et d'une formalisation du rôle des acteurs coutumiers dans les processus de réforme du secteur de la sécurité (RSS), afin de prévenir les dérives miliciennes et de renforcer la légitimité étatique.

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие между традиционными братствами охотников, известными как донсо, и структурами государственной безопасности в регионе Манде Республики Мали на основе эмпирических примеров из муниципалитетов Нарена и Бенкади. Основная цель состоит в том, чтобы понять, как эти местные субъекты, наделенные культурной и общественной легитимностью, участвуют в обеспечении безопасности вместе с государством или на его стороне. В контексте, отмеченном ослаблением монополии государства на законное насилие и ростом нестабильности на местах, донсо стали ключевыми игроками в местном управлении безопасностью. Центральный вопрос рассматривает характер и последствия их отношений с государственными институтами, особенно с точки зрения сотрудничества, взаимодополняемости и соперничества. Методологически исследование использует качественный подход, основанный на полудирективных интервью, проведенных с местными выборными должностными лицами, представителями государства, технических служб и членами братств охотников муниципалитетов Бенкади и Нарена, расположенных в районе Кангаба региона Куликоро. Полученные результаты выделяют три основные формы взаимодействия между донсо и государством: формальное партнерство, неформальное сотрудничество и открытый конфликт. Такая динамика свидетельствует о гибридной форме управления, в которой сосуществуют системы обычного права и общественной безопасности, которые являются взаимодополняющими и конкурирующими. В заключение исследования подчеркивается необходимость признания и формализации роли субъектов, основанных на обычаях, в рамках реформы сектора безопасности (RSS), с целью укрепления законности государства.

Mots-clés: Donso, gouvernance sécuritaire, Mandé, réforme de la sécurité, sécurité locale.

Ключевые слова: Донсо, управление безопасностью, Манде, местная безопасность, реформа сектора безопасности.

Introduction. Depuis l'éclatement de la crise politico-sécuritaire de 2012, la République du Mali est confrontée à un désordre sécuritaire important. L'effondrement partiel du contrôle territorial et l'affaiblissement du secteur public de la sécurité ont favorisé l'émergence de multiples groupes armés, d'abord dans le Nord puis, plus récemment, vers le Sud. Dans ce contexte de fragilité étatique et de multiplication des menaces, la gouvernance sécuritaire, au sens de la fourniture de la sécurité, de la régulation des conflits et du contrôle de la violence, se redéfinit. Face au retrait ou à l'incapacité partielle de l'État à exercer son rôle de garant de la sécurité, des acteurs non-étatiques, profondément inscrits dans les traditions locales, interviennent désormais comme des supplétifs essentiels. Au nombre de ces acteurs figurent des confréries de chasseurs traditionnels, encore appelées « *donsos-ton* ». Ces confréries disposent d'une implantation sociale et symbolique ancienne dans la région du Mandé, où elles assuraient historiquement la régulation villageoise, la médiation et le partage du devoir de défense communautaire. Dès lors, la question centrale de cette recherche se présente ainsi : *de quelles manières les interactions entre les donsos et les structures étatiques contribuent-elles à la fourniture de la sécurité au Mali, et quelles en sont les implications pour la gouvernance nationale?* Nous posons comme hypothèse générale que l'hybridation, c'est-à-dire l'articulation entre la sécurité coutumière (*donsos*) et la sécurité étatique (Formes armées nationales) constitue à la fois une réponse pragmatique à la crise sécuritaire malienne et un facteur de fragilisation du monopole de la violence légitime de l'État. De façon plus spécifique, cette recherche formule les hypothèses secondaires suivantes: (1) Plus les *donsos* sont reconnus et intégrés dans les dispositifs formels de sécurité, plus leur action contribue positivement à la stabilité locale; (2) En revanche, l'existence de relations informelles ou conflictuelles entre les *donsos* et l'État accroît les risques de dérives miliciennes et d'affaiblissement de la légitimité étatique.

Cette étude s'appuie d'abord sur la notion de « gouvernance hybride de la sécurité », élaborée notamment par Volker Boege, Anne Brown et Kevin Clements [1]. Dans cette gouvernance hybride, l'État cohabite avec des institutions coutumières, religieuses ou communautaires, à la fois complémentaires et concurrentes. Une application africaine de ce concept rappelle que l'interaction entre les acteurs formels et informels façonne la gouvernance de la sécurité dans des contextes de fragilité [2].

Par ailleurs, la légitimité locale et l'autorité coutumière occupent une place centrale. Les *donsos* incarnent une légitimité précoloniale fondée sur l'initiation, le courage, la solidarité et la protection du territoire, reconnue au sein des communautés rurales. Enfin, le concept weberien de « violence

légitime » est revisité, car dans les États post-coloniaux en crise, le monopole de la violence légitime attribué à l'État se trouve partagé, contesté ou négocié [3].

La justification de cette recherche repose sur deux constats : d'une part, l'affaiblissement du contrôle étatique et l'augmentation des menaces dans le Mandé (banditisme, terrorisme, conflits intercommunautaires) appellent une meilleure compréhension des arrangements locaux de sécurité ; d'autre part, bien que les *donsos* soient très présents dans la réalité de la fourniture sécuritaire en milieu rural malien, leur place, leurs interactions avec l'État et leurs implications pour la réforme du secteur de la sécurité (RSS) restent peu documentées. Ce travail vise donc à combler cette lacune en combinant une approche empirique sur les communes de Naréna et Benkadi, dans le cercle de Kangaba et une réflexion théorique fondée sur la gouvernance hybride et la légitimité.

L'objectif principal de l'étude est de comprendre comment les confréries de chasseurs traditionnels (*donsos-ton*) interagissent avec les structures étatiques pour participer à la fourniture de la sécurité au Mandé (Mali) et d'en tirer les implications pour la gouvernance nationale de la sécurité. Les objectifs spécifiques sont: (1) identifier les formes d'interactions entre les *donsos* et les acteurs étatiques; (2) analyser les conditions de légitimité et d'efficacité de ces interactions dans la fourniture sécuritaire locale; (3) évaluer les effets de ces interactions sur le monopole étatique de la violence légitime et sur la réforme du secteur de la sécurité.

En plus de l'introduction, l'article comprend un cadre méthodologique, une présentation des résultats et la conclusion.

Méthodologie d'enquête. Avant les techniques et les techniques de données, il convient de présenter brièvement le milieu d'enquête.

Présentation des zones d'étude. Les communes de Benkadi et Naréna sont situées au Sud-Ouest du Mali, plus précisément dans la région de Koulikoro, le cercle de Kangaba. Elles sont géographiquement frontalières avec la République de Guinée Conakry.

Collecte et traitement des données. L'étude s'appuie sur une approche qualitative, combinant des entretiens (individuels et collectifs) et des observations directes de terrain menées dans les communes rurales de Narena et Benkadi. Ces entretiens semi-directifs ont été conduits auprès de membres des confréries *donsos*, des chefs coutumiers, des élus locaux, des représentants de la gendarmerie et la police, ainsi que de femmes et de jeunes membres de comités de veille communautaires. Le choix de ces deux communes se justifie par leur position stratégique, notamment leur proximité avec la frontière guinéenne et leur forte implication dans les dispositifs de sécurité endogène.

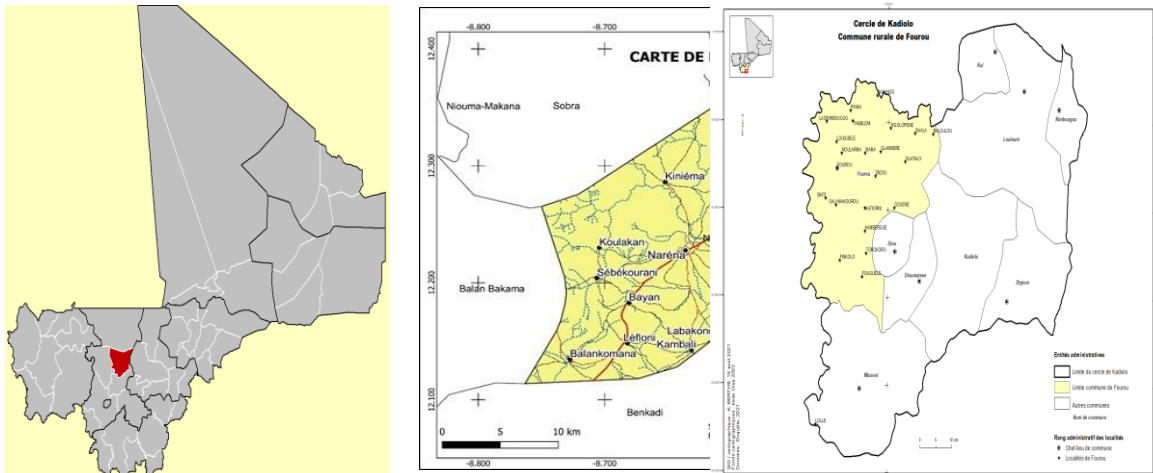

Figure 1. Cartes des communes de Benkadi et de Naréna

Source: Plan de Développement Economique, Social et Culturel, PDESC - 2022 - 2026 des deux communes

Les données ont été croisées avec des rapports de la Mission multidimensionnelle intégrée des Nations unies pour la stabilisation au Mali (Minusma)[4], de Human Rights Watch [5], de l'International Crisis Group (2021) [6] et des travaux universitaires maliens (Keïta [7], Cissé [8], Sissoko [9], Arseniev [10]).

Durée et déroulement de la collecte des données. Après la présentation et les salutations d'usage, nous avons pris soin de rassurer nos interlocuteurs avant de commencer l'entretien. Plus précisément, nous leur avons présenté de manière explicite les objectifs de l'étude, la durée prévue, et le rôle qu'ils auraient à jouer dans celle-ci. Chaque entretien a duré généralement entre une heure et une heure et demie, afin de permettre un déroulement serein et éviter toute précipitation, tant pour le chercheur que pour l'interlocuteur. Nous avons fait en veillant à ce que chaque entretien dure au minimum une heure, et pouvant aller jusqu'à deux heures, en fonction de la disponibilité des participants. Nous avons adapté notre langage, notamment en utilisant des termes plus accessibles lors d'entretiens avec des interlocuteurs moins lettrés, et, le cas échéant, en nous exprimant en bamanankan, la langue nationale. La collecte des données s'est effectuée dans la commune de Benkadi et dans la commune de Narena pour une période de trois (03) mois allant de juin au août 2025.

Traitement des données collectées

Les données obtenues via les enregistreurs ont été traduites et transcrites en français dans des carnets de notes. Ces données ont ensuite été saisies dans un document Word sur ordinateur. Un traitement manuel a été effectué, suivi d'une codification des informations. Les données ont été

compilées selon chaque question et catégorie cible. Une classification des résultats a permis de dégager les principales tendances par thème. Les opinions minoritaires, mais pertinentes, ont également été extraites pour enrichir l'analyse. Une analyse discursive des déclarations des acteurs interrogés a été réalisée pour la rédaction de la thèse.

Résultats de l'enquête.

Identification des formes d'interactions entre les donsos et les acteurs étatiques

Le partenariat formel. La coopération formelle désigne les interactions institutionnalisées et reconnues entre les donsos et les forces de sécurité étatiques. Elle s'inscrit dans un cadre associatif, légal ou administratif. Dès la période coloniale, les chasseurs se regroupent en associations reconnues. Selon Birama Sissoko [9], l'Association des Chasseurs du Soudan Français (ACSF) est créée en 1957. Après l'indépendance, d'autres structures voient le jour, dont l'Association des Chasseurs de Bamako (1977), intégrée ensuite à l'Association nationale des chasseurs du Mali (ANACMA). Cette fédération, dotée de statuts et d'une hiérarchie, établit un pont entre les donsos et les autorités étatiques, permettant une certaine formalisation des relations sécuritaires.

Beaucoup de discours lors des entretiens montrent que les donsos collaborent officiellement avec les forces de l'ordre. Un donso à Comana, commune de Narena s'exprime: *«Nous collaborons parfaitement avec les famas (forces de sécurité et de défense). Souvent ils viennent nous demander des renseignements qu'on leur donne et nous aussi leur demandons des renseignements qu'ils nous mettent à notre disposition. La collaboration est parfaite »*. (B.K., un donso à Comana, entretien réalisé le 8 juillet 2025).

Un élu local dans la commune de Benkadi affirme en ces termes : *«Ici les FDS et les donsos collaborent. Cela permet d'éviter pas mal de problèmes tels que l'incompréhension, l'amalgame. Le début était difficile, les donsos et les FDS ne se comprenaient pas à cause de la façon dont les gens étaient arrêtés par les donsos. Leur arrestation était brutale et sans pitié. Mais c'était le moment où l'insécurité n'était pas élevée. Mais vu l'élévation du degré de l'insécurité, les ennemis d'hier sont devenus de vrais amis incontournables. Chaque fois les donsos sont sollicités par les FDS. Ces dernières ont compris que les donsos sont leur complément»*. (T.C., un élu local dans la commune de Benkadi, entretien réalisé le 10 juillet 2025).

Cette coopération formelle renforce l'efficacité des forces publiques, notamment dans des zones rurales où l'État est peu présent. Elle repose sur la légitimité sociale des donsos et leur capacité de mobilisation rapide.

Toutefois, l'encadrement juridique reste faible, ce qui limite la durabilité de cette reconnaissance officielle. Comme le note Cissé [8], l'institution *donso* conserve une autonomie spirituelle et symbolique qui échappe au contrôle total de l'État. Cependant, Même si la confrérie *donso* échappe au contrôle de l'Etat, il favorise par endroit, comme ici au Mandé, la mise en place des patrouilles comme témoigne un notable à Narena qui a reconnu explicitement l'État comme facteur favorisant la mise en place des patrouilles : *«L'autorité étatique (sous-préfet) nous a demandé de mettre en place des brigades de vigilance, que l'armée ou le pays n'a pas les moyens nécessaires pour faire face à toutes ces menaces. Dans ce cas, il faut qu'on ait des brigades de vigilance. Les gens les mieux indiqués pour ça, c'est les donsos. C'est le début de la mise en place de ces patrouilles. Ils sont chargés de veiller sur le village, faire respecter les couvre-feux. Ils interviennent aussi s'il y a des situations très gênantes (viol d'une femme par exemple) ou trop flagrantes (vol d'une chose avérée par exemple)»*. (B.K., notable dans la commune de Narena, entretien réalisé le 15 juillet 2025)

Cela indique clairement que l'État accepte d'autres acteurs autres que les seules forces étatiques. L'exploit de ces nouveaux acteurs de sécurité construit autour d'eux une image positive qui entraîne immédiatement leur sollicitation et leur tolérance. Dans le même temps, l'inefficacité des forces étatiques fait perdre leur crédibilité aux yeux de la population. Souvent, ces dernières ne répondent pas à la sollicitation de la population à temps lorsqu'il y a une attaque: *«Lorsqu'il y a une attaque, les gendarmes n'arrivent qu'après le départ des malfrats, le médecin après la mort»*. F.K., un *donsoba* dans la commune de Benkadi, entretien réalisé le 13 juillet 2025).

Cette situation donne l'impression aux populations que l'État malien les a abandonnées, ce qui les pousse à s'adapter ou à anticiper les risques liés à la récurrence de l'insécurité par des initiatives individuelles et/ou collectives de sécurité. Néanmoins les collaborations entre les deux acteurs de sécurité renforcent la couverture territoriale, mais demeurent ponctuelles et non encadrées juridiquement.

La collaboration informelle

La coopération informelle renvoie à des formes de collaboration non institutionnalisées, souvent liées à des arrangements tacites entre chasseurs et forces étatiques. Elle se développe surtout dans les contextes de crise. Lorsque l'État est incapable d'assurer la sécurité des populations, les *donsos* prennent l'initiative d'organiser des patrouilles, des barrages routiers ou des actions de protection communautaire. Ces activités ne bénéficient pas d'un mandat officiel, mais elles sont tolérées par les

autorités locales, qui y trouvent un moyen de pallier l'insuffisance des forces régulières. Cela se passe dans plusieurs localités du Mali comme le centre du Mali (2016–2019), face à l'expansion des groupes jihadistes, les *donsos* s'organisent en milices d'autodéfense. Les forces armées maliennes, débordées, tolèrent et parfois soutiennent matériellement ces initiatives. Dan Na Ambassagou (2016), ce mouvement de chasseurs dogons incarne la coopération informelle par excellence. Non reconnu officiellement, il est parfois encouragé localement par certaines autorités militaires. Cependant, son action échappe au contrôle étatique et a conduit à des violences intercommunautaires [11]. Les patrouilles villageoises à Nara, Koutiala, puis au Mandé etc., les *donsos* organisent la sécurité de nuit en collaboration tacite avec les gendarmes ou préfets, sans cadre légal.

Dans les communes d'enquête, les *donsos* ne bénéficient pas de mandat pour patrouiller mais leurs actions sont tolérées et même soutenues par les autorités compétentes. Cela se matérialise par la collaboration comme indiqué en haut. D'après un policier menant le contrôle sur l'axe routier Nougani - Haballadougou Kenièba :

« L'ennemi commun à nous tous, c'est les terroristes. Nous n'avons pas besoin de mandat ou d'autorisation de qui que ce soit pour nous aider à combattre ce fléau. L'essentiel c'est de les éradiquer. Nous avons plus besoin des donsos que jamais et c'est une nécessité de coopérer avec les donsos qui connaissent mieux la brousse que nous, sont plus nombreux que nous, sont mieux renseignés que nous. » (A.K. un policier à Kourémalé, dans la commune de Benkadi, entretien réalisé le 13 juillet 2025).

Un *donsoba* (maître chasseur) répète le policier en ces termes, s'exprimait lors d'un entretien semi-directif, réalisé le 14 juillet 2025 à Nougani (commune Benkadi)

« Quand tu vois un serpent sortir dans n'importe quelle situation que tu te trouves, tu le bat tout de suite avec le bâton que tu possèdes sans tournure. Donc, dans ces genres de situation on n'a pas besoin d'avoir l'aval de nos autorités. Il faut obligatoirement agir quand l'ennemi est à la porte sinon vous risquez votre vie. Mais nous agissons avec les autorités à travers les échanges d'informations qui sont d'ailleurs très fréquents entre nous et les gendarmes. »

Dans certains cas les *donsos* participent (les *donsos* du Mali et ceux de la Guinée Conakry) à la surveillance des frontières ou à la capture des grands bandits avant de les remettre à la gendarmerie, comme ce fut le cas de l'arrestation du cerveau de l'attaque du Radisson Blue à Bamako le 20 novembre 2015. Ce type de collaboration ne repose pas sur une base juridique digne de ce nom, mais à travers des accords fondés sur la reconnaissance mutuelle des compétences. Ces coopérations informelles

sont pragmatiques. Elles répondent à l'urgence et à la faiblesse structurelle de l'État. Mais elles comportent des dérives qui peuvent aller à des abus et exactions commis par certains groupes de chasseurs jusqu'aux risques de milicianisation et perte du monopole de la violence légitime. Les tensions communautaires exacerbées, notamment entre Dogon et Peulh constitue un bel exemple [11].

Les situations conflictuelles.

Les situations conflictuelles entre les *donsos* et les structures étatiques de sécurité découlent de plusieurs facteurs. 1) Les conflits de légitimité et de pouvoir : les *donsos*, traditionnellement défenseurs de la communauté, trouvent sa légitimité dans la tradition, dans la culture et du rôle historique de protection. Aux yeux de la population, ils sont perçus comme les garants de la sécurité locale fondée sur les éthiques, les croyances, la solidarité et la connaissance du terrain. Par contre les forces modernes (polices, gendarmes, garde,...) trouvent leur légitimité dans les institutions étatiques à travers les lois. Ce double système, traditionnelle vers institutionnelle, amènent des incompréhensions, crée des tensions de pouvoir : chaque partie revendique le droit exclusif de sécuriser la population. 2) Les *donsos* font des patrouilles armées, souvent ils installent des barrages routiers ou s'immiscent dans les affaires criminelles. Les forces étatiques considèrent ces actions comme illégales faisant bien partie de leurs prérogatives régaliennes. Cela engendre souvent méfiance et des incompréhensions qui aboutissent à la confrontation parfois. 3) Les *donsos* voient les forces étatiques comme des incapables ou des corrompus, incapables d'assurer la sécurité des populations. Par contre les forces étatiques voient les *donsos* comme des groupes armés incontrôlables qui peuvent faire des abus. Cette situation amène des méfiances réciproques qui alimentent des climats de suspicion et peut déboucher sur des accrochages violents, surtout dans les zones frontalières comme notre zone d'enquête. L'attaque de Niaoulé le 29 novembre 2017, dont 22 personnes ont trouvés la mort dont quatre gendarmes est une parfaite illustration.

Au Mali, il n'existe pas de loi qui cadre l'activité des *donsos*. Ils sont tolérés par les forces étatiques quand ils vont dans le sens d'aider la communauté, mais leurs actions est criminalisées quand ils font des abus sur la population. La MINUSMA [4] a documenté des abus commis par certains groupes dans la région de Mopti, conduisant à des sanctions et à des opérations de désarmement. Les tensions apparaissent lorsque les *donsos* outrepassent leur rôle : désarmements, accusations d'exactions ou rivalités d'autorité avec les FAMa [5].

Analyse des conditions de légitimité et d'efficacité des interactions dans la fourniture sécuritaire locale

Les interactions entre les donsos et les structures étatiques de sécurité au Mandé se déploient dans un contexte de fragilité institutionnelle, où l'État peine à assurer seul la sécurité publique. La légitimité des donsos, issue de leur enracinement socioculturel, de leurs codes initiatiques et de leur rôle historique de protection, leur confère une place prépondérante dans les dispositifs locaux de sécurité. Cette légitimité, perçue par les populations comme authentique et protectrice, contraste avec celle des forces de l'ordre, souvent jugées lointaines, lentes ou corrompues. L'efficacité des interactions entre ces deux sphères dépend donc de leur capacité à conjuguer légitimité traditionnelle et autorité institutionnelle dans une logique de complémentarité et non de concurrence.

Dans les communes de Naréna et Benkadi, la collaboration entre les donsos et les forces de sécurité étatiques illustre une gouvernance sécuritaire hybride, où la confiance communautaire remplace souvent la légalité formelle. Les donsos assurent des fonctions de veille, de renseignement et de dissuasion grâce à leur proximité avec la population et leur connaissance du terrain. Leur efficacité repose sur la rapidité d'intervention, la solidarité villageoise et la maîtrise des espaces forestiers et frontaliers. De leur côté, les forces étatiques bénéficient d'un appui logistique et informationnel qui compense leur sous-effectif et leur manque de couverture territoriale. Cette coopération pragmatique a permis de réduire sensiblement le banditisme et les attaques armées, tout en renforçant la cohésion communautaire.

Cependant, cette légitimité populaire des donsos ne garantit pas toujours une conformité avec les principes de l'État de droit. L'absence de cadre juridique clair engendre des risques de dérives, de justice expéditive et d'abus, notamment lorsque la collaboration échappe à tout contrôle institutionnel. Les donsos peuvent alors se substituer aux forces de l'ordre, brouillant la frontière entre sécurité communautaire et exercice illégal de la violence. L'efficacité opérationnelle doit donc s'accompagner d'une régulation normative : reconnaissance officielle, formation aux droits humains et mécanismes de redevabilité.

L'analyse révèle ainsi que la légitimité et l'efficacité des interactions dépendent de leur ancrage dans un équilibre dynamique entre légalité étatique et légitimité coutumière. Lorsque la coopération repose sur la reconnaissance mutuelle et la coordination fonctionnelle, elle favorise la stabilité et la sécurité locales. En revanche, lorsqu'elle se fonde sur la tolérance implicite ou la méfiance réciproque, elle fragilise la cohésion sociale et la légitimité de l'État. En définitive, la sécurisation du Mandé illustre la nécessité d'un modèle de gouvernance partagée, où l'État et les acteurs communautaires co-construisent la sécurité sur la base d'un

compromis entre efficacité empirique et légitimité institutionnelle.

Évaluation des effets des interactions sur le monopole étatique de la violence légitime et sur la réforme du secteur de la sécurité.

L'enquête sur le terrain a illustré la complexité des rapports entre légitimité traditionnelle et autorité institutionnelle au Mali. Ces interactions influencent directement le monopole de l'État sur la violence légitime et redéfinissent les dynamiques de la réforme du secteur de la sécurité. Dans un contexte marqué par l'effritement de la présence étatique, la montée de l'insécurité et la faiblesse des forces publiques, les donsos apparaissent comme des supplétifs indispensables à la protection communautaire.

Selon Max Weber, cité par Volker Boege et al. [1], l'État moderne détient le monopole de la violence légitime. Or, au Mali, ce monopole est remis en cause par la multiplication des acteurs non étatiques, dont les confréries de chasseurs. Ces dernières exercent une violence socialement reconnue et perçue comme légitime par les communautés locales. L'État malien, en tolérant ou en soutenant les actions sécuritaires des donsos, reconnaît implicitement la nécessité d'une hybridation de la gouvernance sécuritaire, phénomène observé dans d'autres contextes fragiles d'Afrique de l'Ouest [12].

Les effets de ces interactions se manifestent à plusieurs niveaux. Sur le plan fonctionnel, elles comblent les vides sécuritaires laissés par les forces étatiques. Les donsos assurent la défense des villages, la surveillance des axes routiers et la médiation sociale. Leur efficacité repose sur la connaissance du terrain et sur un ancrage moral et spirituel profondément enraciné dans la culture mandingue [8] [13]. Comme le montrent les enquêtes menées à Naréna et Benkadi, leur intervention a permis de réduire sensiblement les vols, braquages et violences communautaires. Ces résultats démontrent que la légitimité coutumière constitue un levier de sécurité locale capable de renforcer, voire de suppléer, l'autorité défaillante de l'État.

Cependant, cette complémentarité présente des implications ambivalentes pour le monopole étatique de la violence légitime. L'intégration tacite des donsos dans la gestion sécuritaire fragilise la souveraineté régaliennne de l'État, puisque l'usage de la force échappe partiellement à son contrôle. Boege et al. [1] qualifient cette situation de « gouvernance hybride », où coexistent normes coutumières et légalité institutionnelle. Le résultat est une sécurité pragmatique, adaptée aux réalités locales, mais marquée par une dilution de l'autorité étatique. Cette délégation informelle de la coercition publique engendre également des tensions entre forces étatiques et chasseurs, liées à des conflits de légitimité et de pouvoir. Comme le notent Human Rights Watch [5] et la MINUSMA

[4], qui ciblent les donsos comme les dangers d'une violence non régulée.

En revanche, du point de vue de la réforme du secteur de la sécurité, ces interactions constituent une opportunité d'adaptation institutionnelle. La réforme du secteur de la sécurité au Mali vise à professionnaliser et démocratiser les forces de sécurité tout en intégrant les acteurs locaux. Dans cette perspective, la formalisation des relations entre donsos et structures étatiques apparaît comme une voie réaliste pour renforcer la légitimité et l'efficacité de la sécurité publique. L'enquête a révélée que les autorités locales, confrontées à l'incapacité des forces régulières, sollicitent de plus en plus les donsos pour la surveillance des villages et la collecte de renseignements. Ce processus d'institutionnalisation progressive des acteurs coutumiers constitue un pas vers une gouvernance partagée, mais nécessite un cadre juridique clair et des mécanismes de contrôle démocratique.

L'évaluation des effets de ces interactions révèle donc une double dynamique. D'une part, elles contribuent positivement à la stabilisation des zones rurales et à la restauration de la confiance communautaire. D'autre part, elles compromettent la centralisation de la violence légitime et exposent l'État à des risques de fragmentation institutionnelle et de milicianisation. Comme le rappelle Olivier de Sardan [14], la légitimité ne se décrète pas par décret mais se construit par l'efficacité sociale. L'enjeu pour l'État malien est ainsi de transformer cette légitimité communautaire en ressource institutionnelle, plutôt qu'en menace concurrente.

En définitive, les interactions entre les donsos et les forces étatiques traduisent la nécessité d'un nouveau paradigme sécuritaire fondé sur la reconnaissance des légitimités multiples. Si elles affaiblissent ponctuellement le monopole étatique de la violence légitime, elles ouvrent aussi la voie à une réforme du secteur de la sécurité contextualisée, ancrée dans les réalités socioculturelles du pays. Pour éviter les dérives miliciennes, la réforme doit encadrer ces pratiques par des dispositifs de formation, de reddition de comptes et de supervision partagée, afin d'allier efficacité opérationnelle et légitimité institutionnelle. La viabilité de la sécurité au Mali dépendra donc moins de la restauration exclusive de l'autorité de l'État que de sa capacité à cohabiter avec et à réguler les forces issues de la tradition mandingue.

IV. Discussion

Hybridation sécuritaire et recomposition du monopole de la violence légitime

Les interactions entre les donsos et les structures étatiques au Mandé traduisent une recomposition profonde du monopole étatique de la violence légitime. Dans un contexte de fragilité institutionnelle et de recul du

contrôle territorial, l'État malien a vu émerger des acteurs non étatiques qui assurent une fonction sécuritaire complémentaire, voire supplétive. Cette dynamique correspond à ce que Boege, Brown et Clements qualifient de « gouvernance hybride », où les logiques coutumières et institutionnelles coexistent sans se confondre.

Ainsi, les donsos participent à la sécurisation communautaire tout en exerçant une violence socialement reconnue. Leur légitimité repose sur la tradition, l'initiation et la solidarité, ce qui leur confère une autorité morale auprès des populations [8]. Or, cette légitimité populaire entre souvent en tension avec la légalité régalienne que revendique l'État, révélant une dilution du monopole weberien de la violence légitime [1]. Ces formes d'hybridation ne constituent pas seulement une alternative empirique ; elles représentent une adaptation locale face à l'échec de l'État à garantir la sécurité sur l'ensemble du territoire [12].

Légitimité coutumière et efficacité sécuritaire locale

La légitimité des donsos découle de leur enracinement socioculturel et de la confiance populaire qu'ils inspirent. Dans les communes de Naréna et Benkadi, leur efficacité se manifeste par la capacité à prévenir les attaques, à organiser des patrouilles nocturnes et à dissuader les malfaiteurs. Ces résultats empiriques confirment que la légitimité sociale constitue un vecteur essentiel d'efficacité sécuritaire [13]

Toutefois, cette efficacité ne saurait occulter les dérives possibles : justice expéditive, exactions et substitution à la puissance publique. Comme l'indiquent Human Rights Watch et la MINUSMA, plusieurs groupes de chasseurs ont parfois outrepassé leurs fonctions, entraînant des violations des droits humains et des tensions intercommunautaires. La légitimité coutumière devient alors ambivalente : source d'ordre social et facteur potentiel d'instabilité. La complémentarité entre donsos et forces étatiques dépend donc de la reconnaissance mutuelle de leurs rôles. Une légitimité équilibrée — à la fois traditionnelle et institutionnelle — favorise une sécurité durable et acceptée par la population [14]

Complémentarité et tensions fonctionnelles entre acteurs

Les relations entre donsos et forces étatiques oscillent entre coopération et rivalité. Sur le plan pratique, la collaboration formelle permet de renforcer la couverture sécuritaire dans des zones rurales marginalisées, les donsos agissant comme relais opérationnels des forces publiques [9]. Mais l'absence d'un cadre légal clair engendre des tensions liées à la délimitation des compétences. Les forces de sécurité considèrent parfois les donsos comme des concurrents illégitimes, tandis que ces derniers perçoivent l'État comme défaillant ou corrompu. Cette méfiance réciproque, fondée sur des logiques de pouvoir et de légitimité divergentes,

alimente des conflits sporadiques, notamment dans les zones frontalières. Les affrontements observés à Niaouleni en 2017 en constituent une illustration empirique marquante.

La coexistence entre ces deux sphères traduit une double dynamique : d'un côté, la recherche d'une efficacité pragmatique ; de l'autre, la lutte pour la reconnaissance symbolique du pouvoir sécuritaire. La complémentarité reste donc fragile sans une formalisation institutionnelle qui canalise la coopération et prévient la compétition d'autorité.

Implications pour la réforme du secteur de la sécurité

Les interactions entre donsos et structures étatiques révèlent les limites du modèle classique de la réforme du secteur de la sécurité (RSS), centré sur la centralisation du pouvoir coercitif. Dans un État faiblement institutionnalisé, la RSS doit intégrer les acteurs coutumiers en tant que partenaires légitimes et non comme concurrents [15]. La formalisation des donsos dans les dispositifs sécuritaires contribuerait à renforcer la légitimité de l'État tout en capitalisant sur les ressources locales. Cependant, cette intégration suppose la mise en place de formations aux droits humains, de mécanismes de reddition de comptes et d'un encadrement juridique solide.

Selon Olivier de Sardan [14], la légitimité institutionnelle ne s'impose pas, elle se construit dans la pratique. La réforme du secteur de la sécurité au Mali devrait donc s'appuyer sur une co-construction de la sécurité, où l'État conserve la souveraineté tout en reconnaissant la valeur opérationnelle et sociale des donsos. C'est dans cet équilibre entre efficacité empirique et légitimité institutionnelle que réside la durabilité de la sécurité au Mandé.

Conclusion. Cette recherche consacrée aux relations entre les *donsos* et l'État malien dans la gestion de la sécurité au Mandé met en évidence une réalité complexe, marquée par une gouvernance sécuritaire de plus en plus hybride. Face à la fragilisation du monopole de l'État sur la violence légitime et à la persistance de l'insécurité, les donsos se positionnent comme des acteurs essentiels, combinant légitimité traditionnelle et efficacité opérationnelle. Leurs rapports avec les forces de sécurité étatiques se déclinent sous trois formes principales : le partenariat formel, la collaboration informelle et le conflit.

D'un côté, cette complémentarité pragmatique renforce la sécurité locale, limite la criminalité et offre une réponse rapide aux urgences sécuritaires dans des zones rurales souvent négligées par l'État. Grâce à leur ancrage communautaire, leur connaissance du terrain et leur réactivité, les *donsos* contribuent de manière significative à la stabilité des communes étudiées. Cependant, cette hybridation comporte également des risques.

L'absence de cadre juridique précis, les dérives miliciennes, les abus et les tensions avec les forces régulières révèlent les limites d'une telle coopération. Ces failles fragilisent la cohérence de l'action publique et soulèvent la question cruciale de la régulation de la violence non étatique.

Pour instaurer une sécurité à la fois durable et légitime, il devient impératif d'intégrer officiellement les acteurs coutumiers tels que les *donsos* dans la réforme du secteur de la sécurité. Cette intégration devrait s'appuyer sur des mécanismes de contrôle, des formations en droits humains et une reconnaissance institutionnelle de leurs rôles, afin d'allier efficacité sécuritaire et respect des principes démocratiques. Enfin, la participation active des femmes et des jeunes dans la sécurité communautaire rappelle que toute approche pérenne doit être inclusive et s'appuyer sur l'ensemble des ressources sociales disponibles. L'avenir de la gouvernance sécuritaire au Mali dépend ainsi de sa capacité à articuler harmonieusement tradition et modernité, légitimité locale et légalité étatique.

Références bibliographiques

1. Volker Boege, Anne Brown et Kevin Clements (2009), "Hybrid political orders and emerging states: What is failing – states in the global south or research and Politics in the West? [en ligne]/URL: https://berghoffoundation.org/files/publications/dialogue8_boegetal_lead.pdf (page consultée le 01/11/2025).
2. Okechukwu Iheduru, 2023, "Hybrid maritime security governance and limited statehood in the Gulf of Guinea: A Nigerian case study", dans *Centre of Military and Strategic Studies*, Vol.22, Issue 3, pp. 117-162.
3. Weber M., 1971, *Économie et société*, paris, plon.
4. MINUSMA, HCDH, 2019, Rapport sur les abus des droits de l'homme commis in le village de Koulogon-peulh, commune de Koulogon-Habe, cercle de Bankass, région de Mopti.
5. Human Rights Watch. (2019). Mali : Les violences des groupes armés et les abus des milices communautaires.
6. International Crisis Group. (2021). Mali : Enrayer la spirale de la violence. Rapport Afrique n° 300.
7. Keïta, A. (2018). Réforme du secteur de la sécurité au Mali : enjeux et perspectives. Bamako : Presses Universitaires du Sahel (276 p.).
8. CISSE Youssouf, 1994, *La confrérie des chasseurs Malinké et Bambara : mythes, rites et récits initiatiques*, Nouvelles du Sud, Ivry.
9. Sissoko, B. (1995). Les donsos du Soudan français : entre tradition et modernité. Bamako : IFAN (12 p.).
10. ARSENIEV Vladimir, 2007, « Les chasseurs donsos du Mali à l'épreuve du temps », in *Afrique contemporaine*, Vol. 3, N° 223-224 [en ligne]/ URL : www.cairn.info/revue-afrique-contemporaine-2007-3-page-341.htm. (page consulté le 03/06/2025).
11. Stockholm International Peace Research Institute, 2019, Armements Disarmements and international Security, p 12
12. Tull, D. (2019). Les milices et l'État : une hybridation de la sécurité en Afrique de l'Ouest. Institut allemand des affaires internationales
13. Bourgeois, J. (2017). Légitimités croisées et gouvernance sécuritaire locale au Sahel. Paris : Karthala (200 p.).

14. Olivier de Sardan, J.-P. (2020). La légitimité par l'efficacité sociale. Paris : CNRS Éditions (300 p.).

15. Keïta, N. (2018). Sécurité, gouvernance et hybridation des ordres au Mali. Bamako : Tombouctou Éditions.

ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ, СОЦИАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИИ

EFFECTIVE STRATEGIES FOR PREVENTING EXTREMIST ACTIVITIES AMONG YOUTH: THE ROLE OF EDUCATION, SOCIAL ENVIRONMENT, AND DIGITAL TECHNOLOGY

Р.С. Лунёв

СПб ГБПОУ «Академия управления городской средой, градостроительства
и печати», Санкт-Петербург, Россия

R.S. Lunev

St. Petersburg Academy of Urban Management, Civil Engineering and Printing,
St. Petersburg, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые методы и подходы, направленные на предотвращение экстремистских проявлений среди молодёжи. Особое внимание уделено трём основным направлениям: образование (формирование критического мышления и навыков медиа-грамотности, воспитание толерантности, гражданской ответственности и патриотизма, интеграция программ по профилактике экстремизма в учебные планы и внеучебные активности); социальное окружение (создание позитивной среды в семьях, школах и молодежных сообществах, развитие социальных инициатив, клубов и волонтерских проектов для вовлечения молодёжи в конструктивную деятельность, поддержка психологического здоровья, мониторинг и помощь уязвимым группам) и цифровые технологии (использование IT-платформ и социальных сетей для распространения антиидеологии экстремизма, разработка интерактивных образовательных ресурсов и приложений, направленных на повышение осведомлённости, мониторинг и быстрое реагирование на экстремистский контент в интернете).

Annotation. The article discusses key methods and approaches aimed at preventing extremist manifestations among young people. Special attention is paid to three main areas: education (developing critical thinking and media literacy skills, fostering tolerance, civic responsibility, and patriotism, and integrating anti-extremism programs into curricula and extracurricular activities); social environment (creating a positive environment in families, schools, and youth communities, developing social initiatives, clubs, and volunteer projects to involve young people in constructive activities, supporting psychological health, monitoring, and helping vulnerable groups) and digital technologies (using IT platforms and social networks to spread anti-extremism ideology, developing interactive educational resources and applications to

raise awareness, monitoring, and quickly responding to extremist content on the internet).

Ключевые слова: молодежь, образование, социальное окружение, цифровые технологии, экстремизм, профилактика, образовательные учреждения.

Keywords: youth, education, social environment, digital technologies, extremism, prevention, educational institutions.

Молодёжь во все времена была наиболее динамичной и восприимчивой частью общества. Это период активного поиска идентичности, формирования мировоззрения и идеалов. К сожалению, именно эти особенности делают молодых людей уязвимыми для влияния деструктивных идеологий, в том числе экстремистских. Экстремизм, понимаемый как приверженность крайним взглядам и методам достижения целей, находит благодатную почву в среде, где есть нерешённые социальные проблемы, размытые моральные ориентиры и чувство несправедливости. Экстремизм в молодёжной среде – одна из острых проблем современного общества, способная приводить к дестабилизации, насилию и нарушению общественного порядка. Для предотвращения подобных проявлений необходим комплексный подход, включающий образование, влияние социального окружения и использование цифровых технологий.

Профилактика экстремизма в молодёжной среде – это не просто задача правоохранительных органов. Это комплексная, многоуровневая работа, требующая скоординированных усилий государства, образовательных учреждений, семьи и всего общества в целом. В этой статье мы подробно рассмотрим три ключевых столпа эффективной профилактики: систему образования, социальное окружение и цифровые технологии, а также стратегии их интеграции.

Образовательные учреждения играют важную роль в процессах профилактики экстремизма среди молодёжи. Но чтобы грамотно осуществлять деятельность по данному направлению, следует правильно понимать, что скрывает под собой экстремизм как явление, какой смысл несёт данное понятие [1, с. 69]. Экстремизм (от лат. *extremus*) – приверженность к крайним идеям, взглядам и действиям. Ему присущи насилие или его угроза, односторонность в восприятии проблем и поиске путей их решения, стремлении навязать свои принципы и взгляды, фанатизм, опора на чувства, инстинкты, предрассудки, неспособность или игнорирование толерантности, компромиссов [1, с. 70]. Система образования является первым и главным фронтом в борьбе за умы молодёжи. Её задача – не только давать знания, но и формировать критическое мышление, гражданскую ответственность и устойчивую систему ценностей.

Образование – фундаментальный инструмент профилактики, поскольку именно в школе, вузе и в рамках внеклассных мероприятий формируется мировоззрение молодого человека. Способность анализировать информацию, отличать факты от манипуляций снижает вероятность попадания под влияние радикальных идей. Важно внедрять программы медиаграмотности и философии.

Следует отметить, что уроки истории, обществознания и этики должны акцентировать внимание на принципах многообразия, прав человека, конструктивного диалога. Недопустимо искажение истории в угоду сиюминутным политическим интересам. Честный и многогранный разговор о сложных и трагических страницах истории (войны, конфликты, репрессии) помогает понять ценность мира и человеческой жизни. Изучение истории разных культур и народов, населяющих страну, способствует формированию уважения к их традициям и вкладу в общее наследие.

Отметим, что тренинги и ролевые игры помогают молодёжи эффективно справляться с напряжёнными ситуациями без прибегания к насилию.

С нашей точки зрения, важно, чтобы молодые люди понимали основы государственного устройства, свои права и обязанности, механизмы легитимного участия в общественной и политической жизни. Знание законов, в том числе об ответственности за экстремистскую деятельность, выступает мощным сдерживающим фактором. Уроки обществознания, права и истории должны быть ориентированы не на зазубривание дат и параграфов, а на осмысление таких понятий, как «толерантность», «многообразие», «гражданское общество», «верховенство права».

Экстремистские группировки мастерски манипулируют фактами, используют упрощённые объяснения сложных проблем и играют на эмоциях. Мы считаем, что сегодняшняя задача школы и ВУЗа – научить молодёжь: 1) анализировать информацию: отличать факты от мнений, проверять источники, выявлять логические ошибки и манипулятивные техники; 2) понимать природу медиа: осознавать, как создаются новости, как работают алгоритмы социальных сетей, формирующие «информационные пузыри»; 3) тренинги, дебаты, анализ реальных кейсов из медиaprостранства должны стать неотъемлемой частью учебного процесса.

Также, следует сказать, что именно школа и университет должны быть пространством, где ценят каждого ученика и студента, независимо от его этнической, религиозной или социальной принадлежности. Программы по предотвращению буллинга, развитие

школьного самоуправления, проектная деятельность в смешанных группах – всё это учит конструктивному взаимодействию и разрешению конфликтов мирным путём.

Если образование закладывает теоретический фундамент, то социальная среда – это практика, где усвоенные принципы либо подтверждаются, либо рушатся.

Семья – первичный агент социализации. Атмосфера в доме, ценности, которые транслируют родители, качество общения – ключевые факторы. Если подросток чувствует поддержку, понимание и вовлечённость в жизни семьи, его потребность искать «семью» в деструктивных группах резко снижается. Профилактическая работа должна включать просвещение родителей: как распознать тревожные сигналы, как выстраивать доверительный диалог с ребёнком, куда обращаться за помощью.

Свободное время – ресурс, который не должен оставаться вакуумом. С нашей точки зрения, развитая сеть доступных кружков, спортивных секций, волонтёрских движений, творческих лабораторий даёт молодёжи: 1) реализацию энергии и талантов: спорт, искусство, техническое творчество предоставляют легальные и социально одобряемые способы самореализации; 2) чувство принадлежности и команды: находя единомышленников в позитивной среде, молодой человек удовлетворяет свою потребность в аффилиации; 3) позитивные ролевые модели: наставники, тренеры, руководители кружков могут стать значимыми взрослыми, чьё мнение будет авторитетнее, чем у вербовщика из сети.

Мы считаем, что нельзя игнорировать тех, кто уже оказался на периферии общества: молодые люди из неблагополучных семей, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, с низким уровнем образования. Для них необходимы целевые программы социальной и психологической помощи, профориентации, трудоустройства. Индивидуальная работа социальных работников и психологов помогает решить внутренние проблемы (агрессия, фрустрация, чувство несправедливости), которые являются топливом для экстремистских идей.

Отметим, что интернет и социальные сети стали основным каналом вербовки и распространения экстремистского контента. Однако те же технологии можно и нужно обратить во благо.

Как же всё-таки выявить девиации и противодействовать деструктивному контенту? С нашей точки зрения, необходимо действовать в следующих направлениях: 1) активизировать активность правоохранительных органов: необходимо

совершенствовать методы мониторинга закрытых групп и мессенджеров, оперативно блокировать запрещённые материалы; 20 осуществить развитие «цифрового гражданского патруля»: поощрение пользователей к ответственному поведению и сообщению о противоправном контенте; 3) организовать сотрудничество с IT-компаниями: совместная разработка и внедрение алгоритмов для автоматического выявления признаков экстремизма и пропаганды ненависти.

Борьба с экстремизмом в сети не может сводиться только к удалению. Необходимо предлагать сильную, качественную и привлекательную альтернативу. Мы считаем, что это: 1) просветительские проекты: онлайн-курсы, лекции, документальные фильмы, разоблачающие мифы экстремистов и предлагающие конструктивные идеи; 2) блоги и каналы (в том числе в средствах массовой информации, Rutub, ВКонтакте и т.д.) позитивных лидеров мнений: молодые блогеры, учёные, общественные деятели, которые на понятном языке говорят о важности толерантности, критического мышления и активной гражданской позиции; 3) интерактивные форматы: квизы, игры, виртуальные туры, которые в увлекательной форме доносят необходимые ценности.

Важным аспектом в профилактике экстремистских проявлений в молодёжной среде, является использование технологий для консультационной и психологической помощи. Так, создание анонимных онлайн-служб доверия и психологической поддержки для молодёжи, оказавшейся в группе риска или уже попавшей под влияние. Технологии Big Data и AI могут помочь выявлять группы и пользователей с признаками радикализации для точечной профилактической работы [2, с. 111].

Эффективная профилактика экстремизма в молодёжной среде невозможна при использовании разрозненных мер. Необходима единая государственная и общественная стратегия, основанная на синергии всех трёх компонентов: 1) образование формирует интеллектуальный и ценностный «иммунитет»; 2) социальное окружение обеспечивает поддержку и здоровую среду для реализации; 3) цифровые технологии становятся инструментом для защиты и продвижения позитивных идей в виртуальном пространстве.

Ключевой парадигмой должен стать переход от реактивной модели (борьба с последствиями) к проактивной (создание условий, при которых экстремистские идеи просто не находят отклика). Инвестируя в образование, культуру, социальную сферу и цифровую

грамотность, общество инвестирует в свою собственную безопасность и стабильное будущее. Задача заключается не в том, чтобы «защитить» молодёжь от мира, а в том, чтобы вооружить её инструментами, позволяющими конфиденциально и конструктивно в этом мире жить и действовать. Профилактика экстремистских проявлений в молодёжной среде – многогранная задача, требующая взаимодополняющего воздействия образования, социальной среды и цифровых технологий. Только комплексное решение, вовлекающее школы, семьи, общественные институты и современные платформы, способно эффективно снижать риски радикализации и способствовать формированию устойчивого гражданского общества, где эффективность достигается благодаря синергии образовательных программ, поддержки социального окружения и инновационных цифровых решений.

Библиографический список

1. Виндилович А.В. «Профилактика экстремизма в подростковой среде» // Молодой учёный. 2022. №3 (398). С. 69–71.
2. Профилактика экстремизма в молодёжной среде»: учебник для вузов / под общей редакцией А.В. Мартыненко, Л.А. Потаповой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2025. 297 с.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ ИНДИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ

CRIMES AGAINST WOMEN IN THE MODERN INDIAN SOCIETY AND THEIR REFLECTION IN THE NATIONAL MEDIA

Т.Г. Мысник

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

T.G. Mysnik

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация: В статье анализируется проблема преступности против женщин в современном индийском обществе и характер ее репрезентации в национальных СМИ. На основе контент-анализа публикаций национальных крупных интернет-изданий газет за период с 2021 по 2025 год автор выявляет наиболее распространенные тип преступления, категории жертв и преступников, доминирующие мотивы, подталкивающие к акту насилия, географию преступлений и т. д. Сделан вывод о том, что связь между патриархальным строем и преступностью против женщин и девочек представляет собой острую и

сложную проблему, требующую комплексного решения. Необходимо преодолеть систему архаичного сознания индийского населения и создать эффективный механизм, направленный на борьбу с гендерным неравенством, а также актуализировать эти важные вопросы через СМИ, образование и правоприменительную систему.

Abstract. The article analyzes the problem of crimes against women in the modern Indian society and the specificity of its representation in the national media. Based on the content analysis of publications of major national online newspapers from 2021 to 2025, the author discovers the most popular crime types, victim and criminal categories, and the main reasons for violence, and figures out how much the authorities are involved, where the crimes happen, and so on. The conclusion is made that the link between the patriarchal system and crimes against women and girls is an acute and complex problem that requires a comprehensive solution. It is necessary to overcome the archaic mindset of the Indian population and create effective mechanisms to combat gender inequality and violence, as well as to raise awareness of these important issues through the media, education, and the law enforcement system.

Ключевые слова: Индия, преступления, женщины, девочки, преступники, гендерное неравенство, изнасилование, контент-анализ, патриархальный строй

Keywords: India, crime, women, girls, criminals, gender inequality, rape, content analysis, patriarchal system

В индийском обществе, несмотря на многочисленные социальные, правовые и экономические преобразования, неизменным остается одно – поработощенное и угнетенное положение женщин. Сохраняющийся традиционный строй, корни которого уходят в религиозно-кастовое прошлое, можно рассмотреть сквозь призму теории действия французского социолога Пьера Бурдьё. Патриархальный уклад жизни сконструировал в индийском обществе определенную систему предрасположенностей – габитус – где доминирование мужского начала над женским, воспринимается как естественное и должное. В самом социуме выстроилась система, в которой мужчина имеет контроль и право на главенство. Несмотря на обеспокоенность общественности данным вопросом и проведенные в государстве реформы, гендерное неравенство, выраженное в практике негуманного и преступного обращения с женщиной, сохраняется, что показывает недостаточную эффективность предпринятых мер и делает исследования в этом направлении актуальной научной и практической задачей.

Огромное значение в информировании и стимулировании общества к социально позитивным изменениям относительно данной проблемы играют СМИ, которые при помощи репрезентации историй о случаях преступлений против женщин могут привлечь внимание общества и пробудить в нем инициативу по искоренению практик феминицида и инфантицида. Однако в действительности

складывается так, что в национальных массмедиа освещаются только громкие дела, а отдельные случаи, чаще происходящие в сельской местности, либо игнорируются, либо являются дополнением к резонансным преступлениям. Отсутствие особого внимания со стороны СМИ к актам противоправного деяния против женщин в удаленных районах приводит к искажению понимания индийским обществом масштабов существующей проблемы. Вместе с тем, предыдущие исследования, анализирующие распространение информации через профессиональные медиа, не рассматривали случаи насилия против женщин в качестве события, запускающего медиа-волну, что вызывает необходимость в восполнении недостатка данной информации.

Целью нашего исследования является изучение особенностей репрезентации случаев преступлений против женщин в Индии и проблем феминицида и инфантицида в национальных СМИ. В качестве *метода* исследования нами использован контент-анализ статей индийских интернет-СМИ: «New Delhi Television Limited (NDTV)» [1], «The Times of India» [2]. В данных источниках методом сплошной выборки были отобраны 100 статей, освещавших преступления против женщин. Анализируемый период составил 4 года и 3 месяца (с 6 января 2021 г. по 18 апреля 2025 г.).

На этапе отбора материала для анализа мы пришли к выводу, что индийские СМИ проявляют крайне низкий уровень внимания к проблеме преступности против женщин. Всего за анализируемый период в отобранных публикациях освещен 221 случай преступного характера. Наиболее часто освещаемыми в индийских массмедиа типами преступлений против женщин являются изнасилование (55 ед.), избиение (26 ед.), покушение на убийство (24 ед.) и жестокость со стороны мужа или возлюбленного (17 ед.). Первый тип включает следующие подвиды: сексуальное домогательство и нападение с целью оскорбления скромности. В свою очередь, обливание кислотой, похищение с целью убийства, принуждение к абортam и подстрекательство к самоубийству наименее всего транслируются в массмедиа (рис. 1).

Преимущественное освещение проблемы изнасилований объясняется высокой обеспокоенностью общественности, массовыми протестами со стороны правозащитных организаций и стремлением поднять рейтинги. Однако иногда демонстрируемый материал сопровождался аналитикой и статистикой, что было зафиксировано в обоих источниках анализа.

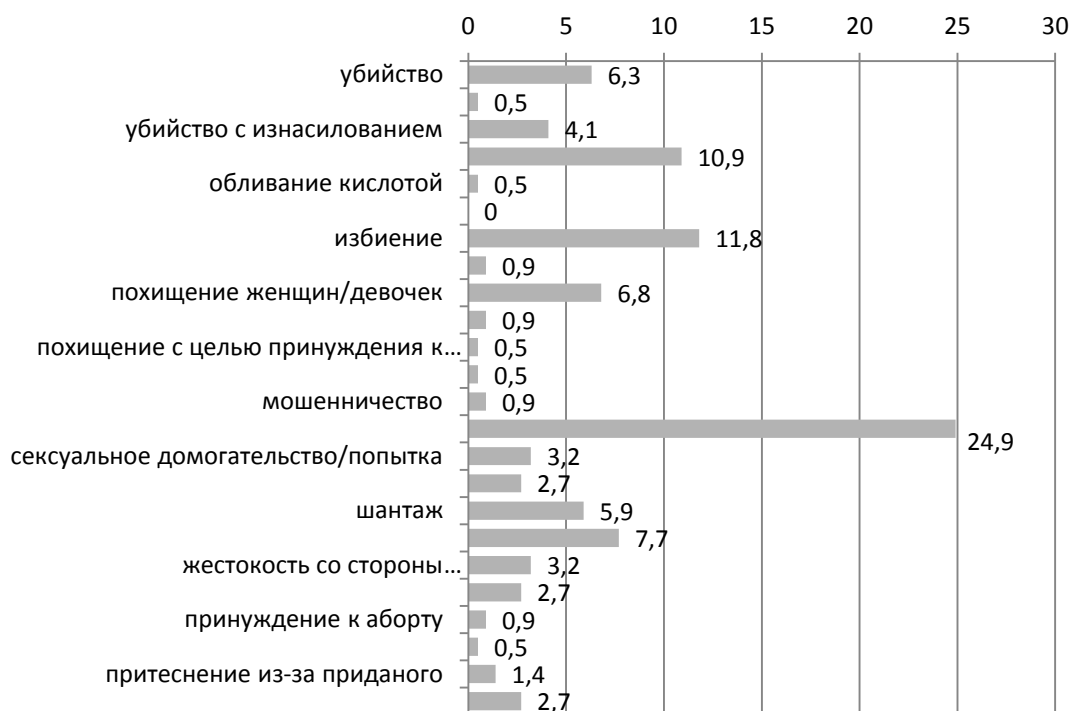

Рисунок 1 – Доля различных категорий преступлений против женщин, представленных в СМИ, шт., %

Чаще всего преступники совершали акты насилия против женщин на почве сексуальной неудовлетворенности. Интерпретируя результаты, обратимся к общей теории напряжения американского криминолога и профессора социологии Роберта Агню, согласно которому одним из источников преступлений является неспособность достичь индивидом или группой позитивно оцененных целей [3]. Мужчина чувствует себя несостоятельным, неполноценным вследствие того, что, например, не пользуется успехом среди женщин. Это усугубляется в Индии существующим половым дисбалансом (на 100 женщин 106 мужчин), при котором миллионы мужчин не могут найти себе жену, девушку и завести семью [4]. Однако среди анализируемых публикаций имели место уникальные для индийского общества мотивы противоправных деяний: конфликт между общинами, нежелание разводиться, нажива, подозрения в колдовстве и т. д.

В большинстве случаев преступники в качестве целей выбирают беззащитных, доверчивых девочек (50 жертв от 3 до 18 лет), которые физически неспособны дать отпор. Данный тип преступления может объясняться чувством превосходства, безнаказанности, а также существующей сексуализацией детей, в особенности девочек (рис. 2).

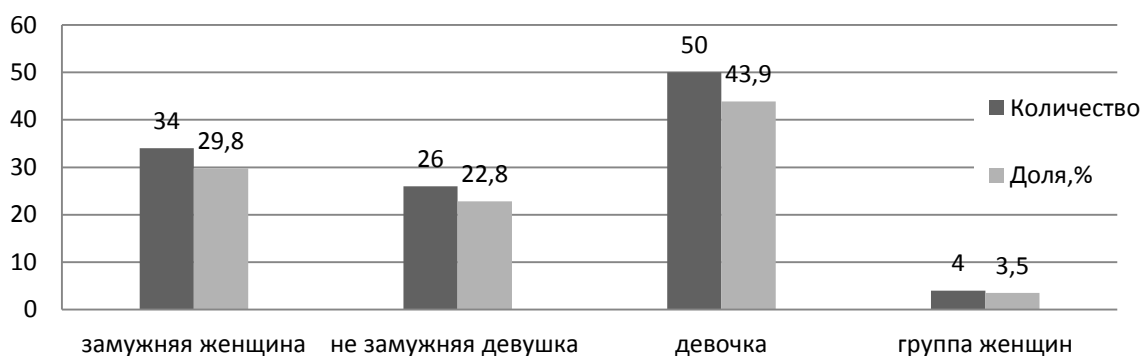

Рисунок 2 – Количество и доля упоминаний категорий жертв, %

Вторыми по степени распространенности жертвы – замужние женщины (34 жертвы, от 18 до 67 лет), против которых преступления совершали в основном их же супруги. На третьей позиции расположились не замужние девушки (26 жертв), на которых чаще всего покушались чужие мужчины или знакомые жертв. Реже всего нападения совершались на группы женщин, что может объясняться опасением преступника не справиться с задуманным, поскольку потенциальные жертвы могут дать коллективный отпор. Более того, преступления чаще всего совершались группами мужчин (изнасилование, избиение, похищение), что снижало градус личной ответственности. Также распространенными категориями стали «чужой мужчина» (22,2%), «друзья/знакомые/родственники» (19,8%) и «муж/возлюбленный» (14,3%). Наименьшее количество преступлений было совершено с участием женщин (2,4% и 4,8%). Чаще всего они фигурировали в случаях коллективных нападений и выступали против своих дочерей, невесток и т.д., чтобы наказать их за «плохие поступки», что демонстрирует традиционное сознание индийцев (рис. 3).

Сложнее всего поддаются анализу последствия, с которыми столкнулись женщины и девочки после совершенных над ними преступлений, так как в СМИ, как правило, такая информация отсутствовала. В 15% случаев жертва погибала, реже женщины лишались имущества (3,1%), получали психическое расстройство (1,3%). Категория «моральная травма» (34,4%) указывалась с ссылкой на то, что любое насилие над жертвой воспринимается для нее как определенное душевное и ментальное потрясение.

В ходе исследования при анализе преступлений мы также выделили такую категорию, как «свидетели и соучастники преступлений». В 14% случаев таковые являлись родственниками или друзьями преступников, 6% – родственники жертвы, 5% –

посторонние люди, в 75% случаев информации по данной категории нет, что говорит об их обезличенности и малой заинтересованности со стороны СМИ. Также преобладание случаев без указания свидетелей может говорить о недостаточной работе правоохранительных органов.

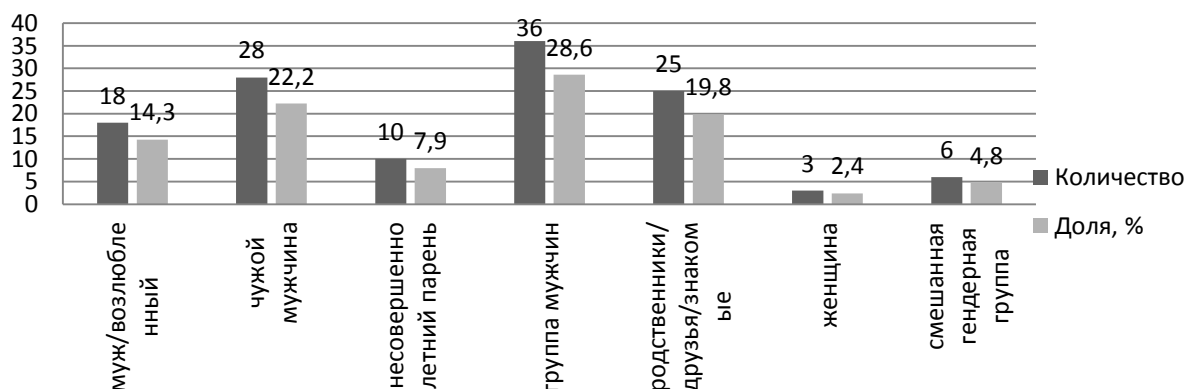

Рисунок 3 – Категории преступников, шт., %

За совершенное к злоумышленникам применялись следующие виды ответственности: «лишение свободы» (5 случаев, 2,8%), «пожизненное заключение» (2 случая, 1,1%), «штраф» (7 случаев, 3,9%), «арест» (64 случая, 36%), «самосуд», или незаконная расправа (2 случая, 1,1%), «отсутствие/консультация». Выделенная нами категория «смертная казнь» не встретила ни разу. Жители страны и правозащитные организации активно выражали недовольство по поводу неэффективности работы правоохранительных органов, так как многие дела откладывались либо игнорировались. В ходе анализа нами была добавлена категория «дело находится на стадии следствия», и именно она в итоге стала лидером – 49,4% случаев среди всех выделенных в рамках исследования. Возможные причины этого кроются в стремлении СМИ публиковать только актуальный контент, а также крайне низкий уровень работы полиции и системы правосудия.

Важным в изучении специфики преступности против женщин было учитывать географический фактор. Согласно полученным данным, большинство зафиксированных преступлений были совершены в городской местности (76%), в сельской лишь 20%. При этом в 4% случаев конкретное место не указывалось. Однако такое распределение не обязательно говорит о том, что город является более криминальным местом. Возможно в селах в силу удаленности и патриархальности преступления реже придаются огласке и реже расследуются полицией. В селах племенные традиции, традиционные нормы распространены в наибольшей степени в отличие от городов.

Наибольшее количество зафиксированных случаев нападения на женщин произошли в северных штатах Индии (57% от общего количества статей), на втором месте – южные штаты (15%), на третьем – западные (13%), на четвертом – восточные (9%), а замыкают рейтинг центральные штаты (6%). Самой криминальной зоной оказался штат Уттар-Прадеш (69 преступлений, 31,22%). Именно здесь нами отмечены практически все виды преступлений. Также в тройку лидеров вошли северный штат Раджастан (21 преступление) и союзная территория Дели (20 преступлений). Среди остальных штатов, расположенных в других частях Индии, высокие показатели продемонстрировал западный Махараштра, где было отмечено 22 преступных случая (изнасилование, попытка убийства, угрозы и избиение). А также расположенный в центре штат Мадхья-Прадеш, здесь больше всего произошло преступлений на сексуальной почве, а также связанных с убийством и киднеппингом. 12 случаев пришлось на южный штат Андхра-Прадеш. Такие высокие показатели в северных регионах связаны с высокой плотностью населения, патриархальными устоями и кастовой дискриминацией. Восточные и южные регионы демонстрируют значительно меньшие показатели.

Рассмотрим представленность органов власти в статьях, посвященных преступлениям против индийских женщин. При анализе мы выявили, что полиция упомянута в 97% от общего числа статей, суд и правозащитные организации составили 19%, а прокуратура и государство – 5% и 2%, соответственно. Доминирующее упоминание полиции отражает её ключевую роль в первичном реагировании на преступления, однако это косвенно свидетельствует о низкой вовлечённости других институтов – прокуратуры, судов и правозащитных организаций в публичное освещение и решение проблем гендерного насилия, что указывает на разрыв между оперативной работой и долгосрочным правосудием. Однако стоит отметить и высокую роль правозащитных организаций, ведь именно они выполняли мобилизирующую функцию и заставляли полицию оперативно раскрывать дела, требуя незамедлительных отчетов по следствию.

Важным атрибутом привлечения внимания к материалам в СМИ является громкий заголовок статьи, в котором отражались ключевые элементы содержания публикаций: вид, место преступления, жертва и преступник. Семантическое ядро заголовков статей индийских СМИ о преступлениях против женщин включало такие слова, как «полиция», «изнасилование», «женщина», «мужчина» и «Уттар-Прадеш». При семантическом анализе высокую степень

распространенности показали также слова «девочка» и «изнасилование», что демонстрирует акцент на главных субъектах преступлений, на тех, кто их совершает и тех, кто от них страдает.

Публикуемые материалы в основном носили информационно-просветительский и нейтральный по эмоциональному тону характер, демонстрируя аудитории известные факты по делам против женщин. Однако встречались публикации с требованиями правозащитных организаций немедленно осудить преступника по всей строгости. Из выделенных нами категорий тональности (осуждение преступника, осуждение жертвы, оправдание преступника и нейтральное отношение) только две нашли свое отражение в СМИ: осуждение преступника – 33% всех статей и нейтральное отношение – 67%.

Таким образом, несмотря на преимущественно нейтральный характер публикаций, проблема преступности против женщин в Индии является актуальной и злободневной. Наибольшую обеспокоенность СМИ и общественности вызывают изнасилования. Анализ состава жертв показал, что наиболее часто объектом для злоумышленников становятся несовершеннолетние девочки, что демонстрирует высокую степень уязвимости женской части населения с раннего возраста. Причины этих преступлений кроются в сохранении пережитков патриархальных устоев и вытекшего из их гендерного неравенства, а также низкой эффективности правовой и пеницитарной системы Индии. Это требует проведения в стране системной работы по преодолению архаичных стереотипов путем актуализации вопросов гендерного неравенства, устранения кастовой дискриминации. Для этого необходимо повышение уровня образования и эффективности правоприменительных практик, поддержание гражданских инициатив, которые смогут изменить традиционное сознание и снизить уровень насилия.

Библиографический список

1. The Times of India : электрон. версия газ. 2001. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/> (дата обращения: 14.11.2025).
2. New Delhi Television Ltd : ежедн. интернет-изд. 1999. URL: <https://www.ndtv.com/> (дата обращения: 18.04.2025).
3. Общая теория напряжения Р. Агнью – Теории девиантного поведения: [Электронный ресурс] // Ozlib.com. URL: https://ozlib.com/995918/sotsium/obschaya_teoriya_napryazheniya_ragnyu (дата обращения: 14.11.2025).
4. Demographics of India // Statistic Times URL: <https://statisticstimes.com/demographics/country/india-demographics.php> (дата обращения: 14.11.2025).

**МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БУДУЩИХ
ОФИЦЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ВОСПИТАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ
РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА
ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ**

**INTERCULTURAL INTERACTION OF FUTURE
OFFICERS IN THE PROCESS OF EDUCATION OF
TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL
VALUES AS A PROFESSIONAL DETERMINANT OF
PERSONAL DEVELOPMENT**

Д.Е. Матвеев

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Новосибирск, Россия

В.А. Беловолов, С.П. Беловолова

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального
исследовательского Томского государственного университета, г.
Новосибирск, Россия

D.E. Matveev

Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov named after Army
General I.K. Yakovlev troops of the National Guard of the Russian Federation,
Novosibirsk, Russia

V.A. Belovolov, S.P. Belovolova

Novosibirsk Law Institute (branch) of the National Research Tomsk State
University, Novosibirsk, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена важнейшей проблеме, касающейся взаимосвязи и взаимозависимости межкультурного взаимодействия будущих офицеров и воспитания традиционных российских духовно-нравственных ценностей как профессиональной детерминанты личностного развития. Исследование опирается на научные разработки в различных областях научного знания; на научные подходы – метапредметный, аксиологический, культурологический, деятельностный, обеспечивающие рассмотрение и решение данных вопросов.

В статье научно обосновываются уровни межкультурного взаимодействия будущих офицеров и традиционных российских духовно-нравственных ценностей в соответствии с личностным развитием как профессиональной детерминанты. Рассмотрены и проанализированы контентно результаты теоретического анализа об эффективном межкультурном взаимодействии в профессиональной деятельности офицеров. Представлена конгруэнтность корреляции между воспитанием традиционных российских духовно-нравственных ценностей и особенностью профессии офицера правопорядка. Эксплицировано предложен онтологический анализ дефиниции «ценность», раскрываются ценностные основания, их контентная характеристика,

включающая в себя традиционные духовно-нравственные, этнокультурные, этнонациональные ценности.

Abstract. This article addresses the critical issue of the relationship and interdependence between intercultural interactions between future officers and the development of traditional Russian spiritual and moral values as a professional determinant of personal development. The study draws on research in various fields of scientific knowledge and on scientific approaches—metasubject, axiological, cultural, and activity-based—that facilitate the consideration and resolution of these issues.

The article provides a scientific substantiation of the levels of intercultural interaction between future officers and traditional Russian spiritual and moral values in accordance with personal development as a professional determinant. The results of a theoretical analysis of effective intercultural interaction in the professional activities of officers are reviewed and analyzed. A congruent correlation between the development of traditional Russian spiritual and moral values and the characteristics of the law enforcement officer profession is presented. An ontological analysis of the definition of “value” is proposed explicitly, the value foundations and their content characteristics are revealed, including traditional spiritual and moral, ethnocultural, and ethnonational values.

Ключевые слова: образование, интеркультурное образование, межкультурное взаимодействие, ценности, традиционные российские духовно-нравственные ценности, воспитание.

Keywords: education, intercultural education, intercultural interaction, values, traditional Russian spiritual and moral values, upbringing.

В условиях расширения международных связей на современном этапе развития общества и нарастающей глобализации, в поликультурном и многонациональном социуме, фундаментальным фактором социального развития и национальной безопасности государства остается формирование навыков межкультурной коммуникации, межкультурного диалогового воздействия.

Наряду с этим, анализ социокультурных условий показывает, что современная система военного образования в своей исторической ретроспективе определяет морально-этическое, духовно-нравственное, этнокультурное поведение будущих офицеров в обществе, которые способны к пониманию и восприятию другой культуры.

Указанное выше позволяет подчеркнуть, что в процессе профессиональной подготовки будущих офицеров фундаментальной основой обеспечения межкультурного взаимодействия в контексте социокультурного, этноцентричного опыта, является использование ресурсов духовно-нравственной культуры, традиционных духовно-нравственных, духовно-культурных ценностей, что остается практически единственной перспективой повышения уровня профессионализма высококвалифицированных офицерских кадров и их компетенции в поле этических норм науки и профессионального

мастерства. Образовательный процесс в военном вузе характеризуется особенностью внутреннего построения и аргументируется контентом содержательных компонентов процесса профессиональной подготовки будущих офицеров.

В процессе нашего исследования, первостепенное значение для решения поставленных нами задач, имеют труды учёных (А.Н. Джуринский, В.А. Лабунская, Г.В. Солдатова и др.), в которых рассматриваются сущностные и содержательные характеристики интеркультурного образования, направленные на понимание собственной культурной идентичности, на формирование типа национальной культуры и развития процесса диалогового взаимодействия представителей различных культур в процессе воспитания традиционных духовно-нравственных ценностей. Особая роль в межкультурной коммуникации принадлежит эмпатии, рефлексии, как механизмов при взаимодействии людей в интеркультурной среде [8; 11].

Сущность наших исследований интеркультурной образовательной среды основывалась на основных теоретико-методологических концептуальных положениях С.П. Беловоловой, Г.Н. Волкова, Е.А. Пугачевой, О.В. Хухлаевой, О.Е. Хухлаева и др. Авторы рассматривают интеркультурную образовательную среду как процесс взаимодействия субъектов образовательного пространства, который способствует вовлечению личности в национальные интересы, этнокультурные и духовно-нравственные традиции [3; 17].

Анализ научной литературы (А.Г. Асмолов, Л.М. Дробижева, Т.Т. Иосебадзе, Т.Ш. Иосебадзе, Ю.Н. Солонин, Д.Н. Узнадзе, Т.Г. Стефаненко и др.) ориентирован на значимость исследования в интеркультурной образовательной среде такого явления как «межкультурное взаимодействие». Авторы рассматривают межкультурное взаимодействие через поведенческий компонент этнической идентичности и раскрывают данный феномен как предрасположенность субъекта к вовлечению в национальные, межкультурные, этно-нравственные, морально-этические процессы в процессе диалога культур представителей различных этносов.

В научных трудах Л.А. Белова, Е.Б. Быстрой, Т.В. Штыкова и др., необходимо принять во внимание, что межкультурное взаимодействие раскрывается как целостный механизм процесса взаимообогащения этносоциальной позиции представителей диалога культур, основой которого, является сохранение духовно-нравственных традиций культурного многообразия различных этносов.

Для теоретико-методологического обоснования предмета нашего исследования важно опираться на работы (С.Д. Гуриева, Н.В. Ткаченко, С.П. Цаплина и др.), в которых феномен «межкультурное взаимодействие» рассматривается как готовность представителя диалога культур к выбору определённого поведения, обмену этнокультурными и традиционными духовно-нравственными ценностями, ингибирование негативных эмоциональных реакций [18].

В трудах Л.В. Блинова, С.Д. Гуриева, В.Л. Карпенко, Н.М. Лебедевой, Л.Г. Почебут и др. заслуживает внимания трактовка феномена «межкультурное взаимодействие» как процесса организации взаимоотношений субъектов интеркультурной образовательной среды, в котором реализуются межэтнические установки, сохраняются традиционные духовно-нравственные ценности и национальная идентичность в системе интеркультурных контактов [5; 7; 9].

В педагогических исследованиях межкультурное взаимодействие рассматривается как концептуальная основа развития национальных культур, которые являются источником сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, духовно-нравственных традиций (Н.А. Асташова, И.Ф. Исаев и др.). Авторы обосновывают, что в процессе межкультурного взаимодействия фундаментальной основой человеческих отношений, их самораскрытия и самоутверждения являются традиционные духовно-нравственные ценности.

В рамках нашего исследования заслуживают внимания труды Л.И. Аббасовой, С.Л. Михеевой, А.В. Сельковой, Г.В. Солдатовой и др., где авторы, исследуя понятие «межкультурное взаимодействие», подчёркивают, что это процесс взаимоотношений субъектов, включающий в себя: воспитание культуры; сохранение духовно-нравственных традиций; приобщение к традиционным духовно-нравственным ценностям, национальным традициям; обмен этнокультурными ценностями [1;13].

Контент-анализ ценностей профессиональной деятельности офицера ВНГ РФ как социопедагогического феномена целесообразен в контексте рассмотрения общей теории ценностей. Нами установлено, что с учетом специфики профессиональной деятельности офицера целесообразно раскрытие смысла дефиниции «ценность» в культурно-историческом процессе как многозначного и междисциплинарного научного понятия в философском и психолого-педагогическом интенциях.

В ряде работ отечественных философов (Л.Н. Коган, Н.С. Розов,

В.П. Тугаринов, Э.Г. Юдин и др.) ценность определяется в качестве оценивания субъектом объективного значения различных предметов и явлений [15]. Философ В.П. Тугаринов, рассуждая о ценностях жизни, определяет «ценность» как способность являться средством удовлетворения интересов, оказывать положительное влияние на личностное развитие личности [15]. Философ Н.А. Бердяев определяет ценность, как качество, как сущность, а также в качестве условия полноценного бытия объекта [4]. Важные для нашего исследования теоретико-методологические изыскания находим в научных трудах Н.А. Асташовой, Е.В. Бондаревской, И.Ф. Исаева, А.В. Кирьяковой, И.Б. Котовой, В.А. Сластенина, Г.И. Чижаковой, Е.Н. Шиянова, Н.Е. Щурковой и др. Ученые – педагоги трактуют «ценность» с точки зрения способностей, которые позволяют реализовывать духовные и материальные потребности; являются ориентиром социальной активности достижения гуманистических интересов личности [6; 14].

В педагогических исследованиях ценности рассматриваются как основание гуманитарного образования (Ш.А. Амонашвили, Е.В. Бондаревская и др.); как основа цели воспитания (Б.Т. Лихачев, Н.Д. Никандров и др.); как принятый человеком смысл жизни (Б.В. Зейгарник, Б.С. Братусь и др.); как результат чувственного восприятия влияния на жизнь субъекта (А. Лэнгле); как социальные определения объектов окружающего мира (И.Т. Фролова и др.); как установки, выражающие эмоциональное и оценочное отношение к предлагаемым ценностям (Д.Е. Казаков, Л.С. Сапожникова и др.) [12]; как важнейший духовно-нравственный принцип воспитания (Е.В. Бондаревская, А.В. Кирьякова, Н.Е. Щуркова, К.Р. Роджерс и др.) [6; 19].

Для нас важно то, что в психологическом аспекте ценность рассматривается как составная часть содержания и механизмов мотивационной сферы личности. Д.Н. Узнадзе, Д.И. Фельдштейн и др. определяют в структуре личности в качестве важного компонента систему установок, характеризующаяся ценностными ориентациями [16].

В психологических исследованиях ценностные ориентации рассматриваются как первичные свойства личности, которые определяют мотивы поведения и формируют характер (А.Г. Асмолов, Б.Г. Ананьев и др.) [2]; как предметные идеалы мотивационной структуры личности (Д.А. Леонтьев и др.); как мотивированное историческое отражение групповых ценностей (О.Г. Дробницкий, В.Я. Ядов и др.); как сформированные субъектом значимые

компоненты (С.Л. Рубинштейн и др.). Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы В.Г. Крысько, где автор трактует, что национальные ценности это совокупность идеалов этнофоров, которая выступает в роли нормативно-культурных аксиом поведения субъектов одного этноса.

Анализ научной литературы позволяет прийти к выводу, что в современной аксиологии существуют различные классификации ценностей, которые способствуют формированию межкультурного взаимодействия будущих офицеров в процессе воспитания традиционных российских духовно-нравственных ценностей в интеркультурной образовательной среде военного вуза как профессиональной детерминанты личностного развития.

Научно-теоретическая полоса изысканий процесса формирования межкультурного взаимодействия будущих офицеров в процессе воспитания традиционных российских духовно-нравственных ценностей рассматривается нами теоретико-методологическим осмыслением категории «личность».

Опираясь на труды педагогов, психологов, дидактиков, в той или иной мере исследовавших проблемы личности, для нас значительный интерес представляют научные изыскания (Б.Г. Ананьев, В.И. Андреев, К.К. Платонов и др.), в которых авторы раскрывают «личность» как сложную структуры, включающую в себя: цели, потребности, интересы, идеалы, опыт индивида.

Различия в интерпретации термина «личность» рассматриваются нами: как деятельность, которая реализуется в процессе усвоения и осознания культурных ценностей (А.Н. Леонтьев и др.); как уровень развития индивидуума, обеспечивающий управление деятельностью (Л.И. Божович и др.); как субъект с сознательным мировоззрением по результатам целенаправленного труда (С.Л. Рубинштейн и др.).

Исследователи рассмотрели и определили структурные характеристики личности, которые способствуют интеграции культуры в процессе межкультурного взаимодействия будущих офицеров в интеркультурной образовательной среде военного вуза как профессиональной детерминанты личностного развития.

С позиции обоснования предмета нашего исследования необходимо реализовать теоретико-методологический подход к пониманию сущности понятия «воспитание» как духовно-нравственного, социопедагогического социокультурного феномена. Теоретико-методологическую значимость представляют работы В.А. Караковского, Л.И. Новиковой, Н.Л. Селивановой и др., в

которых «воспитание» представлено как процесс целенаправленного развития личности [10]. Полезными для нас оказались результаты исследований Е.В. Бондаревской и др., где авторы рассматривают воспитание с точки зрения культуроцентризма, в контексте парадигмы личностно-ориентированного образования. В.И. Слободчиков в контексте культурно-исторического наследия, трактует воспитание как инструмент преемственности поколений в целенаправленном процессе передачи ценностей, норм культуры, традиций и этнокультурной идентификации. Следует согласиться с В.А. Сластёниным и Г.В. Палаткиной и др.), которые обосновывают «воспитание» с точки зрения культурологического подхода как целенаправленную согласованную деятельность субъектов образовательной среды с целью реализации принципов и задач в процессе интеркультурного образования.

Можно отметить единство научных взглядов исследователей, рассматривающих феномен «воспитание» и определяющих его как педагогический компонент в социокультурной системе (Ю.М. Кудрявцев, М.В. Шакурова и др.); как целенаправленное системное построение процесса воспитания (Л.И. Новикова, Э.П. Комарова, Н.Л. Селиванова и др.); как человек культуры (Е.В. Бондаревская и др.).

Таким образом, межкультурное взаимодействие будущих офицеров в процессе воспитания традиционных российских духовно-нравственных ценностей как профессиональная детерминанта личностного развития представляет собой качество, которое позволяет взаимодействовать в интеркультурной образовательной среде военного вуза, регулирует поведение и является ориентиром позитивного межкультурного диалога, способствует осмыслению, систематизации идей ценностных приоритетов, объединяет в себе самостоятельность, инициативность, настойчивость, независимость, самоконтроль, требовательность и умение доводить дело до логического завершения.

Библиографический список

1. Аббасова Л.И. Поликультурное взаимодействие в структуре профессиональной готовности будущих педагогов // Вестник педагогических наук. 2022. № 6. С. 45-48.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Academia, 2010. 447 с.
3. Беловолова С.П. Этнопедагогизация образовательного пространства в условиях современных образовательных учреждений // монография. Новосибирск, 2005. 151 с.
4. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.

5. Блинов Л.В. Этнопедагогический концепт межкультурного взаимодействия в самоопределении личности // Педагогическое образование и наука. 2020. № 3. С.7–11.
6. Бондаревская Е.В. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания: учебное пособие для студентов, магистров и аспирантов, слушателей ИПК, преподавателей вузов // Ростов Н/Д: «Учитель», 2003. – 566 с.
7. Гуриева С.Д. Установка и формирование системы межэтнических отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2009. № 6 (1). С. 282–291.
8. Джуринский А.Н. Педагогика межнационального общения. Поликультурное воспитание в России и за рубежом (сравнительный анализ): учебное пособие - Саратов: Вузовское образование, 2017.-153 с.
9. Карпенко В.Л. Межкультурное взаимодействие – фактор формирования моделей жизнедеятельности в этнокультурах // Актуальные проблемы востоковедения: материалы IX международной научно-практической конференции по востоковедению. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. С. 64–69.
10. Матвеев Д.Е. Духовно-нравственное воспитание в интеркультурной образовательной среде военного // X Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 25–26 марта 2025 года. Казань: Логос-Пресс, 2025. С. 533-537.
11. Матвеев Д.Е., Беловолов В.А., Беловолова С.П. Интеркультурное образование как социокультурный феномен // Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества: материалы X межд. науч.-практ. конф. Казань, 2023. С.644-648.
12. Матвеев, Д. Е. Педагогические детерминанты диалогического взаимодействия субъектов образовательного процесса военного вуза: научный дискурс // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: Материалы X Международной научно-практической конференции, Краснодар, 05 декабря 2024 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 486-492.
13. Селькова А.В. Межкультурное взаимодействие как категория воспитания студенческой молодежи // Философия образования, 2019. Т. 19. № 2. С.175–185.
14. Слостёнин В.А. Введение в педагогическую аксиологию: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Academia, 2008. 185 с.
15. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Л., 1978. 128 с.
16. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 2005. 231 с.
17. Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М., Ткаченко Н.В. Разработка и адаптация методики «Шкала этнонациональных установок» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15. № 3. С. 527-541.
18. Цаплина С.П. Проблемы межкультурного взаимодействия в современном мире // Многонациональная Россия: Вчера, сегодня, завтра: сборник материалов II научно-практической конференции. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2021. С. 205–210.
19. Щуркова Н.Е. Система достойного воспитания. М.: Издательство Юрайт, 2020. 256 с.

РАЗДЕЛ VI. НАЦИИ И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ РФ В УСЛОВИЯХ НЕПРИЗНАННОСТИ: КЕЙС ДНР

THE BASIC PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF INTERNATIONAL ACTIVITY OF NEW REGIONS OF RUSSIAN FEDERATION IN TERMS OF NON-RECOGNITION: DPR CASE

Е.В. Рябинин

Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, г.
Мариуполь, Россия

Y.V. Ryabinin

Mariupol State university named after A.I. Kuindzhi, Mariupol, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются современное положение новых субъектов РФ в сфере налаживания международных связей с регионами других государств. В условиях непризнанности регионы могут осуществлять международную деятельность только по линии горизонтальных связей. Автором отмечено, что подобные связи реализуются в научных, образовательных и научных кругах, что служит серьезным основанием для налаживания контактов между народами.

Abstract. The article examines the current status of new constituent entities of the Russian Federation in establishing international relations with regions of other states. Given their unrecognized status, regions can only engage in international activities through horizontal ties. The author notes that such ties are being established in scientific, educational, and research circles, which serves as a serious basis for establishing contacts between peoples.

Ключевые слова: Россия, народная дипломатия, горизонтальные связи, ДНР.

Keywords: Russia, public diplomacy, horizontal ties, DPR.

Одной из серьезных проблем современной системы международных отношений является наличие непризнанных государств. С подавляющим большинством случаев данный аспект лежит в геополитической, нежели юридической плоскости, поскольку с точки зрения международного публичного права и согласно критериям, прописанным в конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государства, подписанной в 1933 г. на VII

Панамериканской конференции, для рассмотрения вопроса о признании территориального образования суверенным государством оно должно обладать четырьмя составляющими: 1. Постоянное население. 2. Определенная территория. 3. Правительство. 4. Способность к вступлению в отношения с другими государствами [1].

По сути большинство непризнанных государств соответствуют данным критериям, причем, в некоторых случаях больше, нежели давно признанные государства, но находящиеся в состоянии failed states. Существует достаточное количество подобных государств, однако, есть и примеры, когда территории одного государства становятся субъектами другого государства и этот факт не признается мировым сообществом. Таким примером являются субъекты РФ, которые вошли в состав государства в 2014 и 2022 годах.

Мировое сообщество не признало новые регионы субъектами РФ, кроме Никарагуа, Кубы, Венесуэлы, Сирии, Южной Осетии, Абхазии. Данная ситуация связана с двумя факторами: 1. Подавляющее количество государств поддерживает внешнеполитические приоритеты коллективного Запада и не хочет нарушать Устав ООН относительно принципа территориальной целостности государств и 2. Не желает создавать прецедент, который может повлиять на центробежные процессы в своем государстве. Примером может служить Сербия, которая, не смотря на положительные отношения с РФ, не может признать выход территорий из состава Украины, поскольку это повлияет на повестку дня вокруг Косово и Метохии. В связи с этим новые регионы испытывают определенные трудности в налаживании международных связей с другими регионами иностранных государств.

В ДНР, в частности, в г. Мариуполе функционирует крупная греческая диаспора, которая принимает активное участие в жизни города. До событий 2022 года между городом осуществлялась тесная кооперация с Республикой Кипр и Грецией, что выражалось в открытии консульств вышеупомянутых государств в ряде регионов Украины и, в частности, в Мариуполе. Т.е. сотрудничество осуществлялось в сфере науки и образования. На сегодняшний день греческая диаспора, в отличие от всех других национальных меньшинств, единственная в городе, которая зарегистрировалась по новому российскому законодательству и официально осуществляет свою деятельность. Однако, также, как и в случае с Косово и Метохией, официальные власти Кипра и Греции не признают ДНР как субъект РФ и, следовательно, официальные связи не налаживаются.

Как раз непризнание факта вхождения ДНР в состав России является препятствием на пути к взаимовыгодному сотрудничеству, хотя здесь есть большое количество точек пересечения, о чем свидетельствуют личные контакты между теми же сербами, болгарами, греками и представителями новых регионов. В данном случае используется такой инструмент как народная дипломатия.

Как известно, народная дипломатия – это неофициальные контакты обычных людей, общественных организаций с целью улучшения взаимоотношений, лучшего понимания культуры, традиций и привычек граждан разных стран и их взаимовыгодного сотрудничества. Независимые неофициальные представители гражданского общества иногда представляют государство на международной арене – на форумах, симпозиумах, конференциях, съездах, выполняют роль посредников при переговорах по урегулированию конфликтов, выдвигают внешнеполитические инициативы, быстро и эффективно создают контакты.

В отличие от официальной дипломатической работы народная дипломатия осуществляется лицами или общественными организациями на добровольных началах, у них нет политических или дипломатических прав, они не профессионалы. Можно сказать, что это добровольная инициатива снизу, из народа. Народная дипломатия осуществляется не дипломатическими чиновниками, а учеными, деятелями искусства и культуры, бизнесменами, религиозными деятелями, молодежными, туристическими и спортивными организациями, и, в конце концов, частными гражданами.

Основными сферами, в которых можно увидеть потенциал для сотрудничества и в которых может проявить себя народная дипломатия в контексте налаживания обоюдовыгодных отношений, являются сфера образования, культуры, науки, религии, спорта.

Если говорить о сфере образования и науки, сегодня налаживаются отношения не по линии Министерств или университетов, а на индивидуальных связях. Ученые из университетов ДНР принимают участие в научно-практических конференциях, которые проводятся в Сербии, а сербские ученые принимают участие в научных конференциях на территории ДНР. В контексте научной жизни необходимо активизировать научное участие ученых в жизни государств.

Именно сотрудничество с представителями сербского народа сегодня по объективно сложившимся историческим причинам находится в авангарде среди других балканских народов. В ноябре этого года в Мариупольском государственном университете имени

А.И. Куинджи открылся Центр русско-сербской дружбы как отделение Российско-Балканского центра делового сотрудничества и культуры, который претендует на то, чтобы стать центром развития народной дипломатии и развития двусторонних связей между русским сербским народами. В рамках работы центра проводятся культурные мероприятия, круглые столы, научные конференции, популяризация сербской литературы и культуры, налаживаются и укрепляются связи среди представителей научного сообщества.

Тесные отношения между русским и сербским народами объясняются историческими факторами. В контексте популяризации и налаживания отношений было бы верным расширять и проводить такие культурные мероприятия, как «Дни балканской культуры в ДНР» и «Дни русской культуры на Балканах», чтобы население регионов могло ближе познакомиться с культурой и традициями обеих народов. Тесное сотрудничество могло бы осуществляться и в религиозной сфере. Как известно Болгария, Греция, Румыния, Сербия, Черногория, Северная Македония – это православные государства и в контексте единой веры можно было бы организовывать паломнические поездки. Однако, все вышеперечисленные государства, кроме Сербии, это – это страны НАТО, что является на данный момент камнем преткновения для сотрудничества. Одним из популярных направлений является Афон, но есть много святынь в Сербии и Черногории.

Еще одним направлением можно считать институт побратимства. Международное движение породненных городов зародилось в годы Второй мировой и этот процесс не мог обойти Сербию, где любовь к России живет столетиями. Первое побратимство – между Курском и Нишем – было оформлено еще в 1921 году. Затем из-за войн и непростой политической ситуации сотрудничество приостановилось, но усилиями жителей городов его возобновили в 2005 году. Кроме того, южный сербский город имеет соглашения о дружбе с Белгородом (2014), Электросталью (2008) и Коломной (2010).

Сотрудничество связывает две столицы – Москву и Белград с 2002 года. Санкт-Петербург подписал соглашение о партнерстве с городом Нови-Сад в 2005-м. Также столица Воеводины установила побратимские отношения с Нижним Новгородом, Орлом и Костромой.

Волгоград и Рязань дружат с городом Крушевац (2000), Смоленск и Ржев – с Крагуевцем (2009). Небольшой город Чачак стал в 2013 году побратимом Коврова и Рузы, Иваново является городом-

побратимом с городами Младеновац и Кружево, а Шуя – с Пантелей.

Даже малые города, как, например, сербский Брус с населением в 4,6 тысяч человек нашел себе братский город в России – Любиново Калужской области. А «самый русский город» Сербии, Сремски Карловцы, подписал договор о сотрудничестве со столицей Донского казачества – Новочеркасском, а также Батайском и Сергиевым Посадом. Проблема реализации этого направления заключается в невозможности установления побратимских отношений в виду непризнания новых субъектов РФ.

Что же дают подобные договоренности? Речь в первую очередь идет о сотрудничестве в сфере культуры, экономики, религии, спорта и образования. В рамках совместных программ проходят выставки, форумы, студенческие и школьные обмены. Делегации посещают города-побратимы в значимые даты, шлют поздравления к государственным праздникам. Поэтому было правильно установить побратимские отношения между городами новых регионов России и балканскими странами, поскольку отношения, которые завязаны на межличностном уровне, более крепкие и в дальнейшем дают потенциал для развития межгосударственных отношений, ведь у истоков крепких межгосударственных отношений стоят такие направления как парадипломатия, гастродипломатия, народная дипломатия, экономическая дипломатия и т.д.

После завершения конфликта и формирования новой системы международных отношений, новые регионы РФ будут функционировать как полноправные субъекты России и в данном случае они будут выбирать приоритетных партнеров для реализации совместных проектов в сфере экономики, образования, науки и других сферах.

Библиографический список

1. Convention on Rights and Duties of States. URL: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-02/rights-duties-states.html>

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ: ИЗБЕГАЙТЕ ПРИПИСЫВАТЬ СЕБЕ СТАТУС ЖЕРТВЫ¹

POST-COLONIAL NOSTALGIA: AVOID ASSIGNING YOURSELF THE STATUS OF A VICTIM

Т.Ю. Красовицкая

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

T.Yu. Krasovitskaya

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russia

Аннотация. Пост(нео)колониальные теории изобретаются в разных странах имперского и постимперского мира, захватывая многие тематические сферы, нацеливаясь размыть традиционный суверенитет в разных хронологических этапах и периодах. Их хронотопические проявления нацелены быть важной мобилизующей силой, смыслом интерпретаций современности; изобретая новый миф о России, помогать реваншу новых государств.

Abstract. Post(neo)colonial theories are being invented in various countries of the imperial and post-imperial world, encompassing many thematic areas and aiming to dilute traditional sovereignty in different chronological stages and periods. Their chronotopic manifestations are intended to be an important mobilizing force and a means of interpreting modernity, creating a new myth about Russia and facilitating the revenge of new states.

Ключевые слова: пост(нео)колониальные теории, смысл интерпретаций, новые мифы.

Keywords: post(neo)colonial theories, the meaning of interpretations, new myths

Российский политолог, специалист по современным проблемам Я. Амелина утверждает: Центром российских, восточноевропейских и евразийских исследований при Университете Питтсбурга и Центром российских и евразийских исследований Дэвиса при Гарвардском университете при поддержке Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований разработан проект

¹Выполняется в рамках темы «Критический анализ концепта неокOLONиализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития» Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). Программа утверждена на заседании Межведомственной рабочей группы по вопросам межнациональных отношений и Экспертного совета при Межведомственной рабочей группе по вопросам межнациональных отношений под председательством Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д.Н.Чернышенко от 1 марта 2023 г.

под названием «Деколонизация: влияние за пределами башни из слоновой кости?» [1]. Он нацеливал на задачи, аналогичные в начале XX в. российским авангардистам. В знаменитую «Башню из слоновой кости», символ серебряного века – квартиру на Таврической улице в Петрограде приходили и отчаянные декаденты, и убежденные революционеры, игравшие важную роль в трансформации рушащейся империи в новое государство современного типа. Известное среди эмигрантских групп стремление объединить силы в итоге привело к тому, что в 1926 г. в Париже образовалась организация «Прометей» из лидеров элит, не признавших современное российское государство. Античное название романтизировало греческую легенду о Прометее, прикованном цепями к скалам Кавказа. В состав вошли представители Азербайджана, Дона, Грузии, Северного Кавказа, Крыма, Кубани, Идель-Урала, Ингрии, Карелии, Коми, Туркестана и Украины. Основной целью прометеизма являлось, во-первых, расчленив СССР по национальным границам, во-вторых, сформировать Федерацию. В 1926 г. в рамках «Прометея» в Варшаве создан Восточный институт – главный центр политического и научного сосредоточения эмигрантских сил, издававший журнал «Восток». При институте создавалась школа востоковедения. Большую деятельность развивал научно-исследовательский институт Европы в Вильно. При нем действовала школа политических наук. Кроме того, создан Институт исследования национальных проблем. Призванные реализовать концепцию прометеизма группы северокавказцев отличались политической активностью и высоким уровнем идеологического напряжения. Движение прометеизма показало: сохраняется генеалогия, не исчерпан потенциал изучения движения, особенно острых проблем сочетания модернизации и колониальности, модернизации как формы колонизации.

В наши дни анализ метафизических, этических и политических проблем, касающихся культурной идентичности, пола, национальности, расы, этнической принадлежности, субъективности, языка и власти теоретически ориентируется на изучение проблем возвращения и воссоздания коренных культур народов, чей политогенез имел более длительную историю, тем не менее испокон веков существовала и проблема политического единства внутри конкретной народности как цельности и управляемости ее как социума. Тонкая ассоциация с историческим контекстом еще не раскрыта историками. Но контекст помогает уточнить ценность теоретических подходов, как и планируемых результатов.

Осмысление символического и тематического полей многонационального общества консолидирует усилия политических институтов и акторов, этнокультурные практики советского периода. Они – важнейшие объекты, в первую очередь оценки их работы, как и, во-вторых, мифологизация их современной историографией, посвященной неоколониальным проблемам. Особое внимание уделяется тем, кто занимался проблемами содержания, особенностей и следствий процессов этноидентификации, федеративного строительства, роли этнических элит, переходу традиционных социумов к модерности, формированию концепта «советский народ» и другим основаниям общегражданской идентичности в их амбивалентной динамике.

Наличие в научном и общественно-политическом пространстве нескольких альтернативных моделей исторического прошлого не является уникальным явлением для большинства не только постсоветских государств. Противоречивый и во многом трагичный опыт XX столетия до сих пор не позволяет постсоветским обществам на территории бывшего СССР сформировать консенсус по важнейшим, базовым подходам к оценке собственной истории, но И. Бродский советовал молодым американским студентам в 1988 г.: «Всячески избегайте приписывать себе статус жертвы. Каким бы отвратительным ни было ваше положение, старайтесь не винить в этом внешние силы: историю, государство, начальство, расу, родителей, фазу луны, детство». Анализ процессов и результатов советского нациестроительства выявил в фундаменте ценностно-символические компоненты общероссийского единства, их важное противодействие неоколониальным историографическим практикам, объясняя интересы зарубежных авторов к механизмам мягкой силы России, к ее многожилному проводу, по которому текла модернизация. При этом, сам анализ, конечно, нуждался в публикации новых источников, в более сложном и многомерном понимании «колониального прошлого», равно как и мифов «неоколониального настоящего» о нем в историографических сетях и сообществах.

Хотя представление предыстории постсоветских национальных государств в качестве неоколониальной теоретически некорректно, но неоколониальное, как его называют западные авторы, обновление историографии в бывших советских республиках все-таки началось и активно продвигается. Публикуемые нарративы, их вклад в неоколониальные подходы не более чем побочный рядом с первостепенной задачей: создавать и углублять доказательные точки

зрения на историю цивилизационного развития этнокультурных пространств, особенно их архисложных композиций, складываемых столетиями исторически. Борьба историографий продолжается. М. Тлостанова рассматривает новый концепт «колониальность» (предложенный перуанским социальным философом Анибалем Кихано) применительно к российским историческим условиям и обстоятельствам. Она использует его в анализе деколониального поворота или выбора как направление в современной критической теории, занятое кардинальным переосмыслением проекта модерна в неразрывной связи с его темной стороной – колониальностью как изнанкой модерности. Здесь, представляется, автор пытается осмыслить то, что выше нами названо многожилностью провода модернизации, его сложной наполненностью [2,3,4]. «Тёмная сторона модерна», поясняет писатель Е. Богатырева, постигается той стороной сознания, где чувству уделяется больше места, чем рациональному знанию. Понятие тёмной стороны введено аргентинским философом Э. Дусселем, переплетавшим идеи неомарксизма, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Х. Ортеги-и-Гассета и пр. между собой. Это интересно для историков, хотя больше занимает поэтов, писателей, художников авангардистского толка. С деколониальным поворотом М. Тлостанова ввела понятие глобальной колониальности, расставила по новым местам научные термины и сопутствующие им практики. Но как заметила Амелина, цель «деколониальности» состоит в том, чтобы объявить устоявшуюся систему гуманитарных знаний ложной и заменить ее самостоятельностью в духе «вы неправильно написали нашу историю».

ДекOLONиальная мысль не акцентирует историческое описание стратегий пост(нео)колониализма, но фокусируется на долговременных онтологических, эпистемологических и аксиологических следах, которые остаются после того, как колониализм, его политическая практика остались в прошлом. Например, черта оседлости воспринимались одновременно как квинтэссенция специфических колониальных практик имперской администрации, ограничивающих доступ еврейского населения к образованию, инструментам и ресурсам культуры. Но и татарским жителям, вероятно, не ведавшим об этой черте, запрещалось появляться из татарской слободы в городе Казани. Глобальная колониальность проявляется в локальных формах и условиях, оставаясь связующей нитью для понимания проявлений модерности. Отказ от приставки «пост» не означает, что колониализм жив, как прежде, но приставка ограничивает его рамками векторной линейной

истории. Приняв его содержание, мы молчаливо соглашаемся: движение возможно только по оси прогресса и развития в одну или другую сторону, но никак не вне ее, даже если многие постколониальные теоретики критикуют прогрессистские векторные модели времени.

Неоколониальную «констатацию нашего общего человеческого удела, его специфическую конфигурацию, - утверждает М. Тлостанова, - мы не в силах изменить». Хотя она же признает: постсоветский постколониальный опыт сложно объяснить посредством классической постколониальной теории. Российская ситуация иная, в ней произошел очевидный раздел на консервативную критику, активно присваивающую себе право носить постколониальные одежды, и на тех, кто продолжает искать ответы в непростом опыте советской модерности, ее нелинейном процессе, ее определенных правах, благах, уровне модернизации, распределении ролей – интеллектуальных, культурных, художественных, держа в уме разные линии политического поведения. На самом деле, Тлостанова предлагает изучать по сути «человеческий удел тех, кто принадлежит к колониальной стороне модерности». Назовем работу И.Н. Ионина о теоретическом осмыслении феномена постколониального дискурса применительно к постсоветскому пространству, ставя проблематику в широкий гносеологический контекст [5], в т.ч. обращаясь к психологии мышления и социологии знания. А.И. Сироткина обратила внимание на изменение неоколониалистской стратегии, конкретных форм проявления и воздействия на социально-экономическое развитие государств метрополии [6, с. 83-93]. Можно говорить и о школе исторического антиколониализма применительно к советской исторической науке 1920–1930-х гг. Антиколониальный дискурс советской историографии предстает не идеологизированным отрицанием «нормальной» государственно-патриотической традиции, а строительством нового формата исторического нарратива, в котором презентация истории (историй) всех народов СССР занимала более или менее равноценное место. К извлечению и осмыслению «глубинных» аргументов и доказательств обратились татарские ученые, организовав в Казани издание журнала «Археология Евразийских степей», посвященного узловым проблемам степной Евразии разных эпох с помощью смежных исторических и естественнонаучных дисциплин. Анализируются чужие стратегии, сопоставляются практики, оцениваются внутривнутриполитические шаги в контексте новых вызовов. Сюжеты этнической истории уточняют

обоснование своего места в цивилизационном потоке. В частности, международный научный журнал *Ab Imperio*, член Американской ассоциации содействия славянским исследованиям организовал специальный проект. Журнал ориентировал сформированный коллектив авторов осмыслить проблемы эпистемологической деколонизации задолго до того, как «деколонизация» стала политической модой: собирались авторы по междисциплинарному и компаративистскому изучению истории империи, национальностей и национальных движений на постсоветском пространстве. Относительно первой трети XX века, нас интересующей, особое внимание уделялось национализмам как продуктам империй, национализации «русской истории», революции 1917 г. как имперской революции, раннему Советскому Союзу: между импульсами национализма и универсализма, переосмысливая эти проблемы сквозь призму деколонизации. Ставя задачу возглавить исследовательский процесс, заменяя им дискретные частные достижения, редакция журнала последовательно продвигала исследования прошлого и настоящего российских исторических практик в русле постоянного диалога с исследователями наднациональных формаций и композитных политий, имперских обществ, национальных и колониальных проектов, а также постимперского воображения и глобальных контактов.

Активизация внимания к имперской истории, прочитывание ее по-новому, углубила сложность подхода к проблеме. Механизм взаимодействия этнокультурных пространств коренился в многослойном комплексе идентичностей, этнодипломатии и государственной этнополитики, формировавшихся на протяжении столетий. Он преобразовывался под воздействием миграционных, экономических, идеологических и политических процессов, обобщенно называемых этапами российской (российско-имперской) колонизации, советизации. В ходе преобразований менялись системы коммуникаций, их механизмы, очертания административных и государственных границ, ареалы расселения, ментальные ориентиры и поведенческие стратегии народов и их элит. Сохранялся интерес к анализу научно-технического процесса, новых технологий и т.п.

Что касается исследователей из бывших республик, то они с большим интересом отнеслись к данным проектам, концентрируясь на «горячей» тематике. А. Бисенова с соавтором отнесла пострадавших от сталинских репрессий джадидов и алашистов к колониальным интеллектуалам, сводя многоплановую сложную историю Алаш к «ложным дихотомиям» прогресса / регресса,

модернизации / отсталости, к колониальной конфигурации из-за полученного в российских университетах образования, в итоге за их вклад в сохранение, как считают авторы, неоколониального общества [7]. Критически в общественно-политическом дискурсе отнеслись к идеям деколонизации Северного Кавказа В.В.Дегоев и др. [8, с. 10-28]. Сам дискурс остался перспективным подходом, объясняющий столкновение национальных интересов Российской империи / СССР и национального самосознания этнических обществ. Он стал подспорьем для понимания и страновой специфики в неоколониалистских теориях, анализируемых в научных мероприятиях РУДН, в публикациях, разделяемых на «адресованные развивающимся странам варианты общеизвестных буржуазных и реформистских концепций» и на «концепции и теории, специально созданные для поддержки неоколониализма», связанные с политическими маневрами и экономическим арсеналом метрополий. К ним отнесены различные версии «взаимозависимости», тематические разработки переходов от «замкнутого» к «коллективному» неоколониализму, специфик «дуализма», «модернизации», «элит», «нового среднего класса», «политического лидерства» и др. Основные контуры исследовательской программы изучения постколониальных стран РУДН («белые пятна деколонизации») нацелены заполнить переход от «созерцательного регионоведения» при изучении стран Глобального Юга к переосмыслению процесса их реальной деколонизации [9].

Очевидно, взаимное интеллектуальное и политическое «опыление» культурными реалиями часто является результатом борьбы за автономию и гражданство в ходе исторической «межкультурной и транснациональной формации», решавшей современные вызовы в контексте с проблемами национального характера «нарезкой и смешением» (феномен «салатной миски») или «культурной диаспоризацией». Эту политическую терминологию использовали руководители российских автономий задолго до ее появления в зарубежной неоколониалистской аналитике: после октября 1917 г. конфликтность на этноконфессиональной почве расширила программные требования этнополитических элит, активно выступавших за политическую самостоятельность окраин. По сути, революция 1917 года стала важным фактором распада Российской империи. Создание идеологической основы партийных практик борьбы с колониалистским наследием брал на себя ЦК РКП (б), советские наркоматы, в структуре которых действовали этнокультурные отделы и управления, уделявшие основное внимание

национально-колониальным проблемам. Важнейшие решения для борьбы с колониальными практиками приняли X, XII съезды РКП (б), партийные совещания 1920-х годов. Для их реализации были созданы республиканские структуры власти и учебные заведения. Акценты фокусировались на критике былой имперской администрации. Анализ советской, ее этнокультурное наполнение (не обязательно русское, в разных республиках существовало доминирование других больших культур над малыми) в этом контексте строго контролировались. Культура использовалась организаторами общества – политиками, учеными, школой, семьями. Лидеры использовали ее как политический ресурс разжигания страстей, так и оправдания своих действий. Многие ресурсы культур, особенно малых народов, получая формальное развитие, маргинализировались. В актуальных дискуссиях о колониальности на постсоветском пространстве раннесоветская антиколониальная критика, исторический анализ ее либо просто игнорируется, либо трактуется как лицемерное прикрытие издержек советских практик, хотя в архивах достаточно фактов с жалобами: «Все горские дела решает Ростов и, очевидно, решает не очень удачно, т.к. с каждым годом северокавказский салат из национальностей делается все мельче искрошенным» - писали в ЦК ВКП (б) Председатель ЦИК Н.Самурский и Председатель СНК Дж.Коркмасов в 1925 г. из Дагестанской АССР. Кстати, Самурский в 1933 г. стал кандидатом исторических наук, защитив диссертацию на полезную и в наши дни тему «Турция от полуколонии к национальной независимости». В нарративах сторонников неоколониалистских штудий насыщенная интересными фактами история людей XX века, полная драматизма, ошибок и побед на разнообразных этнокультурных пространствах бывшего СССР, должна набирать глубину, беспристрастность и объективность мотивов и аргументов. Важно отметить спор в США в 1920-е годы о нехитрой метафоре салатника, в котором ингредиенты находятся в постоянном контакте, но не перемешиваются и тем более не растворяются, рождая некое новое единство [10]. «Салатная миска», несмотря на неэлегантность, была адекватной метафорой – идеалом для будущего американского общества, во всяком случае, могла обещать большую справедливость по отношению ко всем его компонентам. Молодые же автономные образования в СССР, вследствие бедного запаса традиций, концепций, чувств и инстинктов, политического опыта и натренированности, когда речь шла о самостоятельном государственном управлении, оказывались с глазу на глаз с трудностями, с которыми не всегда знали, как

справиться. Но очевидно сходство мотивов и формулировок молодых политиков СССР и участников спора в США. В государственных практиках верх брала плавильная метафора, а вместе с ней и унифицирующее начало в реализации политических программ и проектов. В 1972 г. в докладе к 50-летию образования Союза ССР Л.И.Брежнев упоминал две метафоры, характеризующие суть многонациональной советской культуры: и как результат ее - органический сплав, и как ее богатую палитру (заменив ею «салатную миску»).

Крайне важна опора на современные специальные научные дисциплины, комплекс гуманитарных языковедческих, социологических, правовых, исторических научных приемов с этнологическим уклоном. Развитие их в разные периоды подвергалось идеологической коррекции. Но еще до появления «неоколониалистских» проектов, в середине 1970-х годов М.М. Бахтин работал над проблемами трансформации языка мультикультурной литературы, в которой заложены архетипы этноса, народа, национальности, «национального» и, конечно, межнациональных отношений, представляющих особый интерес, связанных с проблемами «чужого», иноязычного слова, которое всегда принимает участие в формировании нового языка. Феномен речевого скрещения как основного фактора эволюции языков Бахтин назвал ненамеренной бессознательной гибридизацией, одним из важнейших модусов исторической жизни и становления языков. «Образ языка, как намеренный гибрид, — прежде всего гибрид сознательный (в отличие от исторического органического и темного языкового гибрида); это именно осознание одного языка другим языком, освещение его другим языковым сознанием. Образ языка может строиться только с точки зрения другого языка, принятого за норму» [11, с. 171]. Это полезные размышления для современных аналитиков неоколониализма, неоколониальности и пр. Для оценки интеллектуальных действий важны рассуждения пришедших в аналитическое поле проблемы современников Бахтина социалингвистов 1920-х годов В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, Р. Якобсона, Н. Яковлева, Г. Винокура, оценивавших авангардный историко-культурный феномен практик «языкового строительства» молодой власти в борьбе с колониальным наследием. Их споры увязывались с социокультурными задачами политиков. Г. Винокур настаивал на профессиональном подходе к решению политической проблемы «нашей революционной фразеологии и нашей языковой политики... Никто решительно, конечно, не знает, что такое —

языковая политика; в особенности же загадочна наша ... по очень простой причине: нашей языковой политики в природе вообще не существует. Между тем такая политика насущно необходима, ибо армия бесписьменных народов юго-востока Европейской России и Сибири начала выделять специалистов (большею частью – весьма сомнительных), которые изобретают национальные алфавиты, составляют национальные грамматики, начинают вводить свой язык в круг административно-государственного пользования и т.п. Является ли это массовое производство туземных Кириллов и Мефодиев элементом языковой политики?». Винокур уточнял мысль: «языковая политика должна осуществляться строго-лингвистическими методами, а не дубинками и кулаками» [12].

Опыт народов, результат их модернизации касается не только полезных ископаемых, но и культуры, языков, традиционных космологий, вариантов борьбы с неравенством в ситуациях, всегда практически по-разному отчаянных. В нем зияют колоссальные лакуны, таящие в себе ответы на загадки и вызовы современности. Этот опыт критически осмысливается на основе ранее недоступных источников, новых теорий и исследовательских технологий. Общее направление анализа представляет компромисс между тремя традиционными историческими нарративами. Речь идет о модернизации имперского наследия страны, взаимодействии центра и окраин, о людях, меняющихся пространствах империи [13].

Наделяют ли неоколониальные нарративы свои объекты агентностью и правом голоса или, наоборот, отнимают их, важные историку? Неоколониалистская модель исследования отношений угнетения и сопротивления (или их гибридного взаимодействия) не предоставляет пока аналитических инструментов, чтобы интерпретировать сложные мотивы. Сама по себе подобная интерпретация неоколониальных отношений ведет к тому, что политическая риторика и идеологические дискурсы оказываются далеки от личного травматического опыта отдельных людей и целых народов. Неоколониальная по своей сути «симпатизирующая этнография» делает плохую услугу народу, который становился предметом демонстративной любви внешних сил. В.А.Козлов с соавторами описал парадоксальный опыт взаимоотношений вайнахов и советского государства - почти десятилетних утопических попыток власти воплотить старую имперскую мечту: выселить «беспокойных» чеченцев и ингушей за пределы Северного Кавказа, заселить освободившиеся территории более «спокойными» народами, а в местах спецпоселений – в степях и горах Казахстана и Киргизии –

создать новый подконтрольный НКВД атомизированный этнос. Ссылка, которая принесла столько страданий, но особенно последовавшая за ней репатриация расширили условный ареал существования этноса, его обозримую и обознаваемую реальность. Вайнахи начали выходить, сначала под давлением обстоятельств, а затем с большим или меньшим желанием из автохтонной ниши в мир незнакомый, враждебный, но полный новых связей и возможностей [14].

Следовало бы оценить всю сложность столкновения общей логики нормальности и естественности человеческих различий с частным изводом опыта унификации и систематизации, который лежал в основе политических практик культурной политики. Следует оставаться на той позиции, что «единственным и основным законом истории является неопределенность и многовариантность, а у исторической импровизации столько же шансов, сколько и у исторической закономерности, если таковая устанавливается исследователем и не является столь часто встречающейся постфактической рационализацией» [15].

Библиографический список

1. Амелина Я. «Деколонизация»: от псевдонаучных штудий - к развалу страны <https://kavkazgeoclub.ru/content/dekolonizaciya-ot-psevdonauchnyh-shtudiy-k-razvalu-strany> Дата обращения 08.06.2024
2. Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // НЛЮ. 2020. № 1.
3. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. Докт. дисс. М., 2000.
4. Тлостанова М. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // Личность. Культура. Общество. 2008. № X.
5. Ионов И.Н. Идеал цивилизации, его эмоциональная окрашенность и перекрестная история // Цивилизации. Вып. 9. Цивилизация как идея и исследовательская практика / Отв. ред. А.О.Чубарьян. М.: Наука, 2014.
6. Сироткина А.И. Эволюция теоретических воззрений на неокOLONиализм как экономическую категорию // Вопросы политической экономии. 2020. Вып. 3.
7. Бисенова А., Мукашева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью//НЛЮ.2020. № 6.
8. Дегоев В.В. Кавказ и международные коллизии XX века // Кавказский сборник. Москва: «Аспект Пресс», 2021. Т. 13(45).
9. Бокерия С.А., Давидчук А.С., Дегтерев Д.А. и др. Советские исследования неокOLONиализма // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Vol. 22. № 4.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 568. Л. 10-11.
11. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
12. Винокур Г. О революционной фразеологии: один из вопросов языковой политики // ЛЕФ. 1923. № 2.
13. Красовицкая Т.Ю. Идеи и практики в советской национально-культурной политике. 1917–1929 гг. М.: Кучково поле, Музеон. 2023.

14. Козлов В.А., Козлова М.Е., Бенвенути Ф. Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 – начало 1960-х гг.). СПб.; М.: Нестор-История, 2016.

15. Тишков В.А. Конструирование чеченцев из этнографического мусора / Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 2001.

ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕРБИИ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ФАКТОР

CHANGES IN THE ETHNIC STRUCTURE OF CONTEMPORARY SERBIA AS THE CONFLICT-CAUSING FACTOR

А.В. Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья раскрывает изменения этнической структуры населения современной Сербии, вызванные низкой рождаемостью и международными миграциями. Автор отмечает снижение удельного веса сербов в населении страны, образование и расширение анклавов проживания новых этнических меньшинств в регионах Рашка, Санджак и Воеводина. Подчеркивается, что исламизация населения Санджака и Рашки совершается при активной поддержке Турции и арабских государств. В итоге нарастают угрозы сепаратизма и религиозного экстремизма, используемые Западом для давления на руководство Сербии.

Abstract. The article reveals the changes in the ethnic structure of the population of modern Serbia caused by low birth rate and international migration. The author notes a decrease in the proportion of Serbs in the country's population, the formation and expansion of enclaves of new ethnic minorities in the Rashka, Sanjak and Vojvodina regions. It is emphasized that the Islamization of the Sanjak and Rashka populations is being carried out with the active support of Turkey and the Arab states. As a result, the threats of separatism and religious extremism are increasing, used by the West countries to put pressure on the Serbian leadership.

Ключевые слова: этническая структура, изменения, современная Сербия, конфликтогенный фактор.

Keywords: ethnic structure, changes, contemporary Serbia, the conflict-causing factor.

Этнические процессы в современной Сербии представляют значительный интерес для понимания того, как организуется ослабление и разрушение слабых государств глобализируемого мира. Полиэтничность, поликонфессиональность, расположение Сербии в кольце враждебных стран, обострение проблем непризнанной государственности Косова и статуса сербов в Боснии и Герцеговине, –

комплекс этих региональных факторов, как и намерения стран Запада окончательно поставить Сербию под полный геополитический контроль привлекают внимание к динамике этнической структуры Сербии.

Степень разработанности научной проблемы недостаточна, хотя создано достаточно много научных работ об этнических процессах в современной Сербии. В том числе, представляет интерес сборник статей З. Милошевича о балканской геополитике [11], диссертация М.Т. Томича об угрозах сепаратизма в сербских регионах [22], статья Г. Пенева об этнической структуре балканских обществ [16], работы Н. Радужки об изменениях этнической структуры Сербии за 2011–2022 гг. [19; 20], статья В. Рашкович-Талович, М. Стоядиновича и Д. Станара о национальной политике Сербии [21]. Влияние Турции на этнические процессы в Сербии освещается в работах О. Барашина [25] и В. Василич [28]. Современное состояние косовского сообщества обобщено в сборнике докладов Ч. Оича, Б. Драшковича, С. Боровича и др. [8]. Воздействие боснийского кризиса на Сербию раскрывает Э. Влайки [4]. Сепаратистские проявления в Воеводине анализируют Й. Пейин и Р.В. Дабич [15].

Российская историография об этнических процессах в Сербии представлена монографиями Е.Г. Пономарёвой [17], Е.Г. Пономарёвой и Е.С. Арляповой [18], статьями М.Е. Млечко [13], Н.Л. Турова, А.С. Зиновьева и И.С. Крылова [23], Д. Лане [9]. Языковой аспект этнических изменений на примерах Воеводины и Косова характеризует Н.В. Борисова [1]. Влияние Турции на Западные Балканы в религиозном и этническом ракурсах исследовали Д.Р. Исламов и Д.А. Балакин [7].

Вместе с тем, ситуация на Балканах меняется настолько быстро, что многие тенденции ещё не освещены специалистами и остаются уделом публицистики. Мало изучены результаты переписи населения в Сербии 2022 г. и текущего статистического учёта населения.

Цель статьи – раскрыть изменения этнической структуры населения современной Сербии в 2000–2025 гг.

Исследование основано на парадигме конструктивизма применительно к этнополитическим исследованиям. Понимание этнического самосознания как плода воспитания и информационных внушений, равно как и повседневных жизненных практик позволяет объяснить дрейф идентичностей, происходящий в Сербии после распада Югославии.

Источниковая основа статьи включает в себя этнические карты, статистические материалы, публицистику и сообщения массмедиа. В

том числе, принципиальное значение имеют опубликованные материалы переписей населения и текущего статистического учёта.

Несовпадение этнических и религиозных ареалов с административно-территориальным строем государств – многовековой фактор конфликтов. Согласно переписи населения 1991 г., сербы составляли 66,7% населения Сербии (включая Автономный край Косово и Метохию), албанцы – 17,5%, «югославы» – 3,3%, «мусульмане» – 2,4%, черногорцы – 1,4%, хорваты – 1,0%, македонцы – 0,5%, другие народы – 7,2%. Религиозный состав: православные – 65% верующих, мусульмане – 19, католики – 4% [6, с. 75]. Принципиально важна территориальная неравномерность расселения народов в основной части Сербии в сравнении с Косово и Воеводиной. В пределах Сербии, за вычетом Косова и Воеводины, сербы составляли в 1991 г. 88,5% населения, «мусульмане» – 3,0%, «югославы» – 2,5%, албанцы и черногорцы – по 1,3%, хорваты и македонцы – по 0,5%, другие народы – 2,3%. Напротив, в Косово сербы составляли в 1991 г. 10,1%, албанцы – 83,2%, «мусульмане» – 2,9%, черногорцы – 1,0% и другие народы – 2,7%. В Воеводине сербы насчитывали 58,5%, венгры – 13%, «югославы» – 8,6%, хорваты – 3,8%, словаки – 2,6%, черногорцы – 2,2%, румыны и цыгане – 1,2%, македонцы – 0,9%, другие народы – 8,0%. Важно, что одна треть жителей Воеводины имела двойную самоидентификацию [6, с. 75].

Жестокие этнополитические конфликты 1990-х гг. привели к значительным миграционным потокам (около 600 тыс. чел.), направлявшимся в Сербию из Боснии и Герцеговины, Хорватии, Косова. Из Хорватии прибыло около 200 тыс. беженцев, примерно по столько же – из Косова и БиГ [24, с. 304; 2]. Одновременно почти исчезла самоидентификация «югославы». Ряд малых народов (влахи, буневцы, горанцы и др.) был признан при проведении постъюгославских переписей населения.

Усилившаяся Турция и монархии Персидского залива проводят курс на «исламское возрождение» на Балканах, превращая Албанию, Косово, Боснию и Герцеговину в свои опорные пункты, а также укрепляя мусульманские анклав в Болгарии, Черногории, Македонии и Сербии. Тогдашний министр иностранных дел Турции А. Давутоглу открыто заявил: «Турция имеет право влиять на порядок отношений на Балканах, чтобы защитить свое историческое наследие. Мы хотим видеть новый регион, основанный на политических ценностях и культурной гегемонии. Это были османские Балканы. Мы обновим эти Балканы» [3]. За 2024 г. Турция вложила 3 млрд. долл. инвестиций в страны Западных Балкан (в первую очередь в

стратегические отрасли экономики), по заявлению председателя Союза палат и товарных бирж Турции Р. Хисарджиклыоглу на заседании Балкано-турецкой ассоциации промышленников и предпринимателей в январе 2025 г. [5]. Товарооборот Турции с Сербией в 2024 г. достиг 2,3 млрд евро, по заявлению министра внутренней и внешней торговли Сербии Т. Момировича 4 июля 2024 г. Созданы зоны свободной торговли с Турцией, финансируется переселение мусульман из стран Ближнего Востока (в основном беженцев из зон конфликтов) на Западные Балканы. В г. Призрене (Косово) создан Балканский институт тюркских исследований, являющийся инструментом распространения радикального ислама. В большом количестве строятся мечети, создаются исламские религиозно-культурные центры и турецкие светские университеты [10, с. 62–63]. Именно Балканы – самый короткий и надежный путь для въезда мигрантов с Ближнего Востока и Магриба в Европу, для транзита наркотиков, оружия и других форм преступной деятельности.

Согласно переписи 2011 г., которая проводилась в Сербии и не охватила пределы самопровозглашенной Республики Косово, страну населяли 7 186, 9 тыс. чел. В том числе, сербы составляли 83,3%, венгры – 3,5%, бошняки и цыгане – по 2,0%, русские – 1,2%, хорваты – 0,8%, словаки – 0,7%, черногорцы и влахи – по 0,5%, румыны – 0,4%, македонцы и «мусульмане» – по 0,3%, болгары – 0,26%, буневцы – 0,23%, русины – 0,2%, горанцы – 0,11%, албанцы – 0,08% и др. При этом считали себя православными 88,5% давших ответ о своей религиозности, католиками – 5,2%, мусульманами – 3,3%, атеистами – 1,2%, протестантами – 1,0%, «христианами» – 0,7% и др. [19, с. 16]. В 2011 г. также состоялась сепаратная перепись в непризнанном Косово, кроме сербских анклавов на севере края, бойкотировавших учёт. Если верить её результатам, Косово имело численность населения 1 739,8 тыс. чел., из них 92,9% – албанцы, 1,6% – бошняки, 1,5% – сербы, 1,0% – турки и др. [14].

Этнический состав населения Сербии (без учёта Косова) по переписи 2022 г. таков: сербы – 80,6%, венгры (2,77%), боснийцы (2,31%), цыгане (1,98%), албанцы (0,93%), словаки (0,63%), хорваты (0,59%), югославы (0,41%), румыны (0,34%), влахи (0,32%) и др. Конфессиональный состав населения по переписи 2022 г. включает 88,9% православных, 5,7% католиков, 3,35% мусульман, 1,1% протестантов, 0,56% атеистов, 0,21% «христиан» и др. [26].

Политически очень важны различия этнического состава местностей и городов, особенно – приграничных. Очевидна

неравномерность удельного веса сербов в населении муниципальных образований страны по переписи 2022 г. Отчётливо видны анклавные с низким удельным весом сербов – Санджак (на юго-западе страны), где в последние годы повышается процент бошняков и других народов исламского вероисповедания, а также Воеводина (повышенный удельный вес венгров, словаков, хорватов, румын и др.) (рис. 1).

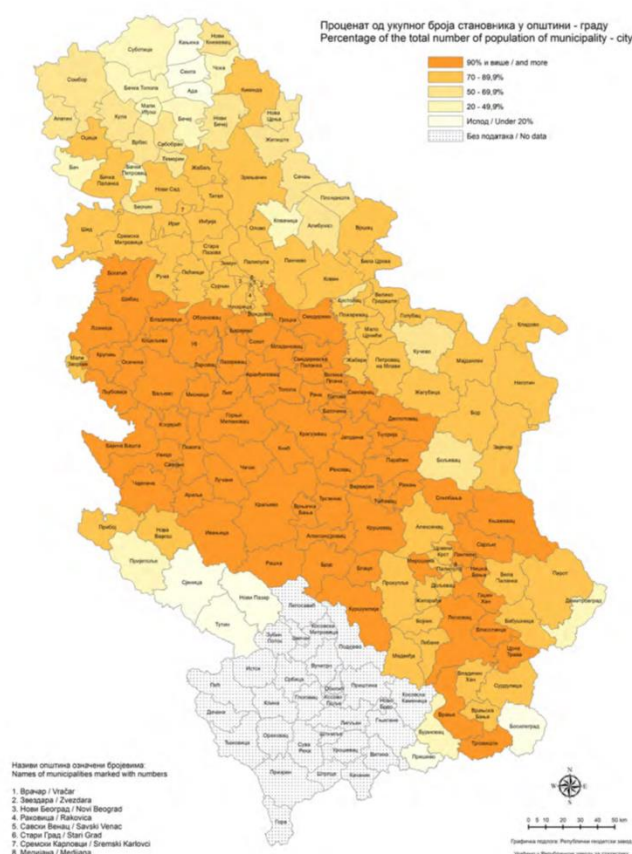

Рисунок 1. Удельный вес сербов в этническом составе населения муниципалитетов страны (2022 г.).

Источник: Национална припадност. Подаци по општинама и градовима. Србија. Попис 2022. Београд: Републички завод за статистику, 2025. С. 116.

Вследствие повышенной рождаемости и миграции воссоздаётся «Санджакский коридор», который до 1878 г. соединял Боснию и Герцеговину с османскими владениями в Албании и Македонии. Как отмечают публицисты, в Санджаке проживание сербов становится уже небезопасным. Туда направляется целевая экономическая, культурная и религиозная помощь из Турции и арабских стран, стоит жильё и мечети для мусульман-мигрантов. Это чревато отторжением Санджака от Сербии или, как минимум, его федерализацией [12].

В Воеводине региональные политические объединения после трагического происшествия 1 ноября 2024 г. (гибели пассажиров на автовокзале г. Нови-Сад) возобновили действия с целью внести изменения в Конституцию, которые вновь предоставят региону законодательную, исполнительную и судебную власть по примеру широкой автономии края, существовавшей с 1974 по 1988 гг. Так, местный политик Г. Ешич в интервью «Гражданскому portalу Воеводинской автономии» подчеркнул, что «вопрос Воеводины ни в коем случае не закрыт» и он «будет только обостряться». Г. Ешич отказался высказаться о возможности отделения Воеводины от Сербии. Но он считает, что политический кризис в стране благоприятен для предъявления требований к центральной власти [27]. Учитывая полиэтнический состав населения Воеводины (сербы – 68,4%, венгры – 10,5%, цыгане – 2,35%, словаки – 2,29%, хорваты – 1,88%, румыны – 1,13% и др. по переписи 2022 г.) [26], сепаратизм носит не этнический, а регионально-территориальный характер; его лозунги разделяет прозападно настроенная часть сербов. Негативный сценарий развития может означать отпадение от Сербии отдельных муниципалитетов в случае смены политического режима на прозападный.

Итак, изменения этнической структуры населения современной Сербии в 2000–2025 гг. это умеренное снижение доли сербов, вытеснение сербского сообщества из Автономного края Косово и Метохии, увеличение доли мусульман (албанцев, бошняков, турок) в Санджаке и Рашке. Вследствие этнополитических конфликтов в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово Сербия испытала значительный приток беженцев (8–9% постоянного населения). В последние годы идёт политизация этнических процессов в Автономном крае Воеводина, данный процесс используется странами Запада для давления на органы власти Сербии и для вытеснения страны из Дунайского региона.

Библиографический список

1. Борисова Н.В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межатнических отношениях. М.: Полит. энциклопедия, 2017. 189 с.
2. В Сербии зафиксировали растущий поток переселенцев из Косова // Сайт ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24291929> (дата обращения: 04.11.2025).
3. Валецкий О. Война на Балканах ещё не закончилась // Сайт «Геополитика». 2017. URL: <http://www.geo-politica.info/voyna-na-balkanakh-eschyo-ne-zakonchilas.html> (дата обращения: 04.11.2025).
4. Влајки Е. Америчко-исламски антисрпски цихад. Београд: Филип Вишњић, 2016. 393 с.

5. Гаджиев А. Политика Турции на Балканах: гармония в противоречиях // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-na-balkanakh-garmoniya-v-protivorechiyakh/> (дата обращения: 04.11.2025).
6. Изакович З. Политические и этнорелигиозные аспекты югославского конфликта // Социологические исследования (Социс). 1996. № 5. С. 71–77.
7. Исламов Д.Р., Балакин Д.А. Внешнеполитическая роль Турции на Западных Балканах в период пандемии COVID-19 // Modern oriental studies. 2023. Т. 5. № 2. С. 103–117.
8. Косовская вертикаль или неоколониальная горизонталь? Сборник статей / сост. Ч. Оич. СПб.: Владимир Даль, 2023. 479 с.
9. Лане Д. «Страшно далеки они от народа»: сепаратизм санджакских политиков // Последний союзник. Сербия и Россия до и после СВО. Балканист. М.: Вече, 2023. С. 60–65.
10. Лобанов К.Н., Шахов В.В. Западные Балканы как объект геополитического анализа современной ситуации в регионе // Среднерусский вестник общественных наук. Орёл, 2017. Т. 12, № 4. С. 56–67.
11. Милошевич З. Геополитика. Взгляд с Балкан. СПб.; М.; Минск; Белград: ЛИТО «Свежий взгляд», 2023. Часть 1. 284 с.
12. Митић: «Европски региони-Војводина-Санџак-Прешевска долина» – зашто власт институционализује сепаратизам у Народној скупштини? // Српски покрет. Двери. URL: <https://dveri.rs/saopstenja/mitic-evropski-regioni-vojvodina-sandzak-presevska-dolina-zasto-vlast-institucionalizuje-separatizam-u-narodnoj-skupstini> (дата обращения: 04.11.2025).
13. Млечко М.Е. Этнополитические процессы в новых независимых государствах на постсоветском и постъюгославском пространстве // Обозреватель – Observer. 2018. № 3 (338). С. 58–71.
14. Население Косово // Сайт <https://countrymeters.info>. URL: <https://countrymeters.info/ru/Kosovo> (дата обращения: 04.11.2025).
15. Пејин Ј., Дабих Р.В. Војводина: сепаратизам од Броза до Пајтића. Belgrade: Pešić i sinovi, 2015. 222 с.
16. Пенев Г. Етничка структура становништва балканских држава крајем 20. и почетком 21. века // Теме. 2012. Год. XXXVI. Бр. 4. С. 1535–1557.
17. Пономарёва Е.Г. Новые государства на Балканах. М.: МГИМО (У) МИД России, 2010. 252 с.
18. Пономарёва Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы в преддверии и ходе текущего кризиса: игроки и фигуры. М.: Проспект, 2025. 320 с.
19. Радушки Н. Национална припадност становништва Србије по попису 2011. године // Српска политичка мисао. Београд, 2013. Год. 20. Vol. 39. С. 11–28.
20. Радушки Н. Попис 2022 – становништво Србије према националној припадности // Српска политичка мисао. Београд, 2024. Vol. 83. Број 1. С. 7–27. DOI: 10.5937/spm83-48586. URL: <https://www.ips.ac.rs/assets/pdf/01-Nada-Raduski-1.pdf>
21. Рашкович-Талович В., Стојадинович М., Станар Д. Српска национална политика у XXI веку: супремација принципа очувања етничког корпуса // Србија и свет – друштвене и политичке парадигме. Београд: Институт за међународну политику и привреду, 2022. С. 471–475.
22. Томић М.Т. Угрожавање националне безбедности сецесијом територија са расположивим природним ресурсима: случај Србије, Украјине и Шпаније: докторска дисертација. Београд, 2022. 282 с.
23. Туров Н.Л., Зиновьев А.С., Крылов И.С. Социокультурные расколы в политико-географическом пространстве Сербии // Псковский регионологический журнал. 2019. № 1 (37). С. 19–32.

24. Чубрило Р.И., Ивковић Б.Р., Ђаковић Д., Адамовић Ј., Родић М.Ђ. и др. Српска Крајина. Београд: Матић, 2011. 742 с.
25. Barašin O. Turkey's geopolitics towards the Balkans // Pan-Turkism today. Belgrade: Institute for political studies, 2025. P. 407–417.
26. Konačni rezultati – Nacionalna pripadnost // Republički zavod za statistiku. URL: <https://popis2022.stat.gov.rs/sr-Latn/5-vestisaopstenja/news-events/> 20230428-konacnirezpopisa (дата обращения: 04.11.2025).
27. Spalović D. Zašto separatisti opet dižu glavu u Vojvodini // Politika novine. URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/658779/zasto-separatisti-opet-dizu-glavu-u-vojvodini> (дата обращения: 04.11.2025).
28. Vasilič V. Turkish diaspora in the Balkans: identity, politics and culture // Pan-Turkism today. Belgrade: Institute for political studies, 2025. P. 39–50.

НИГЕР И ГАБОН: ЗНАЧЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОЛЛЕКТИВНОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В БЫВШИХ АФРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ

NIGER AND GABON: THE IMPORTANCE OF FRENCH COLLECTIVE SYMBOLIC CAPITAL IN FORMER AFRICAN COLONIES

М.М. Юсна

Международная общественная организация «Братство белорусов
и россиян», г. Минск, Республика Беларусь

М.М. Yuspa

International public organization «Brotherhood of Belarusians and Russians»,
Minsk, Belarus

Аннотация. В статье автор обращает внимание на ситуацию в бывших французских африканских колониальных владениях: Нигере и Габоне. С целью развития понимания мировосприятия местного населения осуществляется небольшое погружение в контекст международных отношений на Африканском континенте, а также приводятся некоторые данные из колониальной истории этих государств. Автор приходит к выводу, что для эффективного планирования внешнеполитической и экономической деятельности необходимо обращать внимание на фактор коллективного символического капитала, дающего более глубокое видение происходящих процессов.

Abstract. In the article, the author draws attention to the situation in the former French African colonial possessions: Niger and Gabon. In order to develop an understanding of the worldview of the local population, a small immersion is carried out in the context of international relations on the African continent, as well as some data from the colonial history of these states is presented. The author comes to the conclusion that for effective planning of foreign policy and economic activities, it is necessary to pay attention to the factor of collective symbolic capital, which provides a deeper vision of the ongoing processes.

Ключевые слова: коллективный символический капитал; Африка, Нигер; Габон; международные отношения; колониализм; Франция; внешняя политика, культурный код.

Keywords: collective symbolic capital; Africa, Niger; Gabon; international relations; colonialism; France; foreign policy, cultural code.

Современные мир переживает серьезные структурные изменения. Данные процессы вызваны рядом факторов различного характера, уходящих своими корнями в XIX век.

2023 год ознаменовался революционными изменениями политической системы некоторых африканских государств на фоне проведения Россией Специальной Военной Операции и постепенного разворота своей экономики с Запада на глобальный Юг и Восток.

Наблюдатели отмечают, что российская заинтересованность в сотрудничестве с африканским континентом получила значимый импульс к развитию несколько ранее, что было ознаменовано внесением с 2019 года в российский внешнеполитический календарь мероприятий, нацеленных на концентрацию переговорных усилий с Африкой – международных саммитов «Россия-Африка» с приглашением лидеров африканских государств.

Менее формализованное взаимодействие России с «Чёрным континентом» после многолетнего нахождения в анабиозе, вызванного разрушением Советского Союза, начало активизироваться в 2017 г., отмеченном появлением в Судане так называемой «Группы Вагнер», которая уже была на слуху в связи с российской военной кампанией в Сирии. В том году «Группа Вагнер» приступает к выполнению боевых задач в Судане, а затем к её клиентам по направлениям обучения вооружённых сил и обеспечения безопасности добавляются Центрально-Африканская Республика, Мадагаскар, Ливия, Мозамбик, Мали и, вполне вероятно, Буркина-Фасо.

Как мы видим, четыре государства из списка являются территориями, ранее входившими во французскую колониальную империю в Африке и с приходом туда «Группы Вагнер» отношения «колоний» с бывшей метрополией осложнились. Это ударило как по экономическим интересам Франции, сконцентрированным, в основном, в области добычи полезных ископаемых так и по её репутации. Одним из самых значимых поражающих элементов, подпортивших имидж бывшей метрополии, явилось требование властей ряда африканских стран вывести французские войска со своей территории, которые на ней находились с заявленной целью борьбы с терроризмом, но не давали значимых результатов. По факту

размещённые в Африке войска проецировали силу Парижа в регионе и охраняли интересы представителей крупного капитала.

Очередным шагом по выстраиванию отношений с «Чёрным континентом» стала программная статья Президента РФ В.В. Путина перед саммитом «Россия-Африка 2023», в которой он высказал надежду на то, что Африка, наряду с другими континентами, на которых господствовали европейские страны, «окончательно освободится от тяжёлого наследия колониализма и неоколониализма, отринув его современные практики»[1]. Через два дня после публикации статьи 26 июля 2023 г. и за день до начала саммита произошёл военный переворот в Нигере где местные жители вышли на улицы с российскими флагами. Данный шаг, учитывая предыдущий контекст, в русскоязычном пространстве моментально был воспринят как антиколониальное восстание под предводительством России. Запад также более чем серьезно отнёсся к произошедшему, начав планирование экономических и военных мер принуждения для возвращения к миру, «основанному на западных правилах». Спустя месяц военный мятеж вспыхнул и в маленьком государстве Габон, также некогда являвшемся колонией Франции. И опять, «экспертное сообщество» заговорило о российском следе и явной борьбе с неоколониализмом.

Но так ли всё однозначно в этих двух историях? Можно ли утверждать, что в обоих государствах перевороты носили антиколониальный характер? Представляется, что помочь разобраться в этом можем теория символического капитала французского исследователя Пьера Бурдьё, формировавшего свой научный подход как раз в рамках изучения последствий колониальной политики Франции в Алжире, где оккупационная администрация переписывала местную систему ценностей.

Изначально Бурдьё определил символический капитал как «капитал чести и престижа», который можно конвертировать в другие формы капитала [2, с. 231]. Российский ученый А. С. Панарин продолжил эту линию и предположил, что существует «коллективный символический капитал», который состоит из «копилки общей памяти», вмещающей в себя традиции, образы, героев и прочие элементы, и «габитуса», определяемого Бурдьё и Панариным как способ согласования практик человека с заветами коллективной памяти. Другими словами «коллективный символический капитал» — это система ценностей и габитусы (часто сегодня называемые культурным или цивилизационным кодом), являющиеся инструментами взаимодействия с системой ценностей [3]. Обращая

внимание на принцип работы габитуса, выраженный в его бессознательности, можно также назвать его приобретённым мыслительным шаблоном, инициируемым внешним воздействием и действующим на подсознательном уровне.

На территорию современного Нигера Франция пришла в конце XIX-го в. В 1898-1899 гг. была проведена Центрально-Африканская экспедиция, в результате которой колониальные силы заняли территорию Южного Нигера. Далее началась военная кампания с движением на Север и только к 1922 г. захватчикам удалось переломить сопротивление туарегов и объявить порабощённые земли своей колонией, несмотря на всё ещё продолжавшееся сопротивление местного населения европейской агрессии.

Издrevле земли Нигера пересекали торговые пути и на этом строилась модель экономического развития различных форм государственности, располагавшихся на данной территории. Однако с приходом французов были внедрены новые практики, которые заключались в отказе от транс-сахарской торговли и переориентации на выращивание зачастую чуждой местному земледелию, но необходимой внутреннему французскому рынку сельскохозяйственной продукции. Данный процесс сопровождался жёстким принуждением к тяжёлому физическому труду, что способствовало выработке у местного населения *габитуса отторжения труда*, с которым современный Нигер до сих пор борется, в том числе оказывая психологическую помощь населению.

Оккупационной администрации нужен был низкоквалифицированный ручной труд, поэтому она не уделяла внимание развитию местного населения через внедрение системы образования и занималась исключительно его эксплуатацией. Статистика уже независимого Нигера говорит нам следующее: в 1973 г. средняя обеспеченность населения врачами составляла 1 специалист на 52.000 чел., на 1970 г. на 1.000 чел. рождаемость составляла 52,2 чел. и смертность 23,3, детская смертность – 20%, необразованными в том же году считалось 90% населения [4]. Сегодня ситуация со смертностью детей улучшилась, но, тем не менее, в этом отношении Нигер в тройке мировых отрицательных лидеров. По текущим данным в Нигере не менее 8 этнических групп, 99,3% населения исповедует ислам, процент умеющих читать и писать среди лиц старше 15 лет равен 37,3% [5].

Взаимоотношения Французской Республики с Габоном развивалась несколько иначе. В исторических источниках отмечается, что Габон попал в орбиту французского влияния в рамках процесса

конкурентной борьбы с Португалией за африканские земли. Так, утверждается, что начало освоения Габона было положено атакой французских военно-морских сил португальского судна, перевозившего рабов. Последние и основали столицу будущего государства Либревиль, что означает – Свободный город. Конечно, сопротивление французским вооружённым силам оказывалось, но колонизаторы смогли навязать им такой элемент европейского коллективного символического капитала как договорные отношения (юридический капитал), что вылилось в заключение соглашений о французской защите прибрежных племён.

Габон имел более выгодное по сравнению с Нигером географическое расположение ввиду наличия выхода к водам мирового океана. Это, наряду с большими экономическими перспективами, поспособствовало появлению миграционных потоков из Франции. Из Габона осуществлялся экспорт местной сельхозпродукции и самого ценного на тот момент продукта – древесины. Франция способствовала развитию образовательной сферы с упором на изучение французского языка и культуры, чему во многом содействовала миссионерская деятельность католической церкви, включавшая в себя, в том числе, строительство учебных заведений. Примечательно, что в ноябре 1940-го г. габонцы выступили против высадившихся войск генерала Де Голя, считая его мятежником и поддерживая власти в Париже.

К моменту обретения независимости, которая не стала как в Нигере следствием освободительного движения, а явилась результатом тенденции деколонизации, более 50% населения страны в возрасте старше 14 лет говорила по-французски – то есть получила базовое образование. Элита Габона полностью стала продуктом французской образовательной системы.

С утратой колониальных владений Франция не лишилась контроля над ними, так как руководящие посты в системе государственного управления, экономики и образования оставались за её гражданами. Габон также остался под французским военным крылом и в 1964 г. после государственного переворота французский десант вернул к власти сброшенного правителя. Метрополия сохранила монополию на экспорт полезных ископаемых. С течением времени условия сотрудничества менялись, но главенство Франции в сотрудничестве с Габоном оставалось. Это выражалось и в неизменной поддержке Габоном Франции в международных отношениях. Образовательный процесс, происходивший исключительно на французском языке, был выстроен по стандартам

метрополии и гарантировал гражданам Франции возможность получить в Габоне классическое французское образование на любой ступени. Габонские дипломы и сертификаты признавались в Париже и могли использоваться для поступления в местные ВУЗы. В 1976-1977 гг. из 1366 габонцев, получивших стипендии для обучения за рубежом, 831 зачислены во Францию [6].

Сегодня Габон – экономический лидер Африки, успех которого полностью зависит от экспорта полезных ископаемых во Францию. Население также, как и в Нигере, выработало, несмотря на богатые почвы, габитус неприятия труда на земле. Однако связано это не с жестокой эксплуатацией их предков, а из-за того, что экспортные доходы позволили сместить трудовую активность населения в столицу и государственный сектор. Овощи и фрукты, в основном, импортируются, французская молочная продукция завозится авиарейсами, Габон занимает первое место в Африке по потреблению французского шампанского. Есть отличие и в религиозно сфере – 82% населения исповедуют католицизм и его вариации [7].

Нам также следует обратить внимание на западную коммуникационную реакцию на революционные события в рассматриваемых государствах в 2023 г. В случае Нигера, сразу же после смены власти и появления от местных военных требований к французам вывести свои войска, прозвучали призывы к санкциям и военному вторжению в целях возвращения свергнутого президента. Отношение к Габону было другим: французская пресса не высказывала агрессии, так же как молчали и представители иных государств западного мира.

Почему при общей исторической основе в виде колониального захвата и, например, одинаковых, по сути, элементах символического капитала в виде габитуса неприятия труда на земле, так по-разному оцениваются в этих государствах насильственные действия по смене власти? Представляется, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости коллективного символического капитала. Руководство Французской Республики видело большой потенциал в Габоне как с точки зрения экономики, так и миграции для оседлой жизни французских граждан. Поэтому оккупационная администрация создавала максимально похожую на французскую среду обитания. Через образовательную систему, язык и религию были переданы основные элементы коллективного символического капитала в виде культуры и системы ценностей, а за счёт единства на основе французского языка (сильнейшего из габитусов) выработано одинаковое мировосприятие габонцев и французов. Если переходить на цивилизационный

уровень, то можно использовать терминологию Н.Я. Данилевского, именовавший как ботаник данную стратегию «пересадкой» – привитием более сильной общности своего коллективного символического капитала общности колонизируемой [8, с. 122]. Данный подход, не умоляя значение других политических и военных факторов взаимодействия, позволил вырастить несколько поколений габоновцев, воспринимающих Францию как родственную страну. Предпринятые действия максимально сблизили взгляды граждан обоих государств, что хорошо видно даже на культуре потребления, вскользь описанной выше.

В случае с Нигером, очевидно, использовалось физическое принуждение в комбинации с препятствиями для личностного развития населения. Это в итоге привело к тому, что страна удерживает стабильное мировое лидерство по многим отрицательным показателям качества жизни. Нежелание французов производить значимые символические инвестиции в образование и религию привело к отсутствию весомой местной прослойки носителей французского коллективного символического капитала и доминированию ислама.

Таким образом, мы видим, что поверхностное суждение о причинно-следственных связях тех или иных событий может привести к неверным выводам и как следствие – ошибочному планированию во внешней политике. Имея одинаковые стартовые колониальные позиции Нигер и Габон пошли абсолютно разными путями. Из Габона французским властям удалось, за счёт пересадки своего коллективного символического капитала, сделать родственного члена международного сообщества, а Нигер, в конце концов, начал сбрасывать французское доминирование, не имеющее ценностного сходства с мировосприятием местных жителей. Другие страны, некогда входившие во французскую колониальную империю, осознавая долгосрочные риски начали предпринимать необходимые контрмеры. В первую очередь это заключается в понижении статуса французского языка.

Библиографический список

1. Путин В.В. Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России: [сайт]. [2023]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/71719> (дата обращения: 16.10.2025).
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкн, Н.А. Шматко. СПб.: Алетея, 2001. 562 с.
3. Панарин Александр. Стратегическая нестабильность XXI века [Электронный ресурс] / Александр Панарин // E-LIBRA Электронная библиотека [сайт]. URL: <https://e->

libra.ru/read/103354-strategicheskaya-nestabilnost-xxi-veka.html (дата обращения: 16.10.2025).

4. Большая советская энциклопедия. Нигер [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. GUFO.ME – Словари и энциклопедии [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Нигер> (дата обращения: 16.10.2025).

5. Niger – The World Factbook // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/niger/#people-and-society> (date of access: 16.10.2025).

6. David E. Gardinier. FRANCE IN GABON SINCE 1960 // Proceedings of the Meeting of the French Colonial Historical Society. 1982.

7. Gabon – The World Factbook. [Electronic resource] // Central Intelligence Agency [site]. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/gabon/#people-and-society> (date of access: 16.10.2025).

8. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

ВЕНЕСУЭЛА МЕЖДУ РОССИЕЙ И США

VENEZUELA BETWEEN RUSSIA AND THE USA

А.П. Косов

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова;
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Беларусь

A.P. Kosov

Vitebsk State University named after P.M. Masherov;
Vitebsk Branch of International University “MITSO”, Vitebsk, Belarus

Аннотация. В статье показаны позиции России и США относительно Венесуэлы в годы правления У. Чавеса и Н. Мадуро. Акцентируется внимание на политической и социально-экономической ситуации в стране и анализируется реакция Москвы и Вашингтона на действия Каракаса. Подчеркивается факт поддержки Российской Федерацией венесуэльского руководства на фоне политического, экономического и военного давления Соединенных Штатов. Вашингтон пытается вернуть Венесуэлу под свой контроль. Москва, поддерживая Каракас, рассматривает данную страну как один из плацдармов по усилению российского влияния в Латинской Америке.

Abstract. This article examines the positions of Russia and the United States regarding Venezuela during the presidencies of Hugo Chavez and Nicolas Maduro. The author focuses on the political and socioeconomic situation in the country and analyzes Moscow and Washington's reactions to Caracas' actions. The article highlights Russia's support for the Venezuelan leadership amid political, economic, and military pressure from the United States. Washington is attempting to regain control of Venezuela. Moscow supports Caracas, viewing the country as a springboard for strengthening Russian influence in Latin America.

Ключевые слова: Россия, США, Венесуэла, У. Чавес, Н. Мадуро.

Keywords: Russia, USA, Venezuela, Hugo Chavez, Nicolas Maduro.

Сегодня Венесуэла, обладающая огромными запасами нефти, является заметным игроком на мировом энергетическом рынке, а также стратегическим партнером для России и вызовом для США, которые привыкли еще с XIX века диктовать свою волю латиноамериканским государствам.

Целью представленной статьи является выявление подходов России и США к Венесуэле в первой четверти XXI века.

Приход к власти в Венесуэле в 1999 г. У. Чавеса и его последующая политика в духе левого радикализма сделали данную латиноамериканскую страну враждебной Вашингтону. В частности, Каракас запретил использование своего воздушного пространства американскими самолетами для патрулирования приграничных районов Колумбии. В сентябре 2001 г. правительство Венесуэлы предложило Соединенным Штатам вывести свой воинский контингент из форта Тиуна, в котором он располагался на протяжении четырех десятилетий. С 2005 г. венесуэльцы отказались сотрудничать с американцами в борьбе с наркоторговлей под предлогом того, что сотрудники американских служб занимаются шпионажем [12, с. 11–12]. США начали оказывать планомерное давление на Каракас. В апреле 2002 г. американцы даже предприняли безуспешную попытку организовать государственный переворот и неудавшееся покушение на У. Чавеса [2, с. 584]. В сложившихся условиях венесуэльский президент пытался укрепить связи с Россией, Китаем, Ираном и другими государствами, рассматривая их в качестве противовеса американскому доминированию. Так, он совершил семь визитов в РФ, результатом которых стала резкая активизация связей, особенно в военно-технической сфере. Уже во время его первого официального визита в мае 2001 г. президент В. Путин охарактеризовал взаимодействие с Венесуэлой как «основополагающий элемент взаимоотношений России с Латинской Америкой» [6, с. 295]. В определенной степени Вашингтон сам подтолкнул У. Чавеса «в объятия Москвы», объявив эмбарго на поставки военной техники Каракасу. Россия предоставляла венесуэльской стороне кредиты. С 2004 г. Венесуэла закупила значительное количество российских вооружений – стрелковое оружие, противовоздушные ракетные комплексы, танки, вертолеты, самолеты [3, с. 387–388]. Между российской и венесуэльской сторонами началось сотрудничество в нефтедобывающей сфере. Кроме того, Москва оказывала Каракасу политическую поддержку на международной арене.

В ноябре 2008 г. президент РФ Д. Медведев посетил ряд

латиноамериканских государств, включая Венесуэлу. Во время встречи с венесуэльским руководством российский президент назвал страны региона «друзьями, с которыми Россия поддерживает привилегированные отношения». Одновременно РФ направила в территориальные воды Венесуэлы эскадру кораблей ВМФ во главе с тяжелым атомным ракетным крейсером «Петр Великий» для участия в совместных учениях. Кроме того, два стратегических бомбардировщика Ту-160 совершили перелет через Атлантику и посадку на одной из венесуэльских военно-морских баз. Тем самым Россия продемонстрировала США готовность «вернуться в Латинскую Америку» [6, с. 288–289]. Со своей стороны, Каракас признал независимость Абхазии и Южной Осетии, продемонстрировав солидарность с РФ на фоне обострения ее отношений с Западом.

С 2000-х гг. Россия инвестировала значительные средства в нефтегазовую отрасль Венесуэлы, оказывая поддержку государственной нефтяной компании «Петролеос де Венесуэла» (PdVSA). В частности, компания «Роснефть» стала одним из крупнейших инвесторов в венесуэльскую нефтяную промышленность, участвуя в разработке месторождения Хунин-6, транспортировке и сбыте нефти [6, с. 290]. Для Москвы инвестиции служили не только экономическим, но и геополитическим инструментом, позволяя ей укрепить свои позиции в регионе и бросить вызов влиянию США в Латинской Америке.

В период президентства Б. Обамы Каракасу и Вашингтону не удалось нормализовать диалог. Более того расширение американцами военного присутствия в приграничных с Венесуэлой районах Колумбии привело к усилению напряженности между двумя государствами. При этом торгово-экономическое взаимодействие Венесуэлы и США продолжалось. Американцы поставляли автомобили, продукцию машиностроения и продукты питания. Со своей стороны Боливарианская республика продавала в Соединенные Штаты нефть [11, с. 14].

После смерти У. Чавеса в апреле 2013 г. в Венесуэле состоялись президентские выборы, победу на которых с незначительным перевесом над лидером оппозиции Э. Каприлисом одержал вице-президент Н. Мадуро. Новому главе государства практически сразу же пришлось столкнуться с серьезными трудностями. На фоне падения цен на нефть в Венесуэле стала ухудшаться экономическая и социально-политическая обстановка. Венесуэла фактически раскололась на «чавистов» и их противников. В стране наступил

кризис, обусловленный ресурсной сущностью и экспортной зависимостью венесуэльской экономики от мировых цен на углеводороды. Общество оказалось на грани социального коллапса. Привычной картиной стали километровые очереди за основными продуктами питания и предметами первой необходимости. С 2013 г. из страны выехало около 1,5 млн человек, включая квалифицированных специалистов [4, с. 25]. По всей стране начались массовые демонстрации, которые получили поддержку зарубежных государств.

Администрация Обамы поддержала венесуэльскую оппозицию. Президент США призвал Н. Мадуро выполнить законные требования протестующих. В свою очередь госсекретарь Дж. Керри обвинил президента Венесуэлы в развязывании террора против собственного народа. В ответ Каракас обвинил Вашингтон в финансировании протестного движения с целью свержения действующего режима [11, с. 15].

В декабре 2015 г. венесуэльская оппозиция получила большинство в Национальной ассамблее и стала продвигать идею отставки Н. Мадуро. Так, оппозиция в Национальной ассамблее, пользовавшаяся поддержкой американцев, бросила открытый вызов Н. Мадуро. Вашингтону был нужен свой человек на президентском посту Венесуэлы, поэтому Д. Трамп начал санкционную и внешнеполитическую атаку на Каракас. Уже 15 февраля 2017 г. он принял в Белом доме Л. Тинтори, жену венесуэльского оппозиционера Л. Лопеса, арестованного по обвинению в поджоге, терроризме и убийстве [13, с. 618].

С марта 2017 г. в Венесуэле, по сути, начался период двоевластия. Протестные настроения в стране еще более усилились. В конце июля – начале августа, реагируя на кризисную ситуацию, администрация Трампа ввела три пакета санкций против режима Мадуро. Затем последовали новые американские рестрикции. Кроме того, президент США не исключал и военный сценарий в отношении Венесуэлы, но трамповскому окружению удалось отговорить его от столь радикальных действий [10, с. 106–109].

Россия публично поддержала режим Мадуро. Поддержка Кремля была критически важна для чавистов, находившихся в международной изоляции. Во многом это стало следствием внешнеполитической ориентации Каракаса на РФ. Так, после начала украинского кризиса, когда в ГА ООН был внесен проект резолюции «О территориальной целостности Украины», осуждавший действия России в Крыму, Венесуэла оказалась в числе 11 стран,

проголосовавших 27 марта 2014 г. против этой резолюции. Более того венесуэльские власти на определенное время и вовсе отказывали в легитимности новому руководству Украины. Н. Мадуро заявил о том, что за спиной организаторов антиправительственных выступлений в Киеве стояли американцы [6, с. 300, 302].

На президентских выборах 20 мая 2018 г. он был переизбран, набрав 60% голосов [2, с. 585]. Оппозиция бойкотировала выборы, а Вашингтон не признал Н. Мадуро законным президентом. Вице-президент М. Пенс заявил, что они не были «ни свободными, ни справедливыми» и назвал их «фейковым процессом». В. Путин, наоборот, поздравил Н. Мадуро с победой [10, с. 118].

4 августа 2018 г. произошла попытка убийства Н. Мадуро с помощью груженных взрывчаткой дронов. В Каракасе не исключали американского участия, поскольку ряд должностных лиц США, например советник президента по национальной безопасности Дж. Болтон, прямо заявляли, что необходимо добиться конца чавизма в Венесуэле [2, с. 589].

5 января 2019 г. молодой политик Х. Гуайдо, вступивший в должность председателя Национальной ассамблеи Венесуэлы, самовольно объявил себя исполняющим обязанности президента и принял присягу. Несколько часов спустя Вашингтон признал его главой государства [1, с. 263–264]. В январе 2019 г. специальным представителем США по Венесуэле стал неоконсерватор Э. Абрамс. Он обеспечивал постоянную связь между администрацией Трампа и венесуэльской оппозицией во главе с Х. Гуайдо [13, с. 619]. Н. Мадуро тут же обвинил Вашингтон в попытке организовать очередной государственный переворот, объявил о разрыве дипломатических отношений с Соединенными Штатами и потребовал, чтобы американские дипломаты покинули страну, что они и сделали к середине марта [2, с. 591].

В сложной ситуации Каракас получил публичную поддержку Москвы. В январе 2019 г. полномочный представитель РФ в ООН В. Небензя потребовал от США не вмешательства в дела Венесуэлы, а 27 февраля Совет Федерации РФ принял заявление о недопустимости военной интервенции в Венесуэлу. Кроме того, инициированная американцами в СБ ООН резолюция, направленная на наказание режима Мадуро, была заблокирована РФ и КНР [2, с. 595]. В марте 2019 г. в Венесуэлу прибыли российские военные эксперты, что было расценено администрацией Трампа как «нежелательная провокация». На данный факт отрицательно отреагировали вице-президент М. Пенс, госсекретарь М. Помпео, советник президента по национальной

безопасности Дж. Болтон, спецпредставитель Э. Абрамс и другие. Сам Д. Трамп 27 марта 2019 г. в беседе с супругой Гуайдо в Белом доме заявил, что «русские должны убраться из Венесуэлы» [2, с. 596–598].

В свою очередь, американцы передали венесуэльские дипломатические объекты на своей территории в распоряжение Х. Гуайдо, что в Каракасе назвали захватом [2, с. 591]. Одновременно США, реагируя на массовые протесты против Н. Мадуро, ввели дополнительные, гораздо более жесткие санкции против нефтедобывающего сектора Венесуэлы. Вслед за этим последовало резкое сокращение ввоза венесуэльской нефти на американский рынок – в июне 2019 г. ее импорт был фактически сведен к нулю. При этом Вашингтоном не исключалась и военная интервенция «для защиты 47 тыс. граждан США, находящихся в Венесуэле» [13, с. 619–620]. Протесты были восприняты Соединенными Штатами как сформировавшееся снизу стихийное движение масс за реформирование Боливарианской республики. В апреле 2019 г. американцы ввели санкции в отношении Центрального банка Венесуэлы, более чем 150 компаний, судов и физических лиц, а в августе заморозили все счета венесуэльского правительства в американских банках. Помимо прямого давления на Каракас Вашингтон пытался воздействовать на ситуацию в Венесуэле через ее соседей, побуждая страны региона давить на режим Мадуро [2, с. 585–586].

6 декабря 2020 г. состоялись выборы в Национальную ассамблею, по результатам которых чависты получили большинство. После выборов уровень популярности Х. Гуайдо стал быстро снижаться [10, с. 127]. В целом, как справедливо отметил В.Л. Хейфец, политика Трампа относительно Венесуэлы была продолжением линии администрации Обамы по усилению давления на режим Мадуро, изрядно приукрашенная театральными эффектами и устрашающими заявлениями [6, с. 238].

В условиях специальной военной операции на Украине Россия оказалась заинтересована в углублении сотрудничества с Венесуэлой. С этой целью в 2023 г. Каракас с рабочими визитами посетили секретарь Совета безопасности РФ Н. Патрушев и министр иностранных дел РФ С. Лавров [10, с. 130]. В то же время администрация Байдена пошла на смягчение санкций в отношении режима Мадуро. Де-юре Белый дом по-прежнему считал его «нелегитимным». Однако по факту в условиях гибридной войны с Россией соображения нелегитимности отошли на второй план,

уступив место политическому и экономическому прагматизму [10, с. 134–135]. Налаживая диалог с Каракасом, администрация Дж. Байдена пыталась увеличить предложения нефти на мировых рынках. На фоне начала спецоперации на Украине цены на топливо в США весьма быстро росли. Также Вашингтон стремился снизить темпы нелегальной миграции из Южной Америки в США, так как Венесуэла в последние годы стала одной из стран в регионе с наибольшим оттоком населения [9].

Однако администрация Байдена отказалась признавать результаты очередных президентских выборов в Венесуэле, которые состоялись 28 июля 2024 г. Победу на них вновь одержал Н. Мадуро. Но Вашингтон выразил сомнения относительно достоверности результатов выборов и признал победителем кандидата от оппозиционной «Единой платформы» бывшего дипломата Э. Гонсалеса Уррутию, что скорее всего продиктовано внутрипартийными интересами [9].

После возвращения Д. Трампа в Белый дом Венесуэла вновь оказалась в центре внимания Вашингтона. В его администрации оказались одни из наиболее непримиримых противников чавистов в американском истеблишменте. Например, сенатор М. Рубио, ставший госсекретарем, а затем и советником президента по национальной безопасности. Белый дом разрешил ЦРУ проводить секретные операции в Венесуэле с целью дестабилизации режима Мадуро. А американский генпрокурор П. Бонди объявила о награде в 50 млн долл. за информацию, которая поможет арестовать венесуэльского лидера [8].

США, прикрываясь борьбой с наркоугрозой, сделали Венесуэлу объектом своих агрессивных действий. Д. Трамп обвинил венесуэльские власти в недостаточной борьбе с контрабандой наркотиков. Пресс-секретарь Белого дома К. Левитт 19 августа 2025 г. сообщила, что Вашингтон готов задействовать «все элементы американской силы» для борьбы с наркотрафиком, не исключив возможности военной операции в Венесуэле [8]. С этой целью ВМС США разместили в Карибском море 8 кораблей, 1 атомную подлодку, 10 тыс. военнослужащих и уничтожили в международных водах по меньшей мере девять скоростных лодок с находившимися в них людьми, которые голословно были обвинены в контрабанде наркотиков из Венесуэлы [7].

Москва поддерживает Каракас и готова, как заявила официальный представитель МИД РФ М. Захарова, «плечом к плечу» преодолевать вызовы. По ее словам, «мы поддерживаем защиту

национального суверенитета Венесуэлой и продолжаем находиться в контакте с венесуэльскими властями» [5]. 27 октября 2025 г. В. Путин ратифицировал договор о стратегическом партнерстве с Венесуэлой, который был подписан 7 мая 2025 г. Документ охватывает «политическую сферу и военно-техническое сотрудничество» [5]. При этом, по словам пресс-секретаря президента России Д. Пескова, в последние месяцы венесуэльская проблематика ни разу не поднималась в ходе российско-американских контактов [7].

Таким образом, в первой четверти XXI в. венесуэльское руководство в лице У. Чавеса, а затем Н. Мадуро избрало леворадикальный вариант отстаивания национальных интересов страны. Действия чавистов привели к обострению отношений с США, которым не понравился самостоятельный курс Каракаса. Американские администрации Дж. Буша-ст., Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена начали осуществлять прямое и косвенное политическое и экономическое давление на Венесуэлу, рассчитывая изменить режим в стране. Враждебная политика Вашингтона заставила венесуэльское руководство заняться поиском партнеров и союзников. Существенную поддержку Каракасу оказала Москва. По мере усиления геополитического веса России в мире Венесуэла стала рассматриваться в качестве плацдарма для расширения влияния в Латинской Америке. Развитие российско-венесуэльского взаимодействия было негативно воспринято американским истеблишментом, который не теряет надежды вернуть Венесуэлу под свой контроль путем поддержки венесуэльской оппозиции, санкций, а возможно и силой оружия, что в данный момент демонстрирует администрация Трампа.

Библиографический список

1. Боровский Ю.В., Мартынов Б.Ф. Две Америки в современных международных отношениях (1991–2023). М.: Аспект Пресс, 2023. 375 с.
2. Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 647 с.
3. Внешняя политика России. 1991–2016 / отв. ред. Е.М. Кожокин, А.Л. Чечевишников; под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2017. 539 с.
4. Дабагян Э.С. Николас Мадуро остается на вершине власти // Латинская Америка. 2018. № 8. С. 23–31.
5. МИД России отреагировал на угрозы США Венесуэле фразой «и не такое проходили» // Lenta.Ru. 2025. 30 октября. URL: <https://lenta.ru/news/2025/10/30/mid-rossii-otreagiroval-na-ugrozy-ssha-venesuele-frazoy-i-ne-takoe-prohodili/> (дата обращения: 30.10.2025).
6. От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В.Л. Хейфец. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 494 с.
7. Песков: Россия и США не обсуждали ситуацию вокруг Венесуэлы // ТАСС.

2025. 29 октября. URL: <https://tass.ru/politika/25485591> (дата обращения: 29.10.2025).

8. Пушков прокомментировал возможное нападение США на Венесуэлу // РИА Новости. 31.10.2025. URL: <https://ria.ru/20251031/venesuela-2052054168.html?in=t> (дата обращения: 31.10.2025).

9. Романов Р. Почему США опять не хотят признавать Мадуро президентом Венесуэлы // Ведомости. 2024. 3 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/08/02/1053652-ssha-opyat-maduro> (дата обращения: 29.10.2025).

10. Самуйлов С.М. Трамп друг или враг? Внешняя политика США от Трампа до Байдена и далее. М.: Книжный мир, 2024. 494 с.

11. Семенова Е.В. Отношения между США и Венесуэлой: две стороны одной медали // Латинская Америка. 2014. № 11. С. 12–16.

12. Сударев В.П. США и «левый поворот» в Латинской Америке // Латинская Америка. 2007. № 5. С. 4–17.

13. Феномен Трампа / под ред. А.В. Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020. 642 с.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ 2025 г.

MIGRATION POLICY OF THE «ALTERNATIVE FOR GERMANY» PARTY AFTER THE 2025 BUNDESTAG ELECTIONS

В.Ю. Щербаков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

V.Yu. Shcherbakov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Аннотация. Для участия в правительстве многие партии отказываются от наиболее спорных и радикальных положений своих предвыборных программ. В статье рассматривается миграционная политика партии «Альтернатива для Германии» до и после выборов в Бундестаг 2025 г. Сделан вывод о том, что существенных изменений не произошло, что вызвано, во-первых, нежеланием «традиционных» партий Федеративной республики сотрудничать с организацией, признанной ими правоэкстремистской, с другой, ориентацией АдГ на электорат, который не устраивает миграционная политика правительства. Уверенный курс АдГ привлекает новых сторонников, поддержка популистов среди избирателей растет, как растёт и численность партии. На выборах в пяти федеральных землях АдГ в 2026 г. имеет высокие шансы на победу, что во многом объясняется их политикой в миграционной сфере.

Abstract. Many parties are abandoning the most controversial and radical provisions of their election platforms to participate in government. This article examines the Alternative for Germany (AfD) migration policy before and after the 2025 Bundestag elections. It concludes that no significant changes have occurred, partly due to the reluctance of the "traditional" parties of the Federal Republic to cooperate with an organization they have labeled as right-wing extremist, and partly due to the AfD's focus on an electorate dissatisfied with the government's migration policy. The AfD's confident course is attracting new supporters, and support for

populists among voters is growing, as is the party's membership. The AfD has a high chance of winning the 2026 elections in five federal states, largely due to its migration policy

Ключевые слова: выборы в Бундестаг, иммиграционная политика, иностранная преступность, «параллельные сообщества», депортация, ускоренная натурализация

Keywords: Bundestag elections, immigration policy, foreign crime, "parallel communities", deportation, accelerated naturalization

23 февраля 2025 г. состоялись досрочные выборы в немецкий Бундестаг, на которых наибольшее число голосов набрал правоконсервативный блок ХДС/ХСС – 28,5%, на втором месте оказалась право-популистская партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), получившая 20,8% голосов, в два раза больше, чем на предыдущих выборах [1]. При этом, на востоке Германии, за исключением Берлина, АдГ вышла в лидеры. Несмотря на очевидный успех, евроскептики остаются на обочине политической жизни страны, поскольку ни одна из партий, входящих в немецкий парламент от «Левых» до ХСС не желает иметь с ними ничего общего.

Появившись в 2013 г. фактически как «партия одного требования», АдГ довольно быстро сконцентрировала в своей программе значительную часть положений, выдвигаемых политическими силами «справа от центра», характеризующие их противниками как право-популистские, или даже праворадикальные: от стремления отказаться от единой европейской валюты и перестройки нынешнего Европейского союза в «Европу отечеств» до требования признать, что «пол, это биологический фактор». Однако, наибольшее неприятие у «традиционных» партий и прежде всего, у «зелёных» и СвДП, вызывают положения программатики евроскептиков, связанные с миграционными проблемами. В программе на выборы в Бундестаг 2025 г. теме миграции было уделено значительное внимание. Серьёзной критике подверглась политика правящих партий в различных сферах, провоцирующая по мнению АдГ миграцию в Германию, следствием чего «становится неконтролируемый рост населения, чрезмерная нагрузка на государственный бюджет, значительный рост преступности и угроза системе социального обеспечения и рынку жилья». Программа призывает пересмотреть существующую миграционную политику, восстановить пограничный контроль, а «в будущем въезд в страну разрешить только тем, кто имеет на это право». В случае прихода к власти, АдГ обещала «последовательно депортировать лиц, которые

по закону обязаны покинуть страну и устранять существующие порочные стимулы (гражданское пособие, право на проживание для тех, кто должен покинуть страну, ускоренная натурализация). Особое внимание будет уделяться репатриации иностранных преступников и экстремистов [2, S. 101]. Борьба с иностранной преступностью в программе выделяется как одна из первоочередных задач, поскольку «продолжающийся рост доли иностранцев, вовлеченных в насильственные, сексуальные и наркопреступления, становится все более очевидным». Поддерживая свободу вероисповедания в соответствии со с.4 Основного закона, составители программы подчёркивают, что мусульмане, которые интегрируются в немецкое общество и признают наш основной порядок и основные права, «являются ценными членами нашего общества». При этом обращалось внимание на то, что в городах Германии растут «мусульманские кварталы», где фактически существуют «параллельные сообщества» со своими законами, в которых верховенство права и исполнительная власть играют все менее важную роль, и одновременно, так называемые мировые судьи определяют общественную жизнь на основе законов шариата. По мнению авторов программы, подобные действия являются самосудом и несовместимы с судебным суверенитетом государства и монополией на применение силы: «Поэтому АдГ призывает к последовательному запрету исламистских объединений и общин при мечетях» [2, S. 123]. В ходе избирательной кампании АдГ подвергалась массовой критике со стороны «традиционных» партий, обвинявших «политических изгоев» в правом экстремизме, враждебности к исламу и антисемитизме.

Незадолго до выборов, 29 января 2025 г. блок ХДС/ХСС неожиданно для многих совершил своеобразный разворот и проголосовал в Бундестаге за план из пяти пунктов по ужесточению миграционной политики, фактически поддержав АдГ. План предусматривал: постоянный пограничный контроль; запрет на въезд без документов; заключение под стражу с целью депортации; поддержка со стороны федеральной полиции и бессрочное заключение под стражу с целью выезда [3]. Попытки правительства обозначить активность в борьбе с нелегальной миграцией подвергаются критике со стороны евроскептиков, которые уверены, что это всего лишь попытка привлечь к себе колеблющихся избирателей накануне выборов.

Одной из задач АдГ является ограничение раздачи немецкого гражданства иностранцам. За 2024 год паспорта ФРГ приобрело

рекордное количество мигрантов – 291 995 человек, среди которых 22525 выходцев из Турции, 13545 – из Ирана, 10085 – из Афганистана. По сравнению с прошлым годом рост составил 46% [4]. Почти пятая часть получивших немецкое гражданство оказалась вообще без гражданства, а скорее всего, скрывала его по разным причинам.

В начале октября 2025 г. Бундестаг отменил ускоренную процедуру получения немецкого гражданства, так называемую «турбонатурализацию», введенную «светофорной коалицией». По мнению АдГ, «это просто бросок песка в глаза немцам», поскольку процесс теперь занимает пять лет вместо трёх, а не восемь, как это было ещё несколько лет назад [5].

Проблема, которую стараются замалчивать «традиционные» партии и которую активно поднимает АдГ, это иностранная преступность. Согласно официальным данным, в 2023-2024 годах, 14,8% населения Германии являлись иностранными гражданами. При этом, они составляли 41,8% подозреваемых в совершении уголовных преступлений, 38,9% осуждённых и 37,4% заключённых [6]. Сколько недавних иностранцев совершают преступления, статистика умалчивает, поскольку официально они считаются немцами. В прессе ФРГ, независимо от политической направленности почти ежедневно появляются статьи с говорящими названиями «Она хотела только шоколадного мороженого» и соответствующим содержанием: «Трое сирийцев, не желая платить, устроили беспорядки в баварском кафе-мороженом и ранили 10-летнюю девочку и еще пять человек» [7]. Представители АдГ требуют наказания виновных и «высылки их в Дамаск», но преступники были выпущены на свободу. В этом и подобных происшествиях «Альтернатива» обвиняет правящие партии, но прежде всего, ХДС. Особой критике подвергаются Ангела Меркель, которая «в 2015 году открыла ворота для беспрецедентной массовой миграции» и нынешний канцлер Фридрих Мерц. Пропагандистский фильм – «Мы сделаем это!» Вместо Меркель теперь Мерц», название которого напоминает об известном высказывании Меркель: «Мы сделаем это», сделанном ею в начале миграционного кризиса в 2015 г., рассказывает об этапах и последствиях миграционной политики ХДС/ХСС и противодействии ей АдГ [8].

АдГ отрицает любые обвинения в антисемитизме. При этом, многочисленные еврейские организации, включая Центральный совет евреев считают партию «расистской и антисемитской», «угрозой жизни для евреев», а также антиизраильской [9]. Критика АдГ

усилилась после трагедии 7 октября 2023 г. и последующих событий. Часть электората правых популистов осудила жёсткие действия ЦАХАЛ, однако, руководство высказалось не однозначно, с одной стороны «выражая сострадания ко всем жертвам», с другой призывами «не подрывать право Израиля на самооборону» [10]. В период очередной эскалации ирано-израильского конфликта парламентская фракция «Альтернатива для Германии» «решительно поддержала право Израиля на существование», подчеркнув, что Израиль имеет законное право на безопасность, иранская ядерная бомба представляет угрозу государству Израиль, региональной стабильности и европейскому континенту[11].

За время, прошедшее после выборов в Бундестаг, рейтинг правящей коалиции, и прежде всего блока ХДС/ХСС, значительно снизился, а АдГ, наоборот, вырос. Согласно данным опросов, в случае проведения выборов Бундестаг 25.10.2025 г. партии АдГ отдали бы голоса 25,6% опрошенных избирателей, что на 0,2% больше, чем у блока ХДС/ХСС [12]. Таким образом, рейтинг АдГ с февраля вырос на 4,8%, а ХДС/ХСС снизился на более, чем на 3%. За неделю до этого, руководство евроскептиков объявило о том, что количество членов партии превысило 70 000 человек. Комментируя эту информацию, сопредседатель АдГ Тино Хрупалла заявил: «Данный рекордный прирост является явным доказательством доверия граждан, и в то же время побуждает нас решительно продолжать наш политический путь», отметив, что «вскоре партия сумеет достигнуть большинства в парламенте, необходимого для проведения политики в интересах нашей страны» [13]. Рост партийных рядов АдГ действительно впечатляет, поскольку ещё в 2023 г. в организации состояло 29296 человек, а к концу 2024 г. уже около 50000 [14].

2026 г. может стать во многом поворотным для политической ситуации Германии. Выборы пройдут в пяти федеральных землях: Баден-Вюртемберге, Рейнланд-Пфальце, Берлине, Мекленбурге - Передней Померании и Саксен-Анхальте. То, что как минимум в двух последних из перечисленных победу одержит АдГ, сомнений практически нет. При этом, среди определённой части христианских демократов появились настроения смягчить политику «защитной стены» против АдГ [15]. Тем не менее, канцлер Мерц, назвал АдГ основной угрозой не только для ХДС/ХСС, «по сути она ставит под сомнение само существование нашей страны» [16]. Кроме того, руководство партии будет продолжать настаивать на необходимости запрета АдГ.

Таким образом, основные положения политики АдГ после

выборов в Бундестаг 2025 г. практически не изменились. Они пользуются поддержкой значительной населения страны. При этом, численность поддерживающих правых популистов постоянно растёт. И определяющую роль в этом играет последовательная политика партии в области миграции.

Библиографический список

1. Bundestagswahl 2025: Endgültiges Ergebnis[Электронный ресурс]. URL https://bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/29_25_endgueltiges-ergebnis.html (дата обращения: 26.10.2025).
2. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 20. Deutschen Bundestag [Электронный ресурс].URL:https://www.afd.de/wp-content/uploads/2025/02/AfD-Bundestagswahlprogramm2025_web.pdf(дата обращения: 28.10.2025).
3. Mehrheit mit AfD-Stimmen: Tabubruch von Merz oder in der Sache richtig? [Электронный ресурс]. URL:<https://www1.wdr.de/nachrichten/wahlen/bundestagswahl-2025/bundestag-beschluss-migration-100.html>(дата обращения: 28.10.2025).
4. Pressemitteilung Nr. 204 vom 10. Juni 2025 [Электронный ресурс].URL:https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2025/06/PD25_204_125.html(дата обращения: 29.10.2025).
5. Statt CDU-Scheinlösung: Einbürgerung erst nach 10 Jahren und echter Integration! [Электронный ресурс].URL:<https://www.afd-zweibruecken.de/2025/10/14/statt-cdu-scheinloesung-einbuengerung-erst-nach-10-jahren-und-echter-integration/>(дата обращения: 26.10.2025).
6. Ausländerkriminalität in Deutschland - Daten & Fakten [Электронный ресурс].URL:<https://de.statista.com/themen/13642/auslaenderkriminalitaet-in-deutschland/>(дата обращения: 29.10.2025).
7. Streit um 15 Euro eskaliert – Drei Brüder randalieren in Eisdiele und greifen Polizisten an [Электронный ресурс].URL:<https://www.welt.de/vermischtes/article68b7053a46b61b4dcb0b71e6/Bayern-Streit-um-15-Euro-eskaliert-Drei-Brueder-randalieren-in-Eisdiele-und-greifen-Polizisten-an.html> (дата обращения: 29.10.2025).
8. Jahre "Wir schaffen das": Aus Merkel wurde Merz! - AfD Brennpunkt [Электронный ресурс]. URL:<https://www.youtube.com/watch?v=6dWYxKW5rY4>(дата обращения: 29.10.2025).
9. Wehe den Juden. [Электронный ресурс].URL:<https://www.juedische-allgemeine.de/politik/wehe-den-juden/>(дата обращения: 30.10.2025).
10. Drei Stimmen eine Linie: die AfD und Israel. [Электронный ресурс].URL: <https://frank-hansel.de/drei-stimmen-eine-linie-die-afd-und-israel/>(дата обращения: 30.10.2025).
11. Positionierung der AfD-Fraktion zum israelisch-iranischen Krieg [Электронный ресурс].URL:<https://afdbundestag.de/positionierung-zum-israelisch-iranischen-krieg/>(дата обращения: 30.10.2025).
12. Neueste Wahlumfragen im Wahltrend zur Bundestagswahl [Электронный ресурс].URL:<https://dawum.de/Bundestag/>(дата обращения: 26.10.2025).
13. Mitgliederzahl steigt auf 70.000[Электронный ресурс].URL:<https://www.hasepost.de/afd-erreicht-70-000-mitglieder-groesster-zuwachs-bisher-646388/>(дата обращения: 26.10.2025).
14. Wachstum um rund 70 Prozent: AfD erzielt neuen Rekord bei Mitgliederzahl[Электронный ресурс].URL <https://apollo-news.net/wachstum-um-rund-70->

prozent-afd-erzielt-neuen-rekord-bei-mitgliederzahl/(дата обращения: 29.10.2025).

15. Neue Gruppe in der CDU fordert "Kurskorrektur" von Parteichef Merz [Электронный ресурс]. URL <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2025-10/kritik-friedrich-merz-cdu-plattform-compass-mitte-migration-afd> (дата обращения: 29.10.2025).

16. Kampf gegen AfD: CDU hat kaum eine neue Idee [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zdfheute.de/politik/cdu-afd-merz-linnemann-strategie-100.html> (дата обращения: 29.10.2025).

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМ КОНФЛИКТОМ И ИХ ИЕРАРХИЯ

CHARACTERISTICS OF SOCIAL TECHNOLOGY FOR MANAGING ETHNIC CONFLICT AND THEIR HIERARCHY

Е.В. Савва

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

E. V. Savva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Социальные технологии являются эффективным инструментом управления конфликтами, в том числе этническими. Более высокая эффективность социальных технологий подтверждена специальными исследованиями. Однако, различные авторы по-разному понимают содержание понятия социальной технологии. Автор предлагает ряд характеристик социальной технологии, которые достаточно полно определяют ее содержание. Исходя из потребностей практики, автор выделяет иерархию этих характеристик. Иерархизация позволяет оценить, является ли тот или иной процесс социальной технологией. Характеристикой высшего уровня является алгоритмичность (процедурная упорядоченность). Характеристики этапности и воспроизводимости также чрезвычайно важны для выделения таких технологий среди других методов управления.

Abstract. Social technologies are an effective tool for conflict management, including ethnic conflicts. The superior effectiveness of social technologies has been confirmed by specialized research. However, different authors understand the concept of social technology differently. The author proposes a number of characteristics of social technology that fairly fully define its content. Based on practical needs, the author identifies a hierarchy of these characteristics. This hierarchy allows one to assess whether a particular process qualifies as a social technology. The highest-level characteristic is algorithmicity (procedural orderliness). The characteristics of stage-by-stage and reproducibility are also crucial for distinguishing such technologies from other management methods.

Ключевые слова: этнический конфликт, управление конфликтом, социальная технология управления этническим конфликтом, характеристики явления, иерархия характеристик, процедурная упорядоченность, этапность, воспроизводимость.

Keywords: ethnic conflict, conflict management, social technology of ethnic conflict management, characteristics of the phenomenon, hierarchy of characteristics, procedural orderliness, stage-by-stage nature, reproducibility.

Этнический (межэтнический) конфликт автор рассматривает в качестве одного из наиболее деструктивных видов социальных конфликтов. Деструктивность конфликта автор понимает как его разрушительную способность в отношении социальных отношений и материальных благ. Высокая деструктивность этнического конфликта определена несколькими его особенностями. Этнический конфликт является, как правило, эмоционально напряженным, иррациональным и обладает большим кумулятивным потенциалом. После начала такого конфликта его инициаторы довольно быстро теряют над ним контроль. Конфликт развивается в силу внутренних слабо предсказуемых закономерностей с высокой вероятностью перехода к этапу эскалации с применением насилия. Насилие в этническом конфликте приводит к безвозвратным потерям, в том числе человеческих жизней.

Данная особенность конфликтов этого вида делает их конструктивный потенциал неактуальным. Этот потенциал в случае этнических конфликтов автор рассматривает исключительно в качестве вторичного. Другими словами, если этнический конфликт не удалось предотвратить, мы можем попытаться использовать его позитивный потенциал после завершения данного конфликта, в том числе в формате учета опыта данного конфликта. Этнические конфликты необходимо предотвращать на латентном этапе или регулировать на последующих этапах их развития с целью предотвратить проявления насилия.

М.А. Абрамова и О.А. Персидская, указывая на наличие в этнических конфликтах некоторого конструктивного потенциала, подчеркивают, что важнейшая особенность подобных конфликтов состоит в их тяжести, массовости и стереотипности поведения участников. Сила деструктивного потенциала этнических конфликтов состоит в нанесении длительного вреда гармоничному взаимодействию и формировании устойчивых, принципиально неразрешимых позиций конфликтующих сторон. Названные выше авторы формулируют важную для нашего исследования идею: особенности этнического конфликта определяют шаблонность путей выхода таких конфликтов из их острых фаз [1, с. 3562]. Такая шаблонность путей выхода конфликта из острых фаз позволяет предположить возможность применения шаблонов предотвращения и регулирования этнических конфликтов.

Конфликты, в том числе этнические, после их возникновения можно регулировать. Управление этническим конфликтом является актуальной сферой мировой и отечественной практики, а также научных исследований, которые призваны создавать инструменты для практики. Способность минимизировать деструктивные последствия этнического конфликта определяются потенциалом сложной системы субъектов управления конфликтом. Среди этих субъектов необходимо выделить институты гражданского общества, средства массовой информации, органы государственной власти и местного самоуправления всех уровней. Важной особенностью этнического конфликта, как было сказано выше, является сила его кумулятивного эффекта. Стороны такого конфликта часто оказываются в кумулятивном процессе. В этом случае возможности сторон конфликта влиять на его развитие, в первую очередь на торможение эскалации, значительно снижаются.

В то же время, внешние акторы, то есть субъекты целенаправленного управления конфликтом, сохраняют возможность действовать целенаправленно, то есть с целью снижения деструктивного влияния конфликта. Автор считает нужным подчеркнуть, что структуры гражданского общества, СМИ, органы публичной власти и другие субъекты управления этническим конфликтом тоже попадают в сферу кумулятивного конфликтного процесса, поскольку они должны реагировать на проявления конфликта. Однако, их вовлеченность в кумулятивный эффект значительно меньше по сравнению с непосредственными участниками конфликта.

От чего зависит потенциал системы управления конфликтом? Практика такого управления показывает, что одним из важных факторов потенциала выступает готовность уже на начальном этапе вмешательства использовать заранее разработанные эффективные инструменты торможения эскалации этнического конфликта. Возвращаясь к ранее обозначенной в нашей статье идее применения шаблонов предотвращения и регулирования конфликтов, можно уверенно утверждать: потенциал системы управления конфликтом в значительной степени определяется наличием социальных технологий управления этническим конфликтом и способностью их использовать. Безусловно, названный фактор не является единственным. Имеют значение координация действий элементов системы управления, наличие и эффективность каналов коммуникации субъектов управления и непосредственных участников конфликта, и целый ряд других факторов. Автор не рассматривает в настоящей статье эти

факторы, полагая, что они являются объектом отдельного исследования.

Исследование и обобщение деятельности, подтвердившей свою результативность в практическом урегулировании этнических конфликтов, позволяет разрабатывать и предлагать для широкого использования социальные технологии управления такими конфликтами. Автор рассматривает технологию как систему последовательных, процедурно стандартизированных и контролируемых действий (операций), осуществляемых ради достижения заранее определенной цели и обеспечивающих похожие результаты в похожих условиях. Почему технологии важны? Е.М. Осипов выделил главное преимущество технологизации, а именно возможность тиражирования приемов и методов, многократно повторять их, а также применять в аналогичных обстоятельствах с прогнозируемым результатом [2, с. 101].

Понятия технологии и социальной технологии соотносятся как общее и частное. Исследователи выделяют социальные технологии по сфере их применения. Это технологии, которые используются в социальной сфере. На примере социальной политики группа российских авторов выявила основные признаки социальной технологии. Практику можно охарактеризовать как социальную технологию, если она обладает признаками воспроизводимости, этапности и процедурной упорядоченности [3, с. 3].

Особенности современной эпохи повышают актуальность социальных технологий как способа управления реальностью. Количество вызовов, которые требуют реакции, увеличивается в результате глобализации, связанной с ней международной миграцией, развития коммуникаций и скорости распространения информации, в том числе о проблемах и конфликтах. Поскольку вызовов становятся все больше, субъекты управления уже не могут себе позволить разрабатывать уникальные ответы для каждого случая. Быстрая реакция на этнический конфликт требует использовать заранее подготовленный, адекватный для данного случая и апробированный алгоритм действий, направленный на снижение деструктивного потенциала конфликта. Представление о том, что актуальность социальных технологий в современном обществе повышается под влиянием изменяющихся потребностей практики, достаточно популярно в отечественном научном сообществе. О.В. Гавриленко констатирует: российское общество развивается в условиях внешних и внутренних вызовов, которые требуют трансформации управленческих практик и разработки новых социальных технологий [4, с. 167].

Разработка и использование социальных технологий является перспективным направлением для всех основных субъектов управления этническими конфликтами. В то же время, эта деятельность предполагает ряд ограничений. По мнению Р.А. Депенян, использование социальных технологий управления открывает большие возможности для государственных институтов. В то же время, чрезвычайно важно учитывать проблемы такого использования и прогнозировать их возникновение. Отсутствие стратегии, непоследовательные публикации, чрезмерное продвижение, игнорирование вовлеченности, пренебрежение аналитикой, отсутствие целеполагания, неумение адаптироваться, иллюзии маркетинга в социальных медиа могут быть серьезными препятствием для реализации задач социального управления [5, с. 203]. Как полагает автор данной статьи, как разработка, так и применение социальных технологий требуют специальных знаний и умений, то есть определенного уровня профессионализма.

Вопрос о содержании понятия социальной технологии является чрезвычайно важным, поскольку различия понимания чрезвычайно велики у разных авторов. Это тот случай, когда одно и то же слово применяется к совершенно различным идеям. Для определения научного понимания социальной технологии управления этническим конфликтом автор считает необходимым сформулировать содержательные характеристики данного концепта и предложить их иерархию. Иерархизация позволяет выделить наиболее и менее важные характеристики и благодаря этому дает возможность оценить, является ли тот или иной процесс социальной технологией. Поскольку идеальные варианты социальных технологий на практике недостижимы, некоторые характеристики социальной технологии в каждом конкретном случае будут менее выражены. Таким образом, иерархизация позволяет ответить на вопрос: «Чем можно пожертвовать при проектировании и применении социальной технологии, а что является ее атрибутом?».

Выше уже было подчеркнуто, что автор понимает под социальной технологией лишь алгоритмизованную, то есть процедурно упорядоченную деятельность. Социальная технология, при всех возможных нюансах, – это всегда заранее заданная последовательность действий. Без характеристики алгоритмичности социальная технология утрачивает свою суть и становится неотличимой от других видов целенаправленной деятельности, имеющих значительно меньшую эффективность. Алгоритмичность предполагает, что до выполнения задач предыдущего этапа

недопустимо переходить к реализации следующего.

Практика становится социальной технологией при условии наличия у нее, помимо алгоритмичности (процедурной упорядоченности), таких обязательных характеристик, как этапность и воспроизводимость. Этапность автор понимает как выделение в едином процессе применения социальной технологии содержательных этапов, которые завершаются достижением конкретных заранее определенных целей. Социальные технологии предполагают точное целеполагание, то есть определение рациональной и достижимой цели для каждого этапа. Важным вторичным элементом социальной технологии является инструмент доказывания достижения этих целей, то есть развитый механизм мониторинга и оценивания. Данные характеристики требуют от разработчиков и исполнителей социальных технологий практических умений в области социального проектирования.

Воспроизводимость необходимо понимать как пригодность социальной технологии для использования в других подобных ситуациях. При этом в сходных условиях (по отношению к условиям, для которых эта технология была разработана и в которых она была апробирована) социальная технология должна обеспечивать сходный результат. Автор констатирует слабость в отечественной науке и практической деятельности по регулированию межэтнических конфликтов традиции описания эффективных практик в формате социальных технологий. Качество такого описания, то есть соблюдение при его подготовке требований к описанию социальной технологии обеспечивает возможность тиражирования и схожую эффективность в схожих условиях. В современных условиях недостаточно спроектировать и осуществить успешную деятельность по управлению конкретным этническим конфликтом. Необходимо уметь описать такую деятельность в формате социальной технологии.

Процедурная упорядоченность, этапность и воспроизводимость автор относит к обязательным характеристикам социальной технологии управления этническим конфликтом. Другие характеристики не столь важны для понимания содержания концепта социальной технологии, однако их также нужно учитывать, в первую очередь при разработке подобных технологий.

Одной из характеристик социальной технологии должна быть гибкость описания социальной технологии, которую можно использовать на практике. На практике это означает наличие в описании социальной технологии вариантов «расщепления» событий. Если на определенном этапе применения социальной технологии

«что-то пошло не так» и при помощи действий, предусмотренных «вариантом 1», достичь цели этапа невозможно, должен быть предусмотрен «вариант 2», который обеспечивает достижение данной цели другими способами. Такая поливариативность может быть сформирована только на основе обобщения детально описанного практического опыта. В настоящем исследовании автор не углубляется в вопросы источников для создания социальных технологий. Достаточно лишь указать, что одним из таких источников могут быть отчеты об исполнении соответствующих проектов различных субъектов управления этническими конфликтами.

Мнение о более высокой эффективности социальных технологий по сравнению с другими способами регулирования конфликтов является широко распространенным. Однако, в течение длительного времени оно основывалось на субъективных оценках исследователей. В 2024 году исследование Weihong Guo из Шаньдунского университета менеджмента доказательно показало эффективность социальных технологий управления конфликтами в сфере межкультурной коммуникации. Weihong Guo удалось оценить различия эффективности применения социальных технологий, которые указанный автор называет стратегиями управления конфликтом, и деятельность по урегулированию конфликта без использования социальных технологий. Средний показатель эффективности в группе, которая применяла социальные технологии, был выше, а именно 75 пунктов по сравнению с 70 у контрольной группы [6]. Данный показатель является количественным, его расчет можно проверить. Таким образом, можно обоснованно ожидать повышения эффективности управления межэтническими конфликтами в случае применения для этого социальных технологий.

Подводя итоги нашего исследования, автор констатирует, что потребности практики требуют повышения эффективности управления межэтническими конфликтами. Актуальным инструментом такого повышения является относительно новый для отечественной науки и практики формат социальной технологии. Более высокая эффективность социальных технологий доказана с использованием метода сравнения количественных показателей. Однако, различия понимания социальной технологии чрезвычайно велики у разных авторов. Это ставит исследовательскую задачу, которой посвящена настоящая статья: каковы характеристики социальной технологии и иерархия данных характеристик. Автор полагает, что к обязательным характеристикам социальной технологии относятся алгоритмичность (процедурная

упорядоченность), этапность и воспроизводимость. К характеристикам второго уровня необходимо отнести, например, гибкость социальной технологии, то есть наличие в ее описании вариантов «расщепления» событий.

Библиографический список

1. Абрамова М.А., Персидская О.А. Деструктивный и конструктивный потенциал межэтнического конфликта // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3555 – 3633.

2. Осипов Е.М. Социальные технологии в межсекторном взаимодействии // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2005. № 4. С. 94 – 110.

3. Ярская-Смирнова Е.Р., Рождественская Е.Ю., Абрамов Р.Н., Борзов С.П., Александрова М.Ю. Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (177). С. 3 – 25.

4. Гавриленко О.В. Социальные технологии в управлении современным российским обществом // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 4. С. 164 – 187.

5. Депенян Р.А. Типология социальных технологий в управлении // Власть. 2024. № 6. С. 191 – 204.

6. Weihong Guo Conflict resolution in intercultural communication: strategies for managing cultural conflicts. Humanities and social sciences communications, Palgrave Macmillan. 2025. Vol. 12 (1). P. 1 - 10.

PERCEPTIONS DE L'INFLUENCE DES ORGANISATIONS MUSULMANES SUR LA GOUVERNANCE PUBLIQUE AU MALI : DYNAMIQUES ETHNOCONFESSIONNELLES ET SOCIOPOLITIQUES

ВОСПРИЯТИЕ ВЛИЯНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МАЛИ: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Lamine Sidibe

Chercheur indépendant, Bamako, Mali

Ламин Сидибэ

Независимый исследователь, Бамако, Мали

Résumé. Cet article, tiré d'une recherche doctorale, s'intéresse aux regards que portent les habitants de Bamako et de Tombouctou sur le rôle des organisations musulmanes dans la vie publique. L'étude cherche à comprendre comment ces organisations, présentes au cœur de la société malienne, utilisent leurs ressources culturelles, économiques et politiques pour influencer les décisions et peser sur le

пouvoir. Au fil du travail, une question principale guide la réflexion : comment le discours religieux est-il utilisé pour orienter l'opinion publique ? Plus concrètement, l'étude explore les perceptions du rôle joué par ces organisations au sein des différentes confréries – hamaliyya, qadiriyya, tijaniyya et salafiyya. Également, il s'interroge sur les mécanismes, parfois formels, parfois informels, qui leur permettent de participer à la construction des politiques publiques. En toile de fond, une autre interrogation se dessine : cette participation renforce-t-elle la cohésion nationale, ou au contraire, la fragilise-t-elle? Pour y répondre, une approche qualitative a été adoptée. Entre juin 2021 et avril 2022, des entretiens semi-directifs et des observations de terrain ont été menés auprès de 189 participants : imams, fidèles, universitaires, responsables politiques, autorités coutumières, membres de la société civile et de la presse. Chacun, à sa manière, a apporté une lumière sur les dynamiques en jeu. Les résultats révèlent que les organisations musulmanes disposent bel et bien de ressources multiples, culturelles, économiques et politiques, qu'elles savent activer selon les contextes et les enjeux de légitimité. Leurs modes d'action varient selon les situations, les doctrines et les formes d'engagement propres à chaque mouvement. En somme, cette étude met en évidence la manière dont ces organisations tissent leurs réseaux d'influence, tout en cherchant à consolider leur poids social et politique dans un Mali en constante évolution.

Аннотация. В этой статье, основанной на докторских исследованиях, рассматриваются взгляды жителей Бамако и Тимбукту на роль мусульманских организаций в общественной жизни. Исследование направлено на понимание того, как эти организации, составляющие ядро малийского общества, используют свои культурные, экономические и политические ресурсы для влияния на решения и осуществления власти. На протяжении всего исследования основной темой обсуждения был вопрос: как используется религиозный дискурс для формирования общественного мнения? В частности, в исследовании рассматривается восприятие роли, которую эти организации играют в различных братствах – Хамалия, кадирия, Тиджания и Салафия. В нем также рассматриваются механизмы, иногда формальные, иногда неформальные, которые позволяют им участвовать в разработке государственной политики. Возникает другой вопрос: укрепляет или ослабляет ли такое участие национальное единство? Чтобы ответить на этот вопрос, был применен качественный подход. В период с июня 2021 года по апрель 2022 года были проведены полуструктурированные интервью и полевые наблюдения с участием 189 участников: имамов, верующих, ученых, политиков, традиционных лидеров, представителей гражданского общества и прессы. Каждый из них по-своему освещает динамику происходящего. Результаты показывают, что мусульманские организации действительно располагают многочисленными культурными, экономическими и политическими ресурсами, которые они умеют использовать в зависимости от контекста и вопросов легитимности. Их методы работы различаются в зависимости от ситуации, доктрин и форм взаимодействия, характерных для каждого движения. Вкратце, это исследование объясняет, как эти организации создают свои сети влияния с целью усиления своего социального и политического влияния в постоянно меняющемся Мали.

Mots clés: décision publique, dynamique ethnoconfessionnelle, Mali, influence sociopolitique, organisation musulmane, perception.

Ключевые слова: принятие общественных решений, этноконфессиональная динамика, Мали, социально-политическое влияние, мусульманская организация, восприятие.

Introduction. Depuis l'indépendance du Mali en 1960, la vie politique et la vie religieuse se croisent et s'influencent mutuellement. Ces deux sphères, loin d'être séparées, s'entremêlent dans le quotidien des Maliens. L'histoire politique du pays montre une constante : les autorités religieuses, surtout musulmanes, ont toujours joué un rôle dans la manière dont les politiques publiques sont pensées et appliquées. Leur influence, bien que changeante selon les régimes, reste profondément ancrée dans la société malienne. Cette situation n'est pas propre au Mali. Dans de nombreux pays du **Sahel**, l'islam façonne les valeurs sociales, les comportements et même les rapports d'autorité. Au lendemain de l'indépendance, le défunt président Modibo Keita (1960-1968) avait pourtant voulu bâtir un État laïc, affranchi de toute influence religieuse. Son gouvernement, inspiré du socialisme, cherchait à placer l'État au centre de tout, en limitant la place du religieux dans les affaires publiques.

Mais, la situation a progressivement changé après le coup d'État de 1968, qui a porté au pouvoir le défunt général Moussa Traoré. Soucieux de renforcer sa légitimité populaire, il a amorcé un rapprochement stratégique avec les autorités religieuses, surtout musulmanes. Cette alliance a ouvert la voie à une nouvelle forme de collaboration entre le pouvoir politique et les organisations religieuses. En 1981, cette volonté s'est concrétisée avec la création de l'Association musulmane pour l'unicité et le progrès de l'islam (AMUPI). L'objectif était double : unifier les musulmans du Mali et mieux encadrer leurs activités. L'État cherchait ainsi à contrôler la multiplication des courants islamiques émergents, tout en consolidant sa légitimité grâce au soutien des leaders religieux influents. Ce fut le premier régime à officialiser une coopération directe entre le politique et le religieux [4].

Face à une situation économique difficile, le Mali espérait également bénéficier de l'aide financière de pays islamiques partenaires [7]. Cette stratégie a certes permis d'obtenir quelques soutiens, mais elle n'a pas empêché la montée des tensions internes entre confréries. Au contraire, elle a parfois renforcé les divisions religieuses, tout en faisant de l'islam un symbole identitaire central dans la société malienne [*Ibid.*]).

Puis vint la révolution de mars 1991, un tournant majeur dans l'histoire du pays. La chute du régime militaire et l'avènement du pluralisme démocratique ont libéré la parole, y compris religieuse. Selon Lamine Sidibe [10], cette période a vu éclore une véritable effervescence associative. Les mosquées, les associations islamiques et les leaders

religieux ont investi l'espace public avec une liberté nouvelle (*Ibid.*). L'islam, libéré de l'emprise étatique, s'est imposé comme un acteur central du débat national.

Depuis, les organisations musulmanes ne se contentent plus de leur rôle spirituel. Elles s'impliquent dans la vie politique, sociale et économique du pays. Elles interviennent dans la médiation des conflits, mobilisent les communautés, exercent une pression morale sur les dirigeants et participent parfois directement à la gestion des affaires publiques. Pour cela, elles s'appuient sur un ensemble de ressources symboliques, culturelles, économiques et sociales, qu'elles adaptent selon les contextes.

Cette dynamique n'a pas échappé aux penseurs classiques. Émile Durkheim [5]) voyait déjà la religion comme un ciment du lien social, un moyen de rassembler les individus autour de valeurs partagées. Dans le cas du Mali, cette cohésion devient un véritable capital collectif que les organisations musulmanes utilisent pour peser sur les décisions publiques. De son côté, Pierre Bourdieu [2] expliquait que le pouvoir des institutions religieuses découle de leur légitimité culturelle et de la reconnaissance sociale dont elles jouissent. Combiné au champ politique, ce pouvoir crée une forme hybride de gouvernance, où la morale religieuse sert souvent à légitimer les décisions politiques.

Alain Touraine [11], avec sa notion d'« historicité », rappelle quant à lui que les acteurs sociaux ont la capacité de façonner l'histoire. Cette idée s'applique bien aux organisations musulmanes du Mali, qui, loin d'être passives, adaptent leurs stratégies et redéfinissent leur rapport à l'État selon les circonstances. Pour Max Weber [13], l'autorité religieuse repose sur l'adhésion volontaire des croyants. Cette perspective aide à comprendre comment les organisations musulmanes construisent leur influence morale et spirituelle. Leur autorité vient avant tout de la reconnaissance sincère de leurs fidèles.

Enfin, Bertrand Badie et *al.* [1] rappellent qu'une institution religieuse ne peut exercer une influence durable que si elle mobilise efficacement ses ressources matérielles, organisationnelles et symboliques. Les organisations musulmanes au Mali illustrent bien cette logique. Elles adoptent parfois des stratégies proches de celles des partis politiques, mais la légitimité religieuse leur confère un poids moral plus fort.

À partir de ces perspectives, cette recherche pose la question suivante : quelles ressources les organisations musulmanes mobilisent-elles pour influencer les politiques publiques au Mali ? Cette problématique en cache une autre : comment ces acteurs combinent-ils leur organisation interne et leur insertion politique pour consolider leur légitimité dans un

contexte d'État fragile ? Dans un Mali marqué par la crise sécuritaire, la montée des radicalismes et la méfiance envers les institutions publiques, les acteurs religieux apparaissent souvent comme des médiateurs de paix et des garants de cohésion nationale. Comprendre les logiques de leur influence, c'est donc mieux saisir les nouveaux équilibres de pouvoir qui redessinent la société malienne d'aujourd'hui.

Cet article, issu d'une thèse doctorale, s'inscrit dans cette démarche. Il analyse les différentes ressources, matérielles, symboliques, sociales et organisationnelles, que les organisations musulmanes mobilisent pour influencer les décisions publiques, notamment à Bamako et Tombouctou. À travers une approche historique, sociologique et politique, il montre comment ces acteurs, forts de leur légitimité religieuse et sociale, participent à redéfinir la gouvernance publique au Mali contemporain.

Méthodologie d'enquête. Notre étude est de nature qualitative. Pour mieux comprendre les réalités du terrain, nous avons utilisé des guides d'entretien adaptés à chaque groupe de participants. Nous avons choisi la technique de la saturation, elle consiste à arrêter les entretiens lorsqu'aucune nouvelle information importante n'apparaît. Au total, nous avons échangé avec 14 imams, 16 adeptes des confréries *hamalliyya*, *qadiriyya*, *tijaniyya* et *salafiyya*, 5 universitaires, 5 responsables politiques et coutumiers, ainsi que 7 représentants de la société civile et de la presse. Ces personnes ont été retenues parce qu'elles sont directement impliquées dans la vie religieuse du pays, que ce soit comme acteurs, membres d'associations ou observateurs attentifs. Pour encourager une parole libre et sincère, nous avons veillé à ce que, dans chaque commune, les répondants ne soient pas issus d'une même confrérie.

L'enquête s'est déroulée dans trois communes du district de Bamako, notamment les communes I, III et V. Elle a duré six mois, de juin à novembre 2021. Ces communes ont été choisies parce qu'on y observe deux dynamiques principales : d'une part, la multiplication des associations religieuses très actives lors des grandes fêtes comme le *Maouloud*, et d'autre part, l'exploitation des rivalités entre les différents courants religieux par certains acteurs politiques.

Enfin, à Tombouctou, les quartiers de Abaradjou, Hamabangou et Bellafarandji ont été ciblés de mars à avril 2022. À Tombouctou, les entretiens ont été conduits successivement dans ces trois quartiers : à Abaradjou du 5 au 20 mars 2022, à Hamabangou du 20 mars au 16 avril 2022 et à Bellafarandji du 16 au 30 avril 2022.

Résultats de l'enquête. Les entretiens menés à Bamako et à Tombouctou montrent que les organisations musulmanes disposent de nombreuses ressources. Ces ressources sont à la fois des atouts et des

leviers d'action leur permettant d'occuper une place importante dans l'espace public. Parmi elles, les plus fortes sont de nature culturelle, symbolique et économique. En s'appuyant sur ces dimensions, les organisations religieuses influencent la vie sociale et politique du pays, chacune selon ses logiques et ses moyens.

Ressources culturelles et symboliques : un héritage vivant. Les personnes rencontrées rappellent toutes que l'islam et ses leaders occupent depuis longtemps une place essentielle dans la vie publique malienne. Même si cette influence a évolué au fil du temps, elle demeure aujourd'hui un repère fort pour les organisations musulmanes. Un acteur religieux de Bamako se souvient :

L'influence de l'islam a toujours été là. La seule période où les leaders religieux ont été écartés de la vie politique, c'est sous Modibo Keita, entre 1960 et 1968. Il voulait construire un projet socialiste et voyait les chefs religieux comme trop proches de l'administration coloniale (A.H., membre d'une mosquée, Torokorobougou, 04/11/2021).

Cette continuité historique donne aux leaders religieux un poids symbolique fort, ancré dans la mémoire collective. À Tombouctou, par exemple, l'autorité des grandes familles religieuses reste respectée, même sans structure officielle : *« Ici, les gens suivent toujours les recommandations des chefs religieux. C'est une vieille ville, les familles gardent beaucoup de respect pour les grandes lignées de savants »* (Y.M.I., enseignant de médersa, Abaradjou, 19/03/2022).

Ce prestige historique et familial leur donne une légitimité naturelle dans l'espace public. Grâce à cela, les organisations musulmanes peuvent défendre des valeurs, influencer les débats et contribuer à l'identité collective du pays. Comme le dit S.K., imam à Lafiabougou : *« Avant, la religion restait dans la sphère privée. Aujourd'hui, face aux problèmes de la démocratie tels que la corruption, le népotisme, les inégalités, l'islam aide à réguler la société »* (S.K., Bamako, 10/09/2021).

Ses paroles traduisent une évolution profonde : l'islam n'est plus en retrait, il participe activement à la vie publique. Cette évolution marque la naissance d'un acteur collectif religieux qui cherche à donner du sens à la vie politique et sociale.

Réseau éducatif : un pilier de transmission et d'influence. L'étude montre que les confréries soufies comme la *Qadiriyya*, la *Tijaniyya*, la *Hamalliyya* ou la *Mouridiyya* jouent un rôle important dans l'éducation religieuse au Mali. À travers les médersas, écoles coraniques et centres culturels, elles transmettent non seulement les savoirs islamiques, mais aussi des valeurs comme le respect, la solidarité et le civisme. Ces écoles forment les jeunes, éduquent les consciences et contribuent à renforcer le

lien entre la foi et la société. Elles deviennent ainsi de véritables espaces d'influence sociale. Un enseignant à Bamako explique: «*Les médersas transmettent le savoir, le savoir-être et le savoir-faire religieux. Elles assurent la continuité des valeurs islamiques*» (O.K., Commune III, 10/11/2021).

Un maître coranique de Tombouctou ajoute: «*Les enfants apprennent à connaître les textes religieux et à les vivre au quotidien. C'est une tradition ancienne au Mali* » (B.O.T., Tombouctou, 14/03/2022)

Dans ces espaces, on n'enseigne pas seulement la religion, mais aussi la vie en communauté et la responsabilité. L'éducation devient un outil puissant de transformation sociale, enraciné dans la culture locale.

Langue arabe : un signe de savoir et de légitimité. La maîtrise de l'arabe est souvent vue comme une marque de savoir religieux. Elle distingue certains leaders, notamment les wahhabites formés dans les pays du Golfe. Un notable wahhabite avoue : « *Ceux qui parlent arabe paraissent plus savants, plus proches du vrai islam. Même les autorités les invitent à débattre à la télévision* » (D.D., notable wahhabite, Bamako, 10/11/2021).

Mais certains établissements cherchent à moderniser cet enseignement. Par exemple, les médersas affiliées à *Ançar Dine International* intègrent des cours de français, mathématiques et sciences, pour ouvrir les élèves à d'autres horizons. Un élève ançar confie : « *Dans notre médersa, on apprend le Coran et l'arabe, mais aussi des matières modernes. Nos enseignants nous encouragent à réfléchir et à éviter les interprétations extrêmes* » (O.K., élève ançar, Lafiabougou, 19/09/2021).

Ces initiatives montrent la volonté d'adapter l'enseignement religieux aux enjeux du monde contemporain, tout en préservant les racines culturelles et spirituelles du pays.

École islamique : un espace de résistance culturelle. Pour beaucoup d'acteurs, l'école islamique est aussi un rempart contre la perte des valeurs traditionnelles. Un enseignant de médersa rappelle: «*Depuis la colonisation, nos valeurs disparaissent peu à peu. L'école islamique, c'est notre bouclier* » (O.K., enseignant, Lafiabougou, 07/09/2021).

Ainsi, l'éducation religieuse ne se limite pas à transmettre le savoir. Elle devient une forme de résistance culturelle, une manière de préserver l'identité malienne face aux influences extérieures. Ce positionnement rejoint les analyses en sociologie des mouvements sociaux, notamment celle d'Alain Touraine [12]. Selon cette analyse, les mouvements construisent des alternatives culturelles et donnent sens à l'action collective à travers des dynamiques de résistance.

Ressources économiques et matérielles. Les organisations

musulmanes ne se contentent pas d'agir sur le plan spirituel. Elles mobilisent aussi d'importantes ressources économiques et matérielles pour mener leurs activités.

Autofinancement: un gage d'autonomie. Leurs fonds proviennent souvent des cotisations des membres, des dons de la diaspora ou de petites activités économiques. Un responsable local Ançar Dine se glorifie: «*Nos membres cotisent 500 francs par mois et 6000 francs par an. C'est ce qui nous permet de construire des forages, des écoles ou d'aider les malades* » (S.M., responsable local Ançar Dine, Commune V, 08/11/2021)

Ces efforts collectifs, parfois modestes, donnent aux associations une autonomie réelle et une crédibilité auprès des populations. Les grandes fêtes religieuses comme le *Maouloud* sont aussi des moments de forte mobilisation: «*Pendant le Maouloud, les leaders reçoivent des dons en argent, en bétail ou en vivres. C'est un moment fort de solidarité*» (O.A.T., jeune leader, Tombouctou, 16/04/2022).

Entreprises confessionnelles : un maillage économique religieux. Plusieurs organisations ont créé de véritables entreprises religieuses :

- des agences de voyage pour le pèlerinage à la Mecque;
- des chaînes de télévision religieuses comme *Chérifla TV* ou *Sunna TV*;
- des structures de microfinance (*Ançar Finances*);
- et la vente de supports religieux tels que les prêches, les CD, les clés USB, etc.

Ces activités renforcent leur autonomie et leur visibilité dans la société. Certaines bénéficient aussi de financements du Moyen-Orient pour construire des universités ou des centres de formation. Un responsable de centre islamique confie: «*Notre centre islamique est financé par des partenaires du Moyen-Orient. C'est une réponse à l'absence de l'État* » (A.M.O., responsable de centre islamique, Tombouctou, 22/04/2022).

En somme, les organisations musulmanes combinent foi, éducation et économie pour consolider leur présence dans la société. Leur rôle dépasse désormais la sphère religieuse. Elles participent à la vie sociale, culturelle et politique du Mali, en cherchant toujours à répondre aux besoins des populations.

Ressources politiques. Au Mali, les organisations musulmanes possèdent aussi des ressources politiques importantes. Grâce à elles, elles parviennent à s'impliquer dans la vie publique et à influencer, parfois subtilement, les décisions des autorités. Leur pouvoir repose sur trois éléments essentiels : leurs liens étroits avec les responsables politiques, la structuration solide de leurs instances internes, et leur capacité d'adaptation face aux changements sociaux.

Reconnaissance mutuelle entre religion et politique. Il n'est plus rare aujourd'hui de voir des responsables politiques participer à des événements religieux. Chaque année, par exemple, la fête du Maouloud devient un moment fort où se mêlent prières, discours et présences officielles. Cette rencontre régulière traduit une reconnaissance mutuelle entre les deux sphères : religieuse et politique.

D'un côté, les dirigeants politiques cherchent le soutien populaire des leaders religieux, qui bénéficient d'une grande écoute parmi les fidèles. De l'autre, ces leaders profitent de cette proximité pour renforcer leur visibilité et leur poids institutionnel. Lors du Maouloud de 2021 à Bamako, la présence remarquée d'une délégation ministérielle en est une belle illustration. Mais derrière cette apparente harmonie se cachent parfois des relations plus complexes. Elles sont souvent faites de promesses, de faveurs échangées et de gestes symboliques. Certains leaders religieux parlent même de promesses de dons de terrains ou de consultations politiques avant les élections. Un responsable de la jeunesse Ançar Dine se souvient :

En 2017, le président de la République, feu Ibrahim Boubacar Keïta, avait promis d'offrir 150 hectares à notre guide spirituel. Cette promesse n'a jamais été concrétisée, pour des raisons que j'ignore » (B.D., leader de la jeunesse Ançar Dine International, Ouolofobougou, Commune V, Bamako, 12/06/2021).

Ce témoignage montre à quel point ces relations reposent sur une forme de reconnaissance réciproque, mais aussi sur des engagements fragiles. Quand les promesses ne sont pas tenues, cela peut affaiblir la crédibilité des organisations religieuses auprès de leurs membres.

Ainsi, dans ce va-et-vient permanent entre le spirituel et le politique, se construit un pouvoir partagé. Les organisations musulmanes ne sont pas de simples relais. Elles deviennent des acteurs influents, capables d'orienter l'opinion publique et, parfois, d'infléchir les décisions politiques elles-mêmes.

Un poids électoral grandissant. Depuis quelques années, la présence des leaders religieux sur la scène politique est devenue plus visible, surtout depuis la grande mobilisation contre le Code des personnes et de la famille en 2009. Cette période a marqué un tournant décisif. Elle a montré à quel point la parole religieuse pouvait mobiliser des foules et peser sur les choix politiques. Une femme politique de Bamako l'explique ainsi :

Beaucoup de Maliens ont compris l'importance des leaders religieux pendant la contestation du Code de la famille. Depuis, une sorte d'alliance s'est créée entre les élites politiques et religieuses. Ensemble, elles mobilisent les fidèles pour soutenir certains candidats (M.D., femme

politique, Commune V, Bamako, 25/11/2021).

Dans le même esprit, un imam témoigne : « *À Bamako, des hommes politiques viennent souvent nous voir avant les élections pour avoir nos bénédictions et nos consignes* » (M.F., imam à Baco-djicoroni, Commune III, Bamako, 25/11/2021).

Ces propos révèlent une relation d'échange stratégique: les leaders religieux mobilisent les fidèles, tandis que les politiciens, en retour, écoutent leurs demandes et intègrent parfois leurs revendications dans leurs programmes. Ce soutien spirituel, souvent discret mais puissant, est devenu une véritable ressource politique. Il renforce le pouvoir de négociation des organisations musulmanes et leur donne une place incontournable dans le jeu électoral malien.

Discussion des résultats. L'analyse des entretiens réalisés à Bamako et Tombouctou dévoile un tableau nuancé du rôle des organisations musulmanes. Elles apparaissent comme des acteurs complets, capables de mobiliser des ressources variées, culturelles, symboliques, éducatives, économiques et politiques, pour s'imposer dans la société. Ces ressources sont utilisées de manière réfléchie, presque stratégique, pour renforcer à la fois leur légitimité et leur influence publique.

Ressources culturelles et symboliques: un ancrage profond dans l'identité malienne. Les organisations musulmanes tirent une grande partie de leur force de leur ancrage dans les traditions locales. Elles sont perçues comme des gardiennes des valeurs morales, mais aussi comme des ponts entre la modernité et les coutumes ancestrales. Elles réussissent à marier les principes de l'islam avec les pratiques culturelles maliennes, créant une harmonie culturelle qui parle au cœur des populations.

Cette observation rejoint celle de Danielle Jonckers [8], qui notait déjà que les associations islamiques au Mali savent s'adapter au contexte local pour renforcer leur crédibilité.

Notre étude ajoute une nuance: cet enracinement n'est pas seulement une stratégie d'acceptation sociale, mais aussi un outil de légitimation dans la sphère publique.

Ressources éducatives: former, transmettre, influencer. Les organisations musulmanes jouent également un rôle clé dans l'éducation. À travers les médersas, les écoles coraniques et les centres de formation, elles transmettent le savoir religieux tout en façonnant les mentalités. Elles contribuent ainsi à former des générations imprégnées de valeurs islamiques, de discipline et de civisme. Comme l'ont souligné Louis Brenner et Bintou Sanankoua [3], les institutions éducatives islamiques sont des espaces de socialisation où s'élaborent les identités religieuses et citoyennes.

Notre étude confirme cette idée: ces écoles ne forment pas seulement des croyants, mais aussi des citoyens conscients, prêts à participer à la vie publique.

Ressources économiques: autonomie et solidarité sociale. Sur le plan économique, les organisations musulmanes se distinguent par une autonomie financière croissante. Leurs fonds proviennent de cotisations, de dons, de partenariats ou encore d'entreprises religieuses. Cette indépendance leur permet de financer des projets concrets tels que les forages, les écoles, les aides sociales, les centres de santé, etc. Comme le souligne Mohamed Ousmane Keita [9], ces organisations remplissent souvent un rôle que l'État peine à assumer.

Nos observations vont dans le même sens, les populations voient en elles des acteurs fiables, capables de répondre à leurs besoins quotidiens.

Ressources politiques: engagement, médiation et influence. Enfin, les organisations musulmanes s'imposent comme de véritables acteurs politiques. Elles interviennent dans les débats publics, s'engagent pour la paix et jouent un rôle de médiation dans les moments de crise. La légitimité morale et la capacité à rassembler les populations leur donnent une influence politique considérable. Le Crisis Group [4] notait déjà cette évolution : les leaders religieux sont devenus des figures incontournables du paysage politique malien. Notre étude confirme cette tendance et montre qu'ils participent désormais à la gouvernance du pays, parfois même en orientant les décisions nationales.

Conclusion. Les organisations musulmanes du Mali, notamment à Bamako et à Tombouctou, s'appuient sur une mosaïque de ressources, culturelles, symboliques, éducatives, économiques et politiques. Elles les mobilisent habilement pour affirmer leur présence dans l'espace public. Ces ressources leur donnent une légitimité solide, nourrie à la fois par la foi, la connaissance, le charisme et la proximité avec le peuple. Elles leur permettent d'agir, de mobiliser, et parfois d'orienter les politiques publiques. Mais cette influence reste traversée par des tensions internes telles que les différences d'approche, les hiérarchies religieuses, et parfois les rivalités de pouvoir. Ces contradictions limitent leur capacité à parler d'une seule voix, tout en ouvrant la voie à de nouvelles formes de coopération et d'adaptation. Ainsi, l'action des organisations musulmanes continue de façonner, en douceur mais avec constance, les dynamiques sociales et politiques du Mali d'aujourd'hui.

Références bibliographiques

1. Badie B., Smouts M.-C. et Devin G. Le système international, Paris, Presses de Sciences Po, 2023, p. 299.
2. Bourdieu P. La distinction : critique sociale du jugement, Paris, Éditions de Minuit, 1979, 670 p.

3. Brenner L. et Sanankoua B., L'Enseignement islamique, Bamako, Éditions Jamana, 1991, 151 ps.
4. Crisis G., Islam et politique au Mali : entre réalité et fiction, Rapport Afrique, 2017, №249, 27 p.
5. Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse, Paris, PUF, 2002 [1912], 94 p.
6. Haidara B. L'usage politique de l'islam au Mali // Mande Studies, 2020, vol. 22, pp. 145-174.
7. Haidara B., Les formes d'articulation de l'islam et de la politique au Mali, Thèse de doctorat à l'Université Michel de Montaigne - Bordeaux III, 2015, 378 p.
8. Jonckers D., «Le temps de prier est venu» : Islamisation et pluralité religieuse dans le sud du Mali // Journal des Africanistes, 1998, T.68, №1-2, p. 21-46.
9. Keita M.O. Recherche sur la transition politique et économique au Mali : l'État inachevé, Thèse en droit, Université de Toulon, 2016, 562 p.
10. Sidibe L. Implication des leaders musulmans dans la vie sociale et politique dans les villes de Bamako et Tombouctou, de 1960 à 2020, Thèse de doctorat à l'Institut de Pédagogie Universitaire-Mali, 2025, 286 p.
11. Touraine A. Production de la société, Paris, Seuil, 1973, 544 p.
12. Touraine A. Sociologie de l'action, Paris, Seuil, 1965, 507 p.
13. Weber M. Économie et société, Plon, Paris, 1971, pp. 122–232.

ДИНАМИКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

DYNAMICS OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: HISTORICAL EVOLUTION, CONTEMPORARY CHALLENGES, AND PROSPECTS FOR MULTIPOLARITY

М.П. Безрученко, Ж.Р. Велиева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

M.P. Bezruchenko, Zh.R. Velieva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются экономические отношения между Россией и Китаем как важный фактор, способствующий сдерживанию западного влияния в современной геополитике. Анализируются текущие тенденции двустороннего сотрудничества, включая торговлю, инвестиции, технологическое взаимодействие и использование национальных валют. Особое внимание уделяется влиянию санкционных режимов и необходимости адаптации к меняющейся мировой политической и экономической конъюнктуре. Доказывается, что укрепление российско-китайского экономического партнерства является ключевым элементом многополярного миропорядка и способствует развитию стратегического союза в Евразии.

Annotation. The article examines the economic relations between Russia and China as a crucial factor in counterbalancing Western influence in contemporary geopolitics. It analyzes current trends in bilateral cooperation, including trade,

investments, technological interaction, and the use of national currencies. Special attention is given to the impact of sanctions regimes and the need to adapt to the evolving global political and economic landscape. It is argued that strengthening the Russia-China economic partnership is a key component of the multipolar world order and contributes to the development of a strategic alliance in Eurasia.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономические отношения, геополитика, противостояние Западу.

Keywords: Russia, China, economic relations, geopolitics, opposition to the West.

Динамика российско-китайских отношений представляет собой разносторонний процесс, который основан на многовековой истории взаимодействия. Эти отношения претерпевали сложные периоды дипломатических, торговых и военных взаимоотношений. Основой сотрудничества этих стран служат геополитические и экономические интересы, а также общие цели в сфере обеспечения глобального мира и безопасности.

История развития российско-китайских отношений насчитывает несколько сотен лет. Поначалу выстраивание отношений было нелегким испытанием, поддержание торгово-экономических связей было нестабильно: периоды сближения и периоды охлаждения сменяли друг друга на протяжении долгого времени. Однако в XVII веке отношения двух сторон начали носить системный характер. Так, в 1654 году, после визита представителей русского государства в Китай с целью налаживания торговых отношений, китайской стороной была принята первая партия поставок [14]. Немного позже в Пекине открылось российское посольство, и именно с этого момента можно считать российско-китайские отношения окончательно установленными [12, с. 24].

В последующие века экономические отношения этих стран постепенно развивались. В конце XIX века был подписан трехсторонний союзный договор между Россией, Китаем и Кореей. Целью данного договора стала ответная реакция на агрессивную экономическую политику японского государства. Тем не менее важным соглашением в договоре стало решение о строительстве железной дороги, которая соединяла бы территории стран-участниц данного договора, что привело бы к дальнейшему улучшению логистических процессов товарооборота.

Революционные движения XX века (Февральская революция 1917 г. в России, Синьхайская революция 1911-1913 гг. в Китае) отразились на развитии торгово-экономических связей между странами, что привело к разрыву сотрудничества на длительное

время. До середины 1920-х годов отношения между Россией и Китаем были достаточно напряженными в связи с участием России на стороне Запада (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, США, Японии) в военных действиях против Китая [10, с. 140-142].

Во времена правления И.В. Сталина наблюдается улучшение отношений между СССР и Китаем. За несколько десятков лет отношения прошли путь от возрождения дипломатических связей до создания военно-стратегического союза. Китай стал первым государством, который признал СССР. 1924 год можно считать годом установления советско-китайских отношений, когда было подписано ряд важных документов торгово-экономического и военного сотрудничества.

Новым этапом советско-китайских отношений стали предвоенные годы. Япония начала претендовать на дальневосточные территории СССР и Китая, поэтому в 1930 году СССР стал оказывать экономическую и военную помощь для отражения японской агрессии, а в 1945 г. Советский Союз направил свои вооруженные силы на территорию Маньчжурии с целью содействия Китаю в разгроме японской армии.

В основе партнерства России и Китая лежали интересы в развитии экономических, военно-политических отношений на долгосрочную перспективу, однако чрезмерная идеологическая направленность внешней политики и личные амбиции отдельных лидеров привели к дальнейшему обострению в отношениях между странами.

Период с начала 1960-х по конец 1980-х гг. характеризуется потерей достигнутых результатов в сотрудничестве, охлаждением отношений, вплоть до открытой конфронтации по политическим и территориальным проблемам. Только в 1989 году, после продолжительного периода «застоя» в отношениях, удалось сделать шаг в сторону восстановления партнерства. Важными событиями в сближении стран становятся проведение двустороннего саммита России и Китая в 1996 г., а также создание Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) в 2001 г. [10, с.141]. С этого момента в отношениях стран прослеживается только положительная динамика.

С переходом в новое тысячелетие сотрудничество России и Китая идёт по нарастающей во всех направлениях. В обеих странах проводятся мероприятия, подкрепляющие их экономическое, социальное партнерство. Например, «2006 год России в Китае», «2007 год Китая в России», «2009 год русского языка в Китае», «2010 год китайского языка в России». Большое развитие получают программы

межрегионального сотрудничества. В 2010 году Китай стал для России главным торговым партнером по объему внешнеторгового оборота, впервые заняв лидирующую позицию в этой области [13, с. 105–116].

Нарастающее давление на экономику России со стороны США подкрепляет торгово-экономические связи РФ и КНР. В 2014 г. в рамках текущего стратегического партнёрства между Россией и Китаем подписывается множество соглашений, регулирующих реализацию совместных проектов в различных сферах. Среди них – десятки договоров о сотрудничестве в области промышленного производства, развития инфраструктуры, финансов и торговли, что способствует углублению межгосударственного взаимодействия и укреплению двусторонних связей.

Современные экономические отношения между Россией и Китаем играют ключевую стратегическую роль не только для обеих стран, но и для формирования мировой политико-экономической архитектуры. Сопоставимые и взаимодополняющие экономические структуры России и Китая открывают значительные перспективы для углубления взаимовыгодного сотрудничества [9, с. 36]. Россия, обладая богатыми природными ресурсами и значительным влиянием в глобальном энергетическом секторе, является важным поставщиком сырья, в то время как Китай, будучи мировым лидером в промышленном производстве и передовых технологиях, оказывает существенное воздействие на мировую экономику. Такая экономическая синергия создает надежную платформу для укрепления двусторонних связей, что дополнительно подкрепляется развитием совместных инвестиционных проектов, расширением расчетов в национальных валютах и координацией в области цифровой экономики и логистики. В условиях глобальной нестабильности и изменения центров силы в мировой системе российско-китайское партнерство представляет собой устойчивую экономическую и политическую базу, способную оказывать значительное влияние на формирование многополярного мира.

Усиление политико-экономических связей между Россией и Китаем приводит к определённым экономическим последствиям и оказывает влияние на геополитическую ситуацию. Появление нового центра экономического роста в Юго-Восточной Евразии вполне вероятно за счёт формирования новых центров экономического роста через совместные проекты в реальном секторе экономики [2, с. 160–170]. Объединение с аналогичными центрами, создаваемыми Китаем, представляет собой привлекательную альтернативу для стран

Евразии по сравнению с политически сложными попытками выхода на рынки Европы или Индии. Включение евразийских государств в такие проекты способно повысить их конкуренцию, что требует расширенного политического взаимодействия с Россией и совместного инвестирования в проекты с значительным участием России.

Уменьшение конкуренции в геополитике путем улучшения взаимопонимания между Россией и Китаем снижает вероятность споров между этими державами за влияние на постсоветском пространстве, что не дает элитам постсоветских государствах возможность воспользоваться противоречиями между двумя странами для извлечения собственной экономической или политической выгоды [2, с. 151].

Отношения между Китаем и Россией характеризуются сложностью и динамичностью, формируясь на основе их исторического опыта и завися от конкретных условий взаимодействия. При их взаимодействии могут возникать непредвиденные обстоятельства. Природа этих отношений наиболее ярко отражается в тех регионах, где национальные интересы России и Китая пересекаются [6]. Для более плодотворного сотрудничества нужно сфокусироваться на выявлении совпадающих и расходящихся интересов двух стран в ключевых регионах, избегая упрощенного понимания их отношений [1]. Определение таких областей поможет сделать обоснованные прогнозы о будущем развитии их взаимодействия.

В Центральной Азии, Африке, Восточной Европе и в Восточной Азии, которые являются важными регионами для Китая и России, США и обе страны-партнёры имеют неравнозначные силы, а также расхожие интересы, что позволяет опробовать другие сценарии в отношениях Россия – Китай. КНР повышает уровень безопасности своего пребывания в Центральной Азии и Африке, а в это время Россия наращивает объёмы экономических инвестиций в Восточную Азию. Хотя России и её азиатскому партнеру удастся решить разногласия и продуктивно поддерживать сотрудничество в условиях американской гегемонии, нельзя уверенно полагать, что такой статус отношений может сохраниться в дальнейшем [2, с. 165–170]. США пытаются увеличить дистанцию между Китаем и Россией, так как это поможет в осуществлении задуманной американской экономической политики в ослаблении или даже разрыве отношений России и Китая, но попытки вмешательства, наоборот, только усиливают китайско-российские связи, особенно в их отношении к США.

Современное сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики основывается на принципах взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоде, что влияет на стабильное развитие и процветание обеих стран. Российско-китайское экономическое партнерство выступает движущей силой формирования новой глобальной экономической и финансовой архитектуры, являясь значимым фактором укрепления роли таких международных объединений, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС [13, с. 105–116]. Это сотрудничество обладает значительным историческим потенциалом в контексте создания многополярной системы международных отношений, способствующей уравниванию влияния ведущих мировых игроков.

Политические и экономические санкции со стороны Запада ускорили стратегию России «поворота на Восток» [11, с. 71–72]. Данное изменение позволит избавиться от чрезмерной зависимости от западных стран и укрепить уже существующий альянс между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, служа противовесом претензиям на гегемонию со стороны США. Такое развитие способствует расширению стратегического партнерства и балансировке влияния в современной международной системе, способствуя формированию более устойчивого многополярного мирового порядка.

В настоящее время Китай позиционирует себя как ключевого союзника России на мировой арене, что в очередной раз подчёркивает намерения Российской Федерации поддерживать и расширять всестороннее стратегическое партнерство с КНР [5, с. 22–35].

Современная внешнеполитическая повестка Китая отражается в идеях Си Цзиньпина, которые официально закреплены в Конституции КНР как поправки. Основной смысл этих идей заключается в создании «сообщества единой судьбы человечества», базирующегося на принципах длительного мира, всеобщей безопасности, совместного процветания, открытости и инклюзивности. Президент КНР подчеркивает важность сотрудничества и уважения разнообразия цивилизаций для формирования стабильного мирового порядка. Он также отмечает, что создание благоприятной международной среды необходимо не только для развития Китая, но и для соседних стран, что достигается через установление глобальных партнерств и стратегическую коммуникацию.

Последствия ужесточенных санкций Запада послужили толчком для стремительного развития российско-китайского сотрудничества в таких сферах, как торговля, производственный сектор, инвестиции,

инфраструктурные проекты [7, с. 78–90]. Эффективная совместная деятельность Китая и России может рассматриваться как ответная реакция на давление со стороны Запада. Обе страны нацелены на расширение и разнообразие экономических связей, а также на усиление своего влияния и ролей в международных делах.

В последнее время российско-китайское партнерство стремительно набирает обороты в сферах, имеющих стратегическое значение не только для экономического прогресса России и Китая, но и для обеспечения устойчивого развития всего евразийского континента и укрепления основ формирующегося нового мирового порядка [8].

Важно отметить, что взгляды на выстраивание будущего мирового уклада Российской Федерации и её восточного партнера схожи. Для обеих стран однополярная система международных отношений с гегемоном-покровителем и противостоящим, либо зависимым миром, равносильно поражению, как показывает исторический опыт. Обе стороны учитывают взаимные интересы, уважают национальный суверенитет друг друга, причем такой подход прослеживаться не только в российско-китайских отношениях, но также внедряется в стратегии развития расширяющихся сегодня межрегиональных интеграционных объединений, в деятельности которых активно принимают участие обе страны. Из этого следует, что нынешний мировой порядок, который продолжает активно формироваться, будет обладать качественно новыми характеристиками. Набор данных характеристик будет напрямую зависеть от политических, экономических и идеологических лидеров, положение которых России и Китаю необходимо закрепить и сохранить за собой в данный исторический период.

Взаимодействие России и Китая усиливает их позиции в глобальной политической и экономической повестке, поддерживая процессы интеграции и координации на евразийском пространстве и за его пределами, что повышает устойчивость мирового порядка и способствует развитию комплексного многостороннего диалога.

Библиографический список

1. Putin and Xi: not quite the allies they seem. Financial Times. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ft.com/cms/s/>.
2. Багэцзоер Д., Равочкин Н.Н. Геополитические эффекты экономического сотрудничества Китая и России: выгоды и последствия // Дискуссия. 2024. Вып. 126. С. 165–170.
3. Брагин Д.А. Перспективы российско-китайских экономических отношений в условиях трансформации мировой экономики // Вестник Академии знаний. 2022. № 3 (50). С. 77–84.

4. Ван Ичунь, Резанов Д. Е. Экономическое сотрудничество России и Китая в современных условиях // Прогрессивная экономика. 2022. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 29.10.2025).
5. Ван Л. Россия и Китай: от истории к современности // Вестник Харбинского университета. 2019. Т. 15. № 2. С. 22–35.
6. Волынчук А.Б. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия России и Китая в условиях глобальной нестабильности // Россия в глобальном мире. 2017. №11 (34).
7. Иванов И.А. Перспективы экономического сотрудничества России и Китая // Экономические стратегии. 2021. Т. 13. № 5. С. 78–90.
8. Импорт в Россию из Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru-stat.com/date-Y2013-2020/RU/import/CN> (дата обращения: 30.10.2025)
9. Лузянин С.Г. Россия – Китай: партнерство расширяется // Азия и Африка сегодня. 2023. № 4. С. 34 – 38.
10. Печёркина О.В. Развитие экономических отношений России и Китая: исторический аспект // Молодой ученый. 2018. № 47 (233). С. 140–142. URL: <https://moluch.ru/archive/233/54221>.
11. Ружицкий Д.М. Россия и Китай: исторические и современные экономические связи // Актуальные исследования. 2025. №30 (265). Ч.II. С. 71-72.
12. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 439с.
13. Старикова Е.А., Громов М.С., Лу Т. Перспективы экономического сотрудничества России и Китая в текущих геополитических условиях // Право и управление. XXI век. 2024. № 20(3). С. 105–116.
14. Чжан Бовей. Эволюция российско-китайских экономических отношений // Столыпинский вестник. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-rossiysko-kitayskih-ekonomicheskikh-otnosheniy> (дата обращения: 01.11.2025).

РАЗДЕЛ VII. ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ: ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОСТИ И КОНФЛИКТНОСТИ

СОЛИДАРНОСТЬ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ И ПРАКТИК ДОВЕРИЯ¹

SOLIDARITY IN THE RUSSIAN REGIONAL COMMUNITY: AN EMPIRICAL STUDY OF VALUES AND TRUST PRACTICES

В.Н. Ракачев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

V.N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В современном обществе социальная солидарность становится важным фактором устойчивого развития общества. В статье представлены результаты социологического исследования проведенного в рамках реализации проекта «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности». с целью изучения солидарности в российском обществе. Эмпирическую базу составили материалы интервью, проведенных в мае-июне 2025 г. среди жителей Краснодарского края (N=50). Исследование показало, что российское общество демонстрирует устойчивый консенсус по базовым ценностям, но солидарность остается ограниченной узким набором ориентиров, низким институциональным доверием и заметной возрастной фрагментацией, что делает общество одновременно устойчивым в повседневных взаимодействиях, но уязвимым к системным вызовам.

Abstract. In modern society, social solidarity is becoming an important factor in the sustainable development of society. The article presents the results of a sociological study conducted within the framework of the project "Urban and rural communities in the development policy of the Krasnodar Territory: practices of solidarity and conflict." in order to study solidarity in Russian society. The empirical basis was based on the materials of interviews conducted in May-June 2025 among residents of the Krasnodar region (N=50). The study showed that Russian society demonstrates a stable consensus on basic values, but solidarity remains limited by a narrow set of guidelines, low institutional trust and noticeable age fragmentation, which makes society both stable in

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-18-20079 «Городские и сельские сообщества в политике развития Краснодарского края: практики солидарности и конфликтности», <https://rscf.ru/project/24-18-20079/>

everyday interactions, but vulnerable to systemic challenges.

Ключевые слова: социальная солидарность, ценности и нормы, идентичность, взаимопомощь, российское общество.

Keywords: social solidarity, values and norms, identity, mutual assistance, Russian society.

Вопросы формирования солидарного сообщества в последнее время становятся одними из важных и обсуждаемых в политическом, научном и общественном пространстве. Если в самой идее солидарного общества существенных разногласий нет, и оно видится в контексте долгосрочного ориентира развития России, то в понимании механизмов его формирования, поиска оснований для солидаризации сообщества остаются дискуссионные моменты.

Теоретические основы исследования. В рамках научного дискурса социальная солидарность рассматривается как сложное социальное явление, которое можно рассматривать с разных точек зрения (социологической, политической, философской, психологической и проч.) и которое имеет глубокое влияние на организацию общества, его развитие и благополучие каждого человека. В этом контексте солидарность переходит уже в сферу структурированного социального действия, воплощает осознанную приверженность общим интересам, ценностям и целям.

С социологической точки зрения, солидарность можно рассматривать с позиции теории социальных связей. О двух типах солидарности в контексте данной концепции писал Э. Дюркгейм. Развитие общества он определял как переход от солидарности механической, существовавшей в традиционных обществах и основанной на общих убеждениях и сходстве составляющих его индивидов, к органической солидарности в современных, сложных обществах, которая возникает из взаимозависимости и специализации [3]. В рамках нормативного подхода (Т. Парсонс и др.) солидарность обеспечивается интернализацией общих норм и ценностей в процессе социализации. Солидарность как результат общности материальных интересов трактуют сторонники структурного подхода (К. Маркс и др.). Наконец, как следствие взаимной зависимости индивидов ее определяют представители теории рационального выбора (Г. Беккер) [2].

Современные ученые развивают эти идеи, исследуя, как глобализация, миграция и цифровые технологии меняют формы солидарности в XXI в., обращая внимание на ее историческую эволюцию, многообразные проявления в разных культурах локальных сообществах [4; 5] и адаптацию к современным общественным

изменениям. Так З. Бауман отмечает, что в условиях современного глобализированного общества «наблюдается снижение интереса людей к совместным и общим делам». Нарастание чувства ненадежности, ощущение неопределенности, «подрывают уверенность человека в себе как необходимое условие любого устойчивого участия в общественной жизни». Результатом этих процессов оказывается расширяющаяся пропасть между «общественным» и «частным» [1, с. 29].

Все чаще исследователи отмечают, что общественная солидарность сегодня выходит за рамки географической близости и традиционных форм объединения. Она все больше становится явлением, опосредованным цифровыми технологиями и глобальными сетями. Онлайн-сообщества, сформированные вокруг общих ценностей или целей, демонстрируют новое измерение солидарности, объединяя людей на огромных расстояниях. Однако эта цифровая форма также создает уникальные проблемы, такие как алгоритмические предубеждения, эффект эхо-камеры и потенциальная онлайн-поляризация, подрывающая реальную солидарность [8].

В рамках политической науки, солидарность сообщества неразрывно связана с концепциями социального капитала и коллективной эффективности. В работах Р. Патнэма, П. Бурдые подчеркивается важность социальных сетей и гражданской активности для функционирования современных демократий [6]. В этом контексте солидарность сообщества можно рассматривать как важнейший компонент социального капитала, способствующий доверию, сотрудничеству и коллективным действиям для решения общих проблем.

Свой вклад в понимание феномена солидарности вносит психология, в частности концепции социальной идентичности (А. Таджфел, Дж. Тернер) и просоциального поведения (Д. Бэтсон).

Углубление и расширение исследований солидарности сегодня приводит авторов к пониманию ее неоднородности, и как следствие к выделению различных форм (инклюзивная и эксклюзивная солидарность) и уровней солидарности (макро- и мезоуровни) [7].

В целом, можно констатировать, что проблема солидарности – это предмет продолжающегося научного дискурса, который постоянно пересматривается и переоценивается в свете меняющихся социальных ландшафтов и теоретических основ.

Методология и методика исследования. С целью изучения представлений о солидарности, степени ее проявления в условиях

современного общества и факторов поддерживающих ее, в мае-июне 2025 г. нами было проведено пилотажное социологическое исследование среди жителей Краснодарского края методом полустандартизированного интервью. Отбор респондентов осуществлялся методом доступного случая (N=50).

В качестве базовых элементов солидарности фиксировались:

- общие нормы и ценности;
- степень доверия;
- совместные действия, сплоченность;
- взаимопомощь и сотрудничество;
- групповая идентичность и выраженность чувства «мы».

Результаты исследования. Характеризуя представления респондентов о наличии общих норм и ценностей, которые объединяют российское общество, можно говорить о высокой степени консенсуса. В большинстве своем респонденты указали одинаковые ценности и нормы, которые, по их мнению, являются общими для россиян: это семейные ценности, патриотизм / любовь к Родине, культурные традиции и др. Вместе с тем, список ценностей оказался достаточно узким, и включает, как правило, порядка 3–5 позиций.

Ну, я думаю, в первую очередь, это семейные ценности различные. Это патриотизм. Это... Да и всё, наверное, это основные. Нормы, правила ... доброжелательное отношение к ближнему, любовь к своей стране, любовь к своей семье. Я думаю, эти нормы объединяют все наше общество. ... Потому что это прослеживается в поведении людей, с которыми мне приходится общаться, а также людей, которых я плохо знаю, с которыми я общаюсь по работе. И я это вижу (ж, 25 лет).

Наше общество объединяет семейные ценности... Патриотические, государственные (м., 72 года).

В России общество объединяют традиционные ценности, такие как семья, патриотизм, духовность. уважение к истории и культуре, а также, я думаю, приверженность законности и социальной справедливости (м., 25 лет).

Отмечая важную роль в российском обществе государства, общественных институтов, церкви, респонденты при этом демонстрировали достаточно низкую степень институционального доверия. Кроме того, межличностное доверие также оказалось весьма дифференцированным. Опрашиваемым было предложено определить степень доверия по шкале от 1 до 5, где 5 – максимальный уровень доверия, 1 – минимальный. В наибольшей степени респонденты

доверяют членам своей семьи и близким, здесь средний балл составил «5».

Ну конечно, а кому как не доверять, как в семье, своим близким и родственникам, доверие к людям, которые ты уважаешь, помимо своих, в семье близких дальних родственников, да, пять (ж., 64 года).

Уровень доверия к семье – на пятерку. К окружению, коллегам по работе, соседям? На тройку. К органам власти, на четверку можно сказать (м., 72 года).

К семье, наверное, 5, тут доверяю полностью. По поводу окружения, наверное, 3. Доверяю, но не полностью. Органам власти, тут, наверное, 2. Скорее не доверяю, так как очень много коррупции, бюрократии и пустых ожиданий. Институты гражданского общества? Ну скорее всего 3, хотя церкви я доверяю больше чем политическими организациями (ж., 20 лет).

К семье пятерка. К окружению, коллегам, к государству... Самое большее это тройка (ж., 70 лет).

На основе ответов опрошенных можно выстроить определенный рейтинг доверия, где на первом месте находится семья, далее с заметным отрывом от нее, но с небольшим между собой: государство, церковь, внешнее окружение и политические партии. Показательно, что здесь также наблюдается высокий уровень консенсуса независимо от возраста, пола и других характеристик.

Степень солидарности может быть определена и через общность коллективных действий, в том числе коллективных ритуалов, праздников, мероприятий. Здесь можно отметить, например, что круг праздничных мероприятий для опрошенных достаточно типичен, но также весьма узок. Далеко не все национальные праздники, формально закрепленные государством, отмечаются и соответственно не выполняют ту интегрирующую функцию, которая им определена.

Для меня это главнейший праздник – День Победы. Это главнейший праздник, это вообще не обсуждается. Ну, потом, допустим, это такой праздник, Новый год, Рождество, Пасха, это церковные праздники, которые я признаю и уважаю, ну, в принципе, больше не могу сказать (м., 70 лет).

Новый год, 8 марта. Троицу, Пасху в обязательном порядке (ж., 70 лет).

Вместе с тем можно отметить определенные возрастные отличия, молодежь реже называет религиозные праздники, но чаще указывает праздники для узкого семейного круга. Праздником, который объединяет все поколения выступает «День Победы».

Ну, конечно, Новый год, все государственные праздники, такие

как 8 марта, 23 февраля, обязательно День Победы, Пасху, дни рождения (ж., 20 лет)

За последний год я отмечал Новый год, День Победы и личные семейные даты (м. 23 года).

Ну, я люблю праздники, на самом деле. Вот. В первую очередь, ну, такие семейные праздники. Новый год, день рождения, когда собираться можно, собраться в кругу близких тебе людей. Безусловно, отмечаем 8 марта, 23 февраля, тоже как повод провести время с близкими. И 9 мая, наверное. С 9 мая всё время поздравляю и в мессенджерах, и так далее. Созваниваемся, смотрим парад (м., 21 год).

Важный элемент солидарности – взаимопомощь, готовность оказывать и принимать поддержку от окружающих. В этом ответах на это вопрос обнаруживаются противоречия. С одной стороны, респонденты отмечают, что большинство людей в обществе готово оказывать помощь другим и сами оказывались в ситуации, когда принимали ту или иную помощь от незнакомых людей.

Я думаю, что готовы оказать помощь, в том числе незнакомцам. На улице и не так. Кому угодно подойдешь, тебе скорее помогут. Но, опять-таки, зависит от человека и от возраста. Люди постарше, на мой взгляд, в нашем регионе менее склонны к дружелюбной коммуникации. А наше поколение, и чуть старше, зумеры, и 90-е, поколение 80-90-х, вполне (м., 21 год).

Думаю, многие в нашем регионе готовы помочь, особенно в критических ситуациях, что видно по волонтерским инициативам. Однако уровень отзывчивости может зависеть от конкретных обстоятельств и личных возможностей людей (м., 23 года).

Да, в целом да. Особенно если случается беда, например, пожар, наводнение или ДТП, например, люди всегда выходят и помогают. Но это также и в соцсетях видно, и лично сам тоже сталкивался. У нас на Кубани так принято, помогать и не оставаться в стороне (м., 20 лет).

Несмотря на то, что где-то они обманывают, где-то лукавят, чаще всего в моей жизни попадались отзывчивые люди. Я готова ответить, что да. Несмотря на то, знакомы, или нет (ж., 29 лет).

Да, конечно. Я часто вижу, как люди помогают пожилым людям на улицах. Часто помогают детям. Они очень часто могут где-то потеряться или ещё что-то (ж., 64 года).

Да. ... Ну, вот попал в аварию, вот мне помогли незнакомые люди. Совсем причем незнакомые люди (м., 72 г.).

Показательно, что чаще на случаи поддержки и взаимопомощи

указывает молодежь. Однако не мало и тех, кто не видит такого стремления и достаточных действий со стороны окружающих.

Готовы люди оказывать друг другу, в том числе незнакомым, безвозмездную помощь? Не думаю (м., 25 лет).

Я бы очень хотела в это верить, но сейчас люди стали более равнодушными и замкнутыми (ж., 20 лет).

Я хочу уклончиво сказать, хотелось бы, что их больше, вот так (м., 70 лет).

Групповая идентичность и выраженность чувства «мы», характеристики, которые необходимо учитывать, при анализе солидарности. Однако здесь нужно отметить, что сама по себе идентичность не является гарантией солидарности. Ряд исследователей полагают, что чувство «мы» и групповая / социальная идентичность актуализируется и может стать фактором солидарности преимущественно в ситуации угрозы для группы.

Этническая идентичность присутствует у всех респондентов, но выражена в разной форме. Учитывая многонациональный состав населения России, респонденты подчеркивали, что, несмотря на то, что они идентифицируют себя как представителей определенного народа и для них это преимущественно важно, это не является и не должно становиться препятствием для взаимодействия, разделять людей в обществе.

Мне кажется национальность, она объединяет, когда речь идет о культуре, о твоих традициях, о языке, но она не должна разделять людей в плане прав и возможностей, То есть все должны быть равны, независимо от их национальности (ж., 20 лет).

Я считаю, что национальная принадлежность – это важная часть моей идентичности, но при этом не единственная. Я русский, и с детства это воспринималось как что-то естественное, но не как что-то, что отделяет меня от других, а наоборот, как часть большой культуры, истории или традиции. Особенно на Кубани это чувствуется у нас. Тут многонациональный край, но при этом культура казачества и русского юга везде, даже о той самой кухне там народных песен. ... У всех есть, понятное дело, свои особенности, но именно в Краснодаре я вижу, что национальная принадлежность больше объединяет, чем разъединяет, если ты с уважением относишься к другим (м., 23 года).

Что касается религиозной идентичности, здесь явно заметна разница между поколениями. Молодежь слабо идентифицирует себя в религиозном плане, тогда как люди старшего поколения практически все определяют себя в качестве представителей определенных

конфессий, отмечая, что эта идентичность для них достаточно важна.

Религия играет, скажем так, немаловажную роль, потому что в моей семье это присутствовало, и мне это прививали, и это очень важно (ж., 50 лет).

Я человек не совсем религиозный. Для меня религия – это скорее то культурное пространство, в которое я могу войти и которое меня окружает постоянно, потому что моя семья в целом христианская (м., 21 год).

Гражданская идентичность важна для всех респондентов, и воспринимается ими, прежде всего, как обязанность перед страной и государством, что в целом указывает на ее интеграционный потенциал.

Быть гражданином России, я считаю, что это не просто жить, но выполнять свои хотя бы обязанности. ... быть значимым для нашей страны. ... Принести нашей стране что-то хорошее, доброе, чему-то кому-то научить (ж, 29 лет).

Таким образом, опираясь на результаты исследования можно отметить, что российское общество демонстрирует устойчивый консенсус по базовым ценностям, но солидарность остается ограниченной узким набором ориентиров, характеризуется низким институциональным доверием и заметной возрастной фрагментацией, что делает общество одновременно устойчивым в повседневных взаимодействиях, но уязвимым к системным вызовам. Для повышения интеграционных возможностей необходимо в политике развития региона (Краснодарского края) и страны в целом, реализовывать меры по укреплению доверия к институтам, расширению совместных культурных практик и поддержку межпоколенных инициатив.

Библиографический список

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Гофман А. Б. Традиция, солидарность и социологическая теория избранные тексты. М.: Новый хронограф, 2015. 496 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
4. Плотицкина Н.В. Модели солидарности в городских и сельских сообществах // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 1. С. 24-43.
5. Реутов Е.В. Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) // *Социологическая наука и социальная практика*. 2017. № 3 (19). С. 11–125.
6. Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. N-Y., 1985. P.248-249.
7. Hopman, M., Knijn, T. Understanding Solidarity in Society: Triggers and Barriers for In- and Outgroup Solidarity. In: Yerkes, M.A., Bal, M. (eds) *Solidarity and Social Justice in Contemporary Societies*. Palgrave Macmillan, Cham. 2022. Pp. 29–39.

8. Tiryakian E.A., Morgan J.H. Solidarity, yesterday and today //The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity: Formulating a field of study. New York : Palgrave Macmillan US, 2014. P. 249-271.

ЭРГОНОМИКА КРАСНОДАРА: ВЫЗОВЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

ERGONOMICS OF KRASNODAR: CHALLENGES AND SOCIAL ASPECTS OF DEVELOPMENT

Н.Р. Молочников

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

N.R. Molochnikov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматривается эргономика города, плюсы и минусы на примере динамично развивающегося Краснодара, демонстрирующего как свои успехи в создании и развитии городской среды, так и очевидные проблемы, требующие своего решения. Перспективы улучшения эргономики Краснодара связаны с его превращением в суперсовременный город России, что потребует скоординированных усилий власти, бизнеса и активного участия жителей.

Abstract. The article examines the ergonomics of the city, the pros and cons using the example of a dynamically developing Krasnodar, which demonstrates both its success in creating and developing an urban environment, as well as obvious problems that need to be solved. The prospects for improving Krasnodar's ergonomics are linked to its transformation into a state-of-the-art Russian city, which will require coordinated efforts by government, business, and the participation of its residents.

Ключевые слова: инфраструктура, качество жизни, проект, развитие, среда, экология, эргономика

Keywords: infrastructure, quality of life, project, development, environment, ecology, ergonomics

Современные города – это сложные системы, где качество жизни напрямую зависит от продуманности инфраструктуры, транспортной сети и организации общественных пространств. Эргономика, изучающая взаимодействие человека с окружающей средой, играет ключевую роль в оценке комфорта городской жизни. Краснодар, будучи одним из самых динамично развивающихся городов России, демонстрирует как успехи в создании удобной среды, так и очевидные проблемы, требующие решения. Эргономика города включает множество аспектов: транспортную систему, планировку улиц, доступность общественных пространств, экологию, инфраструктуру для работы и отдыха. Так в Краснодаре можно

выделить как положительные, так и отрицательные стороны эргономической характеристики города.

Город привлекает жителей благоприятным климатом [3], экономическими возможностями и высоким уровнем благоустройства центральных районов. Географически город расположен на 45 параллели северной широты «Краснодар – 45 параллель» и невидимая линия золотой параллели проходит на карте города по определенным улицам. В данном случае именно параллель, еще так называемая «золотая середина Земли» выступает в качестве одного из основных инструментов маркетинга мест по Краснодару. При этом в разных микрорайонах города установлены памятные знаки. Кроме того 90 км отделяют Краснодар от Черного моря (Джубга) и 250 от Азовского моря. В силу названных особенностей город привлекает мигрантов. Краснодарский край после Московской области лидирует по притоку мигрантов.

Однако стремительный рост населения (свыше 1,1 млн человек) и увеличение числа автомобилей создают серьезные вызовы для транспортной системы и городского планирования.

Параллельно с благоустройством и гармонизацией городской среды осуществляется и гармонизация межнациональных отношений: Краснодар – многонациональный город, в котором проживают представители более 120 национальностей и действуют более 50 национально-культурных общественных организаций. Это город межнационального сотрудничества. Краснодар также называют «Домом ста народов» с многообразием национальной культуры.

Если в традиционной эргономике рабочего места (промышленный аспект) показателями результативности выступает удовлетворенность трудом, качество трудовой деятельности и производительность труда, то генеральной целью эргономики города выступает создание комфортной городской среды и достижение высокого качества жизни его жителей [1; 2].

Власти Краснодара предпринимают шаги по модернизации инфраструктуры: развиваются пешеходные зоны, расширяется сеть общественного транспорта, появляются новые парки и скверы. Тем не менее, сохраняются и хронические проблемы – пробки, нехватка парковочных мест, неравномерное развитие районов.

Краснодар демонстрирует целый ряд положительных эргономических характеристик, делающих город комфортным для проживания. Центральные районы города отличаются продуманной организацией пространства – широкие тротуары с тактильной плиткой для маломобильных групп населения, удобные пешеходные

переходы и подземные переходы в ключевых точках, грамотное зонирование с выделением отдельных велодорожек. Особого внимания заслуживает благоустройство главной пешеходной артерии – улицы Красной, где создана многофункциональная среда с зонами отдыха, кафе, арт-объектами и сезонными декорациями. Система общественного транспорта включает не только традиционные автобусы и троллейбусы, но и современные низкопольные трамваи, оборудованные кондиционерами и информационными табло. Также ведутся разговоры о строительстве метро, сложности проведения работ и отсутствия финансирования. В последние годы активно внедряется система «умных остановок» с бесплатным Wi-Fi, USB-разъемами для зарядки устройств и электронными табло, отображающими время прибытия транспорта. Рекреационная инфраструктура города представлена многочисленными парками (Городской сад, Чистяковская роща, Солнечный остров), каждый из которых имеет свою концепцию и оборудован спортивными площадками, пунктами проката и зонами для отдыха.

Один из самых позитивных примеров эргономичной городской среды в Краснодаре – стадион и парк «Краснодар» (парк Галицкого). Это частный проект и пространство создано по всем канонам эргономики: продуманные маршруты, навигация, озеленение, доступность, визуальный комфорт, зоны отдыха и активности. Здесь чувствуется, как мог выглядеть весь город, если бы вопросы комфорта и функциональности ставились на первое место при проектировании.

Особенно выделяется набережная реки Кубань протяженностью более десятка км, ставшая популярным местом отдыха горожан. Социальная инфраструктура распределена достаточно равномерно – в шаговой доступности от жилых районов расположены школы, детские сады, поликлиники и торговые центры.

Общественные пространства и инфраструктура для работы и отдыха в Краснодаре развиваются, но их доступность и комфортность варьируются в зависимости от района. Центр города предлагает множество кафе, коворкингов, бизнес-центров и торговых комплексов, но в отдаленных микрорайонах таких объектов меньше. Торговые центры (например, «Галерея Краснодар», «OZ Mall», «СБС Мегамолл») популярны, но их перегруженность в выходные дни снижает комфорт посещения. Парки и набережные (особенно набережная реки Кубань) выступают важными рекреационными зонами, но их благоустройство все еще требует дальнейшего развития.

Однако наряду с несомненными достижениями, эргономика Краснодара имеет ряд существенных недостатков. Транспортная система страдает от хронических пробок, особенно в часы пик на основных магистралях – улицах Ставропольской, Селезнева, Московской, Российской и Тургенева. Весьма необходимый капитальный ремонт Тургеневского моста все же парализовал на первом этапе значительную часть города, несмотря на поочередное перекрытие разных сторон моста. Проблема усугубляется узкими проезжими частями в историческом центре и недостаточным количеством транспортных развязок. Высокий уровень автомобилизации (по количеству машин на душу населения Краснодар входит в топ-10 городов России). Проблемы недостаточного развития общественного транспорта и отсутствие метро становятся весьма актуальными. Общественный транспорт представлен автобусами, троллейбусами и трамваями, но его эффективность снижается из-за пробок, устаревшего парка транспортных средств и недостаточной синхронизации маршрутов. Острый дефицит парковочных мест приводит к хаотичной парковке во дворах жилых домов и на газонах, что особенно заметно в плотно застроенных районах. Общественный транспорт в утренние и вечерние часы перегружен, интервалы движения часто превышают заявленные, а в летний период отсутствие кондиционеров в большинстве автобусов создает дополнительные неудобства.

Явно выражена диспропорция в развитии районов – если центр и новые микрорайоны благоустроены по современным стандартам, то спальные районы (ФМР, ГМР, Пашковский) испытывают недостаток инфраструктуры: узкие тротуары, минимальное озеленение, плохое освещение в вечернее время. Система пешеходных переходов через крупные магистрали организована нерационально – часто отсутствуют светофоры в нужных местах, а существующие подземные переходы не оборудованы лифтами для маломобильных граждан. В летний период недостаток тени на улицах и остановках общественного транспорта делает пребывание жителей дискомфортным. Особую проблему представляет организация строительных площадок, которые часто занимают часть тротуара, вынуждая пешеходов идти по проезжей части. В новых микрорайонах отмечается недостаток социальных объектов – поликлиник, школ и детских садов, что вынуждает жителей преодолевать значительные расстояния.

Экологический аспект эргономики Краснодара также требует

повышенного внимания. Основными источниками загрязнения воздуха являются автомобили и промышленные предприятия, расположенные в восточной части города. Летом добавляется проблема пыли из-за жаркого климата и недостаточного полива улиц. Озеленение распределено неравномерно: если в центре и парках (таких как Городской сад, Чистяковская роща, Солнечный остров) зелени достаточно, то в спальных районах деревьев часто не хватает. Шумовое загрязнение – еще одна серьезная проблема, особенно для жителей домов вдоль крупных магистралей. Несмотря на эти трудности, город продолжает развиваться, стремясь создать более комфортную среду.

Каждый год южная столица России обновляется – появляются новые парки, скверы, реконструируются исторические здания, внедряются современные технологии. Конечно, на первом месте по важности в планах мэрии социальные объекты недвижимости (школы, детсады, больницы), однако остается время и на искусство.

В Краснодаре презентовали один из самых масштабных проектов за всю историю. В южной столице решили возвести «город в городе». Этот амбициозный и очень сложный проект планируют реализовать в северо-восточной части в районе поселка Знаменского и Новознаменского жилого района. Общая площадь «Нового Краснодара» составит 1,5 тысячи гектаров. Из них 635 гектаров будет отведено под жилую застройку. В городе построят школы, детские сады, дворцы творчества, спорткомплексы, парки и бульвары. Территория нового города будет застраиваться с учетом всех ошибок прошлого градостроительства [4]. В Краснодаре также возводится один из крупнейших в России ЖК – «Самолет». Проект объединит 70 многоквартирных домов, школы, детские сады, спортивные и коммерческие объекты.

Кинотеатр «Аврора» закрыли на реконструкцию еще в 2015 году. После долгих судебных тяжб к работам собирались приступить в 2020 году, но из-за сложной международной политической обстановки работы были отложены. Планировалось, что в «Авроре» появится подземная часть, в которой будет размещаться выставочный комплекс, кафе и четырехуровневый паркинг. В наземной части планировался к открытию современный киноконцертный зал на 1,2 тысячи мест. Спустя долгие годы проект не забросили, правда, решили отказаться от его самой интересной части. Документ упростили, убрав подземные этажи. Само здание кинотеатра планируется восстановить в прежнем виде.

Одним из важнейших памятников советской архитектуры в Краснодаре является цирк. Для того, чтобы сохранить культурное наследие города, местная администрация снова заговорила о его реставрации. К серьезному обсуждению проекта пришли только в конце 2023 года, его реконструкцию возобновят в 2027 году.

Есть совсем молодой и экологически чистый район в 12 километрах от центра города на северо-запад. Сейчас здесь идет активная застройка. Район только начинает свою жизнь, и есть шанс сделать его в едином стиле. Здесь общественно-деловая застройка будет отделять жилые районы от автомагистрали. Со стороны Западного обхода будут парковки, а со стороны жилых домов – террасы и парковые зоны. Застройку хотят сделать в стиле модерн – стройные минималистичные corner из кирпича с панорамными окнами и стеклянными входными зонами.

Музыкальный микрорайон – часть города, которая звучит фамилиями композиторов и музыкантов нашей страны. Однако несмотря на это, в молодом и пока только развивающемся микрорайоне много проблем. В первую очередь, постоянные подтопления после дождей. Поэтому задача администрации – обеспечить слаженную работу ливневой канализации для жителей Музыкального. Также в Музыкальном микрорайоне разработали план по расширению улиц Московской, Петра Метальникова, Российской и Солнечной. Уже готова проектно-сметная документация и получено положительное заключение государственной экспертизы по реконструкции улиц: имени Сергея Есенина от Солнечной до Гомельской, а также от Гомельской до Петра Метальникова.

Таким образом, Краснодар отличается как значительными достижениями в области эргономики городской среды, так и рядом серьезных проблем, требующих решения. Стремительный рост населения и высокая автомобилизация привели к хроническим пробкам, дефициту парковочных мест и перегруженности общественного транспорта. Диспропорция в развитии районов, недостаточное озеленение спальных кварталов, нерациональная организация пешеходных переходов и шумовое загрязнение вдоль магистралей снижают качество жизни горожан. Экологические проблемы, включая загрязнение воздуха и пыль в летний период, также остаются актуальными. Перспективы улучшения эргономики Краснодара связаны с реализацией масштабных проектов, таких как создание «Нового Краснодара», реконструкция исторических объектов (цирка, кинотеатра «Аврора» и развитие новых микрорайонов с учетом современных градостроительных стандартов.

Однако для устойчивого развития города необходимо комплексное решение транспортных, экологических и инфраструктурных проблем.

В целом, Краснодар обладает значительным потенциалом для превращения в комфортный и современный город, но его дальнейшее развитие требует скоординированных усилий власти, бизнеса и активного участия жителей. Только при таком подходе город сможет гармонично сочетать динамичный рост с высоким качеством жизни для всех своих жителей.

Библиографический список

1. Молочников Н.Р. Когнитивная эргономика: промышленный аспект // Экономика: теория и практика. 2022. №4 (68). С. 55-61.
2. Молочников Н.Р. Развитие когнитивного менеджмента в промышленных предприятиях: Монография. Рига: Lambert Academic Publishing, 2022.
3. Предисловие автора к: Погодный указатель по Краснодару / Н. Р. Молочников. Краснодар: Издательско-полиграфический центр Кубанского государственного университета, 2020. 30 с.
4. Телеканал Краснодар. <https://tvkrasnodar.ru/>

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СОЦИАЛЬНО УЯЗВИМЫХ ГРУПП (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ЧАД)

INSTITUTIONAL SUPPORT FOR SOCIALLY VULNERABLE GROUPS (EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF CHAD)

Нахум Мускин

Кубанский государственный Университет, г. Краснодар, Россия
Республика Чад

Nahum Miskine

Kuban State University, Krasnodar, Russia
Republic of Chad

Аннотация. Статья посвящена анализу институциональных механизмов и стратегий, направленных на поддержку наиболее социально уязвимых групп населения в Республике Чад. Рассмотрены основные институциональные структуры, которые играют ключевую роль в реализации социальных программ, а также их взаимодействие с международными организациями и местными НПО. Особое внимание уделяется анализу реализации существующих законодательных актов, защищающих различные социально уязвимые группы населения в стране, с целью улучшения условий их жизни. Работа также основана на материалах интервью, проведенных среди государственных служащих, не принимающих решения, которые указывают на недостаточную эффективность существующих программ поддержки. Подчеркивается важность поиска решений социальных проблем и необходимость дальнейшего развития

институциональных механизмов для обеспечения устойчивой поддержки уязвимых групп населения.

Annotation. The article is devoted to the analysis of institutional mechanisms and strategies aimed at supporting the most socially vulnerable groups of the population in the Republic of Chad. The main institutional structures that play a key role in the implementation of social programs, as well as their interaction with international organizations and local NGOs, are considered. Special attention is paid to the analysis of the implementation of existing legislative acts protecting various socially vulnerable groups in the country in order to improve their living conditions. The work is also based on interviews conducted among government officials who do not make decisions, which indicate the lack of effectiveness of existing support programs. The importance of finding solutions to social problems and the need for further development of institutional mechanisms to ensure sustainable support for vulnerable groups is emphasized.

Ключевые слова: социально уязвимые группы, Республика Чад, институциональная поддержка, институциональные структуры, законодательные акты

Keywords: socially vulnerable groups, Republic of Chad, institutional support, institutional structures, legislative acts

Проблема социально-уязвимых групп представляет собой одну из важнейших тем для глубокого изучения и анализа в контексте современных процессов развития общества. Особенно остро эта проблема проявляется в странах с ограниченными ресурсами и сложной социально-экономической ситуацией, в том числе в Республике Чад. В этих государствах проблемы уязвимости населения приобретают широкие масштабы и оказывают значительное влияние на общее качество жизни и перспективы устойчивого развития.

Цель данной статьи – проанализировать институциональные механизмы и стратегии, направленные на поддержку наиболее социально уязвимых групп населения в Республике Чад.

Эмпирическую базу исследования составили данные экспертных интервью (в формате аудиозаписи). В исследовании приняли участие семь представителей государственных органов и неправительственных организаций, непосредственно задействованных в решении рассматриваемых вопросов из Республики Чад. Выборка из семи экспертов, формировалась методом доступного случая и позволила получить квалифицированные мнения и оценить позиции учреждений по исследуемой теме.

Степень изученности вопроса. В условиях исторического и политического развития общества стали формироваться особые группы населения с различной степенью уязвимости, можно наблюдать наличие групп, которые оказываются удалёнными от

основных социальных процессов. А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, Г.В. Леонидова, Е.О. Смолева, отмечают что, эти группы часто сталкиваются с ограничениями в доступе к ресурсам, возможностям и правам, что усугубляет их положение [8].

По Генеральной Ассамблеи ООН 1966 года, уязвимые группы могут включать в себя различные категории людей, такие как этнические меньшинства, бедные слои или люди с ограниченными возможностями [6]. Их исключение из общества приводит к формированию стереотипов и предвзятости, что в свою очередь, затрудняет их интеграцию в обществе. П. Таунсенд разработал концепцию относительной бедности, согласно которой бедность определяется как отклонение от социальной нормы, вызванное нехваткой ресурсов [7].

Уязвимость индивида или группы, как сказал Е.С. Алисиевич, это повышенный риск стать жертвой нарушения прав и свобод человека. Этот риск обусловлен объективными внешними факторами, которые делают данную категорию более подверженной неблагоприятным воздействиям по сравнению с другими людьми. Кроме того, уязвимость усиливается наличием определённых физических или психологических характеристик. Такие особенности могут снижать способность человека защищать свои интересы, делая его более восприимчивым к дискриминации, принуждению или другим формам ограничения [1].

Исследования Н.Д. Вавилиной, Л.Н. Овчаровой и Н.М. Давыдовой подчеркивают важную связь между социальным исключением и бедностью в контексте России. Авторы акцентируют внимание на том, как экономические трудности могут приводить к маргинализации определенных групп населения [2].

Характеристика социально-уязвимых групп. В Республике Чад к уязвимым группам относятся люди, живущие за чертой бедности, особенно в отдаленных сельских районах, зависимые от сельского хозяйства, чувствительного к климатическим изменениям. Также это лица с ограниченными возможностями, сталкивающиеся с барьерами в доступе к образованию и здравоохранению, а также женщины и дети, страдающие от гендерного неравенства и домашнего насилия. Мигранты и перемещенные лица лишены защиты со стороны государственных институтов и подвержены эксплуатации. Этнические меньшинства и коренные народы также сталкиваются с дискриминацией. Дэвид Хелд исследует, как глобализация влияет на жизнь различных слоев общества, особенно уязвимых групп, требующих адаптации и поддержки [10].

Стоит отметить, что взаимосвязь между этими категориями может быть сложной и многогранной. Например, женщина с инвалидностью, проживающая в бедной сельской местности, испытывает одновременное воздействие нескольких факторов уязвимости, что значительно ухудшает ее положение и ограничивает возможности для улучшения своей жизни. Изучение особенностей положения каждой из этих групп, выявление причин и механизмов возникновения социальной уязвимости является критически важным шагом для разработки эффективных стратегий и программ, направленных на сокращение неравенства, повышение уровня жизни и обеспечение справедливого и инклюзивного развития общества в целом. Амартия Сен – в его концепции "способностей" рассматривал, как социальные и экономические факторы влияют на возможности и качество жизни людей, особенно уязвимых групп [11].

Это особенно важно для внутренне перемещённых лиц и беженцев, которым необходимо восстановление и адаптация в новых условиях. Кроме того, государственные стратегии направлены на улучшение инфраструктуры, облегчает доступ к базовым услугам для уязвимых групп. Разработка и реализация социальных программ осуществляется с учётом специфики местных сообществ, что обеспечивает более эффективное взаимодействие с населением. Таким образом, институциональная поддержка в Республике Чад становится двигателем для улучшения жизненных условий социально уязвимых групп, хотя и сталкивается с множеством вызовов.

Социально уязвимая группа – это совокупность людей, которые находятся в более рискованном положении по сравнению с остальным населением.

Уязвимость проявляется в повышенной вероятности столкновения с вредом, дискриминацией и неблагоприятными условиями жизни, что привлекает общественное внимание. Ключевыми факторами являются экономические ограничения, такие как бедность, и недостаток доступа к услугам, что ограничивает возможности удовлетворения базовых потребностей. Дополнительные причины включают демографические характеристики, такие как возраст, пол, этническая принадлежность и инвалидность, которые усиливают предвзятость и делают группы более подверженными рискам [8]. Факторы, описывающие «социально уязвимую группу», подчеркивают необходимость целенаправленной поддержки. Понимание этих причин помогает разрабатывать программы для снижения неравенства и улучшения

качества жизни. Уязвимость определенных социальных групп проявляется в их подверженности дискриминации и несправедливости. Примеры таких групп: дети, особенно младшего возраста, женщины, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями, этнические меньшинства, беженцы и мигранты. Эти группы сталкиваются с различными барьерами и трудностями в доступе к услугам и интеграции в общество.

Уязвимые группы часто считаются «безмолвными» в обществе, поскольку им трудно отстоять свои интересы из-за отсутствия ресурсов, власти и информации о своих правах. Это приводит к игнорированию их потребностей при разработке политики и распределении ресурсов, что ограничивает их возможности. Для изменения ситуации необходимы усилия государства и общественных организаций по продвижению инклюзивности и социальной справедливости.

В Республике Чад выделяются несколько уязвимых групп, включая детей раннего возраста, особенно младенцев до года, которые зависят от материнской заботы и подвержены заболеваниям из-за недостатка питания и медицинской помощи. Также уязвимыми являются беременные женщины и матери в послеродовом периоде, которые испытывают повышенные потребности в питательных веществах и несут ответственность за благополучие семьи, что увеличивает риск истощения ресурсов в кризисные моменты.

Внутренне перемещенные лица (ВПЛ) составляют значительную часть уязвимого населения Республики Чад. Они покинули свои дома из-за вооруженных конфликтов, засух и стихийных бедствий. ВПЛ часто лишены крова, средств к существованию и доступа к основным услугам, живя в переполненных лагерях и полагаясь на недостаточную гуманитарную помощь. Несмотря на существующий закон о защите ВПЛ [5], многие из них продолжают перемещаться, теряя связь с семьями и становясь более уязвимыми к эксплуатации и насилию.

Дети до пяти лет особенно уязвимы к угрозам для здоровья, включая малярию, которая является серьезной проблемой в Чаде. Это заболевание, передающееся через укусы комаров *Anopheles*, вызывает сезонные эпидемии и может привести к тяжелым осложнениям и смерти без своевременного лечения. Однако риски для здоровья детей не ограничиваются только малярией. Недостаточное питание ослабляет иммунную систему, а отсутствие доступа к чистой воде и антисанитарные условия способствуют распространению инфекций. Все эти факторы делают детей в Чаде восприимчивыми к различным

заболеваниям. Поэтому борьба с малярией должна сочетаться с улучшением питания, доступом к чистой воде и санитарными мерами.

Женщины в Чаде сталкиваются с общими проблемами со здоровьем, такими как инфекционные заболевания и недоедание, но также испытывают специфические трудности из-за социальных, экономических и культурных факторов. Одной из главных проблем является репродуктивное здоровье. В отдаленных деревнях доступ к качественной медицинской помощи ограничен, а нехватка квалифицированного персонала приводит к высокой материнской смертности и осложнениям во время родов. Молодые девушки часто становятся матерями в раннем возрасте, что негативно сказывается на их здоровье и образовании. Недостаток информации о законах, защищающих репродуктивные права женщин, усугубляет ситуацию [3].

Гендерное насилие в Чаде является серьезной и глубоко укоренившейся проблемой, затрагивающей женщин и девочек всех возрастов. Это системное явление обусловлено патриархальными нормами и недостаточной правовой защитой. Женщины и девочки часто становятся жертвами физического, сексуального и психологического насилия, однако многие случаи не сообщаются властям из-за смирения жертв или социокультурного давления [9].

Женщины, являющиеся главами домохозяйств в Чаде, несут полную ответственность за благосостояние семей, сталкиваясь с крайней нищетой и политической нестабильностью. Им трудно обеспечить питание и образование для детей, часто приходится выбирать между покупкой еды и школьными принадлежностями. Эти женщины работают на нескольких работах, выполняя тяжелый труд без надлежащих условий. Внутренне перемещенные лица также находятся в уязвимом положении, лишены жилья и источников дохода. Они сталкиваются с нехваткой продовольствия и зависимостью от гуманитарной помощи, что особенно остро затрагивает семьи с маленькими детьми и беременными женщинами. Например, после боевых действий на востоке страны тысячи семей живут за счет продовольственных наборов от международных организаций.

Внутренне перемещенные лица страдают от нехватки базовых услуг, необходимых для достойной жизни и здоровья. Медицинская помощь становится недоступной из-за разрушения больниц и нехватки медикаментов. Чистая питьевая вода отсутствует или сомнительного качества, что увеличивает риск инфекционных заболеваний. Условия санитарии плохие, нет туалетов и надлежащей

утилизации отходов, что способствует распространению болезней. Образование детей под угрозой: школы могут быть закрыты или переполнены, а родители не всегда могут оплатить обучение. Многие дети в лагерях беженцев никогда не посещали школу. Лагеря переполнены, условия гигиены плохие, а отсутствие инфраструктуры и экстремальные погодные условия усугубляют ситуацию, вызывая психологический стресс и депрессию у жителей [12]. Масштабные конфликты во многих странах приводят к массовому перемещению населения и созданию групп людей, нуждающихся в помощи. Особенно уязвимыми являются пожилые люди, лишённые семейной поддержки, что в Республике Чад усугубляется высокой смертностью среди молодежи и миграцией. Многие из них живут в отдалённых деревнях без доступа к медицинской помощи и продовольствию, страдая от социальной изоляции.

Несопровождаемые дети, оставшиеся без родителей из-за войны или насилия, также находятся под угрозой. Они уязвимы для эксплуатации и насилия, особенно в лагерях беженцев. Люди с ограниченными возможностями сталкиваются с трудностями в доступе к ресурсам и услугам, что затрудняет их участие в жизни общества.

Все эти группы нуждаются в срочной гуманитарной помощи, а также в долгосрочных программах для улучшения их положения. Необходимо инвестировать в образование, здравоохранение и социальную защиту, чтобы обеспечить их самодостаточность и достойную жизнь. Эффективная политика должна сочетать краткосрочную помощь с долгосрочными стратегиями развития для улучшения ситуации в Республике Чад.

Результаты и обсуждение. В рамках проведенного социологического исследования путём экспертного интервью среди представителей государственных органов и общественных организаций, непосредственно задействованных в решении рассматриваемых проблем, были рассмотрены следующие вопросы.

В течение последних десятилетий Чад постепенно укреплял свою правовую базу в области прав женщин, проводя реформы, приводя законодательство в соответствие с международными стандартами и проводя кампании по повышению осведомленности посредством законодательных поправок, политических инициатив и институциональной поддержки, направленных на обеспечение соблюдения прав женщин. эффективная работа. Таким образом, сегодня законодательные положения в целом гарантируют равные права мужчин и женщин, запрещая любую дискриминацию и

обеспечивая равный доступ к гражданским, политическим, экономическим и социальным правам. Женщины считаются более уязвимыми, и именно по этой причине правительство работает над их защитой и расширением их прав и возможностей. Отвечая на вопрос: «Какие группы населения, по Вашему мнению, наиболее уязвимы в Вашем регионе? Почему?» Респондент подчеркивает: *«На этом уровне необходимо классифицировать женщин, которые выходят на первое место, а затем детей. Третья позиция - это люди, которых я могу назвать пожилыми людьми (пожилыми людьми) и теми, кто живет с ограниченными возможностями».*

Мама заботится о ребенке. И степень ее уязвимости возрастает, потому что мама заботится о ребенке. Мама заботится о семье. Мама обо всем позаботится. Есть также то, что еще больше увеличивает степень его уязвимости, злоупотреблений, насилия. Женщины действительно подвергаются воздействию. На самом деле на моем уровне я ставлю женщин на первое место, детей, а затем пожилых людей и инвалидов» (Интервью №1)

На вопрос: «Существуют ли в Вашей организации программы или политика, направленные на поддержку социально-уязвимых групп? Если да, то какие именно?». Институциональная поддержка социально уязвимых групп в Республике Чад представляет собой важный аспект государственных и международных усилий, направленных на улучшение условий жизни наиболее незащищённых слоёв населения. В ряде случаев, поддержка включает программы помощи (продуктовой, финансовой и др.), обучение, доступ к здравоохранению и образованию.

Как отмечает один из экспертов: *«есть несколько программ и проектов, направленных на поддержку уязвимых слоев населения. Например, есть Национальный фонд солидарности, который является механизмом, созданным правительством, финансируемым правительством и партнерами через сбор средств и прочее. Он пока не достаточно оперативен, но уже начинает поддерживать через распределение продуктов питания и непродовольственных товаров уязвимым слоям населения, проводя периодические распределения в различных местностях, а также в тех местностях, где была объявлена тревога о рисках шоков и проч.»*

У нас также есть сотрудничество с ВПП (Всемирной продовольственной программой), которая в настоящее время реализует проект в провинциях Барх эль Газель и Канем – это денежные переводы, которые происходят регулярно каждые 3

месяца. Уязвимые группы, зарегистрированные в базе данных, получают 45000 франков каждые 3 месяца на каждое домохозяйство. Это позволяет им удовлетворять свои потребности и также начинать заниматься деятельностью, направленной на достижение автономности и устойчивости в будущем, потому что после получения этих средств, особенно когда человек знает, что это регулярно, каждые 3 месяца он получит помощь, он начинает небольшую деятельность.

После этого мы выходим из состояния постоянной зависимости и переходим к состоянию автономности, потому что мы не можем вечно продолжать так. Это программа, которая развивается. Также есть проект PARCA (Проект поддержки беженцев и принимающих сообществ в Чаде) от Всемирного банка, реализуемый министерством планирования и социальной деятельности по совместному соглашению. Он направлен на поддержку уязвимых слоев населения и на социальные сети.

В настоящее время также запускается еще один проект, потому что PARCA (Проект поддержки беженцев и принимающих сообществ в Чаде) заканчивается через 2-3 месяца. Новый проект называется проект адаптивных и продуктивных социальных сетей и также финансируется Всемирным банком» (интервью №1).

Также стоит отметить роль неправительственных организаций, которые активно работают в Чаде, предоставляя гуманитарную помощь, юридическую поддержку и образовательные программы. Одним из наиболее успешных примеров также является внедрение программ микрофинансирования, которые помогают местным женщинам развивать малый бизнес и обеспечивать свои семьи. Эти инициативы помогают не только улучшить экономическое положение, но и повышают статус женщин в обществе.

Один из респондентов отвечая на вопрос: «Существуют ли в Вашей организации программы или проекты, направленные на поддержку уязвимых групп, и каковы цели и задачи этих программ?», Он подчеркивает что: «Есть различные проекты, в этих различных проектах, больше всего направлены на поддержку наиболее уязвимых групп населения посредством финансирования, профессионального обучения, мы в первую очередь уделяем приоритетное внимание женщинам, поскольку опыт научил нас, что помочь женщине-значит помочь всей семье, а следовательно, и всему сообществу». (интервью №2). А так же решение вопрос касающийся образования в рамках вопроса : «Существуют ли в Вашей организации программы или проекты, направленные на поддержку

уязвимых групп, и каковы цели и задачи этих программ?». Респондент отмечает (интервью №2): *«Мы находимся в зоне постоянной нестабильности, вызванной террором, который испытывает население из-за атак террористической секты Бoko Харам. Из-за этого государственные служащие, в основном учителя, не приходят, чтобы выполнять свои обязательства по образованию детей. Вот почему мы, церковь (Евангелическая ассамблея в Чаде), инициировали проект создания школы, чтобы сделать образование доступным для детей этой местности. Сегодня мы довольны этой реализацией, потому что дети вернулись к учебе и могут читать и писать, как и другие дети в остальной части страны».*

Республика Чад признает важность поддержки этих групп и предпринимает шаги в этом направлении. В числе законодательных актов, касающихся защиты прав социально-уязвимых групп, можно выделить Закон о защите прав женщин 2015 года и Закон о социальной защите, принятый в 2019 году [4]. Эти документы направлены на обеспечение равенства и доступности базовых социальных услуг. Один из респондентов местных НПО, занимающийся вопросами социальной поддержки, подчеркивают: *«Несмотря на существующие законы, реальная практика поддержки часто сталкивается с недостатком ресурсов и внедрения»* (интервью №2)

Он продолжил в том направлении и отметил: *«Необходимо больше внимания к реальным механизмам реализации, которые помогут людям на местах».* (интервью №3).

Подводя итог можем, отметить, что проблема поддержки социально-уязвимых групп имеет глобальный характер, однако четкие механизмы регулирования и реализации пока не разработаны. Несмотря на отдельные позитивные шаги, отсутствие системных решений оставляет ситуацию незавершенной и требует дальнейшего внимания. Для эффективного решения необходимо продолжать работу над интеграцией усилий разных субъектов. Расширение охвата программ, их согласованность и совместное планирование позволят более полно учитывать потребности уязвимых групп и повысить эффективность предоставляемой помощи. Укрепление институциональных структур является ключевым фактором долгосрочной защиты. Создание надежных механизмов контроля, финансирования и мониторинга обеспечит устойчивое развитие и социальную защиту уязвимых слоев населения, способствуя их интеграции в общество.

Библиографический список

1. Алисиевич Е.С. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве. М.: РУДН, 2012, С.14.
2. Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск: СибАГС, 2000; Овчарова Л.Н. Бедность и экономический рост в России // Журнал исследований социальной политики. 2008. № 4. Т. 6. С. 439-456; Давыдова Н.М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 88-96.
3. Закон Республики Чад № 006/PR/2002 "Об укреплении репродуктивного здоровья" (ред от 15.04.2002)
4. Закон Республики Чад № 029/PR/2015 "О запрете детских браков в Чаде, устанавливающий минимальный возраст вступления в брак на уровне 18 лет" (ред от 21.07.2015)
5. Закон Республики Чад № 12/PT/2023 "О защите и помощи внутренне перемещенным лицам в Республике Чад" (ред от 01.06.2023)
6. Международный пакт о гражданских и политических правах принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
7. Таунсенд П., Бедность в Соединенном Королевстве: обзор ресурсов домохозяйств и уровня жизни, Хармондсворт: Penguin Books, 1979
8. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2. С. 29-47
9. Enquête nationale de nutrition et de mortalité rétrospective - SMART 2022, Rapport final, ministère de la Santé Publique et de la Prévention, décembre 2022.
10. Held, David (1951). Globalization / anti-globalization / David Held a. Anthony McGrew. - [Repr.] - Cambridge: Polity, 2003. - X, 158 с.
11. Sen, A. (1999). Development as freedom. Random House, Inc., New York, in 1999
12. Situation des inondations : Rapport de situation № 04, OCHA, octobre 2024

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ПОСЕЛКА ЗНАМЕНСКИЙ г. КРАСНОДАРА

SOCIAL ARCHITECTURE ON THE EXAMPLE OF THE PROJECT OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE VILLAGE OF ZNAMENSKY, KRASNODAR

А.М. Чернова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.M. Chernova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлен анализ социальной архитектуры поселка Знаменский г. Краснодара и результаты разработанного на его основе проекта социально-культурного развития поселка, что обусловлено потребностью его полноценного включения в социально-структурную

целостность городского пространства. Особенностью проекта является его комплексный характер, что позволит реализовать контролируемые позитивные социально-культурные процессы, которые могут стать профилактическими мерами в вопросах демографии, патриотической идеологии, культурного развития и образования, а также в вопросах информационной и национальной безопасности. Концепция социальной архитектуры предполагает, что для успешной реализации проекта необходимо полноценное включение в него социально-активной части населения. Проект является частью исследовательской работы по изучению повседневности и «дружественности» социокультурного жизненного пространства многодетных семей города Краснодара. Проект социально-культурного развития был представлен на рассмотрение в административные органы Краснодарского края. В работе также отмечается необходимость применения комплексного многомерного научного подхода в вопросах изучения и проектирования современной городской среды.

Abstract: The article presents an analysis of the social architecture of the village of Znamensky in Krasnodar and the results of a project for the socio-cultural development of the village based on it, which is conditioned by the need for its full inclusion in the socio-structural integrity of urban space. A special feature of the project is its comprehensive nature, which will allow for the implementation of controlled positive socio-cultural processes that can become preventive measures in matters of demography, patriotic ideology, cultural development and education, as well as in matters of information and national security. The concept of social architecture assumes that for the successful implementation of the project, it is necessary to fully include the socially active part of the population in it. The project is part of a research effort to study the everyday life and "friendliness" of the socio-cultural living space of large families in Krasnodar. The project of socio-cultural development was submitted for consideration to the administrative authorities of the Krasnodar Territory. The paper also notes the need to apply an integrated multidimensional scientific approach to the study and design of the modern urban environment.

Ключевые слова: социальная архитектура, социально-культурное развитие, городское пространство, социология повседневности, социология города.

Keywords: social architecture, socio-cultural development, urban space, sociology of everyday life, sociology of the city.

Поселок Знаменский, являясь частью города Краснодара, представляет интерес для изучения в контексте взаимодействия городской инфраструктуры, социальной мобильности и повседневных практик жителей. Анализ этого района позволяет выявить особенности его социальной динамики, а также понять механизмы формирования городской идентичности и локальных сообществ. Актуальность исследования, таким образом, обусловлена необходимостью глубокого понимания особенностей развития микрорайонов в условиях современного городского пространства, а также роли локальных сообществ в формировании городской

культуры и социальной структуры.

Цель статьи – представить научно-обоснованный анализ социальной архитектуры поселка Знаменский г. Краснодара и результаты разработанного на его основе проекта социально-культурного развития. Проект является частью исследовательской работы по теме повседневных практик и «дружественности» социокультурной жизненной среды многодетных семей города Краснодара.

Объектом исследования является поселок Знаменский г. Краснодара как особое социокультурное пространство, предмет исследования – социальные структуры, отношения и практики, формирующиеся в поселке, а также его место в городской среде с точки зрения социологии города и социологии повседневности.

Методология исследования. Для разработки проекта был проведен комплексный анализ поселка Знаменский с учетом его места в городской системе и особенностей повседневной жизни жителей. В качестве методов исследования были использованы включенное наблюдение, контент-анализ чатов, анализ статистической информации в открытых интернет-источниках.

При работе над проектом были использованы концепция социальной архитектуры П. Хинтъяна [1], теория повседневности А. Шюца [2], теория городской сцены [3].

Общая характеристика социального пространства. Поселок Знаменский – пригородный район, входит в Пашковский сельский округ в рамках Карасунского внутригородского округа города Краснодара. Дата основания поселка – 1969 год. Сложная организационная структура подчинения накладывает значительный отпечаток на вопросы администрирования и принятия решения по благоустройству поселка. Часть пространства подлежит городскому администрированию, часть – краевому (например, дороги или поля под застройку).

Демографическая ситуация. По данным на 1 ноября 2025 г., численность населения составляла 8 485 человек (статистические данные не менялись с 1 июля 2025 года) [4]. Точную численность установить достаточно сложно, поскольку часть жителей прописаны в Комсомольском микрорайоне или в других регионах РФ, а проживают в поселке или используют дома в качестве дач (проводят там выходные, каникулы, используют для проживания престарелых или маломобильных родственников и проч.).

Особенностью поселка явилось его переформатирование в процессе урбанизации и активных миграций, которые привели в

последние десятилетия к активной застройке и значительному росту жителей. Динамические урбанизационные процессы в поселке продолжаются.

С момента его образования и до начала 2000-х годов поселок и входящие в него СНТ (садовые некоммерческие товарищества) представляли собой пригородный район, образованный на месте бывших совхозов из дачных участков. Дачи выдавались работникам различных городских предприятий, и названия СНТ до сих пор отражают историю их создания («ЗИП», «Чайка», «Железнодорожник»). В ходе приватизации стали появляться дома для постоянного проживания и изменился контингент жителей поселка. После 2010 г. интерес к г. Краснодару и в частности к более дешевому жилью с землей в пригородах привел к тому, что в поселке появилось больше приезжих из других регионов России – Сибири, Дальнего Востока и т.д. События 2014 года, а затем начало СВО, привели к массовому притоку в поселок беженцев из Украины, Курской и Белгородской областей. Под влиянием общемировых миграционных потоков здесь выросло число приезжих из Таджикистана, Узбекистана, Казахстана – сначала русских и русскоязычных мигрантов (вынужденные переселенцы), а позже представителей народов Центральной Азии (трудовых мигрантов, часть которых позже получили гражданство РФ). После разрешения приобретать дачные дома через семейную ипотеку и за счет материнского капитала в поселке увеличилось количество многодетных семей.

Такие особенности формирования населения в поселке затрудняют формальный учет и позволяют говорить о неполноте и неточности имеющихся данных относительно численности проживающих здесь, т. к. многие беженцы, проживающие в поселке и входящих в него СНТ, продолжают быть прописанными в своих регионах (например, в Курской области, где можно получать ежемесячные выплаты).

Миграционные потоки из Центральной Азии приводят к большому количеству плохо говорящих по-русски детей и взрослых в поселке. Часть из них имеют российское гражданство, часть – нет. В расположенных в поселке школах есть примеры, когда учащиеся совсем не говорят на русском языке (использованы данные неформальных интервью с учителями школ поселка).

Особенности застройки. Структура застройки поселка очень неоднородна. После основания поселка в 1970-х гг. его центр застраивался 2-х этажными кирпичными домами, в которых

проживали сотрудники птицефабрики, института животноводства. По такому же принципу построено административное здание, в котором раньше располагалась администрация, почта, кабинет участкового инспектора. Дачные участки СНТ изначально представляли собой земельные участки площадью 4-6 соток, разделенные забором из «рабицы» (обязательное требование СанПин при строительстве дачи). Высота построек на дачах не должна была превышать два этажа. Земельные участки в поселке Знаменском, которые после приватизации появились на рынке недвижимости, имели площадь 6-12 соток. В самом поселке заборы уже не имели ограничений по виду и материалу. После 2010-х годов в поселке и прилегающей территории началась застройка 2-3 этажными многоквартирными домами, появился ряд коттеджных жилищных комплексов (с таунхаусами и полноценными коттеджами). Также началось строительство микрорайона «Родные просторы» с домами в 9-24 этажа, постепенно жилищный комплекс был благоустроен парковой зоной (парк «Родные просторы»), многочисленными детскими и спортивными площадками.

После начала строительства ЖК «Родные просторы» произошло разделение жителей прилегающих к комплексу частных домов и жителей жилого комплекса, между ними часто возникают конфликты по поводу пользования стоянками, дорогами, детскими площадками и т. д. В итоге застройщик был вынужден отгородить частный сектор забором. Позже жители частного сектора добились организации двух проходов для выхода к общественному транспорту.

Часть построенных двухэтажных домов по ул. Гагарина представляют собой малогабаритные студии (от 17 м²) с очень узкими лестничными проемами. В этих домах выдавалось социальное жилье, они также пользовались популярностью из-за низких цен на недвижимость у людей с невысокими доходами и приезжих из других регионов России. В итоге поселок имеет очень неоднородную застройку и формальное разделение на более престижные участки и на условные «гетто». Хотя административно все СНТ являются частью поселка Знаменский, каждый СНТ является своего рода микрорайоном со своей экономической и организационной структурой. Сообщества внутри СНТ являются обособленными группами. Средством объединения являются общие чаты в сети «WhatsApp» или «Telegram», их администрируют председатели СНТ, которые являются фактически местными органами административной власти.

Инфраструктура. Одним из острых моментов, связанных с

урбанизацией поселка, являются дороги. В этой области существуют несколько проблем:

- выезд из поселка возможен по трем двухполосным улицам. Две улицы выходят на трассу М4-Дон, которая является также разделительной улицей между поселком Знаменский и поселком Ново-Знаменский. Также эти поселки соединены пешеходным наддорожным мостом. На общественном транспорте добраться из одного поселка в другой можно только с пересадкой на другой автобус и проход через пешеходный мост. По третьей улице возможен выезд через станицу Старокорсунскую, но эта дорога крайне не благоустроена. Многие жители поселка вынуждены пользоваться этой дорогой для проезда в город, хотя объезд составляет более 15 км. Пробки при выезде из поселка в утренние часы (с 6 до 9 часов утра) и вечерние (с 17 до 20 часов вечера) в будние дни составляют 8-9 баллов, что негативно сказывается на повседневной жизни жителей. Также при выезде на трассу из поселка часто происходят ДТП; [5]

- улицы в самом поселке и на территории СНТ в основном очень узкие, не предназначены для проезда одновременно двух легковых машин, требуют реверсивного движения;

- скотопрогоны – это разделительные участки вдоль заборов, предполагающие прогоны скота, расположены с тыльной стороны участков. По кадастровому плану эти участки являются собственностью муниципалитета, но в результате застройки многие оказались включены в территорию огороженную забором жителей. Но часть скотопрогонов продолжает использоваться как подъездные дороги к домам. Между соседями часто ведутся судебные тяжбы за самовольный захват в собственность участков скотопрогонов;

- отсутствие тротуаров и пешеходных зон также являются большой проблемой, особенно для семей с детьми или людей с ограниченными возможностями.

Таким образом, неоднородность застройки и единой архитектуры, отсутствие человекоориентированности при застройке – одна из ключевых проблем поселка.

Занятость. Другим аспектом, требующим рассмотрения, являются вопросы занятости населения. В поселке нет промышленных предприятий, рабочие места здесь представлены торговыми продуктовыми сетями, несколькими розничными строительными и металлобазами, СТО, мойками машин, мелкими розничными магазинами. Основная часть жителей работает за пределами поселка и вынуждена часами стоять в автомобильных

пробках, добираясь в город на работу и обратно.

Социально-культурные объекты. В поселке 2 школы, 3 муниципальных детских сада, 3 частных детских сада, несколько детских развивающих студий, 2 филиала художественных школ. С учетом наличия благоустроенного парка и площадок в ЖК «Родные просторы» можно сказать, что досуг детей организован приемлемо. Интересной особенностью является разделение жителей поселка по принадлежности к приходам Православной церкви. В поселке 3 православных храма и прихожане этих храмов объединяются вокруг настоятелей. Доступ к одному из храмов (в честь иконы Богородицы «Неупиваемая Чаша») был частично перекрыт, после застройки жилого комплекса многоквартирными домами (ул. Первомайская, 4/1). Жители приняли решение обнести жилой комплекс забором, таким образом, перекрыв проезжую улицу. В итоге часть населения поселка была лишена возможности напрямую проходить к храму, прихожане вынуждены проходить 10 лишних кварталов по улицам не благоустроенным тротуарами, что особенно тяжело для пожилых, людей с ограниченными возможностями и прихожан с маленькими детьми.

Вопрос о выделении части домов в отдельную зону также сейчас решается в ЖК «Родные просторы», часть домов отделили забором, лишив жителей поселка прохода к детскому саду и ряду детских площадок и коммерческой застройке. Т. о., стремление к безопасности и элитарности жителей ЖК имеет негативные социальные последствия для остальных жителей поселка.

В поселке функционируют филиалы взрослой и детской поликлиник, но здесь нет процедурного кабинета, в итоге жители вынуждены выезжать для прививок или процедур за территорию поселка, что негативно сказывается на повседневных практиках и тайм-менеджменте (в поселке есть 3 коммерческих медицинских центра, часть процедур можно проходить в них). В поселке отсутствует спортивный центр, хотя есть несколько площадок со спортивными тренажерами с общим доступом. В поселке отсутствует дом культуры. Несколько раз в год в поселке (в парке «Родные просторы») проводятся выездные культурно-массовые мероприятия (День Победы, Масленица, День Семьи) приезжают творческие коллективы из п. Лорис и п. Пашковский. На общественном транспорте добраться до культурных центров п. Лорис и п. Пашковский возможно только с пересадками. Из символических мест в поселке есть памятник, посвященный воинам ВОВ (на закрытой территории института животноводства) – дважды в году у

памятника проходят мероприятия, организованные администрацией, доступ для жителей поселка в другое время к памятнику закрыт. Второй стихийный памятник в честь погибших воинов СВО установлен на незаконных основаниях возле автомастерской, он игнорируется администрацией, но при этом выступает местом стихийных собраний. Памятник был установлен для решения спорного вопроса по земельному участку, в итоге ситуация носит негативный характер, спекулируя на чувствах родственников погибших воинов.

Решение обозначенных выше проблем поселка возможно на основе принципов теории социальной архитектуры. Это предполагает целенаправленное проектирование общественного пространства с учётом социальных факторов. В соответствии с теорией повседневности А. Шюца, мы можем охарактеризовать повседневность жителей поселка как predetermined такими понятиями, как «время в пробках», а также недоступность культурных объектов, отсутствие доступа к элементам общекультурной памяти, а также predetermined социальное расслоение по ряду факторов – место проживания, наличие автомобиля, близость общественного транспорта, принадлежность к определённому приходу и т.д.

Так, например, часть домов в ЖК «Родные просторы» приписаны к школе, которая находится на его территории, а часть нет. Жители частного сектора не приписаны к этой школе, в итоге дети вынуждены переходить дорогу. До строительства школ дети, проживающие в поселке автобусами доставлялись в школы п. Пригородный, п. Лорис и Комсомольского микрорайона, что также являлось частью сложной повседневности жителей поселка.

Все это накладывает на повседневность жителей поселка отпечаток «изгнанности» из общегородской социокультурной среды. Особенно это касается пожилых жителей, многодетных семей, семей с детьми с особенностями, не имеющих личного автотранспорта. Взаимосвязь культуры с социальными процессами в обществе и в том числе в территориальных сообществах неразрывна. Наличие доступных культурно-досуговых центров (музеев, библиотек, театров) для большинства жителей является, во-первых, возможностью повышения культурного уровня, во-вторых, способствует предотвращению нежелательных социальных процессов. В этом смысле наличие в поселке муниципального досугового центра является необходимостью. Центр казачьей культуры можно рассматривать как базис для культурной

идентичности жителей поселка, в том числе миграционные процессы с опорой на культурное развитие могли бы иметь более сглаженную адаптационную форму.

Проект социально-культурного развития п. Знаменский. На основе проведенного анализа, был выявлен круг проблем в социально-пространственном развитии поселка. Для их решения необходимо:

- создание в поселке универсальной доступной среды для всех категорий граждан;
- решение социальных проблем – от интеграции маломобильных групп до укрепления единства в сообществе жителей;
- вовлечение граждан в формирование социальной среды и образа будущего поселка;
- обеспечение многофункциональности территорий – одна площадка может использоваться разными группами людей;
- учёт местного контекста и культурных особенностей населенного пункта, что позволит создавать пространства, которые будут востребованы жителями;
- укрепление социальных связей – развитие пространств, рассчитанных на взаимодействие и общение жителей.

Проект социально-культурного развития поселка носит практический характер, был разработан нами и представлен в административные органы власти для обсуждения и внесения корректировок в градостроительный план г. Краснодара. В рамках проекта было подложено:

1. Организовать в поселке Дом культуры. Возможно с направленностью на казачьи традиции. Организовать творческие коллективы людей среднего и пожилого возрастов. Проводить на постоянной основе культурно-массовые мероприятия в поселке.

2. Установить в парке «Родные просторы» памятную Стелу «Погибшим за Отечество воинам». Проводить на постоянной основе мероприятия, посвященные историческим событиям и памятным датам Краснодарского края и России возле Стелы, с возложением цветов – привлекать школьников, ветеранов, прихожан храмов, казачество.

3. Организовать тротуары и безопасные пешеходные зоны.

4. Обеспечить беспрепятственный проход к храмам всех жителей поселка.

5. Открыть процедурный кабинет в филиалах детской и взрослой поликлиники.

6. Организовать спортивно-досуговую деятельность,

направленную на поддержание здоровья жителей пожилого возраста и подрастающего поколения. Завершить строительство спортивных объектов. Организовать на постоянной основе проведение массовых спортивных мероприятий в поселке.

Библиографический список

1. Барчугова Е.В. Социология архитектуры. Три этапа развития // Architecture and Modern Information Technologies. 2018. №3 (44). С. 377-391.
2. Верещагина А.С. Социальный мир повседневности как интерсубъективная смысловая структура // Вестник института мировых цивилизаций. 2017. №15. С.35-38.
3. Коломина К. Н., Стрельникова А. В. Городские сообщества «на сцене»: роли, практики и культурное потребление // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. №4. С. 113–121.
4. Население поселка Знаменский в Краснодаре (Краснодарский край). Статистика России и мира 2025г. – BDEX. – [Электронный ресурс]. – URL: – https://bdex.ru/naselenie/krasnodarskiy-kray/krasnodar/n/znamenskiy/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.11.2025).
5. Пункт назначения: водители рассказывают об опасном участке на трассе М-4 «Дон» возле Краснодара. – Информационное агентство Живая Кубань. – [Электронный ресурс]. – 15.10.2025. – URL: – <https://www.livekuban.ru/mneniya/punkt-naznacheniya-voditeli-rasskazyvayut-ob-opasnom-uchastke-na-trasse-m-4-don-voze-krasnodara> (дата обращения: 12.11.2025).

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ АФРИКАНСКИХ СТРАН

PROBLEMS OF ECOLOGICAL CULTURE IN SCIENTIFIC DISCOURSE IN AFRICAN COUNTRIES

Дебора Мвондо Ланмейнг

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
Республика Камерун

Deborah Mvondo Lanmeing

Kuban State University, Krasnodar, Russia
Republic of Cameroon

Аннотация. Африканский континент особенно уязвим к последствиям изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды, таким как опустынивание, обезлесение, эрозия почв и утрата биоразнообразия. Поэтому формирование эффективной и адекватной экологической культуры имеет решающее значение для устойчивого развития его населения. Однако интеграция этих вопросов в общественную и научную сферы сталкивается с серьезными структурными и ситуативными препятствиями. В данной статье представлен анализ проблем, присущих африканскому научному дискурсу, с выделением факторов, препятствующих формированию коллективного

экологического сознания и принятию эффективной политики.

Abstract. The African continent is particularly vulnerable to the effects of climate change and environmental degradation, such as desertification, deforestation, soil erosion and loss of biodiversity. Therefore, the formation of an effective and adequate ecological culture is crucial for the sustainable development of its population. However, the integration of these issues into the public and scientific spheres faces serious structural and situational obstacles. This article presents an analysis of the problems inherent in African scientific discourse, highlighting the factors that hinder the formation of collective environmental awareness and the adoption of effective policies.

Ключевые слова: экологическая культура, Африка, общественный дискурс, экологическое управление, устойчивое развитие, традиционная культура.

Keywords: Environmental culture, Africa, Public discourse, Scientific research, Environmental governance, Sustainable development, Traditional knowledge.

Африканский континент, обладающий уникальным экологическим богатством, находится сегодня в центре важнейших экологических проблем. Ускоренная деградация экосистем, постепенное опустынивание и повышенная уязвимость к климатическим изменениям представляют собой жизненноважные угрозы для устойчивого развития континента [6; 8]. В этой ситуации существует острая необходимость в формировании у населения и правительств эффективного и адаптированного экологического сознания.

В тоже время в общественной сфере Африки экологический дискурс часто отодвигается на второй план в угоду сиюминутным приоритетам выживания. Для многих африканских правительств и граждан борьба с бедностью, отсутствием продовольственной безопасности, кризисами в области здравоохранения (СПИД, малярия) и доступ к базовой инфраструктуре (питьевая вода, электричество) имеют приоритет над экологическими проблемами. Эта иерархия потребностей, хотя и понятна, создает политическую среду, в которой экологические проблемы воспринимаются как «роскошь» или программы, импортированные с Запада. Кроме того, слабые государственные институты, коррупция и проблемы управления ограничивают эффективное применение существующих нормативных актов.

Общий дефицит образования и осведомленности об экологических проблемах, в сочетании с иногда решающим влиянием международных доноров, которые навязывают собственные приоритеты, все это ослабляет местную заинтересованность в решении экологических проблем [5]. Результатом является

фрагментированный научный дискурс часто оторванный от экологических реалий.

Цель данной статьи – проанализировать ключевые проблемы в формировании и репрезентации экологической культуры в научном дискурсе африканских стран. При работе над статьей использован метод системного анализа литературы (обзор публикаций, отчетов международных организаций и материалов).

Результаты анализа

Характеризуя научный дискурс в вопросах формирования экологической культуры в африканских странах необходимо определиться с базовым понятием. Экологическую культуру следует понимать, прежде всего, как интеграцию принципов устойчивого развития в поведение, ценности и социальные практики людей, что имеет первостепенное значение для устойчивости африканских обществ.

В африканских экологических исследованиях, в том числе затрагивающих вопросы экологической культуры, можно выделить несколько аспектов:

Во-первых, присутствие колониального и постколониального наследия в научных нарративах. Европоцентричные научные парадигмы долго доминировали в исследовании природных систем Африки, что снизило значимость местных экологических практик. Как следствие, традиционные знания не редко маргинализировались в академическом дискурсе, наблюдалась несогласованность между научными рекомендациями и местными практиками управления ресурсами.

Во-вторых, есть явный разрыв между научным знанием и практикой. Исследования, как правило, не принимаются в расчет при разработке и реализации локальных образовательных программ или политики. В результате наблюдается низкий уровень экологической грамотности населения, слабая обратная связь между сообществами и учёными.

Следующий аспект – недостаток локализованных исследований и данных. Остро стоит проблема нехватки финансирования и инфраструктуры для долгосрочных полевых исследований. Хроническое недофинансирование, отсутствие адекватной инфраструктуры и «утечка мозгов» в западные институты, т. о. ограничивают способность африканских исследователей предоставлять надежные и релевантные для местного уровня данные. Альтернативой долгосрочным проектам выступает ориентированность на краткосрочные проекты и внешнее

финансирование, последствиями чего становится фрагментарность знаний, зависимость от внешних агентий, ограниченная возможность разработки региональных стратегий.

Важной характеристикой выступает конфликт ценностей между традиционным знанием и научной рациональностью [3]. Это наглядно проявляется в научных дискуссиях, где не редко возникают трения при попытке интегрировать коллективное практическое знание сообществ с формальными научными методами [9]. В итоге растет недоверие между локальными сообществами и исследователями и как следствие продвигаются неэффективные проекты по охране природы.

Значимым моментом является то, что оказываются заметно рассогласованными между собой процессы образования и формирования экологической культуры [2]. Действительно школьные и университетские программы редко системно включают экологическое воспитание, особенно с учётом местного контекста. В итоге выпускники сталкиваются с дефицитом междисциплинарных навыков и практик, необходимых для устойчивого управления ресурсами.

Не менее актуальны политико-экономические барьеры [1]. Экономические приоритеты (рост, добыча ресурсов) часто противоречат экологическим целям; слабость института гражданского общества в некоторых странах, в результате чего научные рекомендации игнорируются или искажаются политическими интересами, экологическая культура остается маргинальной [7].

Наконец, важно учитывать проблему транснациональных влияний и грантов. Финансирование и исследовательские повестки практически тотально зависят от международных доноров, которые формируют приоритеты, не всегда соответствующие локальным нуждам. Результатом становится ориентация ученых на формальную отчетность, а не на реальные местные изменения.

В заключении можно отметить, что научный дискурс об экологической культуре в африканских странах переживает кризис, который проявляется в рассогласовании между производимыми знаниями и их применением. Несмотря на наличие богатой базы традиционных практик и растущего числа исследований, существует явный разрыв между теорией и практикой, между внешними приоритетами и локальными потребностями. Преодоление этих проблем требует системного, междисциплинарного подхода: интеграции традиционных знаний в научные методики, реформы образования, развития инфраструктуры и усиления диалога между наукой, политикой и обществом. Только при таких условиях

формирование экологической культуры сможет стать не декларацией, а устойчивой практикой, поддерживаемой научным знанием и локальными сообществами.

Библиографические список

1. Иванов П.В. Влияние климатических изменений на экономику стран Африки // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021.
2. Кулибали Т. Роль национальной культуры в формировании экологического мировоззрения народов бамбара (западная Африка) // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2004. №2. С. 112-115.
3. Agrawal A. Dismantling the divide between indigenous and scientific knowledge // Development and change. 1995. Т. 26. №. 3. С. 413-439.
4. Berkes F., Usher P. J. Sacred knowledge, traditional ecological knowledge & resource management // Arctic. 2000. Т. 53. №. 2. С. 198.
5. Faize M., Akhtar S. Education for environmental sustainability: a review of the literature // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2020.
6. Programme des Nations unies pour l'environnement (PNUE). Africa's Environment: A Commodity, a Commons, a Challenge. UNEP, 2008.
7. Swatuk L.A. Political challenges to the effective governance of water resources in Southern Africa // Water Policy. 2008.
8. UNESCO. UNESCO Science Report: the race against time for smarter development. UNESCO Publishing, 2021.
9. Cash D.W., Clark W.C., Alcock F., Dickson N.M., Eckley N., Guston D.H., Jäger J., & Mitchell R.B. Knowledge systems for sustainable development, Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 100 (14) 8086-8091.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

LOCAL IDENTITY OF YOUTH IN KRASNODAR REGION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

А.А. Уриман

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

A.A. Uriman

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В условиях интенсивных социокультурных трансформаций локальная идентичность молодежи Краснодарского края оказывается одним из наиболее проблемных и противоречивых явлений. В статье на материалах качественного исследования среди молодых жителей г. Краснодара раскрывается вопросы влияния места проживания (город/село) на выраженность локальной идентичности, компоненты локальной идентичности, иерархия идентичностей молодежи и факторы, влияющие на нее. Сделан вывод о том, что локальная идентичность молодежи Краснодарского края фрагментирована и ситуативна, а также имеет низкий уровень выраженности.

Abstract. In the context of intensive socio-cultural transformations, the local

identity of the youth of the Krasnodar Territory turns out to be one of the most problematic and contradictory phenomena. Based on the materials of a qualitative study among young residents of Krasnodar, the issues of the influence of the place of residence (city/village) on the severity of local identity, the components of local identity, the hierarchy of youth identities and the factors influencing it are revealed. It is concluded that the local identity of the youth of the Krasnodar Territory is fragmented and situational, and also has a low level of expression.

Ключевые слова: идентичность, локальная идентичность, молодежь, Краснодарский край.

Keywords: identity, local identity, youth, Krasnodar Region.

В условиях интенсивных социокультурных трансформаций локальная идентичность молодежи Краснодарского края оказывается одной из наиболее проблемных и противоречивых явлений. С одной стороны, регион характеризуется уникальным историко-культурным наследием (в том числе казачьим), полиэтничностью, активной политикой идентичности и экономической специализацией, что создаёт потенциал для формирования устойчивой связи молодых людей с малой родиной. С другой стороны, эмпирические исследования демонстрируют низкий уровень локальной идентичности среди молодежи, особенно в крупных городах и среди студентов, что контрастирует с общерегиональными показателями. Этот дисбаланс в целом можно объяснить особенностью молодежи как социально-демографической и поколенческой группы, однако таких простых рассуждений недостаточно для полноценного анализа феномена. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, как современные вызовы – цифровизация, миграционные процессы, культурная гибридизация – влияют на восприятие молодыми людьми своей принадлежности к малой родине.

Локальная идентичность как самостоятельный феномен исследовалась Г.С. Денисовой, В.А. Тишковым, Р.В. Евстифеевым, Е.В. Улько, а также зарубежными авторами, такими как М. Кастельс и Г. Лэш. Региональные аспекты локальной идентичности анализировались в исследованиях Е.В. Морозовой, И.В. Самаркиной, И.С. Башмакова, В.Н. Мухи, Д.В. Какадий и др.

Локальную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности. Территориальная идентичность – это переживаемое и/или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность. Локальная идентичность, в интерпретации Е.В. Морозовой – это идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности по

отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, поселка, микрорайона) [2, с. 140].

Цель данного исследования: выявить содержание, структуру и факторы формирования локальной идентичности у молодежи Краснодарского края. В качестве *метода* сбора эмпирического материала использован метод полуструктурированного интервью. *Эмпирическую базу* составили материалы 6 интервью с молодыми людьми 18-24 лет, проживающими в Краснодарском крае (преимущественно в г. Краснодар).

Результаты исследования. Прежде всего, необходимо отметить, что Краснодарский край в целом характеризовался респондентами достаточно позитивно и вызывает только положительные ассоциации. Большая часть опрошенных в качестве символов и отличительных черт региона выделили: *жаркий климат, поля, природу, близость к морю, развитость сельского хозяйства*. Это говорит о высоком уровне влияния географического фактора на восприятие региона. Респондент, который прожил всю жизнь в Краснодаре, отметил, что край ассоциируется с многоконфессиональностью, многонациональностью и высокими ценами на продукты. Возможно, проживание в столице региона позволяет более широко смотреть на ситуацию в целом. *«Регион часто воспринимается под красивой картинкой, хотя много внутренних проблем, которые требуют решений»* (жен., 21 год).

Ни у одного респондента не было выявлено негативного восприятия региона, большая часть считает его перспективным для молодежи, особенно в экономическом плане. *«Я думаю, что это самый лучший регион России, самый перспективный»* (муж., 18 лет).

Респонденты, переехавший в Краснодар из небольших городов часто отмечали, что не ассоциируют его со своим домом, несмотря на достаточно долгое проживание в нем. Один из опрашиваемых отметил: положительные ассоциации есть у него только по отношению к Кубани, а Краснодар для него не является домом из-за поведения местных жителей и их отношения к миграции. *«Краснодар – элитная деревня...коренные жители считают всех мигрантов понаехами... хотя это моя страна, я имею право переезжать туда, куда захочу»* (муж., 23 года).

Большинство опрошенных не смогли назвать конкретных особенностей г. Краснодара, кроме респондента, с рождения проживающего в нем. При этом все смогли назвать ассоциации, связанные с прежним их местом жительства, в котором они родились

и провели все свое детство. Это может говорить о сохранении достаточно сильных эмоциональных и духовных связей с местом прежнего проживания, несмотря на переезд, ведь большая часть опрошенных провела в других населенных пунктах свое детство и подростковый возраст.

Особенно характерно это для жителей поселков и малых городов. *«Часть детской меня, часть души, у меня всё же в станице... я думаю, что не будет такого, что ... я была станичной девушкой и про это вообще забуду. Я думаю, это останется в каком-то процентном соотношении в моей душе, останется станичная составляющая, потому что жизнь в станице ... меня закалила»* (жен., 20 лет). *«Приехав в Краснодар, я осознал то, что я сельский парень, никто никогда не копал картошку, не рвал траву. Ни у кого не было частного дома, все жили в квартирах»* (муж., 18 лет).

Многие также отметили, что несмотря на эмоциональную привязанность, теряют связь с местом их рождения, так как большую часть времени проживают в городе и приезжают в прежние населенные пункты только к родственникам.

Практически все респонденты имеют казачьи корни, однако никак не ассоциируют себя с данной этнокультурной группой и относятся к ней негативно или нейтрально, не считают, что казаки несут какую-то пользу в современных реалиях. *«Для меня это показуха...»* (муж., 18 лет). *«Казачество со временем теряет свое значение»* (жен., 20 лет). *«Я не могу к этому относиться как-то положительно, потому что у нас есть очень много других проблем, куда стоило бы направить какие-то финансовые средства»* (жен., 21 год).

Несмотря на это респонденты не преуменьшают значение казачества в формировании исторического прошлого Кубани и допускают его существование в форме некой культурной группы. *«Я понимаю, что, конечно, у казаков есть причастность к историческому прошлому Кубани»* (жен., 21 год). *«С Кубанью ассоциируется дарование Екатериной земель казакам»* (жен., 20 лет). *«Выступление казаков в домах культуры я поддерживаю»* (муж., 23 года). Респондент, переехавший из другого региона, отметил, что также осведомлен о кубанском казачестве, но чувствует активную агитацию и пропаганду.

Малая Родина для респондентов – это дом, в котором они провели свое детство. Для кого-то это поселок, город, а для кого-то – район города. Во многом это понятие они связывали с семьей и родительским домом, а также со школой. В целом локальность

хорошо прослеживалась, что не удивительно. Городские жители больше демонстрировали привязку именно к району, а не к городу в целом. *«Малая Родина – родительский дом и район»* (муж., 18 лет). *«Малая Родина для меня – это место, в котором я родилась и в котором я провела большую часть своей жизни, особенно детство. И для меня это мой любимый Гидрострой (район города Краснодара – авт.), потому что Гидрострой – это действительно микрорайон, историю которого я знаю досконально, историей которого также отчасти я горжусь»* (жен., 21 год). Респонденты – выходцы из села демонстрировали привязанность в целом к станице или поселку *«Малая Родина – это моя станица»* (жен., 20 лет). *«Мой поселок – родное место, сразу ассоциации с детством»* (жен., 20 лет).

Далее мы рассмотрели структуру идентичностей респондентов. Отвечая на вопрос «Кто Я?» (модификация теста Куна и Макпартленда), большая часть опрошенных проявила высокую этническую, гражданскую и региональную идентичность, так как ставила упоминаемые характеристики выше остальных. *«В первую очередь я – житель России, а потом уже житель Кубани»* (жен., 20 лет). *«В повседневной жизни ощущаю себя кубанцем, но чаще всего русским»* (муж., 18 лет). *«Я россиянка, русская...»* (дев., 20 лет). Лишь один респондент продемонстрировал ярко выраженную локальную идентичность.

При ранжировании социальных идентичностей была указана принадлежность своему городскому району. Респондентка, проживающая в Краснодаре с рождения в целом не ассоциирует себя с городом, а только с районом. *«Я здесь действительно провела всё своё детство, я его (район – авт.) знаю от корки до корки, каждую улочку»* (жен., 21 год).

Респондентка, приехавшая в Краснодар из Крыма отметила такой факт: понятия «Кубань» и «Краснодарский край» носят для нее разный смысл. *«Это вот на каком-то более интуитивном уровне, и почему-то для меня Кубань со мной явно не ассоциируется. Сказать, что я из Краснодарского края, я могу. Сказать, что я из Краснодара, я могу. Но сказать, что я из Кубани, я не могу. Вот не знаю, как-то язык не поворачивает. Все-таки кубанцы – это действительно народ, который здесь вырос»* (жен., 20 лет). Такой дифференциации больше никто не отметил.

В целом, проанализировав иерархию идентичностей, мы видим, что чаще упоминается соотнесение себя с учебными или социально-демографическими группами («Я – студент», «Я – девушка», «Я – семьянин»). Из всех территориальных идентичностей наиболее ярко

выражена региональная (отметили 4 из 5 опрошиваемых), а наименее – локальная. Гражданская и этническая занимают также высокие позиции (этническую принадлежность упомянули 5 из 5 респондентов).

Интересным является факт ситуативности идентичности. Несколько опрошиваемых отметили, что в обычной жизни не задумываются о принадлежности к региону, городу, национальности и так далее, но в ситуациях общения и взаимодействия очень часто демонстрируют свое отношение и связь с тем или иным местом. *«Честно говоря, ни у меня, ни в моём круге общения, которое именно регионально в Крыму было, не было никогда понятия «крымчанка», но среди кубанцев, я говорю о том, что я с Крыма, да, такая гордость у меня присутствует»* (жен., 20 лет). Один из респондентов высказал следующее мнение: *«Где-то я услышал, что, когда ты выходишь за свой двор, ты представитель своих родителей, то есть ты сын своего отца. Когда ты выходишь в город, ты представитель своего района. Когда ты за городом, то представитель своего города. Когда ты с края едешь в другую область, ты представитель своего региона. В другой стране ты представитель своей страны. Если я общаюсь с коренным краснодарцем, то себя я ощущаю усть-лабинцем (прежний город проживания респондента – авт). Если я общаюсь с москвичом, себя я ощущаю краснодарцем»* (муж., 18 лет).

Можно заметить тенденцию к вариативности приоритетов в идентификации в зависимости от контекста общения. Респондентка с низкой региональной идентичностью, отметила, что в ситуации дискриминации по принципу принадлежности к месту рождения, с которой она столкнулась, отметила у себя рост осознания своей связи с регионом и отстаивала свое мнение о жителях Кубани.

СМИ и социальные сети, по мнению респондентов, практически не влияют на их отношение к региону и месту своего проживания. Практически никто не следит за новостями, а если и следят, то относятся скорее критически или нейтрально. *«Я бы сказала, что в моем случае (СМИ – авт.) не влияют, потому что я прекрасно сама понимаю, где правда написана, где ложь»* (жен., 21 год). Лишь один респондент отметил, что на его принадлежность к Кубани повлияли социальные сети, а конкретно – мемы, так как он обменивался ими при общении со своими друзьями из других регионов. Возможно, это связано с его возрастом, так как респонденту на момент интервью было 18 лет.

Миграционные планы большинства опрошиваемых очень размыты и не точны, многие отмечают отсутствие ощущения дома и

не знают где он. *«Пока я не знаю где мой дом. Ни в Краснодаре, ни в Усть-Лабинске я не ощущаю себя дома»* (муж., 18 лет). *«Дома я пока не обрел, Краснодар ассоциируется только с работой»* (муж., 23 года). Безусловно, это можно связать с особенностями молодежи как очень мобильной и подвижной группы, часто меняющей свои роли и статусы. Если не получается закрепиться где-то на долго, это может порождать подобные состояния. Перед молодыми людьми открывается много возможностей, реализация которых иногда требует перемещения в пространстве, которое не является препятствием для большинства опрошенных. *«Мне в целом комфортно в Краснодаре, но было бы интересно переехать на время, ради того, чтобы посмотреть по ощущениям»* (жен., 20 лет). *«Я бы хотела попробовать переехать... Невыносимое положение из-за пробок»* (жен., 21 год). *«Я на распутье, хочу жить в Москве, но понимаю, что буду всегда ощущать себя кубанцем»* (муж., 18 лет).

Несмотря на положительные ассоциации с местом проживания, экономическую, климатическую, инфраструктурную привлекательность региона и Краснодара, 4 из 5 респондентов рассматривают для себя переезд в более крупный город (Москву), другой район или даже страну. *«Переехал бы в США с целью заработка»* (муж., 23 года). Однако планы размыты, присутствует некая неуверенность в будущем и настоящем. Миграционные установки во много не связаны с идентичностью. Респондент, который продемонстрировал высокую локальную идентичность, также выразил желание переехать из своего родного района города в другой, так как больше не ощущает там себя в безопасности.

Подводя итоги, можно отметить, что на формирование локальной идентичности большое влияние оказывают памятные места, семья, родительский дом и детские воспоминания в целом. Именно эти факторы конструируют привязку к месту рождения, взросления и затрудняют установление более тесных связей с новым местом жительства, однако абсолютно все респонденты отметили нежелание возвращаться в города и поселки их детства, несмотря на эмоциональную и духовную связь. СМИ и историческая память практически не влияют на идентичность.

Краснодарский край в целом воспринимается респондентами позитивно. Однако урбанизированный Краснодар как город вызывает неоднозначные чувства. Коренные жители подчеркивают его многонациональность, но критикуют внутренние проблемы, а мигранты из малых городов и поселков редко идентифицируют Краснодар с «домом». Городские жители чаще привязываются к

микрорайонам, а не к городу в целом. Даже те, кто давно переехал, сохраняют ностальгию по родительскому дому и локальным сообществам, хотя связь с ними ослабевает из-за редких визитов. Понятие «малой Родины» для большинства связано с детством, семьей и локальным пространством. Для сельских жителей это станица или поселок, для городских – район, что демонстрирует некоторую дифференциацию. В целом нельзя сказать, что размер населенного пункта сильно повлиял на формирование идентичности, кроме вышеупомянутого факта. Казачество как исторический символ Кубани не стало частью современной идентичности. Респонденты с казачьими корнями относятся к нему нейтрально или негативно. Однако они признают его роль в истории, допуская сохранение в качестве культурного наследия.

В тесте «Кто Я?» доминируют этническая, гражданская и региональная идентичности. Локальная идентичность выражена слабо. Респонденты актуализируют принадлежность к месту в зависимости от контекста: в общении с «чужими» они подчеркивают региональную или национальную идентичность, в локальных взаимодействиях – районную. Ситуативность является важной чертой идентичности молодежи. Большинство респондентов рассматривают переезд как возможный сценарий. Даже те, кто позитивно оценивает Краснодар, видят его как «плацдарм» для роста, а не конечную цель. Миграционные установки связаны не с идентичностью, а с поиском возможностей, стремлением «к большему». Многие отметили, что сохранили бы свою идентичность при переезде. Размытость планов отражает характер молодежи как мобильной группы. Отсутствие ощущения «дома» в текущем месте проживания и открытость к переменам подчеркивают временный характер их привязанностей.

Таким образом, несмотря на ностальгию по местам детства, проживание в Краснодаре редко становится основой для сильной идентичности. Доминируют региональная, этническая и гражданская принадлежности, а миграционные планы отражают прагматизм и мобильность поколения. Исследование показывает, что локальная идентичность в условиях урбанизации и миграции становится фрагментированной, уступая место более широким категориям самоопределения (например, социально-демографическим).

Локальная идентичность молодежи Краснодарского края фрагментирована и ситуативна. В иерархии социальных идентичностей доминируют гражданская, этническая и региональная принадлежность. Локальный уровень занимает периферийное

положение, актуализируясь только в определенных случаях – в контексте общения или ностальгии. Миграционные установки связаны не столько с идентичностью, сколько с прагматизмом поколения. Даже позитивные оценки края не исключают мобильности, что отражает глобальный тренд на гибкость жизненных стратегий. Исследование подтвердило, что локальная идентичность в Краснодарском крае – динамичный и противоречивый феномен, балансирующий между ностальгией по прошлому и прагматизмом настоящего.

Библиографический список

1. Какадий Д.В. Территориальная идентичность жителей Краснодарского края // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. №11-12. С. 82-85.
2. Морозова Е.В. Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. №4. С. 139-151.
3. Муха В.Н., Какадий Д.В. Факторы формирования региональной идентичности жителей Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. 2013. №8. С. 51-53.
4. Русия Н.Т., Ракачев Д.Н. Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий Юга России // Журнал политических исследований. 2023. № 4. С. 72-87.
5. Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. №1. С. 159-171.

ОТНОШЕНИЕ УЧАЩИХСЯ МОЛОДЕЖИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

THE ATTITUDE OF THE STUDENT YOUTH OF THE KRASNODAR TERRITORY TO THE ACTIVITIES OF THE KUBAN COSSACK ARMY

И.П. Яковлева, М.В. Послыхалин

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия

I.P. Yakovleva, M.V. Poslyhalin

Kuban State Technological University, g. Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассмотрена роль кубанского казачества в современных социокультурных и политических процессах Краснодарского края. Выделены основные направления деятельности Кубанского казачьего войска как

крупнейшей казачьей организации региона. Рассмотрены оценки рисков возникающих в макрорегионе в результате деятельности казачьих организаций и их лидеров в представлении общественного и научного сообщества. Исследовано отношение современной учащейся молодежи к деятельности Кубанского казачьего войска. Сделан вывод, что опрошенные не видят значительных проблем в связи с казачьими организациями края и политикой региональных властей в отношении них.

Abstract. The article examines the role of the Kuban Cossacks in the modern socio-cultural and political processes of the Krasnodar Territory. The main areas of activity of the Kuban Cossack Army as the largest Cossack organization in the region are highlighted. The assessment of risks arising in the macroregion as a result of the activities of Cossack organizations and their leaders in the public and scientific community is considered. The article examines the attitude of modern students to the activities of the Kuban Cossack army. It is concluded that the respondents do not see significant problems in connection with the Cossack organizations of the region and the policy of the regional authorities towards them.

Ключевые слова: казачество, кубанское казачье войско, основные направления деятельности, молодежь

Keywords: Cossacks, Kuban Cossack army, main activities, youth

В социокультурном и политическом пространстве Краснодарского края казачество играет достаточно значимую роль. В регионе действуют различные казачьи объединения и организации, прежде всего Кубанское казачье войско, которое оценивается исследователями как наиболее многочисленное и активное среди 11 реестровых казачьих войск России [1, с. 81]. На 2022 г. оно насчитывало 57050 казаков, включало 558 казачьих обществ, в том числе 494 на территории Краснодарского края [2].

В структуре исполнительных органов края и органов местного самоуправления муниципальных образований региона есть подразделения курирующие вопросы казачества (в частности Департамент по делам казачества, военным вопросам и работе с допризывной молодежью Администрации Краснодарского края, Управление по делам казачества и военнослужащих Администрации г. Краснодара). До октября 2025 г. атаман Кубанского казачьего войска выполнял одновременно полномочия вице-губернатора края. Согласно его отчетному докладу в регионе с каждым годом увеличивается количество казаков задействованных в работе органов местного самоуправления [2]. По инициативе губернатора края В.И. Кондратьева с 2016 г. атаманы районных казачьих обществ назначаются заместителями глав администраций муниципальных образований либо заместителями председателей Советов депутатов районов [3, с. 16].

На данный момент войско занимается как общественно, так и

хозяйственной-экономической деятельностью (сельское хозяйство, частные охранные агентства). В крае действуют казачьи дружины по охране общественного порядка, ведется работа по подготовке допризывной молодежи, из реестровых казаков сформированы несколько подразделений, участвующих в СВО, казачьи общества заявляют об активной волонтерской деятельности в зоне текущего конфликта. Особое внимание уделяется патриотической работе и работе с молодежью, в частности в рамках Союза казачьей молодежи Кубани. Войско активно продвигает идею казачьего образования: в регионе действуют 131 казачья образовательная организация, в том числе 49 детских садов. Проводится политика интеграции и взаимодействия с учебными учреждениями края (от школы до вуза). Так, в общеобразовательных учреждениях организованы 5 тысяч классов и групп казачьей направленности [2]. Ощутимую роль в культурной сфере региона казачьи творческие коллективы. Помимо всемирно известного Кубанского казачьего хора, в реестр творческих коллективов и мастеров декоративно-прикладного искусства внесены 40 детских и 3 взрослых творческих коллектива и 20 мастеров декоративно-прикладного искусства.

Вместе с тем, такая активная деятельность Кубанского казачества вызывает некоторые опасения у общественных деятелей регионального и всероссийского уровня. Среди проблем они отмечают, в частности, особое положение войска в жизни региона. Поддержка казачества со стороны края осуществляется не только словом, но и рублем. Так, по программе «Казачество Кубани» из краевого бюджета течение 2016–2021 гг. планировалось выделить 6,2 млрд рублей. Ныне действующий этап программы (2024-2027 гг.) предполагает финансирования в объеме 7176920,6 тыс. рублей [4]. В. Титов описывал ситуацию следующим образом: «тучные годы» и хорошее финансирование были использованы атаманами и руководством края для трансформации казачества от субэтнической общности (черты которой в нем по-прежнему сохраняются) к полноценному общественно-государственному институту» [5].

Некоторые негативные оценки иногда вызывает и «казачье образование», которое рассматривается как инструмент тотального «оказачивания» Кубани и обособления Краснодарского края от России. В качестве аргумента, авторы ссылаются на заявление вице-губернатор Краснодарского края, атаман Кубанского казачьего войска (ККВ) Н. Долуда от февраля 2016 г. о том, что губернатор В. Кондратьев поставил задачу «возродить казачий уклад жизни на территории Кубани». Для этого, по мнению атамана ККВ, нужно,

чтобы в крае проживало «миллион казаков или два с половиной миллиона» [6]. В научном сообществе как рискогенные в политическом плане оцениваются лозунги некоторых казачьих активистов в рамках идеологемы «казачество – народ» [1, с. 81].

В свете указанных общественных дискуссий, особый интерес представляет проведение исследования, направленного на выявления отношения жителей региона к современному казачеству и к деятельности Кубанского казачьего войска. С этой целью среди студентов КубГТУ был проведен социологический опрос. В нем приняло участия 317 человек. Из них 54,8% составили женщины, 45,2% – мужчины. Большинство респондентов (84,9%) в возрасте от 18 до 24 лет. 83,6% опрошенных молодых людей горожане (из них 65,8% проживают в г. Краснодаре, 17,8% в других городах края), 16,4% – сельские жители.

В представлении учащейся молодежи региона в настоящее время казачество представляет собой прежде всего часть русского народа (субэтнос) – об этом заявили 65,8% опрошенных. Чуть менее половины (47,9 %) видят в казаках многонациональное братство людей, имеющих общую историю и традиции. О сообществе людей, исполняющих государственную казачью службу, заявили 45,2% респондентов (табл. 1).

Таблица 1. Представление молодежи о сущности современного казачества, %

Варианты ответов	%
Часть русского народа (субэтнос) со своей культурой, традициями	65,8
Многонациональное братство людей, имеющих общую историю и традиции	47,9
категорию граждан России, исполняющих государственную казачью службу	45,2
общественные объединения, выполняющие определенные функции	31,2
самостоятельный народ России	20,5
особое военное сословие	13,7
особый род войск	9,6
группу людей, обладающих особыми правами и обязанностями	5,5
<i>Примечание – Сумма ответов превышает 100 %, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Ответы приведены в порядке убывания</i>	

В основе идентификации себя казаком(казачкой) по мнению студентов лежит принадлежность к определенному казачьему общественному объединению, организации – такой вариант выделили 38,4% респондентов. Около трети опрошенных (31,5%) самоопределяются на основе семейного происхождения. Опираются на свой образ мыслей и действия в самоидентификации 23,3%.

Наименьшее количество опрошенных (6,8%) связывают казачью идентичность с длительным проживанием на обжитой казаками территории.

Большинство (67,1%) респондентов не относят себя к данной социальной общности. Затруднились идентифицировать себя еще 13,7%. Считают себя казаками 19,2% опрошенных студентов. Все 19,2% состоят на данный момент или входили раньше в различные казачьи объединения (организации). Из них 9,6% состоят в организации реестровых казаков, 1,4% – не реестровом объединении. 80,8% молодых людей ни в какие казачьи организации не входят и не входили.

В целом для опрошенных характерно позитивное отношение к казачьему движению на Кубани: 58,9 % из них отметили, что относятся положительно, еще 20,5 % – скорее положительно. Полностью и частично отрицательно относятся к казачеству 8,2 % респондентов. Еще 12,3 % студентов затруднились определить свое отношение.

У молодежи нет однозначной ассоциации Кубани с казачьим краем и вытекающими из это преимуществами данной социальной группы, как это было до революции. Как не связывают развитие региона исключительно с его «оказачиванием», восстановлением традиционного уклада жизни. По мнению опрошенных на данный момент казачество еще не в должной мере задействовано в решении актуальных для современного российского общества проблем и эти направления деятельности казачьим организациям следует активизировать. Государственная поддержка казачеству будет целесообразна для этих целей. Студенты демонстрируют достаточно хорошую осведомленность о деятельности казачьих общественных объединений, действующих в их населенном пункте: знаю о ней хорошо 26% опрошенных, знаю, но не очень хорошо – 39,7%.

Плохо осведомлены о деятельности казаков 19,2% респондентов, ничего не знают – 15,1%. Чуть меньше студенты осведомлены о мероприятиях, проведенных Кубанским казачьим войском, крупнейшей казачьей организацией региона, за последние 1-2 года (общественно-гражданских, культурных, спортивных и т.д.). Достаточно много известно о них 20,5% опрошенных, кое-что слышал о них 37%. Ничего не известно было 32,9%. Затруднились ответить на вопрос 9,6%.

Таблица 2. Вовлеченность молодежи в деятельность казачьих общественных организаций, %

Согласны ли Вы со следующими суждениями?	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен
Кубань – казачий край, поэтому справедливо, если на Кубани казаки имеют больше прав, чем представители других национальностей	34,2	13,7	20,5	31,5
Казачество делает все возможное для решения актуальных проблем российского общества	27,4	34,2	24,7	13,7
Для развития региона необходимо увеличение количество казаков за счет формирования казачьего самосознания у молодого поколения	31,5	23,3	26	19,2
На территории Кубани следует возродить казачий уклад жизни	30,1	26	20,5	23,4
Федеральные и региональные власти должны оказывать всестороннюю поддержку возрождению кубанского казачества, в том числе и финансовую	35,6	28,8	21,9	13,7
Необходимо активней привлекать казачество для решения актуальных для российского общества задач	37	35,6	15,1	12,3

Основными каналами получения информации о деятельности Кубанского казачьего войска, традициях и истории кубанских казаков для молодежи стали занятия в школе, вузе (76,7%), публикации в СМИ (56,2%), книги (учебников, научной, художественной литературы) (42,5%). Личные контакты и коммуникация реже выступают источником информации по интересующей нас проблематике: от своих знакомых, являющихся членами казачьих организаций, узнают о нем 34,2% опрошенных, из общения с казачьими наставниками (20,5%). Несмотря на развитие информационного общества реже всего именно интернет-ресурсы являются для студентов каналом информации о казачестве: 20,5% получают информацию из пабликов в социальных сетях, в том числе и различных казачьих обществ; 15,1% – из информации официальных сайтов казачьих организаций, в том числе Кубанского казачьего войска; 13,7% – из подкастов в интернет (различных политических, исторических блогеров).

Для оценки степени вовлеченности учащейся молодежи в орбиту деятельности различных казачьих организаций, респондентам был задан вопрос приходилось ли им посещать учреждения и мероприятия казачьей направленности. Согласно полученным результатам в большей степени молодежь занимает позицию наблюдателей, соприкасаясь с казачеством через изучение его истории и культуре с помощью экспозиций музеев, выступлений фольклорных коллективов.

Из таблицы видно, что вовлечены в систему казачьего образования около одной пятой опрошенных. Обращает на себя внимание и тот факт, что менее трети студентов участвуют в мероприятиях Союза казачьей молодежи Кубани.

Уровень вовлеченности и информированности дает опрошенным возможность оценить какую роль играют казачьи объединения Кубани в решении тех задач, которые ставят перед казачеством нормативные акты и политические документы.

Таблица 3. Вовлеченность молодежи в деятельность казачьих общественных организаций, %

Приходилось ли Вам...	да	нет
посещать казачий детский сад	16,4	83,6
учиться в казачьем классе	20,5	79,5
бывать в лагерях казачье направленности	19,2	80,8
участвовать в мероприятиях, проводимых Кубанским казачьим войском	41,1	58,9
участвовать в мероприятиях, проводимых Союзом казачьей молодежи Кубани	30,1	69,9
посещать встречи с казаками-наставниками	42,5	57,5
посещать выступления казачьих фольклорных коллективов	50,7	49,3
посещать выставки в музеях, посвященные культуре и истории кубанского казачества	68,5	31,5
наблюдать в живую парады казачьих войск	45,2	54,8

Прежде всего, в понимании студентов казачество обеспечивает сохранение культурных и духовных традиций Кубани (71,2%), патриотическое воспитание молодежи и подготовку призывников (68,5%) и оказывает волонтерскую помощь, в том числе в зоне СВО (64,4%). Меньше всего молодежи виден вклад казачества в экономическое развитие региона (28,8%). Данные можно увидеть в таблице 4.

Таблица 4. Оценка роли казачества в решении важных для общества задач, %

Какую роль, на ваш взгляд, играет кубанское казачество в решении следующих задач?	Очень большую	Не очень большую	Совсем никакой
В охране государственных границ	39,7	49,3	11
В решении межнациональных проблем и конфликтов	31,5	56,2	12,3
В патриотическом воспитании и подготовке призывников	68,5	23,3	8,2
В военно-спортивной и историко-патриотической работе с молодежью	63	31,5	5,5
В сохранении культурных и духовных традиций Кубани	71,2	24,7	4,1
В обеспечении общественного порядка на Кубани	52,1	37	11
В развитии экономики региона, прежде всего агропромышленного комплекса	28,8	57,5	13,7
В охране лесов, водного хозяйства региона	32,9	50,7	16,4
В оказании волонтерской помощи, в том числе в зоне СВО	64,4	27,4	8,2
В боевых действиях в зоне СВО	61,6	27,4	11

Как уже отмечалось выше определенные инициативы Кубанского казачьего войска вызывают противоречивое отношение у общественности (интеграция войска с органами управления регионом, развитие системы казачьего образования и т.д.). Особый интерес представляет вопрос насколько значимы данные проблемы во взаимодействии регионального сообщества и казачества для молодежи. Наиболее позитивно опрошенные относятся к тому, что казачьи организации оказывают охранные услуги, в том числе деятельности ЧОП Кубанского казачьего войска «Пластуны»: положительно это оценивают 50,7% респондентов, скорее положительно – 41,1%; скорее отрицательно и полностью отрицательно – в сумме 8,2%.

Не видит учащаяся молодежь особых проблем во владении Кубанским казачьим войском крупными земельными угодьями сельскохозяйственного назначения (положительно и скорее положительно к этому относятся 79,8% опрошенных, скорее отрицательно и отрицательно – 20,2%). К участию представителей Кубанского казачьего войска в деятельности органов местного самоуправления в сумме позитивно относится 76,7% студентов (41,1% – положительно, 35,6% – скорее положительно), негативно – 23,3% (в том числе скорее отрицательно 11% и отрицательно 12,3%).

Наличие непрерывного казачьего образования (детские сады, казачьи классы, кадетские корпуса и т.д.) воспринимается

положительно 75,1% респондентов, отрицательно – 24,9%. С наибольшим сомнением молодежь относится к идее введения в регионе казачьей формы местного самоуправления – атаманского правления (положительно и скорее положительно об этом высказываются 66,5% опрошенных, скорее отрицательно и отрицательно 33,5%).

Опрос показал, что у респондентов нет единства мнений об уровне авторитета казачьих организаций у населения в их местности. 58,9% студентов в большей или меньшей степени считают, что этот авторитет у казачества есть. Не уверены в том, что казачьи объединения пользуются авторитетом у местных 27,3% респондентов. Остальные 13,7% затруднились ответить на вопрос.

Доверие и авторитет казачьим организациям региона может стать основой для дальнейшего интереса и взаимодействия с ними со стороны молодежи. Согласно данным, представленным в таблице 5, респонденты демонстрируют в большей степени пассивную позицию. Показывая интерес к истории и современности казачества, студенты в меньшей степени готовы участвовать в деятельности, мероприятиях казачьего войска.

Таблица 5. Планы молодежи в отношении казачества, %

Хотели бы Вы в будущем...	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет
пополнить ряды казаков	12,3	16,4	23,3	47,9
чтоб Ваши дети посещали казачьи сады, классы	11	19,2	37	32,9
принять участие в проводимых казачьими организациями мероприятиях	24,7	24,7	24,7	26
узнать больше о деятельности Кубанского казачьего войска	31,5	32,9	16,4	19,2
познакомится с культурой и историей казачества	45,2	23,3	13,7	17,8

Таким образом, кубанское казачество на современном этапе развития региона остается значимым этнополитическим фактором. Активная позиция казачьих организаций с одной стороны может способствовать развитию края, решению назревших в обществе проблем, с другой неоднозначная трактовка роли современного казачества может дестабилизировать ситуацию.

Библиографический список

1. Баранов А.В. Роль кубанского казачества в этнополитических и геополитических процессах в Краснодарском крае // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 80-89.
2. Доклад атамана Кубанского казачьего войска казачьего полковника Власова

А.И. на отчетном сборе по итогам 2022 года // Официальный сайт Кубанского казачьего войска. URL:<https://slavakubani.ru/upload/doklad.pdf> (дата обращения: 5.09.2025).

3. Баранов А.В., Скоробогатов В.В. Этнополитические отношения и их регулирование в приграничных регионах России (на примере Краснодарского края) // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 9(74). С. 13-18.

4. О государственной программе Краснодарского края «Казачество Кубани» и признании утратившими силу отдельных постановлений главы администрации (губернатора) Краснодарского края: постановление Глава администрации (губернатор) Краснодарского края от 16 ноября 2015 года № 1037. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430655711> (дата обращения: 5.09.2025).

5. На особом положении, или Зачем Кубани нужны казаки 20 января 2016 // ФедералПресс. URL: <https://fedpress.ru/news/society/reviews/1453278565-na-osobom-polozhenii-ili-zachem-kubani-nuzhny-kazaki> (дата обращения: 5.09.2025).

6. Филимонов С. «Казачье образование» как инструмент тотального «оказачивания» Кубани и обособления Краснодарского края от России // Суть времени. 2019. № 356. 7 декабря. URL:<https://rossaprimavera.ru/article/ed69b3f2> (дата обращения: 7.09.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян Ваэ Гагикович, к. истор. наук, преподаватель, Институт востоковедения, Российско-Армянский (Славянский) Университет, г. Ереван, Республика Армения

Араловец Наталья Аркадьевна, д. истор. наук; ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Ариничев Семен Дмитриевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Бадалян Ника Гегамовна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, Республика Армения

Баранов Андрей Владимирович, д. полит. наук, д. истор. наук, профессор каф. политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия.

Безрученко Марина Павловна, к. истор. наук, доцент кафедра зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Беловолов Валерий Александрович, д. пед. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск, Россия

Беловолова Светлана Павловна, д. пед. наук, профессор, профессор кафедры общественных наук, Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Новосибирск, Россия

Бянкина Анна Михайловна, ст. преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Международного факультета права и бизнеса ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», член Читинской городской ассоциации коренных малочисленных народов Севера, г. Чита, Россия

Велиева Жасмина Романовна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Самаке Гауссу, доктор филологии, профессор кафедры русского языка Университета литературы, языков и гуманитарных наук, Бамако, Мали

Давлатова Елена Валентиновна, к. истор. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурных исследований Института философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Демихов Антон Олегович, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Диалло Мохамед Сулейман, доктор, мастер-ассистент, Институт университетской педагогики Бамако, Мали

Диарра Бакари, докторант докторской Школы права, экономики, социальных наук, литературы и искусств (ED-DESSLA) Бамако, Мали

Донцова Мария Владимировна, к. соц. наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, г. Краснодар, Россия

Евсин Михаил Игоревич, директор, МБОУ СОШ №15 им. А.А. Салько станицы Бузиновской, Краснодарского края, Россия

Жаде Зуриет Анзауровна, д. полит. наук, профессор, зав. каф. теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Россия

Жиромская Валентина Борисовна, д. истор. н., академик РАН, Лауреат премии РАН им. В.О.Ключевского, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения истории территории и населения России РАН (ИРИ РАН); профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Измайлова Анастасия Николаевна, к. истор. наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Казак Олег Геннадьевич, к. истор. наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь

Камара Ишака, д. социол. наук, профессор, Институт университетской педагоги, Бамако, Мали

Карапетян Лева Александрович, д. истор. наук, профессор, Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар, Россия

Ким Полина Олеговна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Коваленко Валерия Владимировна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Коледа Инна Владимировна, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Беларусь

Косов Александр Петрович, к. истор. наук, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, г. Витебск, Беларусь

Кочергин Алексей Анатольевич, независимый исследователь, г. Краснодар, Россия

Красинец Евгений Семенович, к. экон. наук, заведующий лабораторией миграционных исследований, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия

Красовицкая Тамара Юсуфовна, д. истор. наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

Крупко Анатолий Эмануилович, к. геогр. наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Крючек Петр Степанович, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой истории Беларуси и политологии, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

Кубанова Лиана Владимировна, к. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, г. Черкесск, Россия

Кулибали Усман, к. педаг. наук, заведующий кафедрой русского языка, Высшая Нормальная Школа, Бамако, Мали.

Кумпан Вадим Александрович, к. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ, г. Краснодар, Россия

Кумпан Екатерина Николаевна, к. истор. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лавров Сергей Мырадович, аспирант кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, Туркмения

Ланмейнг Мвондо Дебора, аспирант кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, Республика Камерун

Левченко Даниил Олегович, старший преподаватель кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Лунёв Роман Сергеевич, преподаватель СПб ГБПОУ «Академия управления городской средой, градостроительства и печати», г. Санкт-Петербург, Россия

Мажаренко Светлана Викторовна, к. пед. наук, доцент кафедры дополнительного образования, Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь, Россия

Мальцева Анастасия Алексеевна, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Старооскольский филиал, учитель ОАНО «Православная гимназия во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского №38», г. Старый Оскол, Россия

Матвеев Денис Евгеньевич, к. пед. наук, заместитель начальника кафедры военной педагогики и психологии, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Медведев Максим Максимович, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Мискин Нахум, аспирант кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, Республика Чад

Миронюк Артём Васильевич, начальник учебной части – заместитель начальника военной кафедры, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

Михайлов Кирилл Михайлович, аспирант кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Молочников Николай Романович, д. экон. наук, профессор, заслуженный профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Мысник Татьяна Георгиевна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Найденова Людмила Петровна, к. истор. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

Намруева Людмила Васильевна, к. соц. наук, доцент, Калмыцкий государственный университете им. Б.Б. Городовикова, обозреватель АУ «РИА «Калмыкия», г. Элиста, Россия

Николаева Людмила Викторовна, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, г. Минск, Беларусь

Никулич Юлия Валерьевна, аспирант кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Острога Валентина Михайловна, к. истор. наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии, Белорусский государственный технологический университет, г. Минск, Беларусь

Пак Руслан Александрович, студент, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Петросян Дмитрий Ильич, к. филос. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ВФ РАНХиГС), г. Владимир, Россия

Послыхалин Михаил Владимирович, студент, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д. истор. наук, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью, институт «Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Республика Крым, г. Симферополь, Россия

Пушкин Игорь Александрович, к. истор. наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий, г. Могилев, Беларусь

Ракачев Вадим Николаевич, д. истор. наук, профессор кафедры социологии, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Романова Снежана Романовна, студентка, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

Руф Анна Андреевна, магистрант, институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Республика Крым, г. Симферополь, Россия

Рябинин Евгений Вадимович, к. полит. наук, доцент, доцент кафедры истории и политологии, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, г. Мариуполь, Россия

Савва Елена Владимировна, к. филос. наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Саманцов Александр Петрович, к. истор. наук, доцент, институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», Республика Крым, г. Симферополь, Россия

Самбуева Арюна Вячеславовна, учитель истории и обществознания, МАОУ СОШ №63, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, Россия

Сергеев Андрей Алексеевич, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Сергеев Всеволод Николаевич, к. истор. наук, доцент, зав. кафедрой, Государственное учреждение образования «Университет гражданской защиты Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», г. Минск, Беларусь.

Середа Артем Сергеевич, магистр истор. наук; учитель средней школы № 3 г. Жабинки, Республика Беларусь.

Сидибе Ламин, доктор социальных и политических наук, независимый исследователь, Бамако, Мали

Скиба Иван Рауфович, младший научный сотрудник, отдел теории познания и методологии науки, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь

Скорик Александр Павлович, д. истор. наук, д. философ. наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Смертин Юрий Григорьевич, д. истор. наук, профессор, зав. кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Супряга Светлана Васильевна, к. филол. наук, доцент, доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Тарасова Тамара Тихоновна, к. соц. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), г. Ростов-на-Дону, Россия

Тимофеев Ростислав Владимирович, к. истор. н., доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь.

Ткачева Татьяна Олеговна, к. истор. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Тюрин Анатолий Матвеевич, к. геол.-минер. наук, доцент, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Уриман Арина Александровна, студентка, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Федина Ирина Михайловна, д. истор. наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Хуако Мариет Асфаровна, аспирант кафедры социологии, преподаватель, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Чернова Анна Михайловна, магистрант, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Шакуева Эвелина Васильевна, студентка, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Щербаков Вячеслав Юрьевич, к. истор. наук, доцент, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Щербина Елена Анатольевна, к. полит. наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия

Юрченко Виктор Михайлович, д. философ. наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Юрченко Инна Вадимовна, д. полит. наук, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, главный научный сотрудник ФИЦ ЮНЦ РАН, г. Краснодар, Россия

Юспа Михаил Михайлович, руководитель Международной общественной организации «Братство белорусов и россиян», г. Минск, Беларусь

Яковлева Ирина Павловна, к. истор. наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Научное издание

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ:

Материалы XI Международной
научно-практической конференции

Публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 20.11.2025. Выход в свет 27.11.2025

Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная

Уч.-изд. л. 37,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Издательско-полиграфический центр
Кубанского государственного университета
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149